

www.eshkolot.ru

צ'ריך עיון
ФЕСТИВАЛЬ
МЕДЛЕННОГО ЧТЕНИЯ
FESTIVAL
OF JEWISH TEXTS & IDEAS

ГРАД ГРЯДУЩИЙ EXPLORING THE FUTURE JERUSALEM

ФЕСТИВАЛЬ МЕДЛЕННОГО ЧТЕНИЯ
ESHKOLOT'S FESTIVAL OF JEWISH TEXTS AND IDEAS

ИЕРУСАЛИМ, 25-30 ИЮНЯ 2014
25-30 JUNE 2014, JERUSALEM, ISRAEL

АНТОЛОГИЯ ТЕКСТОВ к фестивалю медленного чтения

READER

ФЕСТИВАЛИ МЕДЛЕННОГО ЧТЕНИЯ ПРОВОДЯТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
THE GENESIS PHILANTHROPY GROUP, THE ROTHSCHILD FOUNDATION
(HANADIV) EUROPE, CAF, ЧАСТНЫХ СПОНСОРОВ И ФОНДА АВИ ХАЙ

THE ESHKOLOT FESTIVALS ARE SUPPORTED BY THE GENESIS
PHILANTHROPY GROUP, THE ROTHSCHILD FOUNDATION (HANADIV)
EUROPE, CAF, PRIVATE DONORS AND THE AVI CHAI FOUNDATION

СОДЕРЖАНИЕ

FESTIVAL TRACKS

МАТЕРИАЛЫ К ПОТОКУ «ЭСХАТОЛОГИЯ»

STUDY MATERIALS: ESCHATOLOGY _____ 3

Материалы для семинаров Михаила Туваля

Study materials for Michael Tuval's workshops _____ 5

Материалы для семинаров Сержа Рuzера

Study materials for Serge Ruzer's workshops _____ 69

МАТЕРИАЛЫ К ПОТОКУ «МИСТИКА»

STUDY MATERIALS: MYSTICISM _____ 117

Материалы для семинаров Ильи Динеса

Study materials for Ilya Dines's workshops _____ 119

Материалы для семинаров Михаила Шнейдера

Study materials for Michael Schneider's workshops _____ 155

МАТЕРИАЛЫ К ПОТОКУ «УТОПИЯ»

STUDY MATERIALS: UTOPIA _____ 353

Материалы для семинаров Юрия Левинга и Евгения Фишзона

Study materials for Yuri Leving and Yehiel Fishzon's workshops _____ 355

Проект «Эшколот» выражает признательность фондам Avi Chai, Rothschild Foundaton (Hanadiv) Europe, Genesis Philanthropy Group, the Charites Aid Foundaton (CAF), а также частным/анонимным спонсорам, за поддержку Фестиваля медленного чтения и других программ. Проект «Эшколот» выражает особую благодарность Сане Бритавски, директору Genesis Philanthropy Group, и Давиду Розенсону, директору Beit Avi Chai в Иерусалиме, которые совместными усилиями сделали Фестиваль медленного чтения в Иерусалиме возможным.

Eshkolot gratefully acknowledges the support of the Avi Chai Foundaton, the Rothschild Foundaton (Hanadiv) Europe, the Genesis Philanthropy Group, the Charites Aid Foundaton (CAF) and private/anonymous sponsors. In partcular, Eshkolot would like to thank Sana Britavsky, the Executive Director of the Genesis Philanthropy Group, and David Rozenson, the Executive Director of Beit Avi Chai in Jerusalem, whose joint efforts ensured that Eshkolot's Festival in Jerusalem became a reality.

THE ROTHSCHILD
FOUNDATION
(HANADIV) EUROPE

CAF Charities Aid
Foundation

בית אבי חיי
BEIT AVI CHAI

בית אבי חיי
bac.org.il

www.eshkolot.ru

В передаче имен и названий составители Антологии
следовали пожеланиям преподавателей,
сознательно отказавшись от унификации.

МАТЕРИАЛЫ К ПОТОКУ «ЭСХАТОЛОГИЯ»

Материалы для семинаров Михаила Туваля	5
Шмуэль Бет 7:1-29	5
Млахим Алеф 6:11-14, 8:1-66	8
Техиллим 2	15
Берешит 2:4-17	16
Миха 3:1-4:13	17
Йешаяху 2:1-4:6	20
Йешаяху, главы 36-37	24
Млахим Бет 22:1-23:28	30
2 Хроник 34:1-33	35
Йирмияху 21:1-22:9	38
Йирмияху 26	40
Йирмияху 33	43
Хаггай	45
Берешит 14:17-20	49
Техиллим 110	49
Иосиф Флавий, Иудейская война 6.10.1 (6:435-42)	50
Кумранские рукописи, 11QMelchizedek (11Q13, 2)	50
2 (т. н. «Славянская») Книга Еноха. О жене Нира	50
Послание к Евреям 6:13-7:13	52
1 Книга Маккавеев 14:4-15	53
Псалмы Соломона. Псалом 17	54
Псалмы Соломона. Псалом 18	55
Завещание Соломона	55
Деяния Апостолов 1:4-9	56
1 (т. н. «Эфиопская») Книга Еноха 12:1-16:4	57
4 Книга Сивилл	58
5 Книга Сивилл 247-55, 397-433	62
Деяния апостолов 6:8-7:60	63
Евангелие от Марка 13	65
Евангелие от Матфея 24	66
Евангелие от Луки 21	67
Иосиф Флавий, Иудейская война 5.5.4-5 (5:210-19)	67
Прокопий Кесарийский, Война с вандалами 2.9.1-9	68

Материалы для семинаров Сержа Рузера	69
1 Enoch 85–90 (Animal Apocalypse), 1 Енох гл. 85–90	69
1QM 1, 3, 7, Свиток войны сынов света против сынов тьмы (Кумран), кол. 1, 3, 7	80
4QFlorilegium 1, Мидраш о конце времен (Кумран), кол. 1	83
Damascus Document 6, Дамасский документ (Кумран), кол. 6	85
11QTemple Scroll , Храмовый свиток (Кумран)	86
4QpHab 9, Пешер Хаввакук (Кумран), кол. 9	100
4QpNah 2-4 (cf. 4QpIsac 23 ii 10-11), Пешер Нахум (Кумран), кол. 2-4	101
Филон Александрийский, Об аллегорической интерпретации священных законов 1.62	103
Филон Александрийский, О специальных (детальных) законах 1.287–288	104
Послание к Галатам, 4	105
Послание к Евреям, 12:18–24	106
Евангелие от Матфея, 5:33-37	107
Евангелие от Матфея, 23:37-39	107
Евангелие от Луки, 13:31-35	107
Евангелие от Марка, 13	107
Евангелие от Матфея, 24	108
Евангелие от Луки, 21:5-38	109
Книга Деяний, 1, 2, 7	110
Откровение Иоанна, 20–22	113
Мидраш Танхума Пекудей 1	115
Вавилонский Талмуд, Таанит 5а	115

Материалы для семинаров Михаила Тувалья*

Шмуэль Бет 7:1-29. 1 Когда царь [Давид] жил в доме своем, и Яхве успокоил его от всех окрестных врагов его, 2 тогда сказал царь пророку Натану: вот, я живу в доме кедровом, а ковчег божий находится под шатром. 3 И сказал Натан царю: все, что у тебя на сердце, иди, делай; ибо Яхве с тобою. 4 Но в ту же ночь было слово Яхве к Натану: 5 пойдя, скажи рабу моему Давиду: так говорит Яхве: ты ли построишь мне дом для моего обитания, 6 когда я не жил в доме с того времени, как вывел сынов Израилевых из Египта, и до сего дня, но переходил в шатре и в скинии? 7 Где я ни ходил со всеми сынами Израиля, говорил ли я хотя слово какому-либо из колен, которому я назначил пасти народ мой Израиля: «почему не постройте мне кедрового дома»? 8 И теперь так скажи рабу моему Давиду: так говорит Яхве-Саваоф: Я взял тебя от стада овец, чтобы ты был вождем народа моего, Израиля; 9 и был с тобою везде, куда ни ходил ты, и истребил всех врагов твоих пред лицом твоим, и сделал имя твое большим, как имя больших на земле. 10 И я устрою место для народа моего, для Израиля, и укореню его, и будет он спокойно жить на месте своем, и не будет тревожиться больше, и люди нечестивые не станут более теснить его, как прежде, 11 с того времени, как я поставил судей над народом моим, Израилем; и я успокою тебя от всех врагов твоих. И Яхве возвещает тебе, что он устроит тебе дом. 12 Когда же исполнятся дни твои, и ты почиешь с отцами твоими, то я восставлю после тебя семя твое, которое произойдет из чресл твоих, и упрочу царство его. 13 Он построит дом имени моему, и я утвержу престол царства его на веки. 14 Я буду ему отцом, и он будет мне сыном; и если он согрешит, я накажу его жезлом мужей и ударами сынов человеческих; 15 но милости моей не отниму от него, как я отнял от Шауля, которого я отверг пред лицом твоим. 16 И будет непоколебим дом твой и царство твое на веки пред лицом моим, и престол твой устоит во веки. 17 Все эти слова и все это видение Натан пересказал Давиду. 18 И пошел царь Давид, и предстал пред лицом Яхве, и сказал: кто я, Адонай Яхве, и что такое дом мой, что ты меня так возвеличил! 19 И этого еще мало показалось в очах твоих, Адонай Яхве; но ты возвестил еще о доме раба твоего вдаль. Это уже по-человечески, Адонай Яхве! 20 Что еще может сказать тебе Давид? Ты знаешь раба твоего, Адонай Яхве! 21 Ради слова твоего и по сердцу твоему ты делаешь это, открывая все это великое рабу твоему. 22 По всему велик ты, Адонай Яхве! ибо нет подобного тебе и нет бога, кроме тебя, по всему, что слышали мы своими ушами. 23 И кто подобен народу твоему, Израилю, единственному народу на земле, для которого приходил бог, чтобы приобрести его себе в народ и прославить свое имя и совершить великое и страшное пред народом твоим, который ты приобрел себе от Египтян, изгнав народы и богов их? 24 И ты укрепил за собою народ твой, Израиля, как собственный народ, на веки, и ты, Яхве, сделался его богом. 25 И ныне, Яхве-бог, утверди на веки слово, которое изрек ты о рабе твоем и о доме его, и исполни то, что ты изрек. 26 И да возвеличится имя твое во веки, чтобы говорили: «Яхве-Саваоф - бог над Израилем». И дом раба твоего Давида да будет тверд пред лицом твоим. 27 Так как ты, Яхве-Саваоф, бог Израиля, открыл рабу твоему, говоря: «устрою тебе дом», то раб твой уготовал сердце свое, чтобы молиться тебе такою молитвою. 28 Итак, Адонай Яхве - ты бог, и слова твои непреложны, и ты возвестил рабу твоему такое благо! 29 И ныне начни и благослови дом раба твоего, чтоб он был вечно пред лицом твоим, ибо ты, Адонай Яхве, возвестил это, и благословением твоим соделается дом раба твоего благословенным во веки.

* Составление, перевод и редакция текстов — Михаил Туваль.

7 ¹ וַיְהִי כִּי-יָשָׁב הַמֶּלֶךְ בְּבֵיתוֹ וַיִּהְיֶה^a הַנִּיחַ-לוֹ^a מִסָּבִיב מִכָּל-
² אֲבִיו: ² וַיֹּאמֶר הַמֶּלֶךְ אֶל-נָתָן הַנָּבִיא רְאֵה נָא אֲנֹכִי יוֹשֵׁב בְּבֵית
³ אַרְזִים וְאַרְזֵי הָאֱלֹהִים יֹשֵׁב בְּתוֹךְ תִּירֵיעָה: ³ וַיֹּאמֶר נָתָן אֶל-הַמֶּלֶךְ
⁴ כָּל אֲשֶׁר בָּלָבָבָךָ לָךְ^a עֲשֵׂה^b כִּי יִהְיֶה עִמָּךְ: ⁴ וַיְהִי בַלַּיְלָה
⁵ הַהוּא^a וַיְהִי דְבַר-יְהוָה אֶל-נָתָן לֵאמֹר: ⁵ לָךְ וַאֲמַרְתָּ אֶל-עַבְדֵי
⁶ אֱלֹהֵי-דָוִד כֹּה אָמַר יְהוָה הַאֲתָה^c תִּבְנֶה-לִּי בַיִת לְשִׁבְתִּי: ⁶ כִּי לֹא
⁷ יִשְׁבְּתִי בְּבַיִת לְמִיּוֹם הָעֹלָתִי אֶת-בְּנֵי יִשְׂרָאֵל מִמִּצְרַיִם^a וְעַד הַיּוֹם
⁷ הַזֶּה וְאַהְיֶה מִתְהַלֵּךְ בְּאַהֲלִי וּבְמִשְׁכְּנִי: ⁷ בְּכָל אֲשֶׁר-הִתְהַלַּכְתִּי
⁸ בְּכָל-בְּנֵי יִשְׂרָאֵל הַדְּבָר^c דִּבַּרְתִּי אֶת-אַחֲדֵי שְׁבַטֵי יִשְׂרָאֵל אֲשֶׁר
⁸ צִוִּיתִי לְרֵעוֹת אֶת-עַמִּי אֶת-יִשְׂרָאֵל לֵאמֹר לָמָּה לֹא-בְנִיתֶם לִי בַיִת
⁸ אַרְזִים: ⁸ וְעַתָּה כֹּה-תֹאמְרוּ לְעַבְדֵי דָוִד כֹּה אָמַר יְהוָה צְבָאוֹת
⁹ אֲנִי לָקַחְתִּיךָ מִן-הַנָּחַל מֵאַחֲרֵי הַצֹּאן לְהִנּוֹחַ נָגִיד^c עַל-עַמִּי^d עַל-
⁹ יִשְׂרָאֵל: ⁹ וְאַהְיֶה עִמָּךְ בְּכָל אֲשֶׁר תֵּלַכְתָּ וְאַכְרַתָּה אֶת-כָּל-אֲבִיךָ
¹⁰ מִפְּנֵיךָ וְעָשִׂיתִי לָךְ שֵׁם גָּדוֹל^a כְּשֵׁם הַגְּדֹלִים אֲשֶׁר בָּאָרֶץ: ¹⁰ וְשִׁמְתִי
¹¹ מָקוֹם לְעַמִּי לְיִשְׂרָאֵל וְנִטְעַתִּיו וְשָׁכַן תַּחְתָּיו וְלֹא יִרְגַּז עוֹד וְלֹא-
¹¹ יִסִּיפוּ בְנֵי-עוֹלָה לְעֵנֹתוֹ כַּאֲשֶׁר בְּרֹאשׁוֹנָה: ¹¹ וְלִמְן^a הַיּוֹם^b אֲשֶׁר
¹² צִוִּיתִי שְׁפָטִים עַל-עַמִּי יִשְׂרָאֵל וַהֲנִיחְתִּי לָךְ מִכָּל-אֲבִיךָ וְהִגִּיד^c
¹² לָךְ יְהוָה כִּי-בַיִת יַעֲשֶׂה-לָּךְ יְהוָה: ¹² כִּי יִמְלְאוּ יָמֶיךָ וְשָׁכַבְתָּ
¹³ אֶת-אֲבֹתֶיךָ וְהִקְיַמְתִּי אֶת-זִרְעֶךָ אַחֲרֶיךָ אֲשֶׁר יֵצֵא מִמֶּעֶיךָ וְהָכִינְתִּי
¹³ אֶת-מַמְלַכְתּוֹ: ¹³ הוּא^a יִבְנֶה-בַיִת לְשִׁמִּי וְכִנֵּנְתִּי אֶת-כִּסֵּא מַמְלַכְתּוֹ
¹⁴ עַד-עוֹלָם: ¹⁴ אֲנִי אֶהְיֶה-לוֹ לְאָב וְהוּא יִהְיֶה-לִּי לְבֵן אֲשֶׁר בְּתַעֲוֹתָי^a

² מִט מל בנביא
³ ח מנה בסוף

⁴ 55
⁵ ב חס וחד מל . ג

ב . בה

ל . ל . כא פסוק על על
ומילה חרה ביניה

ל וחס

ט בליש ול חס ו . ג . כב
ח' מנה מל . ח ול בליש

ו כת כף

ל' . ב וחס' . ב

15 וְהִכְחַתִּיו בְּשֹׁבֵט אַנְשֵׁים וּבְנֹנְעֵי בְנֵי אָדָם: 15 וְחִסְדֵי לֹא־יָסוּר מִמֶּנּוּ
 כַּאֲשֶׁר הִסְרֹתִי מִמֶּעַם שְׂאוּל אֲשֶׁר הִסְרֹתִי מִלְּפָנֶיךָ^ב: 16 וְנֶאֱמַן בֵּיתְךָ ס
 וּמִמְלַכְתְּךָ עַד־עוֹלָם לְפָנֶיךָ^א כִּסְאֶךָ^ב יִהְיֶה נֶכּוֹן עַד־עוֹלָם: 17 כָּכֹל
 הַדְּבָרִים הָאֵלֶּה וּכְכֹל הַחֲזוֹנֵי הַזֶּה כֵּן דַּבֵּר נָתַן אֶל־דָּוִד: ס
 18 וַיָּבֹא הַמֶּלֶךְ דָּוִד וַיָּשָׁב לִפְנֵי יְהוָה וַיֹּאמֶר מִי אֲנִי אֲדֹנָי יְהוִה
 וּמִי בֵיתִי כִּי הֵבִיאָתָנִי עַד־הַלָּם: 19 וַתִּקְטַן עוֹד^א זָאת בְּעֵינֶיךָ אֲדֹנָי
 יְהוִה וַתִּדְבַר גַּם^ב אֶל־בֵּית־עַבְדְּךָ לְמַרְחֹק וְזֹאת תּוֹרַת הָאָדָם אֲדֹנָי
 יְהוִה: 20 וּמַה־יֹּסִיף^א דָּוִד עוֹד^א לְדַבֵּר אֵלֶיךָ וְאַתָּה יָדַעְתָּ אֶת־עַבְדְּךָ
 אֲדֹנָי יְהוִה: 21 בְּעַבּוֹר דְּבָרְךָ^א וּכְלַבְּךָ עָשִׂיתָ אֶת כָּל־הַגְּדוּלָּה הַזֹּאת
 לְהוֹדִיעַ אֶת־עַבְדְּךָ: 22 עַל־כֵּן גָּדַלְתָּ אֲדֹנָי יְהוִה^א כִּי־אִין כְּמוֹךָ
 וְאִין אֱלֹהִים זֹולָתְךָ בְּכָל^ב אֲשֶׁר־שָׁמַעְנוּ בְּאֹזְנֵינוּ: 23 וּמִי כְעַמְּךָ^א
 כִּישְׂרָאֵל^א גּוֹי אֶחָד^ב בְּאָרֶץ אֲשֶׁר הִלְכוּ אֱלֹהִים לְפָדוֹת־לוֹ לְעַם
 וְלָשׁוּם לֹו^א שֵׁם וְלַעֲשׂוֹת לָכֶם^א הַגְּדוּלָּה וְנִרְאוֹת לְאַרְצְךָ^א מִמִּפְנֵי עַמְּךָ^ב
 אֲשֶׁר פָּדִיתָ לָךְ מִמִּצְרַיִם^א גּוֹיִם וְאַלְהֵיוֹ: 24 וַתִּכְוֶנֶן לָךְ אֶת־עַמְּךָ
 יִשְׂרָאֵל וְלָךְ^א לְעַם עַד־עוֹלָם וְאַתָּה יְהוָה הִייתָ לָהֶם לֵאלֹהִים: ס
 25 וְעַתָּה^א בִּיהְנוּה אֱלֹהִים^ב הַדְּבַר אֲשֶׁר דִּבַּרְתָּ עַל־עַבְדְּךָ וְעַל־בֵּיתוֹ
 הַקָּטָן עַד־עוֹלָם וַעֲשֵׂה כַּאֲשֶׁר דִּבַּרְתָּ: 26 וַיִּגְדַּל שִׁמְךָ עַד־עוֹלָם
 לֵאמֹר יְהוָה צְבָאוֹת אֱלֹהִים עַל־יִשְׂרָאֵל וּבֵית^א עַבְדְּךָ דָּוִד יִהְיֶה
 נָכוֹן לְפָנֶיךָ: 27 כִּי־אַתָּה יְהוָה צְבָאוֹת אֱלֹהֵי יִשְׂרָאֵל גָּלִיתָ אֶת־
 אֲזִן עַבְדְּךָ לֵאמֹר בַּיִת אֶבְנֶה־לָּךְ עַל־כֵּן מִצָּא עַבְדְּךָ אֶת־לְבוֹ

ל. ו. וכל
 חלים ומשלי דכות ב מב
 ג. ח
 14. י. ב. ל.
 ב. חס. לא. ג.
 ס. יס. מנה בסיפ
 ח. כה.
 ל. בסיפ. 16. 17. כז בטע
 ח. מנה בליש
 ג. ד. ג. מל וחד חס
 ה. כח בנביא. 19. מ"פ אין
 ואין וכל ר"פ דכות ב מב
 א. כח כן ופליג. 20.
 ו. ל. בסיפ.
 ל. בסיפ. 21. ל. בסיפ.
 ג. ל. בסיפ. 21. ה. 22.
 ד. ג. מל וחד חס. ב. כח בך.

28 לְהַתְּפִלֵּל אֵלֶיךָ^א אֶת־הַתְּפִלָּה הַזֹּאת: 28 וְעַתָּה^א אֲדֹנָי יְהוִה^א אַתָּה־^ב 27.
 הוּא הָאֱלֹהִים וְדַבְרֶיךָ יְהִיו אָמֶת וַתִּדְבַּר^א אֶל־עַבְדְּךָ אֶת־הַטּוֹבָה^א 28.
 הַזֹּאת: 29 וְעַתָּה הוֹאֵל^א וּכְרָךְ אֶת־בַּיִת עַבְדְּךָ לְהִיזֹת לְעוֹלָם 29.
 לְפָנֶיךָ כִּי־אַתָּה^א אֲדֹנָי יְהוִה^א דִּבַּרְתָּ וּמִבְרַכְתְּךָ יְבָרְךָ בַּיִת־עַבְדְּךָ
 לְעוֹלָם: פ

Млахим Алеф 6:11-14, 8:1-66. 6:11 И было слово Яхве к Соломону, и сказано ему: 12 вот, ты строишь храм; если ты будешь ходить по уставам моим, и поступать по определениям моим и соблюдать все заповеди мои, поступая по ним, то я исполню на тебе слово мое, которое я сказал Давиду, отцу твоему, 13 и буду жить среди сынов Израилевых, и не оставлю народа моего Израиля. 14 И построил Соломон храм и кончил его.

Глава 8. 1 Тогда созвал Соломон старейшин Израилевых и всех начальников колен, глав поколений сынов Израилевых, к царю Соломону в Иерусалим, чтобы перенести ковчег завета Яхве из города Давидова, то есть Сиона. 2 И собрались к царю Соломону на праздник все израильтяне в месяце Этаним, который есть седьмой месяц. 3 И пришли все старейшины Израилевы; и подняли жрецы ковчег, 4 и понесли ковчег Яхве и скинию собрания и все священные вещи, которые были в скинии; и несли их жрецы и левиты. 5 А царь Соломон и с ним все общество Израилево, собравшееся к нему, шли пред ковчегом, принося жертвы из мелкого и крупного скота, которых невозможно исчислить и определить, по множеству их. 6 И внесли жрецы ковчег завета Яхве на место его, в двор храма, во Святое Святых, под крылья херувимов. 7 Ибо херувимы простирали крылья над местом ковчега, и покрывали херувимы сверху ковчег и шести его. 8 И выдвинулись шести так, что головки шестов видны были из святилища пред двором, но не выказывались наружу; они там и до сего дня. 9 В ковчеге ничего не было, кроме двух каменных скрижалей, которые положил туда Моисей на Хореве, когда Яхве заключил завет с сынами Израилевыми, по ишествии их из земли Египетской. 10 Когда жрецы вышли из святилища, облако наполнило дом Яхве; 11 и не могли жрецы стоять на служении, по причине облака, ибо слава Яхве наполнила храм Яхве. 12 Тогда сказал Соломон: Яхве сказал, что он благоволит обитать во мгле; 13 я построил храм в жилище тебе, место, чтобы пребывать тебе во веки. 14 И обратился царь лицом своим, и благословил все собрание Израильтян; все собрание Израильтян стояло, - 15 и сказал: благословен Яхве бог Израилев, который сказал своими устами Давиду, отцу моему, и ныне исполнил рукою своею! Он говорил: 16 «с того дня, как я вывел народ мой Израиля из Египта, я не избрал города ни в одном из колен Израилевых, чтобы построен был дом, в котором пребывало бы имя мое; и избрал Давида, чтобы быть ему над народом моим Израилем». 17 У Давида, отца моего, было на сердце построить храм имени Яхве, бога Израилева; 18 но Яхве сказал Давиду, отцу моему: «у тебя есть на сердце построить храм имени моему; хорошо, что это у тебя лежит на сердце; 19 однако не ты построишь храм, а сын твой, ишедший из чресл твоих, он построит храм имени моему». 20 И исполнил Яхве слово свое, которое изрек. Я вступил на место отца моего Давида и сел на престоле Израилевом, как сказал Яхве, и построил храм имени Яхве бога Израилева; 21 и приготовил там место для ковчега, в котором завет Яхве, заключенный им с отцами нашими, когда он вывел их из земли египетской. 22 И стал Соломон пред жертвенником Яхве впереди всего собрания израильтян, и воздвиг руки свои к небу, 23 и сказал: Яхве, бог Израилев! нет подобного тебе бога на небесах вверху и на земле внизу; ты хранишь завет и милость к рабам твоим, ходящим пред тобою всем сердцем своим. 24 Ты исполнил рабу твоему Давиду, отцу моему, что говорил ему; что изрек ты устами твоими, то в сей день совершил рукою твоею. 25 И ныне, Яхве, бог Израилев, исполни рабу твоему Давиду, отцу моему, то, что говорил ты ему, сказав: «не прекратится у тебя пред лицом моим сидящий на престоле Израилевом, если только сыновья твои будут держаться пути своего, ходя предо мною так, как ты ходил предо мною». 26 И ныне, боже Израилев, да будет верно слово твое, которое ты изрек рабу твоему Давиду, отцу моему! 27 Поистине, богу ли жить на земле? Небо и небо небес не вмещают тебя, тем менее сей храм, который я построил. 28 но призри на молитву раба твоего и на прошение его, Яхве, бог мой; услышь воззвание и молитву, которою раб твой умоляет тебя ныне. 29 Да будут очи твои отверсты на храм сей день и ночь, на сие место, о котором ты сказал: «Мое имя будет там»; услышь молитву, которою будет молиться раб твой на месте сем. 30 Услышь моление раба твоего и народа твоего Израиля, когда они будут молиться на месте сем; услышь на месте обитания твоего, на небесах, услышь и помилуй. 31 Когда кто согрешит против ближнего своего, и потребует от него клятвы, чтобы он поклялся, и для клятвы придут пред жертвенник твой в храм сей, 32 тогда ты услышь с неба и произведи суд над рабами твоими, обвини виновного, возложив поступок его на голову его, и оправдай правого, воздав ему по правде его. 33 Когда народ твой Израиль будет поражен неприятелем за то, что согрешил пред тобою, и когда они обратятся к тебе, и исповедают имя твое, и будут просить и умолять тебя в сем храме, 34 тогда ты услышь с неба и прости грех народа твоего Израиля, и возврати их в землю, которую ты дал отцам их. 35 Когда заключится небо и не будет дождя за то, что они согрешат пред тобою, и когда помолятся на месте сем и исповедают имя твое и обратятся от греха своего, ибо ты

смирил их, 36 тогда услышь с неба и прости грех рабов твоих и народа твоего Израиля, указав им добрый путь, по которому идти, и пошли дождь на землю твою, которую ты дал народу твоему в наследие. 37 Будет ли на земле голод, будет ли моровая язва, будет ли палящий ветер, ржавчина, саранча, червь, неприятель ли будет теснить его в земле его, будет ли какое бедствие, какая болезнь, - 38 при всякой молитве, при всяком прошении, какое будет от какого-либо человека во всем народе твоем Израиле, когда они почувствуют бедствие в сердце своем и прострут руки свои к храму сему, 39 ты услышь с неба, с места обитания твоего, и помилуй; соделай и воздай каждому по путям его, как ты усмотришь сердце его, ибо ты один знаешь сердце всех сынов человеческих: 40 чтобы они боялись тебя во все дни, доколе живут на земле, которую ты дал отцам нашим. 41 Если и иноплеменник, который не от твоего народа Израиля, придет из земли далекой ради имени твоего, - 42 ибо и они услышат о твоем имени великом и о твоей руке сильной и о твоей мышце простертой, - и придет он и помолится у храма сего, 43 услышь с неба, с места обитания твоего, и сделай все, о чем будет взывать к тебе иноплеменник, чтобы все народы земли знали имя твое, чтобы боялись тебя, как народ твой Израиль, чтобы знали, что именем твоим называется храм сей, который я построил. 44 Когда выйдет народ твой на войну против врага своего путем, которым ты пошлешь его, и будет молиться Яхве через город, который ты избрал, и [через] храм, который я построил имени твоему, 45 тогда услышь с неба молитву их и прошение их и сделай, что потребно для них. 46 Когда они согрешат пред тобою, - ибо нет человека, который не грешил бы, - и ты прогневаешься на них и предашь их врагам, и пленившие их отведут их в неприятельскую землю, далекую или близкую; 47 и когда они в земле, в которой будут находиться в плену, войдут в себя и обратятся и будут молиться тебе в земле пленивших их, говоря: «мы согрешили, сделали беззаконие, мы виновны»; 48 и когда обратятся к тебе всем сердцем своим и всю душу свою в земле врагов, которые пленили их, и будут молиться тебе, через землю свою, которую ты дал отцам их, через город, который ты избрал, и через храм который я построил имени твоему, 49 тогда услышь с неба, с места обитания твоего, молитву и прошение их и сделай, что потребно для них; 50 и прости народу твоему, в чем он согрешил пред тобою, и все проступки его, которые он сделал пред тобою, и возбуди сострадание к ним в пленивших их, чтобы они были милостивы к ним: 51 ибо они твой народ и твой удел, который ты вывел из Египта, из железной печи. 52 Да будут очи твои отверсты на молитву раба твоего и на молитву народа твоего Израиля, чтобы слышать их всегда, когда они будут призывать тебя, 53 ибо ты отделил их себе в удел из всех народов земли, как ты изрек чрез Моисея, раба твоего, когда вывел отцов наших из Египта, господь Яхве! 54 Когда Соломон произнес все сие моление и прошение к Яхве, тогда встал с колен от жертвенника Яхве, руки же его были распостерты к небу. 55 И стоя благословил все собрание израильтян, громким голосом говоря: 56 благословен Яхве, который дал покой народу своему Израилю, как говорил! не осталось неисполненным ни одного слова из всех благих слов его, которые он изрек чрез раба своего Моисея; 57 да будет с нами Яхве бог наш, как был он с отцами нашими, да не оставит нас, да не покинет нас, 58 наклоня к себе сердце наше, чтобы мы ходили по всем путям его и соблюдали заповеди его и уставы его и законы его, которые он заповедал отцам нашим; 59 и да будут слова сии, которыми я молился пред Яхве, близки к Яхве богу нашему день и ночь, дабы он делал, что потребно для раба своего, и что потребно для народа своего Израиля, изо дня в день, 60 чтобы все народы познали, что господь есть бог и нет кроме его; 61 да будет сердце ваше вполне предано Яхве богу нашему, чтобы ходить по уставам его и соблюдать заповеди его, как ныне. 62 И царь и все израильтяне с ним принесли жертву Яхве. 63 И принес Соломон в мирную жертву, которую принес он Яхве, двадцать две тысячи крупного скота и сто двадцать тысяч мелкого скота. Так освятили храм Яхве царь и все сыны Израилевы. 64 В тот же день освятил царь среднюю часть двора, который пред храмом Яхве, совершив там всесожжение и хлебное приношение и вознеся тук мирных жертв, потому что медный жертвенник, который пред Яхве, был мал для помещения всесожжения и хлебного приношения и тука мирных жертв. 65 И сделал Соломон в это время праздник, и весь Израиль с ним, - большое собрание, сошедшееся от входа в Хамат до реки Египетской пред Яхве, богом нашим; - семь дней и еще семь дней, четырнадцать дней. 66 В восьмой день Соломон отпустил народ. И благословили царя и пошли в шатры свои, радуясь и веселясь в сердце о всем добром, что сделал Яхве рабу своему Давиду и народу своему Израилю.

11 וַיְהִי דְבַר־יְהוָה אֶל־שְׁלֹמֹה לֵאמֹר: ¹² הַבַּיִת הַזֶּה אֲשֶׁר־אַתָּה
 בָּנָה אִם־תִּלְךָ בְּחֻקֹּתַי וְאֶת־מִשְׁפָּטַי תַּעֲשֶׂה וְשָׁמַרְתָּ אֶת־כָּל־מִצְוֹתַי
 לִלְכַת בָּהֶם וְהִקְמַתִי אֶת־דְּבָרִי אִתְּךָ אֲשֶׁר דִּבַּרְתִּי אֶל־דָּוִד אָבִיךָ: ¹³
 וְשָׁכַנְתִּי בְּתוֹךְ בְּנֵי יִשְׂרָאֵל וְלֹא אֶעְזֹב אֶת־עַמִּי יִשְׂרָאֵל: ¹⁴
 וַיְבַן שְׁלֹמֹה אֶת־הַבַּיִת וַיְכַלֶּהוּ: ¹⁵ וַיְבַן אֶת־קִירוֹת הַבַּיִת מִבְּיַתְהוֹ: ¹⁶

8 אַז יִקְתַּל שְׁלֹמֹה אֶת־זַקְנֵי יִשְׂרָאֵל אֶת־כָּל־רֵאשֵׁי הַמַּטּוֹת ⁸
 נְשִׂאֵי הָאָבוֹת לְבְנֵי יִשְׂרָאֵל אֶל־הַמֶּלֶךְ שְׁלֹמֹה יְרוּשָׁלַם לְהַעֲלוֹת
 אֶת־אֲרוֹן בְּרִית־יְהוָה מֵעִיר דָּוִד הִיא צִיּוֹן: ² וַיִּקְהָלוּ אֶל־הַמֶּלֶךְ ²
 שְׁלֹמֹה כָּל־אִישׁ יִשְׂרָאֵל בִּירְחַח הָאֲתָנָיִם בְּחָג הוּא הַחֹדֶשׁ הַשְּׁבִיעִי:

3 וַיָּבֹאוּ כָּל זַקְנֵי יִשְׂרָאֵל וַיִּשְׂאוּ הַכֹּהֲנִים אֶת־הָאֲרוֹן: ⁴ וַיַּעֲלוּ ⁵
 אֶת־אֲרוֹן יְהוָה וְאֶת־אֹהֶל מוֹעֵד וְאֶת־כָּל־כְּלֵי הַקֹּדֶשׁ אֲשֶׁר בָּאֹהֶל ⁶
 וַיַּעֲלוּ אֹתָם הַכֹּהֲנִים וְהַלְוִיִּם: ⁵ וְהַמֶּלֶךְ שְׁלֹמֹה וְכָל־עַדְתֵּי יִשְׂרָאֵל ⁷
 הַנוֹעְדִים עָלָיו אֹתוֹ לִפְנֵי הָאֲרוֹן מִזִּבְחִים צֹאן וּבָקָר אֲשֶׁר לֹא־
 יִסְפְּרוּ וְלֹא יִמְנוּ מְרֹב: ⁶ וַיָּבֹאוּ הַכֹּהֲנִים אֶת־אֲרוֹן בְּרִית־יְהוָה ⁷
 אֶל־מְקוֹמוֹ אֶל־דְּבִיר הַבַּיִת אֶל־קֹדֶשׁ הַקֹּדְשִׁים אֶל־תַּחַת כְּנָפֵי
 הַכְּרוּבִים: ⁷ כִּי הַכְּרוּבִים פָּרְשִׁים כְּנָפִים אֶל־מְקוֹם הָאֲרוֹן וַיִּסְכּוּ ⁸
 הַכְּרוּבִים עַל־הָאֲרוֹן וְעַל־בְּדָיו מִלְמַעְלָה: ⁸ וַיֵּאָרְכוּ הַבַּדִּים וַיִּרְאוּ ⁹
 רֵאשֵׁי הַבַּדִּים מִן־הַקֹּדֶשׁ עַל־פְּנֵי הַדְּבִיר וְלֹא יָרְאוּ הַחֹזֶצֶה וַיַּיְהוּ ¹⁰
 שֵׁם עַד הַיּוֹם הַזֶּה: ⁹ אֵין בָּאֲרוֹן רֶכַּע שְׁנֵי לַחֹת הָאָבְנִים אֲשֶׁר הִנֵּחַ ¹¹
 שֵׁם מֹשֶׁה בְּחֻרֵב אֲשֶׁר כָּרַת יְהוָה עִם־בְּנֵי יִשְׂרָאֵל בְּצֵאתָם מֵאֶרֶץ ¹²
 מִצְרָיִם: ¹⁰ וַיְהִי בְּצֵאת הַכֹּהֲנִים מִן־הַקֹּדֶשׁ וְהֵעֲגַן מִלֹּא אֶת־בַּיִת ¹¹
 וְיְהוָה: ¹¹ וְלֹא־יָכְלוּ הַכֹּהֲנִים לַעֲמֹד לְשַׁרְת מִפְּנֵי הָעֲגָן כִּי־מִלֹּא ¹²
 כָּבוֹד־יְהוָה אֶת־בַּיִת יְהוָה: ¹²
 אַז אָמַר שְׁלֹמֹה

יְהוָה אָמַר לִשְׁכֵן בְּעָרְפֶּל:

13 בָּנָה בְּנֵיתִי בַּיִת זָבֵל לָךְ מִכּוֹן לְשִׁבְתֶּךָ עוֹלָמּוֹם: ¹⁴
 וַיִּסֹּב הַמֶּלֶךְ אֶת־פָּנָיו וַיִּבָּרֶךְ אֶת כָּל־קְתָלֵי יִשְׂרָאֵל וְכָל־¹⁵
 קְתָלֵי יִשְׂרָאֵל עָמַד: ¹⁵ וַיֹּאמֶר בְּרוּךְ יְהוָה אֱלֹהֵי יִשְׂרָאֵל אֲשֶׁר דִּבַּר ¹⁶
 בְּפִיו אֶת־דָּוִד אָבִי וּבִידוֹ מִלֹּא לֵאמֹר: ¹⁶ מִן־הַיּוֹם אֲשֶׁר הוֹצֵאתִי ¹⁷
 אֶת־עַמִּי אֶת־יִשְׂרָאֵל מִמִּצְרָיִם לֹא־בְתַרְתִּי בְעִיר מִכָּל־שַׁבָּתַי ¹⁸
 יִשְׂרָאֵל לְבָנוֹת בַּיִת לַהֲיוֹת שְׁמִי שֵׁם וְאֶבְתַּר בְּרוּד לַהֲיוֹת עַל־עַמִּי

ל רכת ה... בסוף, 11

כ ססוק את את ומילה
 חרה בנייה יט מנה
 בנביא, 1

וְאַתָּה תִשְׁמַע אֶל־מִקְוֹם שִׁבְתְּךָ אֶל־הַשָּׁמַיִם וְשָׁמַעְתָּ וְסָלַחְתָּ: ^ה
³¹ אֵת אֲשֶׁר יִחַטֵּא אִישׁ לְרֵעֵהוּ וְנִשְׂאִי־בּוֹ אֱלֹהִים לְהַאֲלִיתוֹ וְכָא אֱלֹהִים ^{ב. ב. חס}
³² לִפְנֵי מִזְבִּיחֶךָ בַּבַּיִת הַזֶּה: ³² וְאַתָּה תִשְׁמַע הַשָּׁמַיִם וְעָשִׂיתָ וְשִׁפְטִיתָ ^{כ. כסני}
³³ לְתַת לּוֹ כְּצַדִּיקוֹ: ³³ וְהָיָה עִמָּךְ יִשְׂרָאֵל לִפְנֵי אוֹיֵב אֲשֶׁר־ ^{ב. ז.}
יִחַטְּאוּ־לָךְ וְשָׁבוּ אֵלֶיךָ וְהוֹדוּ אֶת־שִׁמְךָ וְהִתְפַּלְּלוּ וְהִתְחַנְּנוּ אֵלֶיךָ ^ב
³⁴ בַּבַּיִת הַזֶּה: ³⁴ וְאַתָּה תִשְׁמַע הַשָּׁמַיִם וְסָלַחְתָּ לְחַטָּאת עַמְּךָ יִשְׂרָאֵל ^{לא ר"פ 1 מנה כנביא 1}
³⁵ וְהִשְׁבַּתְתָּם אֶל־הָאָדָמָה אֲשֶׁר נָתַתָּ לְאֲבוֹתָם: ³⁵ בְּהַעֲצֹר ^{ב. חס וחד מל 27}
שָׁמַיִם וְלֹא־יִהְיֶה מָטָר כִּי יִחַטְּאוּ־לָךְ וְהִתְפַּלְּלוּ אֶל־הַמִּקְוֹם הַזֶּה ^ה
³⁶ וְהוֹדוּ אֶת־שִׁמְךָ וּמִחַטָּאתָם יִשׁוּבוּן כִּי תַעֲנֶם: ³⁶ וְאַתָּה תִשְׁמַע ^{ה. 281}
הַשָּׁמַיִם וְסָלַחְתָּ לְחַטָּאת עַבְדֶּיךָ וְעַמְּךָ יִשְׂרָאֵל כִּי תוֹרַם אֶת־הַדֶּרֶךְ ^ו
הַטּוֹבָה אֲשֶׁר יִלְכוּ־בָהּ וְנָתַתָּה מָטָר עַל־אֶרֶץ־יִשְׂרָאֵל אֲשֶׁר־נָתַתָּה לְעַמְּךָ ^ו
לְנַחֲלָה: ³⁷ רָעַב כִּי־יִהְיֶה בְּאֶרֶץ־יִשְׂרָאֵל וְדָבַר כִּי־יִהְיֶה שֶׁדָּפוֹן ^{הי 289, 1 פסוק כי כי כי כי}
יִרְקֹון אַרְבֶּה חֲסִיל כִּי יִהְיֶה כִּי יִצְרֹלוּ אוֹיְבוֹ בְּאֶרֶץ־יִשְׂרָאֵל שְׁעָרָיו כָּל־ ^{ל. ל. ד. ל. מ. ב. סומן 30}
נֶגַע כָּל־מַחֲלָה: ³⁸ כָּל־תְּפִלָּה כָּל־תְּחִנָּה אֲשֶׁר תִּהְיֶה לְכָל־הָאָדָם ^{1 פסוק כל כל ומילה חדה בנייה 31 ו פסוק לכל לכל 27}
לְכָל עַמְּךָ יִשְׂרָאֵל אֲשֶׁר יִדְעוּן אִישׁ נֶגַע לִבּוֹ וּפָרַשׁ כַּפָּיו אֶל־ ²⁷
הַבַּיִת הַזֶּה: ³⁹ וְאַתָּה תִשְׁמַע הַשָּׁמַיִם מִכּוֹן־שִׁבְתְּךָ וְסָלַחְתָּ וְעָשִׂיתָ ^{1 פסוק ואתה אתה 33, 7}
וְנָתַתָּ לְאִישׁ כְּכֹל־דֶּרֶכּוֹ אֲשֶׁר תִּדְרַע אֶת־לִבּוֹ כִּי־אַתָּה יִדְעֵתָ ^{כס חס 29, 31}
לְבַדְּךָ אֶת־לִבּוֹ כָּל־בְּנֵי הָאָדָם: ⁴⁰ לְמַעַן יִרְאוּךָ כָּל־הַיָּמִים אֲשֶׁר־ ^{1 וכל קהלת דכות 27}
הֵם חַיִּים עַל־פְּנֵי הָאָדָמָה אֲשֶׁר נָתַתָּה לְאֲבֹתֵינוּ: ⁴¹ וְגַם אֶל־ ²⁷
הַנְּכָרִי אֲשֶׁר לֹא־מֵעַמְּךָ יִשְׂרָאֵל הוּא וְכָא מֵאֶרֶץ רְחוֹקָה לְמַעַן ^{ב ובסע. ב. כסע 27}
שָׁמַעְךָ: ⁴² כִּי יִשְׁמְעוּן אֶת־שִׁמְךָ הַגָּדוֹל וְאַתָּה יִירָךְ הַחַזְקָה וְיִזְרַעְךָ ^{ה. 289, 38, 40}

43 הנְּטוּיָהּ וּבָא וְהִתְפַּלֵּל אֶל־הַבַּיִת הַזֶּה: 43 אַתָּה־ תִּשְׁמַע הַשָּׁמַיִם
 מִכּוֹן שְׁבַתְךָ וְעָשִׂיתָ כְּכֹל אֲשֶׁר־יִקְרָא אֵלֶיךָ הַנִּכְרִי לְמַעַן יִדְעוּן כָּל־
 עַמֵּי הָאָרֶץ אֶת־שִׁמְךָ לִירְאָה אֶתְךָ כְּעַמְּךָ יִשְׂרָאֵל וְלִדְעַת כִּי־שָׁמַךְ
 נִקְרָא עַל־הַבַּיִת הַזֶּה אֲשֶׁר בָּנִיתִי: 44 כִּי־יֵצֵא עַמְּךָ לַמִּלְחָמָה
 עַל־אֹיְבָיו בְּדֶרֶךְ אֲשֶׁר תִּשְׁלַחֵם וְהִתְפַּלְּלוּ אֵל־יְהוָה דְּרֶךְ הָעִיר
 אֲשֶׁר בְּחַרְתָּ בָּהּ וְהַבַּיִת אֲשֶׁר־בָּנִיתִי לְשִׁמְךָ: 45 וְשָׁמַעְתָּ הַשָּׁמַיִם
 אֶת־תְּפִלָּתְךָ וְאֶת־תְּחִנָּתְךָ וְעָשִׂיתָ מִשְׁפָּטִים: 46 כִּי יִחַטְּאוּ־לְךָ
 כִּי אֵין אָדָם אֲשֶׁר לֹא־יִחַטָּא וְאִנְפִּיתָ בָּם וּנְתַתֵּם לִפְנֵי אֹיֵב וְשָׁבוּם
 שְׁבִיחֵם אֶל־אֶרֶץ הָאֹיֵב רְחוּקָה אוֹ קְרוּבָה: 47 וְהַשִּׁיבוּ אֶל־לִבָּם
 בְּאֶרֶץ אֲשֶׁר נִשְׁבוּ־שָׁם וְשָׁבוּ וְהִתְחַנְּנוּ אֵלֶיךָ בְּאֶרֶץ שְׁבִיחֵם לֵאמֹר
 חָטָאנוּ וְהִעֲוִינוּ רָשָׁעֵנוּ: 48 וְשָׁבוּ אֵלֶיךָ בְּכָל־לִבְכֶם וּבְכָל־נַפְשֵׁם
 בְּאֶרֶץ אֹיְבֵיהֶם אֲשֶׁר־שָׁבוּ אַתֶּם וְהִתְפַּלְּלוּ אֵלֶיךָ דְּרֶךְ אֶרְצֵם אֲשֶׁר
 נִתְּתָה לְאֲבוֹתֵם הָעִיר אֲשֶׁר בְּחַרְתָּ וְהַבַּיִת אֲשֶׁר־בָּנִיתִי לְשִׁמְךָ:
 49 וְשָׁמַעְתָּ הַשָּׁמַיִם מִכּוֹן שְׁבַתְךָ אֶת־תְּפִלָּתְךָ וְאֶת־תְּחִנָּתְךָ וְעָשִׂיתָ
 מִשְׁפָּטִים: 50 וְסָלַחְתָּ לְעַמְּךָ אֲשֶׁר חָטְאוּ־לְךָ וְלְכָל־פְּשָׁעֵיהֶם אֲשֶׁר
 פָּשְׁעוּ־בְךָ וּנְתַתֵּם לְרַחֲמִים לִפְנֵי שְׁבִיחֵם וְרַחֲמוּם: 51 כִּי־
 עַמְּךָ וְנִחַלְתָּךְ הֵם אֲשֶׁר הוֹצֵאתָ מִמִּצְרַיִם מִתּוֹךְ כּוּר הַבְּרֻזָּל:
 52 לְהִיּוֹת עֵינֶיךָ פְּתוּחוֹת אֶל־תְּחִנָּת עַבְדְּךָ וְאֶל־תְּחִנָּת עַמְּךָ יִשְׂרָאֵל
 לְשָׁמַע אֵלֵיהֶם בְּכֹל קְרָאִם אֵלֶיךָ: 53 כִּי־אַתָּה הַבְּדִלְתָּם לְךָ לְנַחֲלָה
 מִכָּל עַמֵּי הָאָרֶץ כְּאֲשֶׁר דִּבַּרְתָּ בְּיַד מֹשֶׁה עַבְדְּךָ בְּהוֹצִיאֶךָ אֶת־
 אֲבֹתֵינוּ מִמִּצְרַיִם אֲדָנִי יְהוָה: פ 54 וַיְהִי אֲכַלּוֹת שְׁלֹמֹה
 לְהִתְפַּלֵּל אֶל־יְהוָה אֵת כָּל־הַתְּפִלָּה וְהַתְּחִנָּה הַזֹּאת קָם מִלְּפָנֶי
 מִזְבַּח יְהוָה מִכְּרַע עַל־בְּרָכָיו וְכַפָּיו פָּרְשׂוֹת הַשָּׁמַיִם: 55 וַיַּעֲמֹד

56 וַיְבָרֶךְ אֶת כָּל־קְהַל יִשְׂרָאֵל קוֹל גָּדוֹל לֵאמֹר: 56 בְּרוּךְ יְהוָה
 אֲשֶׁר נָתַן מְנוּחָה לְעַמּוֹ יִשְׂרָאֵל כְּכֹל אֲשֶׁר דִּבֶּר לֹא־נִפְלֵא דְבַר אֶחָד
 57 מִכֹּל דְּבָרָיו הַטּוֹב אֲשֶׁר דִּבֶּר בְּיַד מֹשֶׁה עַבְדּוֹ: 57 יְהִי יְהוָה אֱלֹהֵינוּ
 58 עִמָּנוּ כַּאֲשֶׁר הָיָה עִם־אַבְתָּנוּ אֶל־יַעֲזֹבֵנוּ וְאֶל־יִטְשֵׁנוּ: 58 לְהַטּוֹת
 לְבָבֵנוּ אֵלָיו לְלַכֵּת בְּכָל־דְּרָכָיו וּלְשַׁמֵּר מִצְוֹתָיו וְחֻקָּיו וּמִשְׁפָּטָיו
 59 אֲשֶׁר צִוָּה אֶת־אַבְתָּנוּ: 59 וַיְהִי דְבָרֵי אֱלֹהִים אֲשֶׁר הִתְחַנְּנִתִּי לִפְנֵי
 יְהוָה קְרִבִּים אֶל־יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יוֹמָם וּלְיָלֵה לַעֲשׂוֹת מִשְׁפָּט עַבְדָּיו
 60 וּמִשְׁפָּט עַמּוֹ יִשְׂרָאֵל דְּבַר־יוֹם בְּיוֹמוֹ: 60 לְמַעַן יֵדַעַת כָּל־עַמֵּי
 61 הָאָרֶץ כִּי יְהוָה הוּא הָאֱלֹהִים אִינִי עוֹד: 61 וְהָיָה לְבַבְכֶם שְׁלֵם
 עִם יְהוָה אֱלֹהֵינוּ לְלַכֵּת בְּחֻקָּיו וּלְשַׁמֵּר מִצְוֹתָיו כִּי־וְהָיָה:
 62 וְהַמֶּלֶךְ וְכָל־יִשְׂרָאֵל עַמּוֹ זִבְחִים זָבַח לִפְנֵי יְהוָה: 63 וַיִּזְבַּח
 שְׁלֵמָה אֶת זִבְחַ הַשְּׁלָמִים אֲשֶׁר זָבַח לִיהוָה בְּקָר עֲשָׂרִים וּשְׁנָיִם
 אֵלֶּף וְצֵאֵן מֵאָה וְעֶשְׂרִים אֵלֶּף וַיִּחַנְּכוּ אֶת־בַּיִת יְהוָה הַמֶּלֶךְ וְכָל־
 64 בְּנֵי יִשְׂרָאֵל: 64 בַּיּוֹם הַהוּא קָדַשׁ הַמֶּלֶךְ אֶת־תְּוֹךְ הַחֹצֵר אֲשֶׁר לִפְנֵי
 בַּיִת־יְהוָה כִּי־עָשָׂה שֵׁם אֶת־הָעֹלָה וְאֶת־הַמִּנְחָה וְאֶת חֶלְבֵי הַשְּׁלָמִים
 כִּי־מִזְבֵּחַ הַנְּחֹשֶׁת אֲשֶׁר לִפְנֵי יְהוָה קָטַן מִהַכִּיל אֶת־הָעֹלָה וְאֶת־
 65 הַמִּנְחָה וְאֶת חֶלְבֵי הַשְּׁלָמִים: 65 וַיַּעַשׂ שְׁלֵמָה בַּעַת־הַהִיא
 אֶת־הַחֹג וְכָל־יִשְׂרָאֵל עַמּוֹ קָהַל גָּדוֹל מִלְּבֹא חֲמַת עַד־נַחַל מִצְרַיִם
 לִפְנֵי יְהוָה אֱלֹהֵינוּ שִׁבְעַת יָמִים וְשִׁבְעַת יָמִים אַרְבַּעַה עָשָׂר יוֹם:
 66 בַּיּוֹם הַשְּׁמִינִי שָׁלַח אֶת־הָעָם וַיְבָרְכוּ אֶת־הַמֶּלֶךְ וַיִּלְכְּוּ
 לְאַהֲלֵיהֶם שְׂמֹחִים וְטוֹבֵי לֵב עַל כָּל־הַטּוֹבָה אֲשֶׁר עָשָׂה יְהוָה
 לְדָוִד עַבְדּוֹ וּלְיִשְׂרָאֵל עַמּוֹ:

ד רחם 59, 54 ו פסוק
 מן 1 מילין מחלה
 צ ק פ סימן
 י א ר פ 56

ל ה וכל ר"פ דכות 3

57. 3

3. 3

65 ה

65 ה

ל ה וכל ר"פ דכות

57 ר פ 59

60. 3

57

Техиллим 2. 2:1 Почему шумят народы и племена замышляют пустое? 2 Встают цари земли и правители совещаются вместе – против Яхве и против его Машиаха: 3 «Разорвём узы их и сбросим с себя путы их!» 4 Сидящий в небесах стебётся, Яхве угораёт над ними. 5 Тогда заговорит он с ними в гневе своем и в ярости своей напугает их: 6 «Я помазал царя моего над Сионом, горой святой моей!» 7 Расскажу о решении: Яхве сказал мне: «Сын мой ты, сегодня я родил тебя. 8 Проси меня, и я дам народы в наследие тебе, и во владение тебе – края земли. 9 Сокрушишь их жезлом железным, как сосуд горшечника, разобьёшь их». 10 А ныне, цари, образумьтесь! Внимайте назиданию, судьи земли! 11 Служите Яхве в страхе и радуйте в трепете. 12 Целуйте ему ноги [или: «целуйте сына»], чтобы не разгневался он и чтобы вы не сбились с пути, ибо еще немного – и разгорится гнев его. Счастливы все, полагающиеся на него!

<p>ל. ב. ה בטע ר"פ בשלש ספריים. ג מל בליש²</p> <p>ל. א. ב. ל. ל ומל. ל. ב מל בסיפ⁴ ב. ל. ל. ל. זו ר"פ לג⁵ מנה בכתיב. ל. מלעיל. ל.</p>	<p>1 2 לָמָּה רָגְשׁוּ גוֹיִם וְלְאֻמִּים יִהְנוּ רֵיק: 2 יִתְצַבּוּ מְלָכֵי אֶרֶץ וְרוֹזְנִים נוֹסְדוּ יַחַד עַל־יְהוָה וְעַל־מְשִׁיחֹה^a:</p> <p>3 נִנְתְּקָה אֶת־מוֹסְרוֹתֵימוֹ וְנִשְׁלִיכָה מִמֶּנּוּ עֲבֹתֵימוֹ: 4 יוֹשֵׁב בַּשָּׁמַיִם יִשְׁחַק אֲדֹנָי יִלְעַג־לָמוֹ: 5 אִזּוֹ יִדְבַר אֱלֹהֵימוֹ בְּאָפוֹ וּבַחֲרוֹנוֹ יִבְהַלְמוֹ: 6 וְאֲנִי נֹסֶכְתִּי^a מְלָכֵי עַל־צִיּוֹן הַר־קֹדְשִׁי: 7 אֲסַפְּרָה אֵלַי חֶקֶת יְהוָה אֲמַר אֵלַי בְּנֵי אֲתָה אֲנִי הַיּוֹם יִלְדְתִיךָ:</p> <p>8 שָׁאַל מִמֶּנִּי וְאֶתְנָה^a גוֹיִם נַחֲלָתְךָ^b וְאַחֲזַתְךָ^c אֶפְסֵי־אֶרֶץ: 9 הֲרַעַם^a בְּשֹׁבֵט בְּרוֹזָל כִּכְלִי^b יוֹצֵר הַנִּפְצָעִים: 10 וְעַתָּה מְלָכִים הִשְׁפִּילוּ הַיְסוּרוֹי^a שִׁפְטֵי אֶרֶץ: 11 עֲבְדוּ אֶת־יְהוָה בִּירְאָה^a וְיִנְיְלוּ בְרַעְרָה: 12 נִשְׁקוּ־בָרִי פֶּן־יֵאָנַף וְתִאָבְדוּ דְרֹךְ^a כִּי־יִבְעַר כְּמַעֲט אָפוֹ אֲשֶׁר־י כָּל־חוֹסֵי בוֹ:</p>	<p>ל בכתיב⁷ א. ב. ב. ל. ג. ל. א. ב. ג. ד. חמטע ל. כל מל ב מ א¹⁰ ח</p>
--	---	---

Берешит 2:4-17. 2:4 Вот происхождение неба и земли, при сотворении их, в то время, когда Яхве-бог создал землю и небо, 5 и всякий полевой кустарник, которого еще не было на земле, и всякую полевую траву, которая еще не росла, ибо Яхве-бог не посылал дождя на землю, и не было человека для возделывания земли, 6 но пар поднимался с земли и орошал все лице земли. 7 И создал Яхве-бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою. 8 И насадил Яхве-бог рай в Едеме на востоке, и поместил там человека, которого создал. 9 И произрастил Яхве-бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла. 10 Из Едема выходила река для орошения рая; и потом разделялась на четыре реки. 11 Имя одной Пишон: она обтекает всю землю Хавила, ту, где золото; 2 и золото той земли хорошее; там бдолах и камень оникс. 13 Имя второй реки Гихон: она обтекает всю землю Куш. 14 Имя третьей реки Хиддекель: она протекает пред Ассириею. Четвертая река Евфрат. 15 И взял Яхве-бог человека, и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его. 16 И заповедал Яхве-бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, 17 а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь.

טו לעשות: פ 4 אלה תולדות השמים והארץ בהבראם ב
 5 ביום עשות יהוה אלהים ארץ ושמים: 5 וכל שיח השדה
 טרם יהיה בארץ וכל עשב השדה טרם יצמח כי לא המטיר יהוה
 אלהים על הארץ ואדם אין לעבד את האדמה: 6 ואר יעלה מן
 הארץ והשקה את כל פני האדמה: 7 וייצר יהוה אלהים את
 האדם עפר מן האדמה ויפח באפיו נשמת חיים ויהי האדם לנפש
 חיה: 8 ויטע יהוה אלהים גן בעדן מקדם וישם שם את האדם אשר
 יצר: 9 ויצמח יהוה אלהים מן האדמה כל עץ נחמד למראה וטוב
 למאכל ועץ החיים בתוך הגן ועץ הדעת טוב ורע: 10 ונהר יצא
 מעדן להשקות את הגן ומשם יפרד והיה לארבעה ראשים: 11 שם
 האחד פישון הוא הסבב את כל ארץ החוילה אשר שם הזהב:
 12 וזהב הארץ שהוא טוב שם הפרלח ואבן השהם: 13 ושם הנהר
 השני גיחון הוא הסובב את כל ארץ כוש: 14 ושם הנהר השלישי
 חלקל הוא הקלף קדמת אשור ונהר הרביעי הוא פרתי:
 15 ויקח יהוה אלהים את האדם וינחהו בגן עדן לעבדה ולשמרה:
 16 ויצו יהוה אלהים על האדם לאמר מפל עץ הגן אכל האכל:
 17 ומעץ הדעת טוב ורע לא תאכל ממנו כי ביום אכלך ממנו מות
 תמות: 18 ויאמר יהוה אלהים לא טוב היות האדם לבדו אעשה-

ד ר"פ. ב מל. ל
 5. 6 ר"פ וכל ר"פ אור
 וחד מן ה ר"פ כסיפ וחד
 מן י ר"פ וכל ומ"פ וכל. ה
 ט. ל זקף פת. ב חד חס
 וחד מל
 2. ב חד חס וחד מל
 ל. ל
 1. פד לז מנה בתור
 ל. 10. 11. 12. 13
 5. 14. ב דמטע
 16. ב. 17. כ. ד בתור
 יא זוגין בטע. 18. ב חס
 ל ובטע. 20. ב. 21 ר"פ
 1 מל ו1 חס. יא זוגין
 בטע. 18. 21 ר"פ
 22
 ב וחט. 23. ל. ל
 1 וכל על האדם ועל
 הבהמה דכות. 24. 25
 26
 ד בעיני. 27

Миха 3:1-4:13. 3:1 И сказал я: слушайте, главы Иакова и князя дома Израилева: не вам ли должно знать правду? 2 А вы ненавидите доброе и любите злое; сдираете с них кожу их и плоть с костей их, 3 едите плоть народа моего и сдираете с них кожу их, а кости их ломаете и дробите как бы в горшок, и плоть - как бы в котел. 4 И будут они взывать к Яхве, но он не услышит их и сокроет лице свое от них на то время, как они злодействуют. 5 Так говорит Яхве на пророков, вводящих в заблуждение народ мой, которые грызут зубами своими - и проповедают мир, а кто ничего не кладет им в рот, против того объявляют войну. 6 Посему ночь будет вам вместо видения, и тьма - вместо предвещаний; зайдет солнце над пророками и потемнеет день над ними. 7 И устыдятся прозорливцы, и посрамлены будут гадатели, и закроют уста свои все они, потому что не будет ответа от бога. 8 А я исполнен силы духа Яхве, правоты и твердости, чтобы высказать Иакову преступление его и Израилю грех его. 9 Слушайте же это, главы дома Иаковлева и князя дома Израилева, гнушающиеся правосудием и искривляющие все прямое, 10 созидающие Сион кровью и Иерусалим - неправдою! 11 Главы его судят за подарки и жрецы его учат за плату, и пророки его предвещают за деньги, а между тем опираются на Яхве, говоря: «не среди ли нас Яхве? не постигнет нас беда!» 12 Посему за вас Сион распахан будет как поле, и Иерусалим сделается грудю развалин, и гора дома сего будет лесистым холмом.

Глава 4. 1 И будет в последние дни: гора дома Яхве поставлена будет во главу гор и возвысится над холмами, и потекут к ней народы. 2 И пойдут многие народы и скажут: придите, и взойдем на гору Яхве и в дом бога Иаковлева, и он научит нас путям своим, и будем ходить по стезям его, ибо от Сиона выйдет тора и слово Яхве – из Иерусалима. 3 И будет он судить многие народы, и обличит многие племена в отдаленных странах; и перекуют они мечи свои на орала и копья свои - на серпы; не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать. 4 Но каждый будет сидеть под своею виноградною лозою и под своею смоковницею, и никто не будет устрашать их, ибо уста Яхве Саваофа изрекли это. 5 Ибо все народы ходят, каждый во имя своего бога; а мы будем ходить во имя Яхве, бога нашего во веки веков. 6 В тот день, говорит Яхве, соберу хромлющее и совоюплю разогнанное и тех, на кого я навел бедствие. 7 И сделаю хромлющее остатком и далеко рассеянное сильным народом, и Яхве будет царствовать над ними на горе Сионе отныне и до века. 8 А ты, башня стада, холм дщери Сиона! к тебе придет и возвратится прежнее владычество, царство – к дочерям Иерусалима. 9 Для чего же ты ныне так громко вопиешь? Разве нет у тебя царя? Или не стало у тебя советника, что тебя схватили муки, как рождающую? 10 Страдай и мучься болями, дщерь Сиона, как рождающая, ибо ныне ты выйдешь из города и будешь жить в поле, и дойдешь до Вавилона: там будешь спасена, там искупит тебя Яхве от руки врагов твоих. 11 А теперь собрались против тебя многие народы и говорят: «да будет она осквернена, и да наглядится око наше на Сион!» 12 Но они не знают мыслей Яхве и не понимают совета его, что он собрал их как снопы на гумно. 13 Встань и молоти, дщерь Сиона, ибо я сделаю рог твой железным и копыта твои сделаю медными, и сокрушишь многие народы, и посветишь Яхве стяжания их и богатства их владыке всей земли.

3 וְאָמַר^א

שָׁמְעוּ-נָא רָאשֵׁי יַעֲקֹב וּקְצִינֵי בֵּית יִשְׂרָאֵל
הֲלוֹא לָכֶם לָדַעַת אֶת-הַמִּשְׁפָּט:
שְׁנָאֵי טוֹב וְאַהֲבֵי רַעַה²
גִּזְלֵי עוֹרֶם מֵעֲלֵיהֶם וּשְׂאֲרֵם מֵעַל עֲצֻמוֹתָם:
וְאֲשֶׁר^א אָכְלוּ שְׂאֵר עֲמִי^ב וְעוֹרֶם מֵעֲלֵיהֶם הַפְּשִׁיטוּ^ב וְאֶת-
[עֲצֻמֹּתֵיהֶם פָּצְחוּ
וּפָרְשׁוּ כַּאֲשֶׁר^א בְּסִיר וּכְבָשָׂר בְּתוֹךְ קִלְחָת:
אֲזִי יִזְעֲקוּ אֶל-יְהוָה וְלֹא יַעֲנֶה אוֹתָם⁴
וַיִּסְתֵּר פָּנָיו מֵהֶם^א בַּעֲטַת הַחַיִּים^א כַּאֲשֶׁר הִרְעוּ מֵעַל לֵיהֶם:^א
כֹּה אָמַר יְהוָה עַל-הַנְּבִיאִים הַמַּתְעִים^א אֶת-עַמִּי^א
הַנְּשָׁכִים בְּשִׁנְיָהֶם וּקְרָאוּ שְׁלוֹם^ב
וְאֲשֶׁר^א לֹא-יִתֵּן עַל-פִּיהֶם וּקְדָשׁוֹ עָלָיו מִלְחָמָה:^א
לָכֵן לִילָה לָכֶם מַחְזוֹן וְחִשְׁבָּה^א לָכֶם מִקְסָם⁶
וּבָאָה הַשְּׂמֶשׁ עַל-הַנְּבִיאִים וּקְדַר עֲלֵיהֶם הַיּוֹם:
וּבְשׁוֹ הַחַזִּים וְחִפְרוּ הַקְּסָמִים⁷
וַעֲטוּ עַל-שַׁפֵּם כָּלֶם כִּי אֵין מַעֲנֶה אֱלֹהִים:^א
וְאוּלָם אֲנֹכִי מִלְּאֹתֵי כֹה^א אֶת-רוּחַ יְהוָה^א וּמִשְׁפָּט וּגְבוּרָה^א
לְחַגֵּד לִיעֲקֹב פִּשְׁעוֹ וּלְיִשְׂרָאֵל חַטָּאתוֹ:^א
שָׁמְעוּ-נָא זֹאת רָאשֵׁי בֵּית יַעֲקֹב וּקְצִינֵי בֵּית יִשְׂרָאֵל⁹
הַמַּתְעִבִים מִשְׁפָּט וְאֶת כָּל-הַיִּשְׂרָאֵל יַעֲקֹשׁוּ:
בְּנֵה^א צִיּוֹן בְּדָמַיִם וִירוּשָׁלַם בְּעוֹלָה:¹⁰
רֹאשֵׁיהָ בְּשֹׁחַד יִשְׁפָּטוּ וְכַהֲנֵיהָ בְּמַחֲרֵי יוֹרֵי¹¹
וּנְבִיאֵיהָ בְּכֶסֶף יִקְסְמוּ וְעַל-יְהוָה יִשְׁעֲנוּ לֵאמֹר
הֲלוֹא יְהוָה בְּקִרְבָּנוּ לֹא-תָבוֹא עָלֵינוּ רַעַה:
לָכֵן בְּגִלְלָכֶם צִיּוֹן שָׂדֵה תַחְרֹשׁ¹²
וִירוּשָׁלַם עֵינָי^א תִּהְיֶה וְתֵר הַבָּיִת לְבָמֹתַי יַעַר:^א
וְהָיָה בְּאַחֲרֵית הַיָּמִים^א יְהִיֶה הַר בֵּית-יְהוָה¹⁴
נָכוֹן בְּרֹאשׁ הַהָרִים וְנִשָּׂא הוּא^א מִן-בָּעוֹת
וְנִהְרָו^א עָלָיו עַמִּים:^א
וְהָלְכוּ גוֹיִם^א רַבִּים וְאָמְרוּ²

עה

רע. 14 ק

יב ר"פ

ל. ל

ה

ו. פ

ז. 5

ח. ה

1 בטע בסוף

ט. ז

י. ג

ה ר"פ וכל איוב דכות ב מ. 1. 2. 3.

יא. ב

עה

ל

7 ח. ב. 1

הי. 9. 10.

חצי הספר בפסוקים

1 בטע בסוף

לה. 12.

13

לְכוּ וּנְעַלְמָה אֶל־הַר־יְהוָה וְאֶל־בַּיִת אֱלֹהֵי יַעֲקֹב

11 וכל אל הר הכרמל דכות 4 יא

וַיִּזְרְנוּ מִדָּרְכָיו וּנְלַכְהָ בְּאַרְחֹתָיו

1 ב מל וחד חס

כִּי מִצִּיּוֹן תֵּצֵא תוֹרָה וּדְבַר־יְהוָה מִירוּשָׁלַם׃

1 ח י

3 וּשְׁפֹט בֵּין עַמִּים רַבִּים וְהוֹכִיחַ לְגוֹיִם עֲצָמִים עַד־רַחֲוִק

ל ג חס וכל אוריה דכות ב מ א

וּכְהִתּוּ חַרְבֵיָהֶם לְאֹתִים וַחֲנִיחֵיהֶם לְמִזְמוֹרוֹת

5 ב וחס 8 ב ב

לֹא־יִשְׁאָרוּ נְוִי אֶל־נְוִי חָרָב וְלֹא־יִלְמְדוּן עוֹד מִלְחָמָה׃

10 ב ב 15

4 וַיֵּשְׁבוּ אִישׁ תַּחַת גַּפְנוֹ וְתַחַת תְּאֵנָתוֹ וְאֵין מִחְרִיד

11 ב ג בסס

כִּי־פִי יְהוָה צְבָאוֹת דָּבָר׃

5 כִּי כָל־הָעַמִּים יִלְכוּ אִישׁ בְּשֵׁם אֱלֹהָיו

ס 14

וְאֲנַחְנוּ נִלְךְ בְּשֵׁם־יְהוָה אֱלֹהֵינוּ לְעוֹלָם וָעֶד׃ פ

13 ב ט 14

6 בַּיּוֹם הַהוּא נֹאם־יְהוָה

אֶסְפֶּה הַצִּלְעָה וְהַנְּדָחָה אֶקְבְּצָה וְאֲשֶׁר הִרְעֵיתִי׃

ל א א ב

7 וְשִׁמְתִי אֶת־הַצִּלְעָה לְשֹׂאֲרֵית וְהַנְּהַלְאָה לְנְוִי עֲצוֹם

15 ב ג 16

8 וְיִמְלֹךְ יְהוָה עֲלֵיהֶם בְּתֵר צִיּוֹן מֵעַתָּה וְעַד־עוֹלָם׃ פ

16 ב ג 17

9 וְאַתָּה מִנְדֹל־עֵדֶר עֲפֹל בַת־צִיּוֹן

עֲרִיף אֲתֹתָהּ וּבָאָה הַמְּשֻׁלָּה הַרְאֵשְׁנָה

מִמְלַכְתָּה לְבַת־ירוּשָׁלַם׃

9 עֲתָה לָמָּה תִרְיַעֵי רַע

הַמְלֶךְ אֵין־כֶּף אִם־יוֹעֲצֶךָ אֶכְדֹּר

כִּי־הִחְזִיקְךָ חֵיל כִּי־זָלְדָה׃

10 חוֹלִי וְנָחִי בַת־צִיּוֹן כִּי־זָלְדָה

כִּי־עַתָּה תֵצֵאִי מִקְרִיָּה וְשָׁכַנְתְּ בַשָּׂדֶה

וּבָאָת עַד־בְּבֹל שָׁם תִּנְצְלִים

שָׁם יִנְאָלְךָ יְהוָה מִכֶּף אִיָּבִיךָ׃

11 וְעַתָּה נֹאסְפוּ עֲלֶיךָ גוֹיִם רַבִּים

הָאֹמְרִים תִּחְנַף וְתַחַז בְּצִיּוֹן עֵינֵינוּ׃

12 וְהָמָּה לֹא יָדְעוּ מִחֲשֻׁבוֹת יְהוָה

וְלֹא הִבִּינוּ עֲצָתוֹ כִּי קִבְּצָם כְּעַמִּיר גְּרִנָּה׃

13 קוֹמִי וְדוּשִׁי בַת־צִיּוֹן כִּי־קִרְנֶךָ אֲשִׁים בְּרִזְלִי

וּפְרִסְתֶיךָ אֲשִׁים נְחוּשָׁה וְהִדְקוֹת עַמִּים רַבִּים

וְהִחַרְמֵתִי לִיהוָה בְּצַעַם וְחִילָם לְאֲרוֹן כָּל־הָאָרֶץ׃

16 ג - יא 17 בסס וכל מלכים ויחזק דכות ב מ ב

כה ר"פ 20

ב חד חס וחד מל ב זקף קמ 21

22 יא מנה בנביא 23

ה 24

כ בסס 25

ל

ו ר"פ 25

ז 26

ח ר"פ 27

ט

י

Йешаяху 2:1-4:6. 2:1 Слово, которое было в видении к Йешаяху, сыну Амоца, о Иудее и Иерусалиме. 2 И будет в последние дни, гора дома Яхве будет поставлена во главу гор и возвысится над холмами, и потекут к ней все народы. 3 И пойдут многие народы и скажут: придите, и взойдем на гору Яхве, в дом бога Иаковлева, и научит он нас своим путям и будем ходить по стезям его; ибо от Сиона выйдет Тора, и слово Яхве - из Иерусалима. 4 И будет он судить народы, и обличит многие племена; и перекуют мечи свои на орала, и копья свои - на серпы: не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать. 5 О, дом Иакова! Придите, и будем ходить во свете Яхве. 6 Но ты отринул народ твой, дом Иакова, потому что они многое переняли от востока: и чародеи у них, как у филистимлян, и с сынами чужих они в общении. 7 И наполнилась земля его серебром и золотом, и нет числа сокровищам его; и наполнилась земля его конями, и нет числа колесницам его; 8 и наполнилась земля его идолами: они поклоняются делу рук своих, тому, что сделали персты их. 9 И преклонился человек, и унизился муж, - и ты не простишь их. 10 Иди в скалу и сокройся в землю от страха Яхве и от славы величия его. 11 Поникнут гордые взгляды человека, и высокое людское унижится; и один Яхве будет высок в тот день. 12 Ибо грядет день Яхве Саваофа на все гордое и высокомерное и на все превознесенное, - и оно будет унижено, - 13 и на все кедры Ливанские, высокие и превозносящиеся, и на все дубы Башанские, 14 и на все высокие горы, и на все возвышающиеся холмы, 15 и на всякую высокую башню, и на всякую крепкую стену, 16 и на все корабли Таршиша, и на все вожделенные украшения их. 17 И падет величие человеческое, и высокое людское унижится; и один Яхве будет высок в тот день, 18 и идолы совсем исчезнут. 19 И войдут люди в расселины скал и в пропасти земли от страха Яхве и от славы величия его, когда он восстанет сокрушить землю. 20 В тот день человек бросит кротам и летучим мышам серебряных своих идолов и золотых своих идолов, которых сделал себе для поклонения им, 21 чтобы войти в ущелья скал и в расселины гор от страха Яхве и от славы величия его, когда он восстанет сокрушить землю. 22 Перестаньте вы надеяться на человека, которого дыхание в ноздрях его, ибо что он значит?

Глава 3. 1 Вот, господь Яхве Саваоф отнимет у Иерусалима и у Иуды посох и трость, всякое подкрепление хлебом и всякое подкрепление водою, 2 храброго вождя и воина, судью и пророка, и прозорливца и старца, 3 пятидесятника и вельможу и советника, и мудрого художника и искусного в слове. 4 И дам им отроков в начальники, и дети будут господствовать над ними. 5 И в народе один будет угнетаем другим, и каждый - ближним своим; юноша будет нагло превозноситься над старцем, и простолюдин над вельможею. 6 Тогда ухватится человек за брата своего, в семействе отца своего, и скажет: у тебя есть одежда, будь нашим вождем, и да будут эти развалины под рукою твою. 7 А он с клятвою скажет: не могу исцелить ран общества; и в моем доме нет ни хлеба, ни одежды; не делайте меня вождем народа. 8 Так рушился Иерусалим, и пал Иуда, потому что язык их и дела их - против Яхве, оскорбительны для очей славы его. 9 Выражение лиц их свидетельствует против них, и о грехе своем они рассказывают открыто, как Содомляне, не скрывают: горе душе их! ибо сами на себя навлекают зло. 10 Скажите праведнику, что благо ему, ибо он будет вкушать плоды дел своих; 11 а беззаконнику - горе, ибо будет ему возмездие за дела рук его. 12 Притеснители народа моего - дети, и женщины господствуют над ним. Народ мой! вожди твои вводят тебя в заблуждение и путь стезей твоих испортили. 13 Восстал Яхве на суд - и стоит, чтобы судить народы. 14 Яхве вступает в суд со старейшинами народа своего и с князьями его: вы опустошили виноградник; награбленное у бедного - в ваших домах; 15 что вы тесните народ Мой и угнетаете бедных? говорит Адонай Яхве Саваоф. 16 И сказал Яхве: за то, что дочери Сиона надменны и ходят, подняв шею и обольщая взорами, и выступают величавою поступью и гремят цепочками на ногах, - 17 оголит Яхве темя дочерей Сиона и обнажит Яхве срамоту их; 18 в тот день отнимет Яхве красивые цепочки на ногах и звездочки, и луночки, 19 серьги, и ожерелья, и опახала, увясла и запястья, и пояса, и сосудцы с духами, и привески волшебные, 20 перстни и кольца в носу, 21 верхнюю одежду и нижнюю, и платки, и кошельки, 22 светлые тонкие епанчи и повязки, и покрывала.

23 И будет вместо благовония зловоние, и вместо пояса будет веревка, и вместо завитых волос - плешь, и вместо широкой епанчи - узкое вретиче, вместо красоты - клеймо. 24 Мужжи твои падут от меча, и храбрые твои - на войне. 25 И будут воздыхать и плакать ворота столицы, 26 и будет она сидеть на земле опустошенная.

Глава 4. 1 И ухватятся семь женщин за одного мужчину в тот день, и скажут: «свой хлеб будем есть и свою одежду будем носить, только пусть будем называться твоим именем, - сними с нас позор». 2 В тот день отрасль Яхве явится в красоте и чести, и плод земли - в величии и славе, для уцелевших сынов Израиля. 3 Тогда оставшиеся на Сионе и уцелевшие в Иерусалиме будут именоваться святыми, все вписанные в книгу для житья в Иерусалиме, 4 когда Яхве омоет скверну дочерей Сиона и очистит кровь Иерусалима из среды его духом суда и духом огня. 5 И сотворит Яхве над всяким местом горы Сиона и над собраниями ее облако и дым во время дня и блистание пылающего огня во время ночи; ибо над всем чтимым будет покров. 6 И будет шатер для осенения днем от зноя и для убежища и защиты от непогод и дождя.

2 ¹ הַדְּבָר אֲשֶׁר חָזָה יִשְׁעֵיהֶוּ בֶן־אָמוֹץ עַל־יְהוּדָה וַיְרוּשָׁלָם :

ח בטע בסיפ'

2 ² וְהָיָה בְּאַחֲרֵית הַיָּמִים נֶכֶן^א יִהְיֶה תֵר בַּיִת־יְהוָה

לה². ג³

בְּרֹאשׁ הַהָרִים וְנִשָּׂא מִגְּבְעוֹת

ד⁴

וְנִהְרֻוּ^ב אֵלָיו כָּל־הַגּוֹיִם^ט : ³ וְהָלְכוּ עַמִּים רַבִּים וְאָמְרוּ

יו וכל אל הר הכרמל דכות⁵. א⁶ ב מנה בסיפ'

לָכוּ וְנִעְלָה אֶל־הַר־יְהוָה אֶל־בַּיִת אֱלֹהֵי יַעֲקֹב

וַיִּזְנוּ מִדֶּרֶךְ כִּי וַיִּנְלָכָה בְּאַרְחֻתָיו

ג ב מל וחד חס'

כִּי מִצִּיּוֹן תֵּצֵא תוֹרָה וּדְבַר־יְהוָה מִירוּשָׁלָם :

יח¹

4 וְשָׁפַט בֵּין הַגּוֹיִם וְהוֹכִיחַ לְעַמִּים רַבִּים

וְכַתְּתוּ חַרְבוֹתָם לְאַתִּים וַחֲנִיתוֹתֵיהֶם לְמִזְמֵרוֹת

א². ב. ג

פ לא־יִשָּׂא גּוֹי אֶל־גּוֹי חֶרֶב וְלֹא־יִלְמְדוּ עוֹד מִלְחָמָה :

לז

5 בַּיִת יַעֲקֹב לָכוּ וַיִּנְלָכָה בְּאוֹר יְהוָה :

6 כִּי נִשְׁתַּחֲוֶה עַמּוֹד בַּיִת יַעֲקֹב

ב חד מל וחד חס'

כִּי מָלְאוּ מִקְדָּשׁ^א וְעֲנָנִים כִּפְלִשְׁתִּים

טו⁶

וּבִגְדֵי נָכָרִים יִשְׁפִּיקוּ :

7 וְתַמְלֵא אֶרֶצוֹ כֶּסֶף וְזָהָב וְאֵין קָצָה לְאַצְרֻתָיו

יג פסוק ואין ואין¹¹. ה¹²

וְתַמְלֵא אֶרֶצוֹ סוּסִים וְאֵין קָצָה לְמַרְכָּבָתָיו :

ה¹²

8 וְתַמְלֵא אֶרֶצוֹ אֱלִילִים

לְמַעֲשֵׂה יָדָיו יִשְׁתַּחֲוּוּ^א לְאִשֶׁר עָשׂוּ אֶצְבְּעוֹתָיו :

ז. ז

9 וַיִּשָּׂח אָדָם וַיִּשְׁפַּל־אִישׁ^א וְאֶל־תִּשְׂאָה^א לָהֶם :

ח

10 בָּוֹא בְצֹר וְהִטְמֵן בְּעֶפֶר

יד¹¹ מל וכל שמואל וכתיב דכות ב מ ה. ב

מִפְּנֵי פַחַד יְהוָה וּמִהֲרַר גְּאוֹנָיו :

ט חס

11 עֵינַי נִבְהוּת אָדָם שָׁפֵל^א וְשַׁח רוּם אַנְשִׁים¹⁴ זגין

5 וְנִשְׁגַּב יְהוּה לְבָדוֹ בַּיּוֹם הַהוּא: ם

12 כִּי יוֹם לַיהוּה צְבָאוֹת

עַל כָּל-גֹּאֲה וְרָם וְעַל כָּל-נִשְׂאָ^ב וְשָׁפֵל^ב:

ד . ל וכל משנה תורה
דכות ב מ א¹⁵ ו ד כ
שא וב כת טה

13 וְעַל כָּל-אֲרִיז הַלְּבָנוֹן^א הַרְמִים וְהַנְּשֹׂאִים^א

וְעַל כָּל-אֱלוֹנֵי הַבָּשָׁן:

14 וְעַל כָּל-הַהַרִּים הַרְמִים וְעַל כָּל-הַנְּבָעוֹת הַנְּשֹׂאוֹת:

15 וְעַל כָּל-מַגְדָּל גְּבוּהָ^א וְעַל כָּל-חוֹמָה בְּצוּרָה:

16 וְעַל כָּל-אַנְיֹת תְּרֻשֵׁישׁ וְעַל כָּל-שְׂכִינֹת^א הַחֲמֻדָּה:

17 וְשַׁח נִבְהוּת הָאָדָם וְשָׁפֵל רוּם אַנְשִׁים

ל וחד מן זגין

וְנִשְׁגַּב יְהוּה לְבָדוֹ בַּיּוֹם הַהוּא:

18 וְהָאֱלִילִים כָּלִיל יַחְלֹף^א:

ד וחס¹⁷

19 וּבָאוּ^א בַּמַּעְרֹת צְרִים וּבַמַּחְלוֹת^ב עָפָר

מִפְּנֵי פֶחַד יְהוּה וּמַהֲרָר גְּאוּנוֹ בְּקוֹמוֹ לְעֶרְץ הָאָרֶץ:

20 בַּיּוֹם הַהוּא יִשְׁלַח הָאָדָם אֶת אֱלִילָיו כַּסְּפוֹ וְאֶת אֱלִילָיו זְהָבוֹ

ל . ל . א

אֲשֶׁר עָשׂוּ-לוֹ לְהִשְׁתַּחֲוֹת^א לַחֲפָר פְּרוֹת^א וְלַעֲטֹלְפִים:

21 לְבוֹא בְּנִקְרוֹת הַצְּרִים וּבְסַעֲפֵי הַסְּלָעִים

מִפְּנֵי פֶחַד יְהוּה וּמַהֲרָר גְּאוּנוֹ בְּקוֹמוֹ לְעֶרְץ הָאָרֶץ:

22 חָדְלוּ לָכֶם מִן-הָאָדָם אֲשֶׁר נִשְׁמָה בְּאָפוֹ

כִּי-בִמָּה נִחְשָׁב הוּא: ם

3 כִּי הִנֵּה הָאָדוֹן יְהוּה צְבָאוֹת מִסִּיר מִירוּשָׁלַם וּמִיהוּדָה

ה בסיפ . ב

מִשְׁעֵן וּמִשְׁעֵנָה^א כָּל מִשְׁעֵן-לָחֶם וְכָל מִשְׁעֵן-מָוִם^א:

2 גְּבוּר וְאִישׁ מְלַחֲמָה שׁוֹפֵט וְנִבְיָא וְקַסֵּם וְזָקֵן:

ב . ו . מל . f בלשון בביאיה

3 שֶׁר-חַמְשִׁים וְנִשְׂוֹא פָּנִים וַיִּזְעַץ וַחֲכָם תְּרָשִׁים וְנִבּוֹן לְחֹשׁ:

ג . ד . א

4 וְנַחֲתֵי נְעָרִים שָׂרִיָּהֶם וְתַעֲלוּלִים יִמְשְׁלוּ-בָם:

5 וְנִנְשׁ הָעָם אִישׁ בְּאִישׁ וְאִישׁ בְּרַעְיָהוּ

ד . י . א

יְרַהֲבוּ הַנְּעָר בְּזָקֵן וְהַנְּקִלָּה בְּנִכְבֵּד:

ל

6 כִּי-יִתְפַּשׂ אִישׁ בְּאֶחָיו בֵּית אָבִיו

שְׂמִלָּה לְכֹה קָצִין תְּהִיָּה-לָּנוּ וְהַמְכַשְׁלָה הַזֹּאת תַּחַת יְדֶיךָ:

ד² מל וכל לשון הליכה
דכות ב מ א

7 יִשָּׂא בַיּוֹם הַהוּא לְאֹמֶר

לז ד מנה ר"פ

לֹא-אֶהְיָה חַיֵּב וּבְכִיתִי אֵין לָחֶם וְאֵין שְׂמִלָּה

ל . ל . י³ מ"פ אין ואין
וכל ר"פ דכות ב מ ב

כִּי־תַחַת^d יִפֹּי^e :

25 מְתִיקָא^a בְּתָרְב יִפְלוּ וּגְבוּרַתְךָ^b בְּמַלְחָמָה :

26 וְאָנּוּ וְאָבְלוּ פְתַחֶיהָ וּנְקַתָּה לְאֶרֶץ תֵּשֵׁב :

1 4 וְהַחֲזִיקוּ שְׁבַע נָשִׁים בְּאִישׁ אֶחָד בַּיּוֹם הַהוּא לֵאמֹר לְחַמְנוּ נֹאכֵל וְשִׁמְלַתְנוּ נִלְבָּשׁ

וְכִי יִקְרָא שְׁמֹה עָלֵינוּ אֶסְךָ תִרְפָּתְנוּ : 5

2 בַּיּוֹם הַהוּא יִהְיֶה צָמַח יְהוּה לְצַבִּי וּלְכַבֹּד וּפְרִי הָאָרֶץ לְנֶאֱוֹן^o וְלִתְפֹאֲרֶת לְפִלִישֵׁת יִשְׂרָאֵל^a : 3 וְהָיְתָה הַנְּשֹׂאָר בְּצִיּוֹן וְהַנוֹתָר בִּירוּשָׁלַם קְרוֹשׁ יֵאמֹר לוֹ כָּל־הַפְּתוּב לַחַיִּים בִּירוּשָׁלַם : 4 אַם וְרַחֵן אֲדֹנִי אַת צֹאֵת בְּנוֹת־צִיּוֹן וְאַתְּ דֹמְי יְרוּשָׁלַם יִדְיַח מִקְרָבָהּ בְּרוּחַ מְשַׁפֵּט וּבְרוּחַ בָּעַר : 5 וּבִקְרָא^a יְהוּה^b עַל־כָּל־מְכוֹן חַר־צִיּוֹן וְעַל־מִקְרָאָהּ עַנְוִן וַיּוֹמֵם וְעֵשֶׂן וַנְּגַה אֵשׁ לְהִבָּה לִילָה כִּי עַל־כָּל־כְּבוֹד^c חִפָּה : 6 וְסִכְּרָה^a תַּהֲיֶה 7 לְצַל־יּוֹמֵם^b מִחֲרָב וּלְמַחֲסֶה וּלְמַסְתֹּר מִזֶּרֶם וּמִמַּטֵּר : 8

ל וכל שיר השירים דבות . ל . 174
ח בטע בסופ
א . 13 . 14
א . 11 . 12

Йешаяху, главы 36-37. 36:1 И было в четырнадцатый год царя Хизкияху, пошел Сеннахирим, царь Ассирийский, против всех укрепленных городов Иудеи и взял их. 2 И послал царь Ассирийский из Лахиша в Иерусалим к царю Хизкияху Рав-Шаке с большим войском; и он остановился у водопровода верхнего пруда на дороге поля белильничьего. 3 И вышел к нему Эльяким, сын Хилькияху, начальник дворца, и Шевна писец, и Иоах, сын Асафа, дееписатель. 4 И сказал им Рав-Шаке: скажите Хизкияху: так говорит царь великий, царь Ассирийский: что это за упование, на которое ты уповаешь? 5 Я думаю, что это одни пустые слова, а для войны нужны совет и сила: итак на кого ты уповаешь, что отложился от меня? 6 Вот, ты думаешь опереться на Египет, на эту трость надломленную, которая, если кто опрется на нее, войдет тому в руку и проколет ее! Таков фараон, царь Египетский, для всех уповающих на него. 7 А если скажешь мне: «на Яхве, бога нашего мы уповаем», то на того ли, которого высоты и жертвенники отменил Хизкияху и сказал Иуде и Иерусалиму: «пред сим только жертвенником поклоняйтесь»? 8 Итак вступи в союз с господином моим, царем Ассирийским; я дам тебе две тысячи коней; можешь ли достать себе всадников на них? 9 И как ты хочешь заставить отступить вождя, одного из малейших рабов господина моего, надеясь на Египет, ради колесниц и коней? 10 Да разве я без воли Яхве пошел на землю сию, чтобы разорить ее? Яхве сказал мне: пойди на землю сию и разори ее. 11 И сказал Эльяким и Шевна и Иоах Рав-Шаке: говори рабам твоим по-арамейски, потому что мы понимаем, а не говори с нами по-иудейски, вслух народа, который на стене. 12 И сказал Рав-Шаке: разве только к господину твоему и к тебе послал меня господин мой сказать слова сии? Нет, также и к людям, которые сидят на стене, чтобы есть говно свое и пить мочу свою с вами. 13 И встал Рав-Шаке, и возгласил громким голосом по-иудейски, и сказал: слушайте слово царя великого, царя Ассирийского! 14 Так говорит царь: пусть не обольщает вас Хизкияху, ибо он не может спасти вас; 15 и пусть не обнадеживает вас Хизкияху Яхве, говоря: «спасет нас Яхве; не будет город сей отдан в руки царя Ассирийского». 16 Не слушайте Хизкияху, ибо так говорит царь Ассирийский: примиритесь со мною и выйдите ко мне, и пусть каждый ест плоды виноградной лозы своей и смоковницы своей, и пусть каждый пьет воду из своего колодезя, 17 доколе я не приду и не возьму

вас в землю такую же, как и ваша земля, в землю хлеба и вина, в землю плодов и виноградников. 18 И так да не обольщает вас Хизкияху, говоря: «Яхве спасет нас». Спасли ли боги народов, каждый свою землю, от руки царя Ассирийского? 19 Где боги Хамата и Арпада? Где боги Сепарваима? Спасли ли они Самарию от руки моей? 20 Который из всех богов земель сих спас землю свою от руки моей? Так неужели спасет Яхве Иерусалим от руки моей? 21 Но они молчали и не отвечали ему ни слова, потому что от царя дано было приказание: не отвечайте ему. 22 И пришел Эльяким, сын Хилькияху, начальник дворца, и Шевна писец, и Иоах, сын Асафа, дееписатель, к Хизкияху в разодранных одеждах и пересказали ему слова Рав-Шаке.

Глава 37. 1 Когда услышал это царь Хизкияху, то разодрал одежды свои и покрылся вретищем, и пошел в дом Яхве; 2 и послал Эльякима, начальника дворца, и Шевну писца, и старших жрецов, покрытых вретищами, к пророку Йешаяху, сыну Амоца. 3 И они сказали ему: так говорит Хизкияху: день скорби и наказания и посрамления день сей, ибо младенцы дошли до отверстия утробы матерней, а силы нет родить. 4 Может быть, услышит Яхве, бог твой, слова Рав-Шаке, которого послал царь Ассирийский, господин его, хулить бога живаго и поносить словами, какие слышал Яхве, бог твой; вознеси же молитву об оставшихся, которые находятся еще в живых. 5 И пришли слуги царя Хизкияху к Йешаяху. 6 И сказал им Йешаяху: так скажите господину вашему: так говорит Яхве: не бойся слов, которые слышал ты, которыми поносили меня слуги царя Ассирийского. 7 Вот, я пошлю в него дух, и он услышит весть, и возвратится в землю свою, и я поражу его мечом в земле его. 8 И возвратился Рав-Шаке и нашел царя Ассирийского воюющим против Ливны; ибо он слышал, что тот отошел от Лахиша. 9 И услышал он о Тирхаке, царе Ефиопском; ему сказали: вот, он вышел сразиться с тобою. Услышав это, он послал послов к Хизкияху, сказав: 10 так скажите Хизкияху, царю Иудейскому: пусть не обманывает тебя бог твой, на которого ты уповаешь, думая: «не будет отдан Иерусалим в руки царя Ассирийского». 11 Вот, ты слышал, что сделали цари Ассирийские со всеми землями, положив на них заклятие; ты ли уцелеешь? 12 Боги народов, которых разорили отцы мои, спасли ли их, спасли ли Гозан и Харан, и Рецеф, и Бней-Еден, что в Тлассаре? 13 Где царь Хамата и царь Арпада, и царь города Сепарваима, Ены и Иввы? 14 И взял Хизкияху письмо из руки послов и прочитал его, и пошел в дом Яхве, и развернул его Хизкияху пред лицом Яхве; 15 и молился Хизкияху пред лицом Яхве и говорил: 16 Яхве Саваоф, боже Израилев, сидящий на херувимах! Ты один бог всех царств земли; ты сотворил небо и землю. 17 Приклони, Яхве, ухо твое и услышь; открой, Яхве, очи твои и воззри, и услышь слова Сеннахирима, который послал поносить тебя, бога живаго. 18 Правда, о, Яхве! цари Ассирийские опустошили все страны и земли их 19 и побросали богов их в огонь; но это были не боги, а изделие рук человеческих, дерево и камень, потому и истребили их. 20 И ныне, Яхве, боже наш, спаси нас от руки его; и узнают все царства земли, что ты, Яхве, бог один. 21 И послал Йешаяху, сын Амоца, к Хизкияху сказать: так говорит Яхве, бог Израилев: о чем ты молился мне против Сеннахирима, царя Ассирийского, - 22 вот слово, которое Яхве изрек о нем: презрит тебя, посмеется над тобою девствующая дочь Сиона, покачает вслед тебя головою дочь Иерусалима. 23 Кого ты порицал и поносил? и на кого возвысил голос и поднял так высоко глаза твои? на святого Израилева. 24 Чрез рабов твоих ты порицал Яхве и сказал: «со множеством колесниц моих я взошел на высоту гор, на ребра Ливана, и срубил рослые кедры его, отличные кипарисы его, и пришел на самую вершину его, в рощу сада его; 25 и откапывал я, и пил воду; и осушу ступнями ног моих все реки Египетские». 26 Разве не слышал ты, что я издавна сделал это, в древние дни предназначал это, а ныне выполнил тем, что ты опустошаешь крепкие города, превращая их в груды развалин? 27 И жители их сделались маломощны, трепещут и остаются в стыде; они стали как трава на поле и нежная зелень, как порост на кровлях и опаленный хлеб, прежде нежели выколосился. 28 Сядешь ли ты, выйдешь ли, войдешь ли, я знаю все, знаю и дерзость твою против меня. 29 За твою дерзость против меня и за то, что надмение твое дошло до ушей моих, я вложу кольцо мое в ноздри твои и удила мои в рот твой, и возвращу тебя назад тою же дорогою, которою ты пришел. 30 И вот, тебе, Хизкияху, знамение: ешьте в этот год выросшее

от упавшего зерна, и на другой год - самородное; а на третий год сейте и жните, и садите виноградные сады, и ешьте плоды их. 31 И уцелевший в доме Иудином остаток пустит опять корень внизу и принесет плод вверху, 32 ибо из Иерусалима произойдет остаток, и спасенное - от горы Сиона. Ревность Яхве Саваофа соделает это. 33 Посему так говорит Яхве о царе Ассирийском: «не войдет он в этот город и не бросит туда стрелы, и не приступит к нему со щитом, и не насыплет против него вала. 34 По той же дороге, по которой пришел, возвратится, а в город сей не войдет, говорит Яхве. 35 Я буду охранять город сей, чтобы спасти его ради себя и ради Давида, раба моего». 36 И вышел ангел Яхве и поразил в стане Ассирийском сто семьдесят пять тысяч человек. И встали поутру, и вот, все тела мертвые. 37 И отступил, и пошел, и возвратился Сennaхирим, царь Ассирийский, и жил в Ниневии. 38 И когда он поклонялся в доме Нисроха, бога своего, Адрамелех и Шарецер, сыновья его, убили его мечом, а сами убежали в землю Араратскую. И воцарился Асардан, сын его, вместо него.

36 וַיְהִי בְּאַרְבַּע עָשָׂר שָׁנָה לַמֶּלֶךְ חִזְקִיָּהוּ עָלָה סַנְחֲרִיב מֶלֶךְ-אַשּׁוּר^ה
עַל כָּל-עַרְי יְהוּדָה הַבְּצֻרוֹת וַיִּתְּפָשִׂם: ² וַיִּשְׁלַח מֶלֶךְ-אַשּׁוּר אֶת־^{לג. ל}
רַב־שָׂקָה מֶלֶכִישׁ יְרוּשָׁלַיִם מָה אֶל-הַמֶּלֶךְ חִזְקִיָּהוּ בְּחֵיל^א כְּבֹד וַיַּעֲמֹד^ב

בַּתְּעֹלֹת הַבְּרִכָּה הָעֲלִיזָה בַּמְּסֻלַת שָׁרָה כּוֹבֵם: ³ וַיֵּצֵא אֱלֹהֵי אֱלִיקִים³
בֶּן-חֶלְקִיָּהוּ אֲשֶׁר עַל-הַבַּיִת וּשְׁבָנָא הַסֹּפֵר וַיּוֹאֲח בֶן-אֶסְרָף הַמְּזֻכָּר:
+ וַיֹּאמֶר אֵלֵיהֶם רַב־שָׂקָה אֲמַרוּ-נָא אֶל-חִזְקִיָּהוּ כֹה-אָמַר הַמֶּלֶךְ:⁴
הַגְּדוּל מֶלֶךְ אַשּׁוּר מָה הַבְּטָחוֹן הַזֶּה אֲשֶׁר בְּטַחַת: ⁵ אָמַרְתִּי^א אֵיךְ־^{5, 8, 15}
דָּבַר־שְׁפָתַיִם עֲצָה וּגְבוּרָה לַמֶּלֶחֶמָה עָתָה עַל-מִי בְּטַחַת כִּי מִרְדַּת
כִּי: ⁶ הַנְּהַ בְּטַחַת עַל-מִשְׁעָנֹת הַקְּנָה הַרְצֹוֹן הַזֶּה עַל-מִצְרַיִם אֲשֶׁר
יִסְמְךָ אִישׁ עָלָיו וּבָא בְּכַפּוֹ וּנְקָבָה בֶן פִּרְעָה מֶלֶךְ-מִצְרַיִם לְכָל־^{7, 5, 6}
הַבְּטָחִים עָלָיו: ⁷ וְכִי־תֹאמַר^א אֵלֵי אֶל-יְהוָה אֱלֹהֵינוּ בְּטַחְנוּ הַלּוֹא־^{8, 9, 10, 11, 12, 13}
הוּא אֲשֶׁר הִסִּיר חִזְקִיָּהוּ אֶת-בְּמַתָּיו וְאֶת-מִזְבְּחֹתָיו וַיֹּאמֶר לִיהוּדָה⁷
וּלְיְרוּשָׁלַם לִפְנֵי הַמִּזְבֵּחַ הַזֶּה תִּשְׁתַּחֲוּוּ: ⁸ וְעָתָה הַתְּעַרְב נָא אֶת־^{8, 11}
אֲדָנִי הַמֶּלֶךְ אַשּׁוּר^א וְאַתְּנָה לָךְ אֲלַפִּים סוּסִים אִם-תּוֹכֵל לָתֵת לָךְ
רֶכֶבִים עֲלֵיהֶם: ⁹ וְאֵיךְ תִּשְׁיָב אֶת פְּנֵי פַחַת^א אַחֲרַ עַבְדֵי אֲדָנִי הַקְּטָנִים
וּתְבַטַּח לָךְ עַל-מִצְרַיִם לְרֶכֶב וּלְפָרָשִׁים: ¹⁰ וְעָתָה הַמְּבַלְעֵדֵי יְהוָה
עָלִיתִי עַל־הָאָרֶץ הַזֹּאת לְהַשְׁחִיתָהּ יְהוָה אָמַר אֵלֵי עָלָה אֶל-הָאָרֶץ
הַזֹּאת וְהַשְׁחִיתָהּ: ¹¹ וַיֹּאמֶר אֱלִיקִים^א וּשְׁבָנָא וַיּוֹאֲח^א אֶל-רַב־^{11, 12, 13}
שָׂקָה דְּבַר־נָא אֶל-עַבְדֶיךָ אַרְמִית כִּי שְׁמַעִים אֲנַחְנוּ וְאֶל-תְּדַבֵּר
אֲלֵינוּ יְהוּדִית בְּאָזְנֵי הָעָם אֲשֶׁר עַל-הַחוֹמָה: ¹² וַיֹּאמֶר רַב־שָׂקָה
הָאֵל אֲדָנֶיךָ וְאֲלֵיךָ שְׁלַחְנִי אֲדָנִי לְדַבֵּר אֶת-הַדְּבָרִים הָאֵלֶּה הַלֵּא
עַל־הָאֲנָשִׁים הַיֹּשְׁבִים עַל-הַחוֹמָה לֶאֱכֹל אֶת-חֲרָאֵיהֶם^א וּלְשַׁתּוֹת אֶת־
שִׁנְיָהֶם^ב עִמָּכֶם: ¹³ וַיַּעֲמֹד רַב־שָׂקָה וַיִּקְרָא בְּקוֹל־גְּדוֹל יְהוּדִית¹³

וַיֹּאמֶר שָׁמְעוּ אֶת־דְּבָרֵי הַמֶּלֶךְ הַגָּדוֹל מֶלֶךְ אַשּׁוּר׃ ¹⁴ כֹּה אָמַר ¹⁴
 הַמֶּלֶךְ אֶל־יִשְׂרָאֵל לָכֶם חִזְקִיָּהוּ כִּי לֹא־יִוָּכַל לְהַצִּיל אֶתְכֶם׃ ¹⁵ וְאֶל־¹⁵
 יְבֻטָּח אֶתְכֶם חִזְקִיָּהוּ אֶל־יְהוָה לֵאמֹר הַצֵּל יִצְּלֵנוּ יְהוָה לֹא תִנָּחַן
 הָעִיר הַזֹּאת בְּיַד מֶלֶךְ אַשּׁוּר׃ ¹⁶ אֶל־תִּשְׁמְעוּ אֶל־חִזְקִיָּהוּ ¹⁶ כִּי כֹה
 אָמַר הַמֶּלֶךְ אַשּׁוּר׃ עָשׂוּ אֶתִּי בְּרָכָה וְצִאוּ אֵלַי וְאֶכְלוּ אִישׁ־נַפְּנוֹ וְאִישׁ

תֵּאנְתוּ וְשִׁתוּ אִישׁ מִי־בוֹרֹו׃ ¹⁷ עַד־בָּאִי וְלָקַחְתִּי אֶתְכֶם אֶל־אֶרֶץ ¹⁷
 כְּאֶרֶצְכֶם אֶרֶץ דָּגָן וְתִירוֹשׁ אֶרֶץ לֶחֶם וּכְרָמִים׃ ¹⁸ פֶּן־יִסִּית אֶתְכֶם ¹⁸
 חִזְקִיָּהוּ לֵאמֹר יְהוָה יִצְּלֵנוּ הַהַצִּילֵנוּ אֱלֹהֵי הַגּוֹיִם אִישׁ אֶת־אֲרָצוֹ מִיַּד
 מֶלֶךְ אַשּׁוּר׃ ¹⁹ אִיָּהּ אֱלֹהֵי חֲמַת וְאֶרְפָּד אִיָּהּ אֱלֹהֵי סַפְרֻנִּים ¹⁹ וְכִי־¹⁹
 הַצִּילוּ אֶת־שֹׁמְרוֹן מִיַּדִּי׃ ²⁰ מִי בְּכָל־אֱלֹהֵי הָאָרְצוֹת הָאֵלֶּה אֲשֶׁר־
 הַצִּילוּ אֶת־אֲרָצִים מִיַּדִּי כִּי־יִצְּלֵ יְהוָה אֶת־יְרוּשָׁלַם מִיַּדִּי׃ ²¹ וַיַּחְרִישׁוּ
 וְלֹא־עָנּוּ אֹתוֹ דְּבַר כִּי־מִצְוֹת הַמֶּלֶךְ הִיא לֵאמֹר לֹא תַעֲנֶהוּ׃
 וַיָּבֹא אֱלִיָּקִים בֶּן־חֶלְקִיָּהוּ אֲשֶׁר־עַל־הַבַּיִת וְשִׁבְנָא הַסּוֹפֵר וַיֹּאחַז
 בֶּן־אֶסְרָף הַמִּזְכִּיר אֶל־חִזְקִיָּהוּ קְרוּעֵי בְגָדִים וַיַּגִּידוּ לוֹ אֵת דְּבָרֵי רַב־
 שָׁקָה׃

וַיְהִי כִשְׁמֹעַ הַמֶּלֶךְ חִזְקִיָּהוּ וַיִּקְרַע אֶת־בְּגָדָיו וַיִּתְכַּסֵּ בַשֶּׁקַּ וַיָּבֹא בֵּית ¹
 יְהוָה׃ ² וַיִּשְׁלַח אֶת־אֱלִיָּקִים אֲשֶׁר־עַל־הַבַּיִת וְאֶת שִׁבְנָא הַסּוֹפֵר ²
 וְאֶת זְקַנֵי הַכַּהֲנָיִם מִתְכַּפְּסִים בַּשֶּׁקִים אֶל־יִשְׁעֵיהוּ בֶן־אֲמוּץ הַנְּבִיא׃ ³
 וַיֹּאמְרוּ אֵלָיו כֹּה אָמַר חִזְקִיָּהוּ יוֹם־צָרָה וְתוֹכָחָה וְנֶאֱצָה הַיּוֹם הַזֶּה
 כִּי בָאוּ בָנִים עַד־מִשְׁבֵּר וְכַח אֵין לְלִדָּה׃ ⁴ אִוְלִי יִשְׁמַע יְהוָה אֱלֹהֵיךָ
 אֶת דְּבָרֵי רַב־שָׁקָה אֲשֶׁר שָׁלַחוּ מֶלֶךְ־אַשּׁוּר אֲדַנְיוֹ לְחַרְף אֱלֹהִים
 חִי וְהוֹכִיחַ בַּדְּבָרִים אֲשֶׁר שָׁמַע יְהוָה אֱלֹהֵיךָ וְנִשְׁאֵת תְּפִלָּה בְּעַד
 הַשְּׂאִרִית הַנִּמְצָאָה׃ ⁵ וַיָּבֹאוּ עִבְדֵי הַמֶּלֶךְ חִזְקִיָּהוּ אֶל־יִשְׁעֵיהוּ׃
 וַיֹּאמֶר אֲלֵיהֶם יִשְׁעֵיהוּ כֹה תֹאמְרוּן אֶל־אֲדֹנֵיכֶם כֹּה אָמַר יְהוָה
 אֶל־תִּירָא מִפְּנֵי הַדְּבָרִים אֲשֶׁר שָׁמַעְתָּ אֲשֶׁר נִדְּפוּ נְעָרֵי מֶלֶךְ־אַשּׁוּר
 אוֹתִי׃ ⁷ הַנְּנִי נֹתָן בּוֹ רוּחַ וְשָׁמַע שְׁמוּעָה וְשָׁב אֶל־אֲרָצוֹ וְהַפְּלִיתוּ
 בַּחֲרָב בְּאֲרָצוֹ׃ ⁸ וַיֵּשֶׁב רַב־שָׁקָה וַיִּמְצָא אֶת־מֶלֶךְ אַשּׁוּר
 נֹלָחַם עַל־לְבָנָה כִּי שָׁמַע כִּי נָסַע מֶלְכִישׁ׃ ⁹ וַיִּשְׁמַע עַל־תְּרַחֲקָה
 מֶלֶךְ־כּוּשׁ לֵאמֹר יָצָא לְחַלְתָּם אֶתְּךָ וַיִּשְׁמַע ¹⁰ וַיִּשְׁלַח מֶלְאָכִים אֶל־
 חִזְקִיָּהוּ לֵאמֹר׃ ¹⁰ כֹּה תֹאמְרוּן אֶל־חִזְקִיָּהוּ מֶלֶךְ־יְהוּדָה לֵאמֹר אֶל־
 יִשְׂאֲךָ אֱלֹהֵיךָ אֲשֶׁר אַתָּה בּוֹטָח בּוֹ לֵאמֹר לֹא תִנָּחַן יְרוּשָׁלַם בְּיַד מֶלֶךְ

1 פסוק ולא לא 16 . ב

2 מל בנביא 17

3 מל 1 דמטע בטע 16

כ"ז מל ה מנח כסיף וכל יהושע ושפטים דכות ב מל 1 . ב

ב כז בטע 17 מל בנביא וכל כתיב דכות ב מל

אָשׁוּר׃ ¹¹ הִנֵּה אֶתְּךָ שְׁמַעְתָּ אֲשֶׁר עָשׂוּ מַלְכֵי אֲשׁוּר לְכָל־הָאֲרָצוֹת

לְהַחְרִימָם וְאֶתְּךָ תִּנְצֹל׃ ¹² תִּהְיֶינָה אוֹתָם אֱלֹהֵי הַגּוֹיִם אֲשֶׁר הִשְׁתַּחֲוִיתוּ׃

אֲבוֹתַי אֶת־גִּזְזוֹן וְאֶת־חֶרֶן וְרֶצֶף וּבְנֵי־עֵדֶן אֲשֶׁר^a בְּתִלְשָׁר׃ ¹³ אֵיךְ

ז מל. ק"ו. ב חד חס
חד מל"ו

מֶלֶךְ־חֲמַת וּמֶלֶךְ אֶרְפָּד וּמֶלֶךְ לַעִיר^a סַפְרֻנִּים הִנֵּעַ וְעוֹה׃

ב בסיפ

¹⁴ וַיִּקַּח חֲזַקְיָהוּ אֶת־הַסְּפָרִים מִיַּד הַמַּלְאָכִים וַיִּקְרָאֵהוּ וַיַּעַל בֵּית

ל בסיפ"ו

יְהוָה וַיִּפְרָשֶׁהוּ חֲזַקְיָהוּ לִפְנֵי יְהוָה׃ ¹⁵ וַיִּתְפַּלֵּל חֲזַקְיָהוּ אֶל־יְהוָה

ב

לֵאמֹר׃ ¹⁶ יְהוָה צְבָאוֹת אֱלֹהֵי יִשְׂרָאֵל יֹשֵׁב הַכְּרֹבִים אַתָּה־הוּא

ה חס בסיפ. יב חס וכל
אורית דכות"ל

הָאֱלֹהִים לְבַדְּךָ לְכָל מַמְלָכוֹת הָאָרֶץ אַתָּה עָשִׂיתָ אֶת־הַשָּׁמַיִם וְאֶת־

י"ג

הָאָרֶץ׃ ¹⁷ הַטָּה יְהוָה אֲזִנְךָ וְשָׁמַע פִּקְחַת יְהוָה עֵינֶיךָ וּרְאָה וּשְׁמַע אֶת־

י"ד. י"ז. י"ט. סו י"ט
ב פסוק דמטע"ל

כָּל־דְּבָרֵי סִנְחַרִּיב אֲשֶׁר שָׁלַח לְחַרְף אֱלֹהִים חַי׃ ¹⁸ אָמֵן יְהוָה

י"ח

הַחֲרִיבוּ מַלְכֵי אֲשׁוּר אֶת־כָּל־הָאֲרָצוֹת^a וְאֶת־אֲרָצָם׃ ¹⁹ וַנִּתֵּן אֶת־

י"ט. י"ז

אֶל־הֵיחָם בָּאֵשׁ כִּי לֹא אֱלֹהִים הֵמָּה כִּי אִם־מַעֲשֵׂה יַד־יְאֲדָם עֵץ וְאֲבָן

כ

וְיֶאֱבָדוּם׃ ²⁰ וְעַתָּה יְהוָה אֱלֹהֵינוּ הוֹשִׁיעֵנו מִיַּד^a וַיִּגְדְּעוּ כָל־מַמְלָכוֹת

כ"א. כ"ב. כ"ג

הָאָרֶץ כִּי־אַתָּה יְהוָה לְבַדְּךָ׃ ²¹ וַיִּשְׁלַח יִשְׁעֵיהוּ בֶן־

כ"ד

אֲמוֹן אֶל־חֲזַקְיָהוּ לֵאמֹר כֹּה־אָמַר יְהוָה אֱלֹהֵי יִשְׂרָאֵל אֲשֶׁר הִתְפַּלַּלְתָּ

כ"ה

אֵלַי אֶל־סִנְחַרִּיב מֶלֶךְ אֲשׁוּר׃ ²² זֶה הַדְּבָר אֲשֶׁר־דִּבֶּר יְהוָה עָלָיו

כ"ו

בְּזֶה לָךְ לְעֵנָה לָךְ בְּתוֹלַת בַּת־צִיּוֹן

כ"ז

אֲחֵרֶיךָ רֹאשׁ הַנְּיָעָה בַּת יְרוּשָׁלַם׃

כ"ח

²³ אֶת־מִי חֲרַפְתָּ וְגִדַּפְתָּ וְעַל־מִי הִרִימוּתָה קוֹל

כ"ט

וַתִּשָּׂא מְרוֹם עֵינֶיךָ אֶל־קְדוֹשׁ יִשְׂרָאֵל׃

ל

²⁴ בִּינְךָ עֲבַדְיָךְ חֲרַפְתָּ אֲדֹנָי וַתֹּאמֶר בְּרַב רַכְבִּי

כ"ט. כ"ג. כ"ד
ב חס ור"ל מל

אֲנִי עָלִיתִי מְרוֹם הָרִים וַיִּרְפְּתִי לְכַנּוֹן

מ"ב

וְאֶכְרַת^a קוֹמַת אֲרָזָיו מִבְּתַר בְּרָשָׁיו

מ"ג

וְאָבֹוא^a מְרוֹם^b קִצּוֹ יַעַר כַּרְמֶלָו׃

מ"ד

²⁵ אֲנִי קָרַתִּי וְשָׁתִיתִי מַיִם^a

מ"ה

ב

ב. א. ב

ב

ב

ב

ב

ב

ב

ב

ב

ב

ב

ב

ב

ב

ב

ב

ואחרבלי בכף-פַּעַמִּי כָּל יֵאָרִי מְצֹר:
26 הָלוֹא-שָׁמַעַתָּ לַמַּרְחֹק אוֹתָהּ עֲשִׂיתִי
מִיָּמֵי קֶדֶם וַיִּצְרַתִּיהָ עִתָּהּ הִבְאַתִּיהָ
וְתִהְיֶינָה לְהַשְׁאוֹת גְּלִים נְצִים עָרִים בְּצָרוֹת:

ב רחט"ג
ח. יב"ב מל ג מנה בסיפ
וכל יהושע שפטים ויחזק
דכות ב מ ג

ב חד חס וחד מל

יג"ד. ל מפס א"ג . ג

27 וַיִּשְׁבִּיהֶן קֶצְרֵי-יָד חֲתוּ וַבָּשׂוּ
הָיוּ עֹשֵׁב שָׂדֵה נִירַק דָּשָׂא
חֲצִיר גִּזְוֹת וְשֶׁרְמָה לִפְנֵי קִמְהָ:

ב. ג"ג

ב

ד

28 וְשִׁבְתֶּךָ וְצִאֲתֶךָ וּבֹאֲךָ יִדְעֵתִי וְאַתָּה הִתְרַגַּזְתָּ אֵלַי:

ה מל. ד

29 וַיַּעַן הִתְרַגַּזְתָּ אֵלַי וְשִׁאֲנַנְתָּ עָלַי בְּאַזְנִי
וְשִׁמְתִי חֲחִי בְּאַפֶּךָ וּמְתַגִּיל בְּשִׁפְתֶיךָ

ד. יב ח מנה קב

ב

וְהִשִּׁיבְתִיךָ בַדֶּרֶךְ אֲשֶׁר-בָּאתָ בָּהּ:

סג

30 וַיִּזְהַלְתָּ הָאוֹת

כג ר"פ

אֲכֹל הַשֶּׁנֶה סְפִיחַ וּבַשֶּׁנֶה הַשֶּׁנִּית שְׁחִים

י מל

וּבַשֶּׁנֶה הַשְּׁלִישִׁית זָרְעוּ וּקְצְרוּ וַנִּטְעוּ כְרָמִים וְאֲכֹלִי פְרִים:

ט מל"ג. ואכלו ק

31 וַיִּסְפָּה פְּלִיטַת בַּיִת-יְהוָה הַנְּשֹׂאָרָה שָׁרֵשׁ לְמַטָּה וַיַּעֲשֶׂה פְרִים

32 כִּי מִירוּשָׁלַם הִצָּא שְׂאֵלִית וּפְלִיטָה מִתַּר צִיּוֹן [לְמַעַלָּה:

קִנְיַת יְהוָה צְבָאוֹת תַּעֲשֶׂה-זֹאת: ׀

33 לָכֵן כֹּה אָמַר יְהוָה אֱלֹהֵי-מֶלֶךְ אֲשׁוּר

יא בטע בסיפ. כ"ג

לֹא יָבוֹא אֶל-הָעִיר הַזֹּאת וְלֹא-יִזְקָה שֵׁם חַךְ

ט פסוק לא ולא ולא ולא

וְלֹא-יִקְדַּמְנָה מָגֵן וְלֹא-יִשְׁפָּךְ עָלֶיהָ סֶלֶחַ: [יְהוָה:

34 בַּדֶּרֶךְ אֲשֶׁר-בָּא בָּהּ יָשׁוּב וְאֶל-הָעִיר הַזֹּאת לֹא יָבוֹא נְאֻם-

כ"ג

35 וַנְּנֹתֵי עַל-הָעִיר הַזֹּאת לְהוֹשִׁיעָהּ לְמַעַנִי וּלְמַעַן דָּוִד

ט מיוחד

[עֲבָדַי: ׀

36 וַיִּצְאָה מֶלֶךְ יְהוָה וַיִּכֶּה בְּמַחְנֵה אֲשׁוּר מֵאָה וּשְׁמוֹנִים וַחֲמִשָּׁה

5, 34

וַיִּשְׁכְּימוּ בַבֶּקֶר וְהִנֵּה כָּלִם פְּגָרִים מֵתִים: 37 וַיִּסַּע וַיִּלְךָ וַיָּשָׁב סָנֵן

מֶלֶךְ-אֲשׁוּר וַיָּשָׁב בְּנִינְוָה: 38 וַיְהִי הוּא מִשְׁתַּחֲוֶה בַּיִת וַנְּסַרְךָ:

ב

וְאֶדְרָמֶלֶךְ וְשֶׂרְאָצֶר בְּנֵיו הִכְהוּ בְחָרְבַּ וְהִמָּה נִמְלְטוּ אֶרֶץ

ב. חס"ג. ד

וַיִּמְלֹךְ אֶסֶר-חֲדָן בְּנוֹ תַחְתָּיו: ׀

Млахим Бет 22:1-23:28. 22:1 Восьми лет был Йошияху, когда воцарился, и тридцать один год царствовал в Иерусалиме; имя матери его Иедида, дочь Адаии, из Боцкат. 2 И делал он угодное в очах Яхве, и ходил во всем путем Давида, отца своего, и не уклонялся ни направо, ни налево. 3 В восемнадцатый год царя Йошияху, послал царь Шафана, сына Ацалии, сына Мешуллама, писца, в дом Яхве, сказав: 4 пойдя к Хелькии первосвященнику, пусть он пересчитает серебро, принесенное в дом Яхве, которое собрали от народа стоящие на страже у порога, 5 и пусть отдадут его в руки производителям работ, приставленным к дому Яхве, а сии пусть раздают его работающим в доме Яхве, на исправление повреждений дома, 6 плотникам и каменщикам, и делателям стен, и на покупку деревьев и тесаных камней для исправления дома; 7 впрочем не требовать у них отчета в серебре, переданном в руки их, потому что они поступают честно. 8 И сказал Хелькия первосвященник Шафану писцу: книгу торы я нашел в доме Яхве. И подал Хелькия книгу Шафану, и он читал ее. 9 И пришел Шафан писец к царю, и принес царю ответ, и сказал: взяли рабы твои серебро, найденное в доме, и передали его в руки производителям работ, приставленным к дому Яхве. 10 И донес Шафан писец царю, говоря: книгу дал мне Хелкия священник. И читал ее Шафан пред царем. 11 Когда услышал царь слова книги торы, то разодрал одежды свои. 12 И повелел царь Хелькии священнику, и Ахикаму, сыну Шафанову, и Ахбору, сыну Михеину, и Шафану писцу, и Асаии, слуге царскому, говоря: 13 пойдите, спросите Яхве за меня и за народ и за всю Иудею о словах сей найденной книги, потому что велик гнев Яхве, который воспылал на нас за то, что не слушали отцы наши слов книги сей, чтобы поступать согласно с предписанным нам. 14 И пошел Хелькия жрец, и Ахикам, и Ахбор, и Шафан, и Асаия к Хульде пророчице, жене Шаллума, сына Тиквы, сына Хархаса, хранителя одежд, - жила же она в Иерусалиме, во второй части, - и говорили с нею. 15 И она сказала им: так говорит Яхве, бог Израилев: скажите человеку, который послал вас ко мне: 16 так говорит Яхве: наведу зло на место сие и на жителей его, - все слова книги, которую читал царь Иудейский. 17 За то, что оставили меня, и кадят другим богам, чтобы раздражать меня всеми делами рук своих, воспылал гнев мой на место сие, и не погаснет. 18 А царю Иудейскому, пославшему вас спросить Яхве, скажите: так говорит Яхве бог Израилев, о словах, которые ты слышал: 19 так как смягчилось сердце твое, и ты смирился пред Яхве, услышав то, что я изрек на место сие и на жителей его, что они будут предметом ужаса и проклятия, и ты разодрал одежды свои, и плакал предо мною, то и я услышал тебя, говорит Яхве. 20 За это, вот, я приложу тебя к отцам твоим, и ты положен будешь в гробницу твою в мире, и не увидят глаза твои всего того бедствия, которое я наведу на место сие. И принесли царю ответ.

Глава 23. 1 И послал царь, и собрали к нему всех старейшин Иуды и Иерусалима. 2 И пошел царь в дом Яхве, и все Иудеи, и все жители Иерусалима с ним, и жрецы, и пророки, и весь народ, от малого до большого, и прочел вслух их все слова книги завета, найденной в доме Яхве. 3 Потом стал царь на возвышенное место и заключил пред лицом Яхве завет – последовать Яхве и соблюдать заповеди его и откровения его и уставы его от всего сердца и от всей души, чтобы выполнить слова завета сего, написанные в книге сей. И весь народ вступил в завет. 4 И повелел царь Хелькии первосвященнику и вторым жрецам и стоящим на страже у порога вынести из храма Яхве все вещи, сделанные для Бааля и для Ашеры и для всего воинства небесного, и сжег их за Иерусалимом в долине Кидрон, и велел прах их отнести в Бейт-Эль. 5 И отставил жрецов, которых поставили цари Иудейские, чтобы совершать курения на высотах в городах Иудейских и окрестностях Иерусалима, - и которые кадили Баалю, солнцу, и луне, и созвездиям, и всему воинству небесному; 6 и вынес Ашеру из дома Яхве за Иерусалим к ущелью Кидрон, и сжег ее в ущелье Кидрон, и истер ее в прах, и бросил прах ее на кладбище общенародное; 7 и разрушил дома блудилищные, которые были при доме Яхве, где женщины ткали одежды для Ашеры; 8 и вывел всех жрецов из городов Иудейских, и осквернил высоты, на которых совершали курения жрецы, от Гевы до Беер-Шевы, и разрушил высоты пред воротами, - ту, которая у входа в ворота Иисуса градоначальника, и ту, которая на левой стороне у городских ворот. 9 Впрочем жрецы высот не приносили жертв на

жертвеннике Яхве в Иерусалиме, опресноки же ели вместе с братьями своими. 10 И осквернил он Тофет, что на долине сыновей Хиннома, чтобы никто не проводил сына своего и дочери своей чрез огонь Молеху; 11 и отменил коней, которых ставили цари Иудейские солнцу пред входом в дом Яхве близ комнат Натан-Мелеха евнуха, что в Парвариме, колесницы же солнца сжег огнем. 12 И жертвенники на кровле горницы Ахазовой, которые сделали цари Иудейские, и жертвенники, которые сделал Менаше на обоих дворах дома Яхве, разрушил царь, и низверг оттуда, и бросил прах их в ущелье Кидрон. 13 И высоты, которые пред Иерусалимом, направо от Масличной горы, которые устроил Соломон, царь Израилев, Ашторет, мерзости Сидонской, и Кмошу, мерзости Моавитской, и Милькому, мерзости Аммонитской, осквернил царь; 14 и изломал статуи, и срубил дубравы, и наполнил место их костями человеческими. 15 Также и жертвенник, который Бейт-Эле, высоту, устроенную Иеровоамом, сыном Наватовым, который ввел Израиля в грех, - также и жертвенник тот и высоту он разрушил, и сжег сию высоту, стер в прах, и сжег дубраву. 16 И взглянул Йошияху и увидел могилы, которые были там на горе, и послал и взял кости из могил, и сжег на жертвеннике, и осквернил его по слову Яхве, которое провозгласил человек божий, предрекший события сии. 17 и сказал Йошияху: что это за памятник, который я вижу? И сказали ему жители города: это могила человека божия, который приходил из Иудеи и провозгласил о том, что ты делаешь над жертвенником Бейт-Эльским. 18 И сказал он: оставьте его в покое, никто не трогай костей его. И сохранили кости его и кости пророка, который приходил из Самарии. 19 Также и все капища высот в городах Самарийских, которые построили цари Израильские, прогневно Яхве, разрушил Йошияху, и сделал с ними то же, что сделал в Бейт-Эле; 20 и заколол всех жрецов высот, которые там были, на жертвенниках, и сожег кости человеческие на них, - и возвратился в Иерусалим. 21 И повелел царь всему народу, сказав: «совершите пасху Яхве богу вашему, как написано в сей книге завета», - 22 потому что не была совершена такая пасха от дней судей, которые судили Израиля, и во все дни царей Израильских и царей Иудейских; 23 а в восемнадцатый год царя Йошияху была совершена сия пасха Яхве в Иерусалиме. 24 И вызывателей мертвых, и волшебников, и терафимов, и идолов, и все мерзости, которые появлялись в земле Иудейской и в Иерусалиме, истребил Йошияху, чтоб исполнить слова торы, написанные в книге, которую нашел Хелькия жрец в доме Яхве. 25 Подобного ему не было царя прежде его, который обратился бы к Яхве всем сердцем своим, и всею душою своею, и всеми силами своими, по всей торе Моисеевой; и после него не восстал подобный ему. 26 Однакож Яхве не отложил великой ярости гнева своего, какою воспылал гнев его на Иуду за все оскорбления, какими прогневал его Менаше. 27 И сказал Яхве: и Иуду отрину от лица моего, как отринул я Израиля, и отвергну город сей Иерусалим, который я избрал, и дом, о котором я сказал: «будет имя мое там». 28 Прочее об Йошияху и обо всем, что он сделал, написано в летописи царей Иудейских.

22 בֶּן־שְׁמֹנֶה־שָׁנָה יֹאשִׁיָּהוּ בְּמָלְכוֹ וְשָׁלְשִׁים וְאַחַת שָׁנָה מָלַךְ 22
 בִּירוּשָׁלַם וְשֵׁם אָמֹן יְדִירָה בַת־עֲדָיָה מִבְּצֻקָת: 2 וַיַּעַשׂ הַיִּשְׂרָאֵל בְּעֵינֵינוּ 2
 יְהוָה וַיִּלְךְ בְּכָל־דָּרֶךְ דָּוִד אָבִיו וְלֹא־סָר יְמִין וְשִׁמְאוֹל: 3
 וַיְהִי בְשִׁמְנֵה עֶשְׂרֵה שָׁנָה לְמָלְךְ יֹאשִׁיָּהוּ שָׁלַח הַמֶּלֶךְ אֶת־שָׁפָן 3
 בֶּן־אֶצְלִיָּהוּ בֶן־מְשֻׁלֵם הַסֹּפֵר בֵּית יְהוָה לֵאמֹר: 4 עֲלֵה אֵל־4
 חֲלָקֶיהוּ הַכֶּתֵן הַגָּדוֹל וַיִּתֵּם אֶת־הַכֶּסֶף הַמּוֹבָא בֵּית יְהוָה אֲשֶׁר 4

5 אָסְפוּ שְׁמֵרֵי הַסֵּף מֵאֵת הָעַם: 5 וַיִּתְּנָהּ^א עַל־יַד עֹשֵׂי הַמְּלָאכָה
 הַמְּפַקְדִים בְּבֵית יְהוָה וַיִּתְּנוּ אֹתוֹ לְעֹשֵׂי הַמְּלָאכָה אֲשֶׁר^ב בְּבֵית
 6 יְהוָה לְחֹזֵק בְּדָק הַבַּיִת: 6 לְתַרְשִׁים וּלְבָנִים וּלְנֹדָרִים וּלְקָנֹת
 7 עֲצִים וְאֲבָנֵי מַחְצָב לְחֹזֵק אֶת־הַבַּיִת: 7 אֵךְ לֹא־יֵחָשֵׁב אִתָּם הַכֶּסֶף
 8 הַנָּתַן עַל־יָדָם כִּי בְאֱמוּנָה הֵם עֹשִׂים: 8 וַיֹּאמֶר חֲלֻקְיָהוּ
 הַכֹּהֵן הַגָּדוֹל עַל־שָׁפָן הַסֹּפֵר סֹפֵר הַתּוֹרָה מִצָּאתִי בְּבֵית יְהוָה
 9 וַיִּתֵּן חֲלֻקְיָה אֶת־הַסֹּפֵר אֶל־שָׁפָן וַיִּקְרָאֵהוּ: 9 וַיָּבֵא^א שָׁפָן הַסֹּפֵר
 אֶל־הַמֶּלֶךְ וַיֵּשֶׁב אֶת־הַמֶּלֶךְ דָּבָר וַיֹּאמֶר הֲתִיכּוּ עִבְדֵיךָ אֶת־הַכֶּסֶף
 הַנִּמְצָא בְּבֵית יְהוָה וַיִּתְּנָהוּ עַל־יַד עֹשֵׂי הַמְּלָאכָה הַמְּפַקְדִים בֵּית יְהוָה:
 10 וַיֵּד שָׁפָן הַסֹּפֵר לַמֶּלֶךְ לֵאמֹר סֹפֵר נָתַן לִי חֲלֻקְיָה הַכֹּהֵן וַיִּקְרָאֵהוּ
 שָׁפָן לִפְנֵי הַמֶּלֶךְ: 11 וַיְהִי כַשְּׁמַע הַמֶּלֶךְ אֶת־דְּבָרֵי סֹפֵר
 12 הַתּוֹרָה וַיִּקְרַע אֶת־בְּגָדָיו: 12 וַיֵּצֵן הַמֶּלֶךְ אֶת־חֲלֻקְיָה הַכֹּהֵן וְאֶת־
 אַחִיקָם בֶּן־שָׁפָן וְאֶת־עַכְבֹּר בֶּן־מִיכָיָה וְאֶת־שָׁפָן הַסֹּפֵר וְאֶת עֲשִׂיָה
 13 עֶבֶד־הַמֶּלֶךְ לֵאמֹר: 13 לְכוּ דַרְשׁוּ אֶת־יְהוָה בְּעַדִּי וּבְעַד־הָעַם
 וּבְעַד כָּל־יְהוּדָה עַל־דְּבָרֵי הַסֹּפֵר הַנִּמְצָא הַזֶּה כִּי־גִדּוֹלָה חַמַּת
 יְהוָה אֲשֶׁר־הִיא נִצְתָה בָנוּ עַל אֲשֶׁר לֹא־שָׁמְעוּ אֲבֹתֵינוּ עַל־דְּבָרֵי
 14 הַסֹּפֵר הַזֶּה לַעֲשׂוֹת כְּכָל־הַכְּתוּב עָלֵינוּ: 14 וַיִּלֶּךְ חֲלֻקְיָהוּ הַכֹּהֵן
 וְאַחִיקָם וְעַכְבֹּר וְשָׁפָן וְעֲשִׂיָה אֶל־חֲלֻקְיָה הַנְּבִיאָה אֲשֶׁת־שָׁפָן
 תִּקְוָה בֶּן־חַרְתָּסִי שֹׁמֵר הַבְּגָדִים וְהִיא יֹשֶׁבֶת בִּירוּשָׁלַם בְּמִשְׁנֵה
 15 וַיַּדְּבֵרוּ אֵלֶיהָ: 15 וַתֹּאמֶר אֲלֵיהֶם כֹּה־אָמַר יְהוָה אֱלֹהֵינוּ
 16 יִשְׂרָאֵל אָמְרוּ לְאִישׁ אֲשֶׁר־שָׁלַח אֶתְכֶם אֵלַי: 16 כֹּה אָמַר יְהוָה הַנְּנִי
 מִבֵּיא רָעָה אֵלַי הַמְּקוֹם הַזֶּה וְעַל־יֹשְׁבָיו אֶת כָּל־דְּבָרֵי הַסֹּפֵר אֲשֶׁר
 17 קָרָא מֶלֶךְ יְהוּדָה: 17 תַּחַת אֲשֶׁר עָזְבוּנִי וַיִּקְטְרוּ לֵאלֹהִים אֲחֵרִים

1 כֹּה כן
 18 תִּכְבֶּה: 18 וְאֶל־מֶלֶךְ יְהוּדָה הִשְׁלַח אֶתְכֶם לְדַרְשׁ אֶת־יְהוָה כֹּה
 תֹּאמְרוּ אֵלָיו כֹּה־אָמַר יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יִשְׂרָאֵל הַדְּבָרִים אֲשֶׁר שָׁמַעְתָּ:
 19 יָעַן רַךְ־לִבְבָךְ וַתִּפְנַע וַתִּפְנַע מִפְּנֵי יְהוָה בְּשָׁמְעֶךָ אֲשֶׁר דִּבַּרְתִּי עַל־
 הַמְּקוֹם הַזֶּה וְעַל־יֹשְׁבָיו לְהִיזוֹת לְשִׁמְהָ וּלְקַלְלָהּ וַתִּקְרַע אֶת־בְּגָדֶיךָ
 וַתִּכְבֶּה לִפְנֵי וְגַם אָנֹכִי שָׁמַעְתִּי נְאֻם־יְהוָה: 20 לָכֵן הַנְּנִי אֶסְפֶּךָ
 עַל־אֲבֹתֶיךָ וְנִאֲסַפְתָּ אֶל־קְבוֹרֹתֶיךָ בְּשָׁלוֹם וְלֹא־תִרְאֲנָה עֵינֶיךָ
 בְּכָל־הַרְעָה אֲשֶׁר־אָנִי מִבֵּיא עַל־הַמְּקוֹם הַזֶּה וַיֵּשְׁבוּ אֶת־הַמֶּלֶךְ
 דָּבָר: 23 וַיִּשְׁלַח הַמֶּלֶךְ וַיֹּאסְפוּ אֵלָיו כָּל־זִקְנֵי יְהוּדָה
 2 וַיַּעַל הַמֶּלֶךְ בֵּית־יְהוָה וְכָל־אִישׁ יְהוּדָה וְכָל־יֹשְׁבֵי

17, 18, 19 חס"ג, ג' בליש"ס
 21, 22 חס"ג וחד מל"ג
 23 וכל ועל יושביו דכות ב מא, 24

לְעֹפֶר וְשָׂרָף אֲשֶׁרָה: ¹⁶ וַיִּפֶן יְאֹשִׁיָהוּ וַיֵּרָא אֶת־הַקְּבָרִים ¹⁶
אֲשֶׁר־שָׁם בְּהָרָא וַיִּשְׁלַח וַיִּקַּח אֶת־הַעֲצָמוֹת מִן־הַקְּבָרִים וַיִּשְׂרָף עַל־
הַמִּזְבֵּחַ וַיִּטְמְאֵהוּ כַּדָּבָר יְהוָה אֲשֶׁר קָרָא אִישׁ הָאֱלֹהִים אֲשֶׁר קָרָא
אֶת־הַדְּבָרִים הָאֵלֶּה: ¹⁷ וַיֹּאמֶר מָה הַצִּיּוֹן הַלְזוֹ אֲשֶׁר אָנֹכִי רֹאֶה ¹⁷
וַיֹּאמְרוּ אֵלָיו אַנְשֵׁי הָעִיר הַקְּבָרָא אִישׁ־הָאֱלֹהִים אֲשֶׁר־בָּא מִיְהוּדָה
וַיִּקְרָא אֶת־הַדְּבָרִים הָאֵלֶּה אֲשֶׁר עָשִׂיתָ עַל הַמִּזְבֵּחַ בֵּית־אֵל:
¹⁸ וַיֹּאמֶר הִנֵּיחֻ לֹא אִישׁ אֶל־יָנַע עֲצַמְתָּיו וַיִּמְלְטוּ עֲצַמְתָּיו אֶת עֲצָמוֹת ¹⁸
הַנְּבִיא אֲשֶׁר־בָּא מִשְׁמְרוֹן: ¹⁹ וְגַם אֶת־כָּל־בְּתֵי הַבָּמוֹת ¹⁹
אֲשֶׁר בְּעָרֵי שְׁמְרוֹן אֲשֶׁר עָשׂוּ מַלְכֵי יִשְׂרָאֵל לְהַכְעִיסֵם הִסִּיר יְאֹשִׁיָהוּ
וַיַּעַשׂ לָהֶם כְּכָל־הַמַּעֲשִׂים אֲשֶׁר עָשָׂה בְּבֵית־אֵל: ²⁰ וַיִּזְבַּח אֶת־ ²⁰
כָּל־כַּהֲנֵי הַבָּמוֹת אֲשֶׁר־שָׁם עַל־הַמִּזְבְּחוֹת וַיִּשְׂרָף אֶת־עֲצָמוֹת אָדָם ^{19a}
עֲלֵיהֶם וַיָּשָׁב יְרוּשָׁלַם: ²¹ וַיִּצְוּ הַמֶּלֶךְ אֶת־כָּל־הָעָם לֵאמֹר ²¹
עֲשׂוּ פֶסַח לַיהוָה אֱלֹהֵיכֶם כַּכְּתוּב עַל סֵפֶר הַבְּרִית הַזֶּה: ²² כִּי ²²
לֹא נַעֲשָׂה כַּפֶּסַח הַזֶּה מִימֵי הַשְּׁפָטִים אֲשֶׁר שָׁפְטוּ אֶת־יִשְׂרָאֵל וְכָל־
יְמֵי מַלְכֵי יִשְׂרָאֵל וּמַלְכֵי יְהוּדָה: ²³ כִּי אִם־בְּשִׁמְנֵה עָשְׂרָה שָׁנָה ²³
לְמֶלֶךְ יְאֹשִׁיָהוּ נַעֲשָׂה הַפֶּסַח הַזֶּה לִיהוָה בִּירוּשָׁלַם: ²⁴ וְגַם אֶת־ ²⁴
הָאֲבוֹת וְאֶת־הַיָּדְעָנִים וְאֶת־הַתַּרְפִּים וְאֶת־הַגִּלְגָּלִים וְאֶת־כָּל־
הַשְּׂקָצִים אֲשֶׁר נִרְאוּ בָאָרֶץ יְהוּדָה וּבִירוּשָׁלַם בַּעַר יְאֹשִׁיָהוּ לְמַעַן
הָקִים אֶת־דְּבָרֵי הַתּוֹרָה הַכְּתוּבִים עַל־הַסֵּפֶר אֲשֶׁר מָצָא חִלְקִיָהוּ
הַכֹּהֵן בֵּית־אֵל יְהוָה: ²⁵ וְכִמְהוּ לֹא־הָיָה לְפָנָיו מֶלֶךְ אֲשֶׁר־שָׁב אֶל־סֵ ^{25a}
יְהוָה בְּכָל־לְבָבוֹ וּבְכָל־נַפְשׁוֹ וּבְכָל־מְאֹדוֹ כְּכָל־^{25b} תּוֹרַת מֹשֶׁה
וְאַחֲרָיו לֹא־קָם כָּמֹהוּ: ²⁶ אַךְ לֹא־שָׁב יְהוָה מִחֲרוֹן אַפּוֹ ²⁶
הַגָּדוֹל אֲשֶׁר־תָּרָה אַפּוֹ בִיהוּדָה עַל כָּל־הַכְּעָסִים אֲשֶׁר הִכְעִיסוּ

1 - יט פסוק בסיפ
את את את

20 חס"ק וכל חומש
המגילות דכות ב מ ב .

20 חס"ק וכל חומש
המגילות דכות ב מ ב

1 חס"ק . ד . 24 . כא

ה חס"ק וכל אורית דכות 26

10 ר"פ וס"פ חר
ד דקרים אחריו

מְנַשָּׁה: ²⁷ וַיֹּאמֶר יְהוָה גַּם אֶת־יְהוּדָה אֲסִיר מֵעַל פְּנֵי כַּאֲשֶׁר הִסְרָתִי ²⁷
אֶת־יִשְׂרָאֵל וּמֵאֲסִיתִי אֶת־הָעִיר הַזֹּאת אֲשֶׁר־בְּחַרְתִּי אֶת־יְרוּשָׁלַם
וְאֶת־הַבָּיִת אֲשֶׁר אָמַרְתִּי יְהוָה שְׁמִי שָׁם: ²⁸ וַיִּתֵּר דְּבָרֵי ²⁸
יְאֹשִׁיָהוּ וְכָל־אֲשֶׁר עָשָׂה הֲלֹא־הֵם כְּתוּבִים עַל־סֵפֶר דְּבָרֵי הַיָּמִים
לְמֶלֶכִי יְהוּדָה: ²⁹ בְּיָמָיו עָלָה פְרַעְה נָכָה מֶלֶךְ־מִצְרַיִם עַל־^{29a}

27 ה' יט בסע ר"פ בסיפ 28

29a

2 Хроник 34:1-33. 34:1 Восемь лет было Йошияху, когда он воцарился, и тридцать один год царствовал в Иерусалиме, 2 и делал он угодное в очах Яхве, и ходил путями Давида, отца своего, и не уклонялся ни направо, ни налево. 3 В восьмой год царствования своего, будучи еще отроком, он начал прибегать к богу Давида, отца своего, а в двенадцатый год начал очищать Иудею и Иерусалим от высот и посвященных деревьев и от резных и литых кумиров. 4 И разрушили пред лицом его жертвенники Баалов и статуи, возвышавшиеся над ними; и посвященные деревья он срубил, и резные и литые кумиры изломал и разбил в прах, и рассыпал на гробах тех, которые приносили им жертвы, 5 и кости жрецов сжег на жертвенниках их, и очистил Иудею и Иерусалим, 6 и в городах Менаше, и Эфраима, и Шимона, даже до колена Нафтали, и в опустошенных окрестностях их 7 он разрушил жертвенники и посвященные деревья, и кумиры разбил в прах, и все статуи сокрушил по всей земле Израильской, и возвратился в Иерусалим. 8 В восемнадцатый год царствования своего, по очищении земли и дома Яхве, он послал Шафана, сына Ацалии, и Маасию градоначальника, и Иоаха, сына Иоахазова, деписателя, возобновить дом Яхве, бога своего. 9 И пришли они к Хелькии первосвященнику, и отдали серебро, принесенное в дом Яхве, которое левиты, стоящие на страже у порога, собрали из рук Менаше и Эфраима и всех прочих Израильтян, и от всего Иуды и Беньямина, и от жителей Иерусалима, 10 и отдали в руки производителям работ, приставленным к дому Яхве, чтоб они раздавали его работникам, которые работали в доме Яхве, при исправлении и возобновлении дома. 11 И они раздавали плотникам и строителям на покупку тесаных камней и деревьев для связей и для покрытия зданий, которые разорили цари Иудейские. 12 Люди сии действовали честно при работе, и для надзора над ними поставлены были Иахаф и Овадия, левиты из сыновей Мерариных, и Захария и Мешуллам из сыновей Каафовых, и все левиты, умеющие играть на музыкальных орудиях. 13 Они же были приставниками над носильщиками и наблюдали над всеми работниками при каждой работе; из левитов же были и писцы, и надзиратели, и привратники. 14 Когда вынимали они серебро, принесенное в дом Яхве, тогда Хелькия жрец нашел книгу торы Яхве, данную рукою Моисея. 15 И начал Хелькия, и сказал Шафану писцу: книгу торы нашел я в доме Яхве. И подал Хелькия ту книгу Шафану. 16 И понес Шафан книгу к царю, и принес при этом царю известие: все, что поручено рабам твоим, они делают; 17 и высыпали серебро, найденное в доме Яхве, и передали его в руки приставникам и в руки производителям работ. 18 И также донес Шафан писец царю, говоря: книгу дал мне Хелькия жрец. И читал ее Шафан перед царем. 19 Когда услышал царь слова торы, то разодрал одежды свои. 20 И дал царь повеление Хелькии и Ахикаму, сыну Шафанову, и Авдону, сыну Михея, и Шафану писцу, и Асаии, слуге царскому, говоря: 21 пойдите, спросите Яхве за меня и за оставшихся у Израиля и за Иуду о словах сей найденной книги, потому что велик гнев Яхве, который воспылал на нас за то, что не соблюдали отцы наши слова Яхве, чтобы поступать по всему написанному в книге сей. 22 И пошел Хелькия и те, которые от царя, к Хульде пророчице, жене Шаллума, сына Такхата, сына Хасры, хранителя одежд, - а жила она во второй части Иерусалима, - и говорили с нею об этом. 23 И она сказала им: так говорит Яхве, бог Израилев: скажите тому человеку, который послал вас ко мне: 24 так говорит Яхве: вот я наведу бедствие на место сие и на жителей его все проклятия, написанные в книге, которую читали пред лицом царя Иудейского, 25 за то, что они оставили меня и кадили богам другим, чтобы прогневлять меня всеми делами рук своих. И гнев мой возгорится над местом сим и не угаснет. 26 А царю Иудейскому, пославшему вас спросить Яхве, так скажите: так говорит Яхве, бог Израилев, о словах, которые ты слышал: 27 так как смягчилось сердце твое, и ты смирился пред богом, услышав слова его о месте сем и о жителях его, - и ты смирился предо мною, и разодрал одежды свои, и плакал предо мною, то и я услышал тебя, говорит Яхве. 28 Вот я приложу тебя к отцам твоим, и положен будешь в гробницу твою в мире, и не увидят глаза твои всего того бедствия, которое я наведу на место сие и на жителей его. И принесли царю ответ. 29 И послал царь, и собрал всех старейшин Иудеи и Иерусалима, 30 и пошел царь в дом Яхве, и с ним все Иудеи и жители Иерусалима, и жрецы и левиты, и весь народ, от

большого до малого; и он прочитал вслух их все слова книги завета, найденной в доме Яхве. 31 И стал царь на месте своем, и заключил завет пред лицом Яхве последовать Яхве и соблюдать заповеди его и откровения его, и уставы его, от всего сердца своего и от всей души своей, чтобы выполнить слова завета, написанные в книге сей. 32 И велел царь подтвердить это всем находившимся в Иерусалиме и в земле Беньяминовой; и стали поступать жители Иерусалима по завету бога, бога отцов своих. 33 И изверг Йошияху все мерзости из всех земель, которые у сынов Израилевых, и повелел всем, находившимся в земле Израилевой служить Яхве, богу своему. И во все дни жизни его они не отступали от Яхве, бога отцов своих.

34 בֶּן־שְׁמוֹנָה שָׁנִים יֹאשִׁיָּהוּ בְּמַלְכוֹ וּשְׁלֹשִׁים וְאַחַת שָׁנָה מָלָךְ כָּל סִיף מִלִּי ד . 1
 בִּירוּשָׁלַם : 2 וַיַּעַשׂ הַיָּשָׁר בְּעֵינָי יְהוָה וַיִּלְךְ בְּדַרְכֵי דָוִד אָבִיו וְלֹא^ז
 סָר יָמִין וּשְׂמֹאל : 3 וּבְשְׁמוֹנָה שָׁנִים לְמַלְכוֹ וְהוּא עוֹדְנוֹ נָעַר ל בְּלִישׁ וּמֶלֶךְ
 הַחֵל לְדָרוֹשׁ לְאֱלֹהֵי דָוִד אָבִיו וּבְשֵׁתִים עָשָׂה שָׁנָה הַחֵל לְטַהֵר ל ל
 אֶת־יְהוּדָה וִירוּשָׁלַם מִן־הַבְּמוֹת וְהָאֲשֵׁרִים וְהַמַּסְכּוֹת וְהַמַּסְכּוֹת : ב רְבִסִיפ
 וַיִּנְתְּצוּ לְפָנָיו אֶת מִזְבְּחוֹת הַבָּעַלִים וְהַחֲמֻנִים אֲשֶׁר־לְמַעַלָּה ז וְלֹא נִעְיָא³
 מֵעַלֵיהֶם גִּדְעָ וְהָאֲשֵׁרִים וְהַמַּסְכּוֹת שָׁבַר וְהִדְקָ וַיִּזְרַק עַל־ פִּנְי הַקְּבָרִים⁴ הַזֵּבָחִים לָהֶם : 5 וַעֲצָמוֹת כְּהֹנִים שָׂרַף עַל־מִזְבְּחוֹתֵיהֶם⁵
 וַיִּטְהַר אֶת־יְהוּדָה וְאֶת־יְרוּשָׁלַם : 6 וּבְעָרֵי מְנַשֶּׁה וְאַפְרַיִם וּשְׁמֹעוֹן⁶
 וְעַד־נִפְתָּלִי בָּהֵר בְּתֵיהֶם⁷ סָבִיב : 7 וַיִּנְתַּץ אֶת־הַמִּזְבְּחוֹת וְאֶת־⁷

הָאֲשֵׁרִים וְהַמַּסְכּוֹת כְּתַת לְהִדְקָ וְכָל־הַחֲמֻנִים גִּדְעָ בְּכָל־אֶרֶץ ל ל
 יִשְׂרָאֵל וַיָּשָׁב לְיְרוּשָׁלַם : 8 וּבְשֵׁנַת שְׁמוֹנָה עָשָׂה לְמַלְכוֹ⁸
 לְטַהֵר הָאֶרֶץ וְתַבִּיט שָׁלַח אֶת־שָׁפָן בֶּן־אֶצְלִיָּהוּ וְאֶת־מַעֲשִׂיָּהוּ שֶׁר־
 הָעִיר וְאֶת יוֹאָח בֶּן־יוֹאָחָז הַמִּזְכִּיר לְחֹזֵק אֶת־בַּיִת יְהוָה אֱלֹהָיו : ד . ד
 9 וַיָּבֹאוּ אֶל־חֶלְקִיָּהוּ אֲ הַכֹּהֵן הַגָּדוֹל וַיִּתְּנוּ אֶת־הַכֶּסֶף הַמּוֹבָא בַּיִת⁹
 אֱלֹהִים אֲשֶׁר אֶסְפוּ־הַלְוִיִּם שְׁמָרֵי הַסֶּף מִיַּד מְנַשֶּׁה וְאַפְרַיִם וּמְכַל¹⁰
 שְׂאֵרֵי יִשְׂרָאֵל וּמְכַל־יְהוּדָה וּבְנֵימָן וַיֵּשְׁבִיב יְרוּשָׁלַם : 10 וַיִּתְּנוּ¹⁰
 עַל־יַד עֲשָׂה הַמְּלָאכָה הַמִּפְקָדִים בְּבַיִת יְהוָה וַיִּתְּנוּ אֹתוֹ עוֹשִׂיב¹¹
 הַמְּלָאכָה אֲשֶׁר עָשִׂים בְּבַיִת יְהוָה לְבָדוּק וּלְחֹזֵק הַבַּיִת : 11 וַיִּתְּנוּ¹¹
 לְחָרְשִׁים וּלְפָנִים לְקִנּוֹת אֲבָנֵי מַחְצָב וְעֲצִים לְמַחְבְּרוֹת וּלְקָרוֹת¹²
 אֶת־הַבַּתִּים אֲשֶׁר הִשְׁחִיתוּ מֶלְכֵי יְהוּדָה : 12 וְהָאֲנָשִׁים עָשִׂים¹²
 בְּאֻמוֹנָה בְּמִלְאכָה וְעַלֵיהֶם מִפְקָדִים יָחַת וְעַבְדֵיהֶם הַלְוִיִּם מִן־בְּנֵי¹³
 מְרָרִי וַיִּזְכְּרֵיהָ וּמִשָׁלַם מִן־בְּנֵי הַקְּהָתִים לְנִצָּח וְהַלְוִיִּם כָּל־מִבִּין¹³
 בְּכָל־יְשִׁיר : 13 וְעַל הַסְּבָלִים וּמְנַצְחִים לְכָל עֲשָׂה מְלָאכָה¹³

לַעֲבוֹדָה וְעַבְדָּה וּמַהֲלוֹיִם סוֹפְרִים וְשֹׁטְרִים וְשׁוֹעֲרִים:
 14 וּבַהֲוֹצִיאָם אֶת־הַכֶּסֶף הַמּוֹבֵא בֵּית יְהוָה מִצָּאָה חִלְקֵיהֶוּ הַכֶּהֱן
 אֶת־סֹפֵר הַתּוֹרַת־יְהוָה בְּיַד־מֹשֶׁה: 15 וַיַּעַן חִלְקִיָּהוּ וַיֹּאמֶר אֶל־שָׁפָן
 הַסּוֹפֵר סֹפֵר הַתּוֹרָה מִצָּאָתִי בְּבֵית יְהוָה וַיִּתֵּן חִלְקִיָּהוּ אֶת־הַסֹּפֵר
 אֶל־שָׁפָן: 16 וַיָּבֵא שָׁפָן אֶת־הַסֹּפֵר אֶל־הַמֶּלֶךְ וַיֵּשֶׁב עוֹד אֶת־
 הַמֶּלֶךְ דָּבָר לֵאמֹר כֹּל אֲשֶׁר־נָתַן בְּיַד־עַבְדֶּיךָ הֵם עֲשִׂים: 17 וַיִּתִּיכוּ
 אֶת־הַכֶּסֶף הַנִּמְצָא בְּבֵית־יְהוָה וַיִּתְּנוּהוּ עַל־יַד הַמְּפָקְדִים וְעַל־יַד
 עוֹשֵׂי הַמְּלָאכָה: 18 וַיֵּיבֶד שָׁפָן הַסּוֹפֵר לַמֶּלֶךְ לֵאמֹר סֹפֵר נָתַן לִי
 חִלְקִיָּהוּ הַכֶּהֱן וַיִּקְרָא־בוֹ שָׁפָן לִפְנֵי הַמֶּלֶךְ: 19 וַיְהִי כַשְּׁמַע
 הַמֶּלֶךְ אֶת דְּבָרֵי הַתּוֹרָה וַיִּקְרַע אֶת־בְּגָדָיו: 20 וַיִּצַן הַמֶּלֶךְ אֶת־
 חִלְקִיָּהוּ וְאֶת־אֲחִיקָם בֶּן־שָׁפָן וְאֶת־עַבְדוֹן בֶּן־מִיכָה וְאֶת אֶשָׁפָן
 הַסּוֹפֵר וְאֶת עֲשֵׂיהָ עַבְד־הַמֶּלֶךְ לֵאמֹר: 21 לָכוּ דַרְשׁוּ אֶת־יְהוָה
 בְּעַדִּי וּבְעַד הַנְּשֹׂאֵל בְּיִשְׂרָאֵל וּבִיהוּדָה עַל־דְּבָרֵי הַסֹּפֵר אֲשֶׁר
 נִמְצָא כִּי־גְדוּלָה חֲמַת־יְהוָה אֲשֶׁר נִתְּכָה בָנוּ עַל אֲשֶׁר לֹא־שָׁמְרוּ
 אֲבוֹתֵינוּ אֶת־דְּבַר יְהוָה לַעֲשׂוֹת כְּכֹל־הַכְּתוּב עַל־הַסֹּפֵר הַזֶּה: 22
 וַיֵּלֶךְ חִלְקִיָּהוּ וְאֲשֶׁר הַמֶּלֶךְ אֶל־חִלְדָּה הַנְּבִיאָה אִשְׁת־שְׁלֹם בֶּן־
 תּוֹקָהֵת בֶּן־חֲסָדָה שׁוֹמֵר הַבְּנָדִים וְהָיָה יוֹשֶׁבֶת בִּירוּשָׁלַם בַּמִּשְׁנָה
 וַיַּדְּבְרוּ אֵלָיָהּ כִּזֹּאת: 23 וַתֹּאמֶר לָהֶם כֹּה־אָמַר יְהוָה אֱלֹהֵי
 יִשְׂרָאֵל אָמְרוּ לְאִישׁ אֲשֶׁר־שָׁלַח אֲתֶכֶם אֵלָי: 24 כֹּה אָמַר
 יְהוָה הִנְנִי מֵבִיא רָעָה עַל־הַמָּקוֹם הַזֶּה וְעַל־יוֹשְׁבָיו אֶת־כָּל־הָאֱלֹהִים
 הַכְּתוּבֹת עַל־הַסֹּפֵר אֲשֶׁר קָרָאוּ לִפְנֵי מֶלֶךְ יְהוּדָה: 25 תַּחַת
 אֲשֶׁר עָזְבוּנִי וַיִּקְטְרוּ לְאֱלֹהִים אֲחֵרִים לְמַעַן הַכְּעִיסֵנִי בְּכֹל מַעֲשֵׂי
 יְדֵיהֶם וַתִּתְּדֵי חֲמַתִּי בַּמָּקוֹם הַזֶּה וְלֹא תִכְבְּהוּ: 26 וְאֶל־מֶלֶךְ יְהוּדָה
 הַשְׁלַח אֲתֶכֶם לְדַרוֹשׁ בִּיהוָה כֹּה תֹאמְרוּ אֵלָיו כֹּה־אָמַר
 יְהוָה אֱלֹהֵי יִשְׂרָאֵל הַדְּבָרִים אֲשֶׁר שָׁמַעְתָּ: 27 וַיַּעַן רַךְ־לְבָבָהּ
 וַתִּכְנַע וַיִּמְלֶפְנֵי אֱלֹהִים בְּשִׁמְעָה אֶת־דְּבָרֵי יְהוָה עַל־הַמָּקוֹם הַזֶּה וְעַל־
 יוֹשְׁבָיו וַתִּכְנַע לִפְנֵי וַתִּקְרַע אֶת־בְּגָדֶיהָ וַתִּתְּבֶה לִפְנֵי וְגַם־אֲנִי שָׁמַעְתִּי
 נְאֻם־יְהוָה: 28 הִנְנִי אֹסְפָה אֶל־אֲבֹתֶיךָ וְנֹאסַפְתִּי אֶל־קְבֻרֹתֶיךָ
 בְּשָׁלוֹם וְלֹא־תִרְאִינָה עֵינֶיךָ בְּכֹל הַרְעָה אֲשֶׁר אֲנִי מֵבִיא עַל־הַמָּקוֹם
 הַזֶּה וְעַל־יוֹשְׁבָיו וַיִּשְׁבוּ אֶת־הַמֶּלֶךְ דָּבָר: 29 וַיִּשְׁלַח הַמֶּלֶךְ
 וַיֹּאסֶף אֶת־כָּל־זִקְנֵי יְהוּדָה וִירוּשָׁלַם: 30 וַיַּעַל הַמֶּלֶךְ בֵּית־יְהוָה
 וְכָל־אִישׁ יְהוּדָה וַיִּשְׁבְּנוּ יְרוּשָׁלַם וְהַכֹּהֲנִים וְהַלְוִיִּם וְכָל־הָעָם מִגְּדוּל

ל' ל מל' 24 מל' ב מנה בסיפ
 ל ומל
 ט
 1 א יח מנה ר"פ 25 כה
 כא 26
 לט . ד א חס וחד מל 27
 121 כת י 134 מנה
 בסיפ 141 מנה מל
 ב בעיני 28
 29
 ל בכתוב
 30 מל ג מנה בסיפ
 וכל י ש ת דכות ב מא
 ל . ח ב 31 מנה בכתוב
 יא חס 32 מנה בכתוב
 וכל נביא דכות ב מא
 תקחת ויחיר ו י 33
 ל . ג 34 וכל נביא
 דכות ב מא . כד
 35
 ב מל . ג ב מל וחד חס 36
 ל ומל
 ויקטרר 37 יחיר י
 ו בת כן . יא כת 38
 ל רפי
 ב בליש 39 ו 40 . 41
 ב 41
 ל . 42 . 43
 44 חס 45 ב 46
 ב חד מל וחד חס 47
 48
 49 מנה מל
 50 מנה בסיפ 49
 50 י . ת 51 . גא מ"פ
 וכל ר"פ דכות ב מא . 5

וְעַד־קָטָן וַיִּקְרָא בְּאָזְנֵיהֶם אֶת־כָּל־דְּבָרֵי סֵפֶר הַבְּרִית הַנִּמְצָא בַּיַּת
 יְהוָה: ³¹ וַיַּעֲמֵד הַמֶּלֶךְ עַל־עַמּוּדָיו וַיִּכְרַת אֶת־הַבְּרִית לְפָנָיו יְהוָה³¹ ד' בסוף 52
 לְלַכֵּת אַחֲרָיו יְהוָה וְלִשְׁמֹר אֶת־מִצְוֹתָיו וְעִדּוּתָיו וְחֻקָּיו בְּכָל־לִבָּבוֹ
 וּבְכָל־נַפְשׁוֹ לַעֲשׂוֹת אֶת־דְּבָרֵי הַבְּרִית הַכְּתוּבִים עַל־הַסֵּפֶר הַזֶּה:
³² וַיַּעֲמֵד אֶת כָּל־הַנִּמְצָא בִירוּשָׁלַם וּבְנִימָן³² וַיַּעֲשׂוּ יִשְׁבִי יְרוּשָׁלַם
 כַּבְּרִית אֱלֹהִים אֱלֹהֵי אֲבוֹתֵיהֶם: ³³ וַיִּסֹּר וַיֵּאשְׁהוּ אֶת־כָּל־הַתּוֹעֵבוֹת
 מִכָּל־הָאָרְצוֹת אֲשֶׁר לְבְנֵי יִשְׂרָאֵל וַיַּעֲבֹד³³ אֶת כָּל־הַנִּמְצָא בְּיִשְׂרָאֵל
 לַעֲבֹד אֶת־יְהוָה אֱלֹהֵיהֶם כָּל־יְמֵיו לֹא סָרוּ מֵאַחֲרָיו יְהוָה אֱלֹהֵי
 אֲבוֹתֵיהֶם: ³⁵ וַיַּעַשׂ וַיֵּאשְׁהוּ בִירוּשָׁלַם פֶּסַח לַיהוָה וַיִּשְׁחֲטוּ³⁵ ז מל בסוף 57

Йирмияху 21:1-22:9. 21:1 Слово, которое было к Йирмияху от Яхве, когда царь Цидкияху прислал к нему Пашхора, сына Малькии, и Цфанию, сына Маасеи жреца, сказать ему: 2 «вопроси о нас Яхве, ибо Навуходоносор, царь вавилонский, воюет против нас; может быть, Яхве сотворит с нами что-либо такое, как все чудеса его, чтобы тот отступил от нас». 3 И сказал им Йирмияху: так скажите Цидкияху: 4 так говорит Яхве, бог Израилев: вот, я обращаю назад воинские орудия, которые в руках ваших, которыми вы сражаетесь с царем вавилонским и с халдеями, осаждающими вас вне стены, и соберу оные посреди города сего; 5 и Сам буду воевать против вас рукою простертою и мышцею крепкою, во гневе и в ярости и в великом негодовании; 6 и поражу живущих в сем городе - и людей и скот; от великой язвы умрут они. 7 А после того, говорит Яхве, Цидкияху, царя Иудейского, слуг его и народ, и оставшихся в городе сем от моровой язвы, меча и голода, предам в руки Навуходоносора, царя вавилонского, и в руки врагов их и в руки ищущих души их; и он поразит их острием меча и не пощадит их, и не пожалует и не помилует. 8 И народу сему скажи: так говорит Яхве: вот, я предлагаю вам путь жизни и путь смерти: 9 кто останется в этом городе, тот умрет от меча и голода и моровой язвы; а кто выйдет и предастся халдеям, осаждающим вас, тот будет жив, и душа его будет ему вместо добычи; 10 ибо я обратил лице мое против города сего, говорит Яхве, на зло, а не на добро; он будет предан в руки царя вавилонского, и тот сожжет его огнем. 11 И дому царя Иудейского скажи: слушайте слово Яхве: 12 дом Давидов! так говорит Яхве: с раннего утра производите суд и спасайте обижаемого от руки обидчика, чтобы ярость моя не вышла, как огонь, и не разгорелась по причине злых дел ваших до того, что никто не погасит. 13 Вот, я - против тебя, жительница долины, скала равнины, говорит Яхве, - против вас, которые говорите: «кто выступит против нас и кто войдет в жилища наши?» 14 Но я посещу вас по плодам дел ваших, говорит Яхве, и зажгу огонь в лесу вашем, и пожрет все вокруг него.

Глава 22. 1 Так сказал Яхве: сойди в дом царя Иудейского и произнеси слово сие 2 и скажи: выслушай слово Яхве, царь Иудейский, сидящий на престоле Давидовом, ты, и слуги твои, и народ твой, входящие сими воротами. 3 Так говорит Яхве: производите суд и правду и спасайте обижаемого от руки притеснителя, не обижайте и не тесните пришельца, сироты и вдовы, и невинной крови не проливайте на месте сем. 4 Ибо если вы будете исполнять слово сие, то будут входить воротами дома сего цари, сидящие вместо Давида на престоле его, ездящие на колеснице и на конях, сами и слуги их и народ их. 5 А если не послушаете слов сих, то мною клянусь, говорит Яхве, что дом сей сделается пустым. 6 Ибо так говорит Яхве дому царя Иудейского: Гильад ты у меня, вершина Ливана; но я сделаю тебя пустынею и города необитаемыми 7 и приготовлю против тебя истребителей, каждого со своими орудиями, и срубят лучшие кедры твои и бросят в огонь. 8 И многие народы будут проходить через город сей и говорить друг другу: «за что Яхве так поступил с этим великим городом?» 9 И скажут в ответ: «за то, что они оставили завет Яхве, бога своего, и поклонялись иным богам и служили им».

21 ^{ה בטע בסיפ . ב} 1 הַדְּבָר אֲשֶׁר-הָיָה אֶל-יְרֻמְיָהוּ מֵאֵת יְהוָה בְּשֶׁלַח אֵלָיו 21

הַמֶּלֶךְ צְדָקְיָהוּ אֶת-פֶּשְׁחוֹר בֶּן-מִלְכִיָּה וְאֶת-צְפַנְיָה בֶן-מַעֲשִׂיָה

הַכֹּהֵן לֵאמֹר: ^{ל ר"ם} 2 דְּרֹשׁ-נָא בְעַדְנוּ אֶת-יְהוָה כִּי נְבוּכַדְרֶאצַּר מֶלֶךְ-^{ג מל"ג} 2

בָּבֶל נִלְחַם עָלֵינוּ אוֹלֵי יַעֲשֶׂה יְהוָה אוֹתָנוּ^ג כְּכָל-נִפְלְאוֹתָיו וַיַּעַלְהוּ

מֵעָלֵינוּ: ^{ס ול ח} 3 וַיֹּאמֶר יְרֻמְיָהוּ אֲלֵיהֶם כֹּה תֹאמְרוּן אֶל-צְדָקְיָהוּ:^ג

4 כֹּה-אָמַר יְהוָה אֱלֹהֵי יִשְׂרָאֵל הִנְנִי מֹסֵב אֶת-כְּלֵי הַמִּלְחָמָה אֲשֶׁר ^{כז . ל}

בְּיַדְכֶם אֲשֶׁר אַתֶּם נֹלְחָמִים בָּם אֶת-מֶלֶךְ בָּבֶל וְיִאֲחֲזֶה-הַפְּשָׁדִים ^ג

הַצָּרִים עֲלֵיכֶם מִחוּץ לַחֻמָּה וְיֹאסֶפְתִּי אוֹתָם אֶל-תּוֹךְ הָעִיר הַזֹּאת:

5 וְנִלְחַמְתִּי אֲנִי אִתְּכֶם בְּיַד גִּטִּיָּה וּבַזְרוּעַ חֲזָקָה וּבְאֶף וּבְחֵמָה וּבְקֶצֶף ^{ג . ב}

6 גְּדוֹל: ^{לד מל א מנה בסיפ} 6 וְהַפִּיתִי אֶת-יוֹשְׁבֵי הָעִיר הַזֹּאת וְאֶת-הָאָדָם וְאֶת-הַבְּהֵמָה

7 בְּדָבָר גְּדוֹל יָמֹתָיו: ^ב 7 וְאַחֲרֵי-כֵן נֹאֵם יְהוָה אֶתֵּן אֶת-צְדָקְיָהוּ מֶלֶךְ-

יְהוּדָה וְאֶת-עַבְדָּיו וְאֶת-הָעָם וְאֶת-הַנְּשָׂאִים בְּעִיר הַזֹּאת מִן-

הַדְּבָר מִן-הַחֶרֶב וּמִן-הָרֶעֶב בְּיַד נְבוּכַדְרֶאצַּר מֶלֶךְ-בָּבֶל וְיִבְדֹּל ^{ה' . יב' . ד' ססוק מן ומן}

אִיבֵיהֶם וּבְיַד מְבַקְשֵׁי נַפְשָׁם וְהַכֶּסֶם לְפִי-חֶרֶב לֹא-יִתְּחוּס עֲלֵיהֶם ^{לד' פסוק לא ולא ולא ז מנה בסיפ . ל}

8 וְלֹא יִחְמַל וְלֹא יִרְחַם: ^{ג . ד} 8 וְאֶל-הָעַם הַזֶּה תֹּאמְרוּ כֹה אָמַר יְהוָה

9 הִנְנִי נֹתֵן לְפָנֵיכֶם אֶת-הַדֶּרֶךְ הַחַיִּים וְאֶת-הַדֶּרֶךְ הַמָּוֹת: ^{ה' . יב' . ד' ססוק מן ומן} 9 הַיֹּשֵׁב בְּעִיר

הַזֹּאת יָמוּת בַּחֶרֶב וּבְרֶעֶב וּבְדָבָר וְהַיּוֹצֵא וְנִפְלֵא עַל-הַכְּשָׁדִים

10 הַצָּרִים עֲלֵיכֶם יִתְּיָה וְהַיּוֹתֵה-לּוֹ נַפְשׁוֹ לְשַׁלֵּל: ^{ה' . יב' . ד' ססוק מן ומן} 10 כִּי שָׁמַתִּי פָנָי

בְּעִיר הַזֹּאת לְרַעַה וְלֹא לְטוֹבָה נֹאֵם יְהוָה בְּיַד-מֶלֶךְ בָּבֶל תִּנְתֵּן

11 וְשָׂרְפָהּ בָּאֵשׁ: ^{ה' . יב' . ד' ססוק מן ומן} 11 וּלְבֵית מֶלֶךְ יְהוּדָה

שָׁמְעוּ דְבַר-יְהוָה: ^{ה' . יב' . ד' ססוק מן ומן} 12 בֵּית דָּוִד כֹּה אָמַר יְהוָה

דִּינִי לְבַקְרָא מִשְׁפָּט וְהַצִּילוּ גְדוֹל מִיַּד עוֹשֵׁק^ב

פֶּן-תֵּצֵא כָאֵשׁ חַמְתִּי וּבְעָרָה וְאֵין מִכָּה

מִפָּנָי רַע מֵעַלְלֵיהֶם: ^{ה' . יב' . ד' ססוק מן ומן} cd

13 הִנְנִי אֲלֵיךְ יִשְׁכַּח הָעַמְקָא צוּר^ב הַמַּיִשֵּׁר נֹאֵם יְהוָה

הָאֹמְרִים מִי-יִחַת עָלֵינוּ וּמִי יָבֹא בְּמַעֲוֹנוֹתֵינוּ:

14 וּפָקַדְתִּי עֲלֵיכֶם כְּפָרִי מֵעַלְלֵיכֶם נֹאֵם יְהוָה^ה

וְהַצִּיתִי אֵשׁ בְּיַעַרְהָ וְאָכְלָה כָּל-סִבְיֵיהָ: ^{ה' . יב' . ד' ססוק מן ומן} 14

22 ¹ כֹּה אָמַר יְהוָה רַד בֵּית־מֶלֶךְ יְהוּדָה וּדְבַרְתָּ שָׁם אֶת־
הַדְּבָר הַזֶּה: ² וְאָמַרְתָּ שְׁמַע דְּבַר־יְהוָה מֶלֶךְ יְהוּדָה הַיֹּשֵׁב עַל־כֶּסֶף
רֹד אֶתָּה וְעַבְדֶּיךָ^a וְעַמֶּךָ הַבָּאִים בְּשַׁעְרֵי הָאֵלֶּה: ³ כֹּה³ ׀
אָמַר יְהוָה עֲשׂוּ מִשְׁפָּט וְצַדִּיקָה וְהִצִּילוּ נַזּוּל מִיַּד עֲשׂוֹקִי וְגַר יְתוֹם^b
וְאַלְמָנָה אֶל־תִּגְּוּ אֶל־תִּחַמְּסוּ וְדָם נָקִי אֶל־תִּשְׁפְּכוּ בַּמָּקוֹם הַזֶּה:
כִּי אִם־עֲשׂוּ תַעֲשׂוּ אֶת־הַדְּבָר הַזֶּה וּבָאוּ בְּשַׁעְרֵי הַבַּיִת הַזֶּה מְלָכִים^c
וְשָׁבִים לְרֹד עַל־כֶּסֶף רֹכְבִים בְּרֶכֶב וּבִסּוּסִים^a הוּא^b וְעַבְדּוֹ^c
וְעַמּוֹ^{ad}: ⁵ וְאִם לֹא תִשְׁמָעוּ^a אֶת־הַדְּבָרִים הָאֵלֶּה בִּי נִשְׁבַּעְתִּי נְאֻם־⁵
יְהוָה כִּי־לְחָרְבָה יִהְיֶה הַבַּיִת הַזֶּה: ⁶ כִּי־כֹה אָמַר יְהוָה⁶
עַל־בֵּית מֶלֶךְ^a יְהוּדָה

¹ כֹּה פסוק דאית בהון א"ב. יח בטע בסים

²

³

⁴ כח ר

⁵ וְעַבְדּוֹ חדר מן ב"ב כח חס ק בליש

⁶ כח

⁷ בטע בסים⁶, כ"י מיחד⁷

וְלַעֲד אֶתָּה לִי רֹאשׁ הַלְּבָנוֹן

⁸ בטע

אִם־לֹא אֲשִׁיתֶךָ מִדְּבַר עָרִים לֹא נוֹשְׁבָהּ:

⁹ נושבו חדר מן י"ד כח ה וקר ר בליש

⁷ וְקִדְשִׁתִּי עָלֶיךָ מִשְׁחָתִים אִישׁ וְכֻלּוֹ^a

¹⁰

וְקָרְתוּ מִבְּחַר אַרְזִיךָ וְהִפִּילוּ עַל־הָאֵשׁ:

⁸ וְעַבְרוּ גּוֹיִם רַבִּים עַל־הָעִיר הַזֹּאת וְאָמְרוּ אִישׁ אֶל־רֵעֵהוּ עַל־מָה^a

¹¹ f פסוק על אל על, י"ד וכל וגנותי דבור ב מ א

עֲשֵׂה יְהוָה פֶּכֶה לְעִיר הַגְּדוֹלָה הַזֹּאת: ⁹ וְאָמְרוּ עַל אֲשֶׁר עָזְבוּ אֶת־⁹

⁵ בְּרִית יְהוָה אֱלֹהֵיהֶם וַיִּשְׁתַּחֲוּוּ לְאֱלֹהִים אֲחֵרִים וַיַּעֲבְדוּם: ׀

Йирмияху 26. 26:1 В начале царствования Йехоякима, сына Йошияху, царя Иудейского, было такое слово от Яхве: 2 так говорит Яхве: стань на дворе дома Яхве и скажи ко всем городам Иудеи, приходящим на поклонение в дом Яхве, все те слова, какие повелю тебе сказать им; не убавь ни слова. 3 Может быть, они послушают и обратятся каждый от злого пути своего, и тогда я отменю то бедствие, которое думаю сделать им за злые деяния их. 4 И скажи им: так говорит Яхве: если вы не послушаетесь меня в том, чтобы поступать по торе моей, которую я дал вам, 5 чтобы внимать словам рабов моих, пророков, которых я посылаю к вам, посылаю с раннего утра, и которых вы не слушаете, - 6 то с домом сим я сделаю то же, что с Шило, и город сей предам на проклятие всем народам земли. 7 Жрецы и пророки и весь народ слушали Йирмияху, когда он говорил сии слова в доме Яхве. 8 И когда Йирмияху сказал все, что Яхве повелел ему сказать всему народу, тогда схватили его жрецы и пророки и весь народ, и сказали: «ты должен умереть; 9 зачем ты пророчествуешь именем Яхве и говоришь: дом сей будет как Шило, и город сей опустеет, останется без жителей?» И собрался весь народ против Йирмияху в доме Яхве. 10 Когда услышали об этом князья Иудейские, то пришли из дома царя к дому Яхве и сели у входа в новые ворота дома Яхве. 11 Тогда жрецы и пророки так сказали князьям и всему народу: «смертный приговор этому человеку! потому что он пророчествует против города сего, как вы слышали своими ушами». 12 И сказал Йирмияху всем князьям и всему народу: «Яхве послал меня пророчествовать против дома сего и против города сего все те слова, которые вы слышали; 13 итак исправьте пути ваши и деяния ваши и послушайтесь гласа Яхве, бога вашего, и Яхве отменит бедствие, которое изрек на вас; 14 а что до меня, вот - я в ваших руках; делайте со мною, что в глазах ваших покажется хорошим и справедливым;

12 וַיֹּאמֶר יְרַמְיָהוּ אֶל-כָּל-הַשָּׂרִים וְאֶל-כָּל-הָעָם לֵאמֹר יְהוָה שְׁלַחְנִי
לְהַנְבִּיא אֶל-הַבַּיִת הַזֶּה וְאֶל-הָעִיר הַזֹּאת אֵת כָּל-הַדְּבָרִים אֲשֶׁר

13 שָׁמַעְתֶּם: 13 וְעַתָּה הִיטִיבוּ דַרְכֵיכֶם וּמַעַלְלֵיכֶם וּשְׁמָעוּ בְּקוֹל יְהוָה
14 אֱלֹהֵיכֶם וַיִּנָּחֶם יְהוָה אֶל-הָרָעָה אֲשֶׁר דִּבֶּר עֲלֵיכֶם: 14 וְאֲנִי הֲנִנֵּי
15 בְּיַדְכֶם עֲשׂוּ-לִי כַטּוֹב וְכִישָׁר בְּעֵינֵיכֶם: 15 אַךְ יָדַע תִּדְעוּ כִּי אִם-
מִמֹּתִים אַתֶּם אֹתִי כִי-יָדַם נָקִי אַתֶּם נֹתְנִים עֲלֵיכֶם וְאֶל-הָעִיר הַזֹּאת
וְאֶל-יִשְׂבֵּיהָ כִּי בְאַמַּת שְׁלַחְנִי יְהוָה עֲלֵיכֶם לְדַבֵּר בְּאָזְנֵיכֶם אֵת
16 כָּל-הַדְּבָרִים הָאֵלֶּה: 16 וַיֹּאמְרוּ הַשָּׂרִים וְכָל-הָעָם אֶל-
הַכֹּהֲנִים וְאֶל-הַנְּבִיאִים אֵינֶן לְאִישׁ הַזֶּה מִשְׁפַּט-מוֹת כִּי בָשָׂם יְהוָה
17 אֶל-הֵינוּ דְבַר אֱלֹהֵינוּ: 17 וַיִּקְמוּ אַנְשִׁים מִזִּקְנֵי הָאָרֶץ וַיֹּאמְרוּ אֶל-כָּל-
18 קָתָל הָעָם לֵאמֹר: 18 מִי־כִיהָ הַמּוֹרְשָׁתִי הִינָּה נָבֵא בְיַמֵּי חִזְקִיָּהוּ
מֶלֶךְ-יְהוּדָה וַיֹּאמֶר אֶל-כָּל-עַם יְהוּדָה לֵאמֹר כֹּה-אָמַר א' יְהוָה
צְבָאוֹת

צִיּוֹן שָׂדֵה תַחְרָשׁ וִירוּשָׁלַיִם עֵינַם תִּהְיֶה וְהָרַ הַבַּיִת לְבָמוֹת יַעַר: 19
19 הַהֵמָּה הִמַּתְהוּ חִזְקִיָּהוּ מֶלֶךְ-יְהוּדָה וְכָל-יְהוּדָה הֲלֹא יָרֵא
אֶת-יְהוָה וַיִּחַלֵּב אֶת-פָּנָי יְהוָה וַיִּנָּחֶם יְהוָה אֶל-הָרָעָה אֲשֶׁר-דִּבַּר
עֲלֵיהֶם וְאַנְחָנוּ עֲשִׂים רַעַה גְדוֹלָה עַל-נַפְשׁוֹתֵינוּ:
20 וְגַם-אִישׁ הָיָה מִתְנַבֵּא בְשֵׁם יְהוָה אוֹרְיָהוּ בֶן-שָׁמְעִיָּהוּ מִקְרִית
הַיַּעֲרִים וַיִּנְבֵּא א' עַל-הָעִיר הַזֹּאת וְעַל-הָאָרֶץ הַזֹּאת כָּכָל דְּבָרֵי
21 יְרַמְיָהוּ: 21 וַיִּשְׁמַע הַמֶּלֶךְ-יְהוֹיָקִים א' וְכָל-גְּבוּרָיו וְכָל-הַשָּׂרִים אֶת-
דְּבָרָיו וַיִּבְקֹשׁ הַמֶּלֶךְ הַמֵּיתוֹ וַיִּשְׁמַע אוֹרְיָהוּ א' וַיִּרְא וַיִּבְרַח וַיָּבֵא
22 מִצְרַיִם: 22 וַיִּשְׁלַח הַמֶּלֶךְ יְהוֹיָקִים א' אַנְשִׁים מִצְרַיִם ב' אֶת אֶלְנָתָן בֶּן-
23 עַכְבּוֹר וְאַנְשִׁים אֲתוֹ אֶל-מִצְרַיִם: 23 וַיֹּצִיאוּ אֶת-אוֹרְיָהוּ מִמִּצְרַיִם
וַיִּבְאֵהוּ אֶל-הַמֶּלֶךְ יְהוֹיָקִים וַיִּכְהוּ בְּחֶרֶב וַיִּשְׁלַח אֶת-נְבִלְתּוֹ אֶל-
24 קַבְרֵי בְנֵי הָעָם: 24 אַךְ יָד אַחִיקָם בֶּן-שָׁפָן הֵיטָה אֶת-יְרַמְיָהוּ
לְבִלְתֵּי תַת-אֲתוֹ בְּיַד-הָעָם לְהַמִּיתוֹ: 25

13 ל . 15 . 16 חו"מ
14 ל . 174 . ד . כה
15 חו"מ
16 חו"מ
17 חו"מ
18 חו"מ
19 חו"מ
20 חו"מ
21 חו"מ
22 חו"מ
23 חו"מ
24 חו"מ
25 חו"מ

Йирмияху 33. 33:1 И было слово Яхве к Йирмияху вторично, когда он еще содержался во дворе стражи: 2 Так говорит Яхве, который сотворил землю, Яхве, который устроил и утвердил ее, - Яхве имя ему: 3 воззови ко мне - и я отвечу тебе, покажу тебе великое и недоступное, чего ты не знаешь. 4 Ибо так говорит Яхве, бог Израилев, о домах города сего и о домах царей Иудейских, которые разрушаются для завалов и для сражения 5 пришедшими воевать с халдеями, чтобы наполнить дома трупами людей, которых Я поражу во гневе Моем и в ярости Моей, и за все беззакония которых Я сокрыл лице Мое от города сего. 6 Вот, я приложу ему пластырь и целебные средства, и уврачую их, и открою им обилие мира и истины, 7 и возвращу плен Иуды и плен Израиля и устрою их, как вначале, 8 и очищу их от всего нечестия их, которым они грешили предо мною, и прощу все беззакония их, которыми они грешили предо мною и отпали от меня. 9 И будет для меня Иерусалим радостным именем, похвалою и честью пред всеми народами земли, которые услышат о всех благах, какие я сделаю ему, и изумятся и затрепещут от всех благодеяний и всего благоденствия, которое я доставлю ему. 10 Так говорит Яхве: на этом месте, о котором вы говорите: «оно пусто, без людей и без скота», - в городах Иудейских и на улицах Иерусалима, которые пусты, без людей, без жителей, без скота, 11 опять будет слышен голос радости и голос веселья, голос жениха и голос невесты, голос говорящих: «славьте Яхве Саваофа, ибо благ Яхве, ибо вовек милость его», и голос приносящих жертву благодарения в доме Яхве; ибо я возвращу плененных сей земли в прежнее состояние, говорит Яхве. 12 Так говорит Яхве Саваоф: на этом месте, которое пусто, без людей, без скота, и во всех городах его опять будут жилища пастухов, которые будут покоить стада. 13 В городах нагорных, в городах низменных и в городах южных, и в земле Беньяминовой, и в окрестностях Иерусалима, и в городах Иуды опять будут проходить стада под рукою считающего, говорит Яхве. 14 Вот, наступят дни, говорит Яхве, когда я выполню то доброе слово, которое изрек о доме Израилевом и о доме Иудином. 15 В те дни и в то время возвращу Давиду отрасль праведную, и будет производить суд и правду на земле. 16 В те дни Иуда будет спасен и Иерусалим будет жить безопасно, и нарекут имя ему: «Яхве оправдание наше!» 17 Ибо так говорит Яхве: не прекратится у Давида муж, сидящий на престоле дома Израилева, 18 и у жрецов-левитов не будет недостатка в муже пред лицом моим, во все дни возносящем всесожжение и сожигающем приношения и совершающем жертвы. 19 И было слово Яхве к Иеремии: 20 так говорит Яхве: если можете разрушить завет мой о дне и завет мой о ночи, чтобы день и ночь не приходили в свое время, 21 то может быть разрушен и завет мой с рабом моим Давидом, так что не будет у него сына, царствующего на престоле его, и также с левитами-жрецами, служителями моими. 22 Как неисчислимо небесное воинство и неизмерим песок морской, так размножу племя Давида, раба моего, и левитов, служащих мне. 23 И было слово Яхве к Иеремии: 24 не видишь ли, что народ этот говорит: «те два племени, которые избрал Яхве, он отверг?» и чрез это они презирают народ мой, как бы он уже не был народом в глазах их. 25 Так говорит Яхве: если завета моего о дне и ночи и уставов неба и земли я не утвердил, 26 то и племя Иакова и Давида, раба моего, отвергну, чтобы не брать более владык из его племени для племени Авраама, Ицхака и Иакова; ибо возвращу плен их и помилую их.

33 וַיְהִי דְבַר-יְהוָה אֶל-יִרְמְיָהוּ שֵׁנִית וְהוּא עֹדֵנוּ עֶצְרוֹר 33
 בְּחֶזֶק הַמְּשָׁרָה לֵאמֹר: 2 כֹּה-אָמַר יְהוָה אֱלֹהֵי יִשְׂרָאֵל יוֹצֵר אוֹתוֹת^d
 לַהֲכִינֵה יְהוָה שְׁמוֹ: 3 קָרָא אֵלַי וְאָעֲנֶה וְאֶנְיָדָה לָךְ גְּדֵלוֹת וּבִצְרוֹת^a
 לֹא יִדְעֻתֶם: 4 כִּי כֹה אָמַר יְהוָה אֱלֹהֵי יִשְׂרָאֵל עַל-בְּתוּ^b

ל . יב' מל רכל יהושע
 שפטים ויחזק דכות ב מ 1

הָעִיר הַזֹּאת וְעַל-בְּתֵי מַלְכֵיהֶם יְהוּדָה הַנְּחֻצִים בְּאֵל-הַסְּלָלוֹת וְאֶל-
הַחֲרָבִים: 5 בָּאִים לְהִלָּחֵם אֶת-הַכַּשְׂדִּים וְלִמְלֹאֲמֵי אֶת-פְּנֵי הָאָדָם
אֲשֶׁר-הִכִּיתִי בְּאִפִּי וּבַחֲמָתִי וְאֲשֶׁר הִסְתַּרְתִּי פָנָי מִמֶּהָעִיר הַזֹּאת עַל
כָּל-רַעְתָּם: 6 הִנְנִי מַעֲלָה-לָהּ אֲרָכָה וּמִרְפָּא וּרְפָאֲתִים וְנִלְוִיתִי
לָהֶם עֵתְרַתִּי שָׁלוֹם וְאַמֶּת: 7 וְהִשְׁבַּתִּי אֶת-שָׁבוֹת יְהוּדָה וְאֶת שָׁבוֹת
יִשְׂרָאֵל וּבְנֵתִים כְּבָרְאֲשֵׁנָה: 8 וְטַהֲרֹתִים מִכָּל-עֹנֶם אֲשֶׁר חָטְאוּ-לִי
וְסִלַּחְתִּי לְכוֹל-עֹנֹתֵיהֶם אֲשֶׁר חָטְאוּ-לִי וְאֲשֶׁר פָּשְׁעוּ בִּי: 9 וְהִיתָה
לִּי לְשֵׁם שְׁשׁוֹן לְתַהֲלָה וּלְתַפְאֲרַת לְכָל גּוֹיֵי הָאָרֶץ אֲשֶׁר יִשְׁמְעוּ
אֶת-כָּל-הַטּוֹבָה אֲשֶׁר אֲנִכִּי עָשָׂה אֲתֶם וּפְתַדּוּ וּרְגָזוּ עַל כָּל-הַטּוֹבָה
וְעַל כָּל-הַשָּׁלוֹם אֲשֶׁר אֲנִכִּי עָשָׂה לָהֶם: 10 כֹּה אָמַר יְהוָה
עוֹד יִשְׁמַע בְּמָקוֹם-הַזֶּה אֲשֶׁר אֲתֶם אֹמְרִים חָרָב הוּא מֵאִין אָדָם
וּמֵאִין בְּהֵמָה בְּעָרֵי יְהוּדָה וּבַחֲצוֹת יְרוּשָׁלַם הַנְּשֻׁמּוֹת מֵאִין אָדָם
וּמֵאִין יוֹשֵׁב וּמֵאִין בְּהֵמָה: 11 קוֹל שְׁשׁוֹן וְקוֹל שִׁמְחָה קוֹל חֲתָן וְקוֹל
כֹּהֵן קוֹל אֹמְרִים הוֹדוּ אֶת-יְהוָה צְבָאוֹת כִּי-טוֹב יְהוָה כִּי-לְעוֹלָם
חֲסִדּוֹ מִבָּאִים תּוֹדָה בֵּית יְהוָה כִּי-אָשִׁיב אֶת-שָׁבוֹת-הָאָרֶץ
כְּבָרְאֲשֵׁנָה אָמַר יְהוָה: 12 כֹּה אָמַר יְהוָה צְבָאוֹת עוֹד יִהְיֶה
בְּמָקוֹם הַזֶּה הַחֲרָב מֵאִין אָדָם וְעַד-בְּהֵמָה וּבְכָל-עָרָיו נוֹנָה רַעִים
מִרְבָּצִים צָאן: 13 בְּעָרֵי הָהָר בְּעָרֵי הַשְּׁפֵלָה וּבְעָרֵי הַתְּנָב וּבְאָרֶץ
בְּנֵימָן וּבְסֹבִיבֵי יְרוּשָׁלַם וּבְעָרֵי יְהוּדָה עוֹד תַּעֲבֹרְנָה הַצָּאן עַל-יְדֵי
מוֹנָה אָמַר יְהוָה: 14

14 הִנֵּה יָמִים בָּאִים נְאֻם-יְהוָה וְהִקְמַתִּי אֶת-הַדְּבָר הַטּוֹב אֲשֶׁר
דִּבַּרְתִּי אֶל-בֵּית יִשְׂרָאֵל וְעַל-בֵּית יְהוּדָה: 15 בְּיָמִים הָהֵם וּבָעֵת

ב. ח. חס וודד מל. ה. ז. ב.
לכל ל כת מל וחד מן ז.
פ פסוק מן זי מילין
f מכה רז מכה. ב מל.
ג מל וכל אורית דכות.
114. 1. זח בטע בסיפ
ה. 7. ב. ס"פ.
ז. חטע בס"פ.
ב פסוק דמטע. 15. ה.
ב. יד חס"פ. 17. ב.
ב ומל. 18. ב. ס"פ.
166
170
171
172
173
174
175
176
177
178
179
180
181
182
183
184
185
186
187
188
189
190
191
192
193
194
195
196
197
198
199
200

22 תְּהִיָּא אֲצַמִּיחַ לְדוֹד צְמַחִי צְדָקָה וְעָשָׂה מִשְׁפָּט וְצָדָקָה בְּאָרֶץ:
16 בְּיָמִים הָהֵם תִּשְׁעַע יְהוּדָה וִירוּשָׁלַם תִּשְׁכֹּן לְבָשָׁח וְזָה אֲשֶׁר-
יִקְרָא-לָהּ יְהוָה צְדָקָנוֹ: 17 כִּי-כֹה אָמַר יְהוָה לֹא-יִכָּרֵת
לְדוֹד אִישׁ יֹשֵׁב עַל-כֶּסֶא בֵּית-יִשְׂרָאֵל: 18 וְלִכְהֻנִּים הַלְוִיִּם לֹא-
יִכָּרֵת אִישׁ מִלְּפָנַי מַעֲלָה עוֹלָה וּמִקְטִיר מִנְחָה וְעָשָׂה זָבַח כָּל-
הַיָּמִים: 19 וַיְהִי דְבַר-יְהוָה אֶל-יִרְמְיָהוּ לֵאמֹר: 20 כֹּה
אָמַר יְהוָה אִם-תִּפְּרוּ אֶת-בְּרִיתִי הַיּוֹם וְאֶת-בְּרִיתִי הַלְיָלָה וּלְבַלְתֵּי
הַיּוֹת יוֹמָם וְלַיְלָלָה בְּעַתְּם: 21 נִם-בְּרִיתִי תִפְּרַן אֶת-דְּוֹד עַבְדִּי
מִהַיּוֹת-לוֹ בֶּן מֶלֶךְ עַל-כֶּסֶא וְאֶת-הַלְוִיִּם הַכֹּהֲנִים מִשְׁרַתִּי: 22 אֲשֶׁר

לֹא־יִסְפַּר צְבָא הַשָּׁמַיִם וְלֹא יִמְד תּוֹל הַיָּם כִּן אַרְבֵּה אֶת־זֶרַע דָּוִד
 עַבְדֵי וְאֶת־הַלְוִיִּם אֲמַרְתִּי אֲחֵי^a ׀ 23 וַיְהִי דְבַר־יְהוָה אֶל־²³
 יִרְמְיָהוּ לֵאמֹר׃ 24 הֲלוֹא רָאִיתָ מִה־הָעַם הַזֶּה דִּבְרוּ לֵאמֹר שְׂתֵי
 הַמִּשְׁפָּחוֹת אֲשֶׁר בָּחַר יְהוָה בָּהֶם וַיִּמְאַסֶם וְאֶת־עַמּוֹ יִנְאַצֶּן מִהַיּוֹת
 עוֹד נְוִי לִפְנֵיהֶם׃ ׀ 25 כֹּה אָמַר יְהוָה אֱלֹהֵי בְרִיתִי יוֹמָם^b 25
 וְלַיְלָה חֲקוֹת שָׁמַיִם וָאָרֶץ לֹא־שָׁמַתִּי׃ 26 נִם־זֶרַע יַעֲקֹב וְדוֹד עַבְדֵי²⁶
 אֲמַאֵס מִקַּחַת מוֹרְעוֹ מוֹשְׁלִים׃ אֶל־זֶרַע אַבְרָהָם יִשְׁתַּק וַיַּעֲקֹב כִּי־
 אָשׁוּב^c אֶת־שְׁבוּתָם וְרַחֲמָתִים׃ ׀

Хаггай. 1:1 Во второй год царя Дария, в шестой месяц, в первый день месяца, было слово Господне через Хаггая пророка к Зерубавелю, сыну Шаальтиила, правителю Иудеи, и к Йехошуа, сыну Йехоцадака, верховному жрецу: 2 так сказал Яхве Саваоф: народ сей говорит: «не пришло еще время, не время строить дом Яхве». 3 И было слово Яхве через Хаггая пророка: 4 а вам самим время жить в домах ваших украшенных, тогда как дом сей в запустении? 5 Посему ныне так говорит Яхве Саваоф: обратите сердце ваше на пути ваши. 6 Вы сеете много, а собираете мало; едите, но не в сытость; пьете, но не напиваетесь; одеваетесь, а не согреваетесь; зарабатывающий плату зарабатывает для дырявого кошелька. 7 Так говорит Яхве Саваоф: обратите сердце ваше на пути ваши. 8 Взойдите на гору и носите деревья, и стройте храм; и я буду благоволять к нему, и прославлюсь, говорит Яхве. 9 Ожидаете многого, а выходит мало; и что принесете домой, то я развею. - За что? говорит Яхве Саваоф: за мой дом, который в запустении, тогда как вы бежите, каждый к своему дому. 10 Посему-то небо заключилось и не дает вам росы, и земля не дает своих произведений. 11 И я призвал засуху на землю, на горы, на хлеб, на виноградный сок, на елей и на все, что производит земля, и на человека, и на скот, и на всякий ручной труд. 12 И послушались Зерубавель, сын Шаальтиила, и Йехошуа, сын Йехоцадака, и весь прочий народ гласа Яхве бога своего и слов Хаггая пророка, как посланного Яхве, богом их, и народ убоялся Яхве. 13 Тогда Хаггай, вестник Яхве, посланный от Яхве, сказал к народу: Я с вами! говорит Яхве. 14 И возбудил Яхве дух Зерубавеля, сына Шаальтиила, правителя Иудеи, и дух Йехошуа, сына Йехоцадака, верховного жреца, и дух всего остатка народа, и они пришли, и стали производить работы в доме Яхве Саваофа, бога своего, 15 в двадцать четвертый день шестого месяца, во второй год царя Дария.

Глава 2. 1 В седьмой месяц, в двадцать первый день месяца, было слово Яхве через Хаггая пророка: 2 скажи теперь Зерубавелю, сыну Шаальтиила, правителю Иудеи, и Йехошуа, сыну Йехоцадака, верховному жрецу, и остатку народа: 3 кто остался между вами, который видел этот дом в прежней его славе, и каким видите вы его теперь? Не есть ли он в глазах ваших как бы ничто? 4 Но ободрись ныне, Зерубавель, говорит Яхве, ободрись, Йехошуа, сын Йехоцадака, верховный жрец! ободрись, весь народ земли, говорит Яхве, и производите работы, ибо я с вами, говорит Яхве Саваоф. 5 Завет мой, который я заключил с вами при исшествии вашем из Египта, и дух мой пребывает среди вас: не бойтесь! 6 Ибо так говорит Яхве Саваоф: еще раз, и это будет скоро, я потрясу небо и землю, море и сушу, 7 и потрясу все народы, и придут драгоценности всех народов, и наполню дом сей славою, говорит Яхве Саваоф. 8 Мое серебро и мое золото, говорит Яхве Саваоф. 9 Слава сего последнего храма будет больше, нежели прежнего, говорит Яхве Саваоф; и на месте сем я дам мир, говорит Яхве Саваоф. 10 В двадцать четвертый день девятого месяца, во второй год Дария, было слово Яхве через Хаггая пророка: 11 так говорит Яхве Саваоф: спроси жрецов о торе и скажи: 12 если бы кто нес освященное

мясо в поле одежды своей и полою своею коснулся хлеба, или чего-либо вареного, или вина, или елея, или какой-нибудь пищи: сделается ли это священным? И отвечали жрецы и сказали: нет. 13 Потом сказал Хаггай: а если прикоснется ко всему этому кто-либо, осквернившийся от прикосновения к мертвецу: сделается ли это нечистым? И отвечали жрецы и сказали: будет нечистым. 14 Тогда отвечал Хаггай и сказал: таков этот народ, таково это племя предо мною, говорит Яхве, и таковы все дела рук их! И что они приносят там, все нечисто. 15 Теперь обратите сердце ваше на время от сего дня и назад, когда еще не был положен камень на камень в храме Яхве. 16 Приходили бывало к копне, могущей приносить двадцать мер, и оказывалось только десять; приходили к подточилю, чтобы начерпать пятьдесят мер из подточилия, а оказывалось только двадцать. 17 Поражал я вас ржавчиною и блеклостью хлеба и градом все труды рук ваших; но вы не обращались ко мне, говорит Яхве. 18 Обратите же сердце ваше на время от сего дня и назад, от двадцать четвертого дня девятого месяца, от того дня, когда основан был храм Яхве; обратите сердце ваше: 19 есть ли еще в житницах семена? Доселе ни виноградная лоза, ни смоковница, ни гранатовое дерево, ни маслина не давали плода; а от сего дня я благословлю их. 20 И было слово Яхве к Хаггаю вторично в двадцать четвертый день месяца, и сказано: 21 скажи Зерубавелю, правителю Иудеи: потрясу я небо и землю; 22 и низпровергну престолы царств, и истреблю силу царств языческих, опрокину колесницы и сидящих на них, и низринуты будут кони и всадники их, один мечом другого. 23 В тот день, говорит Яхве Саваоф, я возьму тебя, Зерубавель, сын Шаальтиила, раб мой, говорит Яхве, и буду держать тебя как печать, ибо я избрал тебя, говорит Яхве Саваоф.

1 בַּשָּׁנָה שְׁתַּיִם לְדַרְיוֹשׁ הַמֶּלֶךְ בַּחֹדֶשׁ הַשְּׁשִׁי בַיּוֹם אֶחָד לַחֹדֶשׁ
 הָיָה דְבַר-יְהוָה בְּיַד-חַגְגַּי הַנְּבִיאָא אֶל-זֶרְבָבֶל בֶּן-שָׁאֲלֻיָאֵל פָּתַח
 יְהוָה וְאֶל-יְהוֹשֻׁעַ בֶּן-יְהוֹצָדָק הַכֹּהֵן הַגָּדוֹל לֵאמֹר: ² כֹּה אָמַר
 יְהוָה צְבָאוֹת לֵאמֹר הָעַם הַזֶּה אָמְרוּ לֹא אֶעֱתֵבָא אֶעֱתֵבִית יְהוָה
 לְהַבְנוֹת: ³ וַיְהִי דְבַר-יְהוָה בְּיַד-חַגְגַּי הַנְּבִיאָ לֵאמֹר:
⁴ הֲעֵת לָכֶם אַתֶּם לְשֹׁבֵת בְּבַתֵּיכֶם סְפוּנִים
 וְהַבַּיִת הַזֶּה חָרַב:
⁵ וְעַתָּה כֹּה אָמַר יְהוָה צְבָאוֹת
 שִׁימוּ לְבַבְכֶם עַל-דַּרְכֵיכֶם:
⁶ זַרְעֹתֶם הִרְבֵּה וְהִבֵּא מִעֵט אֲכֹל וְאִין-לְשִׁבְעָה
 שְׂתוּ וְאִין-לְשִׁכְרָה לְבוֹשׁ וְאִין-לְחֶם לוֹ
 וְהַמְשַׁתְּכֶר מִשְׁתַּכֵּר אֶל-צָרוֹר נְקוּב: ⁷
 כֹּה אָמַר יְהוָה צְבָאוֹת
 שִׁימוּ לְבַבְכֶם עַל-דַּרְכֵיכֶם:
⁸ עָלֹי הָהָר וְהִבַּאתֶם עֵץ וּבְנִי הַבַּיִת
 וְאַרְצָה-בּוֹ וְאֶפְכַר אָמַר יְהוָה:
⁹ פָּנָה אֶל-הִרְבֵּה וְהִנֵּתִי לְמַעַט וְהִבַּאתֶם הַבַּיִת וּנְפֹתָהִי בּוֹ
 יַעַן מָה נֶאֱמַר יְהוָה צְבָאוֹת
 יַעַן בֵּיתִי אֲשֶׁר-הוּא חָרַב וְאַתֶּם רֹצִים אִישׁ לְבֵיתוֹ:

1 וכל עזרא דכות
 2 כה אמר יְהוָה צְבָאוֹת לֵאמֹר הָעַם הַזֶּה אָמְרוּ לֹא אֶעֱתֵבָא אֶעֱתֵבִית יְהוָה לְהַבְנוֹת: 3 וַיְהִי דְבַר-יְהוָה בְּיַד-חַגְגַּי הַנְּבִיאָ לֵאמֹר: 4 הֲעֵת לָכֶם אַתֶּם לְשֹׁבֵת בְּבַתֵּיכֶם סְפוּנִים וְהַבַּיִת הַזֶּה חָרַב: 5 וְעַתָּה כֹּה אָמַר יְהוָה צְבָאוֹת שִׁימוּ לְבַבְכֶם עַל-דַּרְכֵיכֶם: 6 זַרְעֹתֶם הִרְבֵּה וְהִבֵּא מִעֵט אֲכֹל וְאִין-לְשִׁבְעָה שְׂתוּ וְאִין-לְשִׁכְרָה לְבוֹשׁ וְאִין-לְחֶם לוֹ וְהַמְשַׁתְּכֶר מִשְׁתַּכֵּר אֶל-צָרוֹר נְקוּב: 7 כֹּה אָמַר יְהוָה צְבָאוֹת שִׁימוּ לְבַבְכֶם עַל-דַּרְכֵיכֶם: 8 עָלֹי הָהָר וְהִבַּאתֶם עֵץ וּבְנִי הַבַּיִת וְאַרְצָה-בּוֹ וְאֶפְכַר אָמַר יְהוָה: 9 פָּנָה אֶל-הִרְבֵּה וְהִנֵּתִי לְמַעַט וְהִבַּאתֶם הַבַּיִת וּנְפֹתָהִי בּוֹ יַעַן מָה נֶאֱמַר יְהוָה צְבָאוֹת יַעַן בֵּיתִי אֲשֶׁר-הוּא חָרַב וְאַתֶּם רֹצִים אִישׁ לְבֵיתוֹ:
 ל ר"פ . ז קמ וכל אתנה
 דס"פ דכות' . ז מל .
 נ פסוק ואין ואין ואין . ז
 ל . ל
 ל . ל
 ו אכבדה . ב ס"פ
 ז קמ ב אנה זקף
 וכל אתנה וס"פ דכות .
 ב בתרי לישנ'
 כד' . כ

10 על־בֵּן עֲלֵיכֶם^א כָּל־אֵו שָׁמַיִם^ב מִטָּל^ג וְהָאָרֶץ כָּל־אֶה יְבוּלָהּ:
 11 וְאָקְרָא חֲרֹב עַל־הָאָרֶץ וְעַל־הַהָרִים וְעַל־הַדָּגָן
 וְעַל־הַתִּירוֹשׁ וְעַל־הַיִּצְתָּר^א וְעַל־אֲשֶׁר תּוֹצִיא הָאָדָמָה
 וְעַל־הָאָדָם וְעַל־הַבְּהֵמָה וְעַל כָּל־יִגִיעַ כַּפָּיִם: ^ה

12 וַיִּשְׁמַע זְרַבְבָּל בֶּן־שִׁלְתַיָּאל וַיהוֹשֻׁעַ בֶּן־יְהוֹצָדָק הַכֹּהֵן הַגָּדוֹל
 וְכָל־שְׂאֵרֵי הָעָם בְּקוֹל יְהוָה אֱלֹהֵיהֶם וְעַל־דְּבַר־יְהוָה הַנִּבְיָא כַּאֲשֶׁר
 שָׁלְחוּ יְהוָה אֱלֹהֵיהֶם^א וַיִּירָאוּ הָעָם מִפְּנֵי יְהוָה: ¹³ וַיֹּאמֶר חֲזִי^א מִלְּאֶדְנָה
 יְהוָה בְּמַלְאָכוֹת יְהוָה^א לָעַם לֵאמֹר אֲנִי אֶתְכֶם נָא־יְהוָה: ¹⁴ וַיַּעַר
 יְהוָה אֶת־רוּחַ זְרַבְבָּל בֶּן־שִׁלְתַיָּאל פִּתְחַת יְהוּדָה וְאֶת־רוּחַ יְהוֹשֻׁעַ בֶּן־
 יְהוֹצָדָק הַכֹּהֵן הַגָּדוֹל וְאֶת־רוּחַ כָּל שְׂאֵרֵי הָעָם וַיָּבֹאוּ וַיַּעֲשׂוּ מִלְאָכָה
 בְּבֵית־יְהוָה צְבָאוֹת אֱלֹהֵיהֶם: ^ט

15 בְּיוֹם עֶשְׂרִים וָאָרְבָּעָה לַחֹדֶשׁ בַּשָּׁנָה

2 בַּשָּׁנָה שְׁתַּיִם לְדַרְגֻנֹשׁ הַמְּלָךְ: ² 1 בַּשְּׁבִיעִי בַעֲשָׂרִים וָאֶחָד
 לַחֹדֶשׁ הָיָה דְבַר־יְהוָה בְּיַד־חֲנַיָּה הַנִּבְיָא לֵאמֹר: ² אָמַר־נָא אֶל־
 זְרַבְבָּל בֶּן־שִׁלְתַיָּאל פִּתְחַת יְהוּדָה וְאֶל־יְהוֹשֻׁעַ בֶּן־יְהוֹצָדָק הַכֹּהֵן
 הַגָּדוֹל וְאֶל־שְׂאֵרֵי הָעָם לֵאמֹר:

³ מִי בְכֶם הַנִּשְׂאָר

אֲשֶׁר רָאָה אֶת־הַבַּיִת הַזֶּה בְּכְבוֹדוֹ הַרְאֵשׁוֹן
 וְמָה אַתֶּם רֹאִים אֶתוֹ עַתָּה
 הֲלוֹא כְמֹהוּ כָּאֵין בְּעֵינֵיכֶם:
 4 וְעַתָּה חֲזַק זְרַבְבָּל^א וְנָא־יְהוָה^א
 וְחֲזַק יְהוֹשֻׁעַ^ב בֶּן־יְהוֹצָדָק הַכֹּהֵן הַגָּדוֹל
 וְחֲזַק כָּל־עַם הָאָרֶץ נָא־יְהוָה^ט
 וַעֲשׂוּ כִי־אֲנִי אֶתְכֶם נָא־יְהוָה צְבָאוֹת:
 5 אֶת־הַדְּבָר^ט אֲשֶׁר־כָּרַתִּי אִתְּכֶם בְּצֵאתְכֶם מִמִּצְרָיִם^א
 וְרוּחִי עֹמֵד בְּתוֹכְכֶם אֶל־תִּירָאוּ: ^ט
 6 כִּי כֹה אָמַר יְהוָה צְבָאוֹת אֱלֹהֵי יִשְׂרָאֵל עוֹד אֶחָת מְעַט הִיא

וְאֲנִי מְרַעִישׁ אֶת־הַשָּׁמַיִם וְאֶת־הָאָרֶץ וְאֶת־הַיָּם וְאֶת־
 [הַתְּרָבָה]:
 7 וְהִרַעַשְׁתִּי אֶת־כָּל־הַגּוֹיִם וּבָאוּ חֲמֻנָתָם^א כָּל־הַגּוֹיִם

וּמְלֵאֲתָי אֶת־הַבַּיִת הַזֶּה כְּבוֹד אָמַר יְהוָה צְבָאוֹת:
 8 לִי הַכֶּסֶף וְלִי הַזָּהָב נְאֻם יְהוָה צְבָאוֹת: [יְהוָה צְבָאוֹת
 9 גָּדוֹל יְהִי־הוּא כְבוֹד הַבַּיִת הַזֶּה הָאֲחֵרוֹן מִן־תְּרַאֲשׁוֹן אָמַר
 וּבְמָקוֹם הַזֶּה אֶתֵּן שְׁלוֹם נְאֻם יְהוָה צְבָאוֹת: 5

14. 1 וְכֹל מֵלֵאבִי
 דְּכֹת ב' מ' 1
 ב' ד"ס ל' וְלִי 7. ח' 15
 10. 1 וְכֹל מֵלֵאבִי
 דְּכֹת ב' מ' 1
 15. 1

10 בְּעֶשְׂרִים וָאַרְבָּעָה לַתְּשִׁיעֵי בַשָּׁנָה שְׁתַּיִם לְדַרְיָוֶשׁ הָיָה דְבַר־
 ה' יְהוָה אֶל־חֲנַי הַנְּבִיא לֵאמֹר: 11 כֹּה אָמַר יְהוָה צְבָאוֹת שְׂאֵל־נְאֻ
 12 תֵּן וְיִשָּׂא־אִישׁ בְּשֵׁר־קֹדֶשׁ בְּכַנָּף בְּגָדוֹ
 וְנָגַע בְּכַנְפוֹ אֶל־הַלֶּחֶם וְאֶל־הַנְּזִיד וְאֶל־הַיַּיִן וְאֶל־שֶׁמֶן וְאֶל־כָּל־
 13 מֵאֲכָל הַיְקֻדָּשׁ וַיַּעֲנוּ הַכֹּהֲנִים וַיֹּאמְרוּ לֹא: 13 וַיֹּאמֶר חֲנַי אִם־יִגַּע
 14 טָמְא־נֶפֶשׁ בְּכָל־אֶלֶּה הַיְטָמְא וַיַּעֲנוּ הַכֹּהֲנִים וַיֹּאמְרוּ יִטָּמָא: 14 וַיַּעַן
 חֲנַי וַיֹּאמֶר

כֵּן הָעַם־הַזֶּה וְכֵן־חֲגֹי הַזֶּה לִפְנֵי נְאֻם־יְהוָה
 5 וְכֵן כָּל־מַעֲשֵׂה יְדֵיהֶם וְאֲשֶׁר יִקְרִיבוּ שֵׁם טָמְא הוּא:

15 א' וְעֵתָה

11 שִׁמּוֹ־נְאֻ לְבַבְכֶם מִן־הַיּוֹם הַזֶּה וּמַעֲלָה
 12 מִטָּרָם שׁוֹם־אֶבֶן אֶל־אֶבֶן בְּהִיכַל יְהוָה: 16 מִהַיּוֹתָם
 בָּא¹⁷ אֶל־עֲרַמַת עֲשָׂרִים וְהִיתָה עֲשָׂרָה
 18 בָּא¹⁸ אֶל־הַיָּקֵב לַחֲשָׁף חֲמִשִּׁים פּוֹרָה וְהִיתָה עֲשָׂרִים:
 17 הַפִּיִתִי אֶתְכֶם בַּשָּׂדֶפּוֹן וּבִיַּרְקוֹן וּבְבָרָד אֶת כָּל־מַעֲשֵׂה יְדֵיכֶם
 18 וַיֹּאֲיִן אֶתְכֶם אֵלַי נְאֻם־יְהוָה:

18 שִׁמּוֹ־נְאֻ לְבַבְכֶם מִן־הַיּוֹם הַזֶּה וּמַעֲלָה [שִׁמּוֹ לְבַבְכֶם: 18
 19 מִיּוֹם עֲשָׂרִים וָאַרְבָּעָה לַתְּשִׁיעֵי¹⁹ לְמִן־הַיּוֹם אֲשֶׁר־יִפֹּד הִיכַל־יְהוָה
 20 הָעוֹד הַזֶּה בְּמַגְנֵלָה וְעַד־הַגֶּפֶן וְהַתְּאֵנָה וְהַרְמָוִן וְעַץ הַגִּזִּית
 מִן־הַיּוֹם הַזֶּה אֲבָרָךְ: 5
 20 וַיְהִי דְבַר־יְהוָה שְׁנֵית אֶל־חֲנַי בְּעֶשְׂרִים וָאַרְבָּעָה לַחֲדָשׁ

לֵאמֹר: 21 אָמַר אֶל־זֶרְבָבֶל פַּחַת־יְהוּדָה לֵאמֹר
 אֲנִי מֵרְעִישׁ אֶת־הַשָּׁמַיִם וְאֶת־הָאָרֶץ:

22 וְהַפְּכֵתִי כֶסֶף מִמְּלָכוֹת וְהַשְׁמִדְתִּי חֲזֶק מִמְּלָכוֹת הַגּוֹיִם
 וְהַפְּכֵתִי מִרְכָּבָה וְנִכְבְּיָהּ וַיִּרְדּוּ סוֹסִים וְנִכְבְּיָהֶם בְּאִישׁ
 23 [בְּתֹרֵב אֲחִיו: 23
 23 בַּיּוֹם הַהוּא נְאֻם־יְהוָה צְבָאוֹת אֶקְחָה זֶרְבָבֶל בֶּן־

23 בַּיּוֹם הַהוּא נְאֻם־יְהוָה צְבָאוֹת אֶקְחָה זֶרְבָבֶל בֶּן־
 [שְׂאֵל־תִּיאֵל עַבְדִּי נְאֻם־יְהוָה
 24 וְשִׁמְתִּיךָ כַּחוֹתֶם כִּי־בָנָה בְּחֵרְתִי
 נְאֻם יְהוָה צְבָאוֹת:

18. 1
 19. 1
 20. 1
 21. 1
 22. 1
 23. 1

Берешит 14:17-20. 17 Когда [Аврам] возвращался после поражения Кедорлаомера и царей, бывших с ним, царь Содомский вышел ему навстречу в долину Шаве, что ныне долина царская; 18 и Малькицедек, царь Шалема, вынес хлеб и вино, - он был жрец бога всевышнего, - 19 и благословил его, и сказал: благословен Аврам от бога всевышнего, владыки неба и земли; 20 и благословен бог всевышний, который предал врагов твоих в руки твои. Аврам дал ему десятую часть из всего.

17 וּרְכָשׁוֹ הַשִּׁיב וְגַם אֶת־הַנְּשִׁים וְאֶת־הָעַם: 17 וַיֵּצֵא מֶלֶךְ־סֹדֶם
 לִקְרָאתוֹ אַחֲרֵי שׁוּבוֹ מִהַכּוֹת אֶת־כְּדֹר־לְעָמֶר וְאֶת־הַמְּלָכִים אֲשֶׁר
 אִתּוֹ אֶל־עַמֶּק שָׁוֵה הוּא עַמֶּק הַמֶּלֶךְ: 18 וּמַלְכִי־צֶדֶק מֶלֶךְ שָׁלֵם
 הוֹצִיא לֶחֶם וַיֵּינ וְהוּא כֹהֵן לֵאלֹהֵי עֵלְיוֹן: 19 וַיְבָרַכְהוּ וַיֹּאמֶר
 בְּרוּךְ אַבְרָם לֵאלֹהֵי עֵלְיוֹן קִנְהַ שָׁמַיִם וְאָרֶץ:
 20 וּבְרוּךְ אֱלֹהֵי עֵלְיוֹן אֲשֶׁר־מָגֵן צָרִיךָ בַיָּדָךְ
 וַיִּתֵּן־לוֹ מֵעֶשֶׂר מִכָּל: 21 וַיֹּאמֶר מֶלֶךְ־סֹדֶם אֶל־אַבְרָם הֵן־לִי הַנְּפֹשׁ

Техиллим 110 (в русской Библии 109). 110:1 Псалом Давида. Сказал Яхве господину моему: седи одесную меня, доколе положу врагов твоих в подножие ног твоих. 2 Жезл силы твоей пошлет Яхве с Сиона: господствуй среди врагов твоих. 3 В день силы твоей народ твой готов во благолепии святости; из чрева прежде денницы подобно росе рождение твое. 4 Клялся Яхве и не раскается: ты жрец вовек по чину Малькицедека. 5 Адонай одесную тебя. Он в день гнева своего поразит царей; 6 совершит суд над народами, наполнит землю трупами, сокрушит голову в земле обширной. 7 Из потока на пути будет пить, и потому вознесет главу.

110 1 לְדָוִד מְזֻמָּר
 נֶאֱמַר יְהוָה לְאַדְנִי שֶׁב לְיְמִינִי
 עַד־אֲשִׁית אֲיֹבֶיךָ תַּחַס לְרַגְלֶיךָ:^a
 2 מִפֶּה־עֵזָךְ יִשְׁלַח יְהוָה מִצִּיּוֹן רִדְהָ בְּקִרְבֵי אֲיֹבֶיךָ:
 3 אַעֲמֶךָ נְדָבָתָ^a בְּיוֹם תִּילָךְ^b
 בְּהַדְרֵי־קֹדֶשׁ מִרְחַם מִשְׁחָרָ^a לֵךְ טַלֵּ^e יִלְדְּתֶיךָ:
 4 נִשְׁבַּע יְהוָה וְלֹא יִנְחָם
 אֶתְהָ כֹהֵן לְעוֹלָם עַל־דְּבָרֶיךָ^a מִלְכֵי־צֶדֶק:
 5 אֲדֹנָי עַל־יְמִינֶךָ^b מִחַץ בְּיוֹם־אָפּוֹ מְלָכִים:
 6 יַדִּין בְּגוֹיִם מִלְּא גְוִיּוֹת^a מִחַץ רֹאשׁ^b עַל־אָרֶץ רַבָּה:
 7 מִנַּחַל בַּיַּדְךָ יִשְׁתֶּה עַל־פְּנֵי יְרִים^a רֹאשׁ:^b

Иосиф Флавий, Иудейская война 6.10.1 (6:435-42) Итак, на втором году правления Веспасиана, в восьмой день месяца Горипея, Иерусалим пал. Подобное случалось с ним пять раз в прошлом, и это уже второй раз что он был совершенно опустошен. Египетский царь Асохей (Шисак), затем Антиох, после него Помпей, а за ними Сосий вместе с Иродом, были те, кто хоть и взяли город, пощадили его. Однако еще до них, спустя 1468 лет и 6 месяцев после его основания, вавилонский царь овладел городом и опустошил его. Первым же основателем города был ханаанский владыка, звавшийся на местном наречии «царь праведный» (*basileus dikaios*, т. е., רַחֲמָנִים), каковым он и был на самом деле. Потому он и был первым жрецом Бога и первым строителем Храма, отчего и дал городу, что прежде назывался Солимом, имя Иерусалима. Но хананеяне были изгнаны царем евреев Давидом, который поселил здесь собственный народ. 477 лет и 6 месяцев спустя город был разрушен вавилонянами. А от царя Давида, первого еврейского царя в Иерусалиме, и до разрушения города Титом, прошло 1179 лет, и 2177 лет прошло от первоначального основания города до его падения. И ни древность города, ни его неимоверное богатство, ни то, что народ его распространился по всему миру, ни даже великая слава свершавшегося в нем богослужения, не достали на то, чтобы предотвратить его гибель. Итак, вот таков был конец осады Иерусалима.

Кумранские рукописи, 11QMelchizedek (11Q13, 2).] а касательно того, что сказано: «В юбилейный [год] возвратитесь каждый во владение своё» (Ваикра 25:13), об этом он говорит: «Прощение же состоит в том, чтобы каждый заимодавец, который дал займы ближнему своему, простил долг и не взыскивал с ближнего своего или с брата своего, ибо провозглашено прощение ради бога» (Дварим 15:2). Толкование этого относится к последним дням и касается пленных, которые [...] и чьи учителя были сокрыты и упрятаны, и из наследия Малькицедека по[тому что] и они – наследие Малькицедека, который возвратит их, и провозгласит им свободу снять с них [бремя] всех грехов их. И так это произойдет в первую седмицу юбилея после девяти юбилеев. И День Искупления – это конец десятого юбилея. Чтобы совершать искупление за всех сынов света и людей жребия Малькицедека [...] над ними [...] в соответствии со всем, что они делают потому что это конец (времени) для года милости Малькицедека и армий его со святыми божьими для правительства суда, как написано о нём в песнях Давида, который сказал: «Бог стал в сонме богов; среди богов произнёс суд» (Техиллим 81:1). Про него также сказано: «Над ним поднимись на высоту. Бог судит народы (Техиллим 7:8-9). А то, что сказано: «Доколе будете вы] судить неправедно и оказывать лицепрятие нечестивым? Села.» (Техиллим 82:2), то толкование этого относится к Велиалу и духам его жребия, которые [...] отвратились от заповедей божьих, чтобы делать зло. Но Малькицедек отмстит месть божьих судов и в тот день спасёт их от руки Велиала и от руки всех его духов. А помогают ему все боги праведности и он тот, который [...] все сыны света и [...] Эта [...] мирный день, о котором сказано [...] через пророка Йишаяху, который сказал: «Как прекрасны на горах ноги благовестника, возвещающего мир, благовествующего радость, проповедующего спасение, говорящего Сиону «воцарился бог твой!»». (Исайя 52:7) Толкование этого: «горы» – это пророки [...] они [...] всем [...] «Благовестник» – это Мессия духа, как сказал про него Даниэль: «До Мессии-правителя семь седмин» (Даниэль 9:25), а «благовестник, возвещающий мир, благовествующий радость» – это тот, про кого написано «исцелять сокрушенных сердцем» (Йишаяху 61:2) – толкование этого: научить их касательно всех концов света по истине... забрана и Велиала и возвратится [...] в судах божьих, как написано: «говорящего Сиону «воцарился бог твой!»». «Сион» – это собрание всех сыновей праведности, которые исполняют завет, отвращаются от хождения по пути народа, а «бог твой» – это Мельхиседек, который спасёт их от руки Велиала.

2 (т. н. «Славянская») Книга Еноха. О жене Нира. Глава 71. Была бесплодна жена Нира Софонима и не родила Ниру наследника. И вот состарилась Софонима, и близился день её смерти, когда почувствовала она дитя в чреве своём, — а Нир не входил к ней со дня, как поставил его

Господь иереем перед людьми. Испугалась Софонима и таилась все дни, и никто из людей и не узнал этого. И стало же в день родов — вспомнил о жене своей Нир и призвал её к себе в покои побеседовать с нею. И пошла Софонима к мужу, тая дитя в чреве, и тогда наступило время родин. И увидел её Нир, и устыдился безмерно такого позора, и сказал ей: «Что же ты это сотворила, жена, и осрамила меня перед людьми? И теперь иди от меня, — иди туда, где зачала позор чрева твоего, да не оскверню рук моих о тебя и не согрешу перед Господом». И ответила Софонима мужу своему, говоря: «Я, господин мой, уже стара, и нет во мне молодой силы, — не знаю, как зачалось в смиренном чреве моем». Не поверил ей Нир, и сказал ей Нир снова: «Уйди от меня, а то не ровен час убью тебя и согрешу перед Господом». И когда так говорил Нир жене своей, упала Софонима к ногам Нира и умерла. И опечалился Нир глубоко, но решил в сердце своем: «Коль от Господа моего уж так суждено ей, то и ныне милостив и вечен Господь, ибо не поднял руки моей на неё». И тогда явился Ниру архангел Гавриил и сказал ему: «Не мысли, что жена твоя Софонима в наказание умерла: младенец, что ею выношен, — плод праведный, и я приму его в Рай, да не быть тебе отцом божьему дару». И не стал медлить Нир, и, отворив двери покоев своих, поспешил к брату своему Ною и рассказал ему всё, как было с женой его Софонимой. И поспешил Ной в дом брата своего и увидел жену брата своего мёртвой, но чрево её пыталось еще разрешиться от бремени. И сказал Ной Ниру: «Не печалься, Нир, брат мой, ибо сокрыл Господь сегодня позор наш, и не знает о нём никто из людей. А теперь постараемся похоронить её, и Господь укроет бесчестье наше». И положили Софониму на ложе, покрыли чёрным покровом и затворили двери. И вырыли тайно могилу. Но когда готовили ей могилу, у мертвой Софонимы родился ребенок и оставался на одре покойной. И возвратились Ной и Нир похоронить Софониму и увидели младенца, сидящего около мёртвой, прикрытого ее одеждой. И поразились Ной и Нир, ибо столь был прекрасен младенец и уже говорил и устами своими восхвалял Господа. С изумлением смотрел на него Ной, с Ниром, и говорил: «Это от Господа, брат мой. Вот и печать священства на груди его, и славен вид его». И сказал Ной Ниру: «Брат, это обновляет Господь кровь священнослужителей после нас». И больше не медлили Нир и Ной, и омыли младенца, и одели в ризы святительские, и дали ему откусать благословенного хлеба. И нарекли имя ему: Мелхиседек. И взяли Ной и Нир тело Софонимы, и совлекли с неё покров чёрный, омыли тело её, и обрядили в покровы светлые и достойные, и приготовили ей гробницу. И пошли Ной и Нир с Мелхиседеком и погребли её с почетом и принародно. И сказал Ной брату своему: «Побереги младенца до поры втайне, потому что про нас уже ведут пересуды люди по всей земле и, как-либо высмотрев, умертвят его». И возвратился Ной в дом свой. И вот поднялись во времена Нира все бесчинства по всей земле. И горько печалился Нир, но еще больше — о младенце, говоря: «Что же мне делать с ним?» Простер Нир руки свои к небу и призвал Господа, восклицая: «Увы мне, Господи вечный! Все беззакония умножились на земле во дни мои, и вижу я, как близок конец наш. Что же означает, Господи, появление ныне младенца этого? И что суждено ему, или что сделать мне для него, дабы не содрогаться ему с нами от ужаса в погибели этой?» Услышал Господь Нира, явился ему в видении ночном и сказал ему: «Это, Нир, уже великая гибель пришла на землю: не потерплю я впредь ни поругания, и вот мыслю ниспослать скоро погибель великую на землю. А о младенце не тревожься, Нир, ибо прежде pošлю я архангела своего Гавриила, и возьмет он младенца и укроет его в саду Эдемском, и не погибнет тот с обреченными погибнуть. А теперь я указал его; и будет иерей иереев моих Мелхиседек во веки. И поставлю его человеком великим в народе моем». И встал Нир от сна своего и восславил Господа, явившегося ему, говоря: «Благословен Господь, бог отцов наших, который не допустил поругания святительству моему во святительстве отцов моих, ибо слово твое создало иерея великого в ложеснах Софонимы, жены моей, потому что не было мне потомства. Пусть же будет отрок этот в потомстве преемником мне и станет сыном моим. И причислишь его к рабам своим — с Сифом, и Онохом, и Русием, и Миламом, и Рерухом, и Арусамом, и Найдем, и Енохом, и Мафусаилом, и рабом твоим Ниром. Но будет Мелхиседек глава иереям уже

другого народа, потому что этот народ истребит себя в распрях и смутах и погибнут все до единого. Спасется лишь Ной, брат мой, и даст корень иному роду, и от потомства его вновь умножатся на земле люди. И Мелхиседек будет глава иереям у народов, послушных единовластия твоему и тебе, Господи.»

Глава 72. И было так: когда минуло отроку сорок дней под кровом Нира, то сказал, Господь архангелу Гавриилу: «Сойди на землю к иерею Ниру и возьми отрока Мелхиседека и укрой безопасности ради в саду Эдема, ибо уже приблизилось время, и я обрушу все воды на землю, и погибнет все сущее на земле. И поставлю новый народ, и Мелхиседек будет глава иереям в народе том». И поспешил Гавриил, и слетел ночью к Ниру, спящему на ложе своем. И явился ему Гавриил, и сказал ему: «Так говорит Господь Ниру: отпусти отрока ко мне, которого тебе я доверил». Но не узнал Нир говорящего ему, и пришло в смятение сердце его: «Если прознают люди об отроке, возьмут его и убьют его, ибо лукаво сердце людское перед лицом Господним». И, отвечая Гавриилу, сказал: «Нет у меня отрока, и не знаю я обращающегося ко мне». И ответил ему Гавриил: «Не бойся, Нир: это я, архангел Гавриил, и прислал меня Господь. И вот теперь беру я отрока твоего и ухожу с ним — и укрою его в саду Эдемском». И вспомнил Нир сон свой прежний, поверил и отвечал Гавриилу: «Благословен Господь, пославший тебя сегодня ко мне. Благослови же ныне раба твоего Нира, и прими отрока, и поступи с ним, как сказано тебе». И принял Гавриил отрока Мелхиседека в ту ночь на крылья свои и перенес его в сад Эдемский. И пробудился Нир утром, и пошел в потаенный покой, и не нашел отрока. И радовался, и печалился глубоко Нир, потому что был ему отрок вместо сына.

Послание к Евреям 6:13-7:13. 6:13 Бог, давая обетование Аврааму, как не мог никем высшим клясться, клялся самим собою, 14 говоря: истинно благословляя благословлю тебя и размножая размножу тебя. 15 И так Авраам, долготерпев, получил обещанное. 16 Люди клянутся высшим, и клятва во удостоверение оканчивает всякий спор их. 17 Посему и бог, желая преимущественнее показать наследникам обетования непреложность своей воли, употребил в посредство клятву, 18 дабы в двух непреложных вещах, в которых невозможно богу солгать, твердое утешение имели мы, прибегшие взяться за подлежащую надежду, 19 которая для души есть как бы якорь безопасный и крепкий, и входит во внутреннейшее за завесу, 20 куда предтечею за нас вошел Иисус, сделавшись первосвященником навек по чину Мелхиседека.

Глава 7. 1 Ибо Мелхиседек, царь Салима, жрец бога всевышнего, тот, который встретил Авраама и благословил его, возвращающегося после поражения царей, 2 которому и десятину отделил Авраам от всего, - во-первых, по знаменованию имени царь правды, а потом и царь Салима, то есть царь мира, 3 без отца, без матери, без родословия, не имеющий ни начала дней, ни конца жизни, уподобляясь сыну божию, пребывает священником навсегда. 4 Видите, как велик тот, которому и Авраам патриарх дал десятину из лучших добыч своих. 5 Получающие жречество из сынов Левиных имеют заповедь - брать по закону десятину с народа, то есть со своих братьев, хотя и сии произошли от чресл Авраамовых. 6 Но сей, не происходящий от рода их, получил десятину от Авраама и благословил имевшего обетования. 7 Без всякого же прекословия меньший благословляется большим. 8 И здесь десятины берут человеки смертные, а там - имеющий о себе свидетельство, что он живет. 9 И, так сказать, сам Леви, принимающий десятины, в лице Авраама дал десятину: 10 ибо он был еще в чреслах отца, когда Мелхиседек встретил его. 11 Итак, если бы совершенство достигалось посредством левитского священства, - ибо с ним сопряжен закон народа, - то какая бы еще нужда была восставать иному священнику по чину Мелхиседека, а не по чину Аарона именоваться? 12 Потому что с переменою священства необходимо быть перемене и закона. 13 Ибо тот, о котором говорится сие, принадлежал к иному колелу, из которого никто не приступал к жертвеннику. 14 Ибо известно, что господь наш воссиял из колена Иудина, о котором Моисей ничего не сказал относительно жречества. 15 И это еще яснее видно из того, что по подобию Мелхиседека восстает жрец иной, 16 который таков не по закону заповеди плотской, но по силе жизни

непрестоящей. 17 Ибо засвидетельствовано: Ты жрец вовек по чину Мелхиседека. 18 Отменение же прежде бывшей заповеди бывает по причине ее немощи и бесполезности, 19 ибо закон ничего не довел до совершенства; но вводится лучшая надежда, посредством которой мы приближаемся к богу. 20 И как сие было не без клятвы, - 21 ибо те были священниками без клятвы, а сей с клятвою, потому что о нем сказано: клялся Господь, и не раскается: ты жрец вовек по чину Мелхиседека, - 22 то лучшего завета поручителем соделался Иисус. 23 Притом тех священников было много, потому что смерть не допускала пребывать одному; 24 а сей, как пребывающий вечно, имеет и священство непреходящее, 25 посему и может всегда спасать приходящих чрез него к богу, будучи всегда жив, чтобы ходатайствовать за них. 26 Таков и должен быть у нас первосвященник: святой, непричастный злу, непорочный, отделенный от грешников и превознесенный выше небес, 27 который не имеет нужды ежедневно, как те первосвященники, приносить жертвы сперва за свои грехи, потом за грехи народа, ибо он совершил это однажды, принеся в жертву себя самого. 28 Ибо закон поставляет первосвященниками человекoв, имеющих немощи; а слово клятвенное, после закона, поставило сына, на веки совершенного.

1 Книга Маккавеев 14:4-15

А земля Иуды мирно покоилась во все дни Симона:
 Радел он о благе народном,
 А им по душе была власть его,
 И слава его — во все дни.
 Со всей славой своей ради гавани взял он Иоппу,
 Отворив вход и выход к морским островам.
 Для народа раздвинул границы страны,
 Стал владыкой в пределах отчизны.
 Он согнал многочисленных пленных,
 Взял Газары, Бетсурь и Крепость,
 Все нечистое выдворил вон из нее,
 И никто не смог выстоять против него.
 Всяк возделывал мирное поле свое,
 И земля приносила в ответ урожай,
 И свой плод — деревья равнин.
 И на улицах старцы сидели кругом,
 Толковали друг с другом о добрых делах,
 А вот юноши — те облачались во славу, надевали ризы войны.
 В города доставлял он съестные припасы,
 Укрепления в них возводил,
 И прославилось имя его доброй славой
 До самого края земли.
 Мир принес он на землю,
 Осчастливил Израиля счастьем великим:
 Всяк сидел под своей виноградной лозой,
 Под своею смоковницей — каждый,
 И никто не страшил их!
 Никого на земле не осталось,
 Чтоб войною пойти против них:
 В оны дни сокрушились и сами цари.
 Всем убогим в народе своем он опору давал
 И радел о Законе,
 Истребляя отступников всех, истребляя мерзавцев.

Он прославил Святилище,
А священную утварь его
Приумножил.

Псалмы Соломона. Псалом 17. 1. Господи, ты сам царь наш во веки вечные, ибо тобою, боже, похвалится душа наша. 2. Каково время жизни человека на земле? По времени его — и надежда на него. 3. Но мы понадеемся на бога, спасителя нашего, ибо сила бога нашего вовеки с милостью, 4. и царствие бога нашего вовеки в суде над народами. 5. Ты, господи, избрал Давида царем над Израилем, и ты клялся ему о семени его навеки, да не угаснет пред тобою царство его. 6. И в согрешениях наших восстали на нас грешники, и напали на нас и притеснили нас. Чего не обещал ты им, взяли они силою, 7. и не прославили честного имени твоего. В славе воздвигли они царство в знак величия своего. 8. Пустым сделали они трон Давидов в многошумном высокомерии. Но ты, боже, низвергнешь их и возьмешь семя их от земли, 9. восставив на них человека, чуждого роду нашему, 10. по грехам их воздашь ты им, боже, да случится с ними по делам их. 11. По делам их не помилует их бог, испытал он семя их и не отпустил им. 12. Верен господь во всех судах его, кои вершит он на земле. 13. Лишил беззаконный землю нашу живущих на ней, похитил юного и старого и детей их вместе с ними. 14. Во гневе своем отослал он их на Запад и насмеялся над правителями земли и не пощадил их. 15. Чуждый нам, возгордился враг, и сердце его чуждо бога нашего. 16. И все, что соделал в Иерусалиме, — как язычники в городах своих богам своим. 17. И превосходили их сыны Завета среди народов смешанных, и не было среди них никого, кто творил бы в Иерусалиме милость и правду. 18. Бежали от них любящие собрания благочестивых, словно воробьи разлетелись от гнезда своего. 19. Скитались в пустынях, дабы спасти души свои от зла, и драгоценна в очах переселенца душа, спасаемая из них. 20. По всей земле соделалось рассеяние их беззаконными, ибо перестало небо изливать дождь на землю, 21. сомкнулись источники вечные в безднах среди гор высоких, ибо не было среди людей тех никого, кто творил бы справедливость и суд. От правителя их до малейшего из народа — во грехе всяческом. 22. Царь в беззаконии, а судья в неправде, а народ во грехе. 23. Призри на них, господи, и восставь им царя их, сына Давидова, в тот час, который ты знаешь, боже, да царит он над Израилем, отроком твоим. 24. И препояшь его силою поражать правителей неправедных. 25. Да очистит он Иерусалим от язычников, топчущих город на погибель. В премудрости и справедливости 26. да изгонит он грешников от наследия твоего, да искоренит гордыню грешников, подобно сосудам глиняным сокрушит жезлом железным всякое упорство их. 27. Да погубит он язычников беззаконных словами уст своих, угрозою его побегут язычники от лица его, и обличит он грешников словом сердца их. 28. И соберет он народ святой, и возглавит его в справедливости, и будет судить колена народа, освященного господом богом его. 29. И не позволит он поселиться среди них неправедности, и не будет с ними никакой человек, ведающий зло. 30. Ибо он будет знать, что все они — сыны бога их, и разделит он их по коленам их на земле. 31. Ни переселенец, ни чужеродный не поселятся с ними более. Будет судить он народы и племена в премудрости и справедливости его. 32. И возьмет он народы язычников служить ему под игом его, и прославит он господу в очах всей земли, 33. и очистит он Иерусалим, освятив его, как был он в начале. 34. Придут племена от края земли, дабы видеть славу его, неся в дар истомленных сынов Иерусалима, 35. и дабы видеть славу господу, коею прославил он эту землю; и сам справедливый царь научен будет богом о них. 36. И нет неправедности во дни его среди них, ибо все святы, а царь их — Мессия господень. 37. Не понадеется он на коня, всадника и лук, не станет собирать себе в изобилии золота и серебра для войны, не станет оружием стяжать надежд на день войны. 38. Сам господь — царь его, надежда сильного надеждою на бога, и поставит он все племена пред собою в страхе. 39. Ударит он по земле словом уст своих навеки, 40. благословит он народ господу в премудрости с радостью. 41. И сам он чист от согрешения, дабы править народом великим; обличит он правителей и уничтожит грешников властью слова

своего. 42. И не ослабеет во дни те, уповая на бога своего, ибо сделал его бог сильным духом святым и премудрым в рассуждении, с мощью и справедливостью. 43. И благословение господа с ним в силе его, и не ослабеет он. Упование его на господа, 44. и кто может против него? Мощный в делах своих и сильный в страхе божиим, 45. пасущий стадо господне в вере и справедливости, не даст он ослабеть никому на пастбище их. 46. В благочестии поведет он их всех, и не будет среди них гордыни для угнетения среди них. 47. Такова краса царя Израиля, которую познал бог, восставив его над домом Израиля для вразумления его. 48. Речи его, пламенем очищенные, драгоценнее золота, в собраниях будет судить он людей — колена освященных. 49. Слова его — как слова святых среди людей освященных. 50. Блаженны, кто будет жить в те дни, ибо узрят они сотворенное богом счастье Израиля в собрании колен его. 51. Да ускорит бог милость свою над Израилем, да избавит нас от нечистоты врагов нечестивых. Сам господь — царь наш во веки вечные с того дня, как утвердил их бог, и от века. И не отклонились с того дня, как утвердил он их; с давних времен не отступили они от пути своего, если сам бог не приказал им через слуг своих.

Псалмы Соломона. Псалом 18. 1. Господи! милость твоя — на творениях рук твоих вовек, 2. благодать твоя, дар изобилия — на Израиле. Глаза твои взирают на них, и не узнает нужды ни одно из них, 3. уши твои услышат мольбу несчастного, молящегося с упованием. Суды твои надо всею землей исполнены милосердия, 4. любовь же твоя — на семени Авраамовом, сынах Израилевых. Наказание твое на нас — как на сыне первородном и единственном, 5. дабы отвратить душу послушную от греха по неведению. 6. Да очистит бог Израиля в день милости благословением, в день избрания — возвращением Мессии его. 7. Блаженны, кому случится во дни те увидеть блага господни, какие явит он роду, грядущему 8. под жезл вразумления Мессии господня — в страхе пред богом своим, в мудрости духа, праведности и силы, 9. дабы направил он человека в делах праведности страхом божиим, восстановил их всех в страхе господнем — 10. благой род, боящийся бога, во дни милости. 11. Велик бог наш и славен, живущий в вышних, 12. определивший ход светил по времени от дней ко дням, и не сошли с пути, какой он заповедал им. 13. В страхе божиим путь их каждый день — с того дня, как утвердил их бог, и от века. 14. И не отклонились с того дня, как утвердил он их; с давних времен не отступили они от пути своего, если сам Бог не приказал им через слуг своих.

Завещание Соломона. 1. Благословен Ты, Господь Бог, давший Соломону такую власть. Тебе слава и владычество на веки. Аминь.

Глава 1. 1. И было, когда строился Храм города Иерусалима, и ремесленники работали в нём, 2. пришёл бес Орния на закате солнца, и взял половину заработка и половину пайка маленького сына главного рабочего. И каждый день он сосал большой палец правой руки его. И мальчик, которого я очень любил, похудел. 3. Я же, Соломон, расспросив мальчика в один из дней, сказал ему: «Разве не я возлюбил тебя больше, чем всех остальных ремесленников, работающих в Храме, и не назначил тебе двойной заработок и паёк? Как же ты худеешь с каждым днём?» 4. Мальчик же сказал мне: «Умоляю тебя, царь, выслушай меня о том, что случилось со мной! После того, как мы освобождаемся от работы в Храме Божьем, после заката солнца, когда я отдыхаю, приходит злой бес и отнимает у меня половину моего заработка, берёт мою правую руку и сосёт мой большой палец. И вот, душа моя страдает, а тело моё худеет с каждым днём». 5. Услышав это, я, царь Соломон, вошёл в Храм Божий, и от всей моей души прославляя Его день и ночь, умоляя передать беса в руки мои, чтоб иметь власть над ним. 6. И было, когда я молился Богу неба и земли, дан мне был от Господа Саваофа через Архангела Михаила перстень, имеющий печать, выгравированную на драгоценном камне. 7. И сказал мне (Михаил): «Возьми, Соломон, сын Давидов, дар, который послал тебе Господь Бог Всевышний Саваоф! Им ты свяжешь всех бесов — и женского и мужского пола — и с их помощью построишь Иерусалим — при условии, что будешь носить эту печать Божью.» 8. Очень обрадовавшись, я воспел

гимны и прославил Бога неба и земли. На следующий день, я позвал мальчика ко мне, дал ему печать, 9 и сказал ему: «В час, когда придёт к тебе бес, брось эту печать ему в грудь, говоря ему: Пошли! Соломон зовёт тебя! И бегом возвращайся ко мне как можно быстрее, чтобы он не сказал ничего, что может утратить тебя.» 10. И вот, в привычный час, как пылающий огонь пришёл докучливый бес Орния для того, чтобы по своему обыкновению, забрать заработок ребенка. 11. Но мальчик, в соответствии со сказанным ему Соломоном, бросил печать в грудь беса, говоря ему: « Пошли! Соломон зовёт тебя!» - и бегом отправился к Соломону. 12. Бес же завопил, говоря мальчику: «Зачем ты сделал это? Возьми печать, и отдай её Соломону. А я тебе дам серебро и золото всей земли. Только не веди меня к Соломону.» Мальчик сказал ему: «Жив Господь Бог Израиля, никак не смогу противостоять тебе, если не отведу тебя к Соломону.» 14. Пошёл мальчик и сказал Соломону: «Царь Соломон, привёл я к тебе беса, как ты заповедал мне, и вот, он стоит за дверью связанный, и кричит громким голосом, что даст мне серебро и золото всей земли, чтобы я не вёл его к тебе.

Глава 2. 1. Услышав это, я, Соломон, встал с моего трона и увидел содрогающегося и трясущегося беса, и сказал ему: «Кто ты и как имя тебе?» Бес ответил: «Меня зовут Орния.» 2. Я сказал ему: «В каком знаке зодиака ты находишься?» Ответил бес и сказал: «В Водолее. Я душу находящийся в Водолее, из-за их страсти к женщинам под знаком Девы. 3. Я также усypляю, и принимаю три разных формы. Иногда (я принимаю форму) мужчины, страстно жаждущего тел женственных мальчиков, и когда я касаюсь их, им очень больно. Иногда я становлюсь крылатым, и нахожусь в небесных сферах. Иногда я принимаю образ льва. 4. Происхожу я от архангела силы Божьей, а бессильным делает меня архангел Уриэль». 5. Когда услышал я имя архангела, то помолился и прославил Бога неба и земли, и наложив на беса печать, приказал ему работать в каменоломне и вырубать для Храма камни, которые лежали на берегу после того, как их привезли через Аравийское море. 6. Однако, боясь коснуться железа, он сказал мне: «Молю тебя, царь Соломон, позволь мне быть свободным, и я приведу к тебе всех бесов.» Потому как он не хотел подчиняться мне, я помолился архангелу Уриэлю, чтобы он пришёл ко мне на помощь. И немедленно я увидел архангела Уриэля снисходящего с неба ко мне. 8. Он приказал монстрам выйти из моря и высушил часть их, и бросил судьбу его на землю (?). И таким же образом он приказал великому бесу Орнии высекать камни и завершить строительство Храма, который я, Соломон, строил. 9. И снова прославил я Бога неба и земли и приказал Орнии приблизиться к его судьбе, и дал ему печать, говоря: «Иди и приведи ко мне сюда правителя бесов!»

Глава 3. 1. Орния же, взяв печать пошёл к Вельзевулу и сказал ему: «Пошли! Соломон зовёт тебя!» 2. Вельзевул говорит ему: «Скажи мне, кто этот Соломон, о котором ты говоришь?» 3. А Орния бросил печать в грудь Вельзевулу, говоря: «Царь Соломон зовёт тебя!» 4. Вельзевул завопил, как будто обожженный пламенем сильного огня, и, встав, принуждённо последовал за ним, и пришёл ко мне. 5. И когда я увидел, что правитель бесов пришёл, то я прославил Бога и сказал: «Благословен Ты, Господь Бог Вседержитель, давший слуге Своему Соломону мудрость присутствующую у Твоего трона, и подчинивший мне всю силу демонов. 6. Я спросил его и сказал: «Скажи мне, кто ты?» Бес ответил: « Я есмь Вельзевул, предводитель бесов. 7. Я потребовал у него, чтобы он постоянно сидел рядом со мной, и объяснял мне проявления бесов. Он же обещал мне привести ко мне в окопах всех нечистых духов. И я снова прославил Бога неба и земли, постоянно благодаря Его.

Деяния Апостолов 1:4-9. ⁴ И, собрав их, Иисус повелел им: «Не отлучайтесь из Иерусалима, но ждите обещанного от Отца, о чем вы слышали от меня, ⁵ ибо Иоанн крестил водою, а вы, через несколько дней после сего, будете крещены духом святым.» ⁶ Посему они, сойдясь, спрашивали его, говоря: «Не в сие ли время, господи, восстановляешь ты царство Израилю?» ⁷ Он же сказал им: «Не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти, ⁸ но вы примете силу, когда сойдет на вас дух святой; и будете мне свидетелями в Иерусалиме

и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли.»⁹ Сказав сие, он поднялся в глазах их, и облако взяло его из вида их.

1 (т. н. «Эфиопская») Книга Еноха 12:1-16:4. Глава 12. И прежде чем всё это случилось, Енох был сокрыт, и никто из людей не знал, где он сокрыт, и где он пребывает, и что с ним стало. И вся его деятельность в течение земной жизни была со святыми и со стражами. – И едва я, Енох, прославил великого Господа и Царя мира, как меня призвали стражи, меня, Еноха, писца, - и сказали мне: «Енох, писец правды! Иди, возвести стражам неба, которые оставили вышнее небо и святые вечные места, и развратились с женами, и поступили так, как делают сыны человеческие, и взяли себе жен, и погрузились на земле в великое развращение: они не будут иметь на земле ни мира, ни прощение грехов: ибо они не могут радоваться своим детям. Избиение своих любимцев увидят они, и о погибели своих детей будут вздыхать; и будут умолять, но милосердия и мира не будет для них».

Глава 13. «Иди, Енох, скажи Аззелу: «Ты не будешь иметь мира; тяжкий суд учинён над тобою, чтобы взять тебя, связать тебя, и облегчение, ходатайство и милосердие не будут долею для тебя за то насилие, которому ты научил, и за все дела хулы, насилия и греха, которые ты показал сынам человеческим».» Тогда я пошёл далее и сказал всем им вместе; и они утрашились все, страх и трепет объял их. И они просили меня написать за них просьбу, чтобы чрез это они обрели прощение, и вознести их просьбу на небо к Богу. Ибо сами они не могли отныне ни говорить с Ним, ни поднять очей своих к небу от стыда за свою греховную вину, за которую они были наказаны. Тогда я составил им письменную просьбу и мольбу относительно состояния их духа и их отдельных поступков и относительно того, о чем они просили, чтобы чрез это получили они прощение и долготерпение. И я пошел, и сел при водах Дана в области Дан (т. е. к югу) от западной стороны Ермона, и читал их просьбу, пока не заснул. И вот нашел на меня сон, и напало на меня видение; и я видел видение суда, которое я должен был возвестить сынам неба и сделать им порицание. И как только я пробудился от сна, то пришёл к ним; и все они сидели печальные с закрытыми лицами, собравшись в Авель-Маин, который лежит между Ливаном и Сниром. И я рассказал им все видения, которые видел во время своего сна, и начал говорить те слова правды и порицать стражей неба.

Глава 14. То, что здесь далее написано, есть слово правды и наставления, данное мне вечными стражами, как повелел им Святой и Великий в том видении. Я видел во время видения моего сна то, что я буду теперь рассказывать моим плотским языком и моим дыханием, которое Великий вложил в уста людям, чтобы они говорили им и понимали это сердцем (мыслию). Как сотворил Он всех людей и даровал им понимание слова благоразумия, так Он сотворил и меня и дал мне право порицать стражей-сынов неба. «Я написал вашу просьбу, и мне было открыто в видении, что именно ваша просьба не будет для вас исполнена до всей вечности, дабы совершился над вами суд, и ничто не будет для вас исполнено. И отныне вы не взойдете уже на небо до всей вечности и на земле вас должны связать на все дни мира: такой произнесен приговор. Но прежде этого вы увидите уничтожение ваших возлюбленных сынов, и вы будете обладать ими, но они падут пред вами от меча. Ваша просьба за них не будет исполнена для вас, как и та (моя) просьба за вас; вы не можете даже в плаче и воздыхании произносить устами ни одного слова из писания, которое я написал». И видение мне явилось таким образом: вот тучи звали меня в видении и облако звало меня; движение звезд и молний гнало и влекло меня; и ветры в видении дали мне крылья и гнали меня. Они вознесли меня на небо, и я приблизился к одной стене, которая была устроена из кристалловых камней и окружена огненным пламенем; и она стала устрашать меня. И я вошёл в огненное пламя, и приблизился к великому дому, который был устроен из кристалловых камней; стены этого дома были подобны наборному полу (паркет или мозаика) из кристалловых камней, и почвою его был кристалл. Его крыша была подобна пути звёзд и молний с огненными херувимами между нею (крышею) и водным небом. Пылающий огонь окружал стены дома, и дверь его горела огнем. И я вступил

в тот дом, который был горяч как огонь и холоден как лед; не было в нем ни веселия, ни жизни – страх покрыл меня и трепет объял меня. И так как я был потрясен и трепетал, то упал на свое лицо; и я видел в видении. И вот там был другой дом, больший, нежели тот; все врата его стояли предо мной отворенными, и он был выстроен из огненного пламени. И во всем было так преизобильно: во славе, в великолепии и величии, что я не могу дать описания вам его величия и его славы. Почвою же дома был огонь, а поверх его была молния и путь звезд, и даже его крышею был пылающий огонь. И я взглянул и увидел в нем возвышенный престол; его вид был как иней, и вокруг него было как бы блистающее солнце и херувимские голоса. И из-под великого престола выходили реки пылающего огня, так что нельзя было смотреть на него. И Тот, Кто велик во славе, сидел на нем; одежда Его была блестящее, чем само солнце, и более чистого снега. Ни ангел не мог вступить сюда, ни смертный созерцать вид лица самого Славного и Величественного. Пламень пылающего огня был вокруг Него, и великий огонь находился пред Ним, и никто не мог к Нему приблизиться из тех, которые находились около Него: тьмы тем были пред Ним, но Он не нуждался в святом совете. И святые, которые были вблизи Его, не удалялись ни днём, ни ночью и никогда не отходили от Него. И я с тех пор имел покрывало на своем челе, потому что трепетал; тогда позвал меня Господь собственными устами и сказал мне: «Пойди, Енох, сюда и к Моему святому слову!» И Он повелел подняться мне и подойти к вратам — я же опустил своё лицо.

Глава 15. И Он отвечал и сказал мне Своим словом «Слушай! Не страшись, Енох, ты праведный муж и писец правды; подойди сюда и выслушай Моё слово! И ступай, скажи стражам неба, которые послали тебя, чтобы ты просил за них: вы должны попросить за людей, а не люди за вас. Зачем вы оставили вышнее, святое, вечное небо, и преспали с жёнами, и осквернились с дочерьми человеческими, и взяли себе жен, и поступали как сыны земли, и родили сынов-исполинов? Будучи духовными, святыми, в наслаждении вечной жизни, вы осквернились с женами, кровию плотской родили детей, возжелали крови людей и произвели плоть и кровь, как производят те, которые смертны и тленны. Ради того-то Я им и дал жен, чтобы они оплодотворяли их, и чрез них рождали бы детей, как это обыкновенно происходит на земле. Но вы были прежде духовны, призваны к наслаждению вечной, бессмертной жизни на все роды мира. Посему Я не сотворил для вас жен, ибо духовные имеют свое жилище на небе. И теперь исполины, которые родились от тела и плоти, будут называться на земле злыми духами и на земле будет их жилище. Злые существа выходят из тела их; так как они сотворены свыше и их начало и первое происхождение было от святых стражей, то они будут на земле злыми духами, и будут называться злыми духами. А духи неба имеют свое жилище на небе, а духи земли, родившиеся на земле, имеют свое жилище на земле. И духи исполинов, которые устремляются на облака, погибнут, и будут низринуты, и станут совершать насилие, и производить разрушения на земле, и причинять бедствия; они не будут принимать пищи, и не будут жаждать, и будут невидимы. И те существа не восстанут против сынов человеческих и против жен, так как они произошли от них.

Глава 16. В дни избиения и гибели и смерти исполинов, лишь только души выйдут из тел, их тело должно предаться тлению без суда; так будут погибать они до того дня, когда великий суд совершится над великим миром, - над стражами и нечестивыми людьми. И теперь скажи стражам, которые послали тебя, чтобы ты просил за них, и которые жили прежде на небе, теперь скажи им: «Вы были на небе, и хотя сокровенные вещи не были еще открыты вам, однако вы узнали незначительную тайну и рассказали её в своем жестокосердии женам, и чрез эту тайну жены и мужья причиняют земле много зла». Скажи им: «Для вас нет мира».

4 Книга Сивилл

- 1 Слушай, Азийский народ надменный и Европейцы,
- 2 Все, что намерена я правдиво вам напроорочить,
- 3 Мощные звуки издав из широкоотверстого горла!
- 4 И не от лживого Феба, которого глупые люди

5 Богом назвали, ему приписав, что будто пророк он,
6 Стану вещать, но послушна желанию вечного Бога,
7 Руки кого не слепили людские, подобно тому как
8 Идолов лепят немых и из камня их высекают.
9 В камень не заключен, безмолвно в храме стоящий –
10 Глух ко всему, позор жалчайший для рода людского, –
11 Бог не видим с земли, глазами Его не измерить,
12 Теми, что смертным даны, рукою смертной не создан,
13 Разом всех видя с небес, никем быть увиден не может.
14 Ночь, несущую мрак, светлый день и яркое солнце,
15 Звезды вместе с луной, кишасщее рыбами море,
16 Землю, реки и устья источников вечнотекущих –
17 Все сотворил Он для жизни; дожди, что прольются над пашней,
18 Ей обещав урожай, дав деревья, лозу и оливу.
19 Он меня в грудь поразил, бичом полоснул мне по сердцу,
20 Чтобы я людям про то, что есть теперь и что будет
21 С ними, от первого рода начав и окончив десятым,
22 Все достоверно сказала. Ведь Тот мне это доверил,
23 Сам Кто причина всему. Народ, послушай Сивиллу,
24 Льющую голос правдивый из уст, благочестия полных!
25 Те из людей на земле изведают счастье, что Бога
26 Будут великого чтить и Его прославлять непрестанно,
27 Прежде еды и питья стремясь к благочестию в жизни.
28 Храмы отвергнут они все сразу, лишь только увидят;
29 То же и алтари – постройки из мертвого камня
30 Лживых во славу богов, оскверненные кровью животных,
31 Жертвенным дымом. Их люди во имя единого Бога
32 Все забросают камнями, запрет положив на убийство,
33 Тайную мзду не приняв, что стало бы худшим началом.
34 Также не будут искать утех на чужом они ложе,
35 Дерзость мужей им чужда и всегда ненавистна пребудет.
36 Не переймут никогда тот характер, нрав и обычай
37 Прочие люди. Они, во всем тяготея к безстыдству,
38 Горло в насмешках сорвав, над этими станут смеяться –
39 Глупые дети! – и первым наивно приписывать станут
40 То беззаконье и зло, которое сами свершили.
41 Полон неверия род людской. Когда же наступит
42 Суд над людьми и всем миром, что Сам вселенной Создатель
43 Будет вершить, на него нечестивых и праведных вместе
44 Вызвав, – Он их разведет: порочных в пламень отправит,
45 В мрак преисподней, чтоб там осознали они, что творили;
46 Праведным выпадет жить на равнине, обильной плодами,
47 Вместе с дыханьем Господь им жизнь и радость дарует.
48 Это случиться должно при людях в десятом колене,
49 Что же в первом их ждет и дальше – о том расскажу я.
50 Править всеми людьми Ассирийцы будут вначале,
51 Власть над миром держа в пределах шести поколений, –
52 После чего Божий гнев на них обрушится с неба,
53 На города и людей, живущих под тем небосводом.
54 Морем тут станет земля из-за вод, что внезапно нахлынут.

55 Свергнут Мидийцы их власть и сами возсядут на троны –
56 Два поколения всего будут править. При них совершится
57 Вот что: наступит вдруг ночь среди дня и землю накроет,
58 Звезды с небес пропадут, и Луны круг тоже исчезнет;
59 Почва, вся сотрясаясь от мощных подземных ударов,
60 Много сметет городов и того, что построили люди, –
61 Из глубины же морской острова всплывут на поверхность.
62 Но когда разольется Евфрат великий от крови,
63 Страшная битва случится тут между Мидийцев и Персов
64 В их друг с другом войне. Под копьями Персов Мидийцы,
65 Падая, прочь побегут через воды великого Тигра.
66 Сила же Персов пускай величайшею в мире пребудет,
67 Им предстоит лишь одно поколение счастливо править.
68 Многие беды ждут мир, их осыплют проклятьями люди:
69 Кровопролитные войны, убийства, изгнания, распри,
70 Гибель больших городов, падение башен высоких –
71 Эллин надменный когда по соленой волне Геллеспонта,
72 Смерть неся Финикийцам и Азии, путь свой направит.
73 В хлебном Египте, где вся земля распахана плугом,
74 Голод и неурожай на двадцать лет воцарятся.
75 Нил тому будет причиной, колосьям жизнь приносящий, –
76 Темные воды свои упрячет он где-то под землю.
77 Будет из Азии царь, что копье большое поднимет,
78 На несметных судах. По влажным дорогам пучины
79 Шагом пройдет, проплывет, разсекши высокую гору.
80 После же бегства с войны его грозная Азия примет.
81 Остров Сицилия весь сожжен будет мощным потоком
82 Лавы кипящей, из недр что извергнет с пламенем Этна.
83 Город же славный Кротон погрузится в глубокое море.
84 Вспыхнет в Элладе вражда. Совсем обезумев от гнева,
85 Много с землей городов сровняют и многих погубят
86 В битве жестокой. Война принесет всем поровну горя.
87 В роде когда же людском поколений сменится десять,
88 Персов рабский ярем тогда ожидает и ужас.
89 Слава правителей мира когда отойдет к Македонцам,
90 Фивам не избежать позорного будет захвата,
91 Тир населят Карийцы, а жители Тира погибнут.
92 Самос засыплет песком, сровняет его с берегами.
93 Делос исчезнет из глаз, и все, что на Делосе, тоже.
94 Грозный на вид Вавилон, однако слабый в сраженье,
95 Будет стоять, возведен на надеждах, не могущих сбыться.
96 Бактры займут Македонцы; их жители, город оставив,
97 Так же, как жители Суз, все ринутся в землю Эллады.
98 Все это в будущем ждет, когда Пирам среброструйный,
99 Воду в залив вынося, священный остров омоет.
100 В море сползут Сибарис и Кизик, от колебаний
101 Почвы; оба падут под напором подземных ударов.
102 Родос последним постигнет несчастье, но будет сильнейшим.
103 Власть Македонцев продлится недолго: там, где заходит
104 Солнце, начнется война Италийская, ей подчинятся

105 Все и под рабским ярмом Италийцам прислуживать станут.
106 Ты же, несчастный Коринф, свое разоренье увидишь.
107 Башни твои, Кархедон, к земле преклонят колено.
108 Стойкая Лаодикия, тебя опрокинет однажды
109 Землетрясение, но ты поднимешься вновь из развалин.
110 О Ликийские Миры, краса городов! Никогда вас
111 Прочно земля не удержит, сама сотрясаясь. В паденье
112 Ниже и ниже клонясь, вы другую страну выберете,
113 Чтобы в ней жизнь продолжать – настоящий метек, а не город.
114 Из-за нечестья тогда же затихнет и город Патары,
115 Море его поглотит при землетрясенье и буре.
116 Также тебе предстоит, Армения, рабская участь.
117 Грозной войны ураган домчит до Иерусалима,
118 Путь свой начав с Апеннин, и Храм великий разрушит.
119 Тут, безрассудству отдавшись, когда благочестье отринут
120 И в преддверии храма творить будут жуткую бойню, –
121 Царь великий тогда из Италии, словно разбойник,
122 Пустится в бегство, невидим, неслышим, за воды Евфрата.
123 После того, как он грех величайший – матери гибель –
124 Не побоится принять, и другие свершит преступленья.
125 Многие кровью зальют подножие Римского трона
126 Сразу, как тот убежит через земли Парфянского царства.
127 В Сирию воин из Рима придет. Он, Иерусалимский
128 Храм предоставив огню и многих убив Иудеев,
129 Их великую землю, дорогами славную, сгубит.
130 Пафос и Саламин уничтожит землетрясенье,
131 Кипр, омываем полной, когда черная скроет пучина.
132 В час, когда, из глубин разверстой земли Италийской
133 Вырвавшись, огненный столб до широкого неба достанет,
134 Много тут городов он сожжет и многих погубит.
135 Тучи горящего пепла весь воздух собою заполнят,
136 С неба частички его будут падать как красная краска.
137 В этом увидеть должны явление Божьего гнева,
138 Благочестивое племя поскольку безвинно страдает.
139 Повод для новой войны появится скоро: на Запад
140 Явится тот, кто бежал из Рима; копье он поднимет,
141 Снова Евфрат перейдя, приведет несметное войско.
142 Бедная Антиохия! Ты городом зваться не станешь
143 После того, как падешь под копьями по безрассудству.
144 Голод погубит тогда Киприотов и страшная битва.
145 Остров несчастный, о Кипр! Увы тебе! Волны морские
146 Скроют тебя под собой – добычу неистовой бури.
147 В Азию груз драгоценный прибудет, что некогда Римом
148 Был добыт на войне и в городе этом хранился.
149 Дважды по столько затем придется еще им отправить
150 Азии в качестве платы за все неудачи в сраженьях.
151 Карию все города, что лежат по теченью Меандра –
152 Стенами окружены, прекрасны, – свирепый погубит
153 Голод, сокроет когда Меандр свою черную воду.
154 Стоит в сердцах человеческих изсякнуть почтению к Богу,

155 Вере и праву навеки из мира стоит исчезнуть,
156 Как, нетвердые духом в дерзаннях своих нечестивых,
157 Люди станут вершить произвол и творить злодеянья.
158 С благочестивым никто к беседе стремиться не будет,
159 Их же, напротив, самих истребят глупцы и безумцы,
160 Наглости собственной рады, с руками, покрытыми кровью.
161 Тут им придется узнать, что милостив дольше не будет
162 Бог, но, безудержный в гневе, намерен род погубить их –
163 Так, чтобы весь он сгорел во время большого пожара.
164 Образ мыслей смените, пустые люди, и кару
165 Не вынуждайте Его для вас выбирать. Отказавшись
166 От мечей и убийств, от стонов и беззаконья,
167 В реках вечнотекущих омойте все свое тело.
168 Руки воздев к небесам, к тому, что прежде свершили,
169 О снисхожденье просите и, Богу хвалу воздавая,
170 Милость Его призывайте к себе, нечестивым. Дарует
171 Он прощение всем, не погубит – снова утихнет
172 Гнев, если в душах своих воспитаеете вы благочестье.
173 Если ж не верите мне и нечестие вашему сердцу,
174 Глупые люди, дороже всего, а речи – впустую,
175 Пламя охватит тогда весь мир и знак величайший
176 Меч подаст и труба на восходе дневного светила.
177 Глас тот мощный и рев услышат во всей поднебесной.
178 Выжжена будет земля, человеческий род уничтожен,
179 Вместе же с ним города, пресноводные реки и море.
180 Пеплом все станет, и прах раскаленный ляжет повсюду.
181 Но когда, кроме золы, ничего уже в мире не будет,
182 Бог успокоит огонь несказанный, как некогда вызвал.
183 Пепел и кости людские вновь Сам соберет и придаст им
184 Прежнюю форму. Так род Он смертных людей возстановит.
185 После того будет Суд, и Сам Он вершить его станет,
186 Мир к ответу призвав: тут тех, кто, живя нечестиво,
187 Истинной веры не знал, земляная толща накроет
188 Душного Тартара, пропасть поглотит ужасной геенны.
189 Людям же праведным вновь разрешит на земле поселиться,
190 Вместе с дыханием жизнь Господь им и радость дарует.
191 Все они тотчас себя увидят при благостном свете
192 Солнца, которое впредь уходить с небосвода не будет.
193 Счастлив тот человек, кому жить в это время придется.

5 Книга Сивилл 247-55, 397-433

247 Люди когда воевать на Персидской земле перестанут,
248 Стоны покинут ее и голод, тогда появиться
249 Должен в ней будет народ Иудеев блаженных, небесный.
250 Он ее среднюю часть вокруг Божьего града заселит,
251 Стену соорудив великую вплоть до Иоппы,
252 Ту, что поднимется ввысь под самые темные тучи.
253 Больше труба никогда не издаст воинственный голос,
254 Люди от вражьей руки перестанут гибнуть в сраженьях
255 И установят трофей победе над злом в этом мире.

397 Дом, извечно желанный, с тобою погас, когда снова
 398 Видеть мне довелось, как падает он под ударом,
 399 Весь охвачен огнем, сраженный рукой нечестивой –
 400 Вечно цветущий предел, хранящее Бога жилище.
 401 Храм, что святыми построен и будет стоять нерушимо,
 402 Тот, кому телом и духом поверили смертные люди.
 403 Он не начал бездумно заморскому богу молиться
 404 И его из камней высекать, премудрый строитель.
 405 Также и золота блеск не чтит он – для душ обольщение:
 406 Богу, вдохнувшему жизнь в тела, Создателю мира
 407 Издавна в жертву они овец и быков приносили.
 408 Ныне же царь, что пришел невидимым, страшный преступник,
 409 Всю их страну разорил и лежать в запустенье оставил,
 410 С войском явившись большим, с мужами, отважными духом.
 411 Сам он, на землю вступив бессмертную, жизни лишился.
 412 Больше явлено людям такого не было знака,
 413 Что и другие придут великий город разрушить.
 414 Муж с высоких небес сошел блаженный на землю,
 415 Руки скиптр держали, что Бог ему вечный доверил.
 416 Мощью он всех превзошел и тем справедливо богатство
 417 Роздал, кто праведно жил – а прежние лишь отбирали.
 418 Все он сжигал города и до основания рушил,
 419 Жег жилища людей, творивших когда-то злодейства.
 420 Город же, избранный Богом, блеснуть заставил он ярко –
 421 Ярче сияющих звезд на небе и солнца с луною –
 422 Пышно украсил, и храм в нем Богу священный поставил,
 423 В камень одетый, прекрасный, каких не бывало доселе.
 424 Стену построил вокруг на много стадиев, в небо
 425 Что уходила и туч касалась, видна отовсюду –
 426 Так что могли созерцать все люди праведной веры
 427 Славу Безсмертного Бога, давно желанное чудо.
 428 Солнца восход и закат пропели Ему свои гимны.
 429 Злу среди рода людского отныне места не будет:
 430 В браке изменам, с детьми не дозволенным Богом сношеньям,
 431 Смертоубийству, вражде – лишь законному единоборству.
 432 Праведных время придет в конце, тогда и исполнит
 433 Все это Бог-Громовержец, Строитель великого храма.

Деяния апостолов 6:8-7:60. 6:8 А Стефан, исполненный веры и силы, совершал великие чудеса и знамения в народе. 9 Некоторые из так называемой синагоги Либертинцев и Киринейцев и Александрийцев и некоторые из Киликии и Асии вступили в спор со Стефаном; 10 но не могли противостоять мудрости и духу, которым он говорил. 11 Тогда научили они некоторых сказать: мы слышали, как он говорил хульные слова на Моисея и на Бога. 12 И возбудили народ и старейшин и книжников и, напав, схватили его и повели в синедрион. 13 И представили ложных свидетелей, которые говорили: этот человек не перестает говорить хульные слова на святое место сие и на закон. 14 Ибо мы слышали, как он говорил, что Иисус Назорей разрушит место сие и переменит обычаи, которые передал нам Моисей. 15 И все, сидящие в синедрионе, смотря на него, видели лице его, как лице ангела.

Глава 7:1 Тогда сказал первосвященник: так ли это? 2 Но он сказал: мужи братия и отцы! послушайте. Бог славы явился отцу нашему Аврааму в Месопотамии, прежде переселения его в Хар-

ран, 3 и сказал ему: выйди из земли твоей и из родства твоего и из дома отца твоего, и пойдешь в землю, которую покажу тебе. 4 Тогда он вышел из земли Халдейской и поселился в Харране; а оттуда, по смерти отца его, переселил его Бог в сию землю, в которой вы ныне живете. 5 И не дал ему на ней наследства ни на стопу ноги, а обещал дать ее во владение ему и потомству его по нем, когда еще был он бездетен. 6 И сказал ему Бог, что потомки его будут переселенцами в чужой земле и будут в порабощении и притеснении лет четыреста. 7 Но Я, сказал Бог, произведу суд над тем народом, у которого они будут в порабощении; и после того они выйдут и будут служить Мне на сем месте. 8 И дал ему завет обрезания. По сем родил он Исаака и обрезал его в восьмой день; а Исаак родил Иакова, Иаков же двенадцать патриархов. 9 Патриархи, по зависти, продали Иосифа в Египет; но Бог был с ним, 10 и избавил его от всех скорбей его, и даровал мудрость ему и благоволение царя Египетского фараона, который и поставил его начальником над Египтом и над всем домом своим. 11 И пришел голод и великая скорбь на всю землю Египетскую и Ханаанскую, и отцы наши не находили пропитания. 12 Иаков же, услышав, что есть хлеб в Египте, послал туда отцов наших в первый раз. 13 А когда они пришли во второй раз, Иосиф открылся братьям своим, и известен стал фараону род Иосифов. 14 Иосиф, послав, призвал отца своего Иакова и все родство свое, душ семьдесят пять. 15 Иаков перешел в Египет, и скончался сам и отцы наши; 16 и перенесены были в Сихем и положены во гробе, который купил Авраам ценою серебра у сынов Еммора Сихемова. 17 А по мере, как приближалось время исполниться обетованию, о котором клялся Бог Аврааму, народ возрастал и умножался в Египте, 18 до тех пор, как восстал иной царь, который не знал Иосифа. 19 Сей, ухищряясь против рода нашего, притеснял отцов наших, принуждая их бросать детей своих, чтобы не оставались в живых. 20 В это время родился Моисей, и был прекрасен пред Богом. Три месяца он был питаем в доме отца своего. 21 А когда был брошен, взяла его дочь фараонова и воспитала его у себя, как сына. 22 И научен был Моисей всей мудрости Египетской, и был силен в словах и делах. 23 Когда же исполнилось ему сорок лет, пришло ему на сердце посетить братьев своих, сынов Израилевых. 24 И, увидев одного из них обижаемого, вступился и отмстил за оскорбленного, поразив Египтянина. 25 Он думал, поймут братья его, что Бог рукою его дает им спасение; но они не поняли. 26 На следующий день, когда некоторые из них дрались, он явился и склонял их к миру, говоря: вы братья; зачем обижаете друг друга? 27 Но обижающий ближнего оттолкнул его, сказав: кто тебя поставил начальником и судьей над нами? 28 Не хочешь ли ты убить и меня, как вчера убил Египтянина? 29 От сих слов Моисей убежал и сделался пришельцем в земле Мадямской, где родились от него два сына. 30 По исполнении сорока лет явился ему в пустыне горы Синае ангел Господень в пламени горящего тернового куста. 31 Моисей, увидев, дивился видению; а когда подходил рассмотреть, был к нему глас Господень: 32 Я Бог отцов твоих, Бог Авраама и Бог Исаака и Бог Иакова. Моисей, объятый трепетом, не смел смотреть. 33 И сказал ему Господь: сними обувь с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая. 34 Я вижу притеснение народа Моего в Египте, и слышу стенание его, и нисшел избавить его: итак пойдешь, Я пошлю тебя в Египет. 35 Сего Моисея, которого они отвергли, сказав: кто тебя поставил начальником и судьей? сего Бог чрез Ангела, явившегося ему в терновом кусте, послал начальником и избавителем. 36 Сей вывел их, сотворив чудеса и знамения в земле Египетской, и в Чермном море, и в пустыне в продолжение сорока лет. 37 Это тот Моисей, который сказал сынам Израилевым: Пророка воздвигнет вам Господь Бог ваш из братьев ваших, как меня; Его слушайте. 38 Это тот, который был в собрании в пустыне с Ангелом, говорившим ему на горе Синае, и с отцами нашими, и который принял живые слова, чтобы передать нам, 39 которому отцы наши не хотели быть послушными, но отринули его и обратились сердцами своими к Египту, 40 сказав Аарону: сделай нам богов, которые предшествовали бы нам; ибо с Моисеем, который вывел нас из земли Египетской, не знаем, что случилось. 41 И сделали в те дни тельца, и принесли жертву идолу, и веселились перед делом рук своих. 42 Бог же отвратился и оставил их служить воинству небесному, как написано в книге пророков: дом Израилев! приносили ли вы Мне заколения и жертвы в продолжение сорока

лет в пустыне? 43 Вы приняли скинию Молохову и звезду бога вашего Ремфана, изображения, которые вы сделали, чтобы поклоняться им: и Я переселю вас далее Вавилона. 44 Скиния свидетельства была у отцов наших в пустыне, как повелел Говоривший Моисею сделать ее по образцу, им виденному. 45 Отцы наши с Иисусом, взяв ее, внесли во владения народов, изгнанных Богом от лица отцов наших. Так было до дней Давида. 46 Сей обрел благодать пред Богом и молил, чтобы найти жилище Богу Иакова. 47 Соломон же построил Ему дом. 48 Но Всевышний не в рукотворенных храмах живет, как говорит пророк: 49 Небо - престол Мой, и земля - подножие ног Моих. Какой дом созиждете Мне, говорит Господь, или какое место для покоя Моего? 50 Не Моя ли рука сотворила все сие? 51 Жестоковейные! люди с необрезанным сердцем и ушами! вы всегда противитесь духу святому, как отцы ваши, так и вы. 52 Кого из пророков не гнали отцы ваши? Они убили предвозвестивших пришествие праведника, которого предателями и убийцами сделались ныне вы, - 53 вы, которые приняли закон при служении ангелов и не сохранили. 54 Слушая сие, они рвались сердцами своими и скрежетали на него зубами. 55 Стефан же, будучи исполнен духа Сятаго, возрев на небо, увидел славу Божию и Иисуса, стоящего одесную Бога, 56 и сказал: вот, я вижу небеса отверстые и сына человеческого, стоящего одесную Бога. 57 Но они, закричав громким голосом, затыкали уши свои, и единодушно устремились на него, 58 и, выведя за город, стали побивать его камнями. Свидетели же положили свои одежды у ног юноши, именем Савла, 59 и побивали камнями Стефана, который молился и говорил: господи Иисусе! приими дух мой. 60 И, преклонив колени, воскликнул громким голосом: господи! не вмени им греха сего. И, сказав сие, почил.

Евангелие от Марка 13. 13:1 И когда выходил он из храма, говорит ему один из учеников его: Учитель! посмотри, какие камни и какие здания! 2 Иисус сказал ему в ответ: видишь сии великие здания? все это будет разрушено, так что не останется здесь камня на камне. 3 И когда он сидел на горе Елеонской против храма, спрашивали его наедине Петр, и Иаков, и Иоанн, и Андрей: 4 скажи нам, когда это будет, и какой признак, когда все сие должно совершиться? 5 Отвечая им, Иисус начал говорить: берегитесь, чтобы кто не прельстил вас, 6 ибо многие придут под именем моим и будут говорить, что это я; и многих прельстят. 7 Когда же услышите о войнах и о военных слухах, не ужасайтесь: ибо надлежит сему быть, - но это еще не конец. 8 Ибо восстанет народ на народ и царство на царство; и будут землетрясения по местам, и будут глады и смятения. Это - начало болезней. 9 Но вы смотрите за собою, ибо вас будут предавать в судилища и бить в синагогах, и перед правителями и царями поставят вас за меня, для свидетельства перед ними. 10 И во всех народах прежде должно быть проповедано Евангелие. 11 Когда же поведут предавать вас, не заботьтесь наперед, что вам говорить, и не обдумывайте; но что дано будет вам в тот час, то и говорите, ибо не вы будете говорить, но дух святой. 12 Предаст же брат брата на смерть, и отец - детей; и восстанут дети на родителей и умертвят их. 13 И будете ненавидимы всеми за имя мое; претерпевший же до конца спасется. 14 Когда же увидите мерзость запустения, реченную пророком Даниилом, стоящую, где не должно, - читающий да разумеет, - тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы; 15 а кто на кровле, тот не сходи в дом и не входи взять что-нибудь из дома своего; 16 и кто на поле, не обращай назад взять одежду свою. 17 Горе беременным и питающим сосцами в те дни. 18 Молитесь, чтобы не случилось бегство ваше зимою. 19 Ибо в те дни будет такая скорбь, какой не было от начала творения, которое сотворил Бог, даже доныне, и не будет. 20 И если бы Господь не сократил тех дней, то не спаслась бы никакая плоть; но ради избранных, которых Он избрал, сократил те дни. 21 Тогда, если кто вам скажет: вот, здесь Христос, или: вот, там, - не верьте. 22 Ибо восстанут лжехристы и лжепророки и дадут знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных. 23 Вы же берегитесь. Вот, я наперед сказал вам все. 24 Но в те дни, после скорби той, солнце померкнет, и луна не даст света своего, 25 и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются. 26 Тогда увидят сына человеческого, грядущего на облаках с силою многою и славою. 27 И тогда он пошлет ангелов своих и соберет избранных своих от четырех ветров,

от края земли до края неба. 28 От смоковницы возьмите подобие: когда ветви ее становятся уже мягки и пускают листья, то знаете, что близко лето. 29 Так и когда вы увидите то сбывающимся, знайте, что близко, при дверях. 30 Истинно говорю вам: не пройдет род сей, как все это будет. 31 Небо и земля пройдут, но слова мои не пройдут. 32 О дне же том, или часе, никто не знает, ни ангелы небесные, ни сын, но только отец. 33 Смотрите, бодрствуйте, молитесь, ибо не знаете, когда наступит это время. 34 Подобно как бы кто, отходя в путь и оставляя дом свой, дал слугам своим власть и каждому свое дело, и приказал привратнику бодрствовать. 35 И так бодрствуйте, ибо не знаете, когда придет хозяин дома: вечером, или в полночь, или в пение петухов, или поутру; 36 чтобы, придя внезапно, не нашел вас спящими. 37 А что вам говорю, говорю всем: бодрствуйте.

Евангелие от Матфея 24. 24:1 И выйдя, Иисус шел от храма; и приступили ученики его, чтобы показать ему здания храма. 2 Иисус же сказал им: видите ли все это? Истинно говорю вам: не останется здесь камня на камне; все будет разрушено. 3 Когда же сидел он на горе Елеонской, то приступили к нему ученики наедине и спросили: скажи нам, когда это будет? и какой признак твоего пришествия и кончины века? 4 Иисус сказал им в ответ: берегитесь, чтобы кто не прельстил вас, 5 ибо многие придут под именем моим, и будут говорить: «Я Христос», и многих прельстят. 6 Также услышите о войнах и о военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть, но это еще не конец; 7 ибо восстанет народ на народ, и царство на царство; и будут глады, моры и землетрясения по местам; 8 все же это - начало болезней. 9 Тогда будут предавать вас на мучения и убивать вас; и вы будете ненавидимы всеми народами за имя мое; 10 и тогда соблазняются многие, и друг друга будут предавать, и возненавидят друг друга; 11 и многие лжепророки восстанут, и прельстят многих; 12 и, по причине умножения беззакония, во многих охладее любовь; 13 претерпевший же до конца спасется. 14 И проповедано будет сие евангелие царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец. 15 И так, когда увидите мерзость запустения, реченную через пророка Даниила, стоящую на святом месте, - читающий да разумеет, - 16 тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы; 17 и кто на кровле, тот да не сходит взять что-нибудь из дома своего; 18 и кто на поле, тот да не обращается назад взять одежды свои. 19 Горе же беременным и питающим сосцами в те дни! 20 Молитесь, чтобы не случилось бегство ваше зимою или в субботу, 21 ибо тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира доныне, и не будет. 22 И если бы не сократились те дни, то не спаслась бы никакая плоть; но ради избранных сократятся те дни. 23 Тогда, если кто скажет вам: вот, здесь Христос, или там, - не верьте. 24 Ибо восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных. 25 Вот, я наперед сказал вам. 26 И так, если скажут вам: «вот, он в пустыне», - не выходите; «вот, он в потаенных комнатах», - не верьте; 27 ибо, как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие сына человеческого; 28 ибо, где будет труп, там соберутся орлы. 29 И вдруг, после скорби дней тех, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются; 30 тогда явится знамение сына человеческого на небе; и тогда восплачутся все племена земные и увидят сына человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою; 31 и пошлет ангелов своих с трубою громогласною, и соберут избранных его от четырех ветров, от края небес до края их. 32 От смоковницы возьмите подобие: когда ветви ее становятся уже мягки и пускают листья, то знаете, что близко лето; 33 так, когда вы увидите все сие, знайте, что близко, при дверях. 34 Истинно говорю вам: не пройдет род сей, как все сие будет; 35 небо и земля пройдут, но слова мои не пройдут. 36 О дне же том и часе никто не знает, ни ангелы небесные, а только отец мой один; 37 но, как было во дни Ноя, так будет и в пришествие сына человеческого: 38 ибо, как во дни перед потопом ели, пили, женились и выходили замуж, до того дня, как вошел Ной в ковчег, 39 и не думали, пока не пришел потоп и не истребил всех, - так будет и пришествие сына человеческого; 40 тогда будут двое на поле: один берется, а другой

оставляется; 41 две мелющие в жерновах: одна берется, а другая оставляется. 42 Итак бодрствуйте, потому что не знаете, в который час господь ваш придет. 43 Но это вы знаете, что, если бы ведал хозяин дома, в какую стражу придет вор, то бодрствовал бы и не дал бы подкопать дома своего. 44 Потому и вы будьте готовы, ибо в который час не думаете, придет сын человеческий. 45 Кто же верный и благоразумный раб, которого господин его поставил над слугами своими, чтобы давать им пищу во время? 46 Блажен тот раб, которого господин его, придя, найдет поступающим так; 47 истинно говорю вам, что над всем именем своим поставит его. 48 Если же раб тот, будучи зол, скажет в сердце своем: не скоро придет господин мой, 49 и начнет бить товарищей своих и есть и пить с пьяницами, - 50 то придет господин раба того в день, в который он не ожидает, и в час, в который не думает, 51 и рассечет его, и подвергнет его одной участи с лицемерами; там будет плач и скрежет зубов.

Евангелие от Луки 21. 21:5 И когда некоторые говорили о храме, что он украшен дорогими камнями и вкладами, он сказал: 6 придут дни, в которые из того, что вы здесь видите, не останется камня на камне; все будет разрушено. 7 И спросили его: Учитель! когда же это будет? и какой признак, когда это должно произойти? 8 Он сказал: берегитесь, чтобы вас не ввели в заблуждение, ибо многие придут под именем моим, говоря, что это я; и это время близко: не ходите вслед их. 9 Когда же услышите о войнах и смятениях, не ужасайтесь, ибо этому надлежит быть прежде; но не тотчас конец. 10 Тогда сказал им: восстанет народ на народ, и царство на царство; 11 будут большие землетрясения по местам, и глады, и моры, и ужасные явления, и великие знамения с неба. 12 Прежде же всего того возложат на вас руки и будут гнать вас, предавая в синагоги и в темницы, и поведут пред царей и правителей за имя мое; 13 будет же это вам для свидетельства. 14 Итак положите себе на сердце не обдумывать заранее, что отвечать, 15 ибо я дам вам уста и премудрость, которой не возмогут противоречить ни противостоять все, противящиеся вам. 16 Преданы также будете и родителями, и братьями, и родственниками, и друзьями, и некоторых из вас умертвят; 17 и будете ненавидимы всеми за имя мое, 18 но и волос с головы вашей не пропадет, - 19 терпением вашим спасайте души ваши. 20 Когда же увидите Иерусалим, окруженный войсками, тогда знайте, что приблизилось запустение его: 21 тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы; и кто в городе, выходи из него; и кто в окрестностях, не входи в него, 22 потому что это дни отмщения, да исполнится все написанное. 23 Горе же беременным и питающим сосцами в те дни; ибо великое будет бедствие на земле и гнев на народ сей: 24 и падут от острия меча, и отведутся в плен во все народы; и Иерусалим будет попираем язычниками, доколе не окончатся времена язычников. 25 И будут знамения в солнце и луне и звездах, а на земле уныние народов и недоумение; и море восшумит и возмутится; 26 люди будут издыхать от страха и ожидания бедствий, грядущих на вселенную, ибо силы небесные поколеблются, 27 и тогда увидят сына человеческого, грядущего на облаке с силою и славою великою. 28 Когда же начнет это сбываться, тогда восклонитесь и поднимите головы ваши, потому что приближается избавление ваше. 29 И сказал им притчу: посмотрите на смоковницу и на все деревья: 30 когда они уже распускаются, то, видя это, знаете сами, что уже близко лето. 31 Так, и когда вы увидите то сбывающимся, знайте, что близко царствие Божие. 32 Истинно говорю вам: не прейдет род сей, как все это будет; 33 небо и земля прейдут, но слова мои не прейдут. 34 Смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объядением и пьянством и заботами житейскими, и чтобы день тот не постиг вас внезапно, 35 ибо он, как сеть, найдет на всех живущих по всему лицу земному; 36 итак бодрствуйте на всякое время и молитесь, да сподобитесь избежать всех сих будущих бедствий и предстать пред сына человеческого.

Иосиф Флавий, Иудейская война 5.5.4-5 (5:210-19). Собственно Храм, то есть святилище, располагался в середине, и к нему вели 12 ступеней. Передняя его часть была 20 локтей в высоту

и ширину, задняя уже на 40 локтей, так как перед ней расходились в обе стороны два крыла, по 20 локтей каждое. Первые ворота были 70 локтей в высоту и 25 в ширину и не имели дверей, имея тем самым образ разверстого, беспредельного неба; их лицевая сторона вся покрыта золотом, и сквозь них виднелась вся внутренность первого, чрезвычайно большого отделения, и внутренние ворота с их окаймлением, сплошь блистающие золотом, тоже открывались взору. Хотя святилище состояло из двух помещений, открытым для обозрения было только первое, имевшее 90 локтей в высоту, 50 в длину и 20 в ширину. Ворота, которые вели в него, были, как я уже говорил, сплошь позолочены, равно как и окаймлявшая их стена; сверху на них – золотые виноградные лозы, с которых свешивались грозди длиной в человеческий рост. Из двух помещений святилища внутреннее было расположено ниже внешнего, и в него вели золотые двери в 50 локтей высоты и 16 ширины. Перед дверьми висел, скрывая их, такой же величины занавес вавилонской работы, расшитый гиацинтом, виссоном, багрецом и пурпуром, - произведение, достойное всяческого удивления. Подобное смешение материалов не было случайным, но должно было служить подобием мироздания: багряница означала огонь, виссон – землю, гиацинт – воздух, а пурпур – море. Багряница и гиацинт были избраны для этой цели по сходству цвета, а два остальных – из-за своего происхождения, так как виссон происходит от земли, а пурпур – от моря. Шитье на занавесе представляло собой полный обзор неба – за исключением знаков зодиака. Тот, кто ступал внутрь, переходил в нижнее отделение святилища. Оно имело 60 локтей в высоту, столь же в длину и 20 локтей в ширину и в свою очередь делилось по длине на два отделения. В первом из них, имевшем 40 локтей длины, находились три самых замечательных и прославленных на целый свет предмета – светильник, стол и курильница. Семь лампад, на которые разветвляется курильник, обозначали планеты, двенадцать хлебов на столе – зодиак и год, а тринадцать благовоний курильницы, взятые из моря и земли, как необитаемой, так и обитаемой, знаменовали, что все существует от Бога и для Бога. Самая же внутренняя часть имела в себе 20 локтей и тоже была закрыта занавесом, отделявшем ее от внешней части. Здесь не было совершенно ничего: это место сохранялось недоступным, неприкосновенным, и невидимым для всех, и называлось оно Святая Святых.

Прокопий Кесарийский, Война с вандалами 2.9.1-9. Прибыв с Гелимером и вандалами в Византий, Велисарий был удостоен почестей, которые в стародавние времена оказывались римским полководцам за величайшие и важнейшие победы. Прошло уже около шестисот лет, как никто не удостоивался этих почестей, если не считать Тита, Траяна или каких либо иных автократов, одерживавших победу в войне с каким нибудь варварским племенем. Показывая добычу и военнопленных, он совершил торжественное шествие, которое римляне называют триумфом, в центре города, однако не по древнему обычаю, но идя пешком из своего дома вплоть до ипподрома и здесь от места, с которого начинают состязания, до того места, где находился трон василевса. Среди добычи можно было видеть вещи, которыми обычно пользуется государь, золотые троны и повозки, на которых, как предписывал обычай, разъезжала супруга василевса, большое количество украшений из драгоценных камней, золотые кубки и все другое, что нужно для царских пиров. Везли также и много десятков тысяч талантов серебра, и огромное количество царских сокровищ (так как все это, как было сказано раньше, Гизерих награбил в римском Палатии. В их числе были и иудейские сокровища, которые наряду с многим другим после взятия Иерусалима привез в Рим Тит, сын Веспасиана. Увидев их, какой то иудей, обратившись к одному из родственников василевса, сказал: «Мне кажется, не следует помещать эти вещи в царском дворце Византия. Не полагается им находиться ни в каком либо ином месте, кроме того, куда много веков назад их поместил иудейский царь Соломон. Поэтому и Гизерих захватил царство римлян, и теперь римское войско овладело страной вандалов». Об этом было доложено василевсу; услышав об этом, он устрасился и спешно отправил все эти вещи в христианские храмы в Иерусалиме.

1 Enoch 85–90 (Animal Apocalypse), 1 Енох гл. 85–90

(Перевод И.Р. Тантлевского)

1. [85] И после этого я видел другой сон, и я вполне открою его тебе, мой сын.
2. И Енох начал и сказал своему сыну Мафусаилу: " тебе я буду говорить, мой сын; слушай речь мою и приклони ухо свое к сновидению твоего отца!
3. Прежде чем я взял твою мать Едну, я видел в видении на своем ложе, и вот телец вышел из земли, и тот телец был белый; и за ним вышло женское рогатое животное, и вместе с ним вышли другие рогатые животные: одно из них было черное, другое красное.
4. И то черное рогатое животное бодало красное и преследовало его на земле; и скоро я не мог более видеть того красного рогатого животного.
5. Но то черное рогатое животное выросло и к нему пришло женское рогатое животное, и я видел, как многие тельцы, которые были похожи на него и следовали за ним, вышли от него.
6. И та корова, - та первая, - вышла от лица того первого тельца, чтобы искать то красное животное, но не нашла его, и тотчас подняла великий жалобный вопль, и искала его.
7. И я видел, как пришел к ней тот первый телец и успокоил ее, и с того часа она более не ревела.
8. После этого она родила другого белого тельца, а после него родила многих других тельцов и черных коров.
9. И я видел в моем сновидении, как тот белый вол также вырос и сделался большим белым волом, и от него произошло много белых тельцов, которые были похожи на него, И они стали производить белых тельцов, которые были похожи на них, следуя один за другим.
10. [86] И я опять видел своими очами, в то время как спал, и увидел вверху небо, и вот одна звезда упала с неба, и она поднялась, и ела, и паслась между теми тельцами.
11. И после этого я видел больших и черных тельцов, и вот они все переменили свои загороди, и пастбища, и своих рогатых животных, и начали сетовать друг с другом.
12. И я опять видел в видении, и посмотрел на небо, и вот я увидел много

звезд, как они упали и были низвергнуты с неба к той первой звезде и в среду тех рогатых животных и тельцов; и вот они были с теми и паслись в среде их.

13. И я посмотрел на них и увидел, и вот все они обнаружили свои срамные члены, как кони, и начали подниматься на тельцовых коров; и все они стали стельными, и родили слонов, верблюдов и ослов.

14. И все тельцы устрешились и испугались их; и они начали кусаться своими зубами и пожирать, и бодать своими рогами.

15. И они начали теперь поедать тех тельцов; и вот все дети земли начали трепетать пред ними, и дрожать, и спасаться бегством.

16. [87] И я опять видел их, как они начали бодаться сами между собою и пожирать друг друга, и земля стала взывать.

17. И я опять поднял свои очи к небу и увидел в видении: и вот там вышли из неба имевшие вид белых людей; из того места вышел один и вместе с ним трое.

18. И те трое, которые вышли после, взяли меня за руку и подняли меня прочь от рода земли, и вознесли меня на высокое место, и показали мне башню, высоко стоящую над землей, и все холмы были ниже ее.

19. И они сказали мне: "оставайся здесь, чтобы видеть всё, что произойдет со всеми теми слонами, и верблюдами, и ослами, со звездами, и со всем тельцами"!

20. [88] И я видел одного из тех четверых, которые вышли прежде, как он схватил звезду, прежде всех ниспадшую с неба, связал ей руки и ноги, и положил ее в пропасть; пропасть же та была тесна и глубока, ужасна и мрачна.

21. И один из них обнажил свой меч и отдал его тем слонам, и верблюдам, и ослам; тогда они начали поражать друг друга, так что вся земля дрожала вследствие этого.

22. И когда я видел в видении, - вот там бросился теперь с неба вниз один из тех четверых, которые спустились, и собрал и взял великие звезды, срамные члены которых были как срамные члены коней, и связал их всех по рукам и ногам, и положил их в ущелье земли.

23. [89] И один из тех четверых пришел к тем белым тельцам, и научал его (одного из них) тайне, в то время как он трепетал: он был рожден подобно тельцу и сделался человеком, и выстроил себе большое судно и поселился в нем; вместе с ним расположились также в том судне трое тельцов; и оно было закрыто над ними.

24. И я опять поднял свои очи к небу и увидел высокую крышу с семью шлюзами на ней, и те шлюзы изливали много воды во двор.

25. И я видел опять, и вот, тогда открылись источники на почве в том великом дворе, и эта самая вода начала волноваться и подниматься выше почвы, и сделала тот двор невидимым, так что вся почва его закрылась водою.

26. И выросла на нем (дворе) вода, мрак и облако; и тогда я посмотрел на

высоту той воды, как она поднялась выше того двора, и текла поверх него, и остановилась на земле.

27. И все тельцы того двора столпились вместе, так что я тотчас увидел, как они потонули, и были поглощены и погибли в той воде.

28. Само же судно плавало по воде, между тем как все тельцы, и слоны, и верблюды, и ослы на земле погрузились вместе со всем скотом, так что я не мог более видеть их, и они не могли выйти, но потонули и погрузились в бездне.

29. И я опять видел в видении, как те шлюзы отложились от той высокой крыши, и источники земли иссякли, и другие бездны открылись.

30. Тогда вода начала стекать в них, пока земля не сделалась видимою; а то судно твердо встало на земле, и отступил мрак, и просиял свет.

31. А тот белый телец, который стал мужем, вышел из того судна и три тельца с ним; и один из трех был белый, подобно тому тельцу, и один из них был красный, как кровь, и один черный; и этот самый, - тот белый телец, отошел от них.

32. И они начали рождать диких зверей и птиц, так что от всех их вместе произошло разнообразное множество видов, - львы, тигры, псы, волки, шакалы, дикие свиньи, соколы, коршуны, ястребы, орлы и вороны; и в среде их родился белый телец.

33. И они начали грызться друг с другом: но тот белый телец, родившийся в среде их, произвел дикого осла и вместе с ним белого вола; и дикий осел умножился.

34. А тот телец, родившийся от него, произвел черную дикую свинью и белую овцу; и та дикая свинья произвела многих свиней, та овца произвела двенадцать овец.

35. И когда те двенадцать овец выросли, они передали одну из своей среды ослам, и эти ослы опять передали ту овцу волкам, и та овца росла между волками.

36. И Господь привел одиннадцать овец - жить вместе с нею и пастись при ней среди волков, и они размножились и выросли во многие овечьи стада.

37. И волки начали бояться их, и притесняли их, так что, наконец, стали лишать жизни их агнцев; и они бросали их агнцев в многоводную реку; а те овцы начали кричать о своих агнцах и жаловаться своему Господу.

38. И одна овца, которая была спасена от волков, убежала и ушла к диким ослам; и я видел овец, как они сетовали, и кричали, и просили своего Господа изо всех сил, пока тот Господь не сошел из высокого покоя на зов овец, и не

пошёл к ним и не посетил их.

39. И Он позвал ту овцу, удалившуюся от волков, и говорил с нею относительно волков, чтобы она уговорила их не трогать овец.

40. И овца пошла к волкам по слову Господа, и другая овца сошлась с той овцой и пошла с нею, и они обе вместе одна с другой пришли на сборище тех волков, и говорили с ними, и увещевали их отныне не трогать впредь более овец.

41. При этом я видел волков, и как они стали еще более смирять овец всю свою силу; и овцы кричали.

42. И Господь их пришел к овцам и начал бить тех волков; тогда волки начали сетовать, овцы же сделались спокойными и тотчас не стали более кричать.

43. И я видел овец, как они ушли от волков; у волков же глаза были ослеплены, и те волки вышли для преследования овец со всю свою силу.

44. И Господь овец шел с ними, предводительствуя ими, и все Его овцы следовали за Ним; лицо же Его было блестящее, и вид Его страшен и величествен.

45. А волки стали преследовать тех овец, пока не настигли их при водном озере.

46. И это самое водное озеро разделилось, и вода остановилась пред ними по обеим сторонам; и их Господь, Который вел их, встал между ними и волками.

47. И так как те волки не стали уже видеть овец, то они вошли в средину того водного озера и преследовали овец, и те волки погнались за ними в водном озере.

48. И когда они увидели Господа овец, то воротились, чтобы убежать от Него, но то водное озеро соединилось, внезапно приняло свою природу, и вода поднялась и возвысилась, так что покрыла тех волков.

49. И я видел, как все волки, преследовавшие тех овец, погибли и потонули.

50. Но овцы вышли из той воды и перешли пустыню, где не было воды и травы; и они начали открывать свои глаза и видеть; и я видел Господа овец, как Он пас их и дал им воды и травы, и как та овца шла и вела их.

51. И та овца поднялась на вершину высокой скалы; и Господь овец послал ее к ним.

52. И после этого я видел Господа овец, стоящего пред ними; и Его вид был величествен и чрезмерно велик, и все те овцы видели Его и устрешили пред Его лицом.

53. И все они устрешили и трепетали пред Ним, и кричали после ухода той овцы, которая была при Нем, к другой овце, находившейся между ними: "мы не

можем вынести этого пред нашим Господом и взирать на Него".

54. И та овца, которая вела их, возвратилась и поднялась на вершину той скалы; но овцы начали слепнуть и уклоняться от пути, который она показала им; между тем та овца ничего не знала об этом.

55. И Господь овец сильно разгневался на них, и та овца узнала это и спустилась с вершины скалы, и пришла к овцам, и нашла самую большую часть из них ослепленную и уклонившуюся от своего пути.

56. И как только они увидели ее, устрешились и затрепетали пред ее лицом, и пожелали возвратиться в свои загороди.

57. И та овца взяла с собою других овец и пришла к тем уклонившимся овцам, и при этом начала умерщвлять их, и овцы устрешились пред ее лицом; и таким образом та овца направила уклонившихся овец, и они возвратились в свои загороди.

58. И я видел там видение, как та овца сделалась мужем, и выстроила Господу овец дом, и повелела всем овцам стоять в том доме.

59. И я видел, как овца, сошедшаяся с той овцою, которая вела их, заснула; и я видел, как все большие овцы погибли, и малые направились к своему месту, и они пошли на пастбище и приблизились к водной реке.

60. Тогда отделилась от них та овца, которая вела их и которая сделалась мужем, и заснула; и все овцы искали ее и подняли по ней великий вопль.

61. И я видел, как они прекратили вопль по той овце и переправились через ту водную реку; и стояли всегда овцы, ведшие их, на месте тех, которые заснули и которые вели их.

62. И я видел, как овцы пришли в хорошее место и в вожделенную и великолепную страну, и видел, как те овцы насытились; а тот дом стоял между ними в вожделенной стране.

63. И глаза их то открывались, то ослеплялись, пока не восстала другая овца, и не повела их, и не направила их всех, и глаза их открылись.

64. И псы, и лисицы, и дикие свиньи начали пожирать тех овец, пока не восстала другая овца, - баран из их среды, который вел их.

65. И тот баран начал бодать на обе стороны тех псов, лисиц и диких свиней, пока не уничтожил их всех.

66. И у той овцы раскрылись глаза, и она увидела того барана, бывшего между овцами, как он отрекся от своего достоинства и начал бодать тех овец, и попирали их, и действовал непристойно.

67. И Господь овец послал овцу к другой овце, и возвысил ее (последнюю),

чтобы она была бараном и вела овец вместо той овцы, которая оказалась неверной в своем достоинстве.

68. И она пошла к ней и говорила только с ней, и поставила ее бараном, и сделала ее царем и вождем овец; а между всем этим псы притесняли овец.

69. И первый баран преследовал того второго барана, и тот второй баран встал и убежал от него; и я увидел, как те псы низвергли того первого барана.

70. И тот второй баран возвысился и вел малых овец; и тот баран родил многих овец и заснул; и малая овца сделалась бараном вместо него, и стала вождем и царем тех овец.

71. И выросли и размножились те овцы, и все псы, и лисицы, и дикие свиньи утрашились и разбежались от него; и тот баран бодал и убивал диких зверей; и те дикие звери не могли уже осилить овец, и никогда уже не похищали у них ничего.

72. И тот дом стал великим и широким, и тем овцам была выстроена высокая башня над тем домом для Господа овец; и тот дом был низок, а башня была возвышена и высока; и Господь овец стоял на той башне, и пред Ним поставили полный стол.

73. И я видел опять тех овец, как они опять заблудились и пошли многообразными путями, и оставили тот свой дом; и Господь овец призвал некоторых из овец и послал их к овцам, но овцы начали умерщвлять их.

74. И одна из них спаслась и не была умерщвлена, и она убежала и кричала об овцах, и он хотел ее умертвить; но Господь овец спас ее из рук их и возвел ее ко мне, и позволил ей жить там.

75. И многих других овец Он посылал к тем овцам, чтобы свидетельствовать (или увещевать) и сетовать об них.

76. И после этого я видел: вот они оставили дом Господа овец и его башню; они уклонились совершенно и их глаза ослепли; и я видел Господа овец, как он допустил много поражений над ними в их отдельных стадах, так что те овцы начали жаловаться на такие поражения и переменили место.

77. И Он предал их в руки львов и тигров, и волков, и шакалов, и в руки лисиц и всех диких зверей; и дикие звери стали разрывать тех овец.

78. И я видел, что Он оставил тот дом их и их башню, и предал их всех в руки львов, в руки всех диких зверей, чтобы они разрывали их и пожирали.

79. И я начал кричать изо всех сил, и призывать Господа овец, и представлять Ему относительно овец, что они пожираются всеми дикими зверями.

80. Но Он оставался спокойным, когда видел это, и радовался, что они

пожираются, и истребляются и расхищаются; и Он оставил их в руках всех диких зверей на съедение.

81. И Он призвал семьдесят пастырей, - и отверг тех овец, - чтобы они пасли их, и сказал пастырям и их товарищам: "каждый из вас должен отныне пасти овец, и все, что Я вам прикажу, то делайте!

82. И Я передаю их вам по числу, и буду вам объявлять: кто из их должен погибнуть, тех истребляйте"!

83. И Он предал им тех овец.

84. И Он призвал другого и сказал ему: " замечай и смотри за всем, что будут делать пастыри с этими овцами: ибо они будут губить их более, чем Я им повелел.

85. И всякий излишек и уничтожение, которое будет совершаемо пастухами, запиши, - именно сколько губят они по Моему повелению и сколько по своей собственной воле; и запиши о каждом пастырь в отдельности все, что они губят.

86. И прочитай это предо Мною по числу (с указанием числа), сколько они погубили по собственной воле и сколько предано им на погибель, чтобы это было для Меня свидетельством против них, дабы я знал всякое действие пастырей, чтобы передать их суду; и смотри, что они делают, - пребывают ли в Моем повелении, которое Я им дал, или нет.

87. Но они не должны открывать им этого и наставлять их на путь, но запиши только все, что они погубят, всякий раз о каждом в отдельности, и представь все Мне"!

88. И я видел, как те пастыри пасли в определенное им время, и они начали умерщвлять и погубят более чем им было повелено, и предали тех овец в руки львов.

89. И львы и тигры пожирали и истребляли большую часть тех овец, и дикие свиньи пожирали вместе с ними; и они сожгли ту башню и разрушили тот дом.

90. И я сильно опечалился из-за башни, так как самый дом овец был разрушен; и после этого я не мог уже видеть тех овец, входили ли они в тот дом.

91. И пастыри и их товарищи предали тех овец всем диким зверям, чтобы они пожирали их; и каждый в отдельности из них получил в своё время определенное число, и о каждом в отдельности записал другой в книгу, сколько он погубил.

92. И каждый из них умертвил и погубил гораздо более чем ему было позволено; и я начал плакать и сильно сетовать о тех овцах.

93. И я видел в видении того писца, как он записал каждую овцу, погибшую от тех пастырей, день за днем, и всю книгу вознес к Господу овец, и представил и показал, что они сделали, и всех, которых каждый из них уничтожил, и всех, которых они предали погибели.

94. И книга была прочитана пред Господом овец, и он взял книгу в свои руки, и прочитал ее, и сложил ее.

95. И тотчас я увидел, как пастыри пасли в продолжение двенадцати часов; и вот три из тех овец возвратились, и пришли, и приступили, и начали строить все, что было разрушено в том доме; но дикие свиньи помешали им, так что они не могли продолжать этого.

96. И они начали опять строить, как прежде, и возвели ту башню, и она была названа высокой башней; и они начали опять ставить стол пред башню, но весь хлеб на нем был скверен и нечист.

97. И по отношению ко всему глаза у тех овец были ослеплены, так что они не видели, а также и у пастырей их, весьма многие из них были преданы пастырям на погибель, и они попирали овец своими ногами и пожирали их.

98. И Господь овец оставался спокойным, пока все овцы не рассеялись по полю и не перемешались с ними (диким зверями), и они (пастыри) не спасли их от рук зверей.

99. И тот, который писал книгу, вознес ее к обителям Господа овец, и показал ее, и умолял Его за их, и просил Его, показав Ему всю деятельность пастырей их, и представил Ему свидетельство против всех пастырей.

100. И он взял книгу, сложил ее у Него и вышел.

101. [90] И я смотрел до тех пор, пока таким образом не приняли паству тридцать семь пастырей, и они все окончили каждый свое время, как первые; и другие приняли их (овец) в свою власть, чтобы каждый пас их по определенному им времени, - каждый пастырь в свое время.

102. И после этого я видел в видении, как пришли птицы небесные, - орлы, коршуны, ястреба, вороны; орлы же предводительствовали всеми птицами; и они начали пожирать тех овец, и выклевать им глаза, и пожирать их мясо.

103. И овцы кричали, так как их мясо было пожираемо птицами, и я восклицал и жаловался во время моего сна на того пастыря, который пас овец.

104. И я видел, как те овцы были пожраны псами, и орлами, и ястребами, и они не оставили им ни мяса, ни кожи, ни сухожилий, так что от них остался только остов, но и остов их упал на землю, и овец стало мало.

105. И я смотрел до тех пор, пока не приняли паству двадцать три пастыря, и

окончили, управляя каждый по определенному им времени, пятьдесят восемь времен.

106. Но от тех белых овец родились малые агнцы, и они стали открывать свои глаза, и видеть, и кричать овцам.

107. И овцы не кричали им и не слышали, что и сказали им, но были чрезвычайно глухи, и их глаза были слишком и чрезмерно ослеплены.

108. И я видел в видении, как вороны налетели на тех агнцев и взяли одного из тех агнцев, овец же разорвали и пожрали.

109. И я видел, как у тех агнцев выросли рога, и вороны низвергли их рога; и я видел, как выскочил один великий рог, - одна из тех овец; и их глаза открылись.

110. И я смотрел за ним, и глаза их раскрылись; и она кричала к овцам, и юнцы увидели ее и все побежали к ней.

111. И между всем тем те орлы, и коршуны, и вороны, и ястреба все еще разрывали овец беспрестанно, и слетались, на них и пожирали их; но овцы оставались покойными, и юнцы сетовали и кричали.

112. И те вороны сражались и боролись с ними, и хотели сломить его рог, но ничего не могли сделать с ним.

113. И я видел их, пока не пришли пастыри, и орлы, и те коршуны и ястреба, и они кричали воронам, чтобы они сломили рог того юнца; и они боролись и сражались с ними, и он боролся с ним, и кричал, чтобы пришла к нему помощь.

114. И я видел, как пришел тот муж, который записывал имена пастырей и представлял Господу овец, и он помог тому юнцу, и показал ему все, чтобы пришла его помощь.

115. И я видел, как тот Господь овец пришел к ним во гневе, и все видевшие Его убежали, и упали все в Его тени пред лицом Его.

116. Все орлы, и коршуны, и вороны, и ястребы собрались и привели с собою всех полевых овец, и все они сошлись и помогали друг другу, сломить тот рог юнца.

117. И я видел того мужа, который писал книгу по повелению Господа, как он развернул ту книгу умертвления, которое совершили те двенадцать последних пастырей, и он показал пред Господом овец, что они умертвили гораздо более, чем предшествовавшие.

118. И я видел, как пришел к ним (к хищным птицам и зверям) Господь овец, и взял в Свою руку посох гнева, и ударил в землю, так что она расторгалась, и все звери и птицы небесные упали с овец, и погрузились в землю, и она замкнулась над ними.

119. И я видел, как овцам дан был великий меч: тогда овцы выступили против тех полевых зверей, чтобы умертвить их, и все звери и птицы небесные разбежались от их лица.

120. И я видел, как был воздвигнут престол в любимой земле, и Господь овец воссел на нем; и он взял все запечатанные книги и раскрыл их пред Господом овец.

121. И Господь призвал тех шесть (или семь) первых белых, чтобы они принесли к Нему, начиная от первой звезды, пришедшей вперёд, все звезды, у которых срамные члены были как срамные члены коней, и первую звезду, которая ниспала прежде всех; и они принесли их все к Нему.

122. И Он сказал тому мужу, который писал пред Ним и который был одним из тех шести (или семи) белых, и сказал ему: "возьми тех семьдесят пастырей, которым Я предал овец, и которые взяли их и умертвили из них более, чем Я им повелел, самовластно"!

123. И вот я видел их всех связанными, и они все стояли пред Ним.

124. И суд совершился, прежде всего, над звездами, и они были судимы и оказались виновными, и пришли к месту осуждения, и их бросили в глубокое место, наполненное огнем, пылающее и наполненное огненными столбами.

125. И те семьдесят пастырей были судимы и оказались виновными, и точно также были брошены в ту огненную пропасть.

126. И я видел тогда, как была открыта подобная пропасть в середине земли, наполненная огнем, и как принесли тех ослепленных овец, и они все были судимы и найдены виновными, и брошены в ту огненную пропасть, и они сгорели: а пропасть эта была направо от того дома.

127. И я видел, как сгорели те овцы, и кости их сгорели.

128. И я встал, чтобы видеть, как Он украшал тот древний дом: и выломали в нем все столбы, и все балки и украшения этого дома были завернуты вместе с ними; и выломали их совсем, и положили их в одно место на юге страны.

129. И я видел Господа овец, как он принес новый дом больше и выше того первого, и поставил его на месте первого, который был завернут; все его столбы были новы и больше, чем украшения первого древнего, который Он выломал; и все овцы были в нем.

130. И я видел всех овец, которые остались целыми, и всех зверей на земле и всех птиц небесных, как они пали ниц и воздавали честь тем овцам, и умоляли их, и слушались их в каждом слове.

131. И после этого меня взяли те трое, одетые в белом, которые подняли меня

прежде, за мою руку, и в то время, как рука того юнца взяла меня, они подняли меня и посадили меня посреди тех овец, прежде чем совершился суд.

132. А те овцы были все белы и их шерсть была большая и чистая.

133. И все и все погибшие и рассеянные овцы, и все звери полевые, и все птицы небесные собрались в том доме, и у Господа овец была великая радость, так как все они были добры и возвратились к Его дому.

134. И я видел, как они сложили тот меч, который был дан овцам, и принесли назад в Его дом, и он был запечатан пред лицом Господа; и все овцы были заключены в тот дом, и он не вмещал их.

135. И у них у всех были открыты глаза, так что они видели доброе, и не было между ними ни одной, которая бы не сделалась видящею.

136. И я видел, что тот дом был велик и широк, и весьма наполнен.

137. И я видел, что родился белый телец с большими рогами, и все звери полевые и все птицы небесные утрашили его и умоляли его все время.

138. И я видел, как весь род их изменился, и все они стали белыми тельцами; и первый между ними (был Слово, и это Слово сделалось) сделался великим зверем, и имел большие черные рога на своей голове; и Господь овец радовался, взирая на них и на всех тельцов.

139. И я спал в среде их, затем пробудился и видел все.

140. Таково видение, которое я видел в то время, как спал, и я пробудился и прославил Господа правды, и воздал Ему хвалу.

141. И после этого я поднял великий вопль, и мои слезы не останавливались, так как я не мог более удержаться; когда я смотрел, то у меня лились слезы по поводу того, что я видел, ибо все придет и исполнится; и всякое деяние людей мне было показано по порядку.

142. И в ту ночь я вспомнил о моем первом сне; также и из-за этого я плакал и трепетал, ибо я видел то видение.

1QM 1, 3, 7, Свиток войны сынов света против сынов тьмы (Кумран), кол. 1, 3, 7

I.

1.[... Устав] Войны. Первое приложение рук сынов Света при начале (действий) против жребия сынов Тьмы, против войска Велиала: против полчища Эдома и Моава и сынов Аммона,

2. и во[йска?] Филистеи, и против полчищ киттиев Ашшура, и (кто) с ними в помощь бесчестящим Завет. Сыны Левиевы, сыны Иудейские и сыны Вениаминовы, ушедшие в пустыню, сразятся с ними,

3. [- -] со всеми полчищами их, при возвращении ушедших сынов Света из Пустыни народов в Пустыню Иерусалимскую; а после этой войны поднимутся оттуда

4. [И придет царь] киттиев против Египта, а по окончании сего выйдет в великой ярости сразиться с царями Севера, в гневе, чтобы истребить и отсечь рог

5. [своих врагов. Э]то время спасения для народа Божьего и конец власти над всеми людьми его жребия, и вечная гибель всему жребию Велиала. И будет смятение

6. в[еликое (?) средь] сынов Йафета, и падет Ашшур, и никто не поможет ему, и исчезнет власть киттиев, дабы низверглось нечестие без остатка и не стало уцелевших

7. о[то всех (?) сыно]в Тьмы.

8. З[нание (?) и справедливость осветят все концы вселенной, светя все более, пока не выйдут все сроки Тьмы. И в срок Божий осветит высота его величия все концы [...]

9. для мира и благословения, славы и радости, и долгоденствия всех сынов Света. А в день, когда падут киттии, — битва, сильное побоище пред Богом

10. Израиля. Ибо этот день назначен им от века для войны, уничтожение сынов Тьмы, когда сойдутся на великое побоище божественный сонм и общество

11. мужей — сынов Света со жребием Тьмы, сражаясь вместе, ради могущества Божия, при великом шуме и кличе божественных (ангелов) и людей в грозный день. время

12. стеснения [...] для народа, искупленного Богом, и во всех стеснениях их не бывало подобного, от приближения до свершения его¹⁹, ради вечного искупления. И в день их войны с киттиями

13. вы[йдут (?) на по]боище военном три жребия одолевая сынам Света, поражая нечестие, и трижды воспрянет войско Велиала, чтобы отвратить жребий

14. [..., и пол]кй бойцов оробеют сердцем; и (-но?) могущество Божие укрепляет с[ердца (?) ...], а седьмым жребием великая рука Божия низвергает

15. [Велиала и (?) все]х подвластных ему ангелов, и всем людям [...]

16. [- - -] Святые явятся на помощь [- - -] истинно, на гибель сынов Тьмы [...]

17. [- - - при шу]ме великом и к[личе (?) - - -] возложат руку на [...]

[...] Глав священников — 12, а глав смен священнических — 26; глав левитов — 12, а глав смен левитских — 26; глав колен и (глав) отцов общества — 24, а глав смен колен и (глав) смен]

III

1. боевых чередов, трубы призыва их при открытии боевых проходов для выхода бойцов, трубы клича (в) сражении, трубы
2. засады, трубы преследования при поражении врага и трубы сбора при возвращении (после) боя. На трубах созывания общества пусть напишут: "Призываемые Богом".
3. На трубах созывания начальников напишут: "Князя Божий". На трубах уз (Завета) напишут: "Устав Божий". На трубах мужей
4. именитых, глав отцов общества при сборе их в дом собрания напишут: "Предначертания Божий для Святого Совета". На трубах станов
5. напишут: "Мир Божий в станах святых его", а на трубах их снятия напишут: "Могущество Божие — рассеять врага и прогнать всех ненавидящих
6. справедливость, и благочестивое воздаяние ненавистникам Бога". На трубах боевых чередов напишут: "Череды полков Божиих для гневной мести его всем сынам Тьмы".
7. На трубах призыва бойцов при открывании боевых проходов для выхода к шеренге врага напишут: "Память (о) мщении в срок
8. Божий". На трубах сражения напишут: "Мощная рука Божия на войне, чтобы низвергнуть всех сражаемых (за) нечестие". На трубах засады напишут:
9. "Тайны Божий на погибель злодейству". На трубах преследования напишут: "Поразил Бог всех сынов Тьмы, да не отвратится гнев Его до истребления их".
10. На их возвращение из боя для вступления в шеренгу напишут на трубах возвращения: "Сбор Божий". А на трубах обратного пути
11. с войны с врагом, чтобы вернуться к обществу в Иерусалим, напишут: "Ликование Божие при благополучном возвращении".
- 12/13. Устав значков всего общества для уз (Завета) их . На большом значке, который во главе всего народа, пусть напишут: "Народ Божий", имя Израиля
- 13/14. и Аарона и имена двенадцати к[олен Израй]ля в порядке их рождения. На значках глав станов, что по три колена,
- 14/15. напишут: [- - -]. На значке колена напишут •"Знамя Божие", имя князя к[олена и имена князей]
- 15/16. род[ов его. На значке рода (10000) напишут:"- -"], имя князя десятка тысяч и имена начальников тысяч его. На значке]
- 16/17. [тысячи напишут: "- -"; имя тысяченачальника и имена начальников] сотен его. А на значке [сотни напишут ... На значке пятидесятка напишут ... На значке десятка напишут ...]
- [А на значке колена Левиева: на значке сынов Аарона В напишут ... На значке Каафа напишут ... На значке Гирсона напишут ...]

VII

1. А мужи Устава пусть будут от сорока лет и до пятидесяти, и Уставители станов будут от пятидесяти (/) лет я до шестидесяти (/) . А надзиратели
2. будут также от сорока лет и до пятидесяти . А все раздевающие сраженных, и собирающие добычу, и очищающие землю, и стерегущие обоз,
3. и ведающий(е?) съестными припасами — все они будут от двадцати пяти лет и до тридцати. А всякий мальчик несовершеннолетний и женщина да не войдет в их станы, когда они выходят
4. из Иерусалима, чтобы идти на войну, до возвращения их. А всякий хромой, или слепой, или плохо ходящий, или человек с вечным пороком во плоти своей, или человек, пораженный нечистой
5. плоти своей, все эти да не ходят с ними на войну. Все они (воины) будут добровольцами на войне, совершенны духом и плотью, готовы ко дню мщения. И всякий
6. муж, который не будет чист из-за истечения своего в день войны, да не идет с ними, ибо святые ангелы — вместе с их воинствами. И пусть будет расстояние 7. меж всеми станами их и отхожим местом около двух тысяч локтей. И всякого срама, дурного дела да не будет видно вокруг всех их станов.
- 8/9. И когда поставят поочередно боевые шеренги навстречу врагу, шеренга навстречу шеренге, то выйдут из среднего прохода на поле между шеренгами (обеих сторон) семь

9/10. священников и сынов Аарона, одетые в платья белого виссона, полотняные рубашки и полотняные штаны, и препоясанные поясами виссонного полотна (из) крученых (нитей) фиолетового

10/11. и алого пурпура и червленого багреца и (с) рисуночными узорами, сделанными искусно, и округлые повязки на их головах — одеяния (для) боя, а в святилище пусть не

11/12. вносят их. Один священник будет ходить перед лицом всех мужей шеренги (-строя), чтоб укрепить руки их в бою. А у шести в руках будут

12/13. трубы призыва и (ли) трубы напоминания, трубы клича (сражения), трубы преследования и трубы сбора. Когда выйдут священники

13/14. на поле между шеренгами, выйдет с ними семь левитов, и в их руках семь витых рогов. И три надзирателя из левитов пред лицом

14/15. священников и левитов. И протрубят священники в две трубы пр[изыва для открытия проходов б]оевых на пятьдесят щитов,

15/16. и пятьдесят бойцов выйдут из одного прохода [- - - пред лицом] левитов-надзирателей .

16/17. каждой шеренгой будут выходить по всему этому ус[таву - - - б]ойцы из проходов,

17/18. [и вста]нут меж ше[рен]г обеих (сторон) [...]

4QFlorilegium 1, Мидраш о конце времен (Кумран), кол. 1

Этот текст относится к жанру кумранских комментариев. Характерной особенностью этого жанра является то, что авторы комментариев искали применения комментируемых текстов к современной им исторической обстановке и историческим событиям, связанным с жизнью оппозиционной общины и ее идеологическими воззрениями. Кумранские комментаторы считали при этом, что в любом тексте комментируемых священных книг заключена божественная тайна, а истолкование не что иное, как раскрытие "этой тайны". И "тайна" и ее "раскрытие" внушены самим богом. Но в то время как пророки и авторы других библейских сочинений передавали только сообщенные им богом не раскрытые еще тайны, кумранскому комментатору было известно их сокровенное значение. Однако в отличие от обычных кумранских комментариев, каждый из которых посвящен одной какой-либо книге Ветхого Завета [например, Исайя, Хабаккук (Аввакум), Нахум, Псалмы и т. д.], 4Q Florilegium является сборником цитат из различных библейских книг с соответствующим комментарием. Далее, в обычных комментариях, где цитируемый текст комментируется стих за стихом, основное внимание обращается на применение библейского текста к современным комментатору условиям, хотя широко представлены и эсхатологические мотивы там, где комментатор находит это уместным. Комментарий же к цитатам, собранным во Флорилегиуме, весь обращен к будущему, к "последним дням", и яркая эсхатологическая окраска и направленность этого документа составляют наиболее отличительную его черту. Кавычками отмечен цитируемый комментатором библейский текст, в круглых скобках указаны ссылки на цитируемые места, уточнения и дополнения, вводимые для большей ясности перевода, в квадратных скобках - восстанавливаемый текст.

Столбец I

- 1 [.....] ["и не станет боле]е сын нечестия [притеснять его], как вначале, и с того времени как
- 2 [я назначил судей] над народом моим Израилем"1 (II S. 7, 10b-11a) - это тот дом, который [он построит] те[бе в ко]нце дней, как написано в книге
- 3 [Моисея?]: ["Святилище Господа, которое соз]дали руки твои. Йахве будет царствовать во веки веков" (Ex. 15, 17-18). Это тот дом, куда не войдет
- 4 [человек с] постоянным [физическим недостатком], и аммонитянин, и моавитянин, и безродный, и чужеземец - во век, ибо святые его и там
- 5 бу[дут], [и слава его во]век непрестанно на нем являться будет; и не будут более чужеземцы предавать его мерзости запустения, как они оскверняли прежде
- 6 святили[ще И]зраиля из-за их (т. е. израильтян) грехов. И он (т. е. бог) пожелал, чтобы построили ему святилище человеческое, в котором ему будут возносить курения (или: кадить)
- 7 пред лицом его (в виде) деяний закона (или: исполнения учения Торы). А то, что (бог) сказал Давиду: "И я [дам] тебе по[кой] от всех врагов твоих" (II S. 7, 11), означает, что он даст покой им от вс[ех]
- 8 сынов Велиала, которые заставляют их спотыкаться, чтобы уничтожить [их за грехи?] их, когда они блуждали (или: сбились с пути) по замыслу [Ве]л[и]ала, чтобы заставить споткну[ться] сы[нов]

9 [света], и замыслить против них греховные помышления, что[бы быть схва]ченными Велиалом из-за своих заблуждений.

10 "[И воз]мещает тебе Йахве, что дом построит тебе (II S. 7, 11) и восстановлю семя твое после тебя и укреплю трон его царства

11 навеки (II S. 7, 12-13). Я [буду] ему отцом, а он будет мне сыном" (II S. 7, 14). Он - отпрыск Давида, который встанет с истолкователем Закона (Торы), который

12 [?] в Си[оне]? в по]следние дни, как написано: "Я восстановлю (подниму) павшую скинию Давида" (Am. 9, 11)2 . Это - скиния

13 Давида павша[я...]... встанет, чтобы спасти Израиль.

14 Ми[д]раш из "блажен муж, который не ходил в совет нечестивых" (Ps. 1, 1). Истолкование этого3 : (это относится к тем), [кто] отвратились от пути [народа],

15 как написано в книге Исаяи пророка, относительно последних дней: и было, "что как сильною [рукою он отвратил меня от хождения по пути]

16 этого народа" (Jes. 8, 11). А те, о которых написано в книге пророка Иезекииля, что очи "н[е будут более осквернять себя]

17 [идо]лами своими" (Ez. 37, 23), это - сыны Цадока и [лю]ди его сове[та]... [... в] конце [дней, когда они соберутся в] общину,

18 "[Почему волнуют]ся народы, и племена замыш[ляют тщетное] (Ps. 2, 1)? [Восс]тают [цари земли, и вла]стелины совещаются вместе против Йахве и против

19 [его помазанника]" (Ps. 2, 2)? [Истолкование этого: [(это относится) к сынам Цадока...]... избранныки Израиля в конце дней.

Столбец II

1 Это - время испытания (или: очищения), которое наст[упит]

2 Велиал и останется ...

3 Моисей - он...

4 и праведные...

Примечания

1. Автор Флорилегиума объединил воедино конец стиха 10 и оборванное начало ст. 11, после чего переходит к комментированию этой произвольно составленной цитаты, не предварив, однако, комментарий словом "пешер".

2. Эта цитата из Амоса приводится также в CD 7, 16.

3. истолкование в смысле раскрытия тайны, сокрытой в комментируемом тексте.

Damascus Document 6, Дамасский документ (Кумран), кол. 6

VI

1. Через помазанников (Его Помазанника) святости и пророчествовали ложь, чтобы отвратить Израиль от
2. Бога. "Но вспомнил Бог Завет и Первыми" и поставил из Аарона разумных и из Израиля
3. мудрых, и возвестил им, чтобы выкопали колодец. "Колодец, копали его князья, вырыли его
4. благородные народа посохом" (Тора), а копавшие его - это
5. возвратившиеся из Израиля, выходцы из земли Иудейской, поселившиеся в земле Дамаска,
6. которых Бог нарек всех князьями, ибо они искали Его, и не могут возразить
7. против их славы ничьи уста¹¹². Посох - это Истолкователь Учения (Торы), о чем
8. сказал Исая: "Извлекает орудие для действия им "Благородные народа - это
9. пришедшие копать колодец посохами, которыми Предначертатель начертал
10. руководствоваться в течение всей поры нечестия. Другие же, помимо них, не постигнут (этого), пока не встанет
11. Наставляющий правде в конце дней. И все, кто приведены в Завет,
12. не должны входить в святилище, чтобы освещать его жертвенник напрасно, но пусть будут запершими
13. дверь, как сказал Бог: "Кто среди вас запрет его дверь, и не освещайте Мой жертвенник
14. напрасно". Ведь (они) должны следить за тем, чтобы действовать по объяснению Торы (Закона) для поры нечестия, и отделиться
15. от Сынов гибели, воздерживаться от нечестивого богатства, оскверненного обетом и закланием,
16. и богатством святилища, и ограблением бедняков своего народа, "так что вдовы становятся их добычей,
17. и сирот убивают". Нужно отделять нечистого от чистого, отличать
18. святое от мирского, соблюдать день субботы, согласно относящимся к нему толкованиям, и праздники,
19. и день поста, как (при) исходе вошедших в Новый Завет в стране Дамаска,
20. чтобы возносить святыне (приношения) согласно их перечню (или: согласно их толкованиям), любить каждому брата своего
21. как себя, держать руку бедного, нищего и поселенца. Каждому добиваться благоденствия

11QTemple Scroll , Храмовый свиток (Кумран)

(Перевод А. Волохонского)

Так говорит Яхве дивный:

Я сотворю с тобой нечто великое. Вот изгоняются от лица твоего все аморреи и ханаанеи, хетты, гиргашаи и презеи, и хевеи и иевусеи. Блуди себя - не вступай в союз с жителями земли, в которую ты вступаешь, да не будут они тебе западней. Алтари их разбей, столпы сокруши, дубы изруби и сожги огнем истуканы богов. Не зарься на их серебро и на золото их: ими они искушают вас, ибо все это скверно в Моих глазах. Не бери у них, чтобы взять в свой дом, а то будешь проклят, осквернишься скверной, омерзительной мерзостью. И не бей поклонов иным богам: Яхве - Мое имя, Я ревнивый Бог! А ты берегись, не вступай в союз с теми, кто в этой земле обитает. Чтобы вы не блудили вслед их богам, и чтоб тебя не звали для жертвы им или от их алтарей вкушать, и чтоб не брал ты их дочерей за своих сынов, и чтоб дщери их не блудили следом при их богах.

Ковчег завета

Полтора локтя - вот высота ковчега с крышкой, длина его два с половиной локтя, а ширина полтора. Изготовь двух херувимов на обоих концах крышки: с одного края - один херувим, с другого края - другой херувим, с крылами, простертыми к середине ковчега, так, чтобы крыла заслоняли крышку, и меж крылами - вверх от ковчега - лица их, обращенные друг к другу.
И сделай покрывало золотое.

Стол предложения

Сделай стол из древесины акации в два локтя длиной, шириною в локоть, в полтора высотой. Облицуй его золотом чистым и сделай к нему окаймление.

Замеси по две меры на каравай муки, испеки из нее двенадцать хлебов, уложи на стол в виде двух пирамид и насыпь на них соли и чистого ладану - да будет сей ладан с хлебами в поминовение Яхве жертвою всесожженья, чтобы ты воскурил Ему в день субботний, в день субботний на алтаре курений.

И когда замесив, ты уносишь прежний хлеб и свежий на стол возлагаешь, сыпь на него ладан, и да не удалится от Меня сей хлеб, но пребудет вечным заветом для всех потомков Израиля в роды их, ибо это хлеба для иереев и пусть съедают их в святом месте.

Семисвечник

Изготовь светильник чеканный из чистого золота - стебель и ветви и чаши с бутонами и цветами: шесть ветвей, в обе стороны простертых, три ветви по одну, три по другую сторону стебля, три чаши миндальных - цветков с бутонем на первой ветви, на другой ветви - три чаши миндальных, цветков с бу-

тоном, и так на всех шести ветвях, простертых от стебля. А на самом стебле - четыре чаши: под парюю ветвей цветок и бутон миндальный, под четырьмя ветвями цветок с бутоном и под шестью также цветок с бутоном, да по три бутона на каждой ветви, которых шесть, простертых от стебля.

Изготовь для светильника семь лампад, щипцы и совки из чистого золота общим весом в два таланта, семь лампад, дабы они светили, его лампы.

И поставь против стола во святилище светильник - и да установят лампы иереи, сыны Аарона, дабы всегда они пылали - вот закон вечный, на все поколения.

Время жертвоприношений

Приносите жертвы на алтаре во дни Яхве - в субботы и в новомесячия, в первом месяце в день первый, на праздник пасхи и в праздник пресных хлебов, и в день возношенья снопа ячменя, на праздник седмиц, когда возносят первые снопы урожая пшеницы, и в срок тирош - возлиянье вина молодого, и в срок ицхар - возлиянье свежего масла, и в течение шести дней жертвы деревьев, в день новогодний и в судный день, в праздник кущей и на праздничное собрание.

Ежедневные жертвы

Приноси на алтарь годовалых овнов без изъяна, двух ежедневно - как жертву вовеки.

Одного из овнов приноси утром (овна второго принесешь под вечер) да меру муки смешай с четвертью масла, да четверть вина - вот жертва всесожжения вовеки, для Яхве приятное благоуханье. А шкура овна - для иерея, это доля иерея, принесшего жертву.

Второго овна приноси под вечер, подобно тому, как того, что утром - во всесожжение, как жертву вовеки, во все роды ваши - для Яхве приятное благоуханье.

Субботы и новомесячия

И по субботам приносите годовалых овнов, в которых нет изъяна. И возлей на эту субботнюю жертву две меры муки, разведенной в масле. Возливай их на свою вечную жертву Яхве.

А во дни новых лун приносите Яхве в жертву тельцов - пару быков отборных, одного барана, семерых годовалых овнов, в которых нет изъяна, с мукою - три меры на полмеры масла, да полмеры вина для возлиянья на каждого быка, муки две меры на треть меры масла да треть вина на каждого барана, и меру муки с четвертью масла да четверть вина на каждого из овнов.

Приносите эти жертвы вовеки, для Яхве приятное благоуханье, приносите их каждый месяц.

Годы

А в первый день первой луны, в первое новолуние перед всеми лунами года приносите также козлов косматых за свои грехи во очищение, да будут они искупительной жертвой. А еще приносите одного тельца без изъяна, одного барана и семерых годовалых овнов - это помимо ежедневной жертвы - и муку с маслом по полмеры на быка, и вина для возлиянья полмеры, Яхве приятное благоуханье. И две меры муки да треть масла и треть вина для возлиянья на одного барана во всесожжение, Яхве приятное благоуханье. И меру муки и четверть масла и четверть вина для возлиянья на каждого из тех семерых овнов и на косматого, жертву очищения.

Субботний год

В год седьмой приносите козлов косматых для очищения и отпущения по уставу, а вдобавок - барана, изо дня в день по барану и к тем баранам - корзины хлеба: на барана по одной корзине. Семь дней приносите вдобавок баранов, изо дня в день и хлеб в корзинах.

Правую ногу в жертву от барана приносите Яхве, тук нутра и почки, и с почек тук, и сальник, и курдюк цельный, который над крестцом, а также и печень - вот приношение с возлиянием по уставу.

Берите лепешку белого хлеба, хлеба каравай из одной корзины и возлагайте хлеб поверх сала и тука на правую ногу жертвы. Так приносите в жертву баранов и хлеб в корзинах.

Так совершайте это всесожжение Яхве - с приятным благоуханьем пусть для Яхве пылают на алтаре их жертвенные туши семь дней подряд сверх обычной жертвы.

А когда служить по полному обряду восстанет перед Яхве иерей великий, пусть наденет наряд отцов, своих предков, пусть принесет быка от имени народа и еще быка от всех иереев, первым - быка за всех иереев, и возложат руки иереи- старцы на голову быка, а

за ними иерей великий, и пусть зарежут быка иереи перед Яхве.

И пусть иереи в кровь быка обмакнут пальцы, пусть рога алтаря намажут, окропят кровью рога алтаря, все четыре рога, и кровью намажут мочку правого уха и большой палец правой руки и правой ноги великого иерея, и кровью с алтаря окропят его одежды - и

будет свят, покуда он жив первосвященник, иерей великий и никого из умерших впредь да не коснется, даже отца или матери умершей, ибо он освящен ради своего Бога Яхве, ибо он принес на алтаре ему жертву, тук первого из быков сжигая, тук нутра, печень и почки, тук с почек и сальник, ибо он совершил приношение и возлияние по уставу, ибо он воскурил на алтаре, принося всесожжение, для Яхве приятное благоуханье. А плоть быка и шкуру с навозом сожгите на костре вне храмовой округи - в отдалении, в неосвященном месте, сожгите его с головой и с ногами, со всем его нутром, кроме жира и тука, сожженного на алтаре за грехи народа.

Пусть возьмет он затем от быка второго, который за народ, ради общего прощенья, крови и тука и - как с первым быком, так и с этим - в кровь пальцы обмакнув, рога алтаря помажет, окропит алтарь, все четыре рога, а жир его воскурит с возлиянием на алтаре за грехи народа.

Пасха и праздник пресных хлебов

Четырнадцатого числа первого месяца в сумерках празднуйте пасху Яхве: приносите Ему в этот срок вечернюю жертву, и все - от двадцати лет и старше - пусть ее ночью съедают, а кто во святых дворах, те пусть в свои кущи удалятся.

Пятнадцатого числа - священное собрание, и никто да не работает в день этот, и праздник пресных хлебов Яхве пусть семь дней длится. Приносите в эти дни ежедневную жертву: пару быков, барана, семерых овнов, в которых нет изъяна, да козла косматого за грехи в жертву с возлияниями по уставу - с быками, баранами, овнами и с косматым, а седьмой день посвятите Яхве - в это день, чтоб никто не работал.

Пусть принесут косматого в жертву ради прощенья грехов с возлиянием по уставу: меру муки да четверть масла и четверть вина для возлияния, и простятся общине все прегрешения, простятся - вот закон вечный, на все поколения, где бы они ни обитали. И пусть принесут одного барана в день возношенья снопа ячменя, в день "омер".

Праздник седмиц

Затем отсчитайте семь полных суббот ото дня возношенья, пятьдесят дней до первого дня за седьмой субботой, и везде, где бы вы ни обитали, вновь приносите в тот день приношение Яхве: хлеб из муки с новой закваской, первый сбор Яхве, хлеб пшеничный, по две меры на каравай, а хлебов двенадцать, пусть приносят вожди по коленам Израиля, жертву от первых сборов, жертву с возлиянием, жертву по уставу. А иереи, принеши жертву - по уставу, с возлиянием, хлебы первого сбора - пусть на внутреннем дворе съедят иереи приношение это новое, хлеб от первого сбора, а затем - новый хлеб ежедневно, хлеб незрелый и зрелый, и устроят священное собрание. Вот вам закон навеки, для всех поколений: чтобы никто в этот день не работал и не трудился, в этот праздник седмиц, праздник первых сборов вовеки.

Новое вино

Затем отсчитайте ото дня подношенья для еще одного подношения Яхве - от праздника первого сбора пшеницы семь суббот, семь полных недель отсчитайте, и на пятидесятый день, который следует за седьмою субботой, поднесите новое вино для возлиянья - четыре меры от всех колен Израиля, по трети от колена пусть вино подносят, а предводители тысяч Израиля - двенадцать баранов в жертву Яхве, с приношеньем по уставу: две меры муки и масло для возлиянья, треть меры масла на каждого барана, да отборных пару быков, да с каждым из быков - семерых годовалых овнов и косматого козла во искупление, за грехи народа, с возлияньями на быков, на баранов и на все четырнадцать годовалых овнов.

Тук нутра их пусть на алтаре сжигают - весь тук нутра их, а также почки и печень, и пусть снимут жир, который их покрывает, и сальник и курдюк - над крестцом сало, все это пусть на алтаре с возлияньем воскурят в жертву всесожженья с приятным благоуханьем перед Яхве.

И пусть все возносимые приношенья будут с возлияньями, по уставу. И возложите на свои жертвы ладан, воскурите ладан на алтаре в поминовенье, а остаток жертвы пусть на внутреннем дворе съедят, с пресным хлебом съедят иереи. Но не вкушайте в этот день квасного - ешьте жертвы ваши до восхода солнца, все ваши жертвы вкушайте с солью, да будет этот "завет соли" заветом вечным.

Приносите вольные жертвы Яхве: от баранов да овнов - грудину и правую ногу, челюсти, желудок и передние ноги вплоть до лопаток, это ваша жертва, а доля иереев - ноги, грудь, челюсти, желудок, предплечья. Такова их доля вовеки, по закону сынов Израиля, а левитам - лопатки, вот закон вовеки как для них, так и для их потомства.

И пусть выделяют предводителям тысяч доли от баранов и от овнов. Каждому иерею по овну да по барану, также левитам по барану и овну и предводителям - по овну и барану, на каждый полк из двенадцати колен Израиля, чтоб вкушали в этот день на внутреннем дворе перед Яхве.

И пусть выпьют - первыми иереи, затем левиты, следом предводители тысяч Израиля, военачальники полков знаменосных, люди именитые пусть пьют вначале, а там и народ - от велика и до мала. Все пусть пьют молодое вино, не вкушая незрелых ягод, ибо в этот день должно веселиться и пить лучшее вино, вино молодое всем сынам Израиля перед ликом Яхве. Вот закон вечный для всех поколений: год за годом, где бы они ни обитали, чтоб в этот день ликовали, возливая возлиянье молодым вином на алтарь Яхве.

Свежее масло

Теперь отсчитайте от этого дня семь раз по семь недель, сорок девять дней, семь суббот - до дня после седьмой субботы и на пятидесятый день приносите свежее масло из мест обитания воинств сынов Израиля, полмеры свежего масла от каждого колена. И пусть поднесут с этим чистым маслом жертву первого сбора на алтаре перед Яхве. Три меры муки разведи этим маслом, взяв его полмеры, и воскури его с туком жертвы в подношение по уставу как жертву всесожжения, с приятным благоуханием для Яхве, и пусть в светильниках горит это масло.

И да поднесут князья и знаменосные воеводы тысяч быков, баранов и четырнадцать годовалых овнов с возлиянием - на овнов и на баранов и да зарежут их левиты, а иереи - сыны Аарона окропят кровью жертв алтарь Яхве, пусть они тук жертвы на алтаре воскурят, вознося тук жертвы с возлияньем, с приятным благоуханьем перед ликом Яхве.

И вознесут от баранов и от овнов вольную жертву: правую голень, переднюю ногу и грудь пусть принесут вначале, а там и челюсти и желудок в долю иереям по уставу, а левитам отдадут лопатки. И выделяют долю от сынов Израиля, чтоб сыны Израиля отдали иереям барана да овна, а левитам также барана, а с ним и овна и каждому колону - по барану и по овну, чтобы съедали их на внешнем дворе пред ликом Яхве.

Вот вечный устав для всех поколений, где бы они ни обитали: съедать жертвы с возлияниями свежим маслом, маслом от оливок нового сбора в этот день очищения свежего масла, по всей земле раз в году перед Яхве ликуюя - всем сынам Израиля, где бы ни обитали, вот им закон для всех поколений.

Жертва деревьев

Затем приносите Яхве жертвы деревьев, да при этом двух козлов косматых в подношение с возлиянием.

Быка, барана, годовалого овна пусть приносит каждое колено за коленом - все двенадцать колен сынов Иакова пусть возносят их на алтарь с возлиянием по совершении ежедневной жертвы.

В первый день принесет иерей великий жертву за левитов, а затем принесет он жертву за колено Иуды. По воскурении пусть косматого перед ним зарежут, и вознесет он кровь жертвы на алтарь в тазу особом, намажет все четыре угла алтаря с помощью пальцев, окропит кровью основание и весь алтарь, с каждого бока. И жир воскурит иерей великий: тук нутра и тук, покрывающий печень и почки - снимет с них тук и, взяв сальник, воскурит на алтаре это сало вместе с жертвой. А к всесожжению - возлияние с приятным для Яхве благоуханием.

Принесут быков, одного за другим сжигая, и баранов, одного за другим, и овнов, и Я Сам умножу эти жертвы с возлияниями по данному уставу до скончания века во все поколения, пред ликом Яхве.

И, подобно жертве левитов, принесет жертву колено Иуды, по тому же уставу, что племя Леви, колено Иуды приносит жертву следом.

А в день второй вначале приносят жертву сыны Бенъямина, а затем поколения Иосифа, сыны Эфраима и Менаше совместно. На третий день - жертвы Реувена, особо, а затем, особо - колено Шимона. В четвертый день - жертвы Исасхара и Звулуна, в день пятый принесут жертвы сыны Гада и Ашера, а в шестой день - жертвы Дана и Нафтали.

Новый год

А в первый день месяца седьмого да будет у вас праздничное собрание с приношением жертвы всесожжения с приятным благоуханием перед Яхве.

Приносите быка из отборных, одного барана, годовалых овнов, целиком, и одного косматого козла в жертву за грехи, с возлиянием по уставу, с приятным благоуханием - помимо ежемесячной и ежедневной жертвы, после них приносите жертву эту. Да будет она в этот день третьей жертвой - вот завет вечный для всех поколений, где бы ни обитали вы, празднуйте в день этот, радуйтесь, не работайте и не трудитесь: да будет день сей, как день субботний.

Судный день

Судный день в этом месяце - день десятый.

В этот день пытайте свои души, ибо душа того, кто не исследует ее в день сей до самой сути, отщепится от своего народа.

А в жертву Яхве в этот срок приносите быка с бараном, да семерых годовалых овнов и за грехи козла косматого помимо тех, которых принесете за грехи судного дня сего. Да будут эти подношения с возлиянием, по уставу, все по правилам: быка, барана и овнов с косматым. И ради прощения грехов принесите пару быков как единую жертву: за себя и за дом отца своего пусть принесет ее иерей великий.

И бросит иерей великий два жребия о козлах косматых: один жребий Яхве, другой - Аззелу. И, зарезав косматого под жребием Яхве, вознесет его кровь в золотой плошке и, как с кровью быка, который за народ, за всю общину, так же он поступит и с козлиной кровью. Козлиный же тук в подношение с возлиянием воскурит на алтаре, а мясо и шкуру сожгут вместе с частями быка, принесенного за грех народа ради прощения общины, да прощена будет. И омоет кровь с рук и с ног иерей великий, а грехи перейдут и падут на голову козла второго, все грехи сынов Израиля, все их прегрешения и проступки перейдут на голову этого косматого, и прогонит его слугитель к Аззелу пустыни, и тот козел все грехи унесет, и отпущены грехи их сынам Израиля.

Затем принесут жертву по уставу: быка, барана и овнов за сынов Израиля - таков закон во веки веков, для всех поколений. И подобный день - лишь один в году, день поминовения, чтобы никто в этот день не работал и не трудился, ибо это суббота суббот, и поэтому каждый, кто будет трудиться, а поститься не будет - душа того отлучена от народа. Суббота покоя в этот день и священное собрание, посвященное поминовению: во всех местах обитания, чтобы никто не трудился.

Праздник кущей

В пятнадцатый день того же месяца проведите священное собрание: не работайте, не трудитесь и принесите жертвы всесожжения с Яхве приятным благоуханьем и семь дней празднуйте этот праздник Яхве.

В первый день принесите в жертву тринадцать быков отборных, пару баранов, четырнадцать годовалых овнов, в которых нет изъяна, да козла косматого за грехи с мукою, смешанной с маслом - по три меры на полмеры, и полмеры вина для возлиянья на быков, на все тринадцать, и подношение муки и масла - две меры на треть меры, и вина для возлиянья по трети меры на каждого барана - это так на обоих баранов, и столько же муки - и по четверти меры масла и вина для возлиянья на каждого овна, и так для всех четырнадцати овнов и для косматого - помимо ежедневной жертвы. И пусть изливают на алтарь всесожженья для Яхве приятное благоуханье.

А в день второй принесите быков двенадцать, пару баранов, четырнадцать овнов и косматого за грехи - подношение с возлияньем по уставу: на быков, баранов, овнов и косматого при всесожжении с приятным благоуханьем перед Яхве.

На третий день - одиннадцать быков, двух баранов, четырнадцать овнов, да из козлов косматых одного - вот ваши жертвы с возлияньем по уставу на быков, баранов, козла и овнов.

На день четвертый - десять быков, пару баранов, четырнадцать годовалых овнов, козла косматого за грехи в жертву с возлиянием - на быков, на баранов, на овнов и на косматого - все по уставу.

А в день пятый - быков девять, баранов пару, четырнадцать овнов и одного козла косматого за грехи приносите в жертву - все с возлияниями, все по уставу - на быков, баранов, на косматого и овнов.

А в день шестой - быков восемь, баранов пару, четырнадцать овнов, одного за грехи из козлов косматых - принесите их в жертву с возлияниями по уставу на быков, баранов и на овнов с косматым.

В день же седьмой - семерых быков, двоих баранов, четырнадцать овнов, одного козла косматого за грехи в жертву с возлиянием, по уставу на быков, баранов, овнов и на косматого.

А в день восьмой всякие труды и работы у вас да прекратятся. Принесите тогда жертву всесожжения Яхве с приятным благоуханьем: одного быка, одного барана, семерых овнов и козла косматого за грехи в жертву. В подношение быка, барана, овнов и косматого по уставу принесите Яхве эти жертвы в сроки помимо других обетов и даяний, и возлияние на жертвы ваши в доме обитания, а на нем - Мое имя.

Жертвы ежедневные по закону, по уставу - это вечные жертвы от сынов Израиля, помимо даяний - все что они поднесут с возлиянием и со всевозможными дарами, которые они поднесут мне по желанию и по своей по доброй воле.

А Я пребуду с ними во веки вечные и освящу храм Мой славою Своею, которая будет обитать во храме - слава Моя до дня благословенья, в который Я воздвигну святой храм Мой и приготовлю все дни по завету, который заключил Я с Иаковом в Бетэле, и освящу храм Мой славою.

Здания во внутреннем дворе

Сооруди к северу от святилища строение для подъема квадратной формы, от угла до угла - двадцать локтей, до стены святилища - семь локтей, а стены сделай толщиной в четыре локтя, высоту же - срок локтей, да внутри от угла до угла - двенадцать локтей,

и квадратный столп в середине шириной в четыре локтя, а вокруг - восходящие ступени.

И на подходе к этому строению сделай двери, раскрывающиеся до крыши святилища. Вход в дверях - к выходу на кровлю, через который на верх святилища восходят, и весь дом подъема покрой золотом: его стены, двери и кровлю, изнутри строения и снаружи, и столп облицуй и ступени - все сделай, как Я тебе повелел.

Построй дом-умывальню к юго-востоку - квадратное строение, стороны по двадцати одному локтю, расстояние до алтаря - пятьдесят локтей, высота - двадцать. Двери сделай на восток, на север и на запад. Ширина входа четыре локтя, высота - семь локтей.

Сделай в них ниши шириною в локоть, высотой от земли четыре локтя, облицованные золотом, чтобы священники клали там свои одежды, когда будут приходить в них на верх дома, во время прихода их служить святыне.

И пророй канаву вокруг дома омовений. Пусть канава отходит от рукомойника в туннеле, спускается и уходит под землю, чтобы в нее изливались воды и внутри земли растекались, и чтобы никто из людей этих вод не касался, ибо кровь жертв смешана с ними.

И не будут иереи освящать народ Мой в тех одеждах, в которых они совершают служенье. Так что постройте к востоку здание - дом для посуды, в размере умывальни, на расстоянии семи локтей от стен, все строение и устройство как у умывальни: два входа - на север и на юг, один против другого, того же размера, как вход в умывальню. И во всем том доме по всем стенам устройте изнутри глухие ниши в два локтя шириной и глубиной, высотой в четыре, для тазов и совков и принадлежностей алтаря.

...

Быков за головы привяжут к кольцам, затем будут резать, в тазы их кровь собирая, и выльют на алтарь, на его основание. Снимут шкуры с быков, разрежут мясо, куски мяса посолят солью, вымоют внутренности и голени и солью посолят и огнем на алтаре сожгут их. Бык и бык, по кускам, с приношением муки, с вином для возлияний, с его туком пусть сожгут иереи, сыны Аарона на алтаре всесожженья с приятным благоуханием перед Яхве.

...

А если умрет священник и всякий муж из иереев в неосвященной одежде умрет также, да не осквернят они храма своего Бога и не понесут они греха вины смертной.

...

И пусть освятят место вокруг алтаря, святилища, умывальника и бассейна - да будет свято, весьма свято во веки веков.

Устройте к западу от святилища столбы вокруг бассейна для грехов и для грешных. Там будет отделение для грехов иереев и для косматых, приносимых за грехи народа, чтобы не смешались те и эти, да отделено будет место во избежание ошибок при смешении во всех грехах народа, во всех винах.

...

Толщина стены семь локтей, высота - сорок пять локтей до крыши, ширина комнат двадцать шесть локтей от угла до угла. Ширина ворот четырнадцать локтей, высота - двадцать восемь локтей от порога до притолоки, а от потолка до притолоки - четырнадцать локтей. И там умывальник, крытый кедром, облицованный золотом чистым, и двери его покрой золотом добрым. От угла ворот до угла во дворе сто двадцать локтей и по этому образцу - у всех ворот.

Сделайте во внутреннем дворе места для иереев, их жертв и плодов отборных, для десятин урожая и для жертв искупления, да не смешиваются жертвы искупления сынов Израиля с жертвами иереев, и по четырем углам сделай им печи, чтобы свои жертвы они варили.

Второй двор

Устрой вокруг внутреннего двора второй двор. Ширина его четыреста восемьдесят локтей, со всех сторон одна. И на все ветры - к югу, к морю и к северу толщина стены четыре локтя и высота двадцать восемь локтей. Там кельи, пристроенные к стене, от кельи до кельи - три локтя.

...

Тот человек перейдет в общину избранных и даст выкуп Яхве за свою душу - по полшекеля, по вечному закону в память во всех местах обитания, двадцать гор - один шекель.

После того, как подойдут к принимающим и дадут Мне по полшекеля, за ними войдут те, кто в возрасте двадцати лет и старше.

А на воротах двора имена, имена сыновей Израиля: Шимона, Леви и Иуды - от восхода солнца; Реубена, Иосифа и Бенъямина - от пустыни, с юга; Исасхара, Звулуна и Гада - от моря; Дана, Нафтали и Ашера - на север.

Вот меры ворот: от угла с северной стороны до ворот Шимона - девяносто девять локтей. Ширина ворот двадцать восемь локтей. От ворот Шимона до ворот Леви - девяносто девять локтей. От ворот Леви до ворот Иуды - та же мера...

Третий двор

Ширина его вокруг среднего двора шестьсот локтей, а длина стены примерно тысяча шестьсот локтей от угла до угла на каждый из ветров, и мера эта - на восток и на юг, к морю и на север. Толщина стены семь локтей и ниши между воротами снаружи для украшения. Трое ворот на восток и трое на юг, трое к морю и трое на север. Ширина ворот пятьдесят локтей, высота семьдесят, от ворот до ворот триста шестьдесят локтей.

От угла до ворот Шимона триста шестьдесят локтей. От ворот Шимона до ворот Леви та же мера. От ворот Леви до ворот Иуды та же мера, триста шестьдесят локтей. От ворот Иуды до южного угла та же мера, триста шестьдесят локтей. А от этого угла до ворот Реувена триста шестьдесят локтей. От ворот Реувена до ворот Иосифа та же мера, триста шестьдесят локтей. От ворот Иосифа до ворот Бенъямина триста шестьдесят локтей. От ворот Бенъямина до западного угла триста шестьдесят локтей и то же расстояние от этого угла до ворот Исасхара - триста шестьдесят локтей. От ворот Исасхара до ворот Звулуна триста шестьдесят локтей. От ворот Звулуна до ворот Гада триста шестьдесят локтей. От ворот Гада до северного угла триста шестьдесят локтей. От этого угла до ворот Дана триста шестьдесят локтей, и также от ворот Дана до ворот Нафтали триста шестьдесят локтей, и от ворот Нафтали до ворот Ашера триста шестьдесят локтей, и от ворот Ашера до восточного угла северной стены триста шестьдесят локтей.

Башни выступают от стены наружу на семь локтей, а внутрь от стены двора на тридцать шесть локтей. Ширина ворот четырнадцать локтей, высота их двадцать восемь локтей до притолоки. Покрой их деревом кедра, облицуй золотом, створки их облицуй золотом чистым и сооруди внутри ниши.

Ширина кельи десять локтей, длина двадцать, высота четырнадцать. Она покрыта досками кедра. Толщина стены два локтя. Кнаружи от нее ниша. Ширина десять локтей, длина двадцать, стена толщиной в два локтя. А высота четырнадцать локтей до притолоки и вход в три локтя.

Сделай в каждом помещении очаг в десяти локтях от дверей. Так построй восемнадцать ниш. И здание с лестницей построй у стены ворот, пусть ступени идут на второй этаж и на крышу, а кельи и ниши - вторые и третьи - устрой как внизу.

Помещения для праздника кущей

На крыше сделай столбы и балками перекрой их. Здесь место для кущей высотой восемь локтей, чтобы кущу делали каждый год в праздник кущей для старцев общины, для вождей, глав семейств, для сынов Израиля и для начальников тысяч и предводителей сотен, которые взойдут и воссядут там, пока не придет им срок приносить жертву на праздник кущей.

О еде и питье

Будут есть они во дни суббот и во дни новых месяцев, во дни начатков хлеба, вина и масла и в сроки жертвы деревьев - во все эти дни будут есть, на будущий год не оставят.

Ибо есть они будут так: от праздника первого сбора будут есть хлеб до будущего года, до дня праздника первого сбора. Вино будут пить ото дня срока "тирош" до дня срока "тирош" будущего года. Масло первого сбора от срока "ицхар" до будущего года, до того же срока, до дня подношения на алтарь нового масла. А все, что осталось после этого срока, предайте огню, пусть сгорит, его более не ешьте, ибо оно заклато.

Живущие вдали от храма на расстоянии трех дней, кто может пусть приносит, а кто не может пусть продаст и принесет деньги. На них купит хлеб, вино и масло, крупного скота и мелкого, купит и съест его в дни празднований, но не будет от него есть в будни, ибо это святое, во святые дни его есть можно, а по будням нет.

Помещения

Отдели помещения от ворот Шимона до ворот Иуды для иереев, все справа и слева от ворот Леви сынам Аарона, отдели сто восемь ниш, их кельи, и две кущи, те что на крыше. Для сынов Иуды - от

ворот Иуды до угла, пятьдесят четыре ниши и кельи и куща, которая над ними. А сынам Шимона - от ворот Шимона до угла второго - ниши, кельи и кущи.

Для сынов Реувена - от внутреннего угла, который принадлежит сынам Иуды, до ворот Реувена пятьдесят две ниши и кельи и кущи. От ворот Реувена до ворот Иосифа - сынам Иосифа Эфраиму и Менаше. От ворот Иосифа до ворот Бенъямина - сынам Кхатовым, из сынов Леви. А от ворот Бенъямина до угла к западу - сынам Бенъяминовым. От этого угла до ворот Исасхаровых - сынам

Исасхаровым. От ворот Исасхара до ворот Звулуна - сынам Звулуновым. От ворот Звулуна до ворот Гада - сыновьям Гирсона, которые из левитов. А от ворот Гада до северного угла - сынам Гадовым.

От этого угла до ворот Дана - сынам Дановым. От ворот Дана до ворот Нафтали - сынам Нафтали. От ворот Нафтали до ворот Ашера - сынам Мрари, из левитов. И от ворот Ашера до восточного угла - сынам Ашера.

Всего отделенных для племени Леви двести семьдесят ниш. А сыновьям Израиля - восемьдесят пять сотен ниш и шесть.

Законы о чистоте

Когда придут стражи, выйдет второй и пойдет налево, и в это время выйдет первый, то эти с теми не смешают оружия. Этот стоит, а тот проходит, и не будет смешения.

Человек, у которого случилось ночью, не придет к храму прежде, чем через три дня. Он постирает одежду и омоется в день первый и третий, вновь постирает одежду, и взойдет солнце, а потом лишь придет во храм. Не придут в грехах и в нечистоте во храм Мой.

Никто слепой не войдет в него во все дни свои и не осквернит города, где Я обитаю, ибо Я - Яхве, навеки среди сынов Израиля.

Каждый, кто очистился от истечения, сосчитает семь дней чистоты своей и в день седьмой постирает одежду, сам вымоется в воде живой, а потом придет к городу, где храм.

Никакой прокаженный и безумный не придут к нему, пока не очистятся.

...

Никакая нечистая птица не может находиться внутри Моего храма, когда Я в нем.

...

Посвятят храм Мой, будут бояться Моего храма, в котором Я.

...

Устрой для жителей особые места, чтобы выходить наружу к северо-западу от города. Там строенья, корыта и ямы, в которых кал. Пусть они спускаются внутрь, и не будет их видно от города вдаль на три тысячи локтей.

...

В городе храм Мой будет светел и чист. Все, что в нем, будет чистое. Все, что придет в него, будет чистое. Вино и масло и пища будут чистые. Шкуры чистого скота, которые в иных городах, не принесут в него, ибо в городах будут трудиться над ними, а в город, где храм Мой, пусть не несут.

...

Не оскверните города, где Я поселился в храме имени Моего, ибо в шкурах приносят вино и масло и пищу в город, где храм. Пусть же не оскверняют храма Моего шкурами вознесения и мерзостями, возносимыми в чуждых странах.

Итак, Я очищу шкуры: в храме Моем очистит храм Мой, а в городах иных очистят эти города. Вся чистота храма - в шкурах. Приносите их, но не оскверните Моего храма и города шкурами мерзости.

Законы о пище

Баклан, аист, цапля с ее породой, удод и летучая мышь, а также все насекомые, которые летают - они мерзость для вас.

А вот летающие насекомые, которых есть вы будете: саранча с ее породой, сверчок с его породой и кузнечик с его породой - их вы будете есть, у которых колени вверх, чтобы прыгать по земле или летать крыльями.

Всякую падаль, птицу и скот, не ешьте, а продавайте иноверцу. Скверное не ешьте, ибо ты народ святой Яхве, Богу твоему, сыны вы Яхве, Богу вашему.

Законы о мертвых

Себя не царапайте, не выбривайте между глазами мертвого и царапину души не изображайте на плоти вашей. Надпись татуировкой на себе не пишете, ибо вы святой народ Богу своему Яхве.

Страны своей не оскверняйте. Того, что другие народы, не делайте: они хоронят мертвых повсюду, даже внутри домов. Но вы отделите области в стране вашей и там, меж четырех городов устройте места для похорон.

Если человек умрет в вашем городе, дом, в котором мертвый, будет осквернен семь дней. Все, кто в доме, и все, приходящие в дом, будут нечисты, и нечистой семь дней будет любая пища. Все орудия будут оскверненными, и все, что при них, будет нечистым. А в день, когда унесут мертвого, пусть подметут дом, очистят его от грязи масляной, винной и водной, стены и двери пусть скребут, замки, косяки, пороги и притолоки вымоют водой - в день, когда унесут мертвого - и очистят дом и все орудия, и веялку и ступу, все орудия из дерева, железа и меди.

Теперь все орудия, которые есть у них - чистые, одежда, мешки и кожи выстираны. Каждый, бывший в доме, и все, в дом приходящие, пусть вымоются водою. Одежды они выстирают в первый день, а на третий день пусть льют на них воду и моются. В седьмой же день пусть льют на них воду вторично, вымоют и выстирают одежды и вещи и к вечеру очистятся от мертвого.

Человек, коснувшийся в открытом месте костей убитого мечем или мертвеца или его крови или гроба, пусть совершит очищение. Если же не совершит, как требует закон этого учения, скверен он, и скверна его на нем. Всякий, кто коснется его, пусть выстирает одежду и вымоется, и к вечеру он чист.

Если женщина беременна, и умрет дитя ее, то будет она скверна как гроб. Осквернится любой дом, в который она войдет, и каждый, кто коснется ее, нечист до вечера, а войдет с ней внутрь дома - скверен семь дней. Пусть он постирает одежду и вымоется в день первый, в третий день пойдет, постирает одежду и вымоется и в день седьмой опять постирает одежду и вымоется, и взошло солнце, и он чист.

Вы же осквернитесь от всякой твари земли: от землеройки, от мыши, от черепахи с ее породой, от ящерицы, варана и филина осквернится любой, кто коснется их. А когда они мертвы, все что из них исходит - скверна для вас. Всякий, кто в смерти от них осквернится, до вечера постирает одежду, вымоется водою, и взойдет солнце - и он чист. Носивший же кости и части трупов - кожу, мясо и когти - пусть выстирает одежду и вымоется водою, и взошло солнце, и он чист.

Предупредите всех сыновей Израиля об этих сквернах, да не осквернятся теми, о которых я говорю в Моем учении, не осквернятся, ибо Я, Яхве, нахожусь среди сыновей Израиля. Вы их освятите, да будут святыми и не осквернятся души их - тех, кого Я отделил от скверны, да будут они святыми.

Закон о суде

Судей и стражников Я даю тебе. У всех ворот суди народ честным судом. Не смотри на лица, не бери взятку, не отводи суда. Ибо взятка отводит суд, извращает прямые слова, ослепляет глаза мудрых и оскверняет честных. Наследовал ты землю, данную Мною навсегда, а взятку берущий и честный суд отводящий да будет убит, и вы не уклоняйтесь от его казни.

О путях поклонения

Не поступайте в вашей стране, как другие народы. Они воскуряют, устраивают дубравы, возводят статуи, возносят богам резные камни и им кланяются. А ты не сажай дубравы и дерева у моего алтаря и не ставь статуи или камня резного, который Я ненавижу, этого ты не делай в стране своей.

Не воскуряй Мне телки, в которой порок, ибо мерзость она. Не воскуряй мне телки и козы, имеющих во чреве, ибо они Мне мерзость. Телку и плод ее не возноси в один день и не закалывай мать на помосте.

Каждого первенца, который родится среди твоего скота, посвятишь Мне. Не будешь работать на первенце среди твоих быков, не острижешь первенца среди твоих овнов. Не заградишь рта волу, молотящему зерно, не будешь пахать волом и ослом. Не вознесешь во храме Моем гнилое мясо.

Все, о чем Я повелеваю, не прибавь к нему и не убавь.

Законы об отступничестве

Если восстанет у тебя пророк или сновидец и даст тебе знак и свидетельство и скажет так: пойдём, поклонимся иным богам, которых вы не знали, не слушайте слов пророка и того, что говорил сновидец, ибо Я свидетель, любите ли вы Яхве, Бога своих предков всем сердцем и всей душой. Яхве, Богу вашему будете следовать и поклоняться, Его бояться, Его слушать, Ему верить, а пророка и сновидца убейте, ибо грешное слово сказал он о Боге твоём Яхве, который вывел тебя из Египта, выкупил из дома рабства, он сбил тебя с дороги, по которой велел идти Я, и так ты выжжешь у себя всякое зло.

Если ты услышишь, что в таком-то городе появились люди, сыны Велиала, и вывели из города всех поселенцев, говоря: пойдём, послужим богам, которых вы не знаете, и ты спросишь и хорошо исследуешь - да, все так, сделана мерзость во Израиле - и ты перебьёшь всех поселенцев, истребишь их самих и их скот, соберёшь имущество и сожжешь в огне весь город. Он станет вечным холмом, который вновь не отстроится. К твоей же руке да не пристанет ничто из взятого, чтобы Я мог отвратиться от гнева.

Предкам твоим говорил Я: если послушаешь голоса Моего и исполнишь все предписания, которые даю тебе сегодня, будет тебе хорошо перед Яхве, Богом твоим.

А когда найдешь у своих ворот мужчину или женщину, которые делают злое дело, отступили от завета, пошли к другим богам поклониться - солнцу, луне, всему войску небес - а ты это слышал, расспрашивал, исследовал, и вот - это правда, истина, была сделана эта мерзость в Израиле - возьмешь тогда того мужчину или женщину и побьёшь камнями.

Ты будешь ходить к левитам или судьям тех дней, расспрашивая о том, с чем пришел. И они определят тебе суд, и ты сделаешь по их учению, ибо скажут тебе из книги учения, с того места, где Я установил Свое имя. И ты сделаешь все, что тебе скажут, по объявленному суду и не отойдешь от учения, которое говорит о правом и левом. А человек, который не послушает и сделает по произволу, дабы не внимать стоящему передо Мною иерею или судье - он умрет, и ты выжжешь зло во Израиле, и весь народ узнает и не будет делать зло по произволу.

Законы о царе

Ты придешь в землю, которую даю тебе, будешь жить в ней и скажешь: поставлю царя над собою, как вокруг у всех народов. И выберешь царя, выберешь его из братьев, поставишь царя - не чужого человека, который тебе не брат, но не будет у него множества коней и не вернет он народ воевать в Египет, чтобы добыть много коней, серебра и золота.

Так Я говорю тебе: не будет у него женщин, которые растлят его сердце, серебра и золота не будет много, будет сидеть на троне царства, и будут писать ему учение это иереи в книги.

Вот учение, которое напишут ему иереи, в день, когда посвятят его сыны Израиля от двадцати до шестидесяти лет, по знаменам их, по их главам, начальники тысяч, сотен, пятидесятков и десятков во всех городах.

И он выберет себе из них по тысяче от колена - быть с ним двенадцати тысячам воинов, которые его одного не оставят и вступят в сражение с иноверцами. Все эти избранные будут людьми правды, боящимися Бога, ненавидящими беззаконие, смелыми на войне. Они будут с ним всегда - день и ночь, они будут охранять его от чужих народов. И с ним также двенадцать вождей народа, от иереев двенадцать и от левитов двенадцать, которые будут заседать с ним в суде и ради учения, и не возвысится над ними его сердце.

А жену он возьмет не из дочерей иноверцев, из дома своего отца возьмет супругу, из семьи отца, и не возьмет жену другую, только она будет с ним во все дни его жизни. Если же эта умрет, тогда возьмет себе другую из дома отца своего.

А когда узнает царь о народе, который захочет нанести вред Израилю, то пошлют с ним одну десятую часть войска выйти на войну, против врагов, и они с ним выйдут. Если же идет большой народ на землю Израиля, пошлют одну пятую часть воителей. Если же во главе того народа царь с колесницами и конными и людей много, пошлют с нашим царем треть воинов, а две трети останутся стеречь города и границы, чтобы отряд врагов не прошел внутрь страны. И даже если усилится война и пошлют с ним половину народа, то другая половина городов своих не оставит.

Когда же победят врагов, сокрушат, поразят до истребления, то возьмут добычу и дадут царю десятую часть, иереям - одну часть из тысячи и левитам - одну сотую всего взятого, а оставшееся разделят меж воинами и их братьями, которых оставили в городах на страже.

Если же царь пойдет на войну и с ним пятая часть войска - все люди воинственные, герои-воины, которые сторонятся грешных дел, и вины, и греха - то до выхода иерея великого, до вопрошания урим и туммим, все происходит по слову царя, а сыны Израиля, которые с ним, составят совет сердца до того времени, когда обратится он к суду урим и туммим.

А ныне израильяне в странах врагов своих стонут, вопят от тяжкого ига, зовут и не слышу, плачут и не отвечаю из-за злых дел их. Спрячу от них лицо Свое - станут добычей пожара и грабежа, и нет спасителя их от зла. Они нарушили завет со Мною и Мое учение, осквернилась душа их, они всей виной виноваты.

Но потом обратятся они ко Мне всем сердцем и всей душою, ибо от рук врагов спас Я их по словам этого учения, Я выкупил их из длани ненавидящих, привел их в землю отцов, выкупил, размножил и радовался за них, был Я им Богом, а они Мне - народом.

Для царя же, у коего глаза и сердце отступили от Моих приказаний, не найдется потомка на троне предков, ибо навсегда будет отвергнуто его потомство от правления Израилем. Если же пойдет по моим законам, сохранит мои приказания, праведно поступать будет, то никогда не отвергнется сын его, сидящий на троне царства Израиля. И Я буду с ним и спасу его от руки недругов, от тех, кто требовал души его. Я буду править по желанию его - враги его не будут им править, я установлю его вверху, а не внизу, сделаю головой, а не хвостом, он будет на царстве своем много дней, а следом - его сыновья.

Законы о войне

Ты приходишь в страну, которую Я даю тебе. Не учишь делать мерзости иных народов. Да не окажутся в твоей среде проводящий сына или дочь сквозь огонь, показывающий чудеса, чародей и колдун, черный маг и вызывающий мертвых, ибо мерзость в глазах Моих всякий, кто это творит.

Если придешь к городу, чтобы с ним воевать, и призовешь его к миру, и если тебе ответят и откроют, то весь народ, который в нем, будет платить тебе дань. А если не заключит с тобою мира, начнет воевать, и ты победишь, Я Сам отдам тебе город тот. Ты истребишь в нем всех мужчин, там останутся женщины, дети и скот, а ты разграбишь и съешь добычу врагов, которую Я тебе дал.

Так ты поступишь с городами, которые далеко. Это не из городов народов здешних, они из городов тех народов, которые Я даю тебе во владение. А ты завоеешь хеттов, аморреев, ханаанеев и хевеев, иевусеев, гиргашаев и презеев, как Я тебе приказал. И ты не учишь тем мерзостям, которые они творят ради своих богов.

О пленной красавице

Если ты шел на войну с врагами, и Я отдал их в твои руки, а ты в плену увидел красавицу и в жены ее пожелал, приведи ее в дом твой, обрежь ей голову, обрежь у ней ногти и с ними с нее знаки плена. И пусть сидит месяц, плача об отце с матерью. А после придешь к ней как муж, и будет тебе женою.

О преступниках

Если у человека сын непокорный, который не слушает отца и матери, и обратятся к нему со словами, а он не послушает, то схватят его отец и мать и выведут его к старшим в городе, к воротам и скажут: вот наш сын непокорный, не слушает нашего голоса, только жрет и пьянствует, и закидают люди города его камнями. Он умрет, а ты выжжешь зло, и все сыны Израиля услышат и будут бояться.

Доносчик, который считает свой народ за чужой и творит зло, умрет по слову двух свидетелей, а по слову трех свидетелей будет повешен на древе и умрет.

Если убийца сбежит к чужим и проклянет свой народ - сынов Израиля, повесьте и его на древе. Он умрет, и не будет его мертвое тело висеть на древе ночь, в тот же день похороните его. Ибо прокляты Богом висащие на древе, а ты не осквернишь землю, которую Я даю тебе во владение.

Найденный скот, гнездо птицы и новый дом

Не будешь смотреть, как блуждает вол или овца, или осел брата твоего. Вернешь их брату. Если же брат твой не близко, не нашел ты его, будут у тебя, пока он не потребует.

...

Если найдешь гнездо птицы на дереве или на земле, и там птенцы или яйца и с ними мать, не будешь брать матери и птенцов. Прогонишь мать, а птенцов возьмешь, чтобы было тебе хорошо и чтоб жил ты долгие годы.

...

Если выстроишь новый дом, сооруди перила на крыше, и не будет крови на доме твоём, ибо никто с него не упадет.

О женщинах

Если взял человек женщину и был ей мужем, но невлюбил ее и сделал ей дурное имя, говоря: приблизился я к ней, но не нашел у ней девства, тогда отец или мать той женщины возьмут ее к старшим, которые сидят у ворот. И скажет ее отец старшим: дочь мою выдал я замуж за этого человека, но он не любил ее и сказал о ней дурно, что не нашел он у моей дочери девственности. И возьмут старшие в городе того человека, схватят его и накажут, а сто сребреников отдадут отцу, ибо тот сделал дурное имя деве Израиля.

Не возьмет человек жены отца своего, не возьмет жены брата, сына отца или матери, ибо нечиста она для него. Не возьмет человек сестры своей, дочери отца или матери, ибо нечиста она. Не возьмет человек сестры отца или сестры матери, ибо она мерзость. Не возьмет человек дочери брата или сестры, ибо нечиста она ему.

Примечания

(Устав войны. Раздел "О началах и сроках"). Пятьдесят два - двенадцать старших священников и столько же старших левитов, первосвященник, его заместитель и двадцать шесть глав семейств (чред), по числу недель в солнечном году из 364-х дней. Есеевский год отличался от общепринятого в Иудее.

Оставшиеся годы - из 49-летнего юбилейного цикла одно семилетие целиком субботнее и в счет не идет. Из сорока двух лет шесть - субботние годы семилетних периодов. Один год - лето от Бога определенное для священной войны. Остается 35 лет: шесть на подготовку, по десять на войны против потомков Хама и Иафета, а на Сима отведено девять лет, так как сам Израиль и есть десятый народ из его потомков.

(Раздел "Правило о том, как встать в передовой строй"). Врата брани - промежуток в развернутом строе фаланги, через который колоннами выходят отряды из задних рядов.

(Раздел, начало которого утрачено). Тьма - "десять тысяч", военный отряд, приблизительно эквивалентный римскому легиону. В войске сынов света он состоял из четырех тысяч пеших и восьмисот конных.

(Храмовый свиток. К разделу "Пасха" и далее). Согласно И. Ядину, праздники проходят в следующем календарном порядке. Первый день года - среда. Пасха - 14-й день первого месяца. Возношение снопа ячменя - 26-го, того же месяца, воскресенье. Возношение снопа пшеницы - 15-го, третьего месяца; первое вино - 3-го, пятого месяца; первое масло - 22-го, шестого месяца, все по воскресеньям. Жертва деревьев - с 23-го по 30-е шестого месяца, с пропуском субботы. Новый год - 1-й день седьмого месяца. Судный день - 10-е седьмого месяца. С 15-го по 22-е того же месяца - праздник кущей.

Словом мера я везде перевожу эсрон, когда речь идет о муке, и гин, говоря о вине и масле. Эсрон равнялся приблизительно 4.5 гин - 6.5 литра.

Многоточиями отмечены места, где разрушенный текст препятствует связному переводу.

4QpHab 9, Пешер Хаввакук (Кумран), кол. 9

IX

- 1 ¹⁴⁹. поразить его (?) ¹⁵⁰ судом нечестия ¹⁵¹, и ужасы ¹⁵² болезней ¹⁵³
2. злых наслали они на него и месть учинили над его плотью ¹⁵⁴. А относительно того, что
3. он сказал: «За то, что ты грабил многие народы, и тебя будут грабить все
4. остальные народы» (2 : 8), — имеются в виду последние ¹⁵⁵ священники Иерусалима,
5. которые собирают ¹⁵⁶ богатства и добычу из награбленного у народов,
6. но в конце дней ¹⁵⁷ их богатство вместе с их добычей будет отдано в руки
7. воинства киттиев ¹⁵⁸, ибо (именно) они являются «остальными народами».
8. «За кровь человеческую, за насилие над ст[ра]ной, городом ¹⁵⁹ и над всеми жителями» (2 : 8) ¹⁶⁰.
9. Толкование этого: (это относится) к Не[че]стивому священнику, которого за вину (перед) Учителем
10. праведности ¹⁶¹ и людей его общины Бог предал в ру[ки] вра[гов] его, чтобы истязать его
11. мукой и изнурить в горестях души ¹⁶² за то, что он учинил нечестие
12. над избранником Его ¹⁶³. «Горе тому, кто нечестную добычу ¹⁶⁴ добывает [для до]ма своего, (кто стремится) поместить
13. высоко гнездо свое, чтобы спастись ¹⁶⁵ [от] злой длани (2 : 9). Навлек ты ¹⁶⁶ позор ¹⁶⁷
14. на дом свой, учинил резню многих наро[дов] и (стал ты) грешником перед (собственной) душой (2 : 10) ¹⁶⁸. Ибо
15. ка[мень из] стены возопиет ¹⁶⁹ [и] деревянная балка ¹⁷⁰ будет вторить ему» (2 : 11)
16. [Толкование этого: это относится] к [священник]у, который. . .

4QpNah 2-4 (cf. 4QpIsac 23 ii 10-11), Пешер Нахум (Кумран), кол. 2-4

.....] обиталище нечестивцев (из иноплеменных) народов. «Куда ходил лев, львица, львенок [и никто] [(их) не устрашает» (II, 12). Толкование этого: (это относится) к Деметрию, царю Явана, который вознамерился войти в Иерусалим по совету ищущих раздоров. [.....] царей Явана от Аптноха до появления правителей киттиев, а затем будет попорана [страна].

«Лев терзает для потребности детенышей своих и душит ради львиц своих добычу» (II, 13). [Толкование этого:] (это относится) к льву ярости, который бьет (или: поражает) своих великих и людей его совета. [.....].

[«И он наполняет добычею] нору (свою?) и логовище свое стервятиною» (II, 13b). Толкование этого: (это относится) к льву ярости, который учинил ме]сть (или: смерть) над (или: среди) ищущих раздоров, который вешает живых (или: живьем) людей, [то, что не делалось] в Израиле прежде.

Ибо о живом (человеке), повешенном [на дереве гово]рится (или: [будет восклик]нуто): «Вот я на те[б]я ... говорит Яхве воинств. Ибо сожгу в дыму] твою [множество] и меч пожрет твоих львят и искоре[ню с лица земли хи]щничество» (II, 14) [Толкование этого] - «и множество твою» это полчища (банды) войска его [.....], «а его львята» - они [.....], «а его добыча» - это богатство, которое соб[рали жрец]ы Иерусалима, которые(й?) [..... Э]фраим будет отдан Израиль [...].

...«А его вестники» - это его послы, голос которых не будет больше слышен среди народов. «О, город крови, весь он полон [обмана и грабежа]» (III, 1). Толкование: это город Эфраима, ищущие раздоров в конце дней, которые в обмане и лжи [рас]хаживают.

«Не прекращается (в нем) злодейство, слышны (хлопанье) бича и грохот колес, скачут лошади и подпрыгивают колесницы, несутся всадники, сверкают <мечи > и блестят копья, и множество пронзенных, груды тел и нет конца трупам, и спотыкаются о них» (III, 2-3). Толкование этого (относится) к власти ищущих раздоров, в общине которых беспрестанно иноземный меч, (не прекращаются) пленение, грабеж, а также разжигание междоусобной борьбы, уход в изгнание из страха перед врагом и множество трупов вины к падает в их дни, и нет конца количеству их трупов, они даже спотыкаются о них в их преступном совете.

«Из-за множества блудодеяш развратницы приятной наружности, искусной в чародействах, продающей народы блудом своим и [чара]ми своими - племена» (III, 4). Толкование [этого (относится)] к вводящим в заблуждение Эфраим, которые своим ложным учением, языком обмана и устами коварства вводят в заблуждение многих; цари, начальники, священники, народ вместе с присоединившимся чужеземцем, города и роды гибнут из-за их совета, з[на]тные и прави[тели] станут жертвой [дер]зостп их языка.

«Вот я к тебе (обращусь), говорит Яхве Воинств, и обнажу края одежд [твоих] (и подниму их) на твое лицо, покажу народам наготу [твою], царствам - позор твой» (III, 5). Толкование этого

.....
..... города Востока, ибо пола..... народы нечистотой своей, [сквер]ной их мерзостей.

«И заброшу тебя мерзостями, и опозорю тебя, и сделаю тебя уродливой, и каждый, кто на тебя посмотрит, отшатнется от тебя» (III, 7а). Толкование этого (относится) к ищущим раздоров, скверные деяния которых будут в конце периода (или: срока) раскрыты всему Израилю, и многие поймут их вину, и возненавидят их, и будут они им отвратительны за дерзкие их преступления. И когда откроется слава Иуды, в отдалятся простецы Эфраима от их собрания и покинут вводящих их в заблуждение, и присоединятся к Израилю.

«И скажет: Опустошена Ниневия. Кто выразит ей сожаление? Где я найду утешителей для тебя?» (III, 7). Толкование этого (относится) [к] ищущим раздоров, совет которых погибнет, собрание их будет рассеяно, и не будут они более вводить в заблуждение народ, и простецы не станут более поддерживать их совет.

«Разве ты лучше Но-Ам[она, расположенного между] потоками?» (III, 8). Толкование этого: «Амон» - это Менаше, а «потоки» - великие Менаше, знатные

«Вода вокруг него, оплот его - море и стены его - вода» (III, 8). [Тол]кование этого: они - его воины, могущественные люд[и во]йны. «Куш (Эфиопия) - сила [и Египет без предела]» (III, 9)[«Пут и Ливийцы пришли тебе на помощь»] (III, 9). Толкование этого: они - нечестивцы его [войска], дом Пелега, присоединившийся к Менаше.

«Но и он в изгнании, по [шел в плен, и] младенцы его (зверски) умерщвляются к на углах (перекрестках) всех улиц, судьба знатных его решается жребием, и велики[е его скованы] цепями» (III, 10). Толкование этого (относится) к Менаше в последний период, когда унижится и власть его в Израиле..... жены его, младенцы и дети его уйдут в плен, его воины и знатные (будут) мечом [.....]

«Также и ты опьянеешь] и станешь бессильной» (III, 11). Толкование этого (относится) к нечестивцам Эфраима чаша которых решится вслед за Менаше

[«И ты будешь искать] защиты от неприятеля в укрепленном городе» (III, 11). Толкование этого (относится) к Враги их в городе [.....]

«Все крепости твои] (подобны) смоковницам с [первинками (зрелыми)]

Филон Александрийский, Об аллегорической интерпретации священных законов 1.62

Хотя главенствующий элемент моей личности (nous) и находится в настоящий момент внутри моего тела, на другом уровне он может пребывать, если помышляет об этих странах, в Италии или Сицилии, или на небесах – если на них он сосредоточен. И потому нередко случается, что люди, которые телесно присутствуют в местах профанных, фактически пребывают в сферах наиболее сакральных. И наоборот, другие, у которых во время посещения святынь помыслы блуждают вослед греховному и грубым впечатлениям, оказываются по существу в области профанного.

Philo, *Legum Allegoriarum* 1.62

At the present moment my ruling part is in substance in my body, but virtually in Italy or Sicily, when it is pondering on these countries, as in heaven, when it is contemplating heaven. Thus it frequently happens that individuals who are bodily in profane spots are in reality in most sacred ones, while, on the other hand, others who are in holy shrines are in thought profane, through its taking on inclinations toward evil and base impressions.

Филон Александрийский, *О специальных (детальных) законах* 1.287–288

Благодарная душа мудреца, исполненная совершенных добродетелей и отличающаяся избавленной от внутреннего надлома целостностью – вот что есть полинный алтарь Бога. Именно на этом алтаре вечно поддерживается горение неугасимого огня, свет которого есть мудрость – в противоположность тьме глупости. Ибо как свет видимый позволяет глазу воспринимать физические тела, так свет знания позволяет размышлять о вещах бесплотных и интеллигибельных; свет этот сияет вечно, никогда не угасая и ослабевая.

Philo, *De Specialibus Legibus* 1.287–288

The true altar of God is the thankful soul of the sage, compacted of perfect virtues unsevered and undivided, for no part of virtue is useless. On this altar the sacred light is ever kindled and maintained unextinguished, and the light of thought is wisdom, just as on the contrary darkness of the soul is folly. For what sensible light is to the eyes with regard to the apprehension of bodies, knowledge is to reasoning in respect to contemplation of things incorporeal and intelligible, and its light shines forever, never dimmed or extinguished.

Послание к Галатам, 4

1 Еще скажу: наследник, доколе в детстве, ничем не отличается от раба, хотя и господин всего: 2 он подчинен попечителям и домоправителям до срока, отцом [назначенного]. 3 Так и мы, доколе были в детстве, были порабощены вещественным началам мира; 4 но когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего (Единородного), Который родился от жены, подчинился закону, 5 чтобы искупить подзаконных, дабы нам получить усыновление. 6 А как вы - сыны, то Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего: "Авва, Отче!" 7 Посему ты уже не раб, но сын; а если сын, то и наследник Божий через Иисуса Христа. 8 Но тогда, не зная Бога, вы служили [богам], которые в существе не боги. 9 Ныне же, познав Бога, или, лучше, получив познание от Бога, для чего возвращаетесь опять к немощным и бедным вещественным началам и хотите еще снова поработить себя им? 10 Наблюдаете дни, месяцы, времена и годы. 11 Боюсь за вас, не напрасно ли я трудился у вас. 12 Прошу вас, братия, будьте, как я, потому что и я, как вы. Вы ничем не обидели меня: 13 знаете, что, [хотя] я в немощи плоти благовествовал вам в первый раз, 14 но вы не презрели искушения моего во плоти моей и не возгнущались [им], а приняли меня, как Ангела Божия, как Христа Иисуса. 15 Как вы были блаженны! Свидетельствую о вас, что, если бы возможно было, вы исторгли бы очи свои и отдали мне. 16 Итак, неужели я сделался врагом вашим, говоря вам истину? 17 Ревнуют по вас нечисто, а хотят вас отлучить, чтобы вы ревновали по ним. 18 Хорошо ревновать в добром всегда, а не в моем только присутствии у вас. 19 Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос! 20 Хотел бы я теперь быть у вас и изменить голос мой, потому что я в недоумении о вас. 21 Скажите мне вы, желающие быть под законом: разве вы не слушаете закона? 22 Ибо написано: Авраам имел двух сынов, одного от рабы, а другого от свободной. 23 Но который от рабы, тот рожден по плоти; а который от свободной, тот по обетованию. 24 В этом есть иносказание. Это два завета: один от горы Синайской, рождающий в рабство, который есть Агарь, 25 ибо Агарь означает гору Синай в Аравии и соответствует нынешнему Иерусалиму, потому что он с детьми своими в рабстве; 26 а вышний Иерусалим свободен: он - мать всем нам. 27 Ибо написано: возвеселись, неплодная, нерождающая; воскликни и возгласи, не мучившаяся родами; потому что у оставленной гораздо более детей, нежели у имеющей мужа. 28 Мы, братия, дети обетования по Исааку. 29 Но, как тогда рожденный по плоти гнал [рожденного] по духу, так и ныне. 30 Что же говорит Писание? Изгони рабу и сына ее, ибо сын рабы не будет наследником вместе с сыном свободной. 31 Итак, братия, мы дети не рабы, но свободной.

Послание к Евреям, 12:18–24

18 Вы приступили не к горе, осязаемой и пылающей огнем, не ко тьме и мраку и буре, 19 не к трубному звуку и гласу глаголов, который слышавшие просили, чтобы к ним более не было продолжаемо слово, 20 ибо они не могли стерпеть того, что заповедуемо было: если и зверь прикоснется к горе, будет побит камнями (или поражен стрелою); 21 и столь ужасно было это видение, [что и] Моисей сказал: "я в страхе и трепете". 22 Но вы приступили к горе Сиону и ко граду Бога живаго, к небесному Иерусалиму и тьмам Ангелов, 23 к торжествующему собору и церкви первенцев, написанных на небесах, и к Судии всех Богу, и к духам праведников, достигших совершенства, 24 и к Ходатаю нового завета Иисусу, и к Крови кропления, говорящей лучше, нежели Авелева.

Евангелие от Матфея, 5:33-37

33 Еще слышали вы, что сказано древним: не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои. 34 А Я говорю вам: не клянись вовсе: ни небом, потому что оно престол Божий; 35 ни землею, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя; 36 ни головою твоею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным. 37 Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого.

Евангелие от Матфея, 23:37-39

37 Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели! 38 Се, оставляется вам дом ваш пуст. 39 Ибо сказываю вам: не увидите Меня отныне, доколе не воскликнете: благословен Грядый во имя Господне!

Евангелие от Луки, 13:31-35

31 В тот день пришли некоторые из фарисеев и говорили Ему: выйди и удались отсюда, ибо Ирод хочет убить Тебя. 32 И сказал им: пойдите, скажите этой лисице: се, изгоняю бесов и совершаю исцеления сегодня и завтра, и в третий [день] кончу; 33 а впрочем, Мне должно ходить сегодня, завтра и в последующий день, потому что не бывает, чтобы пророк погиб вне Иерусалима. 34 Иерусалим! Иерусалим! избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать чад твоих, как птица птенцов своих под крылья, и вы не захотели! 35 Се, оставляется вам дом ваш пуст. Сказываю же вам, что вы не увидите Меня, пока не придет время, когда скажете: благословен Грядый во имя Господне!

Евангелие от Марка, 13

1 И когда выходил Он из храма, говорит Ему один из учеников его: Учитель! посмотри, какие камни и какие здания! 2 Иисус сказал ему в ответ: видишь сии великие здания? все это будет разрушено, так что не останется здесь камня на камне. 3 И когда Он сидел на горе Елеонской против храма, спрашивали Его наедине Петр, и Иаков, и Иоанн, и Андрей: 4 скажи нам, когда это будет, и какой признак, когда все сие должно совершиться? 5 Отвечая им, Иисус начал говорить: берегитесь, чтобы кто не прельстил вас, 6 ибо многие придут под именем Моим и будут говорить, что это Я; и многих прельстят. 7 Когда же услышите о войнах и о военных слухах, не ужасайтесь: ибо надлежит [сему] быть, - но [это] еще не конец. 8 Ибо восстанет народ на народ и царство на царство; и будут землетрясения по местам, и будут глады и смятения. Это - начало болезней. 9 Но вы смотрите за собою, ибо вас будут предавать в судилища и бить в синагогах, и перед правителями и царями поставят вас за Меня, для свидетельства перед ними. 10 И во всех народах прежде должно быть проповедано Евангелие. 11 Когда же поведут предавать вас, не заботьтесь наперед, что вам говорить, и не обдумывайте; но что дано будет вам в тот час, то и говорите, ибо не вы будете говорить, но Дух Святой. 12 Предаст же брат брата на смерть, и отец - детей; и восстанут дети на родителей и умертвят их. 13 И будете ненавидимы всеми за имя Мое; претерпевший же до конца спасется. 14 Когда же увидите мерзость запустения, реченную пророком Даниилом, стоящую, где не должно, - читающий да разумеет, - тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы; 15 а кто на кровле, тот не сходи в дом и не входи взять что-нибудь из дома своего; 16 и кто на поле, не обращай назад взять одежду свою. 17 Горе беременным и питающим сосцами в те дни. 18 Молитесь, чтобы не случилось бегство ваше зимою. 19 Ибо в те дни будет такая скорбь, какой не было от начала творения, которое сотворил Бог, даже донныне, и не будет. 20 И если бы Господь не сократил тех дней, то не спаслась бы никакая плоть; но ради избранных, которых Он избрал, сократил те дни. 21 Тогда, если кто вам скажет: вот, здесь Христос, или: вот, там, - не верьте. 22 Ибо восстанут лжехристы и лже-

пророки и дадут знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных. 23 Вы же берегитесь. Вот, Я наперед сказал вам все. 24 Но в те дни, после скорби той, солнце померкнет, и луна не даст света своего, 25 и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются. 26 Тогда увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках с силою многою и славою. 27 И тогда Он пошлет Ангелов Своих и соберет избранных Своих от четырех ветров, от края земли до края неба. 28 От смоковницы возьмите подобие: когда ветви ее становятся уже мягки и пускают листья, то знаете, что близко лето. 29 Так и когда вы увидите то сбывающимся, знайте, что близко, при дверях. 30 Истинно говорю вам: не пройдет род сей, как все это будет. 31 Небо и земля прейдут, но слова Мои не пройдут. 32 О дне же том, или часе, никто не знает, ни Ангелы небесные, ни Сын, но только Отец. 33 Смотрите, бодрствуйте, молитесь, ибо не знаете, когда наступит это время. 34 Подобно как бы кто, отходя в путь и оставляя дом свой, дал слугам своим власть и каждому свое дело, и приказал привратнику бодрствовать. 35 Итак бодрствуйте, ибо не знаете, когда придет хозяин дома: вечером, или в полночь, или в пение петухов, или поутру; 36 чтобы, придя внезапно, не нашел вас спящими. 37 А что вам говорю, говорю всем: бодрствуйте.

Евангелие от Матфея, 24

1 И выйдя, Иисус шел от храма; и приступили ученики Его, чтобы показать Ему здания храма. 2 Иисус же сказал им: видите ли все это? Истинно говорю вам: не останется здесь камня на камне; все будет разрушено. 3 Когда же сидел Он на горе Елеонской, то приступили к Нему ученики наедине и спросили: скажи нам, когда это будет? и какой признак Твоего пришествия и кончины века? 4 Иисус сказал им в ответ: берегитесь, чтобы кто не прельстил вас, 5 ибо многие придут под именем Моим, и будут говорить: "Я Христос", и многих прельстят. 6 Также услышите о войнах и о военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть, но это еще не конец; 7 ибо восстанет народ на народ, и царство на царство; и будут глады, моры и землетрясения по местам; 8 все же это - начало болезней. 9 Тогда будут предавать вас на мучения и убивать вас; и вы будете ненавидимы всеми народами за имя Мое; 10 и тогда соблазняются многие, и друг друга будут предавать, и возненавидят друг друга; 11 и многие лжепророки восстанут, и прельстят многих; 12 и, по причине умножения беззакония, во многих охладет любовь; 13 претерпевший же до конца спасется. 14 И проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец. 15 Итак, когда увидите мерзость запустения, реченную через пророка Даниила, стоящую на святом месте, - читающий да разумеет, - 16 тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы; 17 и кто на кровле, тот да не сходит взять что-нибудь из дома своего; 18 и кто на поле, тот да не обращается назад взять одежды свои. 19 Горе же беременным и питающим сосцами в те дни! 20 Молитесь, чтобы не случилось бегство ваше зимою или в субботу, 21 ибо тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира доныне, и не будет. 22 И если бы не сократились те дни, то не спаслась бы никакая плоть; но ради избранных сократятся те дни. 23 Тогда, если кто скажет вам: вот, здесь Христос, или там, - не верьте. 24 Ибо восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных. 25 Вот, Я наперед сказал вам. 26 Итак, если скажут вам: "вот, [Он] в пустыне", - не выходите; "вот, [Он] в потаенных комнатах", - не верьте; 27 ибо, как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого; 28 ибо, где будет труп, там соберутся орлы. 29 И вдруг, после скорби дней тех, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются; 30 тогда явится знамение Сына Человеческого на небе; и тогда восплачутся все племена земные и увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою; 31 и пошлет Ангелов Своих с трубою громогласною, и соберут избранных Его от четырех ветров, от края небес до края их. 32 От смоковницы возьмите подобие: когда ветви ее становятся уже мягки и пускают листья, то знаете, что близко лето; 33 так, когда вы увидите все сие, знайте, что близко, при дверях. 34 Истинно говорю вам: не пройдет род сей, как все сие будет; 35 небо и земля прейдут, но слова Мои не пройдут. 36 О дне же том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные, а только Отец Мой один; 37 но, как было во дни Ноя, так будет и в пришествие Сына Человеческого: 38 ибо, как во дни перед потопом ели, пили, женились и выходили замуж, до того дня, как вошел Ной в ковчег, 39 и не думали, пока не пришел потоп и не истребил всех, - так будет и пришествие Сына Человеческого; 40 тогда будут двое на поле: один берется, а другой оставляется; 41 две мелющие в жерновах: одна берется, а другая оставляется. 42 Итак бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь ваш

придет. 43 Но это вы знаете, что, если бы ведал хозяин дома, в какую стражу придет вор, то бодрствовал бы и не дал бы подкопать дома своего. 44 Потому и вы будьте готовы, ибо в который час не думаете, придет Сын Человеческий. 45 Кто же верный и благоразумный раб, которого господин его поставил над слугами своими, чтобы давать им пищу во время? 46 Блажен тот раб, которого господин его, придя, найдет поступающим так; 47 истинно говорю вам, что над всем имением своим поставит его. 48 Если же раб тот, будучи зол, скажет в сердце своем: не скоро придет господин мой, 49 и начнет бить товарищей своих и есть и пить с пьяницами, - 50 то придет господин раба того в день, в который он не ожидает, и в час, в который не думает, 51 и рассечет его, и подвергнет его одной участи с лицемерами; там будет плач и скрежет зубов.

Евангелие от Луки, 21:5-38

5 И когда некоторые говорили о храме, что он украшен дорогими камнями и вкладами, Он сказал: 6 придут дни, в которые из того, что вы здесь видите, не останется камня на камне; все будет разрушено. 7 И спросили Его: Учитель! когда же это будет? и какой признак, когда это должно произойти? 8 Он сказал: берегитесь, чтобы вас не ввели в заблуждение, ибо многие придут под именем Моим, говоря, что это Я; и это время близко: не ходите вслед их. 9 Когда же услышите о войнах и смятениях, не ужасайтесь, ибо этому надлежит быть прежде; но не тотчас конец. 10 Тогда сказал им: восстанет народ на народ, и царство на царство; 11 будут большие землетрясения по местам, и глады, и моры, и ужасные явления, и великие знамения с неба. 12 Прежде же всего того возложат на вас руки и будут гнать [вас], предавая в синагоги и в темницы, и поведут пред царей и правителей за имя Мое; 13 будет же это вам для свидетельства. 14 Итак положите себе на сердце не обдумывать заранее, что отвечать, 15 ибо Я дам вам уста и премудрость, которой не возмогут противоречить ни противостоять все, противящиеся вам. 16 Преданы также будете и родителями, и братьями, и родственниками, и друзьями, и некоторых из вас умертвят; 17 и будете ненавидимы всеми за имя Мое, 18 но и волос с головы вашей не пропадет, - 19 терпением вашим спасайте души ваши. 20 Когда же увидите Иерусалим, окруженный войсками, тогда знайте, что приблизилось запустение его: 21 тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы; и кто в городе, выходи из него; и кто в окрестностях, не входи в него, 22 потому что это дни отмщения, да исполнится все написанное. 23 Горе же беременным и питающим сосцами в те дни; ибо великое будет бедствие на земле и гнев на народ сей: 24 и падут от острия меча, и отведутся в плен во все народы; и Иерусалим будет попираем язычниками, доколе не окончатся времена язычников. 25 И будут знамения в солнце и луне и звездах, а на земле уныние народов и недоумение; и море восшумит и возмутится; 26 люди будут издыхать от страха и ожидания [бедствий], грядущих на вселенную, ибо силы небесные поколеблются, 27 и тогда увидят Сына Человеческого, грядущего на облаке с силою и славою великою. 28 Когда же начнет это сбываться, тогда восклонитесь и поднимите головы ваши, потому что приближается избавление ваше.

Книга Деяний, 1, 2, 7

1. 1 Первую книгу написал я [к тебе], Феофил, о всем, что Иисус делал и чему учил от начала 2 до того дня, в который Он вознесся, дав Святым Духом повеления Апостолам, которых Он избрал, 3 которым и явил Себя живым, по страдании Своем, со многими верными доказательствами, в продолжение сорока дней являясь им и говоря о Царствии Божием. 4 И, собрав их, Он повелел им: не отлучайтесь из Иерусалима, но ждите обещанного от Отца, о чем вы слышали от Меня, 5 ибо Иоанн крестил водою, а вы, через несколько дней после сего, будете крещены Духом Святым. 6 Посему они, сойдясь, спрашивали Его, говоря: не в сие ли время, Господи, восстанавлиешь Ты царство Израилю? 7 Он же сказал им: не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти, 8 но вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой; и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли. 9 Сказав сие, Он поднялся в глазах их, и облако взяло Его из вида их. 10 И когда они смотрели на небо, во время восхождения Его, вдруг предстали им два мужа в белой одежде 11 и сказали: мужи Галилейские! что вы стоите и смотрите на небо? Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо. 12 Тогда они возвратились в Иерусалим с горы, называемой Елеон, которая находится близ Иерусалима, в расстоянии субботнего пути. 13 И, придя, вошли в горницу, где и пребывали, Петр и Иаков, Иоанн и Андрей, Филипп и Фома, Варфоломей и Матфей, Иаков Алфеев и Симон Зилот, и Иуда, [брат] Иакова. 14 Все они единодушно пребывали в молитве и молении, с [некоторыми] женами и Мариєю, Материю Иисуса, и с братьями Его. 15 И в те дни Петр, став посреди учеников, сказал 16 было же собрание человек около ста двадцати: мужи братия! Надлежало исполниться тому, что в Писании предрек Дух Святой устами Давида об Иуде, бывшем вожде тех, которые взяли Иисуса; 17 он был сопричислен к нам и получил жребий служения сего; 18 но приобрел землю несправедною мздою, и когда низринулся, расселось чрево его, и выпали все внутренности его; 19 и это сделалось известно всем жителям Иерусалима, так что земля та на отечественном их наречии названа Акелдама, то есть земля крови. 20 В книге же Псалмов написано: да будет двор его пуст, и да не будет живущего в нем; и: достоинство его да примет другой. 21 Итак надобно, чтобы один из тех, которые находились с нами во все время, когда пребывал и обращался с нами Господь Иисус, 22 начиная от крещения Иоаннова до того дня, в который Он вознесся от нас, был вместе с нами свидетелем воскресения Его. 23 И поставили двоих: Иосифа, называемого Варсавою, который прозван Иустом, и Матфия; 24 и помолились и сказали: Ты, Господи, Сердцеведец всех, покажи из сих двоих одного, которого Ты избрал 25 принять жребий сего служения и Апостольства, от которого отпал Иуда, чтобы идти в свое место. 26 И бросили о них жребий, и выпал жребий Матфию, и он сопричислен к одиннадцати Апостолам.

2. 1 При наступлении дня Пятидесятницы все они были единодушно вместе. 2 И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. 3 И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. 4 И исполнились все Духа Святаго, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать. 5 В Иерусалиме же находились Иудеи, люди набожные, из всякого народа под небом. 6 Когда сделался этот шум, собрался народ, и пришел в смятение, ибо каждый слышал их говорящих его наречием. 7 И все изумлялись и дивились, говоря между собою: сии говорящие не все ли Галилеяне? 8 Как же мы слышим каждый собственное наречие, в котором родились. 9 Парфяне, и Мидяне, и Еламнты, и жители Месопотамии, Иудеи и Каппадокии, Понта и Асии, 10 Фригии и Памфилии, Египта и частей Ливии, прилежащих к Киринее, и пришедшие из Рима, Иудеи и прозелиты, 11 критяне и аравитяне, слышим их нашими языками говорящих о великих [делах] Божиих? 12 И изумлялись все и, недоумевая, говорили друг другу: что это значит? 13 А иные, насмехаясь, говорили: они напильсь сладкого вина. 14 Петр же, став с одиннадцатью, возвысил голос свой и возгласил им: мужи Иудейские, и все живущие в Иерусалиме! сие да будет вам известно, и внимайте словам моим: 15 они не пьяны, как вы думаете, ибо теперь третий час дня; 16 но это есть предреченное пророком Иоилем: 17 И будет в последние дни, говорит Бог, излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; и юноши ваши будут видеть видения, и старцы ваши сновидениями вразумляемы будут. 18 И на рабов Моих и на рабынь Моих в те дни излию от Духа Моего, и будут пророчествовать. 19 И покажу чудеса

на небе вверху и знамения на земле внизу, кровь и огонь и курение дыма. 20 Солнце превратится во тьму, и луна - в кровь, прежде нежели наступит день Господень, великий и славный. 21 И будет: всякий, кто призовет имя Господне, спасется. 22 Мужа Израильские! послушайте слова сии: Иисуса Назорея, Мужа, засвидетельствованного вам от Бога силами и чудесами и знамениями, которые Бог сотворил через Него среди вас, как и сами знаете, 23 Сего, по определенному совету и предведению Божию преданного, вы взяли и, пригвоздив руками беззаконных, убили; 24 но Бог воскресил Его, расторгнув узы смерти, потому что ей невозможно было удержать Его. 25 Ибо Давид говорит о Нем: видел я пред собою Господа всегда, ибо Он одесную меня, дабы я не поколебался. 26 От того возрадовалось сердце мое и возвеселился язык мой; даже и плоть моя упокоится в уповании, 27 ибо Ты не оставишь души моей в аде и не дашь святому Твоему увидеть тления. 28 Ты дал мне познать путь жизни, Ты исполнишь меня радостью пред лицом Твоим. 29 Мужа братия! да будет позволено с дерзновением сказать вам о праотце Давиде, что он и умер и погребен, и гроб его у нас до сего дня. 30 Будучи же пророком и зная, что Бог с клятвою обещал ему от плода чресл его воздвигнуть Христа во плоти и посадить на престоле его, 31 Он прежде сказал о воскресении Христа, что не оставлена душа Его в аде, и плоть Его не видела тления. 32 Сего Иисуса Бог воскресил, чему все мы свидетели. 33 Итак Он, быв вознесен десницею Божиею и приняв от Отца обетование Святаго Духа, излил то, что вы ныне видите и слышите. 34 Ибо Давид не восшел на небеса; но сам говорит: сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, 35 доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих. 36 Итак твердо знай, весь дом Израилев, что Бог соделал Господом и Христом Сего Иисуса, Которого вы распяли. 37 Услышав это, они умилились сердцем и сказали Петру и прочим Апостолам: что нам делать, мужи братия? 38 Петр же сказал им: покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов; и получите дар Святаго Духа. 39 Ибо вам принадлежит обетование и детям вашим и всем дальним, кого ни призовет Господь Бог наш. 40 И другими многими словами он свидетельствовал и увещевал, говоря: спасайтесь от рода сего развращенного. 41 Итак охотно принявшие слово его крестились, и присоединилось в тот день душ около трех тысяч. 42 И они постоянно пребывали в учении Апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитвах. 43 Был же страх на всякой душе; и много чудес и знамений совершилось через Апостолов в Иерусалиме. 44 Все же верующие были вместе и имели все общее. 45 И продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого. 46 И каждый день единомысленно пребывали в храме и, преломляя по домам хлеб, принимали пищу в веселии и простоте сердца, 47 хваля Бога и находясь в любви у всего народа. Господь же ежедневно прилагал спасаемых к Церкви.

7. 1 Тогда сказал первосвященник: так ли это? 2 Но он сказал: мужи братия и отцы! послушайте. Бог славы явился отцу нашему Аврааму в Месопотамии, прежде переселения его в Харран, 3 и сказал ему: выйди из земли твоей и из родства твоего и из дома отца твоего, и пойди в землю, которую покажу тебе. 4 Тогда он вышел из земли Халдейской и поселился в Харране; а оттуда, по смерти отца его, переселил его [Бог] в сию землю, в которой вы ныне живете. 5 И не дал ему на ней наследства ни на стопу ноги, а обещал дать ее во владение ему и потомству его по нем, когда еще был он бездетен. 6 И сказал ему Бог, что потомки его будут переселенцами в чужой земле и будут в порабощении и притеснении лет четыреста. 7 Но Я, сказал Бог, произведу суд над тем народом, у которого они будут в порабощении; и после того они выйдут и будут служить Мне на сем месте. 8 И дал ему завет обрезания. По сем родил он Исаака и обрезал его в восьмой день; а Исаак [родил] Иакова, Иаков же двенадцать патриархов. 9 Патриархи, по зависти, продали Иосифа в Египет; но Бог был с ним, 10 и избавил его от всех скорбей его, и даровал мудрость ему и благоволение царя Египетского фараона, [который] и поставил его начальником над Египтом и над всем домом своим. 11 И пришел голод и великая скорбь на всю землю Египетскую и Ханаанскую, и отцы наши не находили пропитания. 12 Иаков же, услышав, что есть хлеб в Египте, послал [туда] отцов наших в первый раз. 13 А когда они пришли во второй раз, Иосиф открылся братьям своим, и известен стал фараону род Иосифов. 14 Иосиф, послав, призвал отца своего Иакова и все родство свое, душ семьдесят пять. 15 Иаков перешел в Египет, и скончался сам и отцы наши; 16 и перенесены были в Сихем и положены во гробе, который купил Авраам ценою серебра у сынов Еммора Сихемова. 17 А по мере, как приближалось время [исполниться] обетованию, о котором клялся Бог Аврааму, народ возрастал и умножался в Египте, 18 до тех пор, как восстал иной царь, который не знал Иосифа. 19 Сей, ухищряясь против рода нашего, притеснял отцов наших, принуждая их бросать детей своих, чтобы не оставались в живых. 20 В это время родился Моисей, и был прекрасен пред Богом.

Три месяца он был питаем в доме отца своего. 21 А когда был брошен, взяла его дочь фараонова и воспитала его у себя, как сына. 22 И научен был Моисей всей мудрости Египетской, и был силен в словах и делах. 23 Когда же исполнилось ему сорок лет, пришло ему на сердце посетить братьев своих, сынов Израилевых. 24 И, увидев одного из них обижаемого, вступился и отмстил за оскорбленного, поразив Египтянина. 25 Он думал, поймут братья его, что Бог рукою его дает им спасение; но они не поняли. 26 На следующий день, когда некоторые из них дралась, он явился и склонял их к миру, говоря: вы братья; зачем обижаете друг друга? 27 Но обижающий ближнего оттолкнул его, сказав: кто тебя поставил начальником и судьей над нами? 28 Не хочешь ли ты убить и меня, как вчера убил Египтянина? 29 От сих слов Моисей убежал и сделался пришельцем в земле Мадиамской, где родились от него два сына. 30 По исполнении сорока лет явился ему в пустыне горы Синая Ангел Господень в пламени горящего тернового куста. 31 Моисей, увидев, дивился видению; а когда подходил рассмотреть, был к нему глас Господень: 32 Я Бог отцов твоих, Бог Авраама и Бог Исаака и Бог Иакова. Моисей, объятый трепетом, не смел смотреть. 33 И сказал ему Господь: сними обувь с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая. 34 Я вижу притеснение народа Моего в Египте, и слышу стенание его, и нисшел избавить его: итак пойди, Я пошлю тебя в Египет. 35 Сего Моисея, которого они отвергли, сказав: кто тебя поставил начальником и судьей? сего Бог чрез Ангела, явившегося ему в терновом кусте, послал начальником и избавителем. 36 Сей вывел их, сотворив чудеса и знамения в земле Египетской, и в Черном море, и в пустыне в продолжение сорока лет. 37 Это тот Моисей, который сказал сынам Израилевым: Пророка воздвигнет вам Господь Бог ваш из братьев ваших, как меня; Его слушайте. 38 Это тот, который был в собрании в пустыне с Ангелом, говорившим ему на горе Синае, и с отцами нашими, и который принял живые слова, чтобы передать нам, 39 которому отцы наши не хотели быть послушными, но отринули его и обратились сердцами своими к Египту, 40 сказав Аарону: сделай нам богов, которые предшествовали бы нам; ибо с Моисеем, который вывел нас из земли Египетской, не знаем, что случилось. 41 И сделали в те дни тельца, и принесли жертву идолу, и веселились перед делом рук своих. 42 Бог же отвернулся и оставил их служить воинству небесному, как написано в книге пророков: дом Израилев! приносили ли вы Мне закленья и жертвы в продолжение сорока лет в пустыне? 43 Вы приняли скинию Молохову и звезду бога вашего Ремфана, изображения, которые вы сделали, чтобы поклоняться им: и Я переселю вас далее Вавилона. 44 Скиния свидетельства была у отцов наших в пустыне, как повелел Говоривший Моисею сделать ее по образцу, им виденному. 45 Отцы наши с Иисусом, взяв ее, внесли во владения народов, изгнанных Богом от лица отцов наших. [Так было] до дней Давида. 46 Сей обрел благодать пред Богом и молил, [чтобы] найти жилище Богу Иакова. 47 Соломон же построил Ему дом. 48 Но Всевышний не в рукотворенных храмах живет, как говорит пророк: 49 Небо - престол Мой, и земля - подножие ног Моих. Какой дом созиждете Мне, говорит Господь, или какое место для покоя Моего? 50 Не Моя ли рука сотворила все сие? 51 Жестоковыйные! люди с необрезанным сердцем и ушами! вы всегда противитесь Духу Святому, как отцы ваши, так и вы. 52 Кого из пророков не гнали отцы ваши? Они убили предвозвестивших пришествие Праведника, Которого предателями и убийцами сделались ныне вы, - 53 вы, которые приняли закон при служении Ангелов и не сохранили. 54 Слушая сие, они рвались сердцами своими и скрежетали на него зубами. 55 Стефан же, будучи исполнен Духа Святаго, воззрев на небо, увидел славу Божию и Иисуса, стоящего одесную Бога, 56 и сказал: вот, я вижу небеса отверстые и Сына Человеческого, стоящего одесную Бога. 57 Но они, закричав громким голосом, затыкали уши свои, и единодушно устремились на него, 58 и, выведя за город, стали побивать его камнями. Свидетели же положили свои одежды у ног юноши, именем Савла, 59 и побивали камнями Стефана, который молился и говорил: Господи Иисусе! приими дух мой. 60 И, преклонив колени, воскликнул громким голосом: Господи! не вмени им греха сего. И, сказав сие, почил.

Откровение Иоанна, 20–22

20. 1 И увидел я Ангела, сходящего с неба, который имел ключ от бездны и большую цепь в руке своей. 2 Он взял дракона, змия древнего, который есть диавол и сатана, и сковал его на тысячу лет, 3 и низверг его в бездну, и заключил его, и положил над ним печать, дабы не прельщал уже народы, доколе не окончится тысяча лет; после же сего ему должно быть освобожденным на малое время. 4 И увидел я престолы и сидящих на них, которым дано было судить, и души обезглавленных за свидетельство Иисуса и за слово Божие, которые не поклонились зверю, ни образу его, и не приняли начертания на чело свое и на руку свою. Они ожили и царствовали со Христом тысячу лет. 5 Прочие же из умерших не ожили, доколе не окончится тысяча лет. Это - первое воскресение. 6 Блажен и свят имеющий участие в воскресении первом: над ними смерть вторая не имеет власти, но они будут священниками Бога и Христа и будут царствовать с Ним тысячу лет. 7 Когда же окончится тысяча лет, сатана будет освобожден из темницы своей и выйдет обольщать народы, находящиеся на четырех углах земли, Гога и Магога, и собирать их на брань; число их как песок морской. 8 И вышли на широту земли, и окружили стан святых и город возлюбленный. 9 И ниспал огонь с неба от Бога и пожрал их; 10 а диавол, прельщавший их, ввержен в озеро огненное и серное, где зверь и лжепророк, и будут мучиться день и ночь во веки веков. 11 И увидел я великий белый престол и Сидящего на нем, от лица Которого бежало небо и земля, и не нашлось им места. 12 И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих пред Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими. 13 Тогда отдало море мертвых, бывших в нем, и смерть и ад отдала мертвых, которые были в них; и судим был каждый по делам своим. 14 И смерть и ад повержены в озеро огненное. Это смерть вторая. 15 И кто не был записан в книге жизни, тот был брошен в озеро огненное.

21. 1 И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет. 2 И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего. 3 И услышал я громкий голос с неба, говорящий: се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними; они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их. 4 И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло. 5 И сказал Сидящий на престоле: се, творю все новое. И говорит мне: напиши; ибо слова сии истинны и верны. 6 И сказал мне: совершилось! Я есмь Альфа и Омега, начало и конец; жаждущему дам даром от источника воды живой. 7 Побеждающий наследует все, и буду ему Богом, и он будет Мне сыном. 8 Боязливых же и неверных, и скверных и убийц, и любодеев и чародеев, и идолослужителей и всех лжецов участь в озере, горящем огнем и серою. Это смерть вторая. 9 И пришел ко мне один из семи Ангелов, у которых было семь чаш, наполненных семью последними язвами, и сказал мне: пойди, я покажу тебе жену, невесту Агнца. 10 И вознес меня в духе на великую и высокую гору, и показал мне великий город, святой Иерусалим, который нисходил с неба от Бога. 11 Он имеет славу Божию. Светило его подобно драгоценнейшему камню, как бы камню яспису кристалловидному. 12 Он имеет большую и высокую стену, имеет двенадцать ворот и на них двенадцать Ангелов; на воротах написаны имена двенадцати колен сынов Израилевых: 13 с востока трое ворот, с севера трое ворот, с юга трое ворот, с запада трое ворот. 14 Стена города имеет двенадцать оснований, и на них имена двенадцати Апостолов Агнца. 15 Говоривший со мною имел золотую трость для измерения города и ворот его и стены его. 16 Город расположен четвероугольником, и длина его такая же, как и широта. И измерил он город тростью на двенадцать тысяч стадий; длина и широта и высота его равны. 17 И стену его измерил во сто сорок четыре локтя, мерою человеческою, какова мера и Ангела. 18 Стена его построена из ясписа, а город был чистое золото, подобен чистому стеклу. 19 Основания стены города украшены всякими драгоценными камнями: основание первое яспис, второе сапфир, третье халкидон, четвертое смарагд, 20 пятое сардоникс, шестое сердолик, седьмое хризолит, восьмое вирилл, девятое топаз, десятое хризопрас, одиннадцатое гиацинт, двенадцатое аметист. 21 А двенадцать ворот - двенадцать жемчужин: каждые ворота были из одной жемчужины. Улица города - чистое золото, как прозрачное стекло. 22 Храма же я не видел в нем, ибо Господь Бог Вседержитель - храм его, и Агнец. 23 И город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего, ибо слава Божия

осветила его, и светильник его - Агнец. 24 Спасенные народы будут ходить во свете его, и цари земные принесут в него славу и честь свою. 25 Ворота его не будут запираются днем; а ночи там не будет. 26 И принесут в него славу и честь народов. 27 И не войдет в него ничто нечистое и никто преданный мерзости и лжи, а только те, которые написаны у Агнца в книге жизни.

22. 1 И показал мне чистую реку воды жизни, светлую, как кристалл, исходящую от престола Бога и Агнца. 2 Среди улицы его, и по ту и по другую сторону реки, древо жизни, двенадцать [раз] приносящее плоды, дающее на каждый месяц плод свой; и листья дерева - для исцеления народов. 3 И ничего уже не будет проклятого; но престол Бога и Агнца будет в нем, и рабы Его будут служить Ему. 4 И узрят лице Его, и имя Его будет на челах их. 5 И ночи не будет там, и не будут иметь нужды ни в светильнике, ни в свете солнечном, ибо Господь Бог освещает их; и будут царствовать во веки веков. 6 И сказал мне: сии слова верны и истинны; и Господь Бог святых пророков послал Ангела Своего показать рабам Своим то, чему надлежит быть вскоре. 7 Се, грядущий скоро: блажен соблюдающий слова пророчества книги сей. 8 Я, Иоанн, видел и слышал сие. Когда же услышал и увидел, пал к ногам Ангела, показывающего мне сие, чтобы поклониться [ему]; 9 но он сказал мне: смотри, не делай сего; ибо я сослужитель тебе и братьям твоим пророкам и соблюдающим слова книги сей; Богу поклонись. 10 И сказал мне: не запечатывай слов пророчества книги сей; ибо время близко. 11 Неправедный пусть еще делает неправду; нечистый пусть еще сквернится; праведный да творит правду еще, и святой да освящается еще. 12 Се, грядущий скоро, и возмездие Мое со Мною, чтобы воздать каждому по делам его. 13 Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, Первый и Последний. 14 Блаженны те, которые соблюдают заповеди Его, чтобы иметь им право на древо жизни и войти в город воротами. 15 А вне - псы и чародеи, и любодее, и убийцы, и идолослужители, и всякий любящий и делающий неправду. 16 Я, Иисус, послал Ангела Моего засвидетельствовать вам сие в церквах. Я есмь корень и потомок Давида, звезда светлая и утренняя. 17 И Дух и невеста говорят: прииди! И слышавший да скажет прииди! Жаждающий пусть приходит, и желающий пусть берет воду жизни даром. 18 И я также свидетельствую всякому слышащему слова пророчества книги сей: если кто приложит что к ним, на того наложит Бог язвы, о которых написано в книге сей; 19 и если кто отнимет что от слов книги пророчества сего, у того отнимет Бог участие в книге жизни и в святом граде и в том, что написано в книге сей. 20 Свидетельствующий сие говорит: ей, грядущий скоро! Аминь. Ей, гряди, Господи Иисусе! 21 Благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами. Аминь.

מידראש Танхума Пекудей 1

מרוב אהבתה של מטה, עשה אחרת למעלה, שנאמר, הן על כפים חקותיך, חומתיך נגדי תמיד (ישעי' מט טו). ועל מה חרבה. אלא כי מהרו בניך מהרסיך ומחריביך ממך יצאו (שם שם טז), על זה חרבה. וכן אמר דוד, ירושלים הבנויה כעיר שחברה לה יחדו (תהלי' קכב ג).

От Его преизбыточествующей любви к тому (Иерусалиму), что на земле, Он сотворил еще один, небесный, как сказано (Ис 49:16): "Вот я начертал тебя на ладонях моих; стены твои всегда передо мною." А Давид говорит так (Пс 122:3): "Иерусалим, отстроенный как город, слитый воедино."

Вавилонский Талмуд, Таанит 5а

וא"ל רב נחמן לר' יצחק מאי דכתיב (הושע יא) בקרבך קדוש ולא אבוא בעיר משום דבקרבך קדוש לא אבוא בעיר א"ל הכי א"ר יוחנן אמר הקב"ה לא אבוא בירושלים של מעלה עד שאבוא לירושלים של מטה ומי איכא ירושלים למעלה אין דכתיב (תהילים קכב) ירושלים הבנויה כעיר שחברה לה יחדיו

Спросил р. Нахман у р. Ицхака: Что означает сказанное у (пророка) Иосии (11:9): "...среди тебя – Святой (святыня?); Я не войду в город"? Что, из-а того, что "среди тебя – Святой" Всевышний не войдет в город? Отвечал ему: так сказал р. Йоханан: Сказал Пресвятой да будет Он благословен: "Я не войду в небесный (горний) Иерусалим, пока не войду в земной Иерусалим." А каков он земной Иерусалим? Он такой, как об этом сказано в Псалме (122:3): "Иерусалим, отстроенный как город, слитый воедино."

МАТЕРИАЛЫ К ПОТОКУ «МИСТИКА»

Материалы для семинаров Ильи Динеса	119
Из книги «Жизнь чудовищ в Средние века»	119
Из книги «Повесть о рождении и победах Александра Великого»	125
Паломничество по святым местам конца IV века	131
Материалы для семинаров Михаила Шнейдера	155
<i>Небесный Храм</i>	155
Бытие 1-2	155
Исход 3	159
Исход 24	161
Исход 25	162
Числа 8:4	164
Иезекииль 1	164
Иезекииль 28	166
Сирах 24	169
1 Еноха 14	169
Захария 4	171
Даниил 7:9	172
Сирах 50	172
Victor Aptowitz. The Celestial Temple as Viewed in the Aggadah	173
Howard Schwartz. Tree of souls: the mythology of Judaism . P. 411-420	189
Moses Gaster. Chronicles of Jerahmeel. London 1899. P. 147–149	200
Зорап II, 222a-b, 240a-241a	202
Moshe Weinfeld. Sabbath, Temple and the Enthronement of the Lord — The Problem of the Sitz im Leben of Genesis 1:1-2:3	217
<i>Храм и бездна</i>	229
Исайя 30	229
Мишна Сукка 4-5	233
Бавли Сукка 53а-б	234
Плутарх. Суккот и дионисии / Штерн, Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме 1. С. 555–556	239
Howard Schwartz. Tree of souls: the mythology of Judaism. P. 97–98	241
Daniel Sperber. On sealing the abysses	243
Joel Marcus. Rivers of Living Water from Jesus' Belly (John 7:38)	250
<i>Адам и Храм</i>	253
Бытие 1-2	253
Иезекииль 1	257
Сказание, как котворил Бог Адама	260
M. R. James. The Biblical Antiquities of Philo, with Prolegomenon by Louis H. Feldman, (Translations of Early Documents, Series I. Palestinian Jewish Texts). XIII, 8	262
Moses Gaster. Chronicles of Jerahmeel. London 1899. P. 15–16	263
<i>Масличная гора раскалывается</i>	264
Захария 14:4–9	264
Иезекииль 37	265
Иезекииль 47	267
Edna Garte. The Theme of Resurrection in the Dura-Europos Synagogue Paintings. P. 1–15	269
Книга хасидов § 630	284
Иосиф Флавий. Иудейская Война. С. 144	285
<i>Иерусалим — невеста</i>	286
Исайя 61:10	286
Исайя 62:1-5	286
Откровение 21	287
Moshe Weinfeld. Feminine features in the imagery of God in Israel; the sacred marriage and the sacred tree	288
Леха Доди	303
Повесть об Иосифе и Асенеф, гл. 15	305
Moshe Idel. On Jerusalem as a feminine and sexual hypostasis	306

Из книги «Жизнь чудовищ в Средние века»

О пяти зонах. Земля разделяется на пять поясов, или зон. Из них две крайние необитаемы из-за холода, а расположенная посредине — из-за жары, ибо солнце ее никогда не покидает, а до тех никогда не добирается. В двух зонах, что расположены между этими, жара и холод умеренные. Например, если зимою развести костер под открытым небом, известно, что появится пять поясов: один — посреди — жаркий, два круга холодных, а посреди, между ними, два умеренных. Так и солнце на своем пути образует пять поясов, или зон, из которых первый называется северным, второй — летнего солнцестояния, третий — экваториальным, четвертый — зимне-то солнцестояния, пятый — южным. Но, как нам известно, только зона летнего солнцестояния заселена нами.

О трех сторонах света. Обитаемый пояс, который заселен нами, расчленен Средиземным морем на три части, из которых одна называется Азией, вторая Европой, а третья Африкой. Азия простирается с севера на восток и на юг, Европа — с запада на север, а Африка — с юга на запад.

О Рае. Азия названа по имени царицы с таким же именем. С востока первым по счету ее царством является Рай, то есть место, отличающееся всевозможными красотами, но людям оно недоступно, ибо окружено огненной стеной, возвышающейся до неба. Там растет древо жизни, и если кто отведаст плодов этого дерева, то навсегда останется бессмертным и в том облике, в каком есть. Там берет свое начало источник, разделяющийся на четыре реки. Каждая из этих рек уходит в Раю под землю, но в других, отдаленных местах [снова] появляется на ружу.

Гонорий Августодонский.
«Об образе мира»

О форме земли. Земля имеет круглую форму, поэтому она и называется кругом. Если кто, оказавшись в воздухе, посмотрит на нее сверху, то выступавшие горы и впадины долины покажутся менее значительными, чем пальцы человека, держащего в своей руке огромный кубок. Окружность земли составляет сто восемьдесят тысяч стадий, или двенадцать тысяч пятьдесят две мили. Она расположена в середине мира, подобно тому как центр окружности равноудален от всех ее точек, и не поконится ни на каких опорах, за исключением Божественной силы. Ведь сказано: *Ты поставил землю на твердых основах. Не поколеблется она во веки и веки* (Пс. 103, 5). И подобно другим элементам, она исполняет свое предназначение. Подобно поясу, ее окружает Океан, ибо сказано: *Бездною, как одеянием, покрыл Ты ее* (Пс. 103, 6). Изнутри ее пронизывают водные потоки — совсем как вены, пронизывающие человеческое тело, — и таким образом ее сухость повсюду ими увлажняется. Вот почему в любом месте, где станут рыть землю, обнаруживают воду.

О *четырёх реках*. Фисон, или Ганг, берет свой исток в Индии, на горе Оркобар, течет на восток и впадает в Океан. Геон, то есть Нил, появляется наружу возле Атласских гор и тут же поглощается землей, сквозь которую он течет по скрытому руслу, а на берегу Красного моря снова появляется наружу, огибает Эфиопию и, извиваясь по Египту, разделяется на семь рукавов и впадает возле Александрии в Великое море. Тигр и Евфрат берут свой исток в Армении, на горе Бархоатр, текут на юг и впадают в Средиземное море. За Раем расположены места пустынные и необитаемые из-за различных змей и всевозможного зверья.

Об Индии. Далее расположена Индия, названная от реки Инд, которая берет свой исток на севере, в Кавказских горах, и направляет свой путь на юг, впадая в Красное море. Она ограничивает Индию с запада, и по ней назван Индийский океан, где расположен остров Тапробана, славящийся десятью городами. Каждый год там по две зимы и два лета и все время зелень. Там же расположены острова Хриса и Аргира, изобилующие серебром и золотом и пребывающие в постоянном цветении. Там расположены золотые горы, которых невозможно достигнуть из-за драконов и грифов. В Индии расположена гора Каспий, от которой названо Каспийское море. Между ней и морем находятся необузданнейшие племена Гог и Магог, заключенные Александром Великим. Они питаются человеческим мясом или сырой звериной плотью. В Индии сорок четыре области и множество племен: гарманы, оресты, коатры, чьи леса достают до неба. В горах — пигмеи: люди высотой в два локтя, воюющие с журавлями, — на третьем году жизни беременеют, на восьмом стареют. У них растет перец, который изначально белого цвета, но когда они проглатывают змей, которые там обитают, он от огня приобретает цвет черный. Там же обитают макробии, которые вы-

200

сотой в двадцать локтей и которые сражаются против грифов, а у них тело льва, крылья же, когти и носы как у орла. Там же [обитают] агрокты и брахманы, которые по своей воле бросаются в огонь из любви к загробной жизни. Есть еще и другие, те, которые начинают стареть родителей рубят на части и приготавливают на съедение, и они считают неблагоприятным того, кто это делать отказывается. Есть и другие, те, которые питаются сырой рыбой и пьют воду из соленого моря.

О чудовищах. Обитают там некие чудовища, которых одни относят к людям, другие — к животным. Так что живут там те, у кого ступни вывернутые и по восемь, то есть всего шестнадцать, пальцев на ногах. И другие, у которых собачьи головы, изогнутые когти, одежда которых — звериные шкуры, а голос — собачий лай. Есть там такие матери, которые рожают один раз в жизни и производят на свет седьмых отпрысков, чьи [волосы] темнеют к старости, они живут намного дольше того времени, которое отведено нам. Есть и другие, которые рожают на пятом году, но отпрыск их не живет на свете более восьми лет. Есть там и одноглазые, и аримаспы, и циклопы. Есть и скиноподы, которые, передвигаясь на одной ноге, своей быстротой превосходят ветер и, расплывшись на земле, укрываются в тени ступни поднятой вверх ноги. Есть и другие, безголовые, у которых глаза на предплечьях, а вместо носа и рта — отверстия на груди. И у них шетина как у зверей. Есть и другие, обитающие у истоков реки Ганг, которые живут одним только запахом неких плодов, и если отправляются далеко, то берут эти плоды с собой: они погибают, если вдохнут дурной запах.

О зверях. Водятся там змеи столь толстые, что проглатывают оленя и переплывают даже через Оке-

201

ан. Водится там зверь кеврококрот, у которого тело осла, рога оленя, грудь и голени льва, ноги коня, — огромное рогатое парнокопытное с широкой пастью, разверстой до самых ушей, а на месте зубов у него сплошная кость, а голос у него почти человеческий. Есть и другой зверь, зал, у которого тело лошади, пасть кабана, хвост слона, рога длинной в локоть, из которых, сражаясь одним, другой он запрокидывает назад. Затупив первый, он вторым тут же вступает в дело. Коченеет от черного цвета. Обитает как на земле, так и в воде. Водятся там и рыжие быки, покрытые сзади щетиной, с большой головою и оскалом пасти от уха до уха. Во время схватки они поочередно действуют рогами, а их крепкая спина отбрасывает прочь любое копые. Если даже поймать их, то приручить невозможно вовсе. Там же обитает мантикора, зверь с лицом человека, тремя рядами зубов, телом льва, хвостом скорпиона, голубыми глазами, кроваво-красной кожей, голосом шипящей змеи. Убегая, она может полететь быстрее любой птицы. А питается она человеческим мясом. Там же водятся трехрогие быки с лошадиными ногами. Там водятся однороги, у которых тело лошади, голова оленя, ноги слона, хвост свиный. Его единственный рог, расположенный посреди лба, длиною четыре фута, блестящий и удивительно острый. Этот зверь очень свиреп, его рев жесток, все, что противостоит ему, он протыкает рогом. Он слонит голову, но ручным не станет. В Ганге водятся угри длинной три сотни футов. Есть там некие черви, у которых, совсем как у рака, по две лапы длиною в шесть локтей, и этими лапами они хватают слонов и утягивают их в пучину. В Индийском море водятся черепахи, под панцирями которых люди устраивают себе постоянные дворы. В Индии есть камень магнит, который притягивает железо, а также камень адамант, который не рассец ничем, кроме козлиной крови.

202

О Парфии. От реки Инд до Тигра простирается Парфия, разделяющаяся на тридцать три царства. Называется же Парфией от парфян, которые пришли из Скифии. Там расположена область Аракузия, названная по городу Аракузу. Также там находится Ассирия, названная так по Ассуру, сыну Сима, который первым ее заселил. А еще там расположена Мидия, названная от царя Мида, который, город построив, назвал его Мидией, отсюда и царство поменяло свое название. А еще там Персия, названная по царю Персею, который возвел город Персеполь, — от него и царство получило свое название. Это здесь впервые появилось искусство волхования. Из Персии доставляют камень пиритт, который жжет руки имущих и чье лунное сияние с луною прибавляется и идет на убыль.

О Месопотамии. От реки Тигр до Евфрата — Месопотамия, названная так по-гречески от двух рек, поскольку расположена посредине, между двумя реками. Там на протяжении трех дней пути расположен город Ниневия, возведенный и названный царем Нинном. А еще там царство Вавилон, названное по городу Вавилону. Его основал Нимрод Гигес, но царица Семирамида перестроила. Ширина его стен — пятьдесят локтей, высота — двести локтей, окружность города — четыреста восемьдесят стадий, он укреплен ста медными воротами и орошается рекой Евфрат, разделяющей его на две части [досл. «текущей по его середине»]. Пишут, что Вавилонская башня была высотой в четыре мили [римская миля равна 1487,5 м]. Там также расположена Халдея, где впервые открыли астрономии. Там также расположена Аравия, называющаяся также Саба — от Савы, сына Хуша. Там собирают финиам, и там расположена гора Синай, или Хорив, где вероучение было записано Моисеем, а рядом с ней был город Мадян, где был жрец, по-

203

груженый в сон. И там [обитают] множество народов: моавитяне, аммонитяне, идумеи, сарацины, мадианитяне и многие другие.

О Сирии. От Евфрата до Средиземного моря простирается Сирия, названная в честь некоего царя Сидона, и в ней расположен Дамаск, возведенный и названный вольноотпущенником Авраама Дамаском, а еще там расположена Антиохия, названная в честь царя Антиоха, потому что ее прежнее название было Ребланта. Там расположена провинция Комагена, а также Финикия, названная в честь птицы феникс, которая водится только там, или в честь царя Феникса, сына Агенора, и в ней расположены города Тир, или Сур, и Сидон. Там также расположена Ливанская гора, у подножия которой берет исток река Иордан. Также там расположена Палестина, названная от города Палестина, который ныне называется Аскалоном. Еще там расположена Иудея, названная от Иуды, сына Иакова, и по имени его колена были названы цари. А еще там расположена Ханааня, названная в честь Ханаана, сына Хамова, и там стоит город Иерусалим, который построил Сим, сын Ноя, и назвал Салем, а заселил Иевус, сын Ханаана. Поэтому от Иевуса и Салема царь Давид назвал этот город Иерусалим, как бы Иевусалем. Соломон, его сын, украсил этот город золотом и серебром и назвал Иерусалимом — как бы Иерусалемоном. Зоровавель отстроил его заново после разрушения персами, но римское войско уничтожило город до основания. Позднее его восстановил император Геллий Адриан и назвал Гелией.

О Палестине. В Палестине расположено царство Самария, названное так по городу Самарии, который ныне носит имя Себастья, а прежде Сихимия от Сихема. Там расположена Галилея, где рядом с горою Фавор

стоит город Назарет. Там царство Пентаполь, названное так по пяти городам, а там прежде стояли Содом и Гоморра. Там расположено Мертвое море, поглощающее воды Иордана. Там обитают сарацины, получившие свое название от Сары, они же агаряне от Агаря, они же исмаилиты от Исмаила. Там же и наууфей от Науаюфа, сына Исмаила, и их двенадцать племен.

О Египте. Область, о которой было сказано выше, ровной линией простирается вдоль восточного берега Средиземного моря до самого Египта, расположенного на юге от нее, и там обитают двадцать три народа. Египет начинается на востоке от Красного моря и заканчивается на западе у границ Ливии. Прежде он назывался Евксия, то есть «великое изобилие», позднее от царя Египта или Сия, брата Данан, получил название Египет. Он весь опоясан рекой Нил, образует подобие буквы «дельта», славен тысячей городов. Облака там не показываются, дожди не выпадают, но Нил, орошая страну, дает земле плодородие. Там расположена провинция Фиваида, названная так по городу Фивы, который основал Кадм, сын царя Агенора, когда прибыл в Египет, и назвал его Фивы в честь того города, который он прежде основал в Беотии, так что от него и царство получило свое название. В нем правил Маврикий, и отсюда те, кто называется фиванцами. К ней примыкает огромная пустыня, где прежде обитало множество монахов. Царь Камбиз, покорив Египет, основал город, которому дал название Вавилон, этот город и по сей день остается столицей их царства. А еще победоносный Александр основал там город, который в честь своего имени назвал Александрией.

О восточных странах. Горы Кавказ начинают возвышаться на востоке — от Каспийского моря — и, обратившись на север, простираются почти до самой Европы.

Здесь обитали амазонки, то есть женщины, которые сражались словно мужчины. С ними сожигельствуют массагеты, колхи и сарматы. Серы — это город на востоке, от которого и Серийское царство, и народ, и одежды получили название. За сим Бактра, названная от потока Бактра. К ней примыкает Гиркания, названная от Гирканского леса, где суть птицы, у которых перья светятся по ночам. К ней примыкают Скифия и Гирия, где проживают сорок четыре народа. Там расположены Гиперборейские горы. За ними следует Албания, названная от цвета людей, ибо там рождаются с белыми волосами. С ней соединяется Армения, где находится гора Арарат, на которую после потопа опустился Ноев ковчег, и его доски до сих пор видны там. К ней присоединяется Иберия. А к оной — Кападокия, названная по имени одноименного города, и там лошади зачинают от ветра, но их приплод живет не более трех лет.

О Малой Азии. За нею располагается Малая Азия, почти со всех сторон окруженная морем. Там стоит город Эфес, построенный амазонками, и в нем покоится тело святого Иоанна Евангелиста. Первой провинцией Малой Азии является Вифиния, которая была сначала Берикой, потом Мигдонией и вот царем Вифинией была названа Вифинией, ибо там находится город с таким же названием. Там же расположен город Никея, где состоялся Вселенский собор. Там же расположен город Никомедия, построенный царем Никомедом и им названный.

Об областях Азии. Вифиния еще называется Малой Фригией, и там расположен город Смирна, построенный Тезеем. К ней примыкает Галатия, названная так от галлов, которых царь Вифиний призвал на помощь и после их победы раздал им землю. Затем следует Фригия, названная так в честь Фригия, сына Европы. Это и

206

Дардания, названная так от Дардана, сына Юпитера. Там расположен основанный им город, получивший в честь основателя свое имя. Еще там расположен город Троя, возведенный и названный царем Тросом, он же и Илион — в честь царя Илия, которому, говорят, принадлежал дворец в Пергаме. С ними соседствуют Ликаония и Кария, где течет река Герм, славная своими золотыми песками. Там же и Лидия, названная в честь царя Лида, брата Тиррена. Там расположена Тиятира. Далее Исаврия, названная так из-за золота, избилующего там повсюду. Затем Киликия, названная по городу с таким же именем, построенному Килликом, сыном Агенора, и от самого царя город и получил свое название. Там расположена гора Амана, или Тарс, и там же стоит построенный Персеем город Тарс, достопамятное место проживания апостола Павла. Затем следуют Ликия, Писидия и Памфилия. И наконец, Понт, царство множества народов, которые называются находясь там море Понтийским. В этих местах Овидий, а позднее Климент отбывали ссылку. После обозрения Азии переходим к Европе.

О Европе. Европа названа в честь царя Европа или в честь Европы, дочери Агенора. Прежде всего в ней по направлению к северу расположены Рифейские горы, река Танаис, названная в честь царя Таяна, и Меотидские болота, соединяющиеся с большим морем возле Феодосии.

О Скифии. От реки Танаис начинается Малая Скифия, которая простирается на юг до самой реки Дунай. Там расположены следующие провинции: Алания, Дакия, Готия.

О Верхней Германии. От Дуная до Альп простирается Верхняя Германия, названная так оттого, что

207

Из книги «Повесть о рождении и победах Александра Великого»

АЛЕКСАНДР И ГОРОДА СИРИИ

Затем Александр со своим войском отправился в Сирию. Сирийцы, храбро сопротивляясь, вступили с ним в сражение и убили некоторых из его воинов. После этого он завоевал Дамаск. Потом, взяв Сидон, разбил лагерь возле города Тира, где провел долгое время и претерпел множество невзгод. Этот город, окруженный со всех сторон морем, был возведен в неприступном месте и защищен мощными укреплениями, так что никому не удавалось взять его штурмом. Тогда Александр возвел дамбу, которая закрыла город со стороны моря, так что ни целый флот, ни корабль под парусом не могли достигнуть городского порта. Александр начал размышлять о том, как напасть на город. Войску стало не хватать припасов. Александр тут же отправил послание к первосвященнику иудеев по имени Иаддуй с просьбой собрать припасы для войска, а дань, которую тот платил Дарию, безо всякого промедления передать ему [то есть Александру], посоветовав предпочесть дружбу с македонцами дружбе с персами. Иудейский первосвященник ответил, что поклялся платить дань Дарию

и никогда не поднимать против него оружия и при жизни Дария этой клятве он изменить не может.

Услышав об этом, Александр разгневался на первосвященника иудейского и сказал: «Я обрушу на иудеев такую месть, что они узнают, чьих приказаний надо слушаться!» Однако, не желая оставлять Тир, он повелел Мелеагру с пятьюстами воинами отправиться в долину Иосафата, где вокруг города Гадары паслись стада. Сарисон был их проводником, ибо прекрасно знал местность. Когда они вошли в долину и захватили неисчислимую добычу, путь им преградил Феозолий, предводитель пастухов, и убил множество воинов. Мелеагр, будучи невероятно силен, набросился с оружием на пастухов и победил их всех, а их предводителя сделал евнухом. Когда об этом стало известно Битурию, тот вышел из города Галары с тридцатью тысячами всадников и приготовился сражаться. Воинов было так много, что от конского топота сотрясалась сама земля, увидев это, македонцы преисполнились великой тревоги. Мелеагр решил послать за помощью к Александру, однако никто из воинов не захотел отправиться с этим поручением. Во время сражения Сарисон был убит Битурием. Македонцам же, тесным огромным множеством врагов, грозило полное поражение, и тогда Аридей отправился к Александру и сообщил ему о приключившейся напасти. Александр оставил Тир и прибыл в долину Иосафата, окружив Битурию и все его войско. Возвратившись к городу, он обнаружил, что дамба, построенная им на море, разрушена до основания, ибо Валаам вместе со всеми обитателями Тира после ухода Александра вышел из города и захватил ее. Увидев это, Александр, а заодно с ним и все македонцы преисполнились столь великой тревогой, что уже и вовсе лишились надежды на покорение Тира. Следующей ночью Александру приснился

АЛЕКСАНДР ДОСТИГАЕТ ИЕРУСАЛИМА

сон о том, будто он держал в руке ягоду и, стоило ему бросить ее на землю и растоптать ногой, из нее полился обильный сок. Проснувшись, Александр вел привести к себе гадателя, рассказал ему о том, что видел, а гадатель ему: «Царь Александр, ты одержишь верх над Тиром, и не смей больше колебаться. Ягода, которая была у тебя в руках и которую бросив на землю, ты растоптал, и есть сам город, который ты завоеешь и сотрешь с лица земли». Услышав это, Александр тут же придумал, как можно захватить город. Он построил на море плавающую по воде башню, которая была закреплена сотней якорей. Башня эта возвышалась над стенами и крепостными башнями Тира. Александр один вошел на эту башню и приказал воинам быть наготове и поддерживать его оружием. Как только станет видно, что он проник в город, все одновременно должны начать штурм. Обрубив якорные канаты, он поплыл к городу с тыла. Александр спрыгнул на башню, где стоял Валаам, убил его и сбросил в пропасть. Увидев это, македонцы и греки тут же принялись взбираться на стены — кто с помощью лестниц, кто подтягиваясь на руках. Жителям Тира после гибели их предводителя Валаама сковал ужас, и они не оказали грекам никакого сопротивления. Так город был взят и разрушен до самого основания. Еще два сирийских города он разорил, и жители их натерпелись такого страха, что вспоминают об этом и по сей день. Затем Александр повел свое войско к Газе и, взяв Газу, устремился к Иерусалиму.

Иосиф сообщает об Александре: «Когда Александр, преследуя персов, подошел к берегам Памфилийского моря, то само море расступилось перед ним, и он перешел его, не замочив ног, подобно тому как прежде сыны Израиля перешли Красное море». Это чудо произошло или потоку, что Александр почтал Бога, или потому, что его рукой Бог собирался покарать гордыню персов.

Годфрид Витербоуский. Паптеги.

Как сообщает Епифаний, Александр Македонский, посетив гробницу пророка [Иеремиин] и позвав тайну этого места, перенес тело его в Александрию и похоронил с почетом, с тех пор на этой земле не водятся ни крокодилы ни аспиды. Сначала Александр привез туда неких змей (называемых в честь Аргона Пелопоннесского аргонами), которые вступили с аспидами в единоборство и прогнали их, но не смогли истребить полностью.

Петр Коместор. Ученая история. Книга Тovia. Гл. III.

Излагая историю походов Александра, Петр Коместор (или Петр Едок, свое прозвище он получил за аппетит к знаниям), равно как и составитель «Истории сражений Александра Великого», опирается в основном на латинский перевод «Иудейских древностей» Иосифа

Флавия (кн. XI, гл. 8). Однако версия Петра Коместора содержит ряд дополнений, не встречающихся ни в одном более раннем источнике, но впоследствии приобретающих значительную популярность. Появляется рассказ о том, как перед Александром расступилось Памфилийское море. Ошибочно интерпретировав предсказание дерева солнца, Петр Коместор превратил сестру Александра — в его убийцу. И главное — возложил на македонского царя ответственность за заключение десяти колен Израиля. Определенная логика в сделанном Петром Коместором выводе была. Во-первых, Иосиф завершает повествование о временах Александра сетованием на то, что все, кого в Иерусалиме обвиняли в несоблюдении субботы или в употреблении «скверного и нечистого»¹, бежали в Гаризим. Собственно говоря, именно питание скверной и явилось главной причиной того, что Александр отградил мир от «нечистых народов», которые изыдут во времена Апокалипсиса. Пленные колена географически оказались, с точки зрения Петра Коместора, как раз там, где должны были проживать «нечистые народы». Географическое соседство предопределило возможность отожествления — так запертые среди Каспийских гор народы превратились в сынов Израиля, оставивших веру своих предков.

ОБ АЛЕКСАНДРЕ

В это время Филипп, царь Македонский, был убит заговорщиком Павсанием, ведущим свой род от Ореста. Ему наследовал его приемный сын Александр, достигший двадцатилетнего возраста. Пишут, что отец его был Нектанеб. Желая овладеть Сирией, он пересек Геллеспонт. Против него собрались герцоги Дария, которые находились за рекою, и на реке Граник [Александр] победил оных. Миновав Лидию и Иконию, он пришел к месту под названием Пам-

¹ Это евангельское выражение, встречающееся в Деян. 10, 14, 15, 28; 11, 8–9; Рим. 14, 14.

филия. И тогда Дарий, сын Арсама¹, собрал войско и перешел Евфрат и горы Киликийского Тавра, надеясь разбить македонцев в Киликии. И возликовал Санваллат, полатая, что после победы он предстанет перед Дарием и попросит позволения восстановить храм, как было обещано его отцом. Но вышло совсем не так, как он надеялся. Дарий потерпел поражение от македонцев, его мать, жена и дети попали в плен, а сам он вместе с немногими бежал в Персию.

Александр же вознамерился покорить весь Восток, вступив в Сирию, он взял Дамаск и захватил Сидон, осадил Тир. Тогда Санваллат, отобрав восемь тысяч из числа своих воинов, отправился Александру на помощь, сказав, что он охотнее будет повиноваться ему, чем Дарию, и передаст ему те земли, которые находятся под его властью. Он милостию был принят Александром. Кроме того, Санваллат сказал, что является тестем Манассии, брата первосвященника народа иудейского, а с ним заодно многие знатные люди из этого народа, которые хотят попросить его позволения возвести в установленном

¹ Предыдущая глава рассказывала о правлении Дария, сына Арсама: «После Оха правил его сын Арсам. Со смертью Иоанна в Иерусалиме первосвященство унаследовал его сын Иоада. После Арсама правил его сын Дарий. Он поставил над областями за рекой Санваллата из племени куфеев, от которых пошли самаритяне. У Иоада же был брат Манассия, стремившийся к первосвященству, и поэтому он взял в жены Исаху, дочь Санваллата. Когда он исполнял обязанности священника, вознегодовали жители Иерусалима и потребовали, чтобы он оставил жену свою или не входил в святилище. Поэтому Манассия вместе со своей женой отправился к своему тестю. Тот ему посулил, что построит на горе Гаризим храм паподобие Иерусалимского, но это должно было быть сделано с дозволения Дария. А пока он осматривал его в Абизе, или в Абилие, средиземноморском и расположенном на возвышенности предместье Тира. И перебрались к Манассии многие из Иерусалима, которых Санваллат снабдил деньгами и выделил им землю для возделывания и жилища».

месте храм, что показалось Александру разумным, ибо разделенный надвое народ иудейский бунтовать не будет. С соизволения Александра Санваллат со всею тщательностью возвел храм и алтарь, который стоял до тех пор, покуда не был разрушен римлянами. И поставил в нем понтификом Манассио.

Дополнение. И это было третьим возведением храма: [сначала] Соломоном в Иерусалиме, затем в Египте и теперь Санваллатом.

Во время осады Тира Александр отправил послание первосвященнику в Иерусалим, чтобы тот оказал ему помощь, снарядил наемное войско и выплатил дань, которую прежде платил Дарию. И ответил Иаддуй, что он дал Дарию клятву и, покуда тот жив, не может нарушить обещания. Тогда Александр пригрозил народу иудейскому, чтобы им стало понятно, кому следует хранить клятвы. Построив дамбу, он превратил город Тир в часть континента, ибо тот прежде был островом, и соединил его с землею. Разорив город, он осадил Газу. В это время умер Санваллат.

Александр же, взяв Газу, послепил в Иерусалим. Испугавшиеся иудеи возопили к Господу и заклали жертвы, а Иаддуй молился за народ. Когда, после совершения жертвоприношения, он погрузился в сон, Бог повелел ему укрепить дух свой, украсить город покрывалами и гирильдами и, облачившись в первосвященнические одежды, вместе с остальными священниками выйти навстречу Александру¹. Встав ото сна, он поведал всем о своем видении. Узнав о том, что Александр находится неподалеку, он отправился вместе со священниками и жителями Святого города в место под названием Сихем, что по-латыни означает «горная вершина», с которого можно было видеть

¹ В «Истории сражений» подчеркивается, что иудеи должны выйти встречать Александра, облачившись во все белое.

Иерусалим и храм Господень. И произошло все вопреки ожиданиям тех, кто сопровождал царя. Ибо Александр изумился, увидев первосвященнические знаки на плаще понтифика и золотую пластину поверх кидара, на которой было написано имя Бога, сошел с копя, сам приблизился к Иаддую и поклонился имени Бога, оказав почтение первосвященнику¹. Полководцы встали как вкопанные, предполагая, что царь шутит. Один только Парменион спросил у Александра, почему тот поклонился священнику народа иудейского. Он ответил: «Не ему выказал почтение, но Богу, которому он служит, ибо, когда я еще находился в Македонии, в городе Ликия, во сне мне явился Бог в подобном облике и повелел не отступать от решения покорить всю Азию. Он вел войско мое и даровал победу над персами. Ныне впервые увидел я в лице священника Его образ, и в то, что Он обещал мне в будущем, я верю, поспею для меня честь поклониться Богу и человеку».

Александр вступил в город и под руководством священников принес Богу жертвы в храме, и показали ему [книгу] Даниила, в которой было сказано о том, что Греческое царство сокрушит Персидское, и, поразмыслив об этом, Александр возрадовался. На следующее утро он, собрав народ, повелел просить чего хотят².

¹ Как отмечается в «Истории сражений»: «И тогда все иудеи принялись восклицать: „Да здравствует Александр!“»

² В «Истории сражений» говорится: «Он тут же одарил понтифика и прочих священников многими дарами и повелел спросить их, какие подарки они хотят получить. Понтифик же иудеев молвил: „Пусть нам будет позволено следовать вере отцов наших“, — и изложил просьбу о том, чтобы каждый седьмой год не платить дань. На что [Александр] согласился. Затем оный испрошил, чтобы иудеям, находящимся в Вавилонии и Мидии, было разрешено исповедовать свою веру. [Александр] охотно пообещал все исполнить. Затем Александр покинул Иерусалим и, оставив там наместником Андромака, повел войско к остальным городам, в которых, когда он приходил к ним, все принимали его с любовью».

АЛЕКСАНДР И ПЛЕМЕНА ГОГА И МАГОГА

О ЗАКЛЮЧЕНИИ ДЕСЯТИ КОЛЕН
И СМЕРТИ АЛЕКСАНДРА

Итак, когда Александр достиг Каспийских гор, послали к нему просителей потомки десяти плененных коллен¹. Ибо они не могли сбросить с себя ярмо рабства, а за их свободу была установлена плата. Когда же он узнал, что они открыто отступились от Бога Израиля, поклоняясь золотому тельцу, и что через пророка Божьего им было предсказано вечное заключение, тогда он приказал заточить их. И едва начали мастера закладывать смоляными глыбами узкие проходы, он узрел, что подобное дело людям не по силам, и обратился с молитвою к Богу Израиля, чтобы тот помог завершить начатое. И сошлись с двух сторон отвесные скалы, и образовалось место,

¹ О пленении десяти коллен Израиля Петр Коместор сообщает словами четвертой Книги Царств (4 Цар. 17, 3–6), изменяя фразеологическую форму: так евреи оказываются не «в городах Мидийских» (4 Цар. 17, 6; 4 Цар. 18, 11), а «за горами Мидийскими и Персидскими» (МРЛ, СХСVIII, соч. 1407).

И по их просьбе он позволил всем иудеям, которые следуют вере предков, каждый седьмой год не платить дань, ибо каждый седьмой год они не обрабатывают землю и земля пребывает в субботнем покое¹.

Оттуда он отправился в другие города. Самаритяне, видя его щедрость по отношению к иудеям, назвали соплеменниками иудеев, ведущими род от Ефрема и Манассии. И пожелали, чтобы он почтил их храм в Гаризиме, что он обещал на обратном пути сделать. Когда же они испросили у него облегчение седьмого года, он спросил их, кто они. Они назвали евреями. Когда же он заинтересовался, являются ли они иудеями, они отрицали свою к иудеям принадлежность. И он ответил, что только иудеям даровал это.

Мы обойдем молчанием то, как Александр победил Дария и Пору и как он беседовал с деревьями солнца и луны, и прочее, достойное удивления, о чем Александр рассказывает в письме своему наставнику Аристотелю, и поведаем о тех его деяниях, которые связаны с Божьим народом.

Дополнение. Деревья солнца и луны. Когда солнце встает и его свет касается вершин деревьев, деревья сотрясаются до самых корней и тогда дают ответ тем, кто их спрашивает. Александр получил ответ о своей жене и матери и о том, что он умрет, если вступит в Вавилон. Из-за его сестры это так и вышло. Жрецы, которые там находятся, питаются плодами деревьев солнца и луны, живут по четыреста лет.

Петр Коместор. Ученая история. Книга Эсфирь. Гл. IV.

¹ Дань седьмого года была, как пишет Петр Коместор, наряду с податями, взимаемыми со служителей храма, наложена на иудеев во времена Артаксеркса сатраном Вагозом, ранее же, благодаря заступничеству Ездры, они были освобождены от этих повинностей.

Паломничество по святым местам конца IV века PEREGRINATIO AD LOCA SANCTA SAECULI IV EXEUNTIS

Изданное, переведенное и объясненное И. В. Помяловским.

Паломничество по Святым местам конца IV века // Православный палестинский сборник.
Вып. 20. СПб. 1889

[31] ...были показываемы, по писанию. Тем временем, идучи, дошли мы до некоего места, где шесть гор, между которыми шли, раскрывались и образовывали беспредельную долину, весьма ровную и прекрасную, а через долину виднелась священная, Божественная гора Синай. То место, где раскрывались горы, смежно с тем местом, в котором находятся гробы похотения. Когда приходишь в это место, то, по совету святых проводников, бывших с нами, и сказавших: есть обычай, по которому пришельцы здесь молятся, так как с этого места впервые видна Божественная гора — сделали и мы так. От этого же места до Божественной горы было может быть всего четыре мили, через долину, которая была, как я сказала, велика.

[2]. Эта долина, лежащая под склоном божественной горы, очень велика и имеет приблизительно (на сколько можно было заключить по глазомеру, или по словам проводников) в длину около 16 тысяч шагов, в ширину же 4000, как говорили. Для того, чтобы подняться [104] на гору, необходимо было перейти эту долину. Это есть огромная и ровная долина, где сыны Израилевы пребывали в те дни, когда Святой Моисей взошел на гору Господню и оставался там сорок дней и сорок ночей. Это есть долина, где отлит телец, каковое место показывается и ныне, ибо на этом месте стоит водруженным большой камень. Это та самая долина, в начале которой есть место, где Бог во второй раз глаголат из огненной купины к Святому Моисею, когда тот пас овец тестя своего. И так как путь лежал так, чтобы сперва взойти на Божественную гору, видную оттуда, откуда мы подходили, и легче доступную, а затем спуститься к началу долины, где была купина — потому что спуск с Божественной горы легче — мы и решили, осмотрев все, что хотели, и спустившись с Божественной горы, прийти к месту купины, а затем пройти посреди долины, в ее длину, и возвратиться к пути с божиими людьми, которые показывали нам в долине отдельные местности, упоминаемые в писании. Так мы и сделали. От того места, где, придя от Фарана, мы совершили моление, путь наш лежал так, что мы должны были перейти по середине начала той долины, и так подойти к Божественной горе. Сама же гора в окружности кажется одною; но когда войдешь в нее, то является их несколько, которые однако все зовутся Божественною горою; в частности же та, на вершине которой есть место, где снизошло величие Божие по писанию; она находится посреди всех других. [32] И хотя все окружающие горы такой вышины, какой я, как кажется, никогда, не видала, однако средняя гора, на которую снизошло величие Божие, на столько выше их всех, что, когда мы были на ней, то все остальные [105] горы, казавшиеся нам высокими, были до такой степени ниже нас, что представлялись небольшими холмиками. Достоин удивления и, как кажется, не без благодати Божией, то обстоятельство, что хотя средняя гора, в частности называемая Синаем, т. е. та, где снизошло величие Божие, и выше всех других, однако не может быть видима раньше, чем подойдешь к самой ее подошве, перед тем, однако, как на нее взобраться: а после того, как исполнив свое желание, спу-

стишься с нее, то видишь ее напротив, что до восхождения невозможно. Об этом я уже знала из рассказов братаи прежде, чем дошла до божественной горы, и, придя туда, убедилась воочию, что это так.

[3]. И так, в субботу вечером мы вступили на гору и когда прибыли к некоторым келлиям, то нас приняли весьма ласково монахи, жившие в них, и оказали нам всевозможное радушие. Есть там и церковь с пресвитером, где мы и остались на эту ночь, и затем рано утром в день воскресный, с пресвитером и монахами, жившими там, начали взбираться на отдельные горы, подъем на которые весьма труден: на них нельзя взбираться понемногу, огибая или, как говорится, улиткой, но необходимо влезать прямо, как бы на стену; и прямо же необходимо спускаться с каждой горы, пока не придешь к настоящей подошве срединной горы, которая и есть собственно Синай. И так, по велению Христа Бога нашего, при помощи молитв сопровождавших нас святых, хотя труд и был велик, потому что необходимо было взбираться пешком (не было никакой возможности взбираться верхом), однако он не чувствовался. И от того не чувствовался труд, что я видела исполнение, по велению [106] Божию, желания, которое имела. И так, в четвертом часу мы вззошли на вершину священной Божественной горы Синай, где был дан закон, т. е. на то месте, где снизошло величие Божие в тот день, когда дымилась гора. На этом месте есть церковь, небольшая, потому что и само место, т. е. вершина горы, не очень велико; однако церковь эта источает из себя великую благодать. И так, когда, по велению Божию, мы взобрались на самую вершину и подошли к дверям церкви, вышел нам на встречу пресвитер, пришедший [33] из своей келлии и приставленный к этой церкви; это был бодрый старец, монах от юности и, как говорят здесь, аскет, одним словом, достойный быть в таком месте. Вышли на вершину и другие пресвитеры, а также и все монахи, жившие возле горы, за исключением тех, которые были задержаны или старостью, или слабостью. Однако на самой вершине срединной горы не живет никто: там нет ничего, кроме одной церкви и пещеры, в которой был Святой Моисей. Прочитав все соответствующее месту из книги Моисея и совершив по чину литургию, мы причастились; при выходе же из церкви пресвитеры дали нам местное благословение от плодов, которые растут на горе. Хотя сама священная гора Синай вся скалиста, так что на ней нет даже и прутика, однако внизу у подошвы гор, как срединной, так и окружающих, есть небольшой ручей: тут святые отшельники рачительно рассаживают деревья, разводят садики или огороды, и возле них строят себе келлии, и получают некоторые плоды из горной земли, которые, как кажется, вырабатывают своими руками. И так, по причащении и получении от святых мужей благословения, мы вышли из дверей церкви, и я начала [107] просить их показать нам отдельные местности. Тогда тотчас святые мужи соблаговолили показать нам все, по одиночке. Так, показали нам ту пещеру, где был Святой Моисей, когда опять взошел на гору Божию, дабы принять вторые скрижали, после того как разбил первые при грехе народа; соблаговолили показать нам и прочие места, о которых мы расспрашивали, или которые они знали лучше нас. Хочу, чтобы вы знали, досточтимые сестры, что с того места, на котором мы стояли, то есть с окружности церковных стен, то есть с вершины срединной горы, те горы, на которые раньше мы с трудом взбирались, казались в сравнении с этой срединною, на которой мы стояли, столь низкими, как будто были холмиками. Между тем, они были до того высоки, что я, как кажется, никогда выше их не видала, за исключением срединной горы, которая значительно перед ними выдавалась. Под ногами нашими видели мы Египет, Палестину, Чермное море и Парфенитское, по которому плывут в Александрию — точно так же и обширные пределы Саракинов, видели под собою так, что едва можно было этому поверить, между тем все это в отдельности указывали святые мужи.

[34] [4]. Итак, исполнив все желание, с которым мы спешили взобраться, мы начали спускаться с вершины горы Божьей, на которую взобрались, на другую гору, служащую ей продолжением. Место это зовется на Хорив, и там есть церковь. Это место есть Хорив, где был святой пророк Илия, когда бежал от лица Ахава царя, и тут глаголал ему Господь: "что ты zde, Илие?", как написано в книге Царств. И пещера, где скрывался святой Илия, до днесь показывается там перед дверьми находящейся там церкви: [108] показывается там и каменный жертвенник, который воздвиг святой Илия для жертвы Богу, что в отдельности соблаговолили показать нам святые мужи. И так мы отслужили и там литургию и усердно помолились, и прочли соответствующее место из книги Царств: мы всегда настоятельно желали, чтобы, куда бы мы ни пришли, постоянно прочитывалось соответствующее место из писания. И так, отслужив и там литургию, мы пришли затем к другому месту, которое неподалеку указывали нам пресвитеры и отшельники, то есть к месту, где стоял Снятой Аарон с семьюдесятью старейшинами,

когда Снятой Моисей получал от Господа закон для сынов Израилевых. В этом месте, хотя и нет крова, есть однако огромная в окружности скала, с плоской равниной, на которой, как говорят, стояли Святые мужи: там, по середине, стоит подобие жертвенника, сложенного из камней. И здесь было прочтено место из книги Моисея и пропет приличествующий месту псалом. И так, помолившись, мы спустились оттуда. Было приблизительно уже начало восьмого часа, а нам еще оставалось три мили до выхода из гор, в которые мы вступили накануне вечером, но, как я сказала выше, выйти нам приходилось не с той стороны, с которой вошли, потому что было необходимо посетить все Святые места и все келльи, которые там были: и после этого нам нужно было пройти до начала той долины, о которой я говорила выше, то есть той, которая лежит у подошвы горы Божией. Пройти же до начала этой долины было нам необходимо потому, что там было много келлий святых мужей, и церковь в том месте, где находится купина: эта купина жива и до днесь и дает отпрыски. И так, спустившись с [109] горы Божией, мы пришли к купине, приблизительно в десятом часу. А эта купина, как я сказала выше, есть та, из которой глаголат Господь к Моисею в огне, и находится в местности, где есть много келлий [35] и церковь, в начале долины. А перед церковью прелестный сад, с обилием превосходной воды, и в этом саду купина. Возле указывают и то место, где стоял Моисей, когда сказал ему Бог: "иззуй сапоги от ног твоих", и прочее. Когда мы дошли до этого места, был уже десятый час, и так как был уже вечер, то мы не могли отслужить литургию. Но мы помолились в церкви, также как и в саду, у купины, и по обычаю было прочтено место из книги Моисея. И так как был вечер, мы облюбовали себе место в саду, перед купиною, со святыми мужами, и остались тут на ночь. На другой же день, проснувшись рано, мы попросили пресвитеров отслужить литургию. что и было сделано.

[5]. И так как наш путь лежал так, чтобы пройти вдоль по середине долины, где, как я сказала выше, сидели сыны Израилевы, пока Моисей восходил на гору Божию и спускался с нее, то святые мужи указывали нам отдельные места, по мере того, как мы шли по всей долине. В самом ее начале, где мы ночевали и видели купину, из которой глаголат Бог святому Моисею в огне, видели мы и то место, где стоял перед купиною Святой Моисей, когда глаголат ему Бог: "иззуй сапоги от ног твоих, место бо на нем же ты стопши, земля свята есть". И так, они начали нам постоянно показывать и прочие отдельные места, когда мы отправились от купины. Показали нам то место, где был стан сынов Израилевых в те дни, когда Моисей был на горе; показали [110] и то место, где был отлит телец — на этом месте и теперь находится большой камень. А мы во время пути против себя видели вершину горы, которая смотрит на всю долину: с этого места Святой Моисей видел сынов Израилевых пляшущими в те дни, когда они отлили тельца. Показали и большой камень на том месте, где спустился Святой Моисей с Иисусом Навином и об этот камень разбил в гневе принесенные им скрижали. Показали и то, как каждый имел жилище в этой долине, и от этих жилищ до днесь видны основания, как они были обнесены камнем; показали и место, где Святой Моисей повелел сынам Израилевым бежать от врат до врат, когда он возвратился на гору. Также показали место, где был сожжен, по повелению [36] Святого Моисея, телец, отлитый им Аароном. Также показали источник, из которого Святой Моисей поил сынов Израилевых, как писано в Исходе. Также показали нам место, где от духа Моисеева приняли семьдесят мужей. Также показали место, где сыны Израилевы возымели похоть явствий. Показали нам и то место, которое названо запалением, ибо тут сгорела некая часть стана, тогда, когда по молитве Святого Моисея остановился огонь. Показали нам и то место, где дождила им манна и перепела. И таким образом нам показано было все, что, как написано в священных книгах Моисея, произошло в этом месте, то есть в той долине, которая как я сказала, лежит под горою Божиею, то есть под Святым Синаем. Достаточно было упомянуть обо всем этом в частности, потому что запомнить такое количество было невозможно; но если любовь ваша прочтет книги Моисея, то увидит все подробнее, что [111] там произошло. Это есть та долина, где праздновалась пасха, по исполнении года исхода сынов Израилевых из земли Египетской, так как в этой долине сыны Израилевы оставались довольно долго, то есть на то время, пока Святой Моисей восходил на гору Божию, и сходил с нее в первый и второй раз; они оставались до тех пор, пока не был сделан кивот и остальное, указанное на горе Божией. Показали нам и то место, где был сделан Моисеем первый кивот и исполнено все, повеленное Моисею Богом на горе. Видели мы в конце долины гробы похотения, в том месте, куда мы снова возвратились к (продолжению) пути нашего, то есть там, где, выйдя из этой большой долины, мы стали возвращаться по пути, которым пришли, между горами, о которых я говорила выше. В этот же день мы пришли и к другим святым отшельникам, которые от старости или слабости не могли выйти к нам на гору Божию для совершения литургии: они удо-

стоили принять нас с большим радушием в своих келлиях. И так, мы обзрели все Святые места, видеть которые желали, также и все места, куда заходили сыны Израилевы на пути к горе Божией и обратно; увидав также и святых мужей, живших там, мы о имени Божии возвратились в Фаран. И хотя я должна всегда и за все благодарить Бога, не говоря уже про такие и столь великие благодеяния, которых он сподобил меня недостойную, не по заслугам моим, дозволив посетить все места: однако не могу достаточно возблагодарить и всех святых мужей за то, что они радушно принимали [37] нашу худость в своих келлиях и провожали по всем местам, о которых я постоянно расспрашивала по писанию. Многие из святых, жившие на [112] горе Божией или возле нее и бывшие посильнее, удостоили проводить нас вплоть до Фарана.

[6]. И когда мы прибыли в Фаран, отстоящий от горы Божией на тридцать пять миль, нам необходимо было остаться там на два дня для отдыха. И на третий день, выйдя утром оттуда, мы прибыли к новому ночлегу, то есть в пустыню Фаран, где мы уже ночевали на пути, как я выше сказала. Затем на другой день запасшись водою и пройдя еще через горы, прибыли мы к ночлегу, находящемуся уже при море, то есть в том месте, где выходят из гор и начинается путь по берегу моря, и при том так, что то вода хлещет по ногам животных, то вдруг путь лежит по пустыне в ста или в двухстах, а иногда и более, чем в пятистах шагах от моря: дороги тут нет никакой, но все песчаная пустыня. А фараниты, привыкшие путешествовать там со своими верблюдами, расставляют от места до места значки, к которым и держат путь, и так путешествуют днем; ночью же эти значки чуют верблюды. И что говорить много — быстрее и безопаснее в этой местности путешествуют по привычке фараниты ночью, чем кто-либо другой из людей может путешествовать в таких местах, где есть открытая дорога. И так, возвращаясь, мы вышли из гор в том самом месте, в котором мы вошли в них, идя вперед; и таким образом снова подошли к морю. Сыны же Израилевы, возвращаясь от горы Божией Синая до этого места, возвратились тем путем, каким пришли: т. е. до того места, где и мы вышли из гор и приблизились опять к Чермному морю; а оттуда — мы возвратились тем путем, каким пришли; сыны же Израилевы из того же места пошли по своему пути, как это писано в книгах Святого [113] Моисея. Мы же, тем же путем и теми же ночлегами, какими шли, возвратились в Клисму. И когда прибыли в Клисму, нам опять было необходимо отдохнуть, потому что мы прошли по весьма песчаному пути пустыни.

[7]. Хотя мне уже была знакома земля Гесем, так как я была в ней уже раньше в Египте, однако я желала увидеть все места, куда заходили сыны Израилевы, вышедши из Рамесси, до прибытия к Чермному морю (это место зовется теперь Клисма от находящегося там караула); и так, я желала отправиться [38] из Клисмы в землю Гесем, т. е. в город называемый Аравией, каковой город находится в земле Гесем; отсюда так зовется и сама местность, т. е. земля Аравии, земля Гесем, и образует часть Египта, которая гораздо лучше, чем весь Египет. От Клисмы, т. е. от Чермного моря до города Аравии четыре ночлега по пустыни, и притом так, что при каждом ночлеге есть караульни с воинами и начальниками, которые нас постоянно провожали от поста до поста. На этом пути святые мужи, бывшие с нами, то есть клирики и отшельники, показывали нам отдельные места, о которых я постоянно расспрашивала по писанию. Одни из этих мест были влево, другие вправо от пути нашего, одни вдали от дороги, другие близко. Прошу любовь вашу верить мне, что, насколько я могла рассмотреть, сыны Израилевы шли так, что на сколько они шли по правой стороне, на столько возвращались по левой, и на сколько уходили вперед, на столько возвращались назад, и таким образом они совершили путь до тех пор, пока не пришли к Чермному морю. Показали нам и Епаулеум, по другую, впрочем, сторону, были мы и в Магдале. Там [114] теперь есть караул, состоящий из воинов с начальником, которые там находятся по правилам римской дисциплины. Они, по обыкновению, проводили нас оттуда до другого караула; нам был указан Веельсепфон, где мы и были. Это есть поле на берегу Чермного моря, возле склона горы, о которой я говорила выше, где возопили сыны Израилевы, увидев преследовавших их Египтян. Показали нам и Офом, находящийся возле пустыни, как писано, также и Соккоф. Соккоф есть небольшой холм посреди долины и возле этого холма расположились станом сыны Израилевы; это есть место, где был получен закон Пасхи. По пути показали нам и город Пифо, который выстроили сыны Израилевы, в том месте, где мы вступили в пределы Египта, оставив земли Саракинов; теперь Пифо есть крепость. А город Ироон, существовавший в то время, когда вышел на встречу Иосиф отцу своему Иакову, как писано в книге Бытия, теперь село небольшое, то, что мы зовем виком (vicus). В этом вике есть церковь и гробницы (святых), и много келлий святых отшельников; для осмотра их всех, нам необходимо было

там остановиться, по принятому нами обыкновению. [39] Этот вик зовется теперь Иро, и этот Иро находится от земли Гесем на 16-м милиарие, в пределах Египта, местность же довольно обширна, ибо там протекает некая часть реки Нила. Итак, выйдя из Иро, мы пришли к городу называемому Аравией, каковой город находится в земле Гесем. Вследствие чего писано, что Фараон сказал Иосифу: "на лучшей земли посели отца твоего и братию твою, да вселятся в земле Гесем".

[8]. От города же Аравии четыре тысячи шагов до [115] Рамесси. Мы же, чтобы прийти на ночлег в Аравию, прошли по середине Рамесси; этот город Рамесси теперь поле, не имеющее ни одного жилища. Правда, видно, что в окружности он был велик и в нем было много построек; его развалины, как они упали, до днесь оказываются огромными. Теперь же там нет ничего, кроме одного большого фиванского камня, в котором высечены две большие статуи — Святых мужей, как говорят, Моисея и Аарона, и говорят, что сыны Израилевы воздвигли эти статуи в их честь. Кроме того, есть там, дерево сикомора, насажденное, как говорят, патрархами: оно уже очень старо, и от того не велико, хотя и приносит еще плоды. И если с кем случится неладно, идут туда, и собирают ветки, что приносит им пользу. Об этом мы узнали из слов святого епископа Аравии. Он нам сказал название дерева, как зовут его по-гречески, то есть *dendros alethiae*, что мы называем древом истины. Этот святой епископ соблаговолил выйти нам на встречу в Рамесси; он уже муж пожилой, по истине благочестивый отшельник, и ласково и очень хорошо приемлющий странников: он большой знаток Божественного писания. И так он, соблаговолив потревожить себя и выйти там нам на встречу, показал нам там отдельные местности и рассказал о статуях, про которые я упомянула, также как и о дереве сикомора. И про то рассказал нам святой епископ, что Фараон, увидав, что сыны Израилевы покинули его, прежде, чем нагнать их, вошел со всем войском в Рамесси и сжег весь город, бывший очень великим, и затем отправился вслед за сынами Израилевыми.

[9]. Случайно произошло весьма приятное для нас [116] обстоятельство, что день прибытия нашего на ночлег в Аравию совпал с кануном священнейшего дня Богоявления: в этот самый день должно было отправляться бдение в церкви. И так удержал нас там на два дня святой епископ, святой и по истине человек [40] Божий, уже довольно знакомый мне с того времени, как я была в Фиваиде. Этот святой епископ из отшельников: он воспитался в монастыре с юности, и оттого так сведущ в писании и так праведен в своей жизни, как я сказала выше. Отсюда мы отпустили воинов, которые, сообразно римской службе, нас охраняли, пока мы путешествовали по подозрительным местностям. И так как уже там были государственные владения в Египте, по которым проходили через город Аравию, т. е. пропускавший из Фиваиды в Пелусий, то поэтому нам не было необходимости беспокоить воинов. Отправившись затем все по земле Гесем, мы шли постоянно среди виноградников, производящих вино, и плантаций, производящих бальзам, среди огородов, возделанных полей и превосходных садов; мы шли все по берегу реки Нила, среди частых поселений, которые некогда были селениями сынов Израилевых. И зачем распространяться? местности, лучшей земли Гесем, я, как кажется, нигде не видала. И так, идя от города Аравии два дня все по земле Гесем, мы прибыли в Татнис — город, где родился святой Моисей. Это есть город Татнис, который некогда был столицей Фараона. И хотя, как я сказала выше, я уже знала эти места, когда была в Александрии и в Фиваиде, однако, желая вполне ознакомиться с местностями, через которые проходили сыны Израилевы, отправившиеся из Рамесси к горе Божией, Святому Синаю, [117] должна была вторично возвратиться в землю Гесем, и оттуда в Татнис. И так, отправившись из Татнис, идя уже знакомым путем, я прибыла в Пелусий, и оттуда отправившись вторично, идя через отдельные ночлеги Египта, через которые прежде лежал наш путь, прибыла в пределы Палестины. И оттуда, во имя Христа Бога нашего, сделав несколько ночлегов по Палестине, возвратилась я в Елию, то есть в Иерусалим.

[10]. Затем, по прошествии некоторого времени и по повелению Божию, я опять возымела желание отправиться в Аравию, к горе Навав, в ту местность, куда Бог повелел взойти Моисею, говоря ему: "Взыйди на гору Аварим, сия гора Навав, яже есть в земли Моавли прямо Иерихону, и виждь землю Ханааню, юже аз даю сыном Израилевым во обдержание: и скончайся тамо на горе, на нюже восходиши". И Господь наш Иисус, не оставляющий надеющихся на него, и в этом сподобил привести в исполнение мое желание. [41] И так, отправившись из Иерусалима, мы совершили путь со святыми мужами, то есть пресвитером и диаконами Иерусалимскими, и несколькими братьями, то есть отшельниками. И так мы

дошли до того места на Иордане, где перешли сыны Израилевы, когда их перевел через Иордан святой Иисус Навин, как об этом писано в книге Иисуса Навина. Показали нам и то место, немного возвышенное, где сыны Рувима и Гада и половина колена Манассиина сделали алтарь, на той стороне берега, где стоит Иерихон. И так, перейдя реку, мы пришли в город, который зовется Ливиада и который находится на той равнине, где тогда расположились станом сыны Израилевы. И до ныне в этом месте видны [118] основания стана сынов Израилевых и их жилищ, где они оставались. Это есть место, о котором писано: "и плакашася сынове Израилевы Моисея во Аравоф Моавли у Иордана близ Иерихона сорок дней". Это есть место, где после кончины Моисея тотчас Иисус Навин исполнился духа разума, потому что Моисей возложил на него руки, как писано. Это есть место, где написал Моисей книгу Второзакония; это есть место, где говорил Моисей во ушеса всего сонма Израилева словеса песни, до ее конца, как она написана в книге Второзакония. Это есть место, где Святой Моисей, человек Божий, благословил сынов Израилевых, каждого по одиночке перед кончиною своею. И так, когда мы прибыли на эту равнину, мы пришли на это место и произнесли там молитву; прочли на этом месте также и некую часть Второзакония, равно как и песнь Моисея и благословения, которые он произнес над сынами Израилевыми. И после чтения была еще раз произнесена молитва и, возблагодарив Бога, мы тронулись оттуда. У нас было постоянно обыкновение, когда мы прибывали на желаемое место, прежде всего произносить там молитву, затем прочитывать место из писания, также как и один псалом, относящийся к событию, и произносить второй раз молитву. Это обыкновение мы, по повелению Божию, соблюдали всегда, когда могли прибыть в желаемые места. И так, для довершения начатого дела, мы стали торопиться придти к горе Навав. На пути нам напомнил пресвитер этого места, то есть Ливиады, которого мы попросили пойти с нами с ночлега, так как он лучше знал местность. И так, пресвитер сказал нам: если вы хотите видеть воду, которая течет из камня, то есть которую дал Моисей [119] жаждавшим сынам Израилевым, то вы можете видеть, [42] если только хотите потрудиться свернуть с дороги приблизительно на шестую милю. Когда он сказал это, мы с жадностью пожелали идти, и тотчас свернув с пути, последовали за пресвитером, который нас вел. В этом месте есть небольшая церковь под горою — не Навав, но другою внутренней, однако недалеко от Навав; там живут весьма многие отшельники, по истине святые, и которых здесь зовут аскетами.

[11]. Эти святые отшельники удостоили принять нас весьма радушно, ибо позволили нам войти к себе для приветствия. И когда мы вошли к ним, то, после молитвы с ними, они соблаговолили дать нам благословения, какие обыкновенно дают тем, кого принимают радушно. Там, между церковью и келлиями, по середине течет из камня обильная вода, очень хорошая, чистая и превосходного вкуса. Тогда мы спросили святых отшельников, живших там, что это за вода такая и столь вкусная. Тогда они сказали: это есть вода, которую дал святой Моисей сынам Израилевым в этой пустыне. И так, мы тут по обыкновению произнесли молитву, прочли соответствующее чтение из книг Моисея, и пропели один псалом; и затем вместе со святыми клириками и отшельниками, которые пришли с нами, мы пошли к горе. И многие из святых отшельников, живших возле этой воды, и бывших в состоянии подъять на себя труд, соблаговолили подъяться вместе с нами на гору Навав. И так, отправившись с этого места, мы пришли к подошве горы Навав, которая очень высока, но так однако, что большая ее часть может быть пройдена, сидя на ослух; незначительная же часть была крута, [120] и на нее необходимо было взбираться пешком, как мы и сделали.

[12]. И так, мы добрались до вершины этой горы, где теперь есть небольшая церковь, на самой вершине, горы Навав. В этой церкви, на том месте, где находится амвон, я увидела небольшое возвышение такой величины, какую имеют обыкновенно надгробия. Тогда я спросила святых мужей, что это такое, и они ответили: здесь положен ангелами святой Моисей, ибо как писано, не уведа никто же погребения его; так как известно, что он погребен ангелами. И могила его, где он погребен, и до днесь не указывается: а как нам была здесь указана нашими предшественниками, которые жили здесь, так и мы вам указываем; а эти предшественники говорили, что так [43] им сообщили их предшественники. И так, мы произнесли молитву и все, что обыкновенно по порядку делали в каждом Святом месте, было сделано и здесь; и потом стали выходить из церкви. Тогда люди, знакомые с местностью, то есть пресвитеры и святые отшельники, сказали нам: если вы хотите видеть места, о которых писано в книгах Моисея, то подойдите к дверям церкви и с вершины, с той стороны, с которой можно видеть отсюда, смотрите внимательно, и мы вам скажем, что это за отдельные местности, которые видны. Тогда мы, весьма обрадовавшись, тотчас вышли из церкви. И из дверей ее видели место, где Иордан впадает в Мертвое море: это место было видно под нами, как мы стояли. Видели также напротив не только

Ливиаду, которая была по сю сторону Иордана, но и Иерихон, что за Иорданом: так высоко было то место, где мы стояли, то есть перед дверьми церкви. Оттуда видна была большая часть [121] Палестины, которая есть земля обетования, равно как и вся область Иордана, на сколько можно было обнять взором. С левой стороны мы видели все земли Содомитян, также и Сигор; этот Сигор — один из тех пяти городов существует теперь. Там есть и памятник, а от прочих городов не видно ничего, кроме груд развалин, как они были превращены в пепел. Было указано нам и место, где был столб жены Лота; это место упоминается в писании. Но верьте мне, уважаемые госпожи, что столба уже не существует, а указывается только его место; самый же столб, как говорят, залит Мертвым морем. Место видели мы бесспорно, но столба не видали никакого, и поэтому я не могу обмануть вас по поводу этого. Ибо епископ этого места, то есть Сигора, сказал нам, что уже несколько лет. как не видно этого столба. От Сигора место, где стоял этот столб, отстоит приблизительно на шестую милю, и оно теперь все покрыто водою. Также подошли мы снаружи и к правой стороне церкви, и нам показали напротив два города, то есть Есевон, принадлежавший Сиону, царю Аморрейскому, и который теперь зовется Ексевон, и другой Ога, царя Васанского, который зовется теперь Сафдра. С этого же места показали [44] нам напротив Фогор, бывший городом царства Эдомского. Все эти города, которые мы видели, были расположены на горах, а под ними, немного ниже, видна была равнина. И тогда сказали нам, что в те дни, когда святой Моисей и сыны Израилевы сражались против этих городов, на этой равнине был расположен их стан; ибо там были видны его следы. С той части горы, которую я назвала левою и которая возвышалась над Мертвым морем, [122] показали нам очень обрывистую гору, которая прежде звалась Агриспекула. Это есть гора, на которую взял Валак сын Веора божественного Валаама для проклятия сынов Израилевых; и не восхотел Господь попустить это, как писано. И так, увидав все, что желали, мы о имени Господнем возвратились через Иерихон, и по пройденному пути прибыли обратно в Иерусалим.

[13]. Затем, по прошествии некоторого времени, я пожелала посетить страну Авситидийскую, для того чтобы увидеть гробницу святого Иова, молитвы ради. Я видала многих святых отшельников, приходивших оттуда в Иерусалим для посещения святых мест, молитвы ради: они, рассказывая подробности об этой местности, возбудили во мне сильное желание подъять на себя труд посетить и ее, если только можно назвать трудом то, когда человек видит исполнение своего желания. И так, я отправилась из Иерусалима со святыми мужами, которые соблаговолили провожать меня на пути, и сами отправлялись молитвы ради. И так, держа путь от Иерусалима до Карней, мы прошли восемь ночлегов (Карнеями зовется теперь город Иова, который прежде назывался Деннава в земле Авситидийской, на границах Идумеи и Аравии). Идя этим путем, я видала на берегу реки Иордана долину весьма прекрасную и приятную, обилующую виноградниками и деревьями, потому что там было много превосходной воды. В этой долине есть большое поселение, которое теперь называется Седима. И так, в этом поселении, находящемся среди равнины, в центре есть пригорок небольшой, но сделанный так, как обыкновенно делают надгробия, и притом большая. Там на верху есть церковь, а внизу, кругом пригорка, видны большие [123] древние основания. Теперь в поселении живут некоторые толпы. Я, увидав столь прелестное место, спросила: какое это столь приятное место? Тогда мне сказали: это есть город царя Мельхиседека, называвшийся прежде Салем, откуда теперь, в испорченной речи, поселение зовется Седима. [45] На этом пригорке, лежащем в центре поселения, на верху его, постройка, которую видишь, есть церковь; эта церковь называется теперь на греческом языке *ори melchis et haec* (т. е. *Melchisedec*). И это есть место, где принес Мельхиседек Богу чистые жертвы, то есть хлебы и вино, как это про него написано.

[14] Тотчас, услышав это, мы слезли с животных; и вот нам на встречу соблаговолил выйти святой пресвитер этого места и клирики, которые тотчас, приняв нас, повели вверх к церкви. Когда мы туда пришли, тотчас, по обыкновению, сперва произнесли молитву, затем прочли место из книги Моисея и пропели псалом, соответствующий местности; и снова помолившись, спустились. Когда мы спустились, то нам сказал святой пресвитер, бывший уже старцем и прекрасно знающий писание; он был настоятелем этого места из отшельников, и о жизни этого пресвитера много свидетельствовали многочисленные епископы, как я об этом узнала в последствие. Они говорили о нем, что он достоин настоятельствовать в том месте, где Святой Мельхиседек при приходе Святого Авраама впервые принес Богу чистые жертвы.

[15]. И так, когда мы спустились, как я сказала выше, вниз из церкви, святой пресвитер сказал нам: "вот эти основания кругом этого пригорка, которые вы видите, принадлежат чертогам царя Мельхисе-

дека. И до сих пор, если кто вдруг захочет [124] неподалеку выстроить себе жилище, берет отсюда камни для основания, и по временам находит тут небольшие кусочки серебра и меди. И эта прямая дорога, которая, как вы видите, проходит между рекою Иорданом и этим поселением, есть та, по которой возвратился Святой Авраам после убиения языческого царя Ходоллогомора, на возвратном пути в Содом, когда ему вышел на встречу Святой Мельхиседек, царь Салимский. "И тогда, помня из писания, что Святой Иоанн крестил в Еноне возле Салима, я спросила у пресвитера, далеко ли это место? И он сказал: "вот здесь, в двухстах шагах; и если хочешь, я проведу вас туда пешком. И эта вода, столь обильная и чистая, которую вы видите в этом поселении, идет из того источника". Тогда я начала его благодарить и просить, чтобы он провел нас к тому месту, что и было сделано. И так, мы тотчас пошли с ним пешком по прелестной долине, пока не пришли к прекрасному саду из плодовых деревьев; там по середине он показал нам источник прекрасной и чистой воды, дававший из себя начало целой реке. Перед источником был род озера, где, как кажется, и совершал таинство Святой Иоанн Креститель. Тогда сказал нам святой пресвитер: "и до ныне этот [46] сад зовется не иначе по-гречески, как *coros tu agiu Ioanni*, или, как вы говорите по-латыни: сад Святого Иоанна. И многие братия, святые отшельники, приходя из различных мест, стараются искупаться в этом месте". И так мы у источника, как и во всех местах, опять произнесли молитву и прочли чтение, пропели и приличный псалом: все то, что мы обыкновенно делали всякий раз, как приходили к Святым местам, сделали мы и тут. И еще сказал нам святой пресвитер, [125] что вплоть до настоящего дня все, которые должны быть крещаемы о пасхе в поселении. то есть в церкви, которая зовется *oru Melchisedech*, крестятся в источнике, и затем тотчас со свечами возвращаются в сопровождение клириков и отшельников, при пении псалмов и антифонов; и таким образом все окрещенные тотчас отводятся от источника до церкви Святого Мельхиседека. И мы, получив от пресвитера благословение, из сада Святого Иоанна Крестителя, также как и от святых отшельников, имевших свои келльи в плодном саду, отправились в путь, которым шли, всегда благодаря Бога.

[16]. И так, пройдя некоторое время по долине Иордана, на берегу реки, по которому некоторое время лежал наш путь, внезапно увидели мы город Святого пророка Илии, то есть Фесвию, откуда он и получил прозвание Илия Фесвитянин. Там до ныне существует пещера, в которой сидел святой, и там есть гробница святого Гефы, имя которого читаем в книгах Судей. И так, и там возблагодарив Бога по своему обыкновению, мы отправились далее в наш путь. И идя по этому пути, видели мы прелестную долину, приближавшуюся к нам слева, которая была большая и из нее впадал в Иордан большой поток: там, в долине мы увидели келлию некоего теперь брата, то есть отшельника. Тогда я, по своему любопытству, стала расспрашивать, что это за долина, где святой отшельник построил теперь себе келлию; я полагала что это не без причины. Тогда святые мужи, путешествовавшие вместе с нами и знавшие местность, сказали нам: "это есть долина Хорафа, где оставался святой Илия Фесвитянин во время царя Ахава, когда был голод, и по повелению Божию вороны носили ему [126] пищу, а из этого потока он пил воду. Ибо этот поток, который, как ты видишь, течет по долине в Иордан, есть Хораф". И так, тем не менее возблагодарив Бога, сподобившего указать нашему недостойнству все, что мы желали, мы продолжали наш путь, как это делали каждый день. И так, продолжая ежедневный путь, внезапно, левой стороны, откуда мы видели напротив пределы Финикии, заметили мы большую и весьма высокую гору, которая тянулась в длину....

(Вырезаны листы).

[47] ...и этому святому отшельнику и пустыннику было необходимо двинуться после стольких лет, в течение которых он пребывал в пустыне, и спуститься в город Карнеи, для сообщения епископу и клирикам о том времени, когда ему было откровение, чтобы они копали в том месте, которое ему было указано, что и было сделано. И они, копая в указанном месте, обрели пещеру, следуя по которой приблизительно на сто шагов, при копании внезапно открыли камень; и когда очистили этот камень, то нашли вырезанным на его крышке: Иов; тогда в честь этого Иова была в этом месте, выстроена церковь, которую вы видите, и при том выстроена так, что камень с телом не был передвинут на другое место, но тело лежало там, где было найдено, и было прикрыто престолом. А та церковь, которую строил какой-то трибун, стоит неоконченною и до ныне. На другой день утром мы попросили епископа совершить литургию, что он и соблаговолил сделать, и, получив благословение от епископа, мы отправились. И так, причастившись и возблагодарив там Бога во веки, мы возвратились в [127] Иерусалим, проходя путь по всем тем ночлегам, по которым мы ходили три года тому назад.

[17]. Затем, во имя Господне, по истечение некоторого времени, когда исполнилось уже три года, как я прибыла в Иерусалим, и когда я увидела все святые места, к которым стремилась молитвы ради, я возымела желание возвратиться в отечество. Хотела я с соизволения Божия побывать и в Месопотамии Сирийской, чтобы повидать святых отшельников, которые как говорили, были там весьма многочисленны и отличались такою жизнью, что трудно и сказать; точно так же хотела я посетить эту страну и молитвы ради у гроба Святого апостола Фомы, где лежит его нетленное тело, то есть в Едессе. Господь наш Иисус в послании, отправленном к царю Авгарю через гонца Ананию, обещал, после своего вознесения на небо, послать туда Фому. Это послание хранится с большим благоговением в городе. Едессе, где находится и гробница. И да поверит мне любовь ваша, что нет ни одного христианина, который не направлялся бы туда молитвы ради: я говорю о тех, которые приходят во Святые места, то есть в Иерусалим. А это место отстоит от Иерусалима на двадцать пятом ночлеге. И так как к Месопотамии ближе из Антиохии, то, по повелению Божию, мне было удобно на возвратном пути в Константинополь (так как путь лежал через Антиохию) пройти в Месопотамию, что и исполнилось, по повелению Божию.

[18]. [48] И так, во имя Христа Бога нашего, отправилась я из Антиохии в Месопотамию, держа путь через несколько ночлегов или городов провинции Сирии Келе, которая принадлежит Антиохии; и оттуда, вступив в пределы провинции Августофратской, прибыла в город Иераполис, метрополь этой провинции, то [128] есть Августофратской. И так как этот город очень красив, богат и изобилует всем, то мне было необходимо остановиться там; так как от него было уже недалеко до пределов Месопотамии. И так, отправившись из Иераполя, на пятнадцатой миле, о имени Господнем, дошла я до реки Евфрата. О нем писано весьма справедливо, что река Евфрат велика и огромна и как бы ужасна; она течет с такою же стремительностью, как и Рона, только Евфрат гораздо больше. И так как необходимо было переплыть его на кораблях, и притом больших, то я пробыла тут, может быть, более полудня; и затем, переплыв о имени Господнем реку Евфрат, вступила в пределы Месопотамии Сирийской.

[19]. И так, снова продолжая путь через несколько ночлегов, я прибыла в город, имя которого читается в писании, то есть Ватанис, каковой город существует и до ныне. В нем находится церковь с епископом по истине святым, отшельником и исповедником; есть и несколько гробниц святых. Город изобилует множеством жителей; в нем расположены и воины со своим трибуном. Отправившись оттуда, мы, о имени Христа Бога нашего, прибыли в Едессу и, прибыв туда, тотчас направились к церкви и к гробнице Святого Фомы. И там мы, по обыкновению, произнесли молитвы и исполнили все, что обыкновенно делали в Святых местах; прочли также некоторые места из Святого Фомы. Там есть церковь, большая и очень красивая, выстроенная недавно и вполне достойная быть домом Божиим; и так как было многое, что я желала там видеть, то мне было необходимо остановиться там на три дня. И так, я видела в этом же городе очень много гробниц [129] святых, а также видела и святых отшельников, из которых одни жили возле гробниц, другие имели свои келльи вдали от города, в уединенных местах. И так как святой епископ этого города, муж истинно благочестивый, также отшельник и исповедник, приняв меня радушно, сказал: "так как я вижу, что ты, дочь моя, благочестия ради подъяла на себя столь великий труд, придя к этим местам с края света, [49] то мы, если желаешь, покажем тебе все места, которые здесь приятно видеть христианам". Тогда я, возблагодарив сперва Бога, а потом его, настоятельно просила, чтобы он соблаговолил исполнить то, что говорил. И так, прежде всего он повел меня ко дворцу царя Авгаря и показал мне там подлинное и, как говорили, весьма схожее его изображение, сделанное из мрамора столь блестящего, что он походил на жемчуг: по лицу этого Авгаря, если стать против него, было видно, что он по истине был человек весьма мудрый и почтенный. Тогда святой епископ сказал мне: "вот царь Авгарь, который, не видев Господа, поверил, что он есть истинный сын Божий". Возле него было другое подлинное изображение, подобным же образом сделанное из такого же мрамора, которое мне назвали изображением его сына Магна, и которое также представляло некую подобную же приятность в лице. Затем мы вошли во внутренность дворца, и там были источники полные рыбы, каких я еще никогда не видала, то есть столь больших, столь чистых и столь вкусных. Сам город теперь не имеет совершенно никакой другой воды, кроме той, которая течет из дворца и которая похожа на большую, как бы серебристую, реку. И тогда рассказал мне об этой воде святой епископ следующее: [130] "в некое время, после того, как царь Авгарь писал к Господу и Господь ответил Авгарю через гонца Ананию, о чем писано в самом послании; и так, по истечение некоторого времени, приходят Персы и окружают этот город. Но тотчас Авгарь, принеся послание Господа к воротам, совершил обществен-

ное моление со всем своим воинством, и затем сказал: "Господи Иисусе, ты обещал нам, что никто из врагов не войдет в этот город: а вот теперь Персы нападают на нас". Когда царь сказал это и держал в поднятых руках раскрытое послание, внезапно извне, вокруг города, сделался такой мрак, и при том перед глазами Персов, уже подступавших к городу, так что они были от него на третьей миле; затем они пришли в такое смятение от мрака, что едва могли расположиться станом и окружить весь город на расстоянии третьей мили. И смятение Персов было таково, что они потом никогда не могли увидеть, с какой стороны им войти в город; за то они осадили, и притом на расстоянии третьей мили, город запертый врагами, и осаждали его в течение нескольких месяцев. Потом, увидав, что они никаким способом не в состоянии войти в город, решили уморить жаждою в нем бывших. Ибо с этого пригорка, который, как ты видишь, [50] дочь моя, возвышается над нашим городом, в то время шла в город вода. Увидав это, Персы отвели воду от города и сделали ей спуск против того места, где сами расположились станом. И так, в тот день, и в тот час, когда Персы отвели воду, внезапно эти источники, которые ты видишь, по повелению Божию пробились; и с того дня эти источники продолжают течь здесь, по благодати Божией, до ныне. А та вода, которую отвели Персы, так иссохла с того [131] часа, что у самих осаждающих город не хватило питья даже на один день; и так остается и поныне, потому что потом никогда до ныне не появлялось там никакой влаги. И так, по повелению обещавшего сие Бога, (врагам) было необходимо тотчас возвратиться восвояси, то есть в Персиду. И впоследствии, всякий раз как враги желали подойти к этому городу и завоевать его, было выносимо это послание и читаемо в воротах, и тотчас, по мановению Божию, все враги были изгоняемы". И еще сказал нам святой епископ, что там, где эти источники пробились, было до того времени поле, внутри города, прилежавшее ко дворцу Авгаря. Этот дворец Авгаря был расположен как бы на возвышенном месте, как он оказывается и теперь, как ты видишь. Ибо в то время был такой обычай, что дворцы, всякий раз как строились, делались на возвышенных местах. Но после того, как в этом месте пробились эти источники, Авгарь выстроил в этом месте этот дворец сыну своему Магну, то есть тому, подлинное изображение которого ты видишь находящимся рядом, и при том выстроил так, что эти источники были включены внутрь дворца. И святой епископ, рассказав мне все это, сказал: "пойдем теперь к воротам, в которые вошел гонец Анания с тем посланием, про которое я говорил". И так, когда мы пришли к этим воротам, епископ, остановившись, произнес молитву и прочел нам послания, и вновь благословил нас, после чего вторично была произнесена молитва. И еще сказал нам святой, говоря: "Вследствие этого, с того дня, как гонец Анания вошел в эти ворота с посланием Господним, до настоящего дня блюдетсЯ, чтобы в эти ворота не входил никто нечистый и никто в печальной одежде, [132] и чтобы через эти ворота не выносили никакого покойника". Святой епископ показал нам также и гробницу Авгаря и всего его семейства, очень красивую, но сооруженную по древнему обычаю. Он повел нас и к тому верхнему дворцу, который прежде имел царь Авгарь; показал он нам и другие местности. Мне было весьма приятно, что я получила от святого мужа послания, как Авгаря к Господу, так и Господа к Авгарю, которые нам читал там святой епископ. И хотя на родине и были у меня списки с них, однако мне показалось более приятным получить их от самого епископа, чтобы к вам на родину дошли [51] более полные списки, так как то, что я здесь получила, по истине гораздо больше. По этому, если повелит Господь наш Иисус, и я возвращусь на родину, то я прочту их вам, госпожи возлюбленные мои.

[20]. И так, после трехдневной остановки, мне было необходимо пройти еще вперед до так называемых Харр. Ибо в священном писании место остановки святого Авраама названо Харрами, как написано в книге Бытия, когда Господь говорил Аврааму: "изыди от земли твоея и от дому отца твоего, и иди в Харрам", и прочая. И так, придя туда, то есть в Харры, я тотчас посетила церковь, находящуюся в городе, и затем видела епископа этого места, по истине святого и человека Божия, отшельника и исповедника, который соблаговолил указать нам все места, видеть которые мы желали. Он тотчас повел нас в церковь, находящуюся вне города, на том месте, где был дом Святого Авраама, и построенную на его основании и из того же камня, как говорил святой епископ. И когда мы пришли в церковь, то произнесли молитву и прочли соответствующее [133] место из Бытия; пропели также и один псалом и повторили молитву; по получении благословения от епископа, мы вышли из церкви. Также соблаговолил он провести нас и к тому колодезю, из которого носила воду Святая Ревекка. И сказал нам святой епископ: вот колодезь, из которого Святая Ревекка поила верблюдов раба Святого Авраама, то есть Елеазара; и так он соблаговолил показать нам все местности. Ибо в церкви, находившейся, как я сказала, за городом, госпожи уважаемые сестры, где был прежде дом Авраама, теперь существует гробница

некоего святого отшельника по имени Елпидия. Случилось обстоятельство весьма для нас приятное, что мы прибыли к гробнице Святого Елпидия накануне дня воспоминания его мученичества, в девятый день Майских календ: в этот день должны были сойтись в Харры отовсюду, со всех концов Месопотамии, все отшельники, даже и те старейшие, которые жили в уединении, и которых зовут аскетами. Этот день чествуется там весьма торжественно и ради памяти Святого Авраама, так как его дом был там, где теперь церковь, в которой почивает тело Святого мученика. И так нам сверх чаяния была великая радость, что мы увидели там месопотамских отшельников, Святых и по истине людей Божиих; видели даже и тех, молва о жизни которых разошлась на далекое пространство, и узреть которых я совершенно не надеялась. И не потому, чтобы Господь, благоволивший даровать мне все, не мог бы даровать и этого, но потому, что я слышала, что они не выходят из своих жилищ, кроме дня Пасхи и этого дня: потому также, что они совершают великие подвиги, и потому что [52] я не знала, в каком месяце приходится упомянутый [134] день воспоминания мученичества. И по велению Божию, случилось так, что я прибыла туда в тот день, на который не надеялась. И так мы прожили и тут два дня, как ради воспоминания дня мученичества, так и для того, чтобы повидать тех святых мужей, которые соблагволили принять меня весьма охотно при приветствии, и говорить со мною, чего я не заслуживала. Затем, на следующий день после воспоминания мученичества, их не было видно, так как ночью они отправились в пустыню, каждый в свою келью, где у кого она была. В самом же городе, кроме немногих клириков и святых отшельников, живущих в городе, я не нашла ни одного христианина, но все язычников. Ибо, подобно тому, как мы с большим уважением чествуем это место, где прежде был дом Святого Авраама, ради памяти его, так и эти язычники чествуют с большим уважением отстоящее на тысячу шагов от города место, где находятся гробницы Нахора и Вафуила. И так как епископ этого города весьма сведущ в писании. то я спросила у него, говоря: "прошу тебя, владыко, скажи мне, что я желаю услышать". И он сказал: "говори, дочь моя, что желаешь, и я скажу тебе, если знаю". Тогда я сказала: "я знаю из писания, что Святой Авраам пришел в это место с отцом своим Фарой, женою Саррой и племянником Лотом; про Нахора же и Вафуила я не читала, когда они пришли в это место; знаю только одно, что потом раб Авраама пришел в Харры для того, чтобы просить Ревекку, дочь Вафуила, сына Нахора, сыну господина своего Араама, Исааку". Тогда сказал мне святой епископ: "справедливо, дочь моя, писано в Бытии, как ты говоришь, что Святой Авраам пришел сюда [135] со своими; про Нахора же с его спутниками и про Вафуила писание каноническое не говорит, в какое время они пришли. Но очевидно, что впоследствии пришли и они, и, наконец, их гробницы находятся здесь, приблизительно в тысяче шагах от города. Истинно свидетельствует писание, что для взятия Святой Ревекки сюда пришел раб Святого Авраама, и затем приходил сюда и Святой Иаков, когда взял дочерей Лавана Сирина". Тогда я спросила, где находится тот колодезь, из которого святой Иаков поил овец, которых поила Рахиль, дочь Лавана Сирина. И сказал мне епископ: "это место на шестой миле отсюда, возле поселения, которое было тогда домом Лавана Сирина: и когда ты захочешь туда пойти, то мы пойдем с тобою и покажем тебе; там есть много отшельников весьма святых и аскетов, и там есть святая церковь". И о том спросила я у святого епископа, где то место Халдеев, где сперва жил [53] Фара со своими. Тогда святой епископ сказал мне: "то место, о котором ты спрашиваешь, дочь моя, находится на десятом ночлеге отсюда, во внутри Персиды. Ибо отсюда до Низибиса пять ночлегов, и оттуда до Хура, который был город Халдеев, еще пять других ночлегов; в настоящее время туда нет доступа Римлянам, так как всею местностью владеют Персы. Эта местность в частности зовется восточною, и составляет границу Римлян и Персов или Халдеев". Он соблагволил рассказать мне и многое другое, подобно тому, как это же благоволили делать и прочие святые епископы и святые отшельники; все рассказы их были или о писании Божиим, или о подвигах святых мужей, то есть отшельников, о чудесах как содеянных теми, которые уже скончались, [136] так и о тех, которые ежедневно совершают еще живущие, то есть аскеты. Да не подумает любовь ваша, что между отшельниками бывают когда-нибудь иные разговоры, как о писании Божиим или о подвигах великих отшельников.

[21]. После двухдневного нашего там пребывания, повел нас епископ к тому колодцу, где напоил Святой Иаков овец Святой Рахили; этот колодезь находится на шестой миле от Харр, и в честь этого колодезя выстроена возле Святая церковь, очень большая и красивая. Когда мы пришли к этому колодезю, то епископ произнес молитву, прочтено было соответствующее место из Бытия, пропет один псалом, приличествующий месту, и, после вторичной молитвы, епископ нас благословил. Видели мы лежащий возле колодезя огромный камень, который отодвинул Святой Иаков от колодезя; камень этот

показывается и поныне. Тут, близ колодезя, не живет никто, кроме клириков находящейся там церкви, и отшельников. имеющих свои кельи возле; образ их жизни, по истине неслыханный, рассказал нам святой епископ. И так, помолвившись в церкви, я пошла с епископом к святым отшельникам, к их келльям, благодаря и Бога и их за то, что они благоволили радушно принимать меня в своих келльях, в которые я входила, и говорить со мною такие речи, которым было вполне достойно исходить из уст их. Благоволили они дать мне и всем, бывшим со мною, благословенье, как обыкновенно дают отшельники тем, которых радушно принимают в своих келльях. И так как самое место лежит на обширном поле, то напротив святой епископ показал мне довольно большое поселение, приблизительно в пятистах шагах от колодезя, [137] через каковое поселение мы держали путь. Это поселение, как говорил епископ, было некогда домом Лавана Сирина, и зовется Фадана. В [54] поселении показали мне гробницу Лавана Сирина, тестя Иакова, показали мне и то место, откуда похитила Рахиль идолов отца своего. И так, о имени Господнем, осмотрев все и простившись со святым епископом и святыми отшельниками, которые благоволили проводить нас до этого места, мы возвратились тем же путем и ночлегами, которыми прибыли из Антиохии.

[22]. Возвратившись в Антиохию, я пробыла там неделю, пока было приготовлено все необходимое для путешествия. И затем, отправившись из Антиохии и пройдя несколько ночлегов, я прибыла в провинцию, которая называется Киликией и которая главным городом имеет Тарс; в этом Тарсе я уже была по пути в Иерусалим. И так как от Тарса, на третьем ночлеге, то есть в Исаврии, находится гробница Святой Феклы, то мне было очень приятно пройти и туда, в особенности потому, что это было так близко.

[23]. Отправившись из Тарса, я прибыла в некий город, на море, еще в Киликии, который называется Помпейополис. И оттуда, вступив в пределы Исаврии, остановилась в городе, который называется Корики, и на третий день прибыла в город, который называется Селевкия Исаврийская. Прибыв туда, я побывала у епископа, по истине святого мужа из отшельников, и видела в том же городе весьма красивую церковь. И так как оттуда до Святой Феклы, каковое место находится за городом на ровном возвышении, будет от города приблизительно тысяча пятьсот шагов, то я предпочла пройти туда, чтобы сделать там предположенную остановку. А там у святой [138] церкви нет ничего кроме бесчисленных келлий мужей и жен. И там я нашла одну свою близкую подругу, о жизни которой свидетельствовали все на востоке, святую диакониссу, по имени Марфану; с нею я познакомилась в Иерусалиме, куда она приходила молитвы ради; она управляла келлиями затворниц и дев. Когда она меня увидела, какая могла быть наша взаимная радость? могу ли я ее описать? Но возвращаясь к делу, там по всему возвышению находится множество келлий, а по середине высокая стена, окружающая церковь, в которой находится гробница; и эта гробница весьма красива. А стена выведена для того, чтобы охранять церковь от Исаврян, так как они очень злы и часто разбойничают, чтобы они не дерзнули сделать что-либо с монастырем, который к ней приписан. И так, придя туда о имени Господнем, я произнесла молитву у гробницы и прочла все деяния Святой Феклы, и затем принесла бесконечное благодарение Христу, Богу нашему, сподобившему исполнить во всем желания меня недостойной и [55] не заслужившей. И так, проведя там два дня и повидав святых отшельников и затворников, как мужей, так и жен, бывших там, помолвившись и причастившись, я возвратилась в Тарс к своему пути; и остановившись там на три дня, о имени Господнем, отправилась оттуда в свой путь. И прибыв в тот же день к ночлегу именуемому Мансокренас, расположенному у подошвы горы Тавра, переночевала там. И оттуда, на другой день поднявшись на гору Тавр, и держа знакомый путь по всем провинциям, которые я проходила уже ранее, то есть Каппадокию, Галатию и Вифинию, прибыла в Халкидон, где остановилась ради находящейся там знаменитой гробницы Святой [139] Евфимии, которая мне уже издавна была известна. И затем, на другой день переплыв море, я прибыла в Константинополь, благодаря Христа Господа нашего за то, что он сподобил даровать такую милость мне недостойной, не по моим заслугам, то есть за то, что он сподобил даровать не только желание идти, но и возможность посетить все, что я желала, и снова возвратиться в Константинополь. Когда я прибыла туда, я посетила все церкви и апостолов и все святые гробницы, которых там весьма много, и возносила там непрестанные благодарения Господу нашему Иисусу, который по чрезмерному милосердию своему сподобил даровать мне тако. Когда я оттуда писала это любви вашей, госпожи, свет мой, я уже задумала о имени Христа Господа нашего посетить Азию, то есть Ефес, ради гробницы Святого и блаженного апостола Иоанна, для того, чтобы помолиться там. Если и после этого я останусь жива, то обо всех местах, какие увижу, расскажу любви вашей или

лично, если Бог сподобит даровать мне это, или, если задумаю другое, сообщу письменно. Вы только, госпожи, свет мой, благоволите помнить обо мне, буду ли я в теле, или вне тела.

[24]. Для того, чтобы знала любовь ваша, какая служба совершается на святых местах каждый день ежедневно, я должна вам это сказать, так как знаю, что знакомство с этим доставит вам удовольствие. Ежедневно, до пения петухов, открываются все двери Воскресения и сходят все монашествующие и parthenae, как зовут их здесь. И не только они, но, кроме них и миряне, мужи и жены, имеющие желание пободрствовать ранее. И с этого часа вплоть до рассвета поются песни и стихословятся псалмы, также и антифоны, и после каждой песни читается молитва. Ибо [140] по два или по три пресвитера, также и диакона, ежедневно чередуются с монашествующими, и после каждой песни и антифона читают молитвы. Когда же [56] наступает рассвет, тогда начинают петь утренние песни. А затем приходит епископ с клиром и тотчас входит в пещеру, и там, внутри преграды, прежде всего читает молитву за всех и поминает имена тех, кого желает, и затем благословляет оглашенных. Потом читает молитву и благословляет верных. И после этого, при выходе епископа из-за преграды, все подходят к его руке, и он, при выходе, благословляет каждого поодиночке, затем бывает отпуст, уже при свете. В шестой час все подобным образом сходят в Воскресение, поют псалмы и антифоны, пока не известят епископа; он также сходит, и не садится, а тотчас идет за преграду в Воскресение, то есть в пещеру, где был и утром, и затем также прежде всего читает молитву, после чего благословляет верных, и затем, когда выходит из преграды, все подобным же образом подходят к его руки. То же делается и на девятом часе, что на шестом. В десятый же час (что зовется здесь Icinicon, а мы называем вечерня) подобным же образом все собираются в Воскресение, зажигаются все лампы и свечи, и делается большой свет. А огонь не приносится извне, но подается из внутренности пещеры, где денно и ночью горит неугасимая лампада, то есть внутри преграды. Поются вечерние псалмы и более продолжительные антифоны. Потом извещают епископа, который сходит и садится вверху, равно как и пресвитеры садятся на своих местах; поются песни и антифоны. И когда их доведут до конца по обыкновению, епископ встает и становится перед [141] преградой, то есть перед пещерой; и один из диаконов поминает всех по одиночке, как это принято по обычаю. И когда диакон произносит имя каждого, стоят много мальчиков, которые постоянно отвечают: Kyrie eleyson, что мы переводим: Господи помилуй; голоса их многочисленны. И когда диакон прочтет все, что ему следует прочесть, произносит молитву епископ и молится за всех, после чего молятся все, как верные, так и оглашенные вместе. Затем диакон возглашает, чтобы каждый из оглашенных, как стоит, преклонил свою голову, после чего епископ, стоя, произносит благословение над оглашенными. Затем читается молитва и диакон опять приглашает каждого из верных, стоя, преклонить свою голову, и епископ благословляет верных, после чего бывает отпуст в Воскресении. И все начинают подходить к руке епископа. И после этого от Воскресения до Креста поют песнь, а епископ и весь народ идут, и когда приходят, то сперва читает [57] молитву, затем благословляет оглашенных, потом читает другую молитву, и благословляет верных. После этого епископ и весь народ идут за Крест, где снова совершается то же, что перед Крестом. И подобным же образом подходят к руке епископа, как в Воскресении; так делают и перед Крестом, и за Крестом. Везде висит много больших стеклянных лампад, и стоят много свещников, как перед Воскресением, как перед Крестом, так и за Крестом: и все это оканчивается с темнотою. Такая служба правится ежедневно в течение шести дней у Креста и в Воскресении. На седьмой же день, то есть в Воскресенье, до пения петухов, собирается все множество народа, какое может [142] быть в этом месте, как бы в пасху, и собирается в базилике, находящейся возле Воскресения, однако вне его, где ради этого висят лампы. И опасаясь не придти туда к пению петухов, приходят ранее его, и сидят там. И поются песни, также как и антифоны, а после каждой песни и антифона произносятся молитвы. Ибо и пресвитеры и диаконы всегда готовы в этом месте на бдение, ради собирающегося множества. Существует такой обычай, что до пения петухов святые места не открываются. А как только пропоет первый петух, тотчас сходит епископ и входит внутрь пещеры в Воскресении. Открываются все двери, и весь народ входит в Воскресение: там уже горят бесчисленные лампы, и, как только войдет народ, кто-либо из пресвитеров поет псалом, и все отвечают; затем произносится молитва. После этого поет псалом кто-либо из диаконов, и подобным же образом произносится молитва; поется и третий псалом кем-либо из клириков, произносится третья молитва, и совершается поминовение всех. После пения этих трех псалмов и произнесения трех молитв, в пещеру Воскресения вносятся кадильницы, так что вся базилика Воскресения наполняется благоуханием. И тогда епископ становится за преграду, берет евангелие и, подойдя к дверям, сам епископ читает о Воскресе-

нии Господнем. И когда начинается это чтение, все поднимают такой крик и стон, проливается столько слез, что даже самый бесчувственный человек не может не быть тронут до слез, припоминая, что Господь претерпел за нас столько страданий. По прочтении евангелия, епископ выходит и сопровождается при пении песней к Кресту, и весь народ [143] идет с ним. Там снова поется один псалом и произносится молитва. После этого он благословляет верных, и бывает отпуст. Когда епископ выходит, то все подходят к его руке. Затем епископ удаляется в свой дом. С этого же часа все монашествующие возвращаются в Воскресение и поются псалмы [58] и антифоны до рассвета: и после каждого псалма и антифона произносится молитва, потому что ежедневно по очереди пресвитеры и диаконы бодрствуют в Воскресении с народом из мирян, как мужей, так и жен. Кто хочет бодрствовать до рассвета, остается на месге, кто не хочет — возвращается к себе домой и подкрепляется сном.

[25]. С рассветом же, так как день Воскресный, служба совершается в большой церкви, которую соорудил Константин; эта церковь на Голгофе, за Крестом; и все совершается по обычаю, соблюдаемому везде в день Воскресный. Правда, здесь есть обычай, что из всех сидящих пресвитеров, проповедует кто пожелает, и после всех их проповедует епископ; эти проповеди бывают всегда по Воскресеньям для того, чтобы народ постоянно наставлялся в писании и любви к Богу; и пока произносятся эти проповеди, проходит много времени до литургии в церкви, почему ее и не бывает ранее четвертого, а иногда и пятого часа. И когда совершится литургия в церкви, по обыкновению, соблюдаемому везде, тогда монашествующие, при пении песней, провожают епископа из церкви до Воскресения. И при приближении епископа, открываются все двери базилики Воскресения. Входит весь народ, только верные; оглашенные же не входят. И когда войдет народ, то входит епископ, и тотчас идет за переграду пещеры гроба. Сперва приносится [144] благодарение Богу, затем произносится молитва за всех, после чего диакон возглашает, чтобы все, стоя, преклонили свои головы; и затем благословляет их епископ, стоя за внутренней преградой, и потом исходит. И при его исхождении все подходят к его руке. Вследствие всего этого отпуст отлагается до пятого или шестого часа. Так же, по ежедневному обычаю, происходит и при вечерне. И так, этот обычай сохраняется ежедневно в течение целого года, за исключением торжественных дней, о которых мы скажем тоже, что в них совершается. Особенно выдающимся между всем другим совершающимся является то, что псалмы и антифоны всегда поются подходящие, как те, которые поются ночью, так, напротив, и те, которые утром; затем и поемые днем, в шестой, девятый часы и при вечерне, всегда так подходящи и осмысленны, что относятся к тому, что совершается. И хотя целый год по воскресным дням служба совершается в большой церкви, то есть той, которая находится на Голгофе (то есть за Крестом), и которую соорудил Константин, однако в один воскресный день, именно в пентикостию пятидесятницы — совершается на Сионе, как вы найдете упомянутым ниже, и притом на Сионе, так, что туда идут до начала третьего часа. Сперва бывает отпуст в большой церкви...

(Вырезан один лист или две страницы).

[59] ... "Благословен грядый во имя Господне" и прочее по ряду. И так как ради монашествующих, идущих пешком, необходимо идти тише, то приходят в Иерусалим в такое время, когда человек начинает распознавать человека, то есть перед рассветом, [145] однако еще до того времени, когда рассветает. Когда придут туда, тотчас епископ и все его сопровождающие входят в Воскресение, где уже горят бесчисленные лампы. Там поется псалом, произносится молитва, получают благословение от епископа сперва оглашенные, а потом верные. Епископ удаляется, и всякий уходит в свое жилище, для отдохновения. А монашествующие остаются там до света и поют песни. И когда отдохнет народ, в начале второго часа собираются все в большую церковь, что на Голгофе. А каково украшение в этот день церкви, и Воскресения, и Креста, и в Вифлееме, излишне описывать. Там не увидишь ничего, кроме золота, драгоценных камней, шелка: если посмотришь на ткани, то они чистого шелка, шитые золотом, если посмотришь на завесы, они также чистого шелка, шитые золотом. Сосуды же все выносятся в этот день золотые, украшенные камнями. И кто может оценить или описать число и вес свечников, лампад больших и малых, и разнообразных сосудов? Не говорю уже об украшении самой постройки, которую Константин, в присутствии матери своей, украсил, насколько дозволяли средства его царства, золотом, мусией и драгоценными мраморами — как большую церковь, так Воскресение, и Крест, и прочие Святые места в Иерусалиме. Но, возвращаясь к делу, в первый день отпуст совершается в большой церкви, что на Голгофе. И пока проповедуют и читают отдельные чтения и поют песни — все приспособленное

к этому дню — после этого, когда в церкви бывает литургия, идут, по обыкновению, с пением песней в Воскресение, и потом делается отпуст около шестого часа. В самый день подобным же образом бывает по [146] ежедневному обыкновению и на вечерне. На другой день снова подобным же образом правится в церкви на Голгофе. То же и в третий день: и так, в течение трех дней празднуется до шестого часа в церкви, которую соорудил Константин. На четвертый день все празднуется с такою же обстановкою на Елеоне, то есть в очень красивой церкви, что на горе Масличной. На пятый день в церкви Лазаря, отстоящей от Иерусалима приблизительно на тысячу пятьсот шагов. На шестой день на Сионе. На седьмой день в Воскресении. На восьмой день у Креста. И так, в течение восьми дней празднество совершается при этой обстановке во всех Святых местах, которые я назвала выше. В Вифлееме же эта обстановка соблюдается [60] ежедневно в течение восьми дней, и празднество совершается пресвитерами и всем местным клиром, и монашествующими, приписанными к этому месту. Ибо в тот час, когда все вместе с епископом возвращаются ночью в Иерусалим, тогда все местные отшельники бодрствуют в Вифлееме в церкви до рассвета, поя песни и антифоны, ибо необходимо, чтобы епископ в эти дни постоянно находился в Иерусалиме. Ради же торжества и празднования этого дня бесчисленное множество собирается отовсюду в Иерусалим, не только монашествующие, но и миряне - мужи и жены.

[26]. Четырешастьдесятый день от Богоявлений празднуется здесь с большою честью. В этот день служба бывает в Воскресении, и все служат, и все совершается по порядку с величайшим торжеством, как бы в Пасху. Проповедуют все пресвитеры, и потом епископ, толкуя всегда о том месте евангелия, где в четырешастьдесятый день Иосиф и Мария принесли Господа [147] в храм, и узрели его Симеон и Анна пророчица, дочь Фануила, и о словах их, которые они сказали, узрев Господа, и о приношении, которое принесли родители. И после этого, отправив все по обычному порядку, совершают литургию, и затем бывает отпуст.

[27]. Когда же придут пасхальные дни, то они празднуются так. Ибо, подобно тому, как у нас перед пасхою соблюдается четырешастьдесятница, так здесь перед пасхою соблюдаются восемь недель. И потому соблюдаются восемь недель, что в дни воскресения и в субботу не постятся, за исключением одного субботнего дня, в который бывает пасхальное бдение, и в который необходимо поститься, потому что, помимо этого дня, здесь, в течение всего года, никогда не бывает поста в субботу. И так, из восьми недель, за вычетом восьми воскресений и семи суббот (потому что в одну субботу необходимо поститься, как я сказала выше), остается сорок один день, проводимый в посте; это здесь называют eortae, то есть четырешастьдесятница. Отдельные же дни отдельных недель проводятся так, то есть: в день воскресный, после первого пения петухов, епископ в Воскресении читает из евангелия место о воскресении Господа, как это делается по воскресным дням во весь год; подобным же образом вплоть до рассвета совершается в Воскресении и у Креста все, что совершается по воскресным дням во весь год. Потом утром, как и всегда по воскресным дням, бывает служба и совершается все, что обыкновенно совершается по воскресным дням в большой церкви, которая зовется Martyrium, и находится на Голгофе за Крестом. И подобным же образом, по отпусте в церкви, идут к Воскресению с песнями, [148] как всегда бывает по воскресным дням. И пока все это совершается, наступает пятый час; вечерня правится также всегда в свое время в Воскресении и у Креста, как бывает и во всех Святых местах; в воскресный день бывает девятый [61] час. В понедельник также после первого пения петухов, идут в Воскресение, как и во весь год, и совершается до утра то, что делается всегда. В третий час снова идут в Воскресение, и совершается все, что во весь год совершается в шестой час, так как во дни четырешастьдесятницы присоединяется еще и то, что идут в третий час; подобным же образом правятся шестой и девятый часы и вечерня, как обыкновенно всегда правятся в течение целого года на святых местах. Подобным же образом, и во вторник все совершается так же, как и в понедельник. В среду же подобным же образом ночью идут в Воскресение и совершают все обычное до утра; также в третий и шестой часы; в девятый же час, так как существует постоянный обычай, в течение всего года, в среду и пятницу в девятый час совершать службу на Сионе, так как в этих местах, за исключением дней памяти мучеников, пост соблюдается в среду и пятницу и оглашенными, поэтому девятый час правится на Сионе. Но если случайно в течение четырешастьдесятницы придется на среду или пятницу память мучеников, то девятый час не правится на Сионе. В дни же четырешастьдесятницы, как я сказала выше, в среду девятый час правится на Сионе по обычаю целого года, и все совершается, что обыкновенно делается на девятом часе, кроме литургии; а для того, чтобы народ постоянно поучался в законе, епископ [149] и пресвитер прилежно проповедуют. По отпусте,

оттуда народ при пении песен провожает епископа в Воскресение; туда приходят так, что когда входят в Воскресение, наступает время вечерни; поются песни и антифоны, произносятся молитвы, и бывает вечерний отпуст в Воскресении и у Креста. Отпуст вечерний в эти же дни, то есть в четыредесятницу, всегда бывает позже, чем во весь год. В четверг совершается все так же, как и в понедельник и вторник. В пятницу совершается все, подобно, как в среду и так же правят девятый час на Сионе, и так же оттуда с песнопениями провожается епископ до Воскресения. Но в пятницу бдение в Воскресении правится от того часа, когда приходят с Сиона, и продолжается с песнопениями до утра, то есть, (начинаясь) с часа вечерни, как только войдут (в храм), до другого дня утра, то есть до субботы. Литургия совершается в Воскресении ранее, так что отпуст бывает до восхода солнца. А в продолжение всей ночи, поются по очереди то псалмы, то антифоны, то бывают по очереди различные чтения, и все это продолжается до утра. Месса же, бывающая в субботу в Воскресении, делается до солнца, то есть литургия, так что, в то время, как начинает восходить солнце, месса уже совершена в Воскресении. И так правятся отдельные недели четыредесятницы. А то, что я сказала, что литургия совершается [62] в субботу раньше, то есть до солнца, бывает ради того, чтобы скорее дать разрешение тем, которых здесь зовут евдомадариями. Таков обычай поста в четыредесятницу, что те, которых зовут евдомадариями, то есть которые постятся всю неделю, вкушают в воскресный день, так как литургия бывает [150] в пятом часу. И после того, как они вкусят в воскресный день, они уже не едят, до тех пор пока в субботу утром не приобщатся в Воскресении, И так, ради них, для скорейшего их разрешения, литургия в субботу в Воскресении совершается до солнца. А то, что я сказала, что литургия совершается утром ради них, так это не потому, что причащаются одни они, но причащаются и все, кто хочет причаститься в этот день в Воскресении.

[28]. Обычай же поста в четыредесятницу здесь таков, что иные, вкусив пищу в воскресный день после литургии, то есть в пятом или шестом часу, уже не вкушают целую неделю до наступления субботы, после литургии в Воскресении: это те, которые постятся неделю. В субботу же, когда вкусят утром, вечером уже не вкушают, но на другой день, то есть в воскресенье, вкушают после литургии в церкви, в час пятый или позже, и потом уже не вкушают ранее наступления субботы, как я сказала выше. Здесь такой обычай, что все, называемые здесь апотактитами, мужи и жены, не только в дни четыредесятницы, но и во весь год, когда вкушают, вкушают раз в день; те же из этих апотактитов, которые не могут провести в посте целую неделю, как я сказала выше, вкушают в середине, в четверг; кто не может и этого, постится по два дня во всю четыредесятницу, а кто не может и этого, вкушает от вечера до вечера. И никто не требует, сколько каждый должен делать, но всякий делает, как может: не хвалят того, кто делает много, и не порицают того, кто делает мало. Таков здесь обычай. Пища же в эти дни четыредесятницы такова, что они не вкушают ни крошки хлеба, ни масла, ни плодов древесных, [151] но только воду и немного мучной похлебки. Пост в четыредесятницу соблюдается так, как мы сказали.

[29]. И в течение этих недель совершается бдение в Воскресении от вечернего часа пятницы, когда приходят с Сиона с псалмопением, до утра субботы, когда совершается литургия в Воскресении. То же что в первую неделю четыредесятницы, совершается и во вторую, третью, четвертую, пятую и шестую. Когда же наступает седьмая, то есть, когда вместе с ней до пасхи останется две недели, ежедневно совершается все так же, как и в истекшие прочие недели; только бдение, которое совершалось в эти недели в Воскресении, на седьмой неделе в пятницу совершается на [63] Сионе, по обряду тех бдений, которые в течение шести недель совершались в Воскресении. Во всех них всегда поются псалмы и антифоны, все приличные как месту, так и дню. И когда наступает утро, в рассвет субботы, служит епископ и совершает литургию так, чтобы отпуст был в субботу утром. Потом архиерей возглашает, говоря: "будем все сегодня в седьмом часу готовы у гроба Лазаря". И затем, при наступлении седьмого часа, все сходятся к гробу Лазаря. А гроб Лазаря, то есть Вифания, находится приблизительно на второй миле от города. По пути из Иерусалима ко гробу Лазаря, приблизительно в пятистах шагах от этого места, есть на дороге церковь в том месте, где Мария, сестра Лазаря, встретила Господа. И когда приходит туда епископ, выходят там к нему на встречу все отшельники, и входит туда народ: поется там одна песнь и один антифон, и читается соответствующее место из евангелия, где сестра Лазаря встретила Господа. Затем, [152] по произнесении молитвы и благословения всех, идут оттуда ко гробу Лазаря с песнопениями. Когда же придут ко гробу Лазаря, собирается там такое множество, что не только это место, но и окрестные поля наполняются народом. Поются песнопения, также и антифоны, приспособленные дню и месту; читаются также и чтения, приличествующие дню. И затем, когда бывает отпуст,

возвещается пасха: то есть пресвитер восходит на возвышенное место и читает то место, где написано в евангелии: "Иисус же прежде шести дней пасхи прииде в Вифанию" и прочее. И так, по прочтении этого места и возвещении пасхи, бывает отпуст. А это совершается в этот день потому, что, как писано в евангелии, это произошло в Вифании прежде шести дней пасхи: а от субботы до четверга, когда после вечери ночью был взят Господь, считается шесть дней. И так все возвращаются в город, прямо в Воскресение, и там бывает вечерня по обычаю.

[30]. На другой же день, то есть в воскресенье, которое составляет вступление в пасхальную неделю, называемую здесь великою неделю, по совершении после пения петухов, того, что совершается обычно, проводят время до утра в Воскресении или у Креста. И так утром в день воскресный служба совершается по обычаю в большой церкви, которая зовется Мартириум. Зовется же она Мартириум потому, что находится на Голгофе, то есть за Крестом, где пострадал Господь, оттого и Мартирион. И так, когда исполнят все по обычаю в большой церкви, до отпуста, архидиакон возглашает, говоря сперва: "во всю неделю, то есть, начиная с завтрашнего дня, в девятый час будем собираться все в Мартириум, то есть [153] в большую церковь". Затем возглашает во второй раз, говоря: "сегодня в седьмой час будем все готовы на Елеоне". И так, по отпуске в большой церкви, то есть в Мартириуме, епископ провожается с [64] песнопениями в Воскресение, и по совершении всего, что обыкновенно по воскресным дням совершается в Воскресении после отпуста в Мартириуме, каждый, придя в свой дом, спешит поесть, для того, чтобы в начале седьмого часа всем быть готовым в церкви, находящейся на Елеоне, то есть на горе Масличной, где находится та пещера, в которой учил Господь. [31]. И так, в седьмом часу весь народ восходит на гору Масличную, то есть на Елеон, в церковь, вместе с епископом; поются песни и антифоны, приличные этому дню и месту, также чтутся чтения. И когда наступает девятый час, идут с песнопениями на Имвомон, то есть на то место, с которого Господь вознесся на небо, и где все садятся; ибо весь народ, в присутствии епископа, получает приглашение воссесть, стоят всегда только диаконы. Поются и там песни и антифоны, приличные месту и дню, также вставляются и чтения и молитвы. И когда наступает одиннадцатый час, читается то место из евангелия, где дети с ветвями и пальмами встретили Господа, говоря: "Благословен грядый во имя Господне". И тотчас встает епископ и весь народ, и затем с вершины горы Масличной все идут пешком. И весь народ идет перед ним с песнопениями и антифонами, припевая постоянно: "Благословен грядый во имя Господне". И все дети, сколько их есть в этих местах, даже те, которые не могут ходить, потому что очень слабы, и которых держат родители на руках, все держат ветви — одни пальм, другие — маслин; и так [154] сопровождают епископа в том образе, в котором некогда сопровождали Господа. И идут с вершины горы до города, и затем по всему городу до Воскресения, все пешком, даже и знатные женщины и знатные лица; так сопровождают епископа, припевая, и идут медленно, чтобы не утомился народ; поэтому уже вечером приходят в Воскресение. Когда же придут туда, хотя бы и было совершенно поздно, правится вечерня; затем произносится молитва у Креста, и отпускается народ.

[32]. На другой день, т. е. в понедельник, совершается то, что, по обычаю, правится с первого пения петухов до утра в Воскресении; подобным же образом в третий и шестой часы совершается то же, что во всю четырехдесятницу. В девятый же все собираются в большую церковь, то есть в Мартириум, и там до первого часа ночи постоянно поются песни и антифоны и читаются чтения, приличные дню и месту, чередующиеся постоянно с молитвами. Когда же наступает время, то правится вечерня, так что отпуст в Мартириуме бывает уже ночью. И когда бывает отпуст, епископ сопровождается с песнопениями в Воскресение; и когда он вступает в Воскресение, поется одна песнь, произносится молитва, благословляются оглашенные, затем верные, и бывает отпуст. [65]

[33]. Во вторник совершается все подобным же образом, как и в понедельник. Только во вторник прибавляется то, что поздней ночью, после того, как бывает отпуст в Мартириуме и совершается ход в Воскресение и снова бывает отпуст в Воскресении, все в этот час ночи идут в церковь, что на горе Едеонской. И когда придут в эту церковь, епископ [155] входит в пещеру (в этой пещере Господь обыкновенно учил учеников) и берет книгу евангелия, и, стоя, епископ читает слова Господа, которые писаны в евангелии от Матфея, то есть где говорится: "блюдите, да никто же вас прельстит". И епископ читает всю речь. И когда он прочтет, произносится молитва, благословляются оглашенные, затем верные, бывает отпуст и возвращаются с горы каждый в свой дом, уже очень поздно ночью.

[34]. В среду совершается в течение всего дня, начиная с первого пения петухов, все, что совершается в понедельник и вторник; но после отпуста, бываемого ночью в Мартириуме, и сопровождения епископа с песнопениями в Воскресение, тотчас епископ входит в пещеру, что в Воскресении, и становится за преградой; пресвитер же стоит перед преградой, берет евангелие и читает то место, где Иуда Искариот пошел к Иудеям и назначил, что ему должны они дать, чтобы он предал Господа. Когда читается это место, то весь народ поднимает такой крик и стон, что нет никого, кто не был бы тронут до слез в этот час; потом произносится молитва, благословляются оглашенные, за ними верные, и бывает отпуст.

[35]. В четверг совершается в Воскресении все, что обыкновенно правится с первого пения петухов до утра; также и в третий, и в шестой часы. В восьмом же часу весь народ собирается по обыкновению в Мартириум, и собирается ранее, чем в другие дни, потому что необходимо, чтобы отпуст был скорее. И так, по собрании всего народа, совершается все потребное; в этот день совершается литургия в Мартириуме, и там же бывает отпуст около девятого часа. [156] Но еще до отпуста, архидиакон возглашает, говоря: "В первый час ночи соберемся все в церковь, что на Елеоне, потому что сегодня, в эту ночь, предстоит нам великий труд". И так, по отпусе в Мартириуме, идет (епископ) за Крест, там поется только одна песнь, произносится молитва, епископ совершает там литургию, и все причащаются. За исключением одного этого дня, в течение всего года никогда не совершается литургия за Крестом, кроме только этого дня. И так, по отпусе там, идут в Воскресение, произносится молитва, благословляются по обычаю оглашенные, потом верные, и бывает отпуст. И затем каждый спешит возвратиться в свой дом, чтобы вкусить пищу, потому что тотчас после пищи все идут на Елеон, в ту церковь, где находится пещера, в которой был в этот день Господь с апостолами. И там приблизительно до первого часа ночи постоянно поются или песни или антифоны, приличные дню и месту, и читаются также чтения; они чередуются с молитвами; читаются также из Евангелия места, в которых Господь беседовал с учениками в этот день, сидя в той пещере, которая находится в церкви. И оттуда, приблизительно уже в шестом часу ночи, с песнопениями идут вверх, на Имвомон, на то место, откуда Господь вознесся на [66] небо. И там снова подобным же образом бывают чтения, песнопения и антифоны, приличные дню; произносятся и молитвы, которые читает епископ и читает всегда приспособленные дню и месту.

[36]. И так, при первом пении петухов, сходят с песнопениями с Имвомона, и приходят к тому месту, где молился Господь, как писано в Евангелии: "и сам отступи от них яко вержением камне, [157] и моляшися" и прочее. На этом месте есть изящная церковь: в нее входит епископ и весь народ; произносятся тут молитва, приличествующая месту и дню, поется еще одна песнь, и читается соответствующее место из Евангелия, где сказал ученикам своим: "бдите, да не внидите в напасть". И прочитывается там все место, и снова произносится молитва. Затем оттуда все, даже малолетние дети, спускаются с песнопениями в Гефсиманию; вследствие столь большого количества толпы, утомления от бдений и изнурения от ежедневных постов, будучи принуждены спускаться со столь высокой горы, идут в Гефсиманию при песнопениях очень медленно. И бывает приготовлено множество церковных светильников для света всему народу. И когда придут в Гефсиманию, сперва произносится приличествующая молитва, затем поется песнь и читается то место из Евангелия, где взят Господь. И когда читается это место, то весь народ с плачем поднимает такой крик и стон, что, может быть, этот стон всего народа слышен в городе. После этого часа идут с песнопениями пешком в город, приходят к воротам в тот час, когда человек начинает распознавать человека, затем идут посреди всего города все до одного — старцы и молодые, богатые и бедные, все тут готовые, и в особенности в этот день никто не удаляется от бдения вплоть до утра. Так провожают епископа от Гефсимании до ворот, и оттуда по всему городу до Креста. И когда придут к Кресту, то начинается уже почти дневной свет. Тут снова читается то место из Евангелия, где Господь приводится к Пилату, читается и целиком все, что, как написано, Пилат говорил Господу и Иудеям. Потом [158] епископ обращается с речью к народу, ободряя его — так как они трудились целую ночь и должны еще трудиться днем — чтобы он не утомлялся, но имел надежду на Господа, который за этот труд воздаст большую награду. И ободлив их, как может, он, обращаясь к народу, говорит: "Идите пока каждый в свой дом, посидите немного, и около второго часа дня будьте готовы здесь, чтобы быть в состоянии с этого часа до шестого узреть Святое древо креста, веря каждый, что оно поможет его спасению. С шестого же часа необходимо нам всем собраться в этом месте, то есть перед Крестом, чтобы потрудиться в чтениях и молитвах до ночи". [67]

[37]. И так, после отпуста у Креста, еще до восхода солнца, все тотчас с бодростью идут на Сион помолиться у того столба, возле которого бичевали Господа. Возвратившись оттуда, сидят немного у себя дома и тотчас все бывают готовы. Затем на Голгофе, за Крестом, поставляется епископу кафедра, стоящая теперь; на эту кафедру садится епископ; ставится перед ним стол, покрытый полотном, кругом стола стоят диаконы, и приносится серебряный позлащенный ковчег, в котором находится Святое древо креста; открывается и вынимается; кладется на стол, как древо креста, так и написание. И так, когда это положено на стол, епископ, сидя, придерживает своими руками концы Святого древа, а диаконы, стоя вокруг, охраняют. Оно охраняется так потому, что существует обычай, по которому весь народ, подходя по одиночке, как верные, так и оглашенные, преклоняются перед столом, лобызая Святое древо, и затем проходят. И так как, рассказывают, [159] не знаю когда, кто то отгрыз и украл частицу Святого древа, поэтому теперь диаконы, стоящие вокруг, охраняют, чтобы никто из подходящих не дерзнул сделать того же. И так проходит весь народ, по одиночке, все преклоняясь и касаясь крестом и написанием сперва чела, а потом очей; затем, облобызав крест, проходят; руку же никто не протягивает для прикосновения. И когда все облобызает крест и пройдут, становится диакон, держа кольцо Соломона и тот рог, из которого помазывались цари, их лобызает и чествуют рог и кольцо... кроме второго... до шестого часа весь народ проходит, входя в одну дверь и выходя в другую, потому что это происходит в том месте, где накануне, то есть в четверг, совершалась литургия. И когда наступит шестой час, идут ко Кресту, будет ли дождь, или жар, потому что это место не покрыто и представляет как бы весьма обширный и красивый двор, расположенный между Крестом и Воскресением; там собирается весь народ, так что нет возможности открыть решетку. Епископу ставится кафедра перед Крестом, и от шестого до девятого часа не происходит ничего, кроме чтений, в следующем порядке: сперва читается из псалмов, где говорится о страданиях Господа, читаются места из апостола, или из посланий апостольских, или из деяний, где они говорят о страданиях Господа, также и из евангелий, места, где Он страдает, потом читается из пророков, где они говорят, что Господь будет страдать, а потом из евангелий, где повествуется о страданиях. И так, от часа шестого до часа девятого постоянно в таком порядке происходят чтения и поются песни, для того, чтобы показать всему [160] народу, что все, предреченное пророками о страданиях Господа, оказывается, как через евангелия, так и через писания апостолов, совершившимся. И так, в течение этих трех часов весь народ поучается тому, что не произошло ничего, что не было бы предречено, и не предречено ничего, что не исполнилось [68] бы всецело. С чтениями постоянно чередуются молитвы, которые приспособлены к дню. И при каждом чтении и молитве бывает такая скорбь и такой стон во всем народе, что возбуждает удивление, ибо нет никого, ни старого, ни малого, который в этот день, в эти три часа не плакал бы столько, сколько нельзя себе и представить, помышляя о том, что претерпел за нас Господь. После этого, при начале девятого часа, читается то место из Евангелия от Иоанна, где Он испустил дух; по прочтении этого, бывает молитва и отпуст. И после отпуста перед Крестом, тотчас все собираются в большой церкви, в Мартириуме; правится все, что в течение всей недели правилось от девятого часа, когда собираются в Мартириуме, до вечера. По отпусе же в Мартириуме, идут в Воскресение, и когда придут туда, читается то место из Евангелия, где Иосиф просит у Пилата тело Господа и полагает его во гробе нове. По прочтении этого, произносится молитва, благословляются оглашенные, и затем бывает отпуст. В этот день не возглашается о бдении в Воскресении, потому что известно, что народ утомился; но есть обычай бодрствовать там. И так, кто желает из народа, и кто может, бодрствует, а кто не может, тот не бодрствует там до утра; клирики же там бодрствуют те, кто покрепче, и моложе, и всю ночь поются там песни и антифоны, вплоть до утра. Бодрствует большая [161] часть народа: одни с вечера, другие с полуночи, как кто может.

[38]. На другой день в субботу правится по обычаю на третьем часе; так же и на шестом; на девятом же в субботу не правится, но готовится пасхальное бдение в большой церкви, то есть в Мартириуме. Пасхальное же бдение совершается так же, как у нас, только здесь прибавляется еще следующее: дети, восприявшие крещение, одетые так, как они вышли от купели, ведутся вместе с епископом прежде всего в Воскресение. Епископ идет за преграду Воскресения, поется одна песнь, затем епископ произносит молитву за них, и потом идет с ними в большую церковь, где, по обычаю, бодрствует весь народ; там совершается то, что обыкновенно бывает и у нас, и по совершении литургии бывает отпуст. И после отпуста бдения в большой церкви, тотчас с песнопениями идут в Воскресение, и там вновь читается место из евангелия о воскресении. Произносится молитва, и там епископ вновь совершает литургию, и притом скоро, чтобы не задерживать народа, но отпустить его. Отпуст бдения в этот день бывает в тот час, в какой и у нас.

[39]. В пасхальные же дни правится здесь так же, как и у нас: и по порядку бывают литургии во все восемь пасхальных дней, как и везде бывает в течение пасхи до восьмого дня. Убранство и устройство в течение восьми дней пасхи здесь бывают те же, что и во время богоявлений, как в большой церкви, [69] так и в Воскресении, и у Креста, и на Елеоне, и в Вифлееме, также и у гроба Лазаря и повсюду, так как это пасхальные дни. В самый первый воскресный день служба правится в большой церкви, [162] то есть в Мартириуме, и в понедельник и во вторник, когда, как это бывает постоянно, по отпусе в Мартириуме, идут с песнопениями в Воскресение. В среду служба правится на Елеоне, в четверг — в Воскресении, в пятницу — на Сионе, в субботу — у Креста; в день же воскресный, то есть в восьмой — снова в большой церкви, то есть в Мартириуме. В эти восемь пасхальных дней ежедневно, после обеда, епископ со всем клиром и со всеми детьми, которые восприяли крещение, и всеми апотактитами — мужами и женами, — а также и с народом, кто захочет, восходит на Елеон. Поются песни, произносятся молитвы, как в церкви, что на Елеоне, где пещера, в которой учил Иисус учеников, так и на Имвомоне, то есть на том месте, откуда Господь вознесся на небо. И после пения псалмов и произнесения молитвы, спускаются оттуда при песнопениях в Воскресение во время возжигания свечей: это совершается в течение всех восьми дней. В воскресный же день на пасхе, после отпуста вечерни, то есть в Воскресении, весь народ идет с песнопениями на Сион. Когда придут туда, поются песни, приличествующие дню и месту, произносится молитва и читается из евангелия то место, где в тот же день и в том же месте, где теперь церковь на Сионе, Господь дверем затворенным вошел к ученикам: то есть тогда, когда один из учеников, именно Фома, не был там, и, возвратившись, на слова других апостолов, что они видели Господа, сказал: "еще не вижу, не иму веры". По прочтении этого снова произносится молитва; благословляются оглашенные, потом верные, и каждый возвращается к себе домой вечером, приблизительно во втором часу ночи. [163]

[40]. На восьмой день пасхи, то есть в воскресенье, тотчас после шестого часа весь народ с епископом восходит на Елеон: сперва немного сидят в находящейся там церкви: поются песни, поются антифоны, приличествующие дню и месту; произносятся молитвы, также приличествующие дню и месту. Оттуда снова идут подобным же образом с песнопениями вверх на Имвомон, и там совершается то же, что и здесь: и когда наступит время, весь народ и все апотактиты провожают епископа с песнопениями в Воскресение. В Воскресение приходят в такое время, когда обыкновенно бывает вечерня. И вечерня правится как в Воскресении, так и у Креста; и оттуда народ весь до одного при песнопениях провожают епископа на Сион. Когда придут туда, подобным же образом поются песни, приличествующие месту и дню, и снова читается то место из евангелия, где на восьмой день пасхи Господь вошел, где были его ученики и обличил Фому в его неверии. И тогда прочитывается все чтение; после этого произносится молитва, и по благословению как оглашенных, так и верных, по обыкновению каждый возвращается в свой дом, во второй час ночи, как и в воскресение пасхи.

[41]. От пасхи же до пятидесятницы, то есть пентикостии, здесь совершенно никто не постится, даже и те, кои суть аноктиты. И в эти дни постоянно, как и целый год, в Воскресении, от первого пения петухов [70] до утрени, правится обычная служба: подобным же образом и на шестом часу, и на вечерне. В воскресные же дни служба совершается всегда по обыкновению в Мартириуме, то есть в большой церкви, и оттуда идут с песнопениями в Воскресение. В среду же и в пятницу, так как в эти дни совершенно никто [164] не постится, служба совершается на Сионе, но утром, и совершается литургия обычным порядком.

[42]. В самый же день четырехдесятницы после пасхи, то есть в четверг, накануне все, после шестого часа, то есть в среду, идут в Вифлеем для празднования бдения. Бдение же совершается в Вифлееме в церкви, в каковой церкви находится пещера, где родился Господь. На другой же день, то есть в четверг четырехдесятницы, совершается литургия своим порядком, при чем пресвитеры и епископ проповедают, говоря приличествующее дню и месту: и потом вечером каждый возвращается в Иерусалим. [43]. В день же пятидесятницы, то есть воскресный, в каковой день бывает большой труд народу, все правится по обычаю, начиная с первого пения петухов: совершается бдение в Воскресении, доколе епископ не прочтет то место евангелия, которое всегда читается в день воскресный, то есть о воскресении Господа: и потом в Воскресении совершается по обычаю все, что бывает круглый год. Когда же наступит утро, весь народ собирается в большой церкви, то есть в Мартириуме: там совершается все по обычаю: про-

поведуют пресвитеры, а потом епископ: правится все по чину, то есть совершается обычная литургия, как бывает в воскресные дни, но ускоряется отпуст в Мартириуме, так что бывает до третьего часа. Когда же будет отпуст в Мартириуме, народ весь до одного ведет с песнопениями епископа на Сион, и бывает на Сионе при конце третьего часа. Когда придут туда, читается то место из деяний апостолов, где сошел Дух, так что они понимали все языки, которыми говорили; потом по порядку бывает литургия. Ибо пресвитеры (проповедуют) [165] о том самом, что прочтено — ибо само место находится на Сионе, — только есть другая церковь, где некогда после страданий Господа собралось множество с апостолами, когда случилось то, что мы сказали выше, и что читают там из деяний апостольских. Потом по порядку бывает отпуст; совершается и тут литургия: при отпусе народа возглашает архидиакон, говоря: "Сегодня тотчас по шестом часу будем все готовы на Елеоне Имвомон". И возвращается весь народ, каждый в свой дом подкрепиться, и тотчас после обеда поднимаются на Масличную гору, то есть на Елеон, как кто может, так что в городе не остается ни одного христианина, но идут все. И как только придут на гору Масличную, то есть на Елеон, прежде всего идут на Имвомон, то есть на то место, откуда вознесся Господь на небо, и там садится епископ и пресвитеры, и весь народ: там бывают чтения, попеременно поются песни, поются и антифоны, приличествующие дню и месту; молитвы, которые [71] вставляются, всегда имеют такое содержание, что подходят ко дню и месту; читается также и то место из евангелия, где говорится о вознесении Господа на небо по воскресении. Когда это будет окончено, благословляются оглашенные, потом верные; и сходят оттуда в девятом часу, и с песнопениями идут в ту церковь, которая на Елеоне, и в каковой пещере Господь сидел и учил апостолов. Когда придут туда, бывает уже более десятого часа: там совершается вечерня, произносится молитва, благословляются оглашенные, потом и верные. Оттуда весь народ до одного спускается с епископом, при пении песен и антифонов, приличествующих этому дню; затем идут медленно к Мартириуму. Когда же подходят [166] к городским воротам, уже бывает ночь, и выносят на встречу ради народа множество церковных светильников; а от ворот, так как довольно далеко до большой церкви, то есть до Мартириума, приходят около второго часа ночи, потому что идут медленно и все из-за народа, чтобы он не утомился. И по открытии больших дверей, приходящихся со стороны площади, весь народ с епископом входит при песнопениях в Мартириум. По входе в церковь, поются песни, произносится молитва, благословляются оглашенные, за ними верные, и оттуда снова при песнопениях идут в Воскресение. И когда придут в Воскресение, подобным же образом поются песни и антифоны, произносится молитва, благословляются оглашенные, за ними верные; подобное же совершается у Креста. И оттуда снова весь христианский народ до единого человека ведут епископа при песнопениях на Сион. Когда туда придут, бывают приличествующие чтения, поются псалмы и антифоны, произносится молитва, благословляются оглашенные, за ними верные, и бывает отпуст. По отпусе все подходит к руке епископа и затем каждый возвращается к себе домой, приблизительно около полуночи. И так в этот день подымается великий труд, потому что с пения первых петухов бодрствуют в Воскресении, и затем не отдыхают ни разу в течение целого дня, и все совершаемое протягивается так, что все возвращаются по своим домам в полночь, после отпуста, который делается на Сионе.

[44]. Со следующего дня по пятидесятнице все постятся по обычаю, как во весь год, каждый как может, исключая дни субботные и воскресные, в которые никогда не постятся в этих местах. И затем в [167] прочие дни все совершается, как и во весь год, то есть бдение начинается в Воскресении с пения первых петухов. А если бывает день воскресный, то сперва, при пении первых петухов, епископ по обычаю читает в Воскресении место о воскресении Господа, которое читается постоянно в день воскресный, и потом до рассвета в Воскресении поются песни и антифоны. Если же день не воскресный, то точно так же с первых петухов до рассвета в Воскресении поются только песни и антифоны. Апотактиты ходят все, из народа же ходят, кто как может; клирики [72] ходят ежедневно по очереди, и приходят клирики при первых петухах, епископ же всегда приходит при рассвете, чтобы сделать со всеми клириками отпуст утром; исключается только день воскресный, когда епископу необходимо прийти при первых петухах для того, чтобы прочесть в Воскресении евангелие. Затем на шестом часу в Воскресении совершается все по обычаю, также и на девятом; также и на вечерне совершается по обычаю все, что бывает обыкновенно круглый год. В среду же и пятницу на девятом часу служба всегда бывает на Сионе по обычаю.

[45]. И о том должна была я написать, как поучаются те, которые приемлют крещение на пасхе. Заявляющий свое имя делает это до дня сорокадневия, и имена всех записывает пресвитер: это бывает

за восемь недель, в течение которых, как я сказала, продолжается сороклетница. Когда пресвитер запишет имена всех, на другой день сороклетницы, то есть с которого начинаются восемь недель, поставляется для епископа кафедра посреди большой церкви, то есть в Мартириуме: по ту и по другую [168] сторону садятся на кафедры пресвитеры и становятся все клирики; затем приводятся по одному ищущие крещения: если это мужчины, то приходят со своими отцами, если женщины, то со своими матерями. И затем епископ по одиночке расспрашивает соседей вошедшего, говоря: доброй ли он жизни, почитает ли родителей, не пьяница ли и хвастун, и расспрашивает о всех пороках, которые более тяжки в человеке. И когда он убедится, что тот безупречен во всем, о чем спрашивал епископ в присутствии свидетелей, то он собственноручно записывает его имя. Если же тот в чем-нибудь обвиняется, то епископ велит ему выйти, говоря: пусть он исправится, и когда исправится, пусть приступает к купели. Так он говорит, расспрашивая о мужчинах, и о женщинах. Если же кто чужестранец, то он не так легко приступает к крещению, если только не представить свидетельства лиц его знающих.

[46]. Я должна была написать об этом для того, чтобы вы, госпожи сестры, не подумали, что это делается без разумного основания. Здесь есть такой обычай, что тех, которые приступают к крещению, в течение сорока дней поста, ранним утром закливают клирики, как только бывает утренний отпуст в Воскресении. И тотчас поставляется для епископа кафедра в большой церкви, в Мартириуме, и все приступающие к крещению, как мужчины, так и женщины, садятся вокруг епископа, отцы же и матери стоят; точно так же из народа желающие слушать все входят и садятся, но только верные. Оглашенный туда не входит тогда, когда епископ поучает их закону. И так, начиная от Бытия, в течение этих сорока дней он проходит все писание, сперва излагая телесно, и потом разрешая [169] его духовно. Точно так же в эти дни они поучаются и о воскресении и обо всем, относящемся к вере, и это зовется оглашением. И когда исполнится пять недель от начала поучения, тогда они получают символ: смысл этого символа в его отдельных словах епископ объясняет им подобным же образом, как и смысл [73] всех писаний, сперва телесно, затем духовно: так он объясняет и символ. И бывает так, что в этих же местах все верные следят за писанием, когда оно читается в церкви, так как все поучаются в эти сорок дней, начиная от первого и до третьего часа, потому что оглашение продолжается три часа. И Господь знает, госпожи сестры, что верные, входящие для слушания оглашения, с большим вниманием относятся к тому, что говорится и объясняется епископом, чем когда он сидит и проповедует в церкви по поводу отдельных мест, толкуемых таким образом. По окончании же оглашения, в третьем часу, тотчас епископа ведут при песнопениях в Воскресение, и бывает отпуст третьего часа: и так, в продолжение трех часов они поучаются ежедневно в течение семи недель. На восьмой же неделе сороклетницы, то есть которая зовется великою неделей, поучение их прекращается, для того, чтобы выполнить то, что важнее. И когда пройдут семь недель, остается одна неделя пасхальная, которую здесь зовут великою неделей. И тогда приходит епископ утром в большую церковь, в Мартириум; позади алтаря в абсиде поставляется для епископа кафедра, и там подходят по одиночке — муж со своим отцом, жена — со своею матерью, и отвечают символ епископу. По прочтении символа епископу, он обращается ко всем и говорит: "В эти семь недель вы научились всему закону [170] писаний, слышали также и о вере, слышали и о воскресении плоти, и каждый в отдельности, на сколько могли, усвоили себе весь смысл: однако, будучи еще оглашенными, вы не можете слышать слово или то, что принадлежит к более глубокой тайне, то есть к крещению, потому что вы еще оглашенные: и чтобы вы не подумали, будто что-нибудь совершается без смысла, когда вы будете креститься во имя Божие, вы услышите в Воскресении, в эти восемь пасхальных дней, после церковного отпуста: так как вы еще оглашенные, то сокровенные таинства Божии вам не могут быть поведаны".

[47]. И когда наступят дни пасхи, в течение восьми дней, то есть от пасхи до восьмого дня, как бывает отпуст в церкви и идут с песнопениями в Воскресение, после этого произносится молитва, благословляются верные, и епископ становится, облокотившись о внутреннюю преграду, что в пещере Воскресения, и объясняет все, совершаемое при крещении. В это время ни один оглашенный не входит в Воскресение: в Воскресение входят только неофиты и верные, желающие услышать таинства, и запираются двери, чтобы не пробрался никто из оглашенных. И когда епископ изъясняет и излагает все, раздаются столь громко голоса одобряющих, что голоса их слышны далеко за дверями церкви. И по истине раскрывают все таинства так, что никто не может не быть тронут, слыша такое изложение. И так как в этой местности часть народа знает по-гречески и по сирийски, часть только по-гречески, другая

только по-сирийски, то епископ, хотя бы и знал по-сирийски, говорит однако всегда по-гречески, и никогда не говорит по-сирийски. И потому всегда стоит пресвитер, [171] который, когда епископ говорит по-гречески, переводит [74] по-сирийски, чтобы понимали все что толкуется, также и чтения, которые читаются в церкви: и так как необходимо читать по-гречески, то всегда стоит лицо, переводящее по-сирийски, ради народа, чтобы он постоянно поучался. И чтобы не смущались те из латинян, которые здесь находятся, и которые не знают ни по-гречески, ни по-сирийски, объясняется и им, так как есть братья и сестры знающие по-гречески и по-латыни, которые толкуют им по-латыни. Приятнее всего и наиболее примечательно здесь то, что всегда, как песни, так и антифоны и чтения, а также и молитвы, произносимые епископом, читаются так, что всегда оказываются приспособленными и подходящими ко дню, который празднуется, и к месту, где совершается служба.

[48]. Днем обновлений зовется то время, когда святая церковь, что на Голгофе, которую зовут Мартириумом, посвящена Богу; и святая церковь, что в Воскресении, то есть на том месте, где Господь воскрес после страданий, и сама посвящена в этот день Богу. Обновление этих святых церквей празднуется с величайшею честью потому, что в этот день обретен крест Господень. Поэтому и было так устроено, что день первого освящения вышеназванных церквей был тот день, когда обретен крест Господень, чтобы все вместе праздновалось в один и тот же день со всею радостью. А в священном писании находим, что день обновления есть тот день, когда святой Соломон, по довершении дома Божия, который соорудил, стал перед алтарем Бога и молился, как писано в книгах Паралипоменон.

[49]. И так, когда наступают эти дни обновлений, [172] они чествуются восемь дней: за много дней начинают собираться отовсюду, не только из отшельников или апотактитов из различных провинций, то есть из Месопотамии, и Сирии, и Египта, и Фиваиды, где много отшельников, но и изо всех различных мест и провинций; ибо нет никого, кто бы в этот день не стремился в Иерусалим к толикой радости и к столь честным дням: и миряне, как мужи, так и жены верным духом подобным же образом собираются в эти дни из всех провинций в Иерусалим, ради святого дня. В эти же дни собирается в Иерусалиме епископов — когда их немного — более сорока или пятидесяти; и с ними приходит много их клириков. И что говорить много? тот, кто не будет участвовать в столь великом торжестве в эти дни, полагает, что он впал в величайший грех: если только не будет какой-нибудь препятствующей необходимости, которая удерживает человека от благого намерения. В эти дни обновлений украшение всех церквей бывает тоже, какое бывает в пасху и в богоявление: и каждый день правится служба в различных святых местах так же, как в пасху и в богоявление. Ибо в первый и второй день правится служба в большой церкви, которая зовется Мартириум. На третий день — на Елеоне, то есть в церкви, что на горе, откуда вознесся Господь на небо после страданий, в каковой церкви есть пещера, в которой учил Господь апостолов на горе Масличной. В четвертый же день...

Материалы для семинаров Михаила Шнейдера

Небесный Храм

Бытие 1-2. 1.1 В начале сотворил Бог небо и землю. 2 Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою. 3 И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. 4 И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы. 5 И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один. 6 И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды. 7 И создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так. 8 И назвал Бог твердь небом. И был вечер, и было утро: день второй. 9 И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так. 10 И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями. И увидел Бог, что [это] хорошо. 11 И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя дерево плодovitое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так. 12 И произвела земля зелень, траву, сеющую семя по роду ее, и дерево, приносящее плод, в котором семя его по роду его. И увидел Бог, что [это] хорошо. 13 И был вечер, и было утро: день третий. 14 И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен, и дней, и годов; 15 и да будут они светильниками на тверди небесной, чтобы светить на землю. И стало так. 16 И создал Бог два светила великие: светило большее, для управления днем, и светило меньшее, для управления ночью, и звезды; 17 и поставил их Бог на тверди небесной, чтобы светить на землю, 18 и управлять днем и ночью, и отделять свет от тьмы. И увидел Бог, что [это] хорошо. 19 И был вечер, и было утро: день четвертый. 20 И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной. 21 И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее. И увидел Бог, что [это] хорошо. 22 И благословил их Бог, говоря: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте воды в морях, и птицы да размножаются на земле. 23 И был вечер, и было утро: день пятый. 24 И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их. И стало так. 25 И создал Бог зверей земных по роду их, и скот по роду его, и всех гадов земных по роду их. И увидел Бог, что [это] хорошо. 26 И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле. 27 И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. 28 И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле. 29 И сказал Бог: вот, Я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя; - вам [сие] будет в пищу; 30 а всем зверям земным, и всем птицам небесным, и всякому пресмыкающемуся по земле, в котором душа живая, [дал] Я всю зелень травную в пищу. И стало так. 31 И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма. И был вечер, и было утро: день шестой.

2.1. Так совершены небо и земля и все воинство их. 2 И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмый от всех дел Своих, которые делал. 3 И благословил Бог седьмой день, и освятил его, ибо в оный почил от всех дел Своих, которые Бог творил и созидал. 4 Вот происхождение неба и земли, при сотворении их, в то время, когда Господь Бог создал землю и небо, 5 и всякий полевой кустарник, которого еще не было на земле, и всякую полевую траву, которая еще

не росла, ибо Господь Бог не посылал дождя на землю, и не было человека для возделывания земли, б но пар поднимался с земли и орошал все лице земли. 7 И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою. 8 И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке, и поместил там человека, которого создал. 9 И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла. 10 Из Едема выходила река для орошения рая; и потом разделялась на четыре реки. 11 Имя одной Фисон: она обтекает всю землю Хавила, ту, где золото; 12 и золото той земли хорошее; там бдолах и камень оникс. 13 Имя второй реки Гихон: она обтекает всю землю Куш. 14 Имя третьей реки Хиддекель: она протекает пред Ассириєю. Четвертая река Евфрат. 15 И взял Господь Бог человека, и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его. 16 И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, 17 а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь. 18 И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему. 19 Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей. 20 И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым; но для человека не нашлось помощника, подобного ему. 21 И навел Господь Бог на человека крепкий сон; и, когда он уснул, взял одно из ребр его, и закрыл то место плотию. 22 И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку. 23 И сказал человек: вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою, ибо взята от мужа. 24 Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут одна плоть. 25 И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились.

1 1 בְּרֵאשִׁית בָּרָא אֱלֹהִים אֶת הַשָּׁמַיִם וְאֶת הָאָרֶץ : 2 וְהָאָרֶץ
הָיְתָה תֵהוֹ וְנָהוּ וְחֹשֶׁךְ עַל־פְּנֵי תְהוֹם וְרוּחַ אֱלֹהִים מְרַחֶפֶת עַל־פְּנֵי
הַמַּיִם : 3 וַיֹּאמֶר אֱלֹהִים יְהִי אוֹר וַיְהִי־אוֹר : 4 וַיֵּרָא אֱלֹהִים אֶת־
הָאוֹר כִּי־טוֹב וַיִּבְרָא אֱלֹהִים בֵּין הָאוֹר וּבֵין הַחֹשֶׁךְ : 5 וַיִּקְרָא
אֱלֹהִים לְאוֹר יוֹם וְלַחֹשֶׁךְ לַיְלָה וַיְהִי־עֶרֶב וַיְהִי־בֹקֶר יוֹם
אֶחָד : 6 וַיֹּאמֶר אֱלֹהִים יְהִי רִקִיעַ בְּתוֹךְ הַמַּיִם וַיְהִי מִבְּדִיל
בֵּין מַיִם לַמַּיִם : 7 וַיַּעַשׂ אֱלֹהִים אֶת־הַרְקִיעַ וַיִּבְרָא בֵּין הַמַּיִם אֲשֶׁר
מִתַּחַת לַרְקִיעַ וּבֵין הַמַּיִם אֲשֶׁר מֵעַל לַרְקִיעַ וַיְהִי־כֵן : 8 וַיִּקְרָא
אֱלֹהִים לַרְקִיעַ שָׁמַיִם וַיְהִי־עֶרֶב וַיְהִי־בֹקֶר יוֹם שֵׁנִי : 9
וַיֹּאמֶר אֱלֹהִים יִקְוּ הַמַּיִם מִתַּחַת הַשָּׁמַיִם אֶל־מְקוֹם אֶחָד וַתֵּרָא
הַיַּבְשָׁה וַיְהִי־כֵן : 10 וַיִּקְרָא אֱלֹהִים לַיַּבְשָׁה אָרֶץ וּלַמְּקוֹה הַמַּיִם
קָרָא יַמִּים וַיֵּרָא אֱלֹהִים כִּי־טוֹב : 11 וַיֹּאמֶר אֱלֹהִים תְּדַשָּׂא הָאָרֶץ
דָּשָׂא עֵשֶׂב מִזְרִיעַ זֶרַע עֵץ פְּרִי עֹשֶׂה פְרִי לְמִינֹהוּ אֲשֶׁר זֶרַע־בוֹ
עַל־הָאָרֶץ וַיְהִי־כֵן : 12 וַתּוֹצֵא הָאָרֶץ דָּשָׂא עֵשֶׂב מִזְרִיעַ זֶרַע לְמִינֵהוּ
וְעֵץ עֹשֶׂה פְרִי אֲשֶׁר זֶרַע־בוֹ לְמִינֵהוּ וַיֵּרָא אֱלֹהִים כִּי־טוֹב : 13 וַיְהִי־
עֶרֶב וַיְהִי־בֹקֶר יוֹם שְׁלִישִׁי : 14 וַיֹּאמֶר אֱלֹהִים יְהִי מְאֹרֶת
בְּרִקִיעַ הַשָּׁמַיִם לְהַבְדִּיל בֵּין הַיּוֹם וּבֵין הַלַּיְלָה וַיְהִי לְאֹתָת וּלְמוֹעֲדִים

15 וַיִּמְדוּם וַשָּׁנִים: 15 וַהֲיוּ לְמַאֲרֹת בְּרִקְיעַ הַשָּׁמַיִם לְהָאִיר עַל־הָאָרֶץ
 16 וַיְהִי־כֵן: 16 וַיַּעַשׂ אֱלֹהִים אֶת־שְׁנֵי הַמַּאֲרֹת הַגְּדֹלִים אֶת־הַמַּאֲוֹר

234
 1 בעל 164 יח פסוק
 את את ואת ואת
 ב חס ל

הַגְּדֹל לְמִמְשָׁלַת הַיּוֹם וְאֶת־הַמַּאֲוֹר הַקָּטָן לְמִמְשָׁלַת הַלַּיְלָה וְאֵת
 הַכּוֹכָבִים: 17 וַיִּתֵּן אֹתָם אֱלֹהִים בְּרִקְיעַ הַשָּׁמַיִם לְהָאִיר עַל־הָאָרֶץ: 17
 18 וְלִמְשַׁלׁ בַּיּוֹם וּבַלַּיְלָה וְלַהַבְדִּיל בֵּין הָאֹר וּבֵין הַחֹשֶׁךְ וַיֵּרָא אֱלֹהִים
 כִּי־טוֹב: 19 וַיְהִי־עֶרֶב וַיְהִי־בֹקֶר יוֹם רְבִיעִי: פ 20 וַיֹּאמֶר
 אֱלֹהִים יִשְׂרְצוּ הַמַּיִם שָׂרָץ נֶפֶשׁ חַיָּה וְעוֹף יְעוֹפֵף עַל־הָאָרֶץ עַל־פְּנֵי
 רִקְיעַ הַשָּׁמַיִם: 21 וַיִּבְרָא אֱלֹהִים אֶת־הַתַּיִמָּנִים הַגְּדֹלִים וְאֵת כָּל־נֶפֶשׁ
 הַחַיָּה הַרְמֵשֶׁת אֲשֶׁר שָׂרָצוּ הַמַּיִם לְמִינֵהֶם וְאֵת כָּל־עוֹף כָּנָף לְמִינֵהוּ
 וַיֵּרָא אֱלֹהִים כִּי־טוֹב: 22 וַיִּבְרָךְ אֹתָם אֱלֹהִים לֵאמֹר פְּרוּ וּרְבוּ
 וּמְלֵאוּ אֶת־הַמַּיִם בַּמַּיִם וְהָעוֹף יִרְבַּ בָּאָרֶץ: 23 וַיְהִי־עֶרֶב וַיְהִי־בֹקֶר
 יוֹם חַמִּישִׁי: פ 24 וַיֹּאמֶר אֱלֹהִים הוֹצֵא אֶת־הָאָרֶץ נֶפֶשׁ חַיָּה לְמִינָהּ
 בַּהֶמָּה וְרֶמֶשׂ וְחַיֵּת־הָאָרֶץ לְמִינָהּ וַיְהִי־כֵן: 25 וַיַּעַשׂ אֱלֹהִים אֶת־חַיֵּת
 הָאָרֶץ לְמִינָהּ וְאֵת־הַבְּהֵמָה לְמִינָהּ וְאֵת כָּל־רֶמֶשׂ הָאֲדָמָה לְמִינָהּ
 וַיֵּרָא אֱלֹהִים כִּי־טוֹב: 26 וַיֹּאמֶר אֱלֹהִים נַעֲשֵׂה אָדָם בְּצַלְמֵנוּ
 כְּדְמוּתֵנוּ וַיִּרְדּוּ בַדְּגַת הַיָּם וּבְעוֹף הַשָּׁמַיִם וּבַבְּהֵמָה וּבְכָל־הָאָרֶץ
 וּבְכָל־הַרְמֵשׂ הַרְמֵשׂ עַל־הָאָרֶץ: 27 וַיִּבְרָא אֱלֹהִים אֶת־הָאָדָם
 בְּצַלְמוֹ א בְּצִלְמֵ אֱלֹהִים בָּרָא אֹתוֹ זָכָר וּנְקֵבָה בָּרָא אֹתָם: 28 וַיִּבְרָךְ
 אֹתָם אֱלֹהִים וַיֹּאמֶר לָהֶם אֱלֹהִים פְּרוּ וּרְבוּ וּמְלֵאוּ אֶת־הָאָרֶץ וּכְבֹּשׂוּ
 וּרְדוּ בַדְּגַת הַיָּם וּבְעוֹף הַשָּׁמַיִם א וּבְכָל־חַיֵּי הָרֶמֶשׂ עַל־הָאָרֶץ:
 29 וַיֹּאמֶר אֱלֹהִים הִנֵּה נָתַתִּי לָכֶם אֶת־כָּל־עֵשֶׂב אֲשֶׁר זָרַע זָרַע אֲשֶׁר עַל־
 פְּנֵי כָל־הָאָרֶץ וְאֵת־כָּל־הָעֵץ אֲשֶׁר־בוֹ פְּרִי־עֵץ זָרַע זָרַע לָכֶם וַיְהִי
 לְאֹכְלָהּ: 30 וְלְכָל־חַיֵּית הָאָרֶץ וְלְכָל־עוֹף הַשָּׁמַיִם וְלְכָל־רֹמֵשׂ
 עַל־הָאָרֶץ אֲשֶׁר־בוֹ נֶפֶשׁ חַיָּה אֹת־כָּל־יֵרֶק עֵשֶׂב לְאֹכְלָהּ וַיְהִי־כֵן:
 31 וַיֵּרָא אֱלֹהִים אֶת־כָּל־אֲשֶׁר עָשָׂה וְהִנֵּה־טוֹב מְאֹד וַיְהִי־עֶרֶב וַיְהִי־
 בֹקֶר יוֹם הַשֵּׁשִׁי: פ 2 וַיִּכְלְוּ הַשָּׁמַיִם וְהָאָרֶץ וְכָל־צְבָאָם: 2

241 . ל . 241

ל וחס . ה . 289 . 241

ג ר"פ . ל . כה"ג
 242 מנה בטע בעיני

ל 290 . ב . כא פסוק על על
 ומילה חדה ביניה

ב . ג חס בתור

ג . 24

ה בתור

ד . ה . 241 . ב . ג ר"פ

ל . כה"ג

ל . 1 בעיני . 242
 בליט

24

כה"ג 241 מנה בטע בעיני

ג . ה פסוק ובכל ובכל

ב

ל . 241 . ה בתור

כב"ג וכל ד"ה ועזרא
 דכות ב מ ה חס בליט .
 ד . ל וחס

ג . ג

כה"ג

243

ד ר"פ . ל . ר"פ 242
 בליט 246 . ל . ב מל

1 בעיני

ל

ל . ל . 24 . 1

2 וַיְכַל אֱלֹהִים בַּיּוֹם הַשְּׁבִיעִי^א מִלַּאכְתּוֹ אֲשֶׁר עָשָׂה וַיִּשְׁבַּת בַּיּוֹם^{ל. ב. חס²}

3 הַשְּׁבִיעִי מִכָּל־מַלְאכְתּוֹ אֲשֶׁר עָשָׂה: ³ וַיְבָרֶךְ אֱלֹהִים אֶת־יוֹם^{ב. א.}

הַשְּׁבִיעִי וַיִּקְדַּשׁ אֹתוֹ כִּי בּוֹ שָׁבַת מִכָּל־מַלְאכְתּוֹ אֲשֶׁר־בָּרָא אֱלֹהִים^{ב. א. בחור³}

לַעֲשׂוֹת: ^פ 4 אֱלֹהִים^א תּוֹלְדוֹת הַשָּׁמַיִם וְהָאָרֶץ בַּהִבְרָאָם^ב

5 בַּיּוֹם עָשׂוֹת יְהוָה אֱלֹהִים^ב אֶרֶץ וּשְׁמַיִם: ⁵ וְכָל־שֵׁיחַ הַשָּׂדֶה^ל

טָרֵם יִהְיֶה בָאָרֶץ וְכָל־עֵשֶׂב הַשָּׂדֶה טָרֵם יִצְמַח כִּי לֹא הִמְטִיר יְהוָה^ל

6 אֱלֹהִים עַל־הָאָרֶץ וְאָדָם אֵין לַעֲבֹד אֶת־הָאֲדָמָה: ⁶ וְאָדָם יַעֲלֶה מִן־^{ט. ב. זכף פת⁷. ב. חד חס}

7 הָאָרֶץ וְהִשְׁקָה אֶת־כָּל־פְּנֵי־הָאֲדָמָה: ⁷ וַיִּצְרֶה יְהוָה אֱלֹהִים אֶת־^{ב. א. חד חס וחד מל}

הָאָדָם עֶפְרָל מִן־הָאֲדָמָה וַיִּפָּח בְּאָפִיו נִשְׁמַת חַיִּים וַיְהִי הָאָדָם לְנֶפֶשׁ^{ל. ל.}

8 חַיָּה: ⁸ וַיִּטַּע יְהוָה אֱלֹהִים גֶּן־בְּעֵדֶן מִקְדָּם וַיִּשֶׂם שֵׁם אֶת־הָאָדָם אֲשֶׁר^{ג. א. פד לג מנה בחור⁴}

9 יִצְרֶה: ⁹ וַיִּצְמַח יְהוָה אֱלֹהִים מִן־הָאֲדָמָה כָּל־עֵץ נְחֹמֵד לְמַרְאֵה וְטוֹב^{ל. ב. 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100}

10 לְמֵאֲכָל וְעֵץ הַחַיַּים בְּתוֹךְ הַגֶּן וְעֵץ הַדַּעַת טוֹב וְרָע: ¹⁰ וְנָהָר יֵצֵא^{ל. ל.}

11 מִעֵדֶן לְהִשְׁקוֹת אֶת־הַגֶּן וּמִשָּׁם יִפְרֹד וְהָיָה לְאַרְבַּעַת רְאשִׁים: ¹¹ שֵׁם^{ח. 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100}

הָאֲחֵד פִּישׁוֹן הוּא הַסּוּבָב אֶת כָּל־אָרֶץ הַחַיִּיִל^א אֲשֶׁר־שָׁם הַזֶּהָב:^{א. זא זוגין בטע¹⁸. ב. חס¹⁹}

12 וְזֶהָב הָאָרֶץ הַהוּא טוֹב^ב שֵׁם הַבְּדֵלָח וְאֶבֶן הַשֹּׁהַם: ¹³ וְשֵׁם־הַנְּהָר^{ל. ז ובטע²⁰. ב. ג. זא זוגין²¹}

14 הַשְּׁנַי גִּיחוֹן הוּא הַסּוּבָב אֶת כָּל־אָרֶץ כּוּשׁ: ¹⁴ וְשֵׁם הַנְּהָר הַשְּׁלִישִׁי^{זא זוגין בטע²¹. זא זוגין בטע²¹}

חַדְקָל הוּא קְהֵלָד קְדַמַּת אַשׁוּר וְהַנְּהָר הַרְבִּיעִי הוּא פְּרָת:^{22, 23}

15 וַיִּקַּח יְהוָה אֱלֹהִים אֶת־הָאָדָם וַיַּנְחֵהוּ בֶּגֶן־עֵדֶן לַעֲבֹדָה וּלְשִׁמְרָה:^{ב. זחס²³. ל. ל.}

16 וַיִּצַּל יְהוָה אֱלֹהִים עַל־הָאָדָם לֹאֲמַר מִכָּל־עֵץ־הַגֶּן אֲכַל תֹּאכַל:^{זא זוגין בטע²⁴. זא זוגין בטע²⁴}

17 וּמִעֵץ הַדַּעַת טוֹב וְרָע לֹא תֹאכַל מִמֶּנּוּ כִּי בַיּוֹם אֲכַלְתָּ מִמֶּנּוּ מוֹת^{25, 26}

18 תָּמוּת: ¹⁸ וַיֹּאמֶר יְהוָה אֱלֹהִים לֹא־טוֹב הָיִיתָ הָאָדָם לְבַדּוֹ אֶעֱשֶׂה־^{ד. בעי²⁷}

19 לּוֹ עֵזֶר כְּנֶגְדּוֹ: ¹⁹ וַיִּצְרֶה יְהוָה אֱלֹהִים מִן־הָאֲדָמָה^ב כָּל־חַיַּית הַשָּׂדֶה^{ב. חד חס וחד מל²⁷. זא זוגין בטע²⁷}

וְאֵת כָּל־עוֹף הַשָּׁמַיִם וַיָּבֵא אֶל־הָאָדָם לְרְאוֹת מִה־יִּקְרָא־לּוֹ וְכָל־^{זא זוגין בטע²⁸. זא זוגין בטע²⁸}

20 אֲשֶׁר יִקְרָא־לּוֹ הָאָדָם נֶפֶשׁ חַיָּה הוּא שְׁמוֹ: ²⁰ וַיִּקְרָא הָאָדָם שְׁמוֹת^{ז. ט. מל בחור²⁹}

1 לְכָל־הַבְּהֵמָה וְלָעוֹף הַשָּׁמַיִם וּלְכָל־חַיַּית הַשָּׂדֶה וּלְאָדָם^ב לֹא־מִצָּא^{זא זוגין בטע³⁰. זא זוגין בטע³⁰}

21 עֵזֶר כְּנֶגְדּוֹ: ²¹ וַיִּפֹּל יְהוָה אֱלֹהִים וַתִּרְדָּמָה עַל־הָאָדָם וַיִּישָׁן וַיִּקַּח^{זא זוגין בטע³¹. זא זוגין בטע³¹}

22 אֶחָת מִצִּלְעוֹתָיו וַיִּסְגֶּר בָּשָׂר תַּחְתָּנָה: ²² וַיִּבֶן יְהוָה אֱלֹהִים אֶת־הַצִּלְעַ^{ב. בחור. ל.}

23 אֲשֶׁר־לָקַח מִן־הָאָדָם לְאִשָּׁה וַיָּבֵאהָ אֶל־הָאָדָם: ²³ וַיֹּאמֶר הָאָדָם^{ד. ב. חס וב מל³². זא זוגין בטע³²}

זֹאת הַפֶּעַם עָצַם מַעְצָמִי וּבָשָׂר מִבְּשָׂרִי^{ה. זא זוגין בטע³³}

לְזֹאת יִקְרָא אִשָּׁה כִּי מֵאִישׁ^א לָקַחְתָּהּ זֹאת:^{זא זוגין בטע³⁴. זא זוגין בטע³⁴}

24 עַל־כֵּן יַעֲזֹב אִישׁ אֶת־אָבִיו וְאֶת־אִמּוֹ וְדָבַק בְּאִשְׁתּוֹ וְהָיוּ לְבָשָׂר^{ג. זא זוגין בטע³⁵. זא זוגין בטע³⁵}

25 אֶחָד: ²⁵ וַיְהִי שְׁנֵיהֶם עַרוּמִים הָאָדָם וְאִשְׁתּוֹ וְלֹא יִתְבַּשְׁשׁוּ:^{זא זוגין בטע³⁶. זא זוגין בטע³⁶}

9 וְהָאֹמְרֵי וְהַפְּרֹזִי' וְהַחֲוֵי וְהַיְבוּסִי: 9 וְעַתָּה הִנֵּה צַעֲקַת בְּנֵי-יִשְׂרָאֵל
 בָּאָה אֵלַי וְגַם-רָאִיתִי אֶת-הַלַּחֵץ אֲשֶׁר מִצְרַיִם לֹחֲצִים אֹתָם:
 10 וְעַתָּה לֵךְ וְאַשְׁלַחְךָ אֶל-פְּרַעֲה וְהוֹצֵא^א אֶת-עַמִּי בְנֵי-יִשְׂרָאֵל
 11 מִמִּצְרַיִם: 11 וַיֹּאמֶר מֹשֶׁה אֶל-הַאֱלֹהִים מִי אֲנִכִּי כִי אֵלֶיךָ אֶל-פְּרַעֲה
 12 וְכִי אוֹצִיא אֶת-בְּנֵי יִשְׂרָאֵל מִמִּצְרַיִם: 12 וַיֹּאמֶר^א כִּי-אֶהְיֶה עִמָּךְ
 13 תַּעֲבֹדוּן אֶת-הַאֱלֹהִים עַל-הָהָר הַזֶּה: 13 וַיֹּאמֶר מֹשֶׁה אֶל-
 הַאֱלֹהִים הִנֵּה אֲנִכִּי בֹא אֶל-בְּנֵי יִשְׂרָאֵל וְאָמַרְתִּי לָהֶם אֱלֹהֵי
 אֲבוֹתֵיכֶם שְׁלַחְנִי אֵלֵיכֶם וְאָמְרוּ-לִי מַה-שְּׁמוֹ מָה אָמַר אֱלֹהִים:
 14 וַיֹּאמֶר אֱלֹהִים אֶל-מֹשֶׁה אֶהְיֶה אֲשֶׁר אֶהְיֶה^א וַיֹּאמֶר כֹּה תֹאמַר
 15 לְבְנֵי יִשְׂרָאֵל אֶהְיֶה שְׁלַחְנִי אֵלֵיכֶם: 15 וַיֹּאמֶר עוֹד אֱלֹהִים
 אֶל-מֹשֶׁה כֹּה-תֹאמַר אֶל-בְּנֵי יִשְׂרָאֵל יְהוָה אֱלֹהֵי אֲבוֹתֵיכֶם אֱלֹהֵי
 אַבְרָהָם אֱלֹהֵי יִצְחָק וְאֱלֹהֵי יַעֲקֹב שְׁלַחְנִי אֵלֵיכֶם זֶה-שְּׁמִי לְעֹלָם
 16 וְזֶה זַכְרִי לְדֹר דָּר: 16 לָךְ וְאַסַּפְתָּ אֶת-זִקְנֵי יִשְׂרָאֵל וְאָמַרְתָּ אֲלֵהֶם

12ב
 13ג. 13ג. לא פסוק
 כל ובי 14
 14ג ב מנה בלשון ארמי .
 15ג
 16ג
 17ג מל ול 17 בתור וכל
 יהושע מלכים ירמיה יחזק
 רכתוב דכות 5 מ ח .
 18ג
 19ג חס 1 מנה בתור

יְהוָה אֱלֹהֵי אֲבוֹתֵיכֶם נִרְאָה אֵלַי אֱלֹהֵי אַבְרָהָם יִצְחָק וַיַּעֲקֹב לֵאמֹר
 17 פֶּקֶד פְּקֻדֹתַי אִתְּכֶם וְאֶת-הַעֲשׂוֹי לָכֶם בְּמִצְרַיִם: 17 וְאָמַר^א אֲעֲלֶה
 אֶתְכֶם מֵעֵנִי מִצְרַיִם אֶל-אֶרֶץ הַכְּנַעֲנִי וְהַחִתִּי וְהָאֹמְרֵי וְהַפְּרֹזִי'^א
 18 וְהַחֲוֵי וְהַיְבוּסִי אֶל-אֶרֶץ זְבֹת חֶלֶב וְדָבָשׁ: 18 וְשָׁמְעוּ לְקֹלְךָ וּבֹאֲתָ
 אֶתָּה וְזִקְנֵי יִשְׂרָאֵל אֶל-מֶלֶךְ מִצְרַיִם וְאָמַרְתֶּם אֵלָיו יְהוָה אֱלֹהֵי
 הָעִבְרָיִים נִקְרָה^ב עָלֵינוּ וְעַתָּה גִלְכַּה-נָּא הַרְדֵּךְ שְׁלֹשַׁת יָמִים בַּמִּדְבָּר
 וְנִזְבַּחַה לַיהוָה אֱלֹהֵינוּ: 19 וְאָנֹכִי יִדְעֵתִי כִּי לֹא-יִתֵּן אֶתְכֶם מֶלֶךְ
 מִצְרַיִם לְהֵלֵךְ וְלֹא^א בְּיַד חֲזָקָה: 20 וְשַׁלַּחְתִּי אֶת-יָדִי וְהִפִּיתִי אֶת-
 מִצְרַיִם בְּכֹל נַפְלְאוֹתַי אֲשֶׁר אֲעִשֶׂה בְּקִרְבּוֹ וְאַחֲרֵי-כֵן יִשְׁלַח אֶתְכֶם:
 21 וְנִתַּחֲתִי אֶת-חַן הָעַם-הַזֶּה בְּעֵינֵי מִצְרַיִם וְהָיָה כִּי תֵלְכוּן לֹא תִלְכוּ
 22 רִיגָם: 22 וְשִׂאֵלָה אֵשָׁה מִשְׁכַּנְתָּה^א וּמִנְּעֻרַת בֵּיתָהּ כְּלֵי-כֶסֶף וְכָלִי זָהָב
 וְשִׁמְלֹת וְשִׁמְתֶם עַל-בְּנֵיכֶם וְעַל-בָּנֹתֵיכֶם וְנִצַּלְתֶּם אֶת-מִצְרַיִם:

20ג . 21ג
 ה וחס 23 . 24ג . ח סת 25
 סימן 5 מ 5 1 ס 26
 ב בתור 17 שמיעה
 לקבל 27 . ב חס f . בטע 28
 ל . ל כה
 ט . סו ר"פ
 ד וחס 29 .
 ל חס 30 .
 31ג בתור . 31ג
 32 . 32 .
 33 . 33 .

Исход 24. 1 И Моисею сказал Он: взойди к Господу ты и Аарон, Надав и Авиуд и семьдесят из старейшин Израилевых, и поклонитесь издали; 2 Моисей один пусть приблизится к Господу, а они пусть не приближаются, и народ пусть не восходит с ним. 3 И пришел Моисей и пересказал народу все слова Господни и все законы. И отвечал весь народ в один голос, и сказали: все, что сказал Господь, сделаем. 4 И написал Моисей все слова Господни и, встав рано поутру, поставил под горою жертвенник и двенадцать камней, по [числу] двенадцати колен Израилевых; 5 и послал юношей из сынов Израилевых, и принесли они всесожжения, и заклали тельцов в мирную жертву Господу. 6 Моисей, взяв половину крови, влил в чаши, а [другую] половиною окропил жертвенник; 7 и взял книгу завета и прочитал вслух народу, и сказали они: все, что сказал Господь, сделаем и будем послушны. 8 И взял Моисей крови и окропил народ, говоря: вот кровь завета, который Господь заключил с вами о всех словах сих. 9 Потом взошел Моисей и Аарон, Надав и Авиуд и семьдесят из старейшин Израилевых, 10 и видели Бога Израилева; и под ногами Его нечто подобное работе из чистого сапфира и, как самое небо, ясное. 11 И Он не простер руки Своей на избранных из сынов Израилевых: они видели Бога, и ели и пили. 12 И сказал Господь Моисею: взойди ко Мне на гору и будь там; и дам тебе скрижали каменные, и закон и заповеди, которые Я написал для научения их. 13 И встал Моисей с Иисусом, служителем своим, и пошел Моисей на гору Божию, 14 а старейшинам сказал: оставайтесь здесь, доколе мы не возвратимся к вам; вот Аарон и Ор с вами; кто будет иметь дело, пусть приходит к ним. 15 И взошел Моисей на гору, и покрыло облако гору, 16 и слава Господня осенила гору Синай; и покрывало ее облако шесть дней, а в седьмой день [Господь] воззвал к Моисею из среды облака. 17 Вид же славы Господней на вершине горы был пред глазами сынов Израилевых, как огонь поядающий. 18 Моисей вступил в среднюю облака и взошел на гору; и был Моисей на горе сорок дней и сорок ночей.

24 וְאֶל־מֹשֶׁה אָמַר עֲלֶה אֶל־יְהוָה אַתָּה וְאַהֲרֹן נָדָב וַאֲבִיהוּא^א וְשִׁבְעִים מִזִּקְנֵי יִשְׂרָאֵל וְהִשְׁתַּחֲוִיתֶם מֵרֶחֶק^ב : וְנֹשֵׁא מֹשֶׁה לְבַדּוֹ^ג אֶל־יְהוָה וְהֵם לֹא יִגְשׁוּ וְהָעָם לֹא יַעֲלוּ עִמּוֹ^ד : וַיָּבֵא מֹשֶׁה וַיְסַפֵּר לָעָם אֵת כָּל־דִּבְרֵי יְהוָה וְאֵת כָּל־הַמִּשְׁפָּטִים וַיַּעַן כָּל־הָעָם קוֹל אֶחָד וַיֹּאמְרוּ כָּל־הַדְּבָרִים אֲשֶׁר־דִּבֶּר יְהוָה נַעֲשֶׂה^ה : וַיִּכְתֹּב מֹשֶׁה אֵת כָּל־דִּבְרֵי יְהוָה וַיִּשְׁכַּם בַּבֹּקֶר וַיָּבִין מִזִּבְחַת תַּחַת הַהָר וּשְׁתֵּים עָשָׂר מִצֵּבֹתָה^ו לְשָׁנִים עָשׂר שִׁבְטֵי יִשְׂרָאֵל : וַיִּשְׁלַח אֶת־נְעָרֵי בְנֵי יִשְׂרָאֵל וַיַּעֲלוּ עֲלֵת וַיִּזְבְּחוּ זִבְחִים שְׁלָמִים לַיהוָה פָּרִים^ז : וַיִּקַּח מֹשֶׁה חֹצֵי הַדָּם וַיִּשֶׂם בְּאֵזְנֵת וַחֹצֵי הַדָּם זָרַק עַל־הַמִּזְבֵּחַ : וַיִּקַּח סֵפֶר הַבְּרִית וַיִּקְרָא בְּאָזְנֵי הָעָם וַיֹּאמְרוּ כָּל אֲשֶׁר־דִּבֶּר יְהוָה נַעֲשֶׂה^ח וְנִשְׁמָע^ט : וַיִּקַּח מֹשֶׁה אֶת־הַדָּם וַיִּזְרַק עַל־הָעָם וַיֹּאמֶר הִנֵּה דָם הַבְּרִית אֲשֶׁר כָּרַת יְהוָה עִמָּכֶם עַל כָּל־הַדְּבָרִים אֲשֶׁר־אָמַר יְהוָה :
א ב כ ד ה ו ז ח ט י יא יב יג יד יו יז יח יט כ כג כד כה כו כז כח כט ל לב לד לו לז לח לט

9 וַיַּעַל מֹשֶׁה וְאַהֲרֹן נָדָב וַאֲבִיהוּא וְשִׁבְעִים מִזִּקְנֵי יִשְׂרָאֵל : וַיִּרְאוּ^י אֶת־אֱלֹהֵי יִשְׂרָאֵל וַתַּחַת רַגְלָיו כְּמַעֲשֵׂה לְבִנְתַּת הַסַּפִּיר וּכְעֵצִים הַשָּׁמַיִם לְטֹהַר : וְאֶל־אַצִּילֵי בְנֵי יִשְׂרָאֵל לֹא שָׁלַח יָדוֹ וַיַּחֲזִיב אֶת־הָאֱלֹהִים וַיִּאֲכְלוּ וַיִּשְׁתּוּ : וַיֹּאמֶר יְהוָה אֶל־מֹשֶׁה עֲלֶה אֵלַי הַהָרָה וְהָיִיתָ שָׁם וְאֶתְנַה לְךָ אֶת־לַחַת הָאָבֶן וְהַתּוֹרָה וְהַמִּצְוָה אֲשֶׁר כָּתַבְתִּי לְהוֹרֹתָם : וַיִּקַּם מֹשֶׁה וַיְהוֹשֶׁעַ מִשְׁרַתּוֹ וַיַּעֲלֵה מֹשֶׁה אֶל־^כ

14 הָרָה אֱלֹהִים: 14 וְאֶל־הַזִּקְנִים אָמַר שְׁבוּ־לָנוּ בְּזֶה עַד אֲשֶׁר־נָשׁוּב
 אֲלֵיכֶם וְהָיָה אֲהָרָן וְחֹר וְעַמְּכֶם מִי־בֶעַל דְּבָרִים וַיֵּשׂ אֱלֹהִים:
 15 וַיַּעַל מֹשֶׁה^א אֶל־הָהָר וַיִּכַּס הָעֲנָן אֶת־הָהָר: 16 וַיִּשְׁכַּן כְּבוֹד יְהוָה^א
 עַל־הָהָר סִינַי וַיִּכְסְהוּ הָעֲנָן שֵׁשֶׁת יָמִים וַיִּקְרָא^ט אֶל־מֹשֶׁה בַּיּוֹם
 הַשְּׂבִיעִי מֵתוֹךְ הָעֲנָן: 17 וּמִרְאָה כְּבוֹד יְהוָה כָּאֵשׁ אֹכֶלֶת בְּרֹאשׁ
 הָהָר לְעֵינַי בְּנֵי יִשְׂרָאֵל: 18 וַיִּבֹא מֹשֶׁה בְּתוֹךְ הָעֲנָן וַיַּעַל אֶל־הָהָר
 וַיְהִי מֹשֶׁה^א בְּהָר אַרְבָּעִים יוֹם וְאַרְבָּעִים לַיְלָה: פ קיח

Исход 25. 1 И сказал Господь Моисею, говоря: 2 скажи сынам Израилевым, чтобы они сделали Мне приношения; от всякого человека, у которого будет усердие, принимайте приношения Мне. 3 Вот приношения, которые вы должны принимать от них: золото и серебро и медь, 4 и [шерсть] голубую, пурпуровую и червленую, и виссон, и козью, 5 и кожи бараньи красные, и кожи синие, и деревья ситтим, 6 елей для светильника, ароматы для елея помазания и для благовонного курения, 7 камень оникс и камни вставные для ефода и для наперсника. 8 И устроят они Мне святилище, и буду обитать посреди их; 9 все, как Я показываю тебе, и образец скинии и образец всех сосудов ее; так и сделайте. 10 Сделайте ковчег из дерева ситтим: длина ему два локтя с половиною, и ширина ему полтора локтя, и высота ему полтора локтя; 11 и обложи его чистым золотом, изнутри и снаружи покрой его; и сделай наверху вокруг его золотой венец. 12 и вылей для него четыре кольца золотых и утверди на четырех нижних углах его: два кольца на одной стороне его, два кольца на другой стороне его. 13 Сделай из дерева ситтим шести и обложи их золотом; 14 и вложи шести в кольца, по сторонам ковчега, чтобы посредством их носить ковчег; 15 в кольцах ковчега должны быть шести и не должны отниматься от него. 16 И положи в ковчег откровение, которое Я дам тебе. 17 Сделай также крышку из чистого золота: длина ее два локтя с половиною, а ширина ее полтора локтя; 18 и сделай из золота двух херувимов: чеканной работы сделай их на обоих концах крышки; 19 сделай одного херувима с одного края, а другого херувима с другого края; [выдавшимися] из крышки сделайте херувимов на обоих краях ее; 20 и будут херувимы с распростертыми вверх крыльями, покрывая крыльями своими крышку, а лицами своими [будут] друг к другу: к крышке будут лица херувимов. 21 И положи крышку на ковчег сверху, в ковчег же положи откровение, которое Я дам тебе; 22 там Я буду открываться тебе и говорить с тобою над крышкою, посреди двух херувимов, которые над ковчегом откровения, о всем, что ни буду заповедывать чрез тебя сынам Израилевым. 23 И сделай стол из дерева ситтим, длиною в два локтя, шириною в локоть, и вышиною в полтора локтя, 24 и обложи его золотом чистым, и сделай вокруг него золотой венец. 25 и сделай вокруг него стенки в ладонь и у стенок его сделай золотой венец вокруг; 26 и сделай для него четыре кольца золотых и утверди кольца на четырех углах у четырех ножек его; 27 при стенках должны быть кольца, чтобы влагать шести, для ношения на них стола; 28 а шести сделай из дерева ситтим и обложи их золотом, и будут носить на них сей стол; 29 сделай также для него блюдо, кадьницы, чаши и кружки, чтобы возливать ими: из золота чистого сделай их; 30 и полагай на стол хлебы предложения пред лицем Моим постоянно. 31 И сделай светильник из золота чистого; чеканный должен быть сей светильник; стебель его, ветви его, чашечки его, яблоки его и цветы его должны выходить из него; 32 шесть ветвей должны выходить из боков его: три ветви светильника из одного бока его и три ветви светильника из другого бока его; 33 три чашечки наподобие миндального цветка, с яблоком и цветами, должны быть на одной ветви, и три чашечки наподобие миндального цветка на другой ветви, с яблоком и цветами: так на [всех] шести ветвях, выходящих из светильника; 34 а на [стебле] светильника должны быть четыре чашечки наподобие миндального цветка с яблоками и цветами; 35 у шести ветвей, выходящих из [стебля] светильника, яблоко под двумя ветвями его, и яблоко под другими двумя ветвями, и яблоко под [третьими] двумя ветвями его. 36 яблоки и ветви их из него должны выходить: он весь [должен] [быть] чеканный, цельный, из чистого золота. 37 И сделай к нему семь лампад и поставь на него лампы его, чтобы светили на переднюю сторону его; 38 и щипцы к нему и лотки к нему из чистого золота; 39 из таланта золота чистого пусть сделают его со всеми сими принадлежностями. 40 Смотри, сделай их по тому образцу, какой показан тебе на горе.

25 וַיְדַבֵּר יְהוָה אֶל-מֹשֶׁה לֵאמֹר: 2 דַּבֵּר אֶל-בְּנֵי יִשְׂרָאֵל

וַיִּקְחוּ-לִי תְרוּמָה מֵאֵת כָּל-אִישׁ אֲשֶׁר יִדְבְּנוּ לָבוֹ תִקְחוּ אֶת-תְּרוּמָתִי: 1 רפ"ד. ל
 וזאת התְרוּמָה אֲשֶׁר תִקְחוּ מֵאֵתָם זָהָב וְכֶסֶף וְנִחְשֵׁת: 4 וְתַכְלֵת 3 כה ור' מנחם ר"פ. ג
 וְאַרְגָּמָן וְתוֹלַעַת שָׁנִי וְשֵׁשׁ וְעִזִּים: 5 וְעֹרֹת אֵילִם מֵאֲדָמִים וְעֹרֹת 5
 תְּחָשִׁים וְעֵצֵי שִׁטִּים: 6 שֶׁמֶן לַמָּאֵר בְּשָׂמִים לְשֶׁמֶן הַמִּשְׁחָה וְלַקְטֹרֶת 6 יין מחליפין. ג. ח. ד. ב. מל בסוף
 הַסָּמִים: 7 אֲבִי-שֵׁהֶם וְאֲבֵנֵי מִלֵּאִים לְאֹפֶד וְלַחֹשֶׁן: 8 וְעִשׂוֹה 7 ה. ז. ו. ג. ב. מל וחד חס
 מִקְדָּשׁ וְשִׁכְנָתִי בְּתוֹכְכֶם: 9 כְּכֹל^a אֲשֶׁר אָנֹכִי מְרַאֶה אוֹתְךָ^b אֵת 9 יז מל בליש
 תִּבְנִית הַמִּשְׁכָּן וְאֵת תִּבְנִית כָּל-כֵּלָיו וְכֵן תַעֲשׂוּ: 10 ל. ט.
 וְעִשׂוּ^a אֲרוֹן עֵצֵי שִׁטִּים אֲמֹתַיִם וְחָצִי אַרְכּוֹ וְאִמָּה וְחָצִי רְחִבּוֹ 10
 וְאִמָּה וְחָצִי קִמְתּוֹ: 11 וְצִפִּיתָ אֹתוֹ זָהָב טָהוֹר מִבַּיִת וּמִחוּץ תִּצְפְּנוּ 11 ל. בחור

וְעִשִׂיתָ עֲלָיו^a זָר זָהָב סָבִיב: 12 וַיִּצְקֶתָ לּוֹ אַרְבַּע טַבַּעֲת זָהָב וְנִתְּתָה 12 ה' מל בסוף
 עַל אַרְבַּע פַּעֲמֹתָיו וְשִׁתִּי טַבַּעֲת עַל-צִלְעוֹ הָאֲחֹת וְשִׁתִּי טַבַּעֲת עַל- 13
 צִלְעוֹ הַשְּׁנִיית: 13 וְעִשִׂיתָ בְּדֵי עֵצֵי שִׁטִּים וְצִפִּיתָ אֹתָם זָהָב: 14 וְהִבֵּאתָ^a 14
 אֶת-הַבְּדִים בְּטַבַּעֲת עַל צִלְעַת הָאָרוֹן לְשֵׂאת אֶת-הָאָרוֹן בָּהֶם: 15 כו
 בְּטַבַּעֲת הָאָרוֹן יִהְיוּ הַבְּדִים לֹא יִסְרוּ מִמֶּנּוּ: 16 וְנִתְּתָ אֶל-הָאָרוֹן 15 ל. חס. כט חס.
 אֵת הָעֹדֹת אֲשֶׁר אֵתָן אֵלֶיךָ: 17 וְעִשִׂיתָ כַּפֹּרֶת זָהָב טָהוֹר אֲמֹתַיִם 17 ה. בליש.
 וְחָצִי אַרְכָּהּ וְאִמָּה וְחָצִי רְחִבָּהּ: 18 וְעִשִׂיתָ שְׁנַיִם כְּרָבִים זָהָב מִקְשָׁה 18 כל אורית חס וכל גביא
 תַעֲשֶׂה אֹתָם מִשְׁנֵי קְצוֹת הַכַּפֹּרֶת: 19 וְעִשִׂה^a כְּרוֹב אַחַד מִקְצֵה 19 ו. ר"פ.
 מִזֶּה וְכְרוֹב-אֶחָד מִקְצֵה מִזֶּה מִן-הַכַּפֹּרֶת תַעֲשׂוּ^b אֶת-הַכְּרָבִים עַל- 20
 שְׁנֵי קְצוֹתָיו: 20 וְהָיוּ הַכְּרָבִים פְּרָשִׁי כְּנָפִים לְמַעַלָּה סֹכְכִים 20 יד פסוק על אל אל.
 בְּכִנְפֵיהֶם עַל-הַכַּפֹּרֶת וּפְנִיָהֶם אִישׁ אֶל-אָחִיו אֶל-הַכַּפֹּרֶת יִהְיוּ פְּנֵי 21
 הַכְּרָבִים: 21 וְנִתְּתָ אֶת-הַכַּפֹּרֶת עַל-הָאָרוֹן מִלְּמַעְלָה וְאֶל-הָאָרוֹן 21 כט חס.
 תִּתֵּן אֶת-הָעֹדֹת אֲשֶׁר אֵתָן אֵלֶיךָ^a: 22 וְנוֹעַדְתִּי^a לְךָ שֵׁם וְדַבַּרְתִּי 22 ב. חד מל וחד חס.
 אֹתְךָ מֵעַל הַכַּפֹּרֶת מִבֵּין שְׁנֵי הַכְּרָבִים אֲשֶׁר עַל-אָרוֹן הָעֹדֹת^b אֵת^c 22 יז בחור. יג. יד.
 כָּל-אֲשֶׁר אֲצַוֶּה אוֹתְךָ אֶל-בְּנֵי יִשְׂרָאֵל: 23 פ יז מל בליש

וְעִשִׂיתָ שְׁלֹחַן עֵצֵי שִׁטִּים^a אֲמֹתַיִם אַרְכּוֹ וְאִמָּה רְחִבּוֹ וְאִמָּה 23
 וְחָצִי קִמְתּוֹ: 24 וְצִפִּיתָ אֹתוֹ זָהָב טָהוֹר^a וְעִשִׂיתָ לּוֹ זָר זָהָב סָבִיב: 24
 וְעִשִׂיתָ לּוֹ מִסְגֶּרֶת טַפַּח סָבִיב וְעִשִׂיתָ זָר-זָהָב לְמִסְגֶּרֶתוֹ סָבִיב: 25
 וְעִשִׂיתָ לּוֹ^a אַרְבַּע טַבַּעֲת זָהָב וְנִתְּתָ אֶת-הַטַּבַּעֲת עַל אַרְבַּע הַפְּאֹת 26
 אֲשֶׁר לְאַרְבַּע רַגְלָיו: 27 לַעֲמַת הַמִּסְגֶּרֶת תִּתְּיִן הַטַּבַּעֲת לְבֵתִים 27 כט חס. ג. חס

28 לְבָדִים לְשֹׂאת אֶת־הַשְּׁלֶחָן : 28 וְעָשִׂיתָ אֶת־הַבָּדִים עֲצֵי שִׁטִּים וְצִפִּיתָ 28
 29 אַתֶּם זָהָב וְנִשְׂאֵם בָּם אֶת־הַשְּׁלֶחָן : 29 וְעָשִׂיתָ קַעֲרֹתָיו וְכַפְתָּיו וְקִשּׁוֹתָיו 29
 30 וּמִנְקֵי־תָיו אֲשֶׁר יִסָּדֵם בְּהֵיבֵם זָהָב טָהוֹר תַּעֲשֶׂה אַתֶּם : 30 וְנָתַתָּ עַל־ 30
 הַשְּׁלֶחָן לֶחֶם פָּנִים לְפָנָי תָּמִיד : פ
 31 וְעָשִׂיתָ מִנְרֹת זָהָב טָהוֹר מִקִּשֵׁה תַעֲשֶׂה־ם הַמִּנְרֹת לְיִרְכָה וְקִנְיָה 31
 גְּבִיעֵיהֶם כַּפְתָּרֵיהֶם וּפְרָחֵיהֶם מִמָּנָה יִהְיוּ : 32 וְשֵׁשׁ קַנָּיִם יִצְאִים מִצְדֵיהֶם 32
 שְׁלֹשָׁה קַנָּיִם מִנְרֵה מִצְדָּהּ הָאֶחָד וְשְׁלֹשָׁה קַנָּיִם מִנְרֵה מִצְדָּהּ הַשֵּׁנִי :
 33 שְׁלֹשָׁה גְבַעִים מְשֻׁקָּדִים בְּקִנְיַת הָאֶחָד כַּפְתָּר וּפְרָח וְשְׁלֹשָׁה גְבַעִים 33
 מְשֻׁקָּדִים בְּקִנְיַת הָאֶחָד כַּפְתָּר וּפְרָח כֵּן לְשֵׁשֶׁת הַקַּנָּיִם הַיֹּצְאִים
 מִן־הַמִּנְרֵה : 34 וּבַמִּנְרֵה אַרְבַּעַת גְּבַעִים מְשֻׁקָּדִים כַּפְתָּרֵיהֶם וּפְרָחֵיהֶם : 34
 35 וְכַפְתָּר תַּחַת שְׁנֵי הַקַּנָּיִם מִמָּנָה וְכַפְתָּר תַּחַת שְׁנֵי הַקַּנָּיִם מִמָּנָה 35
 וְכַפְתָּר תַּחַת־שְׁנֵי הַקַּנָּיִם מִמָּנָה לְשֵׁשֶׁת הַקַּנָּיִם הַיֹּצְאִים מִן־הַמִּנְרֵה :
 36 כַּפְתָּרֵיהֶם וְקִנְיָתָם מִמָּנָה יִהְיוּ כֻלָּהּ מִקִּשֵׁה אַחַת זָהָב טָהוֹר : 36
 37 וְעָשִׂיתָ אֶת־נִרְתֵיהֶם שִׁבְעָה וְהֶעֱלֵה־ם אֶת־נִרְתֵיהֶם וְהָאִירֵם עַל־עֵבֶר 37
 פְּנֵיהֶם : 38 וּמִלְקָחֵיהֶם וּמִחֻתֻתֵיהֶם זָהָב טָהוֹר : 39 כֶּפֶר זָהָב טָהוֹר 39
 יַעֲשֶׂה־ם אַתָּה אֶת־כָּל־הַכֵּלִים הָאֵלֶּה : 40 וּרְאֵה וַעֲשֶׂה בְּתַבְנִיתָם 40
 אֲשֶׁר־אַתָּה מְרַאֶה בְּקָרִי : פ

Числа 8:4. И вот устройство светильника: чеканный он из золота, от стебля его и до цветов чеканный; по образу, который показал Господь Моисею, он сделал светильник.

31 וְעָשִׂיתָ אֶת־מִשְׁחֵה־הַמִּנְרֹת זָהָב טָהוֹר מִקִּשֵׁה תַעֲשֶׂה־ם הַמִּנְרֹת לְיִרְכָה וְקִנְיָה 31
 עֲרֵב־פְּרָחֵיהֶם מִמָּנָה יִהְיוּ : 32 וְשֵׁשׁ קַנָּיִם יִצְאִים מִצְדֵיהֶם 32
 עֲשֶׂה אֶת־הַמִּנְרֵה : פ

Иезекииль 1. 1 И было в тридцатый год, в четвертый [месяц], в пятый [день] месяца, когда я находился среди переселенцев при реке Ховаре, отверзлись небеса, и я видел видения Божии. 2 В пятый [день] месяца (это был пятый год от пленения царя Иоакима), 3 было слово Господне к Иезекиилю, сыну Вузия, священнику, в земле Халдейской, при реке Ховаре; и была на нем там рука Господня. 4 И я видел, и вот, бурный ветер шел от севера, великое облако и клубящийся огонь, и сияние вокруг него, 5 а из середины его как бы свет пламени из середины огня; и из середины его видно было подобие четырех животных, - и таков был вид их: облик их был, как у человека; 6 и у каждого четыре лица, и у каждого из них четыре крыла; 7 а ноги их - ноги прямые, и ступни ног их - как ступня ноги у тельца, и сверкали, как блестящая медь. 8 И руки человеческие были под крыльями их, на четырех сторонах их; 9 и лица у них и крылья у них - у всех четырех; крылья их соприкасались одно к другому; во время шествия своего они не оборачивались, а шли каждое по направлению лица своего. 10 Подобие лиц их - лице человека

и лице льва с правой стороны у всех их четырех; а с левой стороны лице тельца у всех четырех и лице орла у всех четырех. 11 И лица их и крылья их сверху были разделены, но у каждого два крыла соприкасались одно к другому, а два покрывали тела их. 12 И шли они, каждое в ту сторону, которая пред лицом его; куда дух хотел идти, туда и шли; во время шествия своего не оборачивались. 13 И вид этих животных был как вид горящих углей, как вид лампад; [огонь] ходил между животными, и сияние от огня и молния исходила из огня. 14 И животные быстро двигались туда и сюда, как сверкает молния. 15 И смотрел я на животных, и вот, на земле подле этих животных по одному колесу перед четырьмя лицами их. 16 Вид колес и устройство их - как вид топаза, и подобие у всех четырех одно; и по виду их и по устройению их казалось, будто колесо находилось в колесе. 17 Когда они шли, шли на четыре свои стороны; во время шествия не оборачивались. 18 А ободья их - высоки и страшны были они; ободья их у всех четырех вокруг полны были глаз. 19 И когда шли животные, шли и колеса подле [них]; а когда животные поднимались от земли, тогда поднимались и колеса. 20 Куда дух хотел идти, туда шли и они; куда бы ни пошел дух, и колеса поднимались наравне с ними, ибо дух животных [был] в колесах. 21 Когда шли те, шли и они; и когда те стояли, стояли и они; и когда те поднимались от земли, тогда наравне с ними поднимались и колеса, ибо дух животных [был] в колесах. 22 Над головами животных было подобие свода, как вид изумительного кристалла, простертого сверху над головами их. 23 А под сводом простирались крылья их прямо одно к другому, и у каждого были два крыла, которые покрывали их, у каждого два крыла покрывали тела их. 24 И когда они шли, я слышал шум крыльев их, как бы шум многих вод, как бы глас Всемогущего, сильный шум, как бы шум в воинском стане; [а] когда они останавливались, опускали крылья свои. 25 И голос был со свода, который над головами их; когда они останавливались, тогда опускали крылья свои. 26 А над сводом, который над головами их, [было] подобие престола по виду как бы из камня сапфира; а над подобием престола было как бы подобие человека вверху на нем. 27 И видел я как бы пылающий металл, как бы вид огня внутри него вокруг; от вида чресл его и выше и от вида чресл его и ниже я видел как бы некий огонь, и сияние [было] вокруг него. 28 В каком виде бывает радуга на облаках во время дождя, такой вид имело это сияние кругом.

1 וַיְהִי אֲבִי בְּשָׁלְשִׁים שָׁנָה בְּרַב־יְעִי בְּתַמְשָׁה לְחָדָשׁ וְאֲנִי בְּתוֹךְ-וּסְאֵי הַגּוֹלָה עַל-נְהַר-כְּבָר נִפְתָּחוּ הַשָּׁמַיִם וְאָרְאָה מֵרְאוֹתֵי אֱלֹהִים:

2 בְּתַמְשָׁה לְחָדָשׁ הָיָה הַשָּׁנָה הַחֲמִישִׁית לְגָלוֹת הַמֶּלֶךְ יִזְכְּיָן: ³ הָיָה ²

3 דָּבַר יְהוָה אֵלַי יְחִזְקִאל בֶּן-בוּזִי הַכֹּהֵן בְּאֶרֶץ כְּשָׁדִים עַל-
נְהַר-כְּבָר וַתְּהִי עָלָיו שָׁמַיִם יְדֵי-יְהוָה: ⁴ וְאָרְאָה וְהִנֵּה רוּחַ סַעֲרָה בָּאָה

4 מִן-הַצָּפוֹן עָנָן גָּדוֹל וְאֵשׁ מִתְּלַחֶתת וְנִגְנָה לוֹ סָבִיב וּמִתּוֹכָהּ כְּעֵין
הַחֲשָׁמַל מִתּוֹךְ הָאֵשׁ: ⁵ וּמִתּוֹכָהּ דְמוֹת אַרְבַּע חַיּוֹת וְזֶה מֵרְאִיתָן

5 דְמוֹת אָדָם לְהֵנָּה: ⁶ וְאַרְבַּעַה פָּנִים לְאַחַת וְאַרְבַּע כְּנָפִים לְאַחַת ⁶

7 לָהֶם: ⁷ וְרַגְלֵיהֶם אֲרְגָל יִשְׂרָאֵל וְכַף רַגְלֵיהֶם כַּכַּף רַגְלֵי עֹגֵל וְנִצְצִים ⁷

8 כְּעֵין נְחֹשֶׁת קָלִיל: ⁸ וַיְהִי אָדָם מִתַּחַת כְּנַפֵּיהֶם עַל אַרְבַּעַת ⁸

9 רַבְעֵיהֶם וּפְנֵיהֶם וְכַנְפֵיהֶם לְאַרְבַּעַתָּם: ⁹ חֲבֵרַת אִשָּׁה אֵל-
אַחֻזָּה כְּנַפֵּיהֶם לֹא-יִסְבּוּ בְּלִכְתָּן אִישׁ אֶל-עֵבֶר פָּנָיו יִלְכּוּ:

10 וְדְמוֹת פְּנֵיהֶם פָּנֵי אָדָם וּפְנֵי אֲרִיָּה אֶל-הַיָּמִין לְאַרְבַּעַתָּם וּפְנֵי-שׁוֹר ¹⁰

11 מִהַשָּׁמָאוֹל לְאַרְבַּעַתָּן וּפְנֵי-נֶשֶׁר לְאַרְבַּעַתָּן: ¹¹ וּפְנֵיהֶם וְכַנְפֵיהֶם ¹¹

12 פְּרָדוֹת מְלֻמְעָלָה לְאִישׁ שְׁתֵּים חֲבֵרַת אִישׁ וּשְׁתֵּים מְכֹסוֹת אֶת
נְוִיתֵיהֶנָּה: ¹² וְאִישׁ אֶל-עֵבֶר פָּנָיו יִלְכּוּ אֶל אֲשֶׁר יְהִי שְׁמָה הַרוּחַ ¹²

13 לָלֶכֶת יִלְכוּ לֹא^א יִסְבוּ בְּלִכְתָּם^ב: 13 וְדַמּוֹת^א הַחַיּוֹת מֵרְאִיהֶם^ב כְּנַחֲלֵי-
 אֵשׁ בְּעֵרוֹת כְּמִרְאֵה הַלְּפָדִים^ד הָיָא מִתְהַלְכֵת בֵּין הַחַיּוֹת^ה וְנִגְהָ לְאֵשׁ
 14 וּמִן-הָאֵשׁ יוֹצֵא בָרֶק: 14 וְהַחַיּוֹת רָצוּא^ב וְשׁוֹב כְּמִרְאֵה הַבְּזֻק:^ג
 15 וְאֵרָא הַחַיּוֹת^א וְהִנֵּה אוֹפֵן אֶחָד בְּאֶרֶץ אֶצֶל הַחַיּוֹת^ב לְאֶרְבַּעַת
 16 פָּנָיו^ב: 16 מִרְאֵה^א הָאוֹפְנִים וּמַעֲשֵׂיהֶם^ב כְּעֵין תְּרַשִׁישׁ וּדְמוֹת אֶחָד^ג
 לְאֶרְבַּעַתָּן וּמִרְאִיהֶם^ד וּמַעֲשֵׂיהֶם כְּאִשֶּׁר יִהְיֶה הָאוֹפֵן בְּתוֹךְ הָאוֹפֵן:
 17 עַל-^א אֶרְבַּעַת רַבְעֵיהֶן בְּלִכְתָּם^ב יִלְכוּ לֹא יִסְבוּ בְּלִכְתָּן: 18 וְנִגְבִּיהֶן
 וְנִגְבָּה לָהֶם וְיִרְאֶה לָהֶם^א וְנִבְתָּם מְלֵאת עֵינַיִם סָבִיב לְאֶרְבַּעַתָּן:
 19 וּבְלִכְתַּת הַחַיּוֹת יִלְכוּ הָאוֹפְנִים אֶצְלָם וּבְהַנְשָׂא הַחַיּוֹת מֵעַל הָאֶרֶץ
 20 יִנְשָׂאוּ הָאוֹפְנִים: 20 עַל-^א אֲשֶׁר יִהְיֶה-^ב שָׁם^ג הַרוּחַ לָלֶכֶת יִלְכוּ דְשָׁמָּה
 הַרוּחַ לָלֶכֶת^ה וְהָאוֹפְנִים יִנְשָׂאוּ לְעַמְתָּם כִּי רוּחַ הַחַיָּה^ה בְּאוֹפְנִים:
 21 בְּלִכְתָּם יִלְכוּ וּבְעַמְדָם יַעֲמִדוּ וּבְהַנְשָׂא מֵעַל הָאֶרֶץ יִנְשָׂאוּ
 22 הָאוֹפְנִים^ב לְעַמְתָּם כִּי רוּחַ הַחַיָּה^ה בְּאוֹפְנִים: 22 וְדַמּוֹת עַל-רֵאשֵׁי^ה
 הַחַיָּה^ה רָקִיעַ כְּעֵין הַקֶּרֶחַ הַנּוֹרָא^ד נָשׂוּי^ה עַל-רֵאשֵׁיהֶם^ה מְלֻמְעָה:
 23 וְתַחַת הַרְקִיעַ כְּנִפְיָהֶם יִשְׁרוּתָא אִשָּׁה אֶל-אֲחוּתָה^ב לְאִישׁ שְׂתָיִם
 24 מְכַסּוֹת לְהִנָּה^ד וְלְאִישׁ שְׂתָיִם מְכַסּוֹת לְהִנָּה^ד אֵת גְּוִיָתֵיהֶם^ב: 24 וְאֲשַׁמַּע
 אֶת-קוֹל כְּנִפְיָהֶם כְּקוֹל מַיִם רַבִּים^א כְּקוֹל-שְׂדֵי^א בְּלִכְתָּם^א קוֹל
 25 הַמַּלְּאָה כְּקוֹל מַחֲנֶה^ה בְּעַמְדָם^ב תִּרְפִּינָה כְּנִפְיָהֶן: 25 וְיִהְיֶה-^ב קוֹל
 26 מֵעַל לְרָקִיעַ אֲשֶׁר עַל-רֵאשֵׁם^ד בְּעַמְדָם תִּרְפִּינָה כְּנִפְיָהֶן^{אד}: 26 מִמַּעַל
 לְרָקִיעַ אֲשֶׁר עַל-רֵאשֵׁם כְּמִרְאֵה אֶבֶן-סַפִּיר דְמוֹת כֶּסֶף וְעַל-
 דְמוֹת הַכֶּסֶף דְמוֹת כְּמִרְאֵה אֲדָם עָלָיו מְלֻמְעָה: 27 וְאֵרָא כְּעֵין
 חֲשָׁמַל^א כְּמִרְאֵה-אֵשׁ בֵּית-לָהּ סָבִיב^ב מִמִּרְאֵה מִתְנָיו וּלְמַעְלָה
 וּמִמִּרְאֵה מִתְנָיו וּלְמַטָּה רְאִיתִי כְּמִרְאֵה-אֵשׁ וְנִגְהָ לּוֹ סָבִיב: 28 כְּמִרְאֵה^ה
 הַקְּלִשֵׁת אֲשֶׁר יִהְיֶה בְּעֵן בְּיוֹם הַנִּשְׁשׁ כֵּן מִרְאֵה הַנִּגְהָ סָבִיב הוּא מִרְאֵה
 דְמוֹת כְּבוֹד-יְהוָה וְאֵרָא וְאֶפְלַע עַל-פָּנָי וְאֲשַׁמַּע קוֹל מְדַבֵּר:

Иезекииль 28. 1 И было ко мне слово Господне: 2 сын человеческий! скажи начальствующему в Тире: так говорит Господь Бог: за то, что вознеслось сердце твое и ты говоришь: "я бог, восседаю на седалище божием, в сердце морей", и будучи человеком, а не Богом, ставишь ум твой наравне с умом Божиим, - 3 вот, ты премудрее Даниила, нет тайны, сокрытой от тебя; 4 твою мудростью и твоим разумом ты приобрел себе богатство и в сокровищницы твои собрал золота и серебра; 5 большою мудростью твоею, посредством торговли твоей, ты умножил богатство твое, и ум твой возгордился богатством твоим, - 6 за то так говорит Господь Бог: так как ты ум твой ставишь наравне с умом Божиим, 7 вот, Я приведу на тебя иноземцев, лютейших из народов, и они обнажат мечи свои против красы твоей мудрости и помрачат блеск твой; 8 низведут тебя в могилу, и умрешь в сердце морей смертью убитых. 9 Скажешь

ли тогда перед твоим убийцею: "я бог", тогда как в руке поражающего тебя ты будешь человек, а не бог? 10 Ты умрешь от руки иноземцев смертью необрезанных; ибо Я сказал это, говорит Господь Бог. 11 И было ко мне слово Господне: 12 сын человеческий! плачь о царе Тирском и скажи ему: так говорит Господь Бог: ты печать совершенства, полнота мудрости и венец красоты. 13 Ты находился в Едеме, в саду Божиим; твои одежды были украшены всякими драгоценными камнями; рубин, топаз и алмаз, хризолит, оникс, яспис, сапфир, карбункул и изумруд и золото, все, искусно усаженное у тебя в гнездышках и нанизанное на тебе, приготовлено было в день сотворения твоего. 14 Ты был помазанным херувимом, чтобы осенять, и Я поставил тебя на то; ты был на святой горе Божией, ходил среди огнистых камней. 15 Ты совершен был в путях твоих со дня сотворения твоего, доколе не нашлось в тебе беззакония. 16 От обширности торговли твоей внутреннее твоё исполнилось неправды, и ты согрешил; и Я низвергнул тебя, как нечистого, с горы Божией, изгнал тебя, херувим осеняющий, из среды огнистых камней. 17 От красоты твоей возгордилось сердце твое, от тщеславия твоего ты погубил мудрость твою; за то Я повергну тебя на землю, перед царями отдам тебя на позор. 18 Множеством беззаконий твоих в неправедной торговле твоей ты осквернил святилища твои; и Я извлеку из среды тебя огонь, который и пожрет тебя: и Я превращу тебя в пепел на земле перед глазами всех, видящих тебя. 19 Все, знавшие тебя среди народов, изумятся о тебе; ты сделаешься ужасом, и не будет тебя во веки. 20 И было ко мне слово Господне: 21 сын человеческий! обрати лице твое к Сидону и изреки на него пророчество, 22 и скажи: вот, Я - на тебя, Сидон, и прославлюсь среди тебя, и узнают, что Я Господь, когда произведу суд над ним и явлю в нем святость Мою; 23 и пошлю на него моровую язву и кровопролитие на улицы его, и падут среди него убитые мечом, пожирающим его отовсюду; и узнают, что Я Господь. 24 И не будет он впредь для дома Израилева колючим терном и причиняющим боль волчцом, более всех соседей зложелательствующим ему, и узнают, что Я Господь Бог. 25 Так говорит Господь Бог: когда Я соберу дом Израилев из народов, между которыми они рассеяны, и явлю в них святость Мою перед глазами племен, и они будут жить на земле своей, которую Я дал рабу Моему Иакову: 26 тогда они будут жить на ней безопасно, и построят дома, и насадят виноградники, и будут жить в безопасности, потому что Я произведу суд над всеми зложелателями их вокруг них, и узнают, что Я Господь Бог их.

28 וַיְהִי דְבַר־יְהוָה אֵלַי לֵאמֹר: ² בֶּן־אָדָם אָמַר לְנַגִּיד זָר 28
 כֹּה־אָמַר | אֲדַנְיָהּ יְהוָה יַעַן גָּבַהּ לְבָבָהּ וַתֹּאמֶר אֵל אֲנִי מוֹשֵׁב אֱלֹהִים
 יִשְׁבְּתִי בְּלֵב יַמִּים וְאַתָּה אָדָם וְלֹא־אֵל וַתִּתֵּן לְבָבָהּ כָּלֵב אֱלֹהִים:
³ הִנֵּה חָכְמָה אֲתָה מִדְּנָאֵל ⁴ כָּל־סְתוּמִים ⁵ לֹא עֲמָמוּדָהּ: ⁶ בְּחָכְמָתָהּ
 וּבַתְּבוּנָתָהּ עָשִׂיתָ לָּהּ חֵיל וַתַּעַשׂ זָהָב וְכֶסֶף בְּאוֹצְרוֹתֶיהָ: ⁷ בְּרֵב
 חָכְמָתָהּ בְּרַכְּלָתָהּ הִרְבִּיתָ חֵילָהּ וַיִּגְבְּהָ לְבָבָהּ בְּחֵילָהּ: ⁸
⁹ לָכֵן כֹּה אָמַר אֲדַנְיָהּ יְהוָה יַעַן תִּתֵּן אֶת־לְבָבָהּ כָּלֵב אֱלֹהִים: ¹⁰ לָכֵן
 הֲנִי מֵבִיא עָלֶיךָ זָרִים עָרִיצִי גוֹיִם וַהֲרִיקוּ תְּרֻבוֹתָם עַל־יְפֵי חָכְמָתָהּ
 וַחֲלָלוּ יַפְעֹתָהּ: ¹¹ לְשַׁחַת יִזְרְדוּךָ וּמִתָּה מִמּוֹתֵי חָלָל בְּלֵב יַמִּים:
 הָאָמַר תֹּאמֶר אֱלֹהִים אֲנִי לִפְנֵי הַרְגָּתָהּ וְאַתָּה אָדָם וְלֹא־אֵל בְּיַד
 מַחֲלֹלֶיךָ: ¹² מוֹתֵי עַרְלִים תָּמוּת בְּיַד־זָרִים כִּי אֲנִי דִּבַּרְתִּי נְאֻם
 אֲדַנְיָהּ יְהוָה: ¹³
¹⁴ וַיְהִי דְבַר־יְהוָה אֵלַי לֵאמֹר: ¹⁵ בֶּן־אָדָם שָׂא קִינָה עַל־מְלָךְ
 זָר וְאָמַרְתָּ לוֹ כֹּה אָמַר אֲדַנְיָהּ יְהוָה אֲתָה חוֹתָם תְּכֹנִיתָ מְלָא
 חָכְמָה וְכִלִּיל יְפֵי: ¹⁶ בְּעֵדֶן בֶּן־אֱלֹהִים הָיִיתָ כָּל־אֶבֶן יִקְרָה מִסְּכָתָהּ
 אָדָם פִּטְדָה וַיְהִלֵּם תְּרַשִׁישׁ שֵׁהֶם וַיִּשְׁפָּה סִפִּיר נָפֶךְ וּבְרָקָתָהּ וַתִּהְבֵּב

14 מְלֹאכֶת תִּפְיָהּ^ע וַנִּקְבְּיָהּ בְּיָד^ד בְּיוֹם הַבְּרָאָה כּוֹנְנֶנָּה^א : 14 אֶת־כְּרוֹב^א ל. ל. ל. בלשון זכר^א
 בַּמִּמְשָׁח הַסּוּכָה^ב וַנִּתְתִּיחָהּ בְּהַר קָדְשׁ^א אֱלֹהִים הָיִיתָ בְּתוֹךְ אַבְנֵי־אֵשׁ :
 15 הַתְּהַלֵּכֶתָ : 15 תָּמִים אָתָּה בְּדַרְכֶיךָ מִיּוֹם הַבְּרָאָה עַד־נִמְצָא עוֹלָתָה^א ל. ל. ג.
 16 בָּךְ : 16 בְּרַב רִכְלֹתֶיךָ מְלוֹי^ב תּוֹכָה חֲמָס וַתַּחַטָּא^א וְאַחֲלִילָהּ^ע מִהַר^ל ל. ל.
 17 אֱלֹהִים וַאֲבֹדָה^ד בְּרוֹב הַסּוּכָה^ע מִתּוֹךְ אַבְנֵי־אֵשׁ : 17 גָּבַהּ לַבָּהּ בִּיפְיָהּ^א ל. ל. ה.
 שָׁתַתְּ חֲכַמְתָּהּ עַל־יַפְעָתָהּ עַל־אֶרֶץ הַשְּׁלֹכְתִיחָה לַפְּנֵי מַלְכִים נִתְתִיחָה
 לְרֵאשִׁית בָּךְ : 18 מְרַב עוֹנִיחָה^א בְּעוֹל^ב רִכְלֹתֶיךָ^ב חָלַלְתָּ מִקֶּדְשִׁיחָה^ע ב. מ. ל.
 וְאוֹצֵא־אֵשׁ מִתּוֹכָהּ^ד הִיא אֹכְלֹתָהּ וַאֲתַנְּחָה לְאַפֵּר עַל־הָאֶרֶץ לְעֵינַי
 כָּל־רֵאִיחָה : 19 כָּל־יוֹדְעִיחָה בְּעַמִּים שָׁמַמְו עָלֶיחָה בַלְהוֹת הָיִיתָ וְאִינְחָה^א ל. ל. ג.
 עַד־עוֹלָם : פ

ג. כא פסוק על על ומילה חדה ביניה^א . ג. ט וכל על ארץ מצרים דאוריית דכות^א

ב. מ. ל.

ג. ב. חס וחד מל

ל. ל. ג.

20 וַיְהִי דְבַר־יְהוָה אֵלַי לֵאמֹר : 21 בֶּן־אָדָם שֵׁים פְּנֵיחָה אֶל־
 צִדוֹן וְהִנָּבֵא עָלֶיחָה : 22 וְאָמַרְתָּ כֹּה אָמַר אֲדֹנָי יְהוִה הִנְנִי עָלֶיחָה^א ל. ל. ג.

צִדוֹן וַנִּכְבְּדֶתִי בְּתוֹכָהּ וַיִּדְעוּ^א כִּי־אֲנִי יְהוָה בַּעֲשׂוֹתַי בָּהּ^ע שְׁפָטִים
 וַנִּקְדַּשְׁתִּי בָהּ^ד : 23 וְשִׁלַּחְתִּי־בָהּ דְבַר וָדָם בְּחוֹצוֹתֶיהָ^ב וַנִּפְלַל^ע חָלָל^א ל. ל. ג. ד. מ. ט. ז. ב. חס
 בְּתוֹכָהּ^ד בְּחָרְבֵי עָלֶיחָה^א מִסָּבִיב וַיִּדְעוּ כִּי־אֲנִי יְהוָה : 24 וְלֹא־יְהִיחָה
 עוֹד לְבֵית יִשְׂרָאֵל סֵלֶוֶן מִמַּאִיר וְקוֹץ מִכָּאֵב מִכָּל־סָבִיבְתָם הַשְּׂאֲטִים
 אוֹתָם וַיִּדְעוּ כִּי־אֲנִי אֲדֹנָי יְהוָה : 25 כֹּה־אָמַר אֲדֹנָי יְהוִה^א ל. ל. ג. ד. ט. ז. ב. חס
 בְּקִבְצֵי אֶת־בְּיֹת^ב יִשְׂרָאֵל מִן־הָעַמִּים אֲשֶׁר נִפְצוּ בָם^ע וַנִּקְדַּשְׁתִּי בָם
 לְעֵינֵי חַנּוּיִם וַיָּשְׁבוּ עַל־אֲדָמָתָם אֲשֶׁר נָתַתִּי לְעַבְדֵי לִיעֶקֶב : 26 וַיָּשְׁבוּ
 עָלֶיחָה לְבָשָׁח וּכְנֹו בָתִּים וְנָטְעוּ כְרָמִים וַיָּשְׁבוּ לְבָשָׁח בַּעֲשׂוֹתַי שְׁפָטִים
 בְּכָל־הַשְּׂאֲטִים אַתֶּם מִסָּבִיבוֹתָם וַיִּדְעוּ כִּי־אֲנִי יְהוָה אֱלֹהֵיחָם : 27 ל. ל. ג. ד. ט. ז. ב. חס וחד מל^א . ח

ו. ד. מ. ט. ז. ב. חס
 ה. ד. ר. פ.
 ל. ג. מ. ט. ז. ב. חס וחד מל^א . ח. א. לא קר רב בליש
 ג. ד. ט. ז. ב. חס ר. פ. בסופ
 ל. ל. ג. ד. ט. ז. ב. חס
 ה. בסופ
 ז. ח. א. לא קר
 ג. ב. ליש . כה חס בסופ .
 ג. ב. חס וחד מל^א . ח

Сирах 24. 1 Господи, Отче и Владыко жизни моей! Не оставь меня на волю их и не допусти меня пасть чрез них. 2 Кто приставит бич к помышлениям моим и к сердцу моему наставника в мудрости, чтобы они не щадили проступков моих и не потворствовали заблуждениям их; 3 чтобы не умножались проступки мои и не увеличивались заблуждения мои; чтобы не упасть мне пред противниками, и чтобы не порадовался надо мною враг мой? 4 Господи, Отче и Боже жизни моей! Не дай мне возношения очей и вожделение отврати от меня. 5 Пожелания чрева и сладострастие да не овладеют мною, и не предай меня бесстыдной душе. 6 Выслушайте, дети, наставление для уст: соблюдающий его не будет уловлен своими устами. 7 Уловлен будет ими грешник, и злоречивый и надменный преткнутся чрез них. 8 Не приучай уст твоих к клятве 9 и не обращай в привычку употреблять в клятве имя Святаго. 10 Ибо, как раб, постоянно подвергающийся наказанию, не избавляется от ран, так и клянущийся непрестанно именем Святаго не очистится от греха. 11 Человек, часто клянувшийся, исполнится беззакония, и не отступит от дома его бич. 12 Если он согрешит, грех его на нем; и если он вознерадел, то сугубо согрешит; 13 и если он клялся напрасно, то не оправдается, и дом его наполнится несчастьями. 14 Есть речь, облеченная смертью: да не найдется она в наследии Иакова! 15 Ибо от благочестивых все это будет удалено, и они не запутаются во грехах. 16 Не приучай твоих уст к грубой невежливости, ибо при ней бывают греховные слова. 17 Помни об отце и о матери твоей, когда сидишь среди вельмож, 18 чтобы тебе не забыть перед ними и по привычке не сделать глупости, и не пожелать, что лучше бы ты не родился, и не проклясть дня рождения твоего. 19 Человек, привыкающий к бранным словам, во все дни свои не научится. 20 Два качества умножают грехи, а третье навлекает гнев: 21 душа горячая, как пылающий огонь, не угаснет, пока не истощится; 22 человек, блудодействующий в теле плоти своей, не перестанет, пока не прогорит огонь. 23 Блуднику сладок всякий хлеб: он не перестанет, доколе не умрет. 24 Человек, который согрешает против своего ложа, говорит в душе своей: "кто видит меня? 25 Вокруг меня тьма, и стены закрывают меня, и никто не видит меня: чего мне бояться? Всевышний не вспомнит грехов моих". 26 Страх его — только глаза человеческие, 27 и не знает он того, что очи Господа в десять тысяч крат светлее солнца, 28 и взирают на все пути человеческие, и проникают в места сокровенные. 29 Ему известно было все прежде, нежели сотворено было, равно как и по совершении. 30 Такой человек будет наказан на улицах города и будет застигнут там, где не думал. 31 Так и жена, оставившая мужа и произведшая наследника от чужого: 32 ибо, во-первых, она не покорилась закону Всевышнего, во-вторых, согрешила против своего мужа и, в-третьих, в блуде прелюбодействовала и произвела детей от чужого мужа. 33 Она будет выведена пред собрание, и о детях ее будет исследование. 34 Дети ее не укоренятся, и ветви ее не дадут плода. 35 Она оставит память о себе на проклятие, и позор ее не изгладится. 36 Оставшиеся познают, что нет ничего лучше страха Господня и нет ничего сладостнее, как внимать заповедям Господним. 37 Великая слава — следовать Господу, а быть тебе принятым от Него — долгоденствие.

1 Еноха 14. 1. И после этого закона я видел другой закон, касающийся малого светила, который называется луною.

2. Ее окружность подобна окружности неба, и ее колесница, в которой она идет, гонится ветром; и ей дается свет по определённой мере.

3. В каждый месяц изменяется ее восход и заход; ее дни как дни солнца; и если ее свет равномерен (полон), то она содержит седьмую часть солнечного света.

4. И она восходит таким образом: и ее начало на востоке выступает в тридцатое утро; в тот день она становится видимою, и тогда бывает для всех начало луны, в тридцатое утро, одинаково с солнцем в тех же вратах, где восходит солнце.

5. И одна половина ее выступает на одну седьмую часть, и весь ее круг бывает пуст, без света, кроме одной седьмой части из ее четырнадцати частей света.

6. И когда она получает одну седьмую часть с половиной от своего света, то ее свет заключает одну седьмую и седьмую часть с половиной.

7. Она заходит в новолуние вместе с солнцем, и когда солнце восходит, восходит и луна вместе с ним, и получает половину одной седьмой части света, и в ту ночь, в начале ее утра, луна заходит в первый день месяца вместе с солнцем, и бывает невидима в ту ночь семью и семью частями с половиной.

8. И она в тот день становится видимою ровно одной седьмой частью, и восходит и отклоняется от солнца, и дает света в остальные дни семь и семь (14) частей.
9. И я видел другой закон и движение ее, как она по тому закону совершает своё месячное обращение.
10. И всё показал мне святой ангел Уриил, который служит вождем всех их (светил); и я описал всю ее (луны) положения, и показал их мне, и описал ее месяцы, как они бывают, и появление ее света до истечения пятнадцати дней.
11. В каждых седми частях весь ее свет делается полным на востоке, и в каждых седми частях весь ее мрак делается полным на западе.
12. И в определенные месяцы она изменяет свой заход, и в определенные месяцы она идет своим особенным (от солнца) движением.
13. И в двоих вратах луна заходит вместе с солнцем, - в тех двоих вратах, в третьих и четвертых вратах.
14. Именно, - она выходит в продолжение семи дней и поворачивает, и возвращается опять через врата, где восходит солнце; и в них ее свет делается полным; и она отклоняется от солнца, и вступает в течение 8 дней в шестые врата, из которых выходит солнце.
15. И когда солнце выходит из четвертых врат, она выходит семь дней, так что она выходит из пятых, и возвращается опять в течение семи дней в четвертые врата, и весь ее свет делается полным, и она отклоняется и вступает в первые врата в течение восьми дней.
16. И опять она возвращается в течение семи дней в четвертые врата, из которых выходит солнце.
17. Так видел я их положения, как солнце восходит и заходит по порядку своих месяцев.
18. И между теми днями, если взять вместе пять лет, солнце имеет излишку тридцать дней; которые приходятся на один из тех пяти лет, если они полны, составляют триста шестьдесят четыре дня.
19. И излишек солнца и звезд простирается до шести дней; а в пять лет, в каждый по шести, до тридцати дней, и луна отстает от солнца и звезд на тридцать дней.
20. И луна точно ведет все года, так что их положение вовек ни поспешает, ни запаздывает ни на один день, но действительно правильно совершает годовую смену в триста шестьдесят четыре дня.
21. Три года имеют тысячу девяносто два дня и пять лет тысячу восемьсот двадцать дней, так что на восемь лет приходится две тысячи девятьсот двенадцать дней.
22. На луну же приходится в три года тысяча шестьдесят два дня, и в пять лет она отстает на пятьдесят дней; именно с суммою этого нужно прибавить к шестидесяти двум дням.
23. И на пять лет приходится тысяча семьсот семьдесят пять дней, так что лунные дни в восемь лет составляют две тысячи восемьсот тридцать два дня.
24. Именно ее отставание образует в восемь лет восемьдесят дней, и всех дней, на которые она отстает в восемь лет, восемьдесят.
25. И правильный год достигает конца сообразно с положением их (фаз луны) и с положением солнца, так как оно восходит из врат, из которых оно восходи и заходит тридцать дней.
26. И путеводители глав тысячей, которые поставлены над всем творением и над всеми звездами, существует с четырьмя добавочными днями, которые не могут быть отделены от своего места сообразно со всем исчислением года; и эти путеводители служат для четырех дней, которые не считаются при исчислении года.
27. И из-за них люди ошибаются в том (в исчислении), ибо те светила действительно служат для положения мира, одно в первых, одно в третьих, одно в четвертых и одно в шестых вратах; и точность движения мира оканчивается всегда чрез триста шестьдесят четыре положения его.
28. Ибо знаки, времена, и годы и дни показал мне ангел Уриил, которого вечный Господь славы поставил над всеми небесными светилами на небе и в мире, чтобы они управляли на поверхности неба, и явились над землею, и были путеводителями для дня и ночи, именно солнце, луна и звезды, и все служебные творения, которые совершают свое обращение во всех колесницах неба.
29. Точно так же Уриил дал мне увидеть двенадцать дверных отверстий в кругу солнечных колесниц на небе, из которых пробиваются лучи солнца; и от них исходит теплота на землю, когда они открываются в определённые времена.
30. Такие же отверстия есть также для ветров для духа росы, когда они по временам открываются, стоя открытыми в небесах на пределах.
31. И я видел двенадцать врат на небе на пределах земли, из которых солнце, луна и звёзды, и все произведения неба выходят на востоке и на западе.
32. И много оконных отверстий находится направо и налево от них, и каждое окно выбрасывает в свое

время тепло, соответствуя тем вратам, из которых выходят звезды по повелению, которое Он дал им, и в которые они заходят, соответствуя их числу.

33. И я видел на небе колесницы, как они неслись в мире, - вверху и внизу от тех врат, - в которых обращаются никогда не заходящие звезды.

34. И одна из них больше всех их, и она проходит чрез весь мир.

Захария 4. 1 И возвратился тот Ангел, который говорил со мною, и пробудил меня, как пробуждают человека от сна его. 2 И сказал он мне: что ты видишь? И отвечал я: вижу, вот светильник весь из золота, и чашечка для елея наверху его, и семь лампад на нем, и по семи трубочек у лампад, которые наверху его; 3 и две маслины на нем, одна с правой стороны чашечки, другая с левой стороны ее. 4 И отвечал я и сказал Ангелу, говорившему со мною: что это, господин мой? 5 И Ангел, говоривший со мною, отвечал и сказал мне: ты не знаешь, что это? И сказал я: не знаю, господин мой. 6 Тогда отвечал он и сказал мне так: это слово Господа к Зоровавелю, выражающее: не воинством и не силою, но Духом Моим, говорит Господь Саваоф. 7 Кто ты, великая гора, перед Зоровавелем? ты - равнина, и вынесет он краеугольный камень при шумных восклицаниях: "благодать, благодать на нем!" 8 И было ко мне слово Господне: 9 руки Зоровавеля положили основание дому сему; его руки и окончат его, и узнаешь, что Господь Саваоф послал Меня к вам. 10 Ибо кто может считать день сей маловажным, когда радостно смотрят на строительный отвес в руках Зоровавеля те семь, - это очи Господа, которые объемлют взором всю землю? 11 Тогда отвечал я и сказал ему: что значат те две маслины с правой стороны светильника и с левой стороны его? 12 Вторично стал я говорить и сказал ему: что значат две масличные ветви, которые через две золотые трубочки изливают из себя золото? 13 И сказал он мне: ты не знаешь, что это? Я отвечал: не знаю, господин мой. 14 И сказал он: это два помазанные елеем, предстоящие Господу всей земли.

4 1 וַיָּשָׁב הַמַּלְאָךְ הַדֹּבֵר בִּי וַיַּעֲרֵנִי כַּאֲשֶׁר יַעֲזֹר מִשְׁנָתוֹ: 5 ב
5 2 וַיֹּאמֶר אֵלַי מָה אַתָּה רֹאֶה וַיֹּאמֶר^א רְאִיתִי וַהֲנִי מִנְּוֹרֹת זָהָב כְּלֵה
וְנִלְהִי^ט עַל-רֵאשֵׁה וְשִׁבְעָה נִרְתִּיהָ^י עָלֶיהָ שִׁבְעָה^ה וְשִׁבְעָה מוֹצְקוֹת
3 לְנֵרוֹת אֲשֶׁר עַל-רֵאשֵׁה: 3 וּשְׁנַיִם זַיִתִּים עָלֶיהָ אֶחָד^א מִיְּמִין הַנִּלְהִי^ה
4 וְאֶחָד עַל-שְׂמֹאלֶיהָ: 4 וְאֲעֵן וַאֲמַר אֶל-הַמַּלְאָךְ הַדֹּבֵר בִּי לֵאמֹר
5 מָה-אַלֶּה אֲדֹנָי: 5 וַיַּעַן הַמַּלְאָךְ הַדֹּבֵר בִּי וַיֹּאמֶר אֵלַי הֲלוֹא יָרַעַתְ^ט
6 מָה-הִנֵּמָה אֵלֶּה וַאֲמַר לֹא אֲדֹנָי: 6 וַיַּעַן וַיֹּאמֶר אֵלַי לֵאמֹר^א
זֶה דְבַר יְהוָה אֶל-זָרְבָבֶל לֵאמֹר
5 לֹא בְחֵיל וְלֹא בְכֹחַ כִּי אִם-בְּרוּחִי
אָמַר יְהוָה צְבָאוֹת:
7 מִי-אַתָּה הָרֹדֵף לִפְנֵי זָרְבָבֶל לְמִישָׁר
8 וַיְהִי דְבַר יְהוָה אֵלַי לֵאמֹר:
9 יָדֵי זָרְבָבֶל יִסְדּוּ הַבַּיִת הַזֶּה וַיְדִיּוּ תִבְצָעָנָה
א וַיִּנְדָּעְתִּי כִּי-יְהוָה צְבָאוֹת שְׁלַחְנִי אֵלֵיכֶם^א:

10 כִּי מִי בִזְ לַיּוֹם קָטְנוֹת וְשָׁמְחוּ וְרָאוּ אֶת־הָאֲבֹן הַבְּרִילִי^א ל בסיפ. ל

בְּיַד זָר בְּבַל^ב שְׂבַע־הַ

5 אֱלֹהִים עֵינֵי יְהוָה הִמָּה מְשׁוּטְטִים בְּכָל־הָאָרֶץ: 11 וְאָעַן וְאָמַר אֱלֹהֵי^ג

6 ל. ג. ב. מל. וחד. חס^א מִה־שְׁנֵי הַזֵּיתִים הָאֵלֶּה^א עַל־יָמִין הַמְּנוּרָה וְעַל־שְׂמֹאלֶיהָ: 12 וְאָעַן^א

5. 5 שְׁנִית וְאָמַר אֱלֹהֵי מִה־שְׁתֵּי שְׂבָלֵי הַזֵּיתִים^ב אֲשֶׁר בְּיַד שְׁנֵי צְנִתָּרוֹת

6 הַזֹּהָב הַמְּרִיקִים מֵעֲלֵיהֶם הַזֹּהָב^ב: 13 וַיֹּאמֶר אֱלֹהֵי לֵאמֹר הֲלוֹא יָדַעְתָּ

7 א. בתור. ובנביא^א מִה־אֱלֹהִים וְאָמַר לֹא אֲדָנִי: 14 וַיֹּאמֶר אֱלֹהֵי שְׁנֵי בְנֵי־הַיְצָהָר הָעֹמְדִים

עַל־אֲדוֹן כָּל־הָאָרֶץ:

Даниил 7:9. Видел я, наконец, что поставлены были престолы, и воссел Ветхий днями; одеяние на Нем было бело, как снег, и волосы главы Его - как чистая волна; престол Его - как пламя огня, колеса Его - пылающий огонь.

9 חֲזַת הַיּוֹת: רַבְרָבִין:

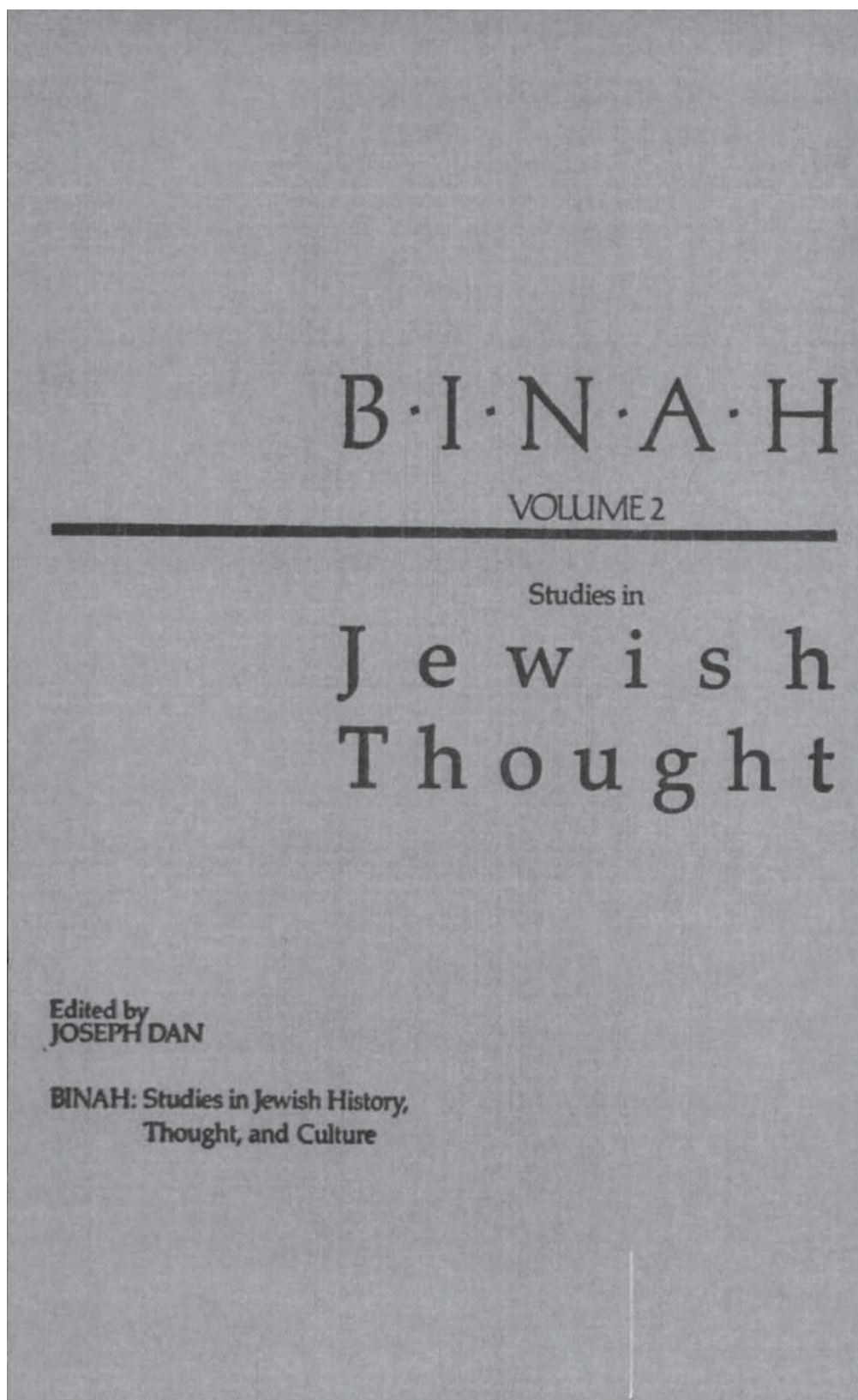
105. 115 עַד דֵּי כָרְסוֹן רַמְזוֹ וְעֵתִיק יוֹמִין יִתֵּב

ל. ג. ב. מל. וחד. חס^א לְבוּשָׁה כְּתֹלָגָה תָּנֹר וְשַׁעַר רֵאשִׁיטָה כְּעֹמֵר נִקָּא

105. 115 כָּרְסִיטָה שְׂבִיבִין דֵּי־נֹר גְּלִגְלוּהִי נֹר דְּלִק:

Сирах 50. 1 Память Иосии — как состав фимиама, приготовленный искусством мироварника: 2 во всяких устах она будет сладка, как мед и как музыка при угощении вином. 3 Он успешно действовал в обращении народа и истребил мерзости беззакония; 4 он направил к Господу сердце свое и во дни беззаконных утвердил благочестие. 5 Кроме Давида, Езекии и Иосии, все тяжело согрешили, 6 ибо оставили закон Всевышнего; цари Иудейские престали: 7 ибо предали рог свой другим и славу свою — чужому народу. 8 Избранный город святыни сожжен, и улицы его опустошены, как предсказал Иеремия, 9 которого они оскорбляли, хотя он еще во чреве освящен был в пророка, чтобы искоренять, поражать и погублять, равно как строить и насаждать. 10 Иезекииль видел явление славы, которую Бог показал ему в херувимской колеснице; 11 он напоминал о врагах под образом дождя и возвещал доброе тем, которые исправляли пути свои. 12 И двенадцать пророков — да процветут кости их от места своего! — утешали Иакова и спасали их верною надеждою. 13 Как возвеличим Зоровавеля? И он — как перстень на правой руке; 14 также Иисус, сын Иоседека: они во дни свои построили дом и восстановили святой храм Господу, предназначенный к вечной славе. 15 Велика память и Неемии, который воздвиг нам павшие стены, поставил ворота и запоры и возобновил разрушенные дома наши. 16 Не было на земле никого из сотворенных, подобного Еноху, — ибо он был восхищен от земли, — 17 и не родился такой муж, как Иосиф, глава братьев, опора народа, — и кости его были почтены. 18 Прославились между людьми Сим и Сиф, но выше всего живущего в творении — Адам.

Victor Aptowitzer. The Celestial Temple as Viewed in the Aggadah

Aggadic literature avers that in heaven there is a temple which is the counterpart of the temple on earth (in Jerusalem). The same sacrifices are said to be offered there, and the same hymns sung as in the earthly temple. Just as the temple below is located in terrestrial Jerusalem, so the temple above is located in celestial Jerusalem.

The earliest source of the concept of the heavenly temple is, as we shall see, chapter 6 of Isaiah. We also find the concept among the ancient Babylonians. Aggadic legends on the theme are scattered far and wide and are found in both early and later sources. They differ from one country to the next and from one period to another. It is the purpose of this paper to collect and organize the sources on this subject and describe and explain them.

THE HEAVENLY TEMPLE

Most of the legends that mention the heavenly temple contain other material as well. In this first section, however, we shall cite only the legends that concentrate on the existence of the heavenly temple.

1. Come and see, when the Holy One, blessed be He, instructed Moses to tell Israel to make Him a sanctuary, He said to Moses: Tell them that it is not because I have no place to dwell that I ask them to make Me a sanctuary, for even before the world was created My temple existed on high, as it is said (Jeremiah 17:12), "O Throne of Glory on high from the beginning." And there was the temple of My throne, as it is said (Habakkuk 2:20), "But the Lord is in His holy temple"; and it is said (Isaiah 6:1): "I beheld my Lord seated upon a high and lofty throne." It is because of My affection for you that I abandon the upper temple which was established even before the world was created, and I shall go down and dwell among you, as it is said (Exodus 25:8), "And let them make Me a sanctuary that I may dwell among them." (*Tanhuma Naso* 19)
2. R. Hanina bar Papa pointed out an incongruity. It is written (Isaiah 37:24), "I have . . . reached its highest peak (*m'rom kitzo*)," and it is written (II Kings 19:23), "I have reached its remotest lodge (*m'lon kitzo*)." Thus said the wicked one, Sennacherib king of Assyria: First, I shall destroy the earthly dwelling, and afterwards I shall destroy the heavenly dwelling. (*Simeletrin* 94b)
3. "This is none other than the house of God, and this is the gate of heaven" (Genesis 28:17). R. Aha said: God assured Jacob that this gate will be opened for many righteous men like thyself. R. Simeon b. Yohai said: The celestial temple is higher than the terrestrial one by only eighteen miles. What is the proof? "V'zeh (and this is) the gate of heaven"; eighteen being the numerical value of the letters in *v'zeh*. (*Genesis Rabbah* 69:7)
4. And the heavens shall open up, and from the temple of glory holiness will come upon him. (*The Testament of Levi*, 18:6)

II.1.2

VICTOR APTOWITZER

The Celestial Temple as Viewed in the Aggadah

The main source at our disposal concerning the religious thought of ancient post-biblical Judaism is the Talmud, augmented by the material scattered in the many collections of midrashic writings. Very often the picture emerging from these sources is ambiguous and unclear, because the various statements originated in different periods and various schools or groups of scholars. All these have to be carefully analyzed in a historical context. But even such a picture will be incomplete if it does not take into account material preserved in the post-biblical literature of the epigrapha, in the works of the early Christians, of Hellenistic Jews writing in Greek, and in many other sources. The following article is a classic example of such careful philological work concerning a major subject in ancient Jewish thought—the vision of the celestial Jerusalem and its relationship to the earthly city.

Victor Aptowitz was one of the greatest talmudic scholars in the beginning of the twentieth century. His articles and books concerning the history of the halakhah and midrash are regarded as classics. His best-known major work is the edition of the halakhic book Rabbiah.

BACKGROUND

The mystic concept of the 'Heavenly Jerusalem' runs through Christian as well as Jewish religious literature and is even found in Islamic sources.

This article first appeared in Hebrew in *Tarbiz* 2 (1931). The translation/adaptation is by Aryeh Rubinstein.

The International Center for University Teaching of Jewish Civilization, Jerusalem, the literary estate of the author of the article, and the translator/adaptor grant permission to photocopy this article for teaching purposes without further permission or fee.

II.1.1

5. The seven letters of the alphabet with two possible pronunciations—*bet*, *gimmel*, *dalet*, *kaf*, *peh*, *resh*, *taf*—are above and below, east and west, north and south, and the holy sanctuary is in the middle, and it bears them all. (*Sefer Yezirah*, chapter 2)

The early commentators differ in their interpretation of this statement. R. Saadia Gaon understands 'the holy sanctuary' to refer to the earthly temple. But R. Judah b. Barzilai interprets it as applying to the heavenly temple.

6. And the temple above, and there is the resting place of the righteous. (*Targum Chronicles I*, 21:15)

Philo, the Jewish philosopher from Alexandria (20 B.C.E.–50 C.E.), also mentions a heavenly temple where the angels worship God. He perceives this temple as encompassing the heavens and all of creation.

7. The highest and the truest temple of God is, as we must believe, the whole universe; it is located in the most sacred part of all the universe, the heavens; its votive ornaments are the stars; and its priests are the angels who are servants to His powers. (Philo, *The Special Laws*, I, § 966)

Elsewhere, Philo says of his *Logos* that it is the first angel, the high priest, who stands and prays to the Creator of the universe.

8. For there are, so it seems, two temples of God: one of them this universe in which there is as high priest His first-born, the divine Word, and the other the intellectual soul, whose priest is the real Man. (Philo, *On Dreams*, I, § 215)

THE ANTIQUITY OF THE CONCEPT

The texts in this section offer a theory of the origin and stages in the development of the concept of the celestial temple.

Isaiah, describing his consecration as a prophet, says (Isaiah 6:1–6): "In the year that King Uzziah died, I beheld my Lord seated on a high and lofty throne; and the skirts of His robe filled the temple. Seraphs stood in attendance on Him. . . . And one would call to the other, 'Holy, holy, holy! The Lord of Hosts! His presence fills the earth!' The doorposts would shake at the sound of the one who called, and the house kept filling with smoke. . . . Then one of the seraphs flew over to me with a live coal, which he had taken from the altar with a pair of tongs."

The text supplies no hint of where the prophet saw this marvelous vision. Nevertheless, the following aggadic passage takes it for granted that the prophet saw his vision in the heavenly temple.

9. My temple is built on high, as it is said (Jeremiah 17:12), "O Throne of Glory, on high from the beginning." And there was the temple of His throne, as it is said (Habakkuk 2:20), "But the Lord is in His holy temple." And thus says Isaiah: "I beheld my Lord seated upon a high and lofty throne." (*Tanhuma Nasso* 19)

The Aramaic translation of the *Five Books of Moses* (Targum Jonathan) renders these verses as stating explicitly that what Isaiah saw in his vision was the heavenly temple. That is how the author of the following quotation understood it, capitalizing on lexical parallels found in other portions of the Bible to make his case.

10. You will find that everything God has created in heaven He has also created on earth. Thus we find that there is a habitation (*z'vul*) and thick darkness (*arafel*) above, as it says (Isaiah 63:15), "And see from Your holy and glorious habitation; thick darkness," for it says (Exodus 20: 18), "And Moses drew near unto the thick darkness where God was," and also (Job 22:13), "Can He judge through the dark cloud (*arafel*)?" On earth, for it says (1 Kings 8:12 ff.), "Then Solomon declared: The Lord has chosen to abide in a thick cloud. I have now built for You a stately house (*z'vul*), a place where You may dwell forever." Of heaven we are told (Isaiah 6:2), "Seraphs stood in attendance on Him"; of earth (Exodus 26:15), ". . . acacia wood, standing up." Of that above we correlate (Isaiah 6:6), ". . . which he had taken from the altar with a pair of tongs," and of that below we read (Exodus 20:21), "Make for Me an altar of earth." (*Exodus Rabbah* 33:4)

11. The angel took a glowing ember with his tongs from the heavenly altar. (*Pesikta Rabbati* 33:150)

The parallel language of Micah's vision supports the view that the vision of Isaiah took place in the heavenly temple. Let us compare.

Isaiah: I beheld my Lord seated on a high and lofty throne; and the skirts of His robe filled the temple. Seraphs stood in attendance on Him.

Micah: (1 Kings 22:19) I saw the Lord seated upon His throne, with all the host of heaven standing in attendance to the right and to the left of Him.

It is surprising that the other prophets who experienced a vision similar to that of Isaiah—Micah, Ezekiel (1:10), and Daniel (7:9)—make no mention of the temple. In the case of Micah, the explanation might be that the idea of a heavenly temple was borrowed from the Assyrians and that Israel's first contact with this people occurred at the time of Isaiah. Actually, however, Assyrian culture gained currency in Israel long before Micah's time; Solomon's temple, for example, was built in the Assyrian style.

What is most puzzling is the absence of any hint of a temple, even in

16. In Amos (1:1) it says "two years before the earthquake," and in Isaiah (6:1) it says, "In the year that King Uzziah died," and that occurred on the day of the earthquake, as it is written (Isaiah 6:4), "The doorposts would shake." (*Sefer Olam Rabhah* 82)

In the light of these aggadic traditions, we can reconstruct Isaiah's vision of his induction as a prophet. Uzziah was turned into a living corpse because of his presumptuous encroachment on the province of the priests:

17. Uzziah said, The Holy One, blessed be He, is a King, and I am a King. It is fitting for a king to minister to a King and to burn incense before Him. (*Tanhuma Noah* 10:13)

The earth shook, the temple split apart—a chain of wondrous events and portents in and about the temple. The prophet gazes in astonishment at the gaping hole torn in the Lord's temple and sees the priests at the altar with their fire-pans, trowels, and tongs, their eyes lifted to heaven to give thanks to the Lord who keeps His covenant with Aaron that the rites of the priesthood will remain exclusively with him and his progeny.

Uzziah's arrogance provoked all these marvelous happenings. Isaiah scans the heavens in order to identify the King who brings low the haughty and humiliates the proud. In his mind's eye, Isaiah raises the temple with its altar and its priests heavenward, and there he sees the temple on high.

It was then that the celestial temple was built.

Now, the deed of Uzziah that brought about the great earthquake was that he "trespassed" by going into the temple "to burn incense upon the altar of incense" (II Chronicles 26:16). Hence, when the prophet imagined the temple on high, he also saw there the burning of incense: "... and the House kept filling with smoke" (Isaiah 6:4). That was the cloud of incense, "for I appear in the cloud upon the ark cover" (Leviticus 16:2). Notice the honed sensitivity and range of textual comparisons in the aggadic literature.

Amos, too, sees the Lord in the temple. "I saw my Lord standing by the altar; and He said: 'Strike the capitals, so that the thresholds quake'" (Amos 9:1). But the aggadah is unanimous in saying that what Amos saw was the earthly temple. Why is Amos different from Isaiah? Amos prophesied two years before the earthquake. He knows that the earth will quake, that the temple will split apart, and that the posts of the door will move. He envisioned it in his mind, but he did not see it with his eyes. Isaiah, on the other hand, prophesied at the very hour of the earthquake. That is why Amos remained in the earthly temple, while Isaiah, in the whirlwind of his thoughts, lifted the temple up to heaven.

II.1.6

Ezekiel's vision of the Divine Chariot, where the signs of Assyrian art are so striking. Perhaps aggadic literature can offer a solution to this riddle.

Aggadah interprets "In the year that King Uzziah died" (Isaiah 6:1) as meaning the year in which he was stricken with leprosy, as recounted in II Chronicles (26:16–20): "For he went into the temple of the Lord to burn incense upon the altar of incense . . . and while he was worth with the priests, the leprosy broke forth in his forehead and they thrust him out quickly from thence; yea, he himself made haste also to go out, because the Lord had smitten him." (This is also mentioned briefly in II Kings 15:5.) Another aggadic tradition holds that the catastrophic earthquake during Uzziah's reign (Amos 1:1, Zechariah 14:5) occurred at the exact moment that Uzziah presumed to act as priest and entered the temple to burn incense.

12. The leprosy broke forth in his forehead. At that moment the temple broke apart, moving 12 mil hither and thither, and the priests thrust him out quickly and he himself made haste to go out. (*Avot de-Rabbi Nathani*, chapter 9)

13. It was the day of the earthquake, of which it says (Zechariah 14:5), "Yea, ye shall flee, as you fled from before the earthquake in the days of Uzziah king of Judah." For on the day that Uzziah was about to offer up incense in the temple, heaven and earth quaked, and the seraphs came to burn him in the fire. (*Tanhuma Tsav* 15)

The Church Father Jerome cites this tradition in the name of the Hebrews.

14. He, Uzziah, king of Judea, also known as Azariah, tried to assume the priesthood of which he was not deserving, and was stricken with leprosy which broke forth in his forehead. How great was God's wrath He showed not only in the punishment He meted out to him who committed sacrilege, but also in the earthquake which, according to the tradition of the Hebrews, took place at that moment. (Jerome, Commentaries on Amos 1:1, Zechariah 14:5)

Josephus, the Jewish historian who wrote in Hellenistic times, also speaks of the earthquake that occurred at that time.

15. And when the priests clamored for him to go out and not transgress against God, he became angry and threatened them with death if they did not hold their peace. But while he spoke, a great tremor shook the earth, and, as the temple was riven, a brilliant shaft of sunlight gleamed through it and fell upon the king's face so that leprosy at once smote him. At the same time at Erage, a place before the city gates, half of the western hill was broken off and rolled four stades till it stopped at the eastern hill and obstructed the roads and the royal gardens. (*Antiquities*, 9–10:4)

Elsewhere in the aggadah we find this correlation stated explicitly.

II.1.5

THE HEAVENLY TEMPLE AS A COUNTERPART TO THE EARTHLY TEMPLE

The aggadic sources view the heavenly temple as a counterpart to the earthly temple. Since the prophet Isaiah raised the earthly temple up to heaven, it is obvious that the temple on high is a counterpart to the temple below. The main aggadic sources that support this idea are cited next.

18. "The place You made Your abode" (Exodus 15:17). This is one of the proofs that the earthly throne is a counterpart of the heavenly throne, as it says (Psalms 11:4), "The Lord is in His holy temple; the Lord, His throne is in heaven," and it says (1 Kings 8:13), "I have built for You a stately house, a place where You may dwell forever." (*Mekhilta, Song at the Sea*, chapter 10:26–27)
19. He shall direct his heart towards the holy of holies. To which holy of holies? R. Hiyya said: It refers to the heavenly holy of holies. R. Simeon b. Halafra said: It refers to the earthly holy of holies. R. Phineas said: They do not differ. The earthly holy of holies is a counterpart of the heavenly holy of holies . . . (Talmud Yerushalmi, *Berakhot* 4)
20. R. Nathan says: The sacred ark was as magnificent as the throne of glory, as it is said (Exodus 15:17), "The place You made Your abode, O Lord, the sanctuary, O Lord, which Your hands established." For the heavenly temple is oriented to the earthly temple, and the ark is oriented to the throne of glory, as it is said (Jeremiah 17:12), "O throne of glory, on high from the beginning." And where was the place of our temple? "The sanctuary, O Lord, which Your hands established." Read it not *kor'nu* (established), but *kimu* (oriented), to the throne of glory. (*Tanhuma Veyakhele* 7)

This last passage clearly indicates that the throne of God is in the heavenly temple, which corresponds with the earthly temple. That certainly was the intent of the statement in *Tanhuma Naso* (section 1, cited above): Before the creation of the world, My temple was in heaven, as it is said, "O throne of glory, on high from the beginning." And there is built the temple of My throne, as it is said, "But the Lord is in His holy temple." Corroborating imagery is offered by the vision of Isaiah wherein the prophet sees the heavenly temple with the Lord seated on a high and lofty throne.

The same view is found twice in the New Testament.

21. These are they who have come out of the great tribulation; they have washed their robes and made them white in the blood of the Lamb. Therefore are they before the throne of God, and serve Him day and night within His temple; and He who sits upon the throne will shelter them with His presence. (The Revelation to John 7:14 ff.)

II.1.7

22. The seventh angel poured his bowl into the air, and a great voice came out of the temple, from the throne, saying, "It is done!" (The Revelation to John 16:17)

Accordingly, we may understand the midrashim that say the temple is oriented to God, for the throne of God is in the heavenly temple, which is the counterpart of the earthly temple. In this sense we can understand the meaning of the psalmist when he refers to the temple as God's footstool: "Exalt ye the Lord our God, and prostrate yourselves at His footstool" (Psalms 99:5). It parallels verse 99:9: "Exalt ye the Lord our God, and worship at His holy hill." The aggadic interpretation is succinct.

23. His footstool refers to the temple. (*Lamentations Rabboth* 2:1)

The unequivocal simile of the preceding midrash helps to elucidate the legend woven into the following medieval Yemenite commentary.

24. Moses said: Master of the universe, take one of my two eyes and place it under the hinges (literally: heels) of the door of Your sanctuary. Then, when the door is put on top of it, I shall see the Land of Israel with one eye and I shall not die. (Abou Manzur al Dhamari on Deuteronomy)

The explanation of this tale can be derived from a combination of two views found in aggadic literature. The first, which we have been discussing, is that the earthly temple is a counterpart of the heavenly temple; the second view is that the temple is the center of the Land of Israel. Legends expressing both of these ideas are found in the following midrash.

25. "The Lord by wisdom founded the earth" (Proverbs 3:19). The Holy One, blessed be He, created the world as man is born of woman. Just as the embryo begins from its navel and develops from that point, so did the Holy One, blessed be He, begin the creation of the world from its hub and then elongated it this way and that. And where is this hub? It is Jerusalem. And its hub is the altar. And why was the rock on which the Ark stood in the temple called *even sh'fiya* (foundation stone)? Because from that spot the entire universe was established (*huksita*). And the Holy One, blessed be He, created the earthly temple, and over against it the heavenly temple, the one being the counterpart of the other, as it says (Exodus 15:17), "You will bring them and plant them in Your own mountain, the place You made Your abode" (*maklon /shivatania*). And *maklon /shivatania* is parallel to (*min /khot shivto* (from the place of His habitation) mentioned in Psalms 33:14. (Midrash "The Lord by Wisdom Founded the Earth")

Hence, one who looks from above at the central point below takes in the entire horizon. Thus the eye of Moses, gazing from the temple on high to the temple below, would be able to see all of the Land of Israel.

II.1.8

CORRELATION BETWEEN THE PLANS OF THE EARTHLY AND CELESTIAL TEMPLES

The earthly temple emulates the pattern of the celestial temple, as the sources in this section show.

"Thou gavest command to build a sanctuary in Thy holy mountain, and an altar in the city of Thy habitation, a copy of the holy tabernacle which Thou preparedst aforehand from the beginning." This verse from the apocryphal book *Wisdom of Solomon* (9:8) is undoubtedly based upon I Chronicles 28:11–19:

Then David gave to Solomon his son the pattern of the porch of the temple, and of the houses thereof, and of the upper room thereof, and of the inner chambers thereof, and of the place of the ark-cover; and the pattern of all that he had by the spirit, for the courts of the house of the Lord, and for all the chambers round about, for the treasuries of the house of God, and for the treasuries of the hallowed things. Also for the courses of the priests and the Levites, and for all the work of the service of the house of the Lord, and for all the vessels of service in the house of the Lord. . . . And for the altar of incense refined gold by weight; and gold for the pattern of the chariot, even the cherubim, that spread out their wings, and covered the ark of the covenant of the Lord. All this do I give thee in writing, as the Lord hath made me wise by His hand upon me, even all the works of this pattern.

We are not obliged to accept the interpretation given in the *Wisdom of Solomon*. The passage in I Chronicles says only that David envisioned the pattern of the temple, with no indication that he was shown the pattern of the heavenly temple that existed from time immemorial. In fact, nowhere in aggadic literature do we find evidence that the earthly temple was patterned after the heavenly temple. Moreover, the consensus of the early commentators, based on the language of the passage, is that David saw the pattern either by direct divine inspiration or as transmitted to him by Samuel: "all that he had by the spirit" and "as the Lord hath made me wise."

Of the tabernacle, the Torah says (Exodus 25:9), "Exactly as I show you—the pattern of the tabernacle and the pattern of all its furnishings—so shall you make it." And it says (Exodus 25:40), "Note well, and follow the patterns of them that are being shown you on the mountain." Exodus continues (26:30), "Then set up the tabernacle according to the manner of it that you were shown on the mountain." Aggadic literature is divided on this last point. There are three main views: (a) Moses actually saw the heavenly temple; (b) the reference is only to a spiritual vision; (c) forms were created for the didactic need of the moment, arguing that even the expressions 'pattern' (*tavnit*) and 'note well' (*r'eh*) can refer to intellectual prophetic vision.

The View That Moses Saw The Temple

Some aggadic literature, such as *Pesikta de-Rav Kahana*, states that Moses was granted a vision of the heavenly temple.

26. R. Joshua of Siknin taught in the name of R. Levi that when the Holy One, blessed be He, said to Moses, Make a tabernacle for Me, Moses might simply have brought four poles and stretched skins over them to form the tabernacle. Since he did not do so, we may infer from the verse cited next that while Moses was on the mountain, the Holy One, blessed be He, showed him red fire, green fire, black fire, and white fire and said to him, "Make the tabernacle for Me in these fiery colors." Moses asked the Holy One, blessed be He: "Master of the universe, where am I to get red fire, green fire, black fire, and white fire?" The Holy One, blessed be He, replied: "Follow the patterns . . . that are being shown you on the mountain."

In the name of R. Levi also, R. Berachiah cited the parable of a king who appeared before his steward in a garment covered entirely with precious stones and said to him: Make one like this for me. The steward replied: My lord king, how am I to get the materials with which to make a garment covered entirely with precious stones? The King replied: Follow the pattern with whatever materials you have, and I will still reign in my glory. Even so the Holy One, blessed be He, said to Moses: If you pattern the tabernacle here below after the one in heaven above, I will leave My heavenly counselors, come down, and so shrink My presence as to fit into your midst below. Even as "seraphs stood" (Isaiah 6:2) in heaven, so the tabernacle's boards of "acacia wood stand" (Exodus 26:15) here below. Even as the stars are above, so the tabernacle's clasps are below, a parallel which proves, according to R. Hiyya bar Abba, that the tabernacle's golden clasps looked like stars in the firmament. (*Pesikta de-Rav Kahana* 1:3)

An even more overt confirmation of Moses viewing the heavenly temple is given by the following midrash.

27. When Moses finally arrived on high, the Holy One, blessed be He, opened the seven firmaments and showed him the sanctuary on high, showed him also the four colors which he used for the tabernacle, as it is said: Then set up the tabernacle according to the manner of it that you were shown on the mountain. (*Pesikta Rabbati* 20:4)

The View That It Was a Spiritual Vision

The Talmud held that Moses saw the heavenly temple in his mind, not in an actual form.

28. It was taught: R. Jose b. Judah says, An ark of fire and a table of fire and a candlestick of fire came down from heaven; and these Moses saw and repro-

unit. The author of the first part was not the author of the second part. The first statement is based on the view that there was a tabernacle on high, and that since Moses saw the tabernacle he saw the colors as well. The second statement posits that there was no heavenly tabernacle and that Moses did not know the hues of the colors. Hence, the Holy One, blessed be He, created them solely for the specific purpose of showing them to Moses.

Aggadic sources list a number of objects that God showed Moses: a shekel, a moon, a candlestick, creeping things, anointing oil, animals, and a skull of fire. Here, too, the literature must be understood to mean that these forms were created for pedagogical purposes. There is strong support for this assumption in the following two sources.

30. R. Hiyya bar Abba said in the name of R. Johanan: The angel Gabriel had girded himself with a kind of belt and demonstrated unto Moses the work of the candlestick. (*Menahot* 29a)

The laws pertaining to the slaughtering of animals were, according to one school of thought, one of the things with which Moses had difficulty and which God taught him. No one will contend that slaughtering and its methods existed from the beginning of creation. Similarly, the sight God showed Moses and Aaron when He taught them how to sanctify the new moon was necessarily a form created ad hoc.

One aggadic source has this comment on the building of the tabernacle, indicating the parallel erection of the heavenly and earthly structures.

31. R. Simeon expounded: When the Holy One, blessed be He, told Israel to set up the tabernacle, He intimated to the ministering angels that they should also make a tabernacle, as it says (Numbers 7:1): "On the day that Moses finished setting up the tabernacle (*l'ha'kim et hamishkan*)."¹ The *et* is superfluous and the Talmud teaches that *et* is none other than the celestial temple. (*Tanhuma Naso* 18)

With respect to the temple, there are two views. One holds that it was created before, or at the beginning of, the creation of the world. The other maintains that God built the heavenly temple at the time of Moses's death.

32. Even before the world was created I had erected My temple in the heavens, as it is said (Jeremiah 17:12), "O throne of glory, on high from the beginning."² (*Tanhuma Naso* 19)

Aggadah lists a number of objects, including the temple, that were created before the creation of the world, but the sources differ. Many of them use the term *nivru'u* (were created), in which case "the temple" is taken as referring to the heavenly temple; while other sources indicate that the temple

duced, as it is written, "Note well, and follow the patterns for them that are being shown you on the mountain." Will you then say the same of the tabernacle? For it is written, "Then set up the tabernacle according to the manner of it that you were shown on the mountain." Here it is written "according to the manner of it (*l'mishpatu*)," while the other injunction reads "follow the patterns for them (*l'tavnitamu*)" (*Menahot* 29a).

The Soncino Press edition of the Talmud offers this explanation: The latter expression (*l'tavnitamu*) signifies that a model or picture was actually shown to Moses, whereas the former expression (*l'mishpatu*) merely claims that the tabernacle was to be constructed in accordance with the instructions received by Moses.

The rhetorical question posed in the Talmud asserts that Moses saw no actual form; he perceived everything in his mind. Even in the opening statement, which paves the way for the question, it is clear that Moses did not see the pattern of the tabernacle itself. Rather, the talmudic text enumerates only the forms of the ark, the table, and the candlestick. Knowing this, R. Jose b. Judah carefully chose his source.

The View That Forms Were Created for the Moment

Still other commentators stated that God created the elements and colors for the temple solely to show them to Moses that he might then use them as patterns.

Scrutinized carefully, R. Jose b. Judah's statement can only mean that in his view there is no tabernacle on high, and that the vessels mentioned were created specifically and temporarily for the instruction of Moses. This opinion is presented anonymously as a continuation of our section 27.

29. Moses said to God: Master of the universe, I do not know the earthly counterparts of these four colors. God said: Turn to thy right. Thereupon he turned and saw a company of angels wearing garments the color of the sea. God asked: What do you see? Moses replied: I see men wearing garments the color of the sea. God said to him: This is the hue of blue which I require in My tabernacle. Then God said: Turn to your left. Moses turned and saw men wearing red garments . . . God said: This is the hue of purple I require. God said: Turn back. Moses turned back and saw a company wearing garments neither red nor green but a blend of the two. God said: I require this hue to be made from the scarlet worm. Moses turned forwards and saw before him companies wearing white garments. God said: The hue I require is that of fine twined linen. (*Pesikta Rabbati* 20:4)

The reader wonders why Moses did not know the nature of the four colors since God had already shown them to him. We are therefore compelled to conclude that the *pesikta* (sections 27 and 29 here) is not a literary

his request was granted. An image of the heavenly temple descended to the earth on sheets of light, and came to rest at his feet in Mecca, and God commanded Adam to face it when he prayed. After Adam's death, his son Seth built there a temple of clay and bricks according to the model. That temple was destroyed during the flood, and was rebuilt by Abraham and his son Ishmael according to the same pattern, which was revealed to them in a vision. (*Muslimmedienische Eschatologie*, p. 5, n. 8)

RITUAL IN THE CELESTIAL TEMPLE

If there is a temple and an altar in heaven, what is sacrificed there? Many aggadic legends address this question and most of them provide the answer that in the celestial temple the archangel Michael offers up the souls of the righteous. However, there are variations on this theme.

36. Z'vul (a stately house) is that in which the heavenly Jerusalem and the temple and the altar are built; and Michael, the great prince, stands and offers up thereon an offering, as it is said (I Kings 8:13), "I have now built for You a stately house, a place where You may dwell forever." (*Hagigah* 12b)

37. "This is an ordinance forever to Israel" (II Chronicles 2:3). R. Giddal said in the name of Rab: This refers to the altar built in heaven, where Michael, the great Prince, stands and offers up thereon an offering. (*Menahot* 110a)

These two passages do not state the nature of the offering, but in the following variants we find these addenda.

38. And what does he offer up? Is it conceivable that bullocks and lambs are to be found there? But what does he offer up? The souls of the righteous. (*Ein Ya'akov* on *Hagigah* 12b)

39. In the heavenly mansion (z'vul) there is an altar, and Michael, the prince of Israel, serves as high priest and he stands and offers up a sacrifice on it each day. And what sacrifices does he offer up? Certainly not sheep. Rather, said the sages, Michael the prince of Israel has served as high priest in heaven from the day of the destruction of the temple (may it be speedily rebuilt in our time) when the earthly sacrifices were abolished, and what does he offer up? The souls of the righteous. Until the temple is rebuilt. For then, the Holy One, blessed be He, will bring down to earthly Jerusalem the temple that is in the heavenly mansion. (*Midrash on the Ten Commandments*)

40. "Setting up [e] the tabernacle" (Numbers 7:1). R. Simeon expounded: When the Holy One, blessed be He, told Israel to set up the tabernacle, He intimated to the ministering angels that they also should make a tabernacle, and when the one below was erected the other was erected on high. The latter was the tabernacle of the youth whose name was Metatron, and therein he offers up the souls of the righteous to atone for Israel in the days of their exile. The

was one of the things whose creation was intended (*alu v'malsharvah l'hibarik*), and this wording is taken to refer to the earthly temple.

33. Our rabbis said that on the day of Moses's death, God raised him up to the lofty place of heaven, and showed him the reward that awaited him in heaven and revealed the future to him. The divine attribute of Mercy appeared there before him and said: I bring glad tidings to you, at which you will rejoice. Turn to the Throne of Mercy and behold! Moses turned to the Throne of Mercy and saw God building the temple with jewels and pearls. Between the gems and pearls shimmered the radiance of the *Shekhinah*, brighter than all jewels. And in this temple he beheld the Messiah, David's son, and his own brother Aaron standing erect and dressed in the robe of the high priest. . . . Moses asked the Messiah: God told me that Israel was to erect a temple to Him on earth, and I now see Him build His own temple, and that in heaven! The Messiah replied: The father Jacob saw the temple that will be erected on earth and also the temple that God rears with His own hands in heaven, and he clearly understood that it was the temple God constructed with His own hands in heaven as a house of jewels, of pearls, and of the light of *Shekhinah*, that was to be preserved for Israel to all eternity, to the end of all generations. This was in the night when Jacob slept upon a stone and in his dream beheld one Jerusalem upon earth and another in heaven. . . . At the sight of the two Jerusalems, the earthly and the heavenly, Jacob said: The Jerusalem on earth is nothing, this is not the house that will be preserved for my children in all generations, but in truth that other house of God that He builds with His own hands. But, continued the Messiah, if you say that God with His own hands builds Himself a temple in heaven, know then that with His hands also He will build a temple upon earth, as it is said (Exodus 15:17), "the sanctuary, O Lord, which Your hands established." (*Genesis Rabbati* [Prague mss.] chapter 9)

The beginning of the passage with its description of the temple was undoubtedly borrowed from the apocalyptic Book of Enoch, with the author introducing several changes for his own purposes. The vision of Enoch, when he was taken to Paradise, reads as follows.

34. And the angel Michael, one of the archangels, seized me by my right hand, and lifted me up and led me forth into all the secrets, and he showed me all the secrets of righteousness. And he showed me all the secrets of the ends of heaven, and all the chambers of all the stars, and all the luminaries, whence they proceed before the face of the holy ones. And he translated my spirit into the heaven of heavens, and I saw there as it were a structure built of crystals, and between those crystals tongues of living fire. (Book of Enoch 71:3-5)

There is a Muslim legend, surely from a Jewish source, that mentions a heavenly temple.

35. After Adam was banished from the Garden of Eden, he asked God for permission to build a temple on earth patterned on the temple in heaven, and

In Christian literature, too, we find the concept that the souls of the righteous are offered up as a sacrifice on the altar in the heavenly temple.

45. When he opened the fifth seal, I saw under the altar the souls of those who had been slain for the word of God and for the witness they had borne. (The Revelation to John 6:9)
46. And when he finished speaking he said to the messengers: Wait in this place, for today a sacrifice is being offered up in Paradise, and I must be there to accept it. And Bartholomew asked Jesus: Master, what is the sacrifice that is being offered up in Paradise? And Jesus replied: The souls of the righteous that have departed today from the body go to Paradise, and if I am not there they will be unable to enter. (Questiones Bartholomaei-Anecdota Graeco-Byzantina)
47. And from here (the fourth heaven) the angel took me to the fifth heaven . . . and I saw Michael, the prince of the angels, holding a huge bowl as deep as the distance between heaven and earth and as wide as the distance between north and south. And I said: Master, what is it that Michael the great prince is holding? And he told me: Into this bowl go all the acts of charity and the good deeds of the righteous, and they are brought before the God of heaven. And as I spoke to him, behold, angels came carrying baskets filled with flowers and presented them to Michael. And I asked the angel: Who are they and what are they bringing here? And he said to me: They are the angels who accompany the righteous. And the great angel took the baskets and threw them into the bowl. And the angel said to me: These flowers are the good deeds of the righteous. (Greek Apocalypse of Baruch 11–12)
48. And another angel came and stood at the altar with a golden censer; and he was given much incense to mingle with the prayers of all the saints upon the golden altar before the throne; and the smoke of the incense rose with the prayers of all the saints upon the golden altar before the throne; and the smoke of the incense rose with the prayers of the saints from the hand of the angel before God. Then the angel took the censer and filled it with fire from the altar and threw it on the earth; and there were peals of thunder, loud noises, flashes of lightning, and an earthquake. (The Revelation to John 8:3)

Sacrifice in the Jewish sources also consisted of incense and prayer.

49. And I saw censers of incense made of gold, and three bowls, and behold, all the angels came to the altar with the incense, the censers, and the bowls, and they burned it until the cloud of the incense covered the canopy of heaven. (The Apocalypse of Moses 33)
50. And God called to all the angels to come before Him, each one according to his rank. And all the angels gathered, some with censers of incense and some with trumpets and bowls. (The Apocalypse of Moses 38)
51. R. Phineas said in the name of R. Simeon ben Lakish: Phineas is identical with Elijah, may he be remembered for good and blessing, for were it not for him

reason why it is written 'of the tabernacle' is that another tabernacle was erected simultaneously with it. In the same fashion it says (Exodus 15:17). "The place You made Your abode, O Lord, the sanctuary, O Lord, which Your hands have established." (*Numbers Rabbah* 12:12)

41. When R. Ishmael heard this he was pacified. And he walked about in heaven this way and that, and he saw an altar near the throne of glory. He asked Gabriel: What is this? Gabriel replied: It is an altar. He asked: And what do you offer up on it each day? Are there bullocks and lambs in heaven? Gabriel replied: We offer up the souls of the righteous. He asked: Who offers them up? Gabriel replied: Michael, the great prince. (*Midrash Eleh Ezkarah*)
42. And there on the firmament of heaven stands Michael, the great prince, and there is an altar before him, and all the souls of the righteous are before him and he offers up sacrifices on that altar. (*Seder Gan Eden*, vs. II)
43. The holy One, blessed be He, created the earthly temple, which has a counterpart in the heavenly temple, the one being attuned to the other, as it is said (Exodus 15:17), "You will bring them and plant them in Your own mountain, the place You made for Your abode"—hence, attuned to His abode. When the temple still existed, the high priest would make sacrifices and burn incense below, while Michael would do the same on high. After the temple was destroyed, the Holy One, blessed be He, said to Michael: Michael, since I have destroyed My abode and burnt My temple and demolished My holy place, do not bring sacrifices before Me either in the form of bullocks or in the form of lambs. Michael asked: And your children, what will become of them? He replied: Offer up to Me their merit and their prayers and the souls of the righteous, which are hidden beneath the throne of glory, and the schoolchildren, and I shall atone the sins of Israel. And as I bring happiness below, I bring happiness on high, as it is said (Jeremiah 30:18), "Thus said the Lord: I will restore the fortune of Jacob's tents and have compassion upon his dwellings. The city shall be built on its mound, and the fortress in its proper place." The plural form, 'tents', has been used rather than the singular, to indicate one tent below and one above. Similarly, with 'dwellings'—one above and one below. 'The city shall be built on its mound' refers to the earth, and 'the fortress in its proper place' is the celestial habitation. (*The Lord by Wisdom* . . .)

The following aggadic selections specify that after the destruction of the temple the sacrifices were shed in heaven as well.

44. It was also asked: Where is the center of the earth? And he answered: In the earthly temple, for the one was built as a counterpart of the other. So long as the one stood, the high priest offered up sacrifices and burnt incense, and Michael too offered up the souls of the righteous and burnt incense. But now that the temple has been destroyed and the sacrifices below abolished, God receives no sacrifices. But in the future, the Holy One, blessed be He, will restore them, as it is said (Isaiah 35:10), "And the ransomed of the Lord shall return." (*The Alphabet of Ben Sira*)

that the song of the angels is sung in the heavenly temple that was the scene of Isaiah's vision, mentioned earlier.

53. Do not read it *sh'haikim* (heavens), but *sohakim* (play), for they play all sorts of song and all sorts of praise and all sorts of music before the *Shekhinah* in the temple on high, as it is said (Psalms 96:6), "Honor and majesty are before Him; strength and beauty are in His sanctuary," for this is the temple in the heavens above, whose splendor pervades all the chambers of the heavenly firmament, as it is said (Habakkuk 3:3), "His majesty covers the skies." Another interpretation of *sh'haikim*: 1,018 camps stand before the *Shekhinah* in the temple in heaven (*ba-sh'haikim*) to chant before Him, 'Holy, holy, holy . . .', each day. In each camp there are 10,180,000 ministering angels, for they stand before the *Shekhinah* in the temple in heaven and exalt the name of the Holy One, blessed be He, with all manner of praise and song. From morning to evening they say before Him, 'Holy, holy, holy . . .', and from evening to morning they say before Him, 'Blessed be the glory of the Lord from His place'. Why do they do so? Because at night the *Shekhinah* secretly goes up to heaven, as it is said (Isaiah 45:15), "You are indeed a God who concealed Himself, O God of Israel, who brings victory!" (*Sefer Izziel*, 24a)

Isaiah states that the singing took place during the burning of the incense. The following source links the singing to the time that sacrifices were offered.

54. And when he had taken the scroll, the four living creatures and the twenty-four elders fell down before the Lamb, each holding a harp, and with golden bowls full of incense, which are the prayers of the saints. (The Revelation to John 5:8) (The number twenty-four corresponds to the number of the watches by the Levites who were in service to the temple.)

Other accounts also liken the song of the angels to the song of the Levites on their platform.

55. And the entire host of heaven approached and stood on ten steps in accordance with their rank and offered praise to God. (Book of Enoch II 20:3)

56. And who directed the singers? Michael, for when Michael was wrestling with Jacob, hosts of angels appeared and beckoned Michael to return, saying: Ascend, O Michael, the time of song has come, and if you are not in heaven to lead the choir, who will sing? (*Midrash Atkir* 133)

A trait common to all who offered sacrifices was that they were defenders of Israel. In addition to the legends that identify Elijah, Michael, the angels in general, and Metatron as bringers of sacrifice, there is yet another that depicts Moses in this service.

II.1.18

we could not have lived in wicked Edom. That is the meaning of the saying of our teachers: From the time that the temple was destroyed, he offers up two perpetual offerings each day to make atonement for Israel and each day he records their deeds in their parchments. (*Sifre ba-Midbar* 131)

The concept that there exists a heavenly temple with an altar and sacrifices, and that these sacrifices are the souls of the righteous, is fundamental to the messianic doctrine purveyed by the Letter to the Hebrews in the New Testament. The author interprets the heavenly sacrifice as being the Messiah.

52. A minister in the sanctuary and the true tent which is set up not by man but by the Lord. . . . Now if he were on earth, he would not be a priest at all, since there are priests who offer gifts according to the law. They serve a copy and shadow of the heavenly sanctuary; for when Moses was about to erect the tent, he was instructed by God, saying, See that you make everything according to the pattern which was shown to you on the mountain. (8:2ff.) . . . But when Christ appeared as a high priest of the good things that have come, then through the greater and more perfect tabernacle (not made with the hands, that is, not of this creation) (9:11). . . . For Christ has entered, not into a sanctuary made with hands, a copy of the true one, but into heaven itself, now to appear in the presence of God on our behalf (9:24).

He has no need, like those high priests, to offer sacrifices daily, first for his own sins and then for those of his people; he did this once for all when he offered up himself (7:28).

And by that will we have been sanctified through the offering of the body of Jesus Christ once for all. And every priest stands daily at his service, offering repeatedly the same sacrifices which can never take away sins. But when Christ had offered for all time a single sacrifice for sins, he sat down at the right hand of God then to wait until his enemies should be made a stool for his feet. For by a single offering he has perfected for all time those who are sanctified (10:10ff.). (Letter to the Hebrews)

The author of the Letter to the Hebrews interpreted the sacrifices brought in the heavenly temple as meaning that the Messiah himself offered up all the sacrifices. He seems to have extrapolated this interpretation from aggadic literature. According to these sources, the souls of the righteous from all generations were embodied in Adam. Furthermore, in Christian thought, perhaps derived from a Jewish source, Adam is the prototype of the Messiah. Hence, the soul of the Messiah encompassed the souls of all the righteous, so that in sacrificing his own soul he sacrificed the souls of the righteous as well.

In the earthly temple the service of the sacrifice is accompanied by song—both vocal and instrumental. So it is in the heavenly temple. The notion that the angels resort to song appears frequently in aggadic literature, the biblical sources for this being Isaiah 6:3 and Job 38:7. From Isaiah we learn

II.1.17

57. And there are those who say that Moses our teacher did not die, but stands and serves above. In one place (Deuteronomy 34:6) it is written, "So Moses the servant of the Lord died there" and in another place (Exodus 34:28) it is written, "And he was there with the Lord forty days and forty nights." Just as in the one instance, on Mount Sinai, he stood and served above, so in the other instance, after his death, he stands and serves above. (*Midrash Tannaim*)

The passages cited in this section express a variety of views regarding the heavenly temple and its location, the sacrifices, and the officiants. Perhaps the range of opinions reflects a development from lower (earth) to higher (heaven), from the material realm (sacrifice of livestock) to the spiritual (sacrifice of souls), and on to the metaspirtual (the ambiguous role of Metatron, Jesus's sacrifice, and the numinous immanence of God in the world, the *Shekhinah*).

Where it is not stated explicitly, it is assumed that in the earlier traditions (sections 36–37) the heavenly sacrifice was identical to the earthly one. When the temple still existed and sacrifices were being offered on earth, it was uniformly believed that God had created the one as a counterpart of the other. Later, after the temple was destroyed and the sacrifices abolished, the views were divided. Some sages said that since sacrifices no longer existed below, they were also set aside above. Others maintained that although sacrifices below had been abolished, those above continued. Still others adopted the latter view with the qualification that the sacrifice in heaven was only incense—the finest of sacrifices. There were those who believed that the heavenly sacrifice was essentially different from the earthly one, consisting only of righteous souls. Since some exegetes felt uncomfortable with introducing this element of corporeality into the spiritual domain, they preferred to construe the sacrifice as consisting of man's good deeds. The most scrupulous even shunned deeds for they, too, contain a trace of corporeality; they claimed instead that heavenly sacrifice is nothing but the prayer of the righteous.

This progression in the development of ideas regarding sacrifice parallels the heightening in spiritual importance of the one who offered the sacrifice. When the sacrifice was lambs and goats, the officiant was Elijah, who was originally an inhabitant of the earth. Later, when the sacrifice was incense or the souls of the righteous, Michael brought the sacrifice. Some sources were not even content with Michael, and they appointed Metatron himself as high priest.

HEAVENLY JERUSALEM

The celestial city of Jerusalem is the subject of several sources. If the earthly temple rests in Jerusalem, the heavenly temple must likewise be in Jerusalem. Resourceful aggadic literature built a celestial Jerusalem that is

parallel to the earthly Jerusalem. The idea that there is a facsimile in heaven of a grand and majestic city is also found among the Babylonians and Greeks.

58. . . . From His abundant love of the one below, He made another one above, as it is said (Isaiah 49:16), "See, I have engraved you on the palms of My hands, your walls are ever before Me." And thus said David (Psalms 122:3) "Jerusalem, that art built as a city that is compact together," that is, as a city built by God. . . . And He swore that His *Shekhinah* would not enter the one above until the completion of the one below. How beloved is Israel before the Holy One, blessed be He, for it is written (Hosea 11:9), "The Holy One in your midst: I shall not come into the city." And it says (Isaiah 52:5), "What therefore do I gain here?—declares the Lord—for My people has been carried off for nothing." And now the Lord says, what do I seek here in Jerusalem? After My people has been taken from it, there is no reason for Me to go there; I shall not go. (*Tanhuma Pekudei* 1)

59. R. Nahman said to R. Isaac: What is the meaning of the scriptural verse, "The Holy One is in your midst and I shall not come into the city." Surely it cannot be that because the Holy One is in your midst I shall not come into the city! He replied: Thus said R. Johanan: The Holy One, blessed be He, said: I will not enter the heavenly Jerusalem until I can enter the earthly Jerusalem. Is there then a heavenly Jerusalem? Yes, for it is written (Psalms 122:3), "Jerusalem, that art built as a city that is compact together." (*Ta'anit* 5a)

60. And the Lord said to me: This city will be abandoned for a time, and this people will be afflicted for a time, but the world will not overcome it. Or do you think that this is the city of which I said (Isaiah 49:16), "I have engraved you on the palms of My hands"? This city whose buildings are before you is not the city that is visible to Me, that was prepared here from the beginning, from the time that I thought of creating the Garden of Eden. And I showed it to Adam before his sin, and when he violated the commandment it was taken from him together with the Garden of Eden. And I showed it to My servant Abraham on the evening of the covenant between the pieces. And I also showed it to Moses on Mount Sinai when I showed him the pattern of the tabernacle and the pattern of the vessels. (Syriac Apocalypse of Baruch 4:1–6)

61. And while I was speaking these things, the angel came unto me who had come unto me formerly; and he saw me lying on the ground as though dead, and my understanding was confused; and he took me by my right hand and strengthened me, and set me upon my feet, and said to me: What ails you, and why are you disquieted? And wherefore is your mind confused, and the understanding of your heart? And I said to him: Because you have forsaken me! For I did as you told me and also went out into the field, and lo! I have seen—and see—that which I am unable to explain. And he answered and said to me: Stand on your feet, and I will make it known to you. And I said to him: Speak on, my Lord; and only do not forsake me lest I die before my time. Because I have seen what I do not understand, and hear what I am incompetent to grasp. Or is it that my understanding deceives me and my soul beholds a dream? But now I beseech you, my Lord, make known to your servant concerning this fearful vision.

replied: Righteous man, I come from a large city; I have been sent by the Great King. (Testament of Abraham)

A pertinent question here is whether there is any mention of a celestial Jerusalem in the Pentateuch. There are those who have no doubt that there is, but the allusions they profess to find in various biblical verses do not refer to a heavenly Jerusalem at all. Rather it is the terrestrial Jerusalem whose future days will be ones of splendor and magnificence. Others maintain that the idea of a celestial Jerusalem dates from a later period. Nevertheless there does seem to be at least one explicit biblical reference to the existence of a celestial Jerusalem.

Isaiah 49:16 states, "See, I have engraved you *al kapayim* (on the palms of My hands); your walls are ever before Me." What is meant by *al kapayim*? If it meant 'on the palms of My hands', as rendered in the Greek Septuagint or the Latin Vulgate and other translations, it should read *al kapay*. The words of the prophet Isaiah make sense only if we interpret *kapayim* as meaning *shamayim* (heaven). God says through the prophet: I never could forget you. See, I have engraved you on heaven which stands forever, and there have I prepared My seat; hence, your walls are ever before Me. Thus interpreted, Isaiah says explicitly that there is a Zion in heaven, which is also the conclusion of the Apocalypse of Baruch (section 60) and *Midrash Tanhuma* (section 58).

THE HEAVENLY TEMPLE AND CELESTIAL JERUSALEM IN THE HEREAFTER

The role of the heavenly temple and celestial Jerusalem in the End-of-Days is often described. In the hereafter, according to apocalyptic literature, the temple and its city in heaven will descend and be established in the place of the temple and the city of Jerusalem on earth.

67. And I stood up to see till they folded up that old house, and carried off all the pillars; and all the beams and ornaments of the house were at the same time folded up with it, and they carried it off and laid it in a place in the south of the land. And I saw till the Lord of the sheep brought a new house greater and loftier than the first, and set it up in the place of the first which had been folded up. All its pillars were new and its ornaments were new and larger than those of the first, the old one which he had taken away, and all the sheep were within it. (Book of Enoch I 90:28f.)

68. For behold the days come, and it shall be when the signs which I have foretold to you come to pass, then shall the city that is now invisible appear, and the land which is now concealed be seen. (IV Ezra 7:26)

69. And Zion shall come and be revealed to all, perfected in its building, as you did see the mountain that was cut out not by the hands of man. (IV Ezra 13:36)

II.1.22

And he answered and said to me: Hear me and I will teach you, and reveal to you concerning the things you are afraid of; because the Most High has revealed to you many secrets. For He has seen your right conduct, how you grieve much for people and mourn much for Zion. This, then, is the matter. The woman who appeared to you a little while ago, who was mourning and whom you began to console. And now she appears not as a woman to you, but has appeared as a city that is being built. And whereas she told you of the misfortune of her son—this is the explanation. This whom you have seen, this is Zion which you now see as a city being built. And whereas she said to you concerning herself that she had been barren thirty years—it was because she was in the world three thousand years when no offering was offered in her. And it came to pass after three thousand years Solomon built the city and offered therein offerings: then it was that the barren bore a son. And whereas she told you that she reared him with labor, that is the dwelling of Jerusalem. And whereas she said to you: my son entered into his marriage chamber and died—this was the fall of Jerusalem. And whereas you have seen her likeness, how she mourns for her sons, and you did begin to console her for what had befallen her. And now the Most High has seen that you are grieved with all your soul, and with all your heart have sorrow on her account: and He has shown the light of her glory and the beauty of her loveliness. Therefore I bade you await me in the field where no house has been built. For I knew that the Most High was about to reveal all these things to you. Therefore I bade you to come into a place where no foundation of a building is; for no work of man could remain in place where the City of the Most High was about to be revealed. (IV Ezra 10:29 ff.)

62. And thus spoke Jacob in the night when he slept on the stone and saw Jerusalem built on the earth and Jerusalem built in heaven. . . . And when Jacob saw one Jerusalem on earth and one in heaven, he said: The one built on earth is nothing, for it is said (Genesis 28:17), "This is none other than the abode of God"—this is not an abode that will remain standing for my descendants; that will only be the house of God that He builds with His hands. . . . When Moses heard these words from the mouth of the Messiah, seed of David, he was most joyful as it is said (Psalms 122:1, 3), "I rejoiced when they said unto me: Let us go unto the house of the Lord. . . . Jerusalem, that is built as a city that is compact together." (*Genesis Rabbati*, *Vayetze*, 28:17)

63. And that place of the feet of the *Shekhinah* is surrounded by 18,000 worlds, as it is said (Ezekiel 48:35), "Its circumference shall be 18,000 cubits; and the name of the city from that day on shall be The Lord is There," and that refers to the Jerusalem built in heaven. (*Midrash Kohen*)

64. But the Jerusalem above is free, and she is our mother. (Galatians 4:26)

65. But you have come to Mount Zion and to the city of the living God, the heavenly Jerusalem. (Hebrews 12:22)

66. Michael comes to Abraham in the guise of a military commander, and Abraham asks him: From what army are you, and by what way did you come? And he

II.1.21

be built in splendor and majesty and would ascend even higher and higher until it reached the throne of glory.

77. R. Eliezer b. Jacob said: Jerusalem is destined to keep rising until it reaches the throne of glory where it will say to the Holy One, blessed be He (Isaiah 49:20), "The place on earth is too constricted for me; give me a place where I may sit." (*Pesikta de-Rav Kahana* 20:7; *Canticles Rabbah* 7:5)

78. In the world to come, the Holy One, blessed be He, will extend Jerusalem until it rises to heaven, as it is said (Ezekiel 41:7), "And the side chambers were broader as they wound about higher and higher (*l'ma'ala, l'ma'ala*)" and *ma'ala* refers to heaven, as it is said (Psalms 108:5), "For Thy mercy is great above the heavens (*me' al shamayim*)." Having arrived in heaven Jerusalem says, "The place is still too constricted for me. What does the Holy One, blessed be He, do? He brings clouds and raises it to the second heaven and there is room for all." (*Tanhuma Tsav* 12)

79. "The joy of the whole earth, Mount Zion of the sides of the north, the city of the great King is beautiful in its place (*y'feh nof*)." (Psalms 48:3). What is meant by *y'feh nof*? R. Hanina bar Papa said: Beautiful because of its spreading branches (*amif* - branch). As a fig tree, rooted deep in the earth and sending up a straight trunk with branches sprading out on all sides, is called beautiful, so too Jerusalem is called beautiful because of its spreading branches—that is, the influence of Jerusalem is destined to keep enlarging and ascending, as it is said (Ezekiel 41:7), "And there was an enlarging, and a winding about still upward." (*Pesikta Rabbati* 41)

80. What does R. Johanan make of the verse (Jeremiah 30:18), "And the city shall be built upon her own mound"? He replied: It will be like a fig tree which is narrow below and broad above. So Jerusalem will expand on all sides, and the exiles will come and rest beneath it, to fulfill what is said (Isaiah 54:3), "For you shall spread out to the right and the left." This proves expansion in length. What is the proof for breadth? Because it says (Zechariah 14:10), "From the tower of Hananel to the king's winepresses." (*Canticles Rabbah* 7:5)

81. The temple—which is the glory of Israel, and the glory of the angels above and the mortals below, and all the more so the glory of the Holy One, blessed be He, and by whose brilliance the whole world is lit up, gyrates and rises up to heaven, and up to the divine chariot, and up to the throne of glory. . . . And Jerusalem is beneath the throne of glory, and this is in accord with the prophet's words (Jeremiah 17:12), "O throne of glory on high from the beginning, thou place of our sanctuary." (*Chapter on the Messiah*)

The source for the idea that Jerusalem will ascend to the temple of glory is Jeremiah 3:16–17: "And when you increase and are fertile in the land, in those days, declares the Lord, men shall no longer speak of the Ark of the Covenant of the Lord, nor shall it come to mind. They shall not mention it, or miss it, or make another. At that time they shall call Jerusalem 'Throne of the Lord', and all nations shall assemble there, in the name of the Lord, at Jerusalem. They shall no longer follow the willfulness of their evil hearts."

70. Since Moses saw the love of the Holy One, blessed be He, for Israel, he said to Him: Master of the universe, bring them and plant them there, a plant that will never be uprooted. And bring down Jerusalem from heaven and do not destroy it ever. Assemble the exiles of Israel within it and they shall dwell there in safety. Hence it is said (Exodus 15:17), "You will bring them and plant them in Your own mountain, the place You made Your abode, O Lord, the sanctuary, O Lord, which Your hands established." (*Midrash Va-Yosha*)

71. And Jerusalem, built up and perfected, came down from heaven with seventy-two pearls that radiated from one end of the world to the other, and all the nations walk by its brightness, as it is said (Isaiah 60:3), "And nations shall walk by your light." And a built-up temple descended from heaven. . . . (*Mysteries of Rabbi Shimeon ben Yohai*)

72. In the heavenly temple there is an altar and Michael, the prince of Israel, is high priest. . . . and he offers up the souls of the righteous until the temple will be built, for then the Holy One, blessed be He, will bring down the temple that is in heaven to the earthly Jerusalem. (*Midrash on the Ten Commandments*)

73. Elijah said: I see a large and pleasant city, all built up, descending from heaven, as it is said (Psalms 122:3), "Jerusalem, that is built as a city that is compact together," built up and perfect, and her people dwelling within her. . . . I see houses and gates of the righteous, their thresholds and doorposts of precious stones. And the treasures of the temple are open for all to see, and among them are Torah and peace, as it is said (Isaiah 54:13), "And all the children shall be taught of the Lord"; as it is said (Psalms 119:165), "Great peace have they that love Thy law"; and as it also says (Psalms 31:20), "O how abundant is Thy goodness, which Thou hast laid up for them that fear Thee." (*Mysteries of Elijah*)

74. In place of the destroyed Jerusalem, He shall bring down from heaven the built-up Jerusalem and a shoot out of the stock of Jesse, that is the Messiah the son of David, He shall reveal." (*Tale of Daniel*)

75. And I will write on him the name of my God, and the name of the city of my God, the new Jerusalem which comes down from my God out of heaven, and my own new name. (The Revelation to John 3:12)

76. And I saw the holy city, new Jerusalem, coming down out of heaven from God, prepared as a bride adorned for her husband. . . . And in the Spirit he carried me away to a great, high mountain, and showed me the holy city Jerusalem coming down out of heaven from God, having the Glory of God, its radiance like a most rare jewel, like a jasper, clear as crystal. It had a great, high wall, with twelve gates. . . . (The Revelation to John 21:2, 10)

These citations, though some are more ancient than others, all belong to the genre of apocalyptic literature written in the period between the Old Testament and the New. Early rabbinic literature, which overlapped with the writing of some apocalyptic literature, contains no hint of a descending holy edifice. The early talmudic sages thought instead that Jerusalem would

above in this chapter. In fact, there is not a single sentence in early rabbinic literature that unequivocally fits Plato's doctrine of Ideas.

Even the famous statement of Rabbi Oshaya at the beginning of *Genesis Rabbah* (1:1) which, because of its external similarity to Philo's parallel statement, a number of scholars have taken as a striking example of the doctrine of ideas, differs completely from the intention of Philo's argument. "In human practice," said R. Oshaya, "when a mortal king builds a palace, he builds it not with his own skill but with the skill of an architect. The architect, moreover, does not build it out of his head, but employs plans and diagrams to know how to arrange the chambers and the wicket doors. Thus God consulted the Torah and created the world."

This allegory, almost verbatim, is found in Philo. What greater proof, then, that R. Oshaya drew on Philo; if not directly from his books, then by way of the early Church Father Origen. So say the scholars. However, if we compare the end of R. Oshaya's statement with the end of Philo's, we find that they are poles apart. Philo concludes (*On the Creation* I, § 19): "Just such must be our thoughts about God. We must suppose that when He had a mind to found the one great city. He conceived beforehand the models of its parts, and that out of these He formed and brought to completion a world discernible only in the mind, and then, with that pattern, the world which our senses can perceive."

R. Oshaya, on the other hand, says: "God consulted the Torah and created the world." The Torah, though, has no forms, no pictures, etchings, or sketches; it has only letters and numbers. Hence, R. Oshaya can only have been referring to the method of combining letters, as Rav explained in *Berakhot* 55a: "Bezalel knew how to combine the letters by which the heavens and earth were created." This same method was used by the author of the *Sefer Yezirah* and, of course, the Pythagoreans.

Neumark also suggests that an example from aggadic literature exemplified the doctrine of Ideas. He quotes Joshua ben Levi from tractate *Rosh Hashanah* (11a): "All creatures of the creation were brought into being with their full stature, their full capacities, and their full beauty." Neumark continues: "Whereas earlier, people had not gone beyond describing the Torah as Logos, or saying of particularly sacred and respected things that they had preceded the world, R. Joshua ben Levi extends the doctrine of Ideas to all creation. But what follows from this system, without deviating a hairsbreadth, is that Ideas are ancient." It is doubtful, however, that there is a magnifying glass powerful enough to enable us to find in R. Joshua ben Levi's statement any hint of these matters. When Neumark cites a medieval responsum of R. Hai Gaon that corroborates his findings, he neglects to note that the Gaon mentions this interpretation, only to reject it utterly.

All this is not to imply that the Jewish sages accepted nothing of Plato's philosophy. On the contrary, there are views expressed not only in the aggadic corpus but in halakhah as well, that bear the mark of Plato. His

II.1.26

Citing this verse, aggadic literature unambiguously proclaims that Jerusalem is destined to be the 'Throne of the Lord'. Earthly Jerusalem will ascend higher and higher until it reaches the throne of glory. And where is the throne of glory? In the heavenly temple. The heavenly temple is in heavenly Jerusalem. Heavenly Jerusalem and earthly Jerusalem will be joined together into one city and one temple.

The apocalyptic writers believed that heavenly Jerusalem with its heavenly temple will replace earthly Jerusalem and its temple. Judging by the sources (The Book of Enoch, IV Ezra, The Revelation to John), this view is ancient. It is curious that there is no mention of the descent of heavenly Jerusalem in rabbinic literature. Perhaps the rabbis rejected this notion because it was accepted by the Christians. Although the idea of descending was Jewish in origin, its having been appropriated by outsiders would be sufficient cause for the rabbis to proscribe it. This notion is also uncomfortably close to the Christian premise that the spirit descended to earth and turned into rain. It is interesting that in lands under Arab rule during the medieval period, where the reason for the rabbinic rejection of Jerusalem's descent was unknown, the notion of a heavenly Jerusalem descending and supplanting its earthly counterpart reappeared in the geonic literature of the time.

A FOOTNOTE: COMPARING THE DOCTRINE OF IDEAS TO THE DOCTRINE OF PREEXISTING HARMONY

Manuel Joel, a nineteenth-century German rabbi and scholar, writes in *Blicke in die Religionsgeschichte*: "The view that heaven is a model of this world stems from Plato. And among the seven heavens of the Talmud there is *z'vul* (the fourth heaven), where celestial Jerusalem and the temple and altar are found. On this altar Michael, the great prince, daily offers up the souls of the righteous." Our sources beg to differ with this interpretation of Plato's philosophy that claims the temple and altar are only in the mind. As Aristotle himself noted, in Plato's system ideas are models of the natural world. There is nothing in the Platonic world of ideas that corresponds to arts or crafts or anything else not found in nature. This point further undermines any attempt to interpret the heavenly temple and altar as Platonic ideas.

In his *Geschichte der jüdischen Philosophie des Mittelalters*, David Neumark, the early twentieth-century scholar and philosopher of Reform Judaism, asserts: "Also the doctrine that 'the tabernacle and its appurtenances are in the mind', which we find in Philo and the Amoraim (talmudic sages from the fourth and fifth centuries), has been handed down to us in the name of Rabbi Akiva (*Sifre, Beha'alot'kha* 61)." Neither the Amoraim nor Rabbi Akiva, however, so much as hint at 'a temple in the mind'. With respect to the statement in *Sifre*, we can conclude only that it refers to the notion of a vision or forms created by God for Moses's viewing, as discussed

II.1.25

doctrine of Ideas is not among them, however. Aggadic literature adapts a different pre-Platonic system—the doctrine of preexisting harmony.

In *Babylonisch-Astrales im Weltbilde des Talmud und Midrasch*, Erich Bischoff writes: "The view of the ancient East that all things on earth have their primary image in heaven was given a speculative emphasis by the Jewish sources that not only antedate Plato's doctrine of Ideas, with which it is often compared, but is also deeper. Just as Plato's Ideas are not abstract concepts—as we see in *Phaedrus*, they dwell as pure essences above the dome of heaven—all the more so did Jewish scholars understand the prototypes which come from the spirit of God and which preceded the world and will continue to be real after the world is no longer. This notion is in complete accord with the views of the ancient Near East, which the West is unable to accept."

Bischoff's observations are undoubtedly correct and well documented with respect to the general concepts of preexisting harmony and parallelism. When it comes to Jerusalem and its temple in heaven, however, we have seen that there is no record of such a view among the Jews before the time of Isaiah, and that it was the prophet who lifted the earthly temple to heaven. With that as a basis, this notion was then generalized to encompass practically everything under the sun. It was given expression in aggadic literature (*Exodus Rabbah* 33:4) as "everything God has created in heaven He has also created on earth." Similarly, most of the proofs and examples of this idea are derived from the picture of harmony between the heavenly temple and its earthly counterpart. From the earthly Temple the terrestrial world was created; correspondingly, the celestial world emanated from the heavenly temple.

PRIMARY SOURCES

MIDRASHIM

Genesis Rabbati
 Genesis Rabbah
 Exodus Rabbah
 Canticles Rabbah
 Lamentations Rabbah
 Mekhilla
 Midrash Tannaim
 Midrash Tehillim
 Pesikta de-Rav Kahana
 Pesikta Rabbati
 Seder Olam Rabbah
 Tanhuma Naso
 Tanhuma Noah
 Tanhuma Pekudei
 Tanhuma Tsav
 Tanhuma Vayakehel

TALMUDIC SOURCES

Babyloni:
 Sanhedrin
 Berakhot
 Menahot
 Hagigah
 Ta'anit
 Rosh Hashanah
Jerusalem:
 Berakhot
Minor Tractates:
 Avot de-Rabbi Nathan

II.1.27

MINOR MIDRASHIM

Alphabet of Ben-Sira
 Midrash Avkir
 "The Lord by Wisdom . . ."
 Midrash Kohen
 Seder Gan Eden
 Midrash Va-Yosha
 Mysteries of Elijah
 Mysteries of R. Simeon b. Yohai
 Midrash on the Ten Commandments
 Tale of Daniel
 Chapter on the Messiah

MIDRASH ANTHOLOGY

Ein Ya'akov

MEDIAVAL MYSTICAL LITERATURE

Sefer Raziel
 Sefer Yezirah

MEDIAVAL YEMENITE COMMENTARY

Abou Manzur al Dharni on Deuteronomy

APOCALYPTIC LITERATURE

Assumption of Moses
 Book of Enoch I
 Book of Enoch II
 Syriac Apocalypse of Baruch (II)
 Greek Apocalypse of Baruch (III)
 IV Ezra
 Testament of Abraham (Greek)
 Testament of Levi

OLD TESTAMENT (Aramaic Translation)

Targum Chronicles I
 Targum Jonathan

NEW TESTAMENT

Book of Revelation
 Galatians
 Letter to the Hebrews

CHURCH FATHERS

Jerome—Commentaries on Amos and Zechariah
 Questiones Bartholomaei

II.1.28

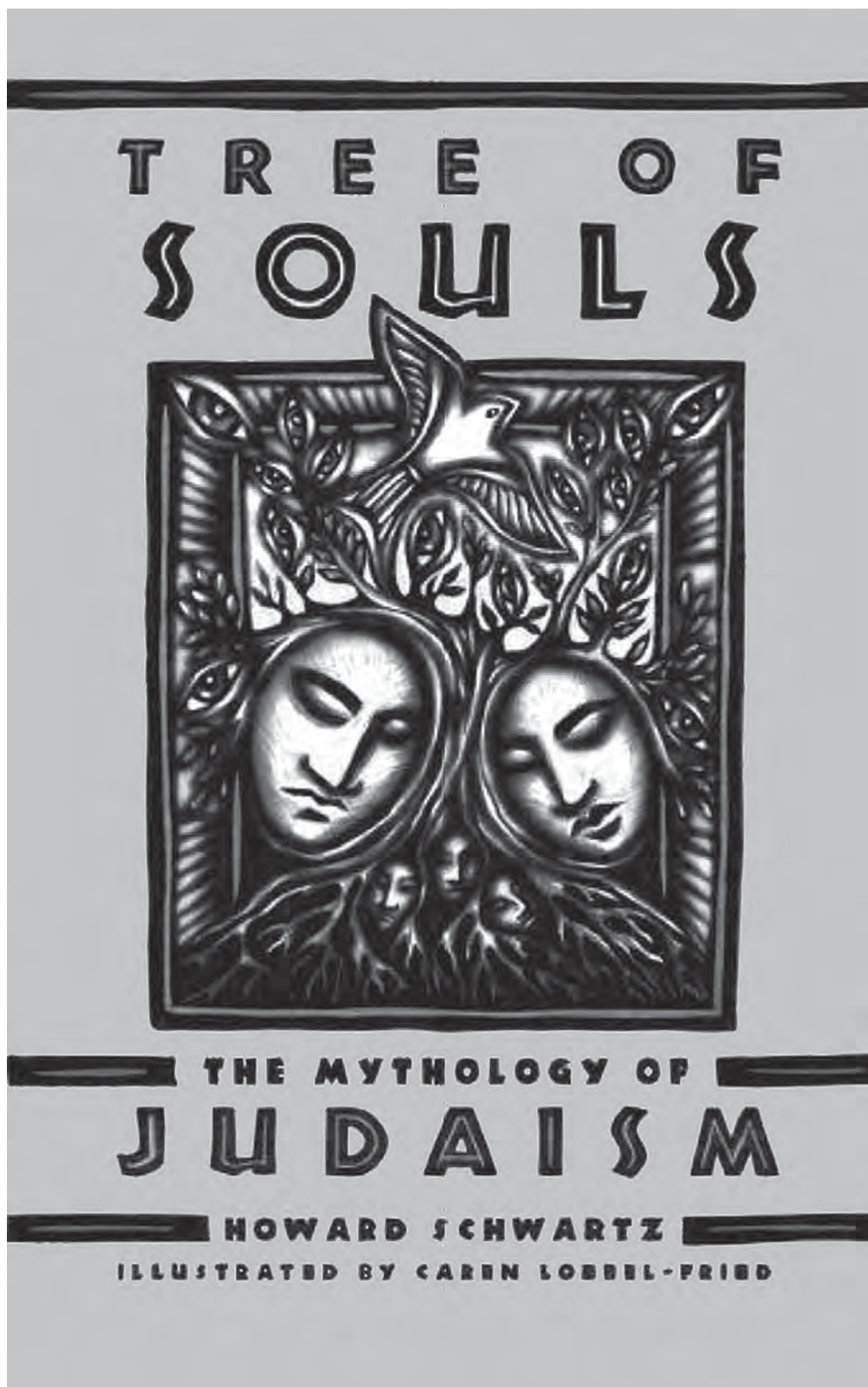
BACKGROUND READING ON THE SOURCES

- Encyclopedia Judaica*, 1972 ed. S.v. "Midrash."
 Russell, D.S., *Between the Testaments*, London: SCM Press, 1960.
 Urbach, E.E., *The Sages*, 2 vols. Jerusalem: Magnes, 1979.

ENGLISH TRANSLATIONS

- Charles, R. H. ed., *The Apocrypha and Pseudepigrapha of the Old Testament*. Oxford: Clarendon, 1913.
Mekhilla de-Rabbi Ishmael. Philadelphia: Jewish Publication Society, 1935. Translated by J. Z. Lauterbach.
Midrash on Psalms. New Haven, CT: Yale University Press, 1959. Translated by W.C.Braude.
Midrash Rabbah. London: Soncino, 1939, 1961. Translated by H. Freedman.
Pesikta de-Rav Kahana. Philadelphia: Jewish Publication Society, 1975. Translated by W.C. Braude and I.J. Kapstein.
Pesikta Rabbati. New Haven, CT: Yale University Press, 1968. Translated by W.C. Braude.

Howard Schwartz. Tree of souls: the mythology of Judaism. P. 411-420

Sources:

B. Shabbat 33b; Beit ha-Midrash 4:22; Pesikta de-Rav Kabana 88b; Ecclesiastes Rabbah 10:8; Zohar Hadash, Ki Tavo 59c-60a; Or ha-Hamah 1.

526. LIGHT FROM THE TEMPLE

What was the source of the light that came forth when God said, *Let there be light* (Gen 1:3)? Some say it shone forth from the place where the Temple in Jerusalem would one day be built, and from there it illuminated the entire world. Surrounded by that light, God completed the creation of the world. Then God saw to it that the light of the Temple was diffused to all the world, as it is said, *God has shined forth* (Ps. 50:2).

Others say that the light was created at the site of the Temple, and had never before existed.

This holy light continued to emanate even after the Temple was built upon that place. Its source was in the Holy of Holies, in which the Holy Ark stood, and it lit up the Temple and shone forth through the windows. For there were windows in the Temple, but instead of light coming into them, it went out of them. Indeed, the windows were built for this purpose, narrow on the inside and broad on the outside, in order to send forth light into the world. And the light that shone forth from the Temple ascended to the firmament, to God's Chariot, and to the Throne of Glory, and the light filled Jerusalem and the Holy Land, and all basked in its presence. That is why it is said that Jerusalem is the light of the world.

This myth about the origin of the first light derives from the verse *And the earth was lit up by His Presence* (Ezek. 43:2), where "Presence" is identified with the Temple in Jerusalem. There is a suggestion in this myth that the light pre-existed, and that the site on which the Temple was built was sacred from the time of Creation, if not before. *Genesis Rabbah 3:4* states: "The light was created from the place of the Temple." This has theological implications, as it suggests that God created the universe out of existing materials. See "God's Garment of Light," p. 82.

The question of whether God used pre-existing materials in creating the world was a highly controversial one among the ancient rabbis, who considered it an esoteric matter. Rabbi Bar Kappara took the position that the Torah reveals that God did make use of pre-existing material, while Rav compared this to building a palace on a garbage dump, and Rabbi Jose ben Haninah asserted that the suggestion that God made use of pre-existing materials such as darkness, chaos, and void (*tohu* and *vohu*) impaired God's glory. (*Genesis Rabbah 1:5*).

The notion that light pre-existed also is found in Isaiah 45:7: *I form the light and create darkness*. Here the important distinction is between "form" (*yotzer*) and "create" (*borei*), with "form" suggesting that the light already existed, while "create" refers to something that was brought into being *ex nihilo*.

Midrash Tehillim presents a very terse version of this myth, asking where God diffused the light, with the answer that God had diffused it from the Temple. This is linked to the verse *And the earth was lit up by His Presence* (Ezek. 43:2) Here the phrase "the earth was lit up" is understood to mean the Temple. From this derives the interpretation that the light itself came from the place of the Temple.

Genesis Rabbah 60:19, however, offers a different source for the light: "Who is the light of Jerusalem? God, as it is said, *Yahweh shall be your light everlasting*" (Isa. 60:19).

This myth is likely of Jewish-Gnostic origin, as there was a primary Gnostic belief that light pre-existed the chaos that preceded creation. For an example of this Gnostic myth, see *On the Origin of the World 2:97-98*: "Seeing that everybody says that nothing existed prior to chaos, I shall demonstrate that they are all mistaken, because they are

412 **MYTHS OF THE HOLY LAND**

not acquainted with the origin of chaos, nor with its root After the natural structure of the immortal beings had completely developed out of the infinite, a likeness then emanated and became a product resembling the primeval light."

A related myth in *B. Ta'anit* 10a states that the Land of Israel was created first, and the rest of the world came afterward. This land is watered first, according to this myth, because it is watered by God Himself, and the rest of the world is watered through a messenger of God. Both myths, that of light from the Temple and that *Eretz Yisrael* was created first, insist on the centrality of the Land of Israel.

Sources:

B. Ta'anit 10a; *B. Hagigah* 12a; *Genesis Rabbah* 1:5, 3:4, 3:6, 11:2, 42:3, 60:19; *Midrash Tehillim* 104:4; *Pesikta de-Rav Kahana* 21:5; *Midrash Kohen* in *Beit ha-Midrash* 2:27; *Sefer Eliyahu* in *Beit ha-Midrash* 3:68-78; *Zohar* 1:263a.

Studies:

The Enthronement of Sabaoth: Jewish Elements in Gnostic Creation Myths by Francis T.

Fallon, pp. 10-24.

Man and Temple by Raphael Patai, pp. 54-104.

527. GOD BUILDS THE HEAVENLY TEMPLE

When the time drew near for Moses to take leave of this world, God took him up to the highest heavens and showed him his reward as well as what was destined to take place in the future days. There Moses saw God building the sanctuary of the Temple out of precious stones and pearls, and out of the splendor of the *Shekhinah*. So too did Moses see the Messiah, the son of David, standing there, as well as his own brother, Aaron.

Aaron said to Moses, "Do not touch me, for no one may enter here until he gives up his soul and tastes the taste of death. Otherwise the flame of the *Shekhinah* will consume you." When Moses heard Aaron's words, he fell on his face and pleaded, "Master of the Universe, let me speak with your Messiah before I die." God gave His consent and said to an angel, "Go, teach Moses my great Name so that the flame of the *Shekhinah* will not consume him when he sees the Messiah."

When Moses had been taught the Name, he said to the Messiah, "Will God build a sanctuary on earth like the one He is building here in heaven?" The Messiah replied: "The house that God is building with His hands in heaven will exist for Israel until the end of all generations. While your father Jacob was sleeping, he saw the Temple that God will build on earth and the one being built in heaven. Jacob understood that this heavenly House would exist for Israel forever, until the end of all generations. That is what Jacob meant when he awoke from his dream of the ladder reaching to heaven and said, *This is none other than the abode of God, and that is the gateway to heaven* (Gen. 28:17). And when the time comes, God will bring this heavenly Jerusalem down to earth."

When Moses heard these words from the Messiah, he rejoiced greatly and turned his face toward God and said, "Master of the Universe, when will You bring down this Temple that is now being built?"

God said, "I have not disclosed this to any living being, neither to the first ones or the last. Shall I tell you?"

Moses said, "Master of the Universe, give me a hint."

God said, "I will scatter the Israelites to the four corners of the earth, but one day I will bring them back to the Land of Israel."

Moses descended from heaven contented. Then he gave his soul to God with a perfect heart and a longing soul.

Here God brings Moses into heaven before his death to show him his heavenly reward and also to reassure him about the future destiny of Israel. There Moses is reunited with his deceased brother, Aaron, and he also meets the Messiah. This myth is significant because Moses himself is the model for the Messiah. Indeed, for the Samaritans Moses was a figure of messianic proportions. The myth also confirms the inevitability of subsequent Jewish history—the building of the Temple on earth as a mirror image to that already existing in heaven, and the eventual coming of the Messiah. While God's purpose in this myth is to reassure Moses, the real purpose is to reassure the Jews that despite their trials, God's plan for Israel would ultimately be fulfilled. For a similar heavenly encounter see "Jacob's Heavenly Vision," p. 357.

This intriguing midrash builds both on the dream of Jacob (Gen. 28:12-17), and especially on the verse *This is none other than the abode of God* (Gen. 28:17), as well as on the tradition that Moses did not only ascend to the top of Mount Sinai to receive the Torah, but ascended all the way into heaven. In the most famous version of this legend, found in *B. Shabbat* 88b-89a, God reaches down and pulls Moses into heaven, so that he finds himself standing before God's Throne of Glory and sees God creating the crowns of the letters of the Torah. In the version from *Pesikta Rabbati* 20:4, Moses sees the angel Sandalphon standing behind God's throne, and God steps down from His throne to reassure Moses. In this version from *Bereshit Rabbati*, Moses sees God building the heavenly Temple. Note that in the earlier midrash, God is creating the crowns of the letters of the Torah and here He is building the heavenly Jerusalem. Thus is God portrayed as taking an active role in the process of creation, especially as it relates to the people of Israel.

This midrash also builds on the existing legends about the death of Moses. In most of these, Moses is very reluctant to die, and resists the Angel of Death. Here both God and the Angel of Death politely refrain from threatening to take Moses' soul until he is ready to release it. Still another midrash, in *B. Sota* 14a, asserts that Moses did not realize he was dying and was unaware of what was happening to him. In *Likutei Moharan* 1:4, Rabbi Nachman of Bratslav explains this by saying that Moses gave himself completely to God, so that when God spoke to him he was unaware of his own existence. Therefore he was unaware of his own death.

The version of this midrash found in *Bereshit Rabbati* takes an unusual turn in suggesting that God will bring the heavenly Temple down to earth. At first this might appear to be a way to describe the messianic era as if it were heaven on earth. But, in fact, it is probably intended to be understood literally, as it is described in another text, *Tefillat Rabbi Shimon ben Yohai* in *Beit ha-Midrash* 3:78-82: "Then a fire will come down from heaven and consume Jerusalem Then the perfect, rebuilt Jerusalem will come down from heaven Then the already constructed Temple will descend from heaven, for it is bound to the celestial abode, as Moses saw by the Holy Spirit: *You will bring them and plant them* (Exod. 15:17)." It seems likely that these texts are referring to the same tradition, in which the heavenly Jerusalem would descend to earth at the time of the advent of the Messiah. See "The Descent of the Heavenly Temple," p. 512.

However, the version of this myth found in *Pesikta Rabbati* suggests that rather than bring the heavenly Temple down to earth, God will see to it that an earthly Temple will be built. Also, in this version Moses asked to know when the earthly Temple would be destroyed and God tells him that although it will be destroyed and the people of Israel will be scattered among all the nations, the day will come when He will gather all those who were exiled.

See "The Ascent of Moses," p. 261.

Sources:

B. Sota 14a; *B. Shabbat* 88b-89a; *Pesikta Rabbati* 20:4; *Bereshit Rabbati* in *Beit ha-Midrash* 6:22-23; *Midrash Konen* in *Beit ha-Midrash* 2:34; *Midrashei Geulah*.

Studies:

"The Celestial Temple as Viewed in the Aggadah" by Victor Aptowitz.

414 **MYTHS OF THE HOLY LAND****528. THE HEAVENLY JERUSALEM AND THE EARTHLY JERUSALEM**

Everything that God created in heaven, He also created on earth. There is a heavenly Jerusalem that mirrors the earthly city, and a celestial Temple that is the mirror image of the one King Solomon built in Jerusalem. So too was the earthly Holy of Holies a counterpart of the heavenly one. But while the earthly Temple was destroyed, along with the Holy of Holies, the heavenly Temple still exists in all its glory.

The Jerusalem on high faces the Jerusalem below. For out of God's great love for the earthly Jerusalem, He made another one on high, as it is said, *Your walls are ever before Me* (Isa. 49:16).

The Jerusalem constructed in heaven is joined together with the one on earth. God has sworn that He will not enter the heavenly Jerusalem until the earthly one is rebuilt, as it is said, *I will not enter the city* (Hos. 11:9). God said, "What is there for Me in Jerusalem after My people have been taken from there?"

God created a lofty palace on high, a holy city, the supernal city of Jerusalem. Whoever wishes to enter into God's presence may do so only from this city. That is the meaning of the verse *This is the gateway to the Lord; the righteous shall enter through it* (Ps. 118:20).

One of the key principles of kabbalah is "as above, so below." The idea is that this world was created as a mirror image of heaven. Thus Jerusalem exists in both places, and there is still a heavenly Temple standing, although the earthly one was destroyed. Just as Jerusalem on earth is the holiest Jewish city, so the Jerusalem on high is the gateway to God's presence. One of the goals of the mystics who tried to ascend to Paradise was to find their way to the heavenly Jerusalem.

"As above, so below" has another important meaning—that prayer and some kinds of mystical study in this world could affect the world above. Therefore *tikkun* or repair done below, heals the world on high and brings God and His exiled Bride that much closer.

According to one version of this myth, God has vowed to stay out of the heavenly Jerusalem until the earthly one is rebuilt. This would be a great sacrifice on God's part, similar to the exile the *Shekhinah* experiences since being cast out of Her home in this world, the Temple.

Sources:

B. Ta'anit 5a; *Y. Berakhot* 4, 4:5; *Exodus Rabbah* 33:4; *Midrash Tehillim* 30:1, 122:5; *Midrash Tanhuma-Yelammedenu*, *Pekudei* 1; *Zohar* 2:50b-51a.

Studies:

Midrash Yerushalem: A Metaphysical History of Jerusalem by Daniel Sperber, pp. 82-88.

529. HOW MOUNT MORIAH WAS CREATED

In the beginning Moriah was a vale, but God decided to make it the site of His sanctuary, so that His *Shekhinah* could reside there. So He made a sign to the mountains around the valley to come together, to make an abode for the *Shekhinah*. Then all the nearby mountains moved together and fused into one. That is how Mount Moriah was created.

Others say that God created seven mountains, and of these He chose Mount Moriah as the site of the holy Temple, for that was *the mountain which God desired as His dwelling* (Ps. 68:17).

So too was Mount Sinai created out of Mount Moriah, for God said, "Since their father Isaac was bound upon this mount, it is fitting that his children receive the Torah upon it."

So Mount Sinai plucked itself out of Mount Moriah as a priest's portion is plucked out of dough, and that is how it came into being.

Mount Moriah is the mountain where God told Abraham to sacrifice Isaac (Gen. 22). However, in the midrashic tradition it becomes identified with the Temple Mount in Jerusalem, and even comes to include the place where Cain and Abel made their offerings, as well as the offering of Noah at the end of the Flood. Here it is said to have had a supernatural creation, as it was God's intention from very early in Creation that it serve as His sanctuary on earth.

Just as there is a creation myth about Mount Moriah, so there is one about how Mount Sinai was created out of Mount Moriah. This powerfully links these major biblical episodes, as well as tying them both to the Temple in Jerusalem. For the mount in Jerusalem where the Temple was built and where the Temple Mount is found today is called Mount Moriah (2 Chron. 3:7).

The image of Mount Sinai plucking itself out of Mount Moriah is compared to the priest's portion being plucked out of dough. This refers to the priest's share of the bread as mentioned in Numbers 15:20.

Sources:

Midrash Tanhuma-Yelammedenu, Va-Yera 22; Midrash Haserot ve-Yeterot 19; Midrash ha-Gadol; Midrash Tehillim 68:9; Beit ha-Midrash 5:72-73.

530. THE ALTAR OF ABRAHAM

Abraham and Isaac *arrived at the place of which God had told him. Abraham built an altar there* (Gen. 22:9). Some say that was the same altar on Mount Moriah where Adam made offerings, because the gate of the Garden of Eden was close by. Adam erected an altar to the Lord there, and on it he sacrificed an ox with one horn on its forehead. So too was it the same altar on which Cain and Abel made their sacrifices, and the same altar where Noah and his sons sacrificed.

Others say the altar that Adam built was demolished by the waters of the Flood. Noah rebuilt it, but it was demolished in the generation of the Tower of Babel. Then *Abraham built the altar there; he laid out the wood; he bound his son Isaac; he laid him on the altar, on top of the wood* (Gen. 22:9).

That was the site where in the future the Temple in Jerusalem would be built, and the place of the altar was the same as that of the Temple altar, where the High Priests made their sacrifices.

This myth presents an archetypal altar on which many of the key biblical sacrifices prior to the building of the Temple were made. It asserts that the same altar was used by Adam, Cain and Abel, Noah and his sons, and it was situated on the same holy mountain, Mount Moriah, where God directed Abraham to go to offer his son Isaac. Further, the Temple Mount, known as Mount Moriah, is believed to be set in the same place. This is an example of mythic geography, with little consideration for actual geographic location. Instead, what matters is linking together these sacrifices in order to portray the existence of this archetypal altar for sacrifices to God.

Others say that Adam and Eve lived on Mount Moriah, because the gate of the Garden of Eden was close by. Adam erected an altar to the Lord there, and on it he sacrificed a remarkable ox with one horn on its forehead. So too did Adam's sons, Cain and Abel, make use of that altar.

Sources:

Targum Pseudo-Yonathan on Genesis 8:20, 22:9; Genesis Rabbah 34:9, 34:20; Pirkei de-Rabbi Eliezer 31; Midrash Tehillim 92:6; Zohar 1:70a.

416 **MYTHS OF THE HOLY LAND****531. GOD PRAYS FOR THE BUILDING OF THE TEMPLE**

God has prayed for the building of the Temple since the days of Abraham, and even before. Why should God pray for this? Because man must build the earthly Temple first, and afterward God will send the heavenly Temple to rest upon it. All of Israel, together, is responsible for rebuilding the Temple. Everyone has an equal share, and everyone is obligated to participate. Once it is built, the earthly Temple will serve as the foundation for the one that will come from the heavens.

The ultimate stage of the messianic era will be the descent of the heavenly Temple, which will come to rest on the earthly one. See "The Descent of the Heavenly Temple," p. 512. Before this can take place, the earthly Temple must be built, or, since the first two Temples were destroyed, rebuilt. This will prepare the necessary awakening from below that must precede the descent of the Temple from on high. According to *Metzudat David*, once the earthly Temple is built, God will take so much delight in it that He Himself will carve designs on the stones in order to beautify them. Thus God prays for the building of the earthly Temple so that the time may be hastened when the messianic era begins and He can lower the supernal Temple onto it. This belief serves as one of the primary motivations of fervent groups in Israel that are devoted to the building of the third Temple despite the fact that the Muslim Dome of the Rock has already been built on what is usually regarded as the site of the Temple.

Sources:

Genesis Rabbah 56:10; *Tikkunei ha-Zohar* 21, p. 60b; *Emunot ve-ha-De'ot* 8, chap. 5-6; *Em ha-Banim S'mehah*; *Metzudat David*; *Ezrat Kohanim*.

532. THE CELESTIAL TEMPLE

God's dwelling place above is directly opposite His dwelling place below. Just as there is an earthly Jerusalem, so too is there a celestial Jerusalem; just as there was an earthly Temple, so there is a celestial Temple located in the most sacred part of the heavens, not far from the Throne of Glory. The stars are its ornaments, and the angels serve as its priests.

This is the Temple of God, standing on the summit of the firmament, its brilliance illuminating all the rooms of heaven. A thousand hosts stand before the *Shekhinah* in the celestial Temple, calling "Holy, holy, holy." And every host consists of many thousands of ministering angels.

Some say that the celestial Temple existed on high even before the world was created, as it is said, *O Throne of Glory exalted from the first* (Jer. 17:12). Thus the upper Temple existed first, and God commanded that the lower Temple be made according to the secrets of the upper one. Others say that God began the creation of His world at the foundation stone, and built the world upon it. Then He created the Celestial Temple, as it is said, *The place You made to dwell in, O Yahweh* (Exod. 15:17).

Just as there is a High Priest in the Temple below, so there is a High Priest on high. Some say that Logos, the divine word, the first angel, serves as the heavenly High Priest. Others say that it is Metatron, while still others say that it is Michael, the prince of Israel, who serves as the High Priest, and offers sacrifices on the altar every day. What does he offer up? The souls of the righteous.

When the earthly Temple still existed, the High Priest would make sacrifices and burn incense below, while Michael would do the same on high. After the earthly Temple was destroyed, God said to Michael, "From this time forward you shall offer me the good deeds of My children, their prayers, and the souls of the righteous, which are hidden beneath the Throne of Glory."

Others say that since the heavenly Temple and the earthly one were built as counterparts as long as the one stood, the High Priest offered up sacrifices and burnt incense, and the angel Michael offered up the souls of the righteous who dwell beneath the Throne of Glory, and all the angels came to the altar with incense, and they burned it until the cloud of incense covered the canopy of heaven. But once the earthly Temple was destroyed and the sacrifices abolished, the offerings on high came to an end as well. But in the future God will restore them.

At the End of Days, when the time has come for the earthly Temple to be rebuilt, the heavens will open up, and the glory of the Temple's holiness will be revealed. Then God will bring the heavenly Temple down to the earthly Jerusalem, and the footsteps of the Messiah will be heard by one and all.

Working on the principle of "as above, so below," Jewish lore postulates the existence of a heavenly Jerusalem that is the mirror image of the earthly one, except that the heavenly Temple still stands, while that in this world has been destroyed. As is apparent from the large number of sources that refer to the celestial Temple, this was a widely recognized tradition.

Isaiah 2:3 suggests the existence of the heavenly temple: "Come, let us go up to the Mount of Yahweh, to the House of the God of Jacob" (Isa. 2:3).

Philo offers an allegorical interpretation of the two temples: "There are, it seems, two temples belonging to God, one being this world, in which the High Priest is the divine word (Logos), his own firstborn son. The other is the rational soul, the representation of the universal heaven."

See "God Builds the Heavenly Temple," p. 412.

Sources:

1 *Enoch* 14:16-20; 2 *Enoch* 20:1-4; B. *Hagigah* 12a; Y. *Berakhot* 4:5; *Genesis Rabbah* 1:4, 55:7, 69:7; *Numbers Rabbah* 12:12; *Midrash Tanhuma, Naso* 19; *Midrash Tanhuma-Yelammedenu, Pekudei* 3; *Midrash Eleh Ezkerah*; *The Testament of Levi* 3:4-6, 5:1-2, 18:6; *The Book of Jubilees* 31:14; Philo, *De Specialibus Legibus*, 1:966; Philo, *De Somniis* 1:215; *Aseret ha-Dibrot in Beit ha-Midrash* 1:62; *Alpha Beta de-Ben Sira*; *Pirkei Mashiach in Beit ha-Midrash* 3:68; *Wisdom of Solomon* 203-205; 2 *Baruch* 4:3-5; *The Apocalypse of Moses* 33; *Midrash ha-Ne'elam in Zohar Hadash* 24d-25a; *Sh'nei Luhot ha-B'rit* 2:48b; *Em ha-Banim S'mehah*.

Studies:

"The Celestial Temple as Viewed in the Aggadah" by Victor Aptowitz.

"The Angelic Liturgy at Qumran" by John Strugnell.

"The Temple Within: The Embodied Divine Image and Its Worship in the Dead Sea Scrolls and Other Early Jewish and Christian Sources" by C.R.A. Morray-Jones.

533. THE TRUE TEMPLE OF GOD

The highest and truest temple of God is the whole universe. Heaven, its sanctuary, is the holiest part of all existence. Its priests are the angels, who serve God. Its offerings are the stars, which were placed in the pure temple of heaven that they might give light.

Here Philo envisions the whole universe as a temple of God. This is related to, but distinct from, the mythic tradition that there is a celestial temple in heaven that is the mirror image of the temple in Jerusalem. Philo's description of the heavenly temple might be viewed as a metaphor, a way of saying that God inhabits all of creation. It might also be viewed as a statement that this world is God's temple.

Sources:

Philo, *De Specialibus Legibus* 1:66; Philo, *De Opificio Mundi* 55.

418 **MYTHS OF THE HOLY LAND****534. THE DESCENT OF THE HEAVENLY JERUSALEM**

Some say that in the future God will cause the Jerusalem on high to descend from heaven fully built, and will set it on the tops of four mountains: Mount Sinai, Mount Tabor, Mount Carmel, and Mount Hermon. Then the Temple will sing aloud, and the mountains will answer the song. So too will Jerusalem serve as a beacon to all of the nations, and they will walk in her light. Thus will God announce the Redemption.

One of the key events of the messianic era will be the rebuilding of the Temple in Jerusalem. In this myth the problem of rebuilding the Temple is solved by having the heavenly Jerusalem—including the heavenly Temple—descend to earth and settle on the tops of three (or in some versions, four) mountains.

Others say that a beautiful and great city, built of precious stones and pearls, will descend from heaven, resting on 3,000 towers. How will the people ascend these towers? Like clouds and winged doves, for they will become flying beings. The houses and gates of the pious will have doorposts made of precious stones. The treasures of the Sanctuary will be open to them, for there will be love of Torah and peace among them.

Still others say that Jerusalem will descend from heaven and station itself like a pillar of fire from earth to heaven. Then all who want to come to Jerusalem will see that pillar of fire and will follow its light until they reach Jerusalem. For that light will be greater than that of the sun and moon, and will make their light dim. And they will dwell in that kingdom until the End of Days, 7,000 years from the days of creation.

This myth of the descent of the heavenly Jerusalem is based on two biblical verses. One, from Isaiah, says, *In the days to come the Mount of Yahweh's house shall stand firm above the mountains* (Isa. 2:2). The other verse, *How welcome on the mountain are the footsteps of the herald announcing happiness* (Isa. 52:7), is given a mythic interpretation, where the messenger is the heavenly city of Jerusalem, here brought down to earth as a symbol of the transformation that will take place in the messianic era. This image, in itself, is quite beautiful, with the ethereal Jerusalem appearing as if in a vision, balanced on the tops of four key mountains in Jewish history. In some versions, however, it sits on the top of only the first three mountains listed, excluding Mount Hermon. This points to the different mythic meanings of the numbers three and four, both of which have key importance in Jewish lore.

An extensive description of the future Temple is found at the end of the Book of Ezekiel 40-48, beginning with a vision: *The hand of Yahweh came upon me, and He brought me there. He brought me, in visions of God, to the Land of Israel, and He set me down on a very high mountain* (Ezek. 40: 1-2).

Hai Gaon portrays Jerusalem as a pillar of fire, like the one that led the Israelites through the desert at night. That is to say, allegorically, that Jerusalem is the guiding light for the Jews, and the light it casts will be that described in Isaiah 30:26: *The light of the moon shall be like the light of the sun, and the light of the sun shall be sevenfold, as the light of the seven days.*

Sefer Zerubavel describes the rebuilding of Jerusalem, with the Temple built on five mountains: Lebanon, Moriah, Tabor, Carmel, and Hermon. Here it is the Temple on top of these mountains, rather than Jerusalem itself.

In 2 *Baruch* God tells Baruch about the heavenly Temple waiting to descend: "It is not this building (the Temple in Jerusalem) that is in your midst now; it is that which will be revealed, with Me, that was already prepared from the moment I decided to create Paradise."

See "The Descent of the Heavenly Temple," p. 512.

Sources:

Pesikta de-Rav Kahana 21:4; 2 *Baruch* 4; *Pirkei Mashiah* in *Beit ha-Midrash*, 3:69;

Responsum, Hai Gaon, in *Ta'am Zekenim* 60a-b; *Nistarot Eliyahu* in *Beit ha-Midrash* 3: 67f; *Sefer Zerubavel*; *Midrashei Geulah*; *Sefer Eliyahu* in *Beit ha-Midrash* 3:68-78.

535. THE ELEVATION OF JERUSALEM

In the future, Jerusalem will be raised up until it reaches the Throne of Glory. So too will God add to Jerusalem a thousand gardens, a thousand towers, a thousand fortresses, and a thousand passages.

This myth of the raising up of Jerusalem is the opposite of that of "The Descent of the Heavenly Jerusalem" (see p. 418). The latter speaks of the Jerusalem on high being brought down to earth, and this one of the earthly Jerusalem being raised on high. The consistent factor is the supernatural qualities associated with Jerusalem.

The myth of two Jerusalems, one on earth and one in heaven, is hinted at in the apocalyptic *4 Ezra*: In the days to come, when the signs foretold have come to pass, the city that is now invisible will appear, and the land which is now concealed be seen (*4 Ezra* 7:26-27). This notion develops in the Talmud into a myth of two Jerusalems. Rabbi Yohanan said: "Jerusalem of this world is not like Jerusalem of the World to Come. Anyone who wants to visit Jerusalem in this world can do so, but only those who are invited can ascend to Jerusalem of the World to Come" (*B. BB* 75b). At the same time, however, and in the same source, there is an alternate myth. Here, instead of bringing the heavenly Jerusalem down to earth at the time of the Redemption, it is said that God would elevate the earthly Jerusalem. Over time, the former myth of two Jerusalems became the dominant one, with the understanding that the heavenly Jerusalem would descend at the time of the Redemption.

Sources:

4 Ezra 7:26-27; *B. Bava Batra* 75b; *Pesikta de-Rav Kahana* 20:7.

536. THE CENTER OF THE WORLD

The Land of Israel is the center of the world. Jerusalem is the center of the Land of Israel. The Temple is the center of Jerusalem. The Ark is the center of the Temple. The Foundation Stone stands before the Ark, and the entire world was founded upon it. The gate to heaven is there, and it is open.

For God created the world in the same way a child is formed in the womb. Just as a child begins to grow from its navel, and then develops into its full form, so God began with the navel of the world, and from there expanded in all directions. Thus Jerusalem is the navel of the world, and its core is the altar of the Holy Temple, built upon the Foundation Stone, which forms the foundation of the world.

On medieval maps Jerusalem is often shown as the center of the world, or, as it is often called, the navel of the world. This belief, supported by Ezekiel 5:5, derives both from the importance of Jerusalem and from the tradition of the Foundation Stone, upon which the world was built. See "The Foundation Stone," p. 96. The reference to the gate of heaven derives from Jacob's dream, *This is none other than the abode of God, and that is the gateway to heaven* (Gen. 28:17).

Mekhilta de-Rabbi Ishmael offers an alternate explanation of how the Land of Israel and Jerusalem were selected, in which God did not create the world around them, but they were chosen by God after the world was created: "Before the Land of Israel was chosen, all lands were suitable for divine revelation; after the Land of Israel was chosen, all other lands were eliminated. Before Jerusalem was especially selected, the entire Land of Israel was suitable for altars; after Jerusalem was selected, all the rest of the land was eliminated. Before the place of the Temple was selected, the whole of Jerusalem was appropriate for the manifestation of the *Shekhinah*; after the place of the Temple had been selected, the rest of Jerusalem was eliminated, as it is said, *This is my resting-place for all time* (Ps. 132:14)."

420 **MYTHS OF THE HOLY LAND***Sources:*

Midrash Tanhuma, Kedoshim 10; Midrash Tehillim 91:7; Ecclesiastes Rabbah 1:1; Pirkei de-Rabbi Eliezer 35; B. Yoma 53b-54b; Midrash ha-Shem be-Hokhmah in Beit ha-Midrash 5:63; Mekhilta de-Rabbi Ishmael, Pisha 1:42-50.

Studies:

Midrash Yerushalem: A Metaphysical History of Jerusalem by Daniel Sperber, pp. 63-70.

537. THE PATRIARCHS SEEK TO COMFORT JERUSALEM

When Jerusalem was on fire and the Temple had been torn down, God said to Abraham, "Go and comfort Jerusalem. Perhaps she will accept comforting from you."

Abraham tried to comfort Jerusalem, but Jerusalem refused to be comforted. So God sent Isaac to comfort Jerusalem, and he fared no better than his father had done. Then God sent Jacob as he had Isaac, but Jerusalem would not be comforted. So God sent Moses on this mission, but still Jerusalem refused to be comforted.

Thereupon all of the patriarchs went to God and said, "Jerusalem will not accept comforting from any of us, so great is her grief." Then God said, "It is for Me to comfort Jerusalem. Since I set her on fire, I must comfort her."

The model for a biblical figure comforting Israel is found in Jeremiah 31:15, where Jeremiah imagines or has a vision of Rachel weeping over the exile of her children, the children of Israel. This myth also finds a parallel in "God's Exile with Israel," p. 61. In that case God offered to raise any one of the patriarchs from the dead to lead Israel, but Israel refused all of them. So God agreed to lead them into exile Himself.

Sources:

Pesikta Rabbati 30:3.

538. THE CREATION OF THE TEMPLE

At the beginning of the creation of the world, God foresaw that the Temple would be built, destroyed, and rebuilt. None shared in this secret, until God showed Jacob, asleep at Beth El, a vision of the Temple being built, destroyed and rebuilt again.

Since King David desired to build a Temple to God, he entreated God to show him a place for the altar. So an angel appeared to him in a vision standing over the place in Jerusalem where the altar should be located. However, the angel commanded David not to build the Temple because he had been defiled with human blood through the many years he had spent fighting wars. The angel commanded him to turn the construction over to his son, Solomon, but directed David himself to prepare the material needed for the construction—gold, silver, copper, stones, cypress and cedar wood. This David did, and when the time came for Solomon to construct the Temple, the materials he needed to build it were already in his possession.

Then King Solomon called everyone together—the rich and the poor, the princes and the priests—and he said: "People of Israel, let us build a splendid Temple in Jerusalem in honor of God. And since the Temple will be the holy place of all the people, all of the people should share in building it. Therefore you will cast lots to decide which wall you will build."

So King Solomon prepared four lots. On one he wrote North, on another South, on the third East, and on the last West. Then he had each group choose one of them. In this way, it was decided that the princes would build the northern wall as well as the pillars and the stairs of the Temple. And the priests would build the southern wall and tend the Ark

out of the mouth of the Most High proceedeth evil and good. Why was his name called Galisur? Because he reveals the secrets of God. His wings are spread out to receive the fiery breath of the holy creatures, for, were he not to do so, no creature would be able to endure it. Galisur is appointed for another kind of work: he prophesies that this year shall be a good wheat crop; the barley shall ripen, and the wine shall be cheap. And yet another kind of work: taking a thick covering of iron and spreading it on the river Rigion, he places certain people upon it opposite the angels and princes, so that they may prosper, and that their fear shall fall upon the creatures. God took Moses up and brought him across the river.

(9) After this, Moses met a troop of angels of terror that surround the Throne of Glory, and that are mightier and stronger than all the ministering angels. As soon as they espied Moses, they tried to consume him with the breath of their mouths, saying, 'What doest thou in this place of glory?' But God immediately spread the glory of His throne round about him, as it is said, 'He closeth in the face of His throne and spreadeth His cloud upon it.' Moses, thereby strengthened, returned the following answer: 'What avails the Torah to you? The Exodus from Egypt does not apply to you, nor the worshipping of strange gods, nor the taking of oaths.' At this they immediately rendered their thanksgiving to God, as it is said, 'Our Lord, how mighty is Thy name in all the earth! Thou whose majesty extends over the heavens.' From that moment every one became Moses' friend; every one handed over to him a secret cure, and even the angel of death revealed to him his secret, as it is said, 'And he gave the frankincense and atoned for the people.'

(10) Then, opening the seven firmaments, God showed him the heavenly temple and the four different hues in which the tabernacle was made, as it is said, 'And thou shalt erect the tabernacle according to the plan which thou sawest on the mount.' 'O Lord of the universe,' said

Moses, 'I do not know its form.' Then spake God to him, 'Turn to the right.' He did so, and seeing angels clothed in a colour like that of the sea, God said, 'This is blue.' 'Now turn to the left,' said God. He did so, and seeing angels clothed in white, God said, 'This is the fine linen.' Then turning in front of him and seeing angels clothed in red, God said, 'This is scarlet.' 'Now turn behind thee.' Turning behind, he saw angels clothed neither in red nor green, and God said, 'This is purple.'

(11) The Lord then opened the seven doors of the seven heavens, and revealed Himself to Israel face to face in His glory and with His crown. As soon as the Israelites heard the words, 'I am the Lord thy God' from God's own mouth, their souls departed forthwith, as it is said, 'The souls of the Israelites departed when He spoke.' The Law went forth to Israel and found them all dead. Returning to God, it said, 'Lord of the universe, to whom hast Thou given me, to the living or to the dead?' 'To the living,' said He. 'Hast thou not applied to me the verse, "It shall be thy life and the length of thy days"?' and yet here are they all dead.' 'Then for thy sake I shall restore their souls;' and causing that dew to descend which is destined to revive the dead, He thus brought them to life, as it is said, 'Thou, O God, didst send a plentiful rain; Thou didst confirm Thine inheritance when it was weary.' He then restored their souls, as it is said, 'The law of God is perfect, refreshing the soul.'

(12) There then descended, at the command of God, 120 myriads of ministering angels, of whom a pair went to each of the Israelites, one to place his hand upon his heart to prevent his soul from departing, and the other to straighten his neck that he might behold God. But why did God reveal Himself to them face to face? Because He said to them, 'Know that I reveal Myself to you in My glory and in My majesty, so that in the event of one of you leading others astray and saying to them, "Forsake your God and let us go and serve other gods," you may then say to him, "Is there anyone who, after beholding his

Creator in His glory and in His majesty and upon the throne of His glory, would go and serve other gods?'" (13) Then said the Lord to Moses, 'My angels are afraid of thee because the fire of thy lightnings is stronger than theirs. Let Michael My archangel go before thee, for My great name is engraved upon his heart, as it is said, "For My name is within him." The glory of the heights is on thy right hand, and the image of Jacob thy forefather on thy left.' Moses was inwardly pleased when he saw the Most High condescending to argue with him. All the inhabitants of the world were confused; the inhabitants of every country were astonished when they saw Moses the son of Amram, who had captured the King's daughter (the Law), descending in great exultation, as it is written, 'Thou didst ascend on high; thou didst take captive and receive presents for man.' It is further written, 'A wise man scaleth the city of the mighty, and bringeth down the strength of the confidence thereof.' The mountains and hills skipped like rams when they saw the canopy erected, and the daughter of God as a bride decked with precious stones. The daughter of God is the Torah (Law), and the precious stones represent the twelve tribes, who said, 'All that the Lord has spoken we shall do and hearken thereunto.' As soon as they exclaimed, 'We shall do and we shall obey,' there descended 120 myriads of ministering angels, who placed two crowns upon every one of the Israelites: one because they said, 'We shall do,' and the other because they exclaimed, 'We shall obey.' And the glory of the Lord was revealed from heaven, from the habitation of His holiness. He gave the Torah to the children of Jacob, His chosen one, and gave them righteous judgments, a true law, statutes and commandments for their good, by which to prolong the life, to obliterate the sins, and to sow the seeds of righteousness.

LIII. (1) The sages say that while the Israelites were travelling in the wilderness they were surrounded by seven clouds of glory, one in front of them, one behind them, two on each side, and one above them to protect them from the

Зогар II, 222a-b, 240a-241a

[2:222a]

Pequdei

“Come and see: This Dwelling was susceptible to calculation, and therefore it needed the prayer of Moses for blessings to settle upon it, as is written: *Moses blessed them* (Exodus 39:43). What blessing did he give them? ‘May it be the Will that blessing settle upon the work of your hands.’ And no blessings settled upon this counting until Moses bound it above, as is written: *These are the reckonings of the Dwelling, the Dwelling of Testimony, that were reckoned by the word of Moses*—for if the counting had not been performed by Moses, they could not have done it, as is written: *that were reckoned by the word of Moses.*”²⁴

He opened, saying, “*The word of YHVH came to Elijah. . . . ‘Rise, go to Zarephath of Sidon, and stay there; behold, I have commanded a widow there to sustain you’* (1 Kings 17:8–9). Now, where did the blessed Holy One command her? Well, before [Elijah] came to the world, the blessed Holy One issued a decree above that the ravens should bring food to Elijah and that this woman should bring him food. What is written? [222a] *She said, ‘As YHVH lives, I have nothing baked, only a handful of flour in a jar and a little oil in a jug. . . .’* (ibid., 12). Now, here is a measurement of that flour, containing only *a handful of flour in a jar*—that is its measure—and it is not fitting that any blessings should settle upon it since

269

khinah, who is symbolized by the Temple (and the Dwelling). Although the term כבוד (*kavod*), “glory,” can apply to *Tiferet* (symbolized by the sun), in Messianic time it will apply to *Shekhinah* (symbolized by the moon), whose light will then match Her partner’s. *Shekhinah*’s current state of being “susceptible to calculation” is exemplified by *the reckonings of the Dwelling*, when the Tabernacle was first erected. However, the Messianic Temple will be boundless.

On the Temple (or Zion) as *resting place*, see Psalms 132:14; below, note 392. On “glory” referring to *Tiferet*, see *Zohar* 1:237a; 2:162a. On *Shekhinah* as being associated with calculation, see *Zohar* 1:46b (Vol. 1, p. 248, n. 1105); 3:220b.

On the incompatibility of blessings with that which can be counted, see BT *Ta’anit* 8b: “Blessing is not found in anything weighed, measured, or counted, but only in that which is hidden from the eye.” See *Bereshit Rabbah* 6:4; *Pesiqta de-Rav Kahana* 10:6; *Pesiqta Rabbati* 25, 127b; *Tanhuma, Re’eh* 14; *Tanhuma* (Buber), *Re’eh* 12; *Zohar* 1:5a, 64b, 202a; 2:187b, 219a, 225a, 227b; 3:117b.

The verse in Isaiah reads: *The light of the moon will be as the light of the sun, and the light of the sun will be sevenfold, as the light of the seven days* [of Creation]. See BT *Hullin* 60b (quoted above, p. 255, n. 450).

24. it needed the prayer of Moses . . . Normally, anything that can be calculated cannot receive blessing, so the Dwelling (which was reckoned) needed the prayer of Moses, who symbolizes *Tiferet*. To ensure the flow of blessing, Moses bound *the Dwelling* (symbolizing *Shekhinah*) to *the Dwelling of Testimony* (symbolizing *Binah*).

In the last sentence of this paragraph, the subject of “they could not have done it” is the artisans. The full verse in Exodus 39 reads: *Moses saw all the tasks, and, look, they had done it as YHVH had commanded, thus they had done it, and Moses blessed them.* On the wording of Moses’ blessing, see *Sifra, Shemini, millu’im* 15, 44c; *Sifrei, Numbers* 143; *Tosefta Menahot* 7:8; and *Seder Olam Rabbah* 6, in all of which “*Shekhinah*” takes the place of “blessing.” On *the Dwelling and the Dwelling of the Testimony*, see above, notes 13, 18.

it can be measured. Yet what is written? *For thus says YHVH, the God of Israel: The jar of flour will not be used up and the jug of oil will not be empty until the day that YHVH gives rain* (ibid., 14). תת (Tet), gives—written as תתן (titten), you will give. Why? Because in the whole generation there was no one as worthy as this woman, and therefore it is written *titten—you will give rain upon the world since your merit is so great.*²⁵

“It is written: *The jar of flour was not used up and the jug of oil was not empty, just as YHVH had spoken through Elijah* (1 Kings 17:16). Now if that flour—which was susceptible to measurement, being a *handful of flour*—did not run out of blessings by virtue of the word of Elijah, as is written: *The jar of oil was not used up, then the Dwelling of Testimony*, although susceptible to counting, because it was reckoned by Moses all the more so do blessings dwell within it! Therefore it is written: *These are the reckonings of the Dwelling, the Dwelling of Testimony, that were reckoned by the word of Moses.*”²⁶

270

These are the reckonings of the Dwelling, the Dwelling of Testimony (Exodus 38:21). Rabbi Hizkiyah opened, “*He said, ‘Come no closer here. Remove your sandals from your feet . . .’* (Exodus 3:5). This verse has been established, but they have surely established that the blessed Holy One separated him from his wife so as to cleave to *Shekhinah*, as is written: *for the place you are standing on is holy ground* (ibid.)—*holy ground is Shekhinah*. Moses cleaved in holy union above, and when the blessed Holy One bound him in heavenly love, he was appointed chief steward of the house. He would decree, and the blessed Holy One would enact, as is written: *[If] the ground gapes open its mouth [and swallows them]*, and it is written: *And it happened, just as he finished speaking [all these words, the*

25. *Rise, go to Zarephath of Sidon . . .* Elijah prophesied to King Ahab, *As YHVH lives, the God of Israel whom I serve, there will be no dew or rain these years except by my word* (1 Kings 17:1). God then told Elijah to flee and hide east of the Jordan, where ravens miraculously provided him with bread and meat daily. Afterward, God instructed the prophet to go to a certain widow who would continue to sustain him. Rabbi Abba explains that previously God had decreed both of these acts of sustenance.

In the clause *until the day that YHVH תת (tet), gives, rain* (1 Kings 17:14), the Masoretic text records the spelling תתן (titten), you will give, which is corrected to be read as tet, gives. Rabbi Abba upholds the spelling

titten, you will give, explaining that this refers to the widow, whose great merit ensures the eventual rainfall: she herself, in effect, will give rain. (The correct second-person feminine form is actually תתני [titteni].)

On Elijah’s sustenance, see *Bereshit Rabbah* 5:5; *Zohar* 2:199a. The verse in Kings reads: *The word of YHVH came to him, saying, ‘Rise . . .’*

26. *The jar of flour was not used up . . .* Normally, that which is measured cannot receive blessing. (See above, note 23.) Rabbi Abba reasons that, seeing as how the measure of flour did not run out of blessings by virtue of Elijah’s words, all the more so should blessings abide in the Dwelling, which was reckoned by none other than Moses.

[2:222a]

Pequdei

ground that was under them split apart, and the earth opened its mouth and swallowed them...] (Numbers 16:30–32). And it is written: *Arise, O YHVH! Return, O YHVH!* (ibid. 10:35–36). Why? As is written: *that פקד (puqqad), were reckoned, by the word of Moses* (Exodus 38:21)—*by the word of Moses* it was arranged *ואתפקד (ve-itpaqqad)*, and commanded, entirely.²⁷

“פקודי (*Piqqudei*), the reckonings of, the Dwelling—for here existed פקידא (*peqida*), taking account. *That פקד (puqqad), were reckoned, by the word of Moses*—as is written: *פקד פקדתי (Paqod paqadti), I have surely taken account, of you* (Exodus 3:16). *Peqida*, taking account, is by Moses, for he was the voice uttering speech, taking account of Her to come forth from exile, and now She was taken account of so that holiness would be drawn from above to below, as is written: *Have them make Me a sanctuary, and I will dwell among them* (ibid. 25:8).”²⁸

27. *Come no closer here. Remove your sandals from your feet...* According to a rabbinic tradition, as a consequence of Moses’ direct encounter with God he abstained from sexual relations with his wife. Moses became, as it were, the husband of *Shekhinah* (or “chief steward of the [divine] house”), and whatever he commanded was fulfilled by God, as in the case of the miraculous punishment of the rebels who followed Korah, or in the journeying of the ark. Rabbi Hizkiyah interprets the phrase *that פקד (puqqad), were reckoned, by the word of Moses* according to one of the various meanings of the root פקד (*pqd*): “to command.” *Shekhinah* (symbolized by the Dwelling) was commanded by her husband, Moses.

See *Midrash Tehillim* 90:5, in the name of Rabbi Shim’on son of Lakish: “Why is he [Moses] called איש האלהים (*ish ha-elohim*), man [or: husband] of *Elohim* (Psalms 90:1)? Just as a husband can, if he wishes, annul his wife’s vow, or, if he wishes, let it stand—as is said: אישה (*ishah*), *Her husband, may let it stand or her husband may annul it* (Numbers 30:14)—so, as it were, Moses said to the blessed Holy One, *Arise, O YHVH! Return, O YHVH!* (ibid. 10:35–36).”

On Moses’ celibacy, see *Sifrei*, Numbers 99–100, 103; *Sifrei Zuta* 12:1; *Targum Yerushalmi*, Numbers 12:8; Deuteronomy 5:27–28;

BT *Shabbat* 87a (and *Tosafot*, ad loc., s.v. *ve-attah*), *Yevamot* 62a (and *Tosafot*, ad loc., s.v. *di-kktiv*); *Avot de-Rabbi Natan* A, 2; B, 2; *Pirqei de-Rabbi Eli’ezer* 46; *Devarim Rabbah* 11:10; *Tanhumah, Tsav* 13; *Shemot Rabbah* 19:3; 46:3; Rashi on Numbers 12:8; Maimonides, *Mishneh Torah, Hilkhot Yesodei ha-Torah* 7:6; *Zohar* 1:21b–22a, 152b, 234b; 3:148a, 180a, 261b; *ZH* 59b, 72d–73a (*ShS*).

On God’s command *Remove your sandals from your feet* as implying sexual abstinence, see *Zohar* 3:148a, 180a; *ZH* 59b, 72d (*ShS*); *Kasher, Torah Sheleimah*, Exodus 3:5, n. 94. Cf. 2 Samuel 11:8, 11; *Zohar* 1:8b, 112b. On Moses as the husband of *Shekhinah*, see above, pp. 103–4, n. 128.

Numbers 16:30 (referring to the rebels who followed Korah) reads in full: *But if a new thing YHVH should create, and the ground gapes open its mouth and swallows them and all of theirs and they go down alive to Sheol, you will know that these men have despised YHVH.* The two verses in Numbers 10 read: *As the ark journeyed, Moses would say, “Arise, O YHVH! May Your enemies be scattered, and Your foes flee before You!” And when it came to rest, he would say, “Return, O YHVH, to the myriads of thousands of Israel!”*

28. here existed פקידא (*peqida*), taking account... Rabbi Hizkiyah plays with various meanings of the root פקד (*pqd*): “to

271

Bezalel son of Uri son of Hur from the tribe of Judah (Exodus 38:22).

Rabbi Yehudah said, "As has been said, Bezalel was of the right side, and he arranged everything perfectly. Furthermore, Judah was ruler and king over all

the other tribes, and from him issued the one who arranged the whole Dwelling.

"בצלאל (*Betsal'el*), Bezalel—as has been established: אל בצל (*be-tsel El*), in the shadow of God. And who is in the shadow of God? The right side. Furthermore, from this side he arranged everything, inheriting wisdom to accomplish all the work."²⁹

"And with him was *Oholiab son of Ahisamach from the tribe of Dan* (Exodus 38:23)—from the left side, namely from the side of strict Judgment. As they have established, from these two sides was the Dwelling made—configured by them, to be joined with them, between right and left, as has been said and established."³⁰

He opened, saying, "*Beautiful in loftiness, joy of all the earth...*" (Psalms 48:3). Come and see: When the blessed Holy One created the world, He cast one precious stone from beneath His Throne of Glory, and it sank into the abyss. The edge of that stone was wedged in the depths, with the other edge above. That other, upper edge is a single point located in the middle of the world, from which the world expanded to the right and to the left, while that point perdured

reckon, take account of, (and perhaps) command." Moses, symbolizing the divine voice (*Tiferet*) uttered speech (*Shekhinah*), "taking account of Her" and bringing Her forth from the exile of Egypt (which She shared with Her people). Now "She was taken account of" (or "commanded") so that She would abide among Israel in the Dwelling.

The verse in Exodus 3 reads: *I have surely taken account of you and what is being done to you in Egypt.*

29. *Bezalel son of Uri...* Bezalel symbolizes *Hesed* on the right side, from whom emanation flows to *Shekhinah*, symbolized by the Dwelling. Bezalel was descended from Judah, ancestor of the Davidic kings and linked with *Malkhut* (Kingdom).

The name בצלאל (*Betsal'el*) can be read as אל בצל (*be-tsel El*), "in the shadow of God," alluding to *Hesed*, known as *El* (God). Furthermore, *Hesed* is located directly beneath *Hokhmah* (Wisdom), which inspired Bezalel

to fashion the Dwelling. By being in the divine shadow, Bezalel received wisdom.

On Bezalel symbolizing *Hesed* and the play on his name, see above, note 6. The context in Exodus (38:22–23) reads: *Bezalel son of Uri son of Hur from the tribe of Judah made all that YHWH had commanded Moses. And with him was Oholiab son of Ahisamach from the tribe of Dan, carver and designer and embroiderer in violet, purple, and crimson and in linen.*

30. *Oholiab son of Ahisamach...* Who symbolizes *Din* (Judgment) on the left side, as implied by the name of his tribe, דן (*Dan*). The Dwelling combined elements of both the right and left sides, symbolizing how *Shekhinah* is embraced by the right and left divine arms.

For the full verse in Exodus, see the end of the preceding note. On *Oholiab*, see above, note 6.

[2:222b]

Pequdei

in the middle. That stone is called שתיה (shetiyyah), Foundation, because from it the world אשתיל (ishetil), disseminated, to all sides. Furthermore, שתיה (shetiyyah)—שת יה (shat Yah), Yah set: the blessed Holy One set it to be the foundation of the world, the planting of all.³¹

“In three [222b] ways the earth expanded around that point. In the first expansion around that point exists all clarity and purity of the earth, right there, and this is located above, over the whole earth, around that point.

“The second expansion, around that first expansion, is clarity and purity, though not like the first; it is rarefied and clear with the clarity of dust, more than any other dust.

“The third expansion is darkness and coarsest dust of all, and around this lie waters of the ocean, surrounding the whole world. Consequently, that point stands in the center, with all those types of the world’s expansion around it.

“The first expansion is the Temple, with all those chambers and courts, all its array, and Jerusalem, the entire city within the wall. The second expansion is the whole land of Israel, sanctified in holiness. The third expansion is all the rest of the earth, the habitation of other peoples; and the ocean surrounds all.

“As has been established, this mystery is the colors of the eye, surrounding that central point of the eye, which is the vision of the whole eye—resembling the central point that we mentioned, which is the vision of all, site of the Holy of Holies, the ark, and the purging cover, vision of all. Thus, that point is vision of the whole world. Therefore it is written: *Beautiful in loftiness, joy of all the*

31. *Beautiful in loftiness...* Before interpreting this verse, Rabbi Yehudah describes the Foundation Stone, from which the world was created. The single point of the upper edge of this stone is located in the Holy of Holies and symbolizes *Shekhinah*.

See *Tanhuma, Qedoshim* 10: “The land of Israel sits in the center of the world, Jerusalem in the center of the land of Israel, the Temple in the center of Jerusalem, the sanctuary in the center of the Temple, the ark in the center of the sanctuary, and in front of the ark the Foundation Stone, from which the world was founded.” See above, pp. 36–37, n. 93.

On the Foundation Stone, see *M Yoma* 5:2; *Tosefta Yoma* 2:14; *JT Yoma* 5:2, 42c; *BT Yoma* 54b; *Targum Yerushalmi*, Exodus 28:30; *Targum*, Song of Songs 4:12; *Vayiqra Rabbah* 20:4; *Pesiqta de-Rav Kahana* 26:4; *Pirqei de-*

Rabbi Eli’ezer 35; *Midrash Konen (Beit ha-Midrash, 2:24–25)*; *Zohar* 1:71b–72a, 231a; 2:50a–b (*Mat*), 91b, 152a; *ZH* 2b (*MhN*), 28a (*MhN*), 76b (*MhN, Rut*); Moses de León, *Seder ha-Rimmon*, 333; Ginzberg, *Legends*, 5:14–16, n. 39; Vol. 4, p. 248, n. 183.

The verb אשתיל (*ishetil*), “was planted” (rendered here “disseminated”), is a play on the rabbinic wording (in a number of the sources cited above, with variations): “from which the world הושתת (*hushtat*), was founded.” See *Zohar* 1:72a, 78a, 82a, 231a; 2:48b; *ZH* 28a (*MhN*); Moses de León, *Sheqel ha-Qodesh*, 74–75 (95); Liebes, *Peraqim*, 372–73. On שתיה (*shetiyyah*) as שת יה (*shat Yah*), “Yah set,” see *Zohar* 1:231a.

The full verse in Psalms reads: *Beautiful in loftiness, joy of all the earth, Mount Zion, uttermost of the north, city of the great King.*

earth, Mount Zion (Psalms 48:3). *Beautiful*—that vision is beautiful, joy of all. נוף (Nof), *loftiness*—נופא (nofa), top, of the tree, beauty of all.³²

“Come and see: Beauty of the world and vision of the world were not seen in the world until the Dwelling was built and erected. From that moment, vision of all was seen in the world and the world was perfected. And they journeyed with that Dwelling until they reached this point: *beautiful in loftiness, joy of all*. Once they arrived there, the ark opened, saying, *This is My resting place forever; here will I dwell, [for I desired it]* (Psalms 132:14).³³

Rabbi Yose said, “This verse was uttered by Assembly of Israel when the Temple was built and the ark entered its place.”³⁴

Rabbi Ḥiyya said, “The blessed Holy One utters it, referring to Assembly of Israel when Israel performs His will. For then the blessed Holy One sits upon His Throne of Glory and has compassion on the world, and love for all prevails; then He says, *This is My resting place forever; here will I dwell, [for I desired it]*.³⁵

“Come and see: When all those artisans began to work, the very work they began was completed on its own; they began, and it completed the work all by itself. How do we know? As is written: *All the work of the Dwelling of the Tent of Meeting was completed* (Exodus 39:32). Similarly, *The heavens and the earth were completed* (Genesis 2:1). Now, you might say, ‘God completed on the seventh day

274

32. this mystery is the colors of the eye... The white of the sclera surrounds the color of the iris, which surrounds the pupil—“the central point,” where the power of vision is located. This central point corresponds to the Foundation Stone, which is the central point of the world and site of the Holy of Holies—symbolizing *Shekhinah*, who reflects all the *sefirot* and includes within Herself images of all being.

On the significance of the eye, see *Derekh Erets Zuta* 9:13 (*Derekh Erets*, ed. Higger, 7:38), in the name of Shemu’el the Small: “This world resembles a human eyeball. The white in it [i.e., the sclera] is the ocean, surrounding the whole world. The black in it [i.e., the iris] is the [inhabited] world. The pit in the black [i.e., the pupil] is Jerusalem. The visage in the pit [i.e., the reflection of one’s own “face” seen in the pupil of another person’s eye] is the Temple, may it be rebuilt speedily in our days and in the days of all Israel. Amen.”

See Azriel of Gerona, *Peirush ha-Aggadot*,

60, 95; *Zohar* 1:97a–b (ST), 226a; 2:23b; 3:169a. The כפורת (*kapporet*), “purging cover,” lay over the ark. For various interpretations of this passage, see *Or Yaqar*; Tishby, *Wisdom of the Zohar*, 2:570–71; *Matoq mi-Devash*.

33. until the Dwelling was built... Only then did *Shekhinah* find Her abode in the world. Israel journeyed with the Dwelling until they entered the Holy Land, where eventually the Temple was built around the central point, where the ark (symbolizing *Shekhinah*) found its permanent *resting place*.

34. This verse was uttered by Assembly of Israel... *Shekhinah* announced that now She had found Her *resting place*. On Assembly of Israel as a title of *Shekhinah*, see above, p. 10, n. 25.

35. The blessed Holy One utters it... *Tiferet* utters this verse when Israel’s virtuous behavior stimulates His union with *Shekhinah* (symbolized by the Throne). Thereby He finds tranquility and turns compassionate.

“Similarly, of the time to come is written: *I will raise the fallen booth of David* (Amos 9:11). And it is written: *Fallen, not to rise again, is Virgin Israel* (Amos 5:2). Why *not again*, which implies that at another time She did rise? Why *not again*? Well, She did rise at another time—She rose, though the blessed Holy One did not raise Her! For in the exile of Egypt the blessed Holy One raised Her, performing many miracles in order to raise Her; whereas in the exile of Babylon He did not raise Her, but She rose—and the exiles went up [to Jerusalem] as if they had no redeemer. The blessed Holy One had no desire for them, in consequence of that sin [240a] of foreign women, so He did not raise Assembly of Israel nor perform miracles and mighty deeds fittingly at that time. Therefore, it is written *not to rise again—not again*, precisely! But the blessed Holy One will raise Her, as is written: *I will raise the fallen booth of David*, and similarly, *and David their king, whom I will raise up for them* (Jeremiah 30:9). Thus, here is written *Moses raised the Dwelling*.³⁶⁶

“Come and see: When Moses erected the Dwelling, another Dwelling was erected along with it. And the supernal Dwelling established and supported all, for the supernal Dwelling is concealed and hidden high above, and the other Dwelling was erected above the Dwelling below, standing over it by the power of

388

verse in Exodus reads: *Moses erected [or: raised] the Dwelling and placed its sockets and set up its boards and inserted its bars and erected its posts.*

366. *I will raise the fallen booth of David*... *Shekhinah* is symbolized by the *booth of David* and is called *Virgin Israel*. There seems to be a contradiction between the two verses in Amos, one of which implies that God will raise *Shekhinah* while the other insists that She will not rise again. In order to resolve the contradiction, Rabbi Ḥiyya (the apparent speaker) first examines the wording *not again*, which implies that previously *Shekhinah* did rise. In fact, She did, for whereas when Israel left Egypt the blessed Holy One raised *Shekhinah* (who always accompanies Her people in exile), later when Israel returned from the Babylonian exile She rose Herself, since “the blessed Holy One had no desire for” Israel on account of their sin of intermarrying with foreign women in Babylon. However, in the time to come, *Shekhinah* will not rise again on Her own; rather, the blessed Holy One Himself will raise Her.

Then, He will restore David as the Messianic king. Similarly, by erecting the Dwelling Moses raised *Shekhinah*.

On the verse in Amos 5, see the midrashic transformation in BT *Berakhot* 4b: “נפלה ולא תפלה לא” (Nafelah lo tosil qum betulat yisra’el), *Fallen, not to rise again, is Virgin Israel*... נפלה ולא תפלה לנפול עוד (Nafelah ve-lo tosil linpol od), *She has fallen and She will not fall again. Qum betulat yisra’el, Rise, O Virgin Israel!*” Cf. *Zohar* 3:6a–b; Moses de León, *Sefer ha-Mishqal*, 122–23. On the contrast between the two verses in Amos, see *Pesiqta de-Rav Kahana* 16:8; *Pesiqta Rabati* 29, 138b.

On Israel’s sin of intermarrying in Babylon, see Ezra 9–10; BT *Berakhot* 4a; Rashi on Leviticus 18:2; *Zohar* 1:260a (*Hash*); 2:7a; 3:221a. The full verse in Amos 9 reads: *On that day I will raise the fallen booth of David, and repair its breaches, and raise up its ruins, and rebuild it as in days of old.* The full verse in Jeremiah reads: *They shall serve YHVH their God and David their king, whom I will raise up for them.* Cf. above, note 229.

[2:240a]

Pequdei

that highest Dwelling of all. As the Dwelling below was erected by Moses, so too above. How do we know? As is written: *Moses erected* תא (*et*) *the Dwelling*—*et*, precisely, indicating that two Dwellings were established by mystery of Moses.³⁶⁷

Rabbi Yose said, “*Moses erected?* But not everything was arranged yet, and there can be no erection until all is completed, member entering member. So why, *erected?*”³⁶⁸

Rabbi Yitshak replied, “By three aspects Moses erected the Dwelling. What is written? *Moses erected the Dwelling and placed its sockets and set up its boards* (Exodus 40:18). By these three aspects Moses erected the Dwelling, and by these three aspects the Dwelling ascended and the Other Side was subdued. So when Moses erected this side, the Other Side was subdued; therefore Moses erected it, and no one else.³⁶⁹

“Come and see: It is written *He placed its sockets* (Exodus 40:18). At that moment, Samael was jolted from his place, along with his forty chariots, and he fled four hundred parasangs into the demonic dazzle of the chasm of dust. Moses inserted those sockets, and this side was strengthened; then the sockets of the Other Side loosened and [its pillars] fell.”³⁷⁰

389

367. When Moses erected the Dwelling... When Moses erected the earthly Dwelling, *Shekhinah* (the sefirotic Dwelling) was also erected, and *Binah* (“the supernal Dwelling”) sustained all. The phrase “the other Dwelling” refers to *Shekhinah*, who is also indicated by the word תא (*et*). She was established by *Tif'eret*, the *sefirah* linked with Moses.

Grammatically, the word תא (*et*) is usually an accusative particle with no clear independent sense. However, already in rabbinic times, Naḥum of Gimzo and his disciple Rabbi Akiva taught that the presence of *et* in a biblical verse amplifies the apparent meaning. Here, as often in the *Zohar*, תא (*et*) alludes to *Shekhinah*, who comprises the totality of divine speech, the entire alphabet from א (*alef*) to ת (*tav*). On the significance of *et*, see BT *Pesaḥim* 22b, *Ḥagigah* 12a–b; *Zohar* 1:15b, 247a; 2:81b, 90a. On the various Dwellings, see above, notes 285, 287.

368. But not everything was arranged yet... How could Moses erect the Dwelling before all its components were fitted together, which is mentioned only later in this verse? The full verse reads: *Moses erected the*

Dwelling and placed its sockets and set up its boards and inserted its bars and erected its posts.

369. By three aspects Moses erected... The continuation of the verse explains how *Moses erected the Dwelling*. The three actions specified here (*erected the Dwelling and placed its sockets and set up its boards*) correspond to three aspects of *Shekhinah*.

In the last sentence “this side” refers to the side of holiness. On the Other Side being subdued, see above, note 365. On Moses alone erecting the Dwelling, see above, notes 266, 286.

370. *He placed its sockets*... Once the Dwelling was securely established, Samael was jolted and the whole Other Side destabilized.

The biblical term אדן (*eden*) can mean “socket, base, pedestal.” The Aramaic equivalent, סמכא (*samekha*), appears frequently in *Targum Onqelos*, rendering *eden*. Here, the plural סמכין (*samekhin*) can mean “sockets, pedestals” and also “pillars.”

“Demonic dazzle” renders טהירו (*tehiru*), which derives from an Aramaic root mean-

He opened, saying, “*On that day I will raise the fallen booth of David* (Amos 9:11). What does *on that day* mean? On the day when the blessed Holy One will execute judgment upon the world and requite the wicked of the world according to their deeds. For Assembly of Israel cannot rise from the dust as long as the wicked of Israel stand in the world. What is written previously? *All the sinners of My people will die by the sword—who say, ‘Evil will not overtake or confront us’* (ibid., 10). And following this is written *On that day I will raise the fallen booth of David*.³⁷¹

“This verse should be contemplated. *I will repair their breaches* (Amos 9:11); this should read *her breaches. And his ruins* (ibid.); this should read *her ruins*. However, *I will repair their breaches*. Whose? Of the wicked, as is written: *All the sinners of My people will die by the sword*—for then breaches will be made in Israel. So, *I will repair their breaches*.³⁷²

“*And raise up his ruins* (ibid.). Whose? David’s. For when the wicked kingdom is strengthened in the world, then this Holy Kingdom is weakened and its structure is destroyed. So, *and raise up his ruins*. For we have learned: As long as one is strengthened, the other is weakened; this one is full, and that one is desolate. So until that day, the wicked kingdom remains strong; on that day, this Holy Kingdom will be strengthened and the blessed Holy One will raise it. Thus, *and raise up his ruins*.³⁷³

“*And rebuild her as in days of old* (Amos 9:11). What does this mean? Corresponding to what is written: *The light of the moon will be as the light of the sun...* (Isaiah 30:26).³⁷⁴

ing “brightness, noon.” One class of demons is named טהרי (*tiharei*), “noonday demons.” See above, p. 113, n. 18, and below at note 450. Cf. *Zohar* 1:15a, which mentions the holy *tehiru*, “luster.” On the demonic quality of the *tehiru* in Sabbatian theology, see Scholem, *Sabbatai Ševi*, 299–302.

371. *On that day...* The blessed Holy One will only raise and restore *Shekhinah* after the wicked—including the wicked of Israel—have been punished.

372. *I will repair their breaches...* The full verse reads: *On that day I will raise the fallen booth of David, and repair פּרְצֵיהֶן (pirtseihen), their [understood to mean: its or her] breaches, and raise up הַרְסוֹתָיו (harisotav), its [or: his] ruins, and rebuild it [or: her] as in days of old.*

Since the verse begins by referring to *the fallen booth of David* (which is feminine sin-

gular in Hebrew), it should continue with the corresponding feminine form פּרְצֵיהֶּהּ (*peratseha*), *her breaches*. Why the wording *pirtseihen*, *their breaches*? Rabbi Yitshak explains that *their* refers to the wicked.

373. *And raise up his ruins...* To be consistent, the verse should read *her ruins*. However, *his* refers to David, who represents the kingdom of Israel and *Malkhut* (Kingdom). When Israel’s enemy dominates the world, the Holy Kingdom Herself is weakened.

On the contrast between the wicked kingdom and the Holy Kingdom (one being full, and the other desolate), see above, notes 292, 341.

374. *And rebuild her as in days of old...* *Shekhinah* is symbolized by the moon, whose diminished light will one day be restored, becoming as bright as the sun.

The verse in Isaiah reads: *The light of the*

[2:240b]

Pequdei

"Moses erected the Dwelling (Exodus 40:18). How did he erect it? As is written: *He placed its sockets*—he placed those sockets underneath, on which [the boards] stood, and in which hinges of the doors revolved, for those sockets underneath enable revolving.³⁷⁵

"Why he conveyed? He arranged and strengthened them potently. At that moment, the other sockets—of the Other Side—were eliminated.³⁷⁶

"Similarly, it is written: *Remember, O YHVH, the Edomites, on the day of Jerusalem, saying: 'Raze it, raze it to its foundation!'* (Psalms 137:7). So, the blessed Holy One will one day build the foundations of Jerusalem out of another element that will prevail against all. What is that? Sapphire, as is written: *I will lay your foundations with sapphires* (Isaiah 54:11), for these are supernal, mighty foundations and supports, without any weakness like the first ones. How so? Over the former stones [240b] of the foundations, other nations could prevail. Why? Because they lacked suitable supernal radiance. But these will shine with supernal radiance and be embedded in the abyss, so that no one can overpower them. These are sapphires that will shine above and below, for at that time supernal radiance will increase above and below.³⁷⁷

391

"Now, if you say, 'Those former foundations will be nullified,' look at what is written: *Behold, I will set your stones בפרך (ba-pukh), with antimony* (Isaiah 54:11)! *Will set*—mending what is broken. What is *ba-pukh*? As is said: *She painted her eyes ba-pukh, with kohl* (2 Kings 9:30)—there are stones called *pukh*. Why this?³⁷⁸

moon will be as the light of the sun, and the light of the sun will be sevenfold, as the light of the seven days [of Creation]. See above, p. 169, n. 178; p. 255, n. 450 (quoting BT Hullin 60b).

375. How did he erect it?... The full verse reads: *Moses erected the Dwelling and placed its sockets and set up its boards and inserted its bars and erected its posts.* Two tenons were cut into the bottom of each upright board to fit into the sockets. (See Exodus 26:15–25). *Targum Onqelos* renders the term יד (*yad*), "tenon," as ציר (*tsir*), which actually means "hinge, pivot." Here Rabbi Yitshak elaborates on this sense.

376. Why he conveyed?... The verse reads: *Moses erected the Dwelling ויתן (va-yitten), and gave [i.e., placed, set], its sockets.* ... Rabbi Yitshak focuses on the hyperliteral meaning, *gave*, and explains that Moses conveyed power to the holy sockets, thereby

weakening and eliminating the demonic sockets. As explained above (note 370), the Aramaic term סמכין (*samekhin*) can mean "sockets" and also "pillars."

377. Similarly, it is written... The strengthening of the holy sockets weakens the demonic sockets. Conversely, the razing of Jerusalem empowers Israel's enemy, the Edomites (who represent Rome). Eventually, though, Israel's enemies will be defeated and Jerusalem will be restored. Previously, the enemy was able to prevail because Jerusalem's foundation stones lacked sufficient divine radiance, but in the time to come the stones will sparkle brilliantly and be firmly embedded and impregnable.

378. Those former foundations will be nullified... Not so, for Isaiah prophesies that God will set your stones, mending what is broken.

In the verse from Isaiah, פרך (*pukh*) refers

Rabbi El'azar said, "It is secret—a secret transmitted to the Reapers of the Field."³⁷⁹

"Come and see: Heaven forbid that those foundation stones of Zion and Jerusalem ever fell into the power of other nations or were burned by them. They were not burned, but rather all hidden away, treasured by the blessed Holy One. All those foundations of the holy House were treasured away—not even one of them was lost. And when the blessed Holy One will once again establish Jerusalem in its place, those original stones will return to their positions. No other eye will be empowered to see them except when a person paints his eyes with that *pukh*, antimony, filling his eyes with it. He will then see all the stones and foundations of Jerusalem arranged in place, not dominated by other nations, and all other precious stones and stone buildings standing erect."³⁸⁰

"Then, *For eye-to-eye they will see* בשוב יהיה ציון (*be-shuv YHVH tsiyyon*), *as YHVH returns to Zion* (Isaiah 52:8). What does this mean: *be-shuv YHVH, as YHVH returns?* Well, when other nations ruled over her, the blessed Holy One raised her above; but at that time He will return her to her place, as is written: *be-shuv YHVH tsiyyon, as YHVH returns Zion—as YHVH returns, surely!*³⁸¹

"Come and see: Anything concealed from the eye, which the eye is not empowered to see, cannot be apprehended by the eye except by applying a certain

392

to the dark mineral antimony or a semi-precious stone or hard mortar. According to the verse in Kings, Jezebel paints her eyes with a mascara called *pukh*, probably *kohl*, which is derived from antimony. The verse in Isaiah reads: *Behold, I will set your stones* בפקך (*ba-pukh*), *with antimony* [or: *turquoise, carbuncles, hard mortar*], *and lay your foundations with sapphires.*

379. *Reapers of the Field*... The Companions who harvest secrets of Torah that are sprouting in the field of *Shekhinah*.

See *Zohar* 1:156a (*ST*), 216a; 2:37a, 79b, 85b, 258a (*Heikh*); 3:106a, 127b (*IR*), 141b (*IR*), 143a (*IR*), 144a (*IR*), 214b, 297a; *ZH* 85d (*MhN, Rut*); *Or Yaqar*; Liebes, *Studies in the Zohar*, 175–76, n. 99. On *Shekhinah* as field, see Vol. 2, p. 206, n. 22.

380. *Heaven forbid that those foundation stones*... The original foundation stones were not actually seized or burned by the enemy; rather, God hid them away, and will eventually restore them. Isaiah's

prophecy—*Behold, I will set your stones with pukh, antimony*—implies that only those who paint their eyes with *pukh, kohl* (from *antimony*), will be able to see those stones.

On the concealment of the original foundation stones of the Temple, see *Nitsotsei Orot*; *Nitsotsei Zohar*; Scholem. On putting a substance in one's eyes in order to see supernatural phenomena, see *BT Berakhot* 6a: "If one wishes to see [demons], let him take the afterbirth of a black she-cat born to a black she-cat, first-born of a first-born, and let him roast it in fire, grind it to powder, and fill his eye with it, and he will see them."

381. *as YHVH returns*... Rabbi El'azar reads the intransitive verb as if it were transitive: *as YHVH returns Zion*—restoring her original foundation stones. Cf. the opposite midrashic treatment of the unusual transitive form שׁב (*shav*), "return," interpreting it intransitively! See *Mekhilta, Pisha* 14; *Sifrei, Numbers* 84, 161; *BT Megillah* 29a.

[2:240b]

Pequdei

substance to the eye: kohl. Thus, *Behold, I will set your stones with pukh, antimony* (Isaiah 54:11).³⁸²

“Come and see: All those stones will occupy their positions, forming foundations as before, and other foundations—of sapphire—will occupy other places around them, widthwise and lengthwise, as is written: *I will lay your foundations with sapphires*.³⁸³

“Of the time when the blessed Holy One will erect His House, what is written? *He will swallow up death forever* (Isaiah 25:8). *He will swallow up*—as is written: *YHVH has swallowed up without pity* (Lamentations 2:2). The cup drunk by one will be drunk by the other.³⁸⁴

“Now, you might say, ‘That prediction *He will swallow up* applies only for a certain fixed time—like Israel.’ Not so! It is written *forever*. What does this mean? For generations upon generations. Not like Israel, and not like that time when Moses erected the Dwelling; rather, the blessed Holy One will raise Assembly of Israel and set up pillars and pegs and all the ceilings of the House firmly forever and ever. For the Other Side will be swallowed up, never to rise again, and then, *The disgrace of His people He will remove from all the earth—for YHVH has spoken* (Isaiah 25:8).³⁸⁵

“*Moses erected the Dwelling* (Exodus 40:18). At the time when these sockets were set up and put in place, the sockets of the Other Side were loosened and removed from their places. Thus, ויתן (*va-yitten*), *He conveyed, its sockets* (*ibid.*). Why *va-yitten, he conveyed*? Well, we have learned that Moses saw wicked Samael coming right toward him to accuse him. Then Moses seized him and bound him, and he erected it and set its sockets, as is written: *va-yitten, He conveyed, its*

393

382. except by applying a certain substance... See above, note 380.

383. All those stones... The original foundation stones will be restored, while new foundations of sapphire will bolster them all around.

384. *He will swallow up death*... When the Temple is rebuilt, the demonic force and the Angel of Death will be totally eliminated. This positive “swallowing” counters the negative instance when the Temple was destroyed and the land depopulated, as described in Lamentations: *The Lord has swallowed up without pity all the habitations of Jacob*. Then, Israel was forced to drink the cup of God’s wrath, which will eventually be drunk by the enemy. See Isaiah 51:22–23.

385. Now, you might say... Perhaps, just as Israel suffers in exile for only a certain fixed time, so death and the demonic forces will be vanquished only temporarily. But no, this ultimate triumph will last *forever*. *Shekhinah* and Her people will be restored permanently, and unlike the temporary Dwelling in the desert, the future Temple will be established firmly and eternally.

“Pillars” renders סמכין (*samekhin*), on which see above, note 370. The full verse in Isaiah reads: *He will swallow up death forever. My Lord YHVH will wipe away the tears from all faces, and the disgrace of His people He will remove from all the earth—for YHVH has spoken*.

sockets—conveying forcefully—for no other human could overpower him and set the sockets in place except for Moses, who erected it so potently.³⁸⁶

“The day that the Dwelling was erected, when Moses began erecting it, was the first of Nisan. And that is the time when the power of the Other Side prevails in the world, for in the days of Nisan, as we have learned, the ox’s head is in a basket. In Nisan Moses began, and he saw Samael walking around him to confuse him. Moses overpowered him, and then he placed its sockets. He began, placing below; and the one beginning began, placing [241a] above—one corresponding to the other. On the day that this one was erected, another holy one was erected above; and a higher Dwelling, concealed and hidden, radiated lights in every direction, and worlds were illumined.”³⁸⁷

Rabbi Yose asked Rabbi Shim’on, “We have learned that we see three Dwellings in a verse: *On the day the Dwelling was erected, the cloud covered the Dwelling . . . , and in the evening it remained over the Dwelling* (Numbers 9:15). Look, three Dwellings here! Why a Dwelling and not a House, since a House is required, not a Dwelling?”³⁸⁸

394

386. ויתן (*va-yitten*), *He conveyed . . .* The verse reads: *Moses erected the Dwelling* ויתן (*va-yitten*), and gave [i.e., placed, set], its sockets. . . Why does the verse employ the verb *va-yitten* (literally *he gave*)? Because Moses was battling Samael and he had to “convey” power to the holy sockets, in order to weaken and eliminate the demonic sockets.

See above, note 376. On Satan’s accusations, see above, notes 16–17.

387. first of Nisan . . . See Exodus 40:17: *It happened in the first month in the second year, on the first of the month, that the Dwelling was erected.* In the biblical calendar the first month of the year is Nisan. Here, this month shares in the quality of harsh Judgment that characterizes Rosh Hashanah (the beginning of Tishrei), and it is dominated by the Other Side, who is symbolized by the ox.

See BT *Berakhot* 33a: “It was taught in the name of Rabbi Me’ir: ‘If an ox’s head is in a [fodder] basket, climb up to the roof and throw away the ladder from under you.’ Shemu’el said, ‘This applies only to a black ox and in the month of Nisan, because then

Satan is dancing between his horns.’” See BT *Pesahim* 112b.

As Moses placed the sockets in the Dwelling below, his sefirotic counterpart (*Tif’eret*) placed the sockets in the Dwelling above (*Shekhinah*). As the earthly Dwelling was erected, *Shekhinah* was erected above, and *Binah* (“a higher Dwelling”) illumined all.

See Emden, *Zoharei Ya’bets*, 60. On the dangerous quality of Nisan, see *Zohar* 3:186a. On the demonic nature of the ox, see above, pp. 78–79, n. 65. On the various Dwellings, see above, notes 285, 287.

388. we see three Dwellings in a verse . . . Why does *the Dwelling* appear three times in a single verse? Furthermore, why is there a Dwelling at all, since *Shekhinah* deserves a more permanent home?

On three Dwellings, cf. above, notes 285, 287. The full verse in Numbers reads: *On the day the Dwelling was erected, the cloud covered the Dwelling of the Tent of the Covenant, and in the evening it remained over the Dwelling like a semblance of fire until morning.*

[2:241a]

Pequdei

He opened, saying, “Thus says YHVH, *The heaven is My throne [and the earth is My footstool. Where is the house You will build for Me? And where is My resting place?]* (Isaiah 66:1). Come and see: The blessed Holy One delighted in Israel as His inheritance and share, and drew them close to Him. As we have established, He formed them into certain rungs in this world, corresponding to the pattern above, so as to complete all the worlds as one, above and below, as is written: *The heaven is My throne, and the earth is My footstool*—to complete above and below, becoming one.³⁸⁹

“Alternatively, *The heaven is My throne*—the firmament in which Jacob dwells, who is the supernal image for the holy Throne. *And the earth is My footstool*—the firmament in which King David dwells, basking in the splendor of the resplendent speculum.³⁹⁰

“Since He wished to extend further below, He said *Where is the house You will build for Me?*—the building of the Temple. *And where is My resting place?*—the Holy of Holies below.³⁹¹

“But come and see: The whole time that Israel journeyed in the desert, they had a Dwelling, until they came to Shiloh, where it remained. This is the mystery of continuing one to the other, conveying one into the other, linking one another so as to illumine—but not for rest. For there was no rest until the Temple was built in the days of King Solomon; then there was rest above and below, for there rest was embedded—no more journeying from place to place.³⁹²

395

389. *The heaven is My throne...* God selected Israel as His treasured possession. Israel’s “rungs” are apparently priests, Levites, and Israel, corresponding to *Hesed*, *Cevurah*, and *Tif’eret*. Through their holiness and devotion, Israel enables God to manifest His presence below and not only above.

For Israel as God’s “inheritance,” see Deuteronomy 32:9: *For YHVH’s share is His people, Jacob His allotted inheritance.*

390. Alternatively, *The heaven is My throne...* *The heaven* symbolizes *Tif’eret*, the rung occupied by Jacob, whose image is engraved on the divine Throne. Upon this Throne sits *Binah*. *The earth* symbolizes *Shekhinah*, the rung occupied by David, who gazes upward to *Tif’eret* (pictured as “the resplendent speculum”).

On the image of Jacob engraved on the Throne, see *Bereshit Rabbah* 68:12; 82:2; *Eikhah Rabbah* 2:2; *Targum Yerushalmi* and

Targum Yerushalmi (frag.), Genesis 28:12; BT *Hullin* 91b (and Rashi, ad loc., s.v. *bi-dyoqno*); *Alfa Beita de-Rabbi Akiva B (Battei Midrashot*, 2:415–16); *Pirqei de-Rabbi Eli’ezer* 35; *Zohar* 1:72a, 168a, 222a; Moses de León, *Commentary on the Ten Sefirot*, 338b; Wolfson, *Along the Path*, 1–62. On *Tif’eret* as “the resplendent speculum,” see above, p. 100, n. 119.

391. He wished to extend further below... To earth. Whereas in Isaiah the questions *Where is the house...?* and *Where is My resting place?* are purely rhetorical, indicating that God cannot be confined to any dwelling, here they convey God’s desire to dwell on earth.

392. The whole time that Israel journeyed... The Israelites journeyed along with the Dwelling until they crossed into the land of Canaan. Then, at Shiloh the Dwelling was set up semi-permanently. Thus, holiness

“So there is a Dwelling, and there is a House. A Dwelling, as is said: *I will place My Dwelling in your midst, and My soul will not loathe you* (Leviticus 26:11). Why *My Dwelling*? The dwelling-places of the blessed Holy One will be near Israel. Why? Because it is written *My soul will not loathe you*.³⁹³

“What is the difference between one and the other? Well, a Dwelling is like when a king comes to his friend’s house and does not bring all his troops with him; so as not to trouble him, he comes with just a few soldiers. A House—all his soldiers and all his troops accompany him to stay in that house. This is the difference between a Dwelling and a House.

“The Temple is an eternal resting place, with all those chariots, with all those forms, with all those works, corresponding to the pattern above—to join works below, corresponding above. The Dwelling—with a few forms, a few works, so that it could journey from place to place. All in mystery above.³⁹⁴

“Come and see: When the blessed Holy One commanded Moses concerning the Dwelling, he could not comprehend it until the blessed Holy One showed him the design of each and every element. How did He display it to him? In white fire, in black fire, in red fire, and in green fire. What is written? *See, and make it by their pattern [that you are shown on the mountain]* (Exodus 25:40). Even so, it was difficult for Moses.³⁹⁵

396

was conveyed from the Dwelling in the desert to the semi-permanent Dwelling in Shiloh, but there was no complete rest for the Divine Presence until the Temple was constructed by Solomon. The three references to *the Dwelling* in the verse from Numbers allude to these three stages.

See above, note 388. On Shiloh, see Joshua 18:1. Cf. Judges 18:31; 1 Samuel 1. On Jerusalem or the Temple as God’s resting place, see Psalms 132:14; *Tosefta Zevahim* 13:20; *Sifrei*, Deuteronomy 66; *Midrash Tanna’im*, Deuteronomy 12:9; JT *Megillah* 1:11, 72d; BT *Zevahim* 119a; *Pesiqta de-Rav Kahana* 20:7; *Shir ha-Shirim Rabbah* on 1:16; 7:5; *Zohar* 2:221b, 242a.

393. So there is a Dwelling, and there is a House... The latter being more permanent.

394. The Temple is an eternal resting place... Where numerous heavenly powers appeared and where the physical components and holy works represented divine elements. The portable Dwelling in the desert con-

tained fewer (or smaller) forms. See *Zohar* 3:2b (standard edition).

395. he could not comprehend it... See *Tanḥuma* (Buber), *Shemini* 11: “When Moses ascended, the blessed Holy One showed him on the mountain how to make the Dwelling. When He showed him the making of the lamp stand, Moses found it difficult. The blessed Holy One said to him, ‘Here, I will make it right in front of you!’ What did the blessed Holy One do? He showed him white fire, red fire, black fire, and green fire, and from them He made the lamp stand—its cups, its calyxes, and its blossoms (Exodus 25:31) and the six shafts. He said to him, *This is the fashioning of the lamp stand* (Numbers 8:4), for the blessed Holy One showed him with His finger. Even so, it was difficult for him. What did the blessed Holy One do? He inscribed it on his hand, and said to him, ‘Go down and make it as I inscribed it on your hand,’ as is written: *See, and make it by their pattern [that you are*

Moshe Weinfeld. Sabbath, Temple and the Enthronement of the Lord – The Problem of the Sitz im Leben of Genesis 1:1-2:3

Sabbath, Temple and the Enthronement of the Lord -
The Problem of the Sitz im Leben of Genesis 1:1-2:3

by Moshe WEINFELD

In the Mesopotamian mythic tradition the creation of the world is connected with the building of a temple. Thus we read in the Babylonian Creation Myth that after the creation was completed, the temple *Esagila* was built for Marduk so that he could rest in it together with his retinue.¹ In *Tarbiz* XXXVII (1968) pp. 109ff. I discussed briefly the association of the Sabbath and the Temple in the Bible, and suggested there that the Israelite priesthood dramatized the conclusion of the creation by means of the Sabbath, just as the peoples of the Ancient Near East dramatized their creation epics in cultic dramas. However, in view of the connection between the Creation and Temple Building in Mesopotamia, it is necessary to inquire as to whether in Israel also there was some connection between the Creation and the Temple.

The Israelite historical consciousness was such that Israelite temples could not be traced back to primordial times, as was the case in Babylonia.² However, several hints scattered throughout the Bible suggest that a connection between the Creation and the Temple was recognized.

1) The first such hint lies in the fact that the entrance of God into his sanctuary was interpreted in Israel as "rest", similar to the rest of God on the seventh day of creation (Ex. 20:11). This is shown clearly by Psalm 132. There we find David declaring, after he had found a sanctuary for the God of Israel: "Arise YHWH to Your resting-place (יָנוּחַ), You

I thank Prof. J. Tigay for a constructive suggestion concerning the structuring of this article.

¹ *Enuma Elish* VI, 41f.: "Come, let us build a shrine (*parakku* = lit. 'pedestal') whose name shall be called 'Lo a Chamber for our nightly rest, let us repose in it'" (cp. *Enuma Elish* V, 119f.). Ea, the father of Marduk, after his victory over the god Apsu, also "rested" in his sanctuary and established there his temple (ibid. I, 71-77).

² Cf. however, the various midrashim concerning the Jerusalemite Temple created before the creation of the world (*Sifre* on Deut. sec. 37 [ed. L. Finkelstein, p. 70] and other references there).

and Your ark of Your Glory."¹ God himself confirms this and says: "This is my rest for ever; here will I dwell, for I have desired it" (v. 14).²

The Temple as a resting-place (*st ḥtp*) for the Deity is also found in the Egyptian dedicatory inscriptions and, as in Ps. 132, is also defined as established forever (*mn ḥḥ n rnpwt*)³, cf. I Kgs. 8:13 (מכון לשבתך עולם).⁴

2) The fact that with the completion of the instructions for the building of the Tabernacle in P, there appears a commandment on the Sabbath (Ex. 31:12-17), shows also the connection which existed between Creation and the Building of the Temple.⁵

Indeed, this connection is well expressed in the congruence which is found between the description of the completion of creation in Genesis, and between the description of the completion of the Tabernacle in Exodus.

¹ V. 8 That *Coz* connotes "glory" will be demonstrated by me on another occasion. According to II Chron. 6:41, it was Solomon who pronounced this verse upon the dedication of the Temple, and there we read:

קומה ה' אלהים לנוחך

² The word pair *nwh/yšb* is common in Akkadian literature (*šubat nēhtim*), in Phoenician (in the Azittawada inscription: *šbt nht* (KAI I:17-18, II:7-8, 13), and in Ugarit (CTA 6 III:18). See recently Y. Avishur, *Ugarit Forschungen*, 7 (1975), pp. 35-36. In Israel, the rest of God in His Temple was connected with the rest of the people, who were unable to build a Temple for their God without first attaining a state of rest (cp. Deut. 12:9; II Sam. 7:1; I Kgs. 5:18-19). Solomon, during the dedication of the Temple declares "Blessed be YHWH who has given rest to his people Israel" (I Kgs. 8:56). On the connection between the rest of God and the people's rest see G. von Rad, *Gesammelte Studien zum AT*, pp. 101-108.

³ Cf. M. Görg, *Gott-König-Reden in Israel und Ägypten*, 1975, p. 158, and the references there.

⁴ For a similar topos in the Assyrian literature cf. the Esarhaddon inscription "I restored the images of the great gods and caused them to dwell in their sanctuaries as a dwelling forever (*šubat dārāti*)", R. Borger, *Asarhaddon*, 1956 section II: Bab. A-G, Epis. 32, Fassung b: C and D, ll. 39-41 (pp. 23-24). Cf. also *ki-ni-dub-bu* (= *ašar tapšuti*) "the resting place" referring to the temple in Sumerian hymns (cf. J. Krecher, *Sumer. Kultlyrik* 1966, 139ff.) which equals *מנוחה* in Isa. 66:1, and see also W. Mayer, *Orientalia* 47 (1978), 433:39-40.

⁵ The command to observe the Sabbath comes after six commands (introduced with the formula "The Lord said to Moses") in connection with the Tabernacle (25:1; 30:11; 30:17; 30:22; 30:34; 31:1). See P.J. Kearney, *ZAW* 89 (1977), pp. 380f. Kearney argues that the instructions of these six commands correspond to the six days of creation in Gen. 1, but his arguments are hardly convincing. However, the very phenomenon of six commands involved in the construction of the Tabernacle is highly significant.

Gen. 1:1-2:3 and Ex. 39:1-40:33¹ are typologically identical. Both describe the satisfactory completion of the enterprise commanded by God, its inspection and approval, the blessing and the sanctification which are connected with it. Most importantly, the expression of these ideas in both accounts overlaps:

Exodus 39-40	Genesis 1-2
And when Moses saw that they had performed all the tasks (כל המלאכה) - as the LORD had commanded, so they had done (והנה עשו אוחה) (39:43)	And God saw all that He had made, (כל אשר עשה), and found it (והנה) very good. (1:31)
Thus was completed all (וחכל כל) the work of the Tabernacle of the Tent of Meeting. (39:32)	The heaven and the earth were completed (ויכלו) and all (ויכל) their array. (2:1)
When Moses had finished the work (ויכל משה את המלאכה) (40:33)	God finished the work which He had been doing (... עשה ויכל אלהים) (מלאכתו אשר) (2:2)
Moses blessed (ויברך) them. (39:43)	And God blessed ... (ויברך) (2:3)
... to sanctify (וקדש) it and all its furnishings. (40:9)	And sanctified it (ויקדש) (2:3)

M. Buber² and U. Cassuto³ discussed this congruence, but did not explain it because they did not see the relationship that exists between the tradition of the Creation and the tradition of Temple Building in the Ancient Near East. Now that this relationship has become clear, the above mentioned congruence receives its full explanation.⁴

¹ Ex. 39:1-31, which contains the formula "did ... as the Lord has commanded" seven times (verse 1,5,7,21,26,29,31), brings the Tabernacle account to an end by describing the carrying out of the commandments concerning Aaron's garments (see below). 39:32-43 describes the presentation of all the holy articles to Moses and Moses' subsequent approval and blessing (vv. 42-43), whereas 40:1-16 adduces God's instructions for consecrating and anointing the holy vessels, as well as the consecration and anointing of Aaron and his sons. 40:17-33, which describes Moses' execution of these instructions, repeats the formula: "did ... as the Lord has commanded" (vv. 19,21,23,25,29,32) again seven times. See Kearney's article cited above (p. 502 note 5), pp. 380f.

² *Die Schrift und ihre Verdeutschung*, 1936, pp. 39f.

³ *Commentary on the Book of Exodus*, 1967, chapters 39-40.

⁴ The connection between the completion of the creation and the completion of the building of the Temple is already discussed in the Midrashim. See Pesikta Rabbati VI: "When all the work ... was completed (I Kgs. 7:51), not "the work, but "All the work" - that is, one the day the work on the

3) A relationship between the building of the Temple and the seventh day is found in the Ugaritic Baal Epic. In the description of the building of Baal's sanctuary, which seems to be associated with creation as well¹, we hear of a fire burning for six days, which on the seventh day ceases (CTA 4 VI:22f.)², whereupon Baal rejoices in his house and his sanctuary. This description brings to mind the command "You shall not burn fire in any of your dwellings on the Sabbath" (Ex. 35:5), which comes before the account of the construction of the Tabernacle. In addition, the sanctuary of El in Ugarit is conceived, as in Babylonia and as in Israel, as a seat of rest. Thus we read of El who places his feet on his footstool and says: *aṭbn ank wanḥn* "Now I will sit and rest." (CTA 6 III:18). and the throne of Baal is also called a throne of rest: *gršh lksi mlkh lnḥt lkḥt drkth* "Chased him from his throne of kingship, from the restful seat of his dominion" (CTA 3 D:46-47).³

In the Bible the relation between the building of the Tabernacle and the seventh day is seen in Ex. 24:15-16 (P). These verses, which conclude the section on the revelation on Mt. Sinai, are stylistically parallel to the conclusion of the description of the building of the Tabernacle:

Exodus 24:15-16

When Moses had ascended the mountain, the cloud covered (ויכס הענן) the mountain. The Presence of the LORD (כבוד ה') abode on Mount Sinai and the cloud hid it for six days. On the seventh day He called to Moses (ויקרא אל) from the midst of the cloud.

Exodus 40:34-Lev. 1:1

... the cloud covered (ויכס הענן) the Tent of Meeting, and the Presence of the LORD (וכבוד ה') filled the Tabernacle. Moses could not enter because the cloud had settled upon it. (cf. I Kgs. 8:10-11). The LORD called to Moses (ויקרא אל משה) ... from the Tent of Meeting.

Temple was finished, God declared the work of the six days of creation as finished, for the text in Genesis, 'He rested ... from all His work which God created to make' (Gen. 2:3), does not, as one would expect, say 'and made', but 'to make', that is, another work remained to be made (for creation to be considered as finished). Only when Solomon came and built the Temple would the Holy One, blessed be He, say: Now the work of creating heaven and earth is completed: 'Now all the work ... is completed.' This is why he was called שלמה ('he who is destined to finish') because it was through the work of his hands that the Holy One, blessed be He, completed the work of the six days of creation.'

¹ See L.R. Fisher, *VT* 15 (1965), pp. 313f. and cf. most recently T. Fenton, *Studies in Bible and the Ancient Near East I* (Festschrift E. Loewenstamm), 1978, pp. 345f. (Hebrew).

² See my article in *Tarbiz*, xxviii (1968), p. 130, n. 7.

³ Compare CTA 16:23f. For *nḥt khṭ* as a hendiadys see Albright, *JAOS* 67 (1947), 156, n. 26.

U. Cassuto¹ indicated the identity of these descriptions and concluded that the Tabernacle is a reflection of Mt. Sinai, an idea which is found already in Nachmanides.² This identification is confirmed in our opinion by a comparison of Lev. 1:1 to Lev. 7:38. Many critics have paid attention to the apparent contradiction which is said to exist between these two passages. According to Lev. 1:1, the laws of sacrifices were proclaimed in the Tent of Meeting, whereas according to Lev. 7:38 these were proclaimed on Mt. Sinai.³ In our view there is no contradiction here, since there is an identity between Mt. Sinai and the Tent of Meeting: the revelation on the mountain and the revelation in the Tent of Meeting are one and the same.⁴ The sanctuary of God on earth is patterned after the sanctuary of God in heaven which was shown to Moses on the Mount.⁵ In Mesopotamia too the Esangil, the Babylonian temple, is seen as 'the mirror (*mattalātu*) of the Apsu, the image (*tamsil*) of Ešarra, the counterpart (*mehret*) of Ea's dwelling, the image of the Iku constellation'.⁶ In the Mesopotamian epic we similarly hear that the worship in the temple below should be like the worship in heaven (*En. eliš vi: 111f.*), an idea amply attested in the Jewish tradition.⁷

¹ See U. Cassuto, *Commentary on Exodus*, 1967, pp. 476ff.

² See his commentary to Exodus 24 and also his introductions to Leviticus and Numbers. On this matter see also J. Milgrom, *Studies in Levitical Terminology*, I, 1970, pp. 44f.

³ See the discussion of D.Z. Hoffmann, *Das Buch Leviticus*, 1905, I, pp. 68ff.

⁴ Especially instructive in this regard is the stylistic identity between the passages describing the revelations at the burning bush, at Sinai and at the Tent of Meeting:

Exod. 3:4: ויקרא אליו אלהים מחוך הסנה

Exod. 19:3: ויקרא אליו ה' מחוך ההר

Lev. 1:1: ויקרא אל משה... מאהל מועד

⁵ Cf. Ex. 25:9; 26:40; I Chr. 28:18-19; Wisd. Sol. 9:8; and see A. Aptowitzer, "The Heavenly Temple in the Aggadah", *Tarbiz* 2 (1931), pp. 137-153 (Hebrew).

⁶ R. Borger, *Die Inschriften Assurhaddons*, 1956, 21:47f., compare *En. eliš vi:61-66*. For the clarification of the problem involved see W.L. Moran, *Analecta Biblica* 12 (1959) III, pp. 257-265. The notion of the Temple which descended from heaven or of a heavenly replica of the Temple, is found already in the Sumerian literature. Cf., e.g. Sjöberg-Bergmann, *Sumerian Temple Hymns*, 1969, no. 13, p. 27:169: "house which comes forth from heaven"; no. 16, 29:200: "shrine descending from the midst of the heaven"; Keš Temple Hymn, *ibid.*, 169:35; "temple whose halo (*mùš*) is suspended from heaven" (for *mùš* as 'halo' cf. W.W. Hallo, *JCS* 23 (1970) p. 59); A.W. Sjöberg, *Der Mondgott Nanna* etc., 1960, p. 39 ll. 11-13: "Ur, the mountain temple, the temple ... which the god Anu established" (compare Ex. 15:17). Compare M. Weinfeld, *Shnaton* 4 (1980), pp. 285-286.

⁷ Cf. A. Aptowitzer, *Tarbiz* 2 (1931), pp. 257ff.

For our purposes, we see that according to the priestly tradition in Ex. 24:15ff., Moses' going up to the Mountain, which comes mainly in order to receive the instructions concerning the construction of the Tabernacle (cp. Ex. 25:9, 40; 26:30; 27:8; Num. 8:4), was bound up with a waiting of six days¹, similar to the six days required in order to bring the work of creation to completion.

The idea of the Tabernacle as a symbol of the Universe is most clearly expressed in later Jewish literature. Thus Josephus declares that each of the objects of the Tabernacle "is intended to recall and represent the Universe" (*Antiq.* III, 180, compare III, 123; *B.J.* V, 212f.).² Philo elaborates the same idea (*De Vita Mos.* II, 80f.; *De Spec. Leg.* I, 66f.) and so does the Midrashic literature.³

According to these sources not only do the different parts of the Temple and its objects represent the heavenly abode, but even the priests of the Temple represent the divine retinue, i.e. the angels. Thus we hear Philo stating that the Temple of God represents the whole Universe: the inner shrine represents heaven, the votive objects are the stars and the priests are the angels, the servants of his power (*Spec. Leg.* I, 66). The high priest, who in his view has been consecrated to the Father of the world, wears a vesture which represents the world (*Vita Mos.* II 133f.; cp. *Wisd. Sol.* 18:24) and when he enters before the Lord, the whole universe enters with him (*ibid.* compare Josephus, *Antiq.* III, 184f.).

In the Qumran scrolls the high priest is described as the angel of the inner shrine in heaven (מלאך פנים במעון קודש), serving in the royal chamber (היכל מלכות) and constituting the big luminary (מאור גדול)⁴ (IQSb

¹ Compare Jesus' ascending the mountain after six days in the story about the transfiguration (Marc. 9:2, Matt. 17:1). For the Sinaitic pattern of that story see my article in *Immanuel*, Bulletin for Relig. Thought and Res. in Israel, 8 (1978), p. 18.

² Cf. Pseudo-Jonathan to Ex. 28:17,20; 39:37; 40:4. Most instructive is Ps. Jon. to Ex. 39:37 where the lamps of the Menorah are said to be corresponding to the seven stars in the heaven which move according to their written courses (שיטריהון) in heaven. The term שטר 'script' applied to the stars in heaven is most common in Mesopotamia (*šitir šamē*) and appears there in the context of the cosmic symbolics of the Babylonian temple, see E. Unger, *Babylon, Die heilige Stadt nach der Beschreibung der Babylonier*, 1930, p. 22f. For the stars as heavenly script see Job 38:31-33: החציה מזרח בעתו... אם חשים משטרנו בארץ

³ Cf. L. Ginsberg, *The Legends of the Jews*, VI, p. 67.

⁴ The 'big luminary' is the sun.

4:25f.). A similar picture of the high priest emerges from Ben-Sira 50:6f., where the high priest is depicted as the morning star, and as the sun shining on the Temple.

The symbolic features of Aaron's priesthood may be recognized in the Biblical accounts themselves. The section dealing with the priesthood of Aaron (27:20-30:10) opens with the "light" (אור) kindled by Aaron (27:20-21) and concludes with "lamp", "incense", and "atonement" (30:7-10).¹ These features are not incidental.² The high priest as the symbol of light is, as we have seen, very prominent in the second Temple literature. On the other hand, incense and atonement, which are usually associated together (cp. Num. 17:11-13), characterize here the function of the high priest who serves in the inner shrine (מלאך הפנימי).

4) The connection between Creation and Temple building is rooted in an ancient Near Eastern tradition concerning the victory of the god over his enemies which brings about his enthronement. This enthronement entails the establishment of a "throne of kingship" or "dwelling place", which is the god's temple.

This throne, of course, can be built only after the creation of the world. In Babylonia, as is known, the creation of the world is the result of the victory of Marduk over his enemies, and this victory brings about his enthronement. In Ugarit, the building of a temple is related after the victory of Baal, and as has been indicated above (p. 504), seems to be associated with Creation. This tradition of the enthronement of the god and the building of his temple after victory over an enemy is reflected in Israel in the "Song of the Sea". After the victory over the sea we hear about "the holy abode", and a "sanctuary" which God had established in the "mountain of his inheritance" (הר נחלתך; Ex. 15:13,17), and following this comes a declaration that "YHWH shall reign for ever and ever" (v. 18). We should mention in this context that the place of Baal's sanctuary is also "in the holy abode" (בִּקְדֵשׁ) and "in the mountain of his inheritance" (בְּהַר נְחִילָתוֹ, CTA 3 C:26-27).

¹ Cf. Kearney, *art. cit.*, pp. 375f.

² According to Kearney (*ibid.*) this framework makes the instructions concerning the Aaronite priesthood in 27:20-30:10 correspond to the creation of light in Gen. 1:2-3.

5) We find therefore in Israel a relation between Temple and Creation on the one hand, and between Temple and God's victory over his enemies, on the other. Is it possible to find in Israel a direct relationship between the creation of the world and the enthronement of God, as we found in Mesopotamia? On this point also it is possible to give an affirmative answer. The enthronement psalm, Psalm 93 (in the background of which stands God's overcoming the "rivers", mighty waters" (נהרות, מיט רביס) - concepts familiar from the Ugaritic myth: *nhr il rbm*¹) - speaks of the establishment of the world², and moreover, of the throne of God, which is established following his enthronement and is mentioned in proximity to the "house of the LORD" and "holy abode" (נאווה (נוה) קדש).³ We find therefore in this psalm the three motives: victory and enthronement, Creation and Temple⁴ connected together, as they are in the Mesopotamian epic.

The victory over "mighty waters" and the enthronement of God in his "sanctuary" are found also in Psalm 29 (vv. 3,10). In Ps. 89 too we find the foundation of the world together with the victory over Rahab, the *Teru^cah* (v. 16) and kingship.⁵

6) We learn of the relationship of the Sabbath to the enthronement of God from the liturgy of the Second Temple period. The problem of this relationship is essentially similar to the problem of the relationship of the New Year Festival to the enthronement of God. On these two important matters there is little scriptural evidence, but the Halakhah of Second Temple times is helpful in understanding them. Concerning Rosh HaShanah we find in the Bible only that it is a "day of *Teru^cah*" (Num. 29.1). The real significance of this definition is clarified by the liturgy of Rosh HaShanah, as

¹ Cf. most recently T. Fenton, *art. cit.* (p. 504 note 1), p. 350.

² See Cassuto, *op. cit.*

³ In Qumran scroll 4Q Psb we find "נוה קדש" instead of Massoretic "בא וקדש" (see Skehan, *CBQ* 26 (1964) p. 314). It is then possible that נוה serves in apposition to בני.

⁴ See also M. Dahood, *Psalms*, II, 342-343. It is difficult to establish whether the heavenly or an earthly Temple is intended, since they are identical. Cf. M. Weinfeld, *Deuteronomy and the Deuteronomistic School*, 1972, p. 196, n. 1.

⁵ "Truly the LORD is our shield, the Holy One of Israel our king." The *lamed* in the last verse is asseverative: Truly the LORD is our shield and truly the Holy One of Israel our King." See Dahood in his commentary, where references are given to opinions on this issue.

it is found in the Mishnah¹, and the same holds for the Sabbath. Psalm 93, in which we find a clear relationship between the creation of the world, the enthronement of God, and his sanctuary, bears, according to the Septuagint, the title "For the eve of the Sabbath" (τοῦ προσβδάτου). This tradition appears also in Mishnah Tamid VII, 4: "On the sixth day they would say 'ה' מלך גאון לבט' (i.e. Ps 93). In the Talmud it is stated in the name of R. Aqiba that this psalm is said on the sixth day "because He finished His work and ruled over them" (B. Rosh HaShana 31a). In Aboth de Rabbi Nathan text A chap. I (Schechter, p. 3) we read: "What is recited on the sixth day? 'The Lord Reigneth' ... He completed all His works and ascended and sat in the heights of the universe." This last reading lies behind the Piyyut of the Yosef prayer in the Sabbath liturgy לאל אשר שבת in which we read "on the seventh day he ascended and sat on the throne of His Glory ... this is a song of praise of the seventh day ... and the seventh day gives praises and says 'a Psalm (מזמור שיר) for² the Sabbath, it is good to give thanks to the Lord.'" The poem and the praise sung by Creation (including the heavenly retinue) to the Creator at the time of His enthronement upon the completion of His work, which we find here, are also rooted in Rabbinic sources. Thus we read in an addition (in the Cambridge MS) to Mishnah Tamid VII, 4 referred to above: "On the seventh day they all praise³ His glory and say 'a Psalm (מזמור שיר) for the Sabbath, it is good to give thanks to the Lord and to sing (to your name O Most High) ...". In Aboth de Rabbi Nathan text A chapter chap. 1: "At that time three groups of ministering angels came down, and in their hands were lutes and lyres and all kinds of musical instruments. And they sang the song of praise with Adam; as it is said, 'a Psalm for the Sabbath, it is a good thing to give thanks unto the Lord ...'".

¹ Mowinckel was the first to see this: *The Psalms in Israel's Worship* I-II, 1962; see recently, the discussion by J. Licht, "Rosh HaShanah" in *Encyclopedia Mikra'it*, vol. 7.

² With respect to the piyyut לאל אשר שבת note that the text reads וביום השביעי ... not ויום השביעי משנה as the translations seem to take it. Translated literally the text means: "The seventh day offers praise ...", from which it follows that the piyyutan understood the lamed of מזמור שיר ליום השבת to mean 'composed or recited by' the Sabbath day. The same must be the meaning of the preceding phrase in the piyyut: "this is the praise (recited) by the seventh day". Ps. 19:3 can also be taken to imply that days (and nights) recite God's praises (vs. 2): the midrash also has the Sabbath day speak when it complains that it alone of all the days has no partner. (Note of Jeff Tigay).

³ The term "praise" (קלט) is found in connection with the middle Amidah prayer of the Sabbath in Tractate Soferim XIX, 7.

Indeed, it seems that Psalm 92, which immediately precedes the Psalm "The Lord has reigned" (Ps. 93), was entitled "A Psalm for the Sabbath" with good reason. חסד ואמונה proclaimed in the morning and evening (v. 3), signify the redemptive act of creation (cf. Ps. 33:4-6).¹ The continuation of the Psalm: "For YHWH has caused me to rejoice in the works of his hands ..." also points to creation, although afterwards the poet shifts from the sphere of the Creation to the sphere of history.²

7) In view of what has been said it seems to us that the *Sitz im Leben* of Gen. 1:1-2:3 is indeed cultic-liturgic. The recurring formulas: "And he saw that it was good", "and it was evening and it was morning", are a type of refrain which imparts to the chapter a liturgic character.³ We know today that the Babylonian Creation Epic *Enuma Elish* was customarily read in ceremonies in the sanctuary⁴, whereas the Persians recited their Theogony while sacrificing (Herodotus I, 132). Also in Israel (at least in Second Temple times) the priestly courses (משמרות) and the אנשי מעמד who met at the time sacrifices were being offered in Jerusalem, customarily read portions from the account of creation, and on the sixth day they recited ויכלו השמים (Gen. 2:1).

¹ On חסד ואמונה and חסד ואמונה in the context of the three divine redemptive acts: Creation, Exodus and the Eschaton, cf. my forthcoming study in the volume of the *XXV Rencontre Assyriologique Internat.* Berlin, 3-7 July, 1978.

² It appears that a similar process is found in Psalm 89. The poet opens the psalm with the cosmic חסד "Your steadfast love is confirmed forever; there in the heavens You establish your faithfulness" (the phrase חסד ואמונה is split up here in order to create the parallelism) (v. 3), and passes to the חסד shown to David (v. 4-5). In the continuation of the Psalm too, we find God's acts of חסד in creation first (v. 7-19) and afterwards the חסד shown to David (vv. 20f.).

³ For liturgic elements in Gen. 1 see also A. Toeg, *Beth Mikra*, 60 (1972), pp. 288-296.

⁴ *Enuma Elish* was recited by the priests of Babylonia not only on the fourth of Nisan (the New Year's Festival) but also on the fourth of Kislev, and it is possible that it was read on the fourth day of every month. Cf. W.G. Lambert, *JSS* 13 (1968), pp. 104f.

⁵ Mishnah Ta'anit IV 2-3; Tosefta Ta'an. IV (III) 3-4. Perhaps it is possible to find a trace of this recital in Theophrastus (cf. M. Stern, *Greek and Latin Authors on Jews and Judaism I*, 1974, no. 4, p. 10) who relates that the Jews used to gaze at the stars, talking about God, at the time of sacrifice. In the same context fastings are mentioned, and this has already been compared to the fast of the אנשי כיעור (related in the Mishnah, *ibid.*). In the Fragment Targum and in Targum Neofiti we

The festive reading of וַיְכַלֵּה אֱלֹהִים (Gen. 2:1) was incorporated into the Amidah prayer of the Sabbath Eve¹, and there are versions in which the formula יִשְׂמְחוּ בַמַּלְכוּתְךָ "they shall rejoice in Your Kingdom" immediately follows it², which also testifies as to the affinity of Sabbath and the enthronement of YHWH.

In the liturgy of the Sabbath eve the enthronement Psalms 95-99, 29, 92 and 93 are included. The origin of this custom is unknown. It is difficult to suppose that this custom began arbitrarily in the last centuries.³ In view of what has been said here it is possible to assume that this custom has ancient roots. It is even possible that the practice of going out to receive The Queen Sabbath (Shabbat HaMalkah), of which we read in BT Shabbat 119b and in Baba Kama 32b, was already related with the recitation of Psalms of this kind. The title "Shabbat HaMalkah", in any event, testifies to a connection between the enthronement of YHWH and the Sabbath.

Recently, there has been much talk on the "seasonal pattern" of epic myths from the Ancient Near East.⁴ According to this view, the Ugaritic and Mesopotamian myths dramatize the cyclic nature of the changes of the seasons of the year. If this approach is correct, then Gen. 1:1-2:3 is also relevant to this category. But, in contrast to the pagan myth, which was connected with dramatizations of natural processes, there is no connection to the self-renewal of nature in our creation story. Like the Sabbath itself, so also the text which is connected to it is liberated from any relation to

find added to the refrain: "and it was evening and it was morning" the words "סֵדֶר עֹבֵד בְּרֵאשִׁית" the Order of the Work of Creation" which apparently refers to the liturgical use of the Genesis passages by the אֲנָשִׁי טַעֲמוֹר .

¹ On the importance of reciting Gen. 2:1-3 cf. B. Shabbat 119b. "Raba - others state, R. Joshua b. Levi - said: Even if an individual prays on the eve of the Sabbath, he must recite 'and [the heaven and the earth] were finished [etc.]', for R. Hammuna said: He who prays on the eve of the Sabbath and recites 'and [the heaven and the earth] were finished', the Writ treats of him as though he had become a partner with the Holy One, blessed be He, in the Creation ...". According to Persian Jewish custom, the liturgy of Sabbath Eve contains the whole section of Gen. 1:1-2:3 (*JQR* X (1898), p. 606).

² Cf. I.M. Elbogen, *Der Jüdische Gottesdienst in seiner geschichtlichen Entwicklung*, 1931, p. 110.

³ For a study on the subject cf. יוסף כהן, קבלה שבת ופזמון לכה דורי, עק. 331ff. במנהגי ישראל, "ספר זכרון לא.נ. בראון, חש"ל

⁴ Cf. J.C. de Moor, *The Seasonal Pattern in the Ugaritic Myth of Ba'lu*, 1971.

climatic or solar-lunar factors¹, and is transformed into a cultic-religious experience which recurs every seventh day and comes to commemorate the act of Creation and the enthronement of God.

We may now summarize the points presented in this paper:

- 1) God's dwelling in his sanctuary is considered as "rest", parallel to the concept of the sanctuary in the ancient Near East, and to the seventh day's rest in Genesis.
- 2) The completion of the Tabernacle is parallel to the completion of the universe in Genesis.
- 3) The seventh day as the day of completion appears both in the Tabernacle accounts and in the Creation stories.
- 4) Creation and Temple building in the Ancient Near East are associated with and tied to the notion of enthronement.
- 5) Creation and the Enthronement of God are interrelated in the Old Testament.
- 6) The Sabbath and the enthronement of God are related together in Jewish liturgy.
- 7) The Sitz im Leben of Gen. 1:1-2:3 is to be sought in Temple liturgy.

¹ On the uniqueness of the biblical sabbatical cycle in contrast to the lunar cycle, which dominated the Mesopotamian festival, cf. W.W. Hallo, "New Moons and Sabbaths: A Case-study in the contrastive Approach", HUCA 48 (1977) pp. 1-18.

Храм и бездна

Исайя 30. 1 Горе непокорным сынам, говорит Господь, которые делают совещания, но без Меня, и заключают союзы, но не по духу Моему, чтобы прилагать грех ко греху: 2 не вопросив уст Моих, идут в Египет, чтобы подкрепить себя силою фараона и укрыться под тенью Египта. 3 Но сила фараона будет для вас стыдом, и убежище под тенью Египта - бесчестьем; 4 потому что князья его уже в Цоане, и послы его дошли до Ханеса. 5 Все они будут постыжены из-за народа, [который] бесполезен для них; не будет от него ни помощи, ни пользы, но - стыд и срам. 6 Тяжести на животных, [идуших] на юг, по земле угнетения и тесноты, откуда [выходят] львицы и львы, аспиды и летучие змеи; они несут на хребтах ослов богатства свои и на горбах верблюдов сокровища свои к народу, который не принесет им пользы. 7 Ибо помощь Египта будет тщетна и напрасна; потому Я сказал им: сила их - сидеть спокойно. 8 Теперь пойди, начертай это на доске у них, и впиши это в книгу, чтобы осталось на будущее время, навсегда, навеки. 9 Ибо это народ мятежный, дети лживые, дети, которые не хотят слушать закона Господня, 10 которые провидящим говорят: "перестаньте провидеть", и пророкам: "не пророчествуйте нам правды, говорите нам лестное, предсказывайте приятное; 11 сойдите с дороги, уклонитесь от пути; устраните от глаз наших Святого Израилева." 12 Посему так говорит Святой Израилев: так как вы отвергаете слово сие, а надеетесь на обман и неправду, и опираетесь на то: 13 то беззаконие это будет для вас, как угрожающая падением трещина, обнаружившаяся в высокой стене, которой разрушение настанет внезапно, в одно мгновение. 14 И Он разрушит ее, как сокрушают глиняный сосуд, разбивая его без пощады, так что в обломках его не найдется и черепка, чтобы взять огня с очага или зачерпнуть воды из водоема; 15 ибо так говорит Господь Бог, Святой Израилев: оставаясь на месте и в покое, вы спаслись бы; в тишине и уповании крепость ваша; но вы не хотели 16 и говорили: "нет, мы на конях убежим", - за то и побежите; "мы на быстрых ускачем", - за то и преследующие вас будут быстры. 17 От угрозы одного [побежит] тысяча, от угрозы пятерых побежите так, что остаток ваш будет как вежа на вершине горы и как знамя на холме. 18 И потому Господь медлит, чтобы помирить вас, и потому еще удерживается, чтобы сжалиться над вами; ибо Господь есть Бог правды: блаженны все уповающие на Него! 19 Народ будет жить на Сионе в Иерусалиме; ты не будешь много плакать, - Он помилует тебя, по голосу вопля твоего, и как только услышит его, ответит тебе. 20 И даст вам Господь хлеб в горести и воду в нужде; и учителя твои уже не будут скрываться, и глаза твои будут видеть учителей твоих; 21 и уши твои будут слышать слово, говорящее позади тебя: "вот путь, идите по нему", если бы вы уклонились направо и если бы вы уклонились налево. 22 Тогда вы будете считать скверною оклад идолов из серебра твоего и оклад истуканов из золота твоего; ты бросишь их, как нечистоту; ты скажешь им: прочь отсюда. 23 И Он даст дождь на семя твое, которым засеешь поле, и хлеб, плод земли, и он будет обилен и сочен; стада твои в тот день будут пастись на обширных пастбищах. 24 И волы и ослы, возделывающие поле, будут есть корм соленый, очищенный лопатою и веялом. 25 И на всякой горе высокой и на всяком холме возвышенном потекут ручьи, потоки вод, в день великого поражения, когда упадут башни. 26 И свет луны будет, как свет солнца, а свет солнца будет светлее всемеро, как свет семи дней, в тот день, когда Господь обяжет рану народа Своего и исцелит нанесенные ему язвы. 27 Вот, имя Господа идет издали, горит гнев Его, и пламя его сильно, уста Его исполнены негодования, и язык Его, как огонь поедающий, 28 и дыхание Его, как разлившийся поток, который поднимается даже до шеи, чтобы развеять народы до истощания; и будет в челюстях народов узда, направляющая к заблуждению. 29 А у вас будут песни, как в ночь священного праздника, и веселие сердца, как у идущего со свирелью на гору Го-

сподню, к твердыне Израилевой. 30 И возгремит Господь величественным гласом Своим и явит тяготеющую мышцу Свою в сильном гневе и в пламени поедающего огня, в буре и в наводнении и в каменном граде. 31 Ибо от гласа Господа содрогнется Ассур, жезлом поражаемый. 32 И всякое движение определенного ему жезла, который Господь направит на него, будет с тимпанами и цитрами, и Он пойдет против него войною опустошительною. 33 Ибо Тофет давно уже устроен; он приготовлен и для царя, глубокий и широкий; в костре его много огня и дров; дуновение Господа, как поток серы, зажжет его.

30 ¹ הוִי בָנִים סוֹרְרִים נְאֻם־יְהוָה
לַעֲשׂוֹת עֲצָה וְלֹא מִנִּי וְלִנְסֹךְ מִסִּכָּה וְלֹא רוּחִי

ב. ב.

ב לְמַעַן סְפוֹת^א חֲטָאתָ עַל־חֲטָאתָ:

ד. ד. 2 הַהֲלָכִים לְרַדַּח מִצְרִים וּפִי לֹא שֶׁאֶלּוֹ

ב לָעֶזְוָה בְּמַעֲוֹז פְּרָעָה וְלַחֲסוֹת בְּצַל מִצְרִים:

3 וְהָיָה לָכֶם מַעֲוֹז פְּרָעָה לְבִשְׁת

וְהַחֲסוֹת בְּצַל־מִצְרִים לְכֻלָּמָה:

ב 4 כִּי־הָיוּ בְּצַעַן שָׁרֵיו וּמִלְּאֲכִיו^א חָגַס וַיִּיעֲוּ:

מח' בת א לא קר רל בליש

5 ^א כָּל הַבְּאִישׁ עַל־עַם לֹא־יוֹעִילוּ^ב

ו ס לָמֹז לֹא לַעֲזֹר וְלֹא לְהוֹעִיל כִּי לְבִשְׁת וְגַם לְחַרְפָּה:

א 6 מִשָּׂא בַהֲמוֹת נֹגֵב בְּאַרְץ צָרָה וְצוֹקָה

ב. ד. ב. לָבִיא וְלִישׁ מִהֶם^א אֶפְעָה וְשָׂרָף מַעֲוֹפָף

ב. ה. ב. ל. ו 7 יִשְׁאוּ עַל־כֶּתֶף עֵירִים חִילָהֶם וְעַל־דְּבִשְׁת גְּמִלִים אוֹצְרֵתָם

ג מילין מיוחד דמיון' ב

עַל־עַם לֹא יוֹעִילוּ: ^א 7 וּמִצְרִים הֶבֶל^א וְרִיק יַעֲזְרוּ

ג לְכֹן קָרָאתִי לְזֹאת^ב בְּרַהֵב הֶם שָׁבַת^ב:

כה ר"פ. 6. 7. מל וכל שמואל ובתיב דכוח ב.מ.ה. ל. לז

8 עֹתָהּ בּוֹא כְתֻבָּה עַל־לִוַח אֲתָם^א וְעַל־סֵפֶר חֲקָה

ג. ד. רפ"ב. ב. וְתִהְיֶה לְיָוִם אֲחֵרוֹן לְעָרֵי עַד־עוֹלָם:

9 כִּי עַם מְרִי הוּא בָנִים כְּחָשִׁים

ב. ד. זוגין 10. 11. 12. מנה מל

בָּנִים לֹא־אָבוּ שְׂמוֹעַ תּוֹרַת יְהוָה:

10 אֲשֶׁר אָמְרוּ לְרֵאִים לֹא תִרְאוּ^א

ב וְלַחֲזִים לֹא תַחֲזוּ־לָנוּ נִכְחֹת

ג דְּבָרוֹ־לָנוּ חֲלָקוֹת חֲזוּ מִהַתְּלֹת:

ב. ג. 14. ב. 11 סוֹרוּ מִנִּי־דָרֶךְ הַטָּו מִנִּי־אֲרֶחַ

ו הַשְׁבִּיתוּ מִפְּנֵינוּ אֶת־קְדוֹשׁ יִשְׂרָאֵל: ^ו

12 לְכֹן^א כָּה אָמַר קְדוֹשׁ יִשְׂרָאֵל^א

יא בטע בסיפ

ב יַעַן מֵאִסְכֶּם בְּדַבַּר הַזֶּה

ח. ב.

וּתְבַטְחוּ בְעֶשֶׂק וְנִלְוִוּ¹³ וְתִשְׁעֲנוּ עָלָיו:
 לָכֵן יִהְיֶה לָכֶם הָעֶזְרוֹן הַזֶּה
 כַּפְּרִיץ נֹפֵל וְנִבְעָה בְחֹמְתָהּ נִשְׁבָּה
 אֲשֶׁר-פִתְּאָם לִפְתָּע יָבֹא שְׂבָרָה:
 וְשְׂבָרָה¹⁴ כַּשֶּׁבֶר נִבֵּל יִזְכְּרוּם כְּתוֹת לֹא יִחַמְּלוּ
 וְלֹא יִמְצְאוּ בְּמִכְתָּתוֹ חֶרֶשׁ
 לַחֲתוֹת אֵשׁ מִיְקוֹד וְלַחֲשֵׁף מַיִם מִנְּבֵא:¹⁵
 כִּי כֹה אָמַר אֲדֹנָי יְהוִה קְדוֹשׁ יִשְׂרָאֵל
 בְּשׁוּבָה וְנִחַת תִּנְשָׁעוּן בְּהִשְׁקֵט וּבְבִטְחָה תִהְיֶה גְבוּרַתְכֶם
 וְלֹא אֲבִיתֶם:¹⁶ וְתֹאמְרוּ לֹא-כִי
 עַל-סוּס נָנוּס עַל-כֶּן תִּנְוֹסוּן
 וְעַל-קַל נִרְכָּב עַל-כֶּן יִקְלוּ רַדְפֵיכֶם:
 אֲלֶיךָ אֶחָד מִפְּנֵי גַעְרַת אֶחָד¹⁷
 מִפְּנֵי גַעְרַת חֲמֹשֶׁה תִּנְסוּ עַד אִם-נֹוֹתְרֵיהֶם
 כַּתְּרוֹן עַל-רֹאשׁ הַחֵר וְכַנָּס עַל-הַנִּבְעָה:
 וְלָכֵן יִחַפְּהוּ יִהְיֶה לְחַנְנֵכֶם וְלָכֵן יָרוּם לְרַחֲמֵכֶם
 כִּי-אֱלֹהֵי מִשְׁפָּט יִהְיֶה אֲשֶׁרֵי כָל-חֹזְכֵי לוֹ:¹⁸
 כִּי-עַם בְּצִיּוֹן יֵשֵׁב בִּירוּשָׁלַם בָּכוּ לֹא-תִבְכֶּה
 חֲנוּן יִחַדֶּךָ לְקוֹל וְעֲקָה כַּשִּׁמְעָתוֹ עֲנֹה:
 וְנָתַן לָכֶם אֲדֹנָי לֶחֶם צָר¹⁹ וּמַיִם לַחֲמִץ²⁰
 וְלֹא-יִכְנַף עוֹד מוֹרֶיךָ וְהָיוּ עֵינֶיךָ רֹאוֹת אֶת-מוֹרֵיךָ:
 וְאֲזַנֶיךָ תִשְׁמַעְנָה דְבַר מֵאַחֲרֶיךָ לֵאמֹר
 זֶה הַדֶּרֶךְ לָכֵן בּוֹ כִּי תֵאֱמִינוּ וְכִי תִשְׁמְּאוּלוֹ:²¹
 וְשִׂמְּאתֶם²² אֶת-צְפוּי פְּסִילֵי כֶסֶף וְאֶת-אִפְדֵת מַסַּכֶת וְהִבֵּךְ
 תִּזְרַם²³ כְּמוֹי דָּוָה צֵא²⁴ תֹאמַר לוֹ:
 וְנָתַן מֶטֶר זֶרְעֶךָ אֲשֶׁר-תִּזְרַע אֶת-הָאֲדָמָה

ל
 לא בטע בסיפ
 ה
 ל . ב בליש¹³ , ל
 ד
 ל , ל
 יז
 ב¹⁶ . ל בטע
 ה פסוק מן ד מילין רמיון וחלח משני . ב . ל
 ב זקה קמ
 ל חם
 ה¹⁹ . ב
 ה²⁰ יחד מן ג בטע בליש ובסיפ , ה
 ל מל
 ל . ה כת רי
 ב²² , ב²³
 ב . ב
 ג מל בליש
 לא פסוק בוי וכו' . ל
 ה
 ל לשון טרוף
 ג²⁴

וְלֶחֶם תְּבוֹאת הָאֲדָמָה וְהָיָה דִשָּׁן וְשִׁמְן
 יִרְעָה מִקִּנְיָה בַיּוֹם הַהוּא כִּר נִרְחַב:
 וְהָאֵלֶפִים וְהָעֵיזִים עֲבָדֵי הָאֲדָמָה בְּלִיל חֲמִיץ יֹאכְלוּ
 אֲשֶׁר-זָרָה²⁴ בְּרַחַת וּבַמְזִרָה:
 וְהָיָה וְעַל-כָּל-תֵּר גְּבָה²⁵ וְעַל כָּל-גִּבְעָה נִשְׂאָה פְּלָגִים
 בַּיּוֹם הַהוּא רֹב בְּנֹפֵל מִגְּדָלִים: [כְּאֹר שְׂבַעַת הַיָּמִים²⁶]

²⁸
 ל מל
 ב
 ח בטע בסיפ
 ב . ל ג קמ²⁶ יח²⁷

26 וְהָיָה אֹרֶךְ-הַלַּבָּנָה כְּאֹרֶךְ-הַחֲמָה וְאֹרֶךְ-הַחֲמָה יִהְיֶה שְׁבַע־עֶתָיִם ³⁹
בַּיּוֹם חֲבֹשׁ יִהְיֶה אֶת־שֹׁבֵר עִמּוֹ וּמִחֵץ מִכְתּוֹ יִרְפָּא׃ ׀ ^{33, 32}

27 הִנֵּה שֵׁם־יְהוָה בָּא מִמְרֹחֵק בַּעַר אָפוֹ ^a וְכִבְדַּד מִשָּׂאָה ^a
שִׁפְתָיו מְלֵאוּ זַעַם וּלְשׁוֹנוֹ כָּאֵשׁ אֹכֶלֶת׃
ⁱ מל בליש . ל

28 וְרוּחוֹ כְּנֶחַל שׁוֹטֵף עַד־צִוְּאָר יַחֲזֶה
לְהִנָּפֵחַ גּוֹיִם בְּנִפְתַּת שׁוּא וּרְסֵן מִתְעֶה עַל לַחֲיֵי עַמִּים׃
^{ג . ד . ג}

29 הַשִּׁיר יִהְיֶה לְכֶם כְּלִיל הַתְּקִדָּשׁ־חַג ^ה
וְשִׁמְתֶת לִבְבְּךָ הוֹלֵךְ בְּחִלְלִיל לָבוֹא בְּהַר־יְהוָה אֶל־צִוְּר
וְהַשְׁמִיעַ יְהוָה אֶת־הוֹד קוֹלוֹ וְנַחַת זְרוּעוֹ יִרְאֶה
^{כז} מל וכל משלי וקהלת
^{37, 36, 35} דכות ב מה .

30 בְּזַעַף אֵף וּלְהַב אֵשׁ אוֹכֶלֶה נִפְץ וְזָרַם וְאֶבֶן בָּרָד׃
^{ג מל} 38 . ל

31 כִּי־מִקּוֹל יְהוָה יִחַת אֲשׁוּר בַּשִּׁבְט־יַכֵּה ^a׃
¹

32 וְהָיָה כָּל־מַעֲבָר מִטַּיִח מוֹסְדָה ^a בְּאֲשֶׁר יִנְיַח ^c יְהוָה עָלָיו ^b
בְּתַפְּסִים וּבְכַנְרֹת וּבְמִלְחָמוֹת ^d הַגּוֹפָה נִלְתָּם ^e־בָּה׃ ^f
^{יא בטע לאחור} 38
^{יב . 40} בם חד מן ז
^ק חס מ וחד
^{מן ח} 42 דמטע

33 כִּי־עָרוֹךְ מֵאֲתָמוּל ^a תִּפְתָּה ^b גַּם־הוּא לְמִלְךָ ^c הוֹכֵן
מִדְרָתָה ^e אֵשׁ וְעֵצִים הִרְבֵּה ^d [הַעֲמִיק הִרְתָּב ^d
ל חס 39 .

נִשְׁמַת יְהוָה כְּנֶחַל נִפְרִית בַּעֲרָה בָּה׃ ׀

Мишна Сукка 4-5

МИШНА ЧЕТВЕРТАЯ

(ד) מצות לולב כיצד, (יום טוב הראשון של חג שחל להיות בשבת), מוליכין את לולביהן לחר הבית, והחזנין מקבלין מהן וסודרין אותן על גב האצטבא, והזקנים מניחין את שלהן בלשכה. ומלמדים אותם לומר, כל מי שמגיע לולבי בידו, הרי הוא לו במתנה. למחר משפמינן ובאין, והחזנין זורקין אותם לפניהם. והן מחטפין ומכין איש את חברו. וכשראו בית דין שבאו לידי ספנה, התקינו שיהא כל אחד ואחד נוטל בביתו:

КАКИМ ОБРАЗОМ исполняют ЗАПОВЕДЬ О ЛУЛАВЕ? Если ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ПРАЗДНИКА СОВПАДАЕТ С СУББОТОЙ, все ПРИНОСЯТ СВОИ ЛУЛАВЫ НА ХРАМОВУЮ ГОРУ, А СЛУЖИТЕЛИ ПРИНИМАЮТ У НИХ И УКЛАДЫВАЮТ НА КАМЕННЫЕ СИДЕНЬЯ - СТАРИКИ ЖЕ ОСТАВЛЯЮТ СВОИ лулавы ВНУТРИ СЛУЖЕБНОГО ПОМЕЩЕНИЯ. И УЧАТ ИХ СКАЗАТЬ: КАЖДЫЙ, КОМУ МОЙ ЛУЛАВ ПОПАДЕТ В РУКУ, ПОЛУЧАЕТ ЕГО В ПОДАРОК. НАЗАВТРА все ВСТАЮТ РАНО УТРОМ И ПРИХОДЯТ, И СЛУЖИТЕЛИ БРОСАЮТ Их лулавы ПЕРЕД НИМИ, А ТЕ ХВАТАЮТ И БЬЮТ ДРУГ ДРУГА. И поэтому КОГДА УВИДЕЛИ члены БЕЙТ-ДИНА, ЧТО это СТАНОВИТСЯ ОПАСНЫМ, ПОСТАНОВИЛИ, ЧТОБЫ КАЖДЫЙ СОВЕРШАЛ НЕТИЛАТ-ЛУЛАВ В СВОЕМ ДОМЕ.

МИШНА ПЯТАЯ

(ה) מצות ערבה כיצד, מקום היזה למטה מירושלים, ונקרא מוצא. יורדין לשם ומלקטין משם מרביות של ערבה, ובאין וזוקפין אותן בצדי המזבח, וראשיהן כפופין על גבי המזבח. תקעו והריעו ותקעו. בכל יום מקיפין את המזבח פעם אחת, ואומרים, אָנָּא ה' הושיעָה נָּא, אָנָּא ה' הצליחָה נָּא. רבי יהודה אומר, אָנָּי נְהוּ הושיעָה נָּא. ואותו היום מקיפין את המזבח שבע פעמים. בשעת פטירתו, מה הן אומרים, יְפִי לָךְ מִזְבֵּחַ, יְפִי לָךְ מִזְבֵּחַ. רבי אליעזר אומר, לָיִה וְלָךְ, מִזְבֵּחַ. לָיִה וְלָךְ, מִזְבֵּחַ:

КАКИМ ОБРАЗОМ исполняют ЗАПОВЕДЬ ОБ АРАВЕ? МЕСТО одно БЫЛО ПОНИЖЕ ИЕРУСАЛИМА, НАЗЫВАВШЕЕСЯ "МОЦА". Все СХОДЯТ ТУДА И НАБИРАЮТ ТАМ БОЛЬШИХ ВЕТВЕЙ АРАВЫ, А ЗАТЕМ ПРИХОДЯТ И УСТАНОВЛИВАЮТ ИХ ПО СТОРОНАМ ЖЕРТВЕННИКА, И КОНЦЫ ИХ СКЛОНЯЮТСЯ НА ЖЕРТВЕННИК СВЕРХУ. ПРОТРУБИЛИ ПРОТЯЖНО, ПРЕРЫВИСТО И снова ПРОТЯЖНО. КАЖДЫЙ ДЕНЬ ОБХОДЯТ ВОКРУГ ЖЕРТВЕННИКА ОДИН РАЗ И ВОСКЛИЦАЮТ: "АНА, ГАШЕМ, ГОШИА НА! АНА, ГАШЕМ, ГАЦЛИХА НА!" РАБИ ЙЕГУДА ГОВОРИТ: "АНИ ВАГО, ГОШИА НА!" А В ТОТ ДЕНЬ ОБХОДЯТ ВОКРУГ ЖЕРТВЕННИКА СЕМЬ РАЗ. А ЧТО ОНИ ГОВОРЯТ НА ПРОЩАНИЕ? "БУДЬ ПРЕКРАСЕН, ЖЕРТВЕННИК! БУДЬ ПРЕКРАСЕН, ЖЕРТВЕННИК!" РАБИ ЭЛИЭЗЕР ГОВОРИТ: "БОГУ И ТЕБЕ, ЖЕРТВЕННИК! БОГУ И ТЕБЕ, ЖЕРТВЕННИК!"

Бавли Сукка 53а-б

Talmud - Mas. Sukkah 53a

A woman could¹ sift wheat by the illumination of the place of the Water-Drawing.

MEN OF PIETY AND GOOD DEEDS, etc. Our Rabbis have taught, Some of them, used to say,² 'Happy our youth that has not disgraced our old age'. These were the men of piety and good deeds. Others used to say, 'Happy our old age which has atoned for our youth'. These were the penitents. The former and the latter, however, said, 'Happy he who hath not sinned, but let him who hath sinned return and He will pardon him.'³

It was taught, Of Hillel the Elder, It was said that when he used to rejoice at the Rejoicing at the place of the Water-Drawing, he used to recite thus, 'If I am here, everyone is here; but if I am not here, who is here?'⁴ He also used to recite thus, 'To the place that I love, there My feet lead me: if thou wilt come into My House, I will come into thy house; if thou wilt not come to My House, I will not come to thy house, as it is laid, In every place where I cause My name to be mentioned, I will come unto thee and bless thee'.⁵

He⁶ moreover once saw a skull floating upon the face of the water. 'Because', he said to it, 'thou didst drown others, they have drowned thee, and they that drowned thee shall be drowned too'.⁷

R. Johanan stated, A man's feet are responsible for him; they lead him to the place where he is wanted.⁸

There were once two Cushites⁹ who attended on Solomon, and these were Elihoreph and Ahyah, the sons of Shisha, scribes,¹⁰ of Solomon. One day Solomon observed that the Angel of Death was sad. 'Why', he said to him, 'art thou sad?' — 'Because', he answered him, 'they¹¹ have demanded from me the two Cushites who sit here'.¹² [Solomon thereupon] gave them in charge of the spirits¹³ and sent them to the district of Luz.¹⁴ When, however, they reached the district of Luz¹⁵ they died. On the following day he observed that the Angel of Death was in cheerful spirits. 'Why', he said to him, 'art thou cheerful?' — 'To the place', the other replied, 'where they expected them from me, thither didst thou send them!'¹⁶ Solomon thereupon uttered the saying, 'A man's feet are responsible for him; they lead him to the place where he is wanted'.

It was taught: They said of R. Simeon b. Gamaliel that when he rejoiced at the Rejoicing at the place of the Water-Drawing, he used to take eight lighted torches [and throw them in the air] and catch one and throw one and they did not touch one another;¹⁷ and when he prostrated himself, he used to dig his two thumbs in the ground, bend down,¹⁸ kiss the ground, and draw himself up again,¹⁸ a feat which no other man could do, and this is what is meant by Kidah.¹⁹

Levi showed in the presence of Rabbi what Kidah is and as a result, became lame.²⁰ But was this the cause of his [lameness]? Did not R. Eleazar in fact state, One should never cast reproach against Providence, for a great man cast reproach against Providence and was as a result rendered lame, and he was²¹ Levi?²² Both the former and the latter were the cause [of his lameness].²³

Levi²⁴ used to juggle in the presence of Rabbi²⁵ with eight knives, Samuel before King Shapur²⁶ with eight glasses of wine,²⁷ and Abaye before Rabbah²⁸ with eight eggs or, as some say, with four eggs. It was taught: R. Joshua b. Hanania stated, When we used to rejoice at the place of the Water-Drawing, our eyes saw no sleep. How was this? The first hour [was occupied with] the daily morning sacrifice; from there [we proceeded] to prayers; from there [we proceeded] to the additional sacrifice, then the prayers to the additional sacrifice, then to the House of Study, then the eating and drinking, then the afternoon prayer, then the daily evening sacrifice, and after that the Rejoicing at the place of the Water-Drawing [all night]. But it cannot be so!²⁹ For did not R. Johanan rule, He who says, 'I take an oath not to sleep for three days' is to be flogged³⁰ and he may sleep forthwith?³¹ — The fact is that what was meant was this: 'We did not enjoy a proper sleep', because they dozed on one another's shoulder.

FIFTEEN STEPS. R. Hisda said to a certain Rabbi who was arranging his Aggadas before him,³² 'Have you heard in correspondence to what David composed his fifteen Songs of Ascent?'³³ — 'Thus', the other replied, 'said R. Johanan: When David dug the Pits³⁴ the Deep rose up and threatened to submerge the world, and David thereupon uttered the fifteen Songs of Ascent and caused its waves to subside'. But if so, [asked R. Hisda,] ought it not to be Songs of Descent, instead of Ascent? — 'Since you have reminded me', the other replied '[I may say that] it was stated thus: When David dug the Pits, the Deep arose and threatened to submerge the world. "Is there anyone", David enquired, "who knows whether it is permitted to inscribe the [Ineffable] Name

(1) Cf. Tosaf. a.l.

(2) In the course of their praises.

(3) Tosef. Sukkah IV, 2.

(4) Ibid. IV, 3; 'I' referring to God (Rashi) or Israel (T.J. cf. Tosaf. a.l.).

(5) Ex. XX, 21; all the personal pronouns in the passage referring to the divine presence.

(6) Hillel.

(7) Cf. Aboth II, 6; an expression of the idea of Divine Retribution.

(8) By Death.

(9) 'Ethiopians' or (with Rashi) 'handsome men', as the Rabbis render the noun in Num. XII, 1.

(10) I Kings IV, 3.

(11) In heaven.

(12) Sc. death has been decreed against them.

(13) Over whom Solomon had dominion (cf. Meg. 11b, on I Chron. XXIX, 23).

(14) To save them from death. V. Gen. XXVIII, 19 and Judg. I, 23. Owing probably to the identification of this word with the one meaning 'the indestructible bone of the vertebra' (Lev. R., XVIII) tradition says that the Angel of Death had no power in Luz (v. Sot. 46b).

(15) And were still at the gate.

(16) It was decreed that they should die at the gate of Luz.

(17) A form of juggling.

(18) While still leaning on them.

(19) A form of prostration mentioned in Scripture, translated 'bowed their heads' (Ex. IV, 31). The feat consisted in the leverage of the body without bending or using the hands.

(20) The tremendous strain dislocated his thigh.

(21) Lit., 'and who was he?'

(22) V. Ta'an. 25a.

(23) His reproach of God was the Divine cause, and his attempt to perform Kidah the occasion. Cf. 'the ox dropped whets the knife' (Shab. 32a).

(24) On the occasion of the Rejoicing at the Water-Drawing.

(25) R. Judah I, the Patriarch, who was always in a melancholy mood, sorrowing for Israel's suffering and persecution, and whom his disciples were anxious to cheer.

(26) Shapur I, King of Persia, with whom Samuel was on such terms of friendship that the latter was sometimes called

King Shapur, cf. B.B. 115a (Sonc. ed., p. 475. n. 8).

(27) Without spilling any of their contents.

(28) Cur. edd. in parenthesis 'Raba'.

(29) That they had no sleep during all the days devoted to the rejoicings of the Water-Drawing.

(30) For taking a false oath, since it is impossible to go three days without sleep.

(31) Shebu. 25a.

(32) [MS.M.: before R. Johanan].

(33) Pss. CXX-CXXXIV.

(34) R. Johanan disagrees with the previous view that the Pits were a natural formation dating from the Creation.

Talmud - Mas. Sukkah 53b

upon a sherd, and cast it into the Deep that its waves should subside?" There was none who answered a word. Said David, "Whoever knows the answer and does not speak, may he be suffocated". Whereupon Ahitophel¹ adduced an a fortiori argument to himself: "If, for the purpose of establishing harmony between man and wife, the Torah said, Let My name that was written in sanctity² be blotted out by the water,³ how much more so may it be done in order to establish peace in the world!" He, therefore, said to him, "It is permitted!" [David] thereupon inscribed the [Ineffable] Name upon a sherd, cast it into the Deep and it subsided sixteen thousand cubits. When he saw that it had subsided to such a great extent, he said, "The nearer it is to the earth, the better the earth can be kept watered" and he uttered the fifteen Songs of Ascent and the Deep reascended fifteen thousand cubits and remained one thousand cubits [below the surface]'. Ulla remarked, Deduce therefrom that the thickness of the earth's surface is one thousand cubits.⁴ But do we not see that one has but to dig a little for the waters to emerge? — R. Mesharsheya answered, That⁵ is due to the high level⁶ [of the source] of the Euphrates.⁷

TWO PRIESTS STOOD BY THE UPPER GATE WHICH LEADS DOWN etc. R. Jeremiah asked, [What is meant by] 'THE TENTH STEP'? Does it mean that they descended five [of the fifteen] and stood upon the remaining ten, or rather that they descended ten and stood upon the five? — It cannot be decided.⁸

Our Rabbis taught, Since it is said, And their faces toward the east,⁹ is it not obvious that their backs were toward the Temple of the Lord?⁹ What then is the import of the statement, 'their backs were toward the Temple of the Lord'? It teaches that they uncovered themselves and committed there a nuisance.

WE ARE THE LORD'S AND OUR EYES ARE TURNED TO THE LORD etc. But can it be so? Did not R. Zera in fact rule, He who repeats Shema', Shema'¹⁰ is as though he said Modim, Modim [and he is silenced]?¹¹ — The fact is that it was this that they used to say, "They worshipped the sun toward the east" but as for us we give thanks unto the Lord, and to the Lord do our eyes hope'.¹²

MISHNAH. THEY NEVER SOUNDED LESS THAN TWENTY-ONE BLASTS IN THE TEMPLE,¹³ AND NEVER MORE THAN FORTY-EIGHT. EVERY DAY THEY BLEW TWENTY-ONE BLASTS¹⁴ IN THE TEMPLE, THREE AT THE OPENING OF THE GATES,¹⁵ NINE AT THE DAILY MORNING SACRIFICE,¹⁶ AND NINE AT THE DAILY EVENING SACRIFICE. AT THE ADDITIONAL SACRIFICES¹⁷ THEY SOUNDED AN ADDITIONAL NINE; AND ON THE EVE OF THE SABBATH THEY ADDED SIX, THREE AS A SIGN TO THE PEOPLE TO CEASE FROM WORK AND THREE TO MARK A DISTINCTION BETWEEN THE HOLY AND THE PROFANE.¹⁸

ON THE EVE OF THE SABBATH IN THE INTERMEDIATE DAYS OF THE [SUKKOTH] FESTIVAL, THERE WERE [THEREFORE] FORTY-EIGHT BLASTS, [VIZ.,] THREE AT THE

OPENING OF THE GATES,¹⁵ THREE AT THE UPPER GATE,¹⁹ THREE AT THE LOWER GATE,²⁰ THREE AT THE WATER-DRAWING, THREE AT THE ALTAR,²¹ NINE AT THE DAILY MORNING SACRIFICE, NINE AT THE DAILY EVENING SACRIFICE, NINE AT THE ADDITIONAL SACRIFICES, THREE AS A SIGN TO THE PEOPLE TO CEASE FROM WORK, AND THREE TO MARK A DISTINCTION BETWEEN THE HOLY AND THE PROFANE.¹⁸ GEMARA. Our Mishnah does not agree with R. Judah, for it has been taught: R. Judah ruled, The minimum number of blasts is seven, and the maximum sixteen.²² What is the basic principle of their dispute? — R. Judah is of the opinion that Teki'ah, Teru'ah and Teki'ah²³ are counted as one, and the Rabbis²⁴ are of the opinion that the Teki'ah and the Teru'ah are separate and distinct notes. What is the reason of R. Judah? — Scripture says, And ye shall sound a Teki'ah Teru'ah,²⁵ which clearly proves that the Teki'ah and the Teru'ah are regarded as one.²⁶ And the Rabbis²⁷ — That verse is required to teach that the Teru'ah must be preceded and followed by a sustained blast.²⁸ What then is the reason of the Rabbis? — Because it is written, And when the congregation is to be gathered together, ye shall sound a Teki'ah, but not a Teru'ah.²⁹ Now if you could imagine that the Teki'ah and the Teru'ah form one note, would the Divine Law say, 'Perform one half of the commandment, but not the other half'?³⁰ And R. Judah?³¹ — That sounding was a mere signal.³² And the Rabbis? — It was indeed a signal, but the Divine Law³³ made it into a commandment.

Whose view is followed in that which R. Kahana stated, There must be no interval whatever between the Teki'ah and the Teru'ah?³⁴ — In agreement with whose view [you ask]? In agreement with that of R. Judah.³⁵ But³⁶ is not this obvious?

-
- (1) The teacher of David. Cf. Aboth VI, 3 (the Baraita of R. Meir).
 - (2) On a scroll. V. Num. V, 23.
 - (3) Ibid.
 - (4) Below which are 'the depths beneath'.
 - (5) The water near the surface.
 - (6) Lit., 'ladder'.
 - (7) The Euphrates was reputed to have the highest source of all (Babylonian) rivers, v. Bek. 55a and Obermeyer, p. 56.
 - (8) Teku, v. Glos.
 - (9) Ezek. VIII, 16. V. our Mishnah.
 - (10) In order to avoid any suggestion of Dualism, it was rigidly forbidden to the Reader to repeat the word Shema' (Deut. VI, 4), or the word modim ('we give thanks') in the 'Amidah. (Ber. 33b).
 - (11) Here also he appears to repeat the word God twice.
 - (12) [Since each mention of the name of the Lord has reference to a different context, the suggestion of dualism does not arise].
 - (13) On any day.
 - (14) I.e., seven quavering sounds (teru'ahs) each of which was preceded and followed by a sustained one (teki'ah).
 - (15) Of the Temple court.
 - (16) When its libations were offered the Levites sang, and the blasts were blown at three intervals in the songs. At each interval there was one quavering blast preceded and followed by a sustained blast (cf. Tamid VII, 3).
 - (17) On New Moons, Sabbaths and Festivals.
 - (18) The Holy Sabbath and the profane weekdays.
 - (19) The Nikanor Gate; v. Mishnah supra 51b.
 - (20) That led out to the East.
 - (21) When they set the willow-branches at the side of the altar, v. supra 45a.
 - (22) Tosef. Sukkah IV, 10. In Zuckermendel's edition, the reading is thirteen instead of sixteen.
 - (23) The Teki'ah is a long drawn out sound and the Teru'ah a tremulous, quavering note.
 - (24) In our Mishnah.
 - (25) Num. X, 5; E.V., 'And when ye blow an alarm'.
 - (26) So Rashal. Cur. edd. in parenthesis, 'And it is written, an alarm they shall blow. How is this possible? By regarding the Teki'ah and the Teru'ah as one'.

- (27) How, in view of this text can they maintain that the Teki'ah and the Teru'ah are regarded as separate blasts?
- (28) Since in this verse Teki'ah precedes Teru'ah, and in another it follows it (cf. R. H. 34a). Cur. edd. in parenthesis insert, 'And whence does R. Judah deduce the necessity of a sustained blast preceding and following the Teru'ah? — He deduces it from the expression, a second time' (Num. X, 6).
- (29) Num. X, 7; E.V., 'Ye shall blow, but ye shall not sound the alarm'.
- (30) Hence their opinion that the Teki'ah and the Teru'ah are independent blasts.
- (31) How, in view of this argument, does he justify his statement?
- (32) For the camp. As it had no religious significance its incompleteness did not matter.
- (33) By commanding its use.
- (34) 'Ar. 10a.
- (35) Who regards the three notes as one.
- (36) Cur. edd. in parenthesis, 'if R. Judah'.

Плутарх. Суккот и дионисии / Штерн, Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме 1. С. 555–556

Плутарх

связанных с посвященными тому и другому праздниками. А некоторые полагают, что Адонис был возлюбленным Диониса; и Фанокл, эротический поэт ... написал так:

<671 C> Так был прекрасный Адонис Лиэем на небо восхищен,
Средь покоряемых стран Кипр посетившим святой ..."

Каков бог у иудеев

(6, 1) Последнее из сказанного Ламприем удивило Симмаха, и он сказал: "Как, Ламприй, неужели Диониса, бога наших предков, жен вдохновителя Эвия, величаемого неистовым поклонением, ты включаешь в тайные обряды евреев и ставишь его в один ряд с ними? Неужели на самом деле есть хоть какое-то основание представлять одного тождественным другому?" Тут вмешался Мойраген и сказал: "Оставь его, я как афинянин могу ответить тебе, что это одно и то же. А многочисленные свидетельства тому открыты и преподаны только тем, кто посвящен у нас в таинства, справляемые раз в три года; <671 D> но я готов рассказать то, о чем позволительно поведать добрым друзьям, если они просят, к тому же за вином, вкушая дары этого бога". (6, 2) Тогда все стали настаивать и просить, и он сказал: "Прежде всего и время, и обиход самого главного и самого торжественного праздника иудеев отлично подходит для Диониса. Ведь празднуя так называемый пост в разгар жатвы, они выставляют столы со всевозможными плодами под кущами и шалашами, сплетенными по большей части из ветвей и плота, а канун праздника называют Кущей. <671 E> Через несколько дней они справляют другой праздник, уже не прикровенно, а явно называемый Вакховым. Есть у них и праздник крадефория, и тирсофория, во время которого они вступают в храм, неся тирсы. Что они делают, войдя внутрь, мы не знаем, но похоже, они справляют там вакхическое действо: свистят в дудочки, призывая бога, как аргосцы на Дионисиях, а иные выступают с кифарами; их называют левитами — название, возникшее от одного из прозвищ <Диониса>: либо от "Лисий", либо скорее от "Эвий". Я полагаю, что и праздник субботы имеет некоторое отношение к Дионису: <671 F> ведь словом "сабы" еще и теперь многие называют вакхантов и выкрикивают его, когда справляют оргии этого бога. Подтверждение можно найти и у Демосфена, и у Менаандра; и прав будет тот, кто возведет имя <сабы> к тому возбуждению (*σάβησιν*), которое овладевает вакхантами. <672 A> Иудеи сами свидетельствуют об этом, когда, справляя субботу, прежде всего приглашают друг друга выпить вина, а если этому препятствует что-нибудь важное, то, следуя обычаю, они хотя бы пригубят неразбавленного вина.

19 — 1369

555

От Геродота до Плутарха

Пусть для кого-то это всего лишь домыслы. Но все возражения решительно опровергает прежде всего первосвященник, выступающий на празднике с митрой на голове, облаченный в вышитую золотом оленью шкуру, в длиннополый хитон, в котурны; причем с одеяния его свешивается множество колокольчиков, сопровождающих звоном каждое его движение, — точно так, как у нас бьют в медь во время ночных священнодействий, а кормилиц бога именуют "меднозвонными"; <672 В> а еще можно показать противникам на изображения в храме тирса, и тимпана. Вне всякого сомнения, все это подобает только Дионису, а не какому-то другому богу. Кроме того, иудеи не употребляют меда в своих священнодействиях, полагая, что его примесь портит вино, — ведь прежде появления лозы для возлияний и для приготовления хмельного напитка служил мед, а варвары, не знающие вина, по сей день пьют медовый напиток, умеряя сладость терпкими кореньями, дающими винную крепость; эллины же совершают медовые возлияния как трезвенные, показывая тем самым противоположность природы меда и природы вина. А что это их собственные установления, хорошо доказывается тем, что среди многих быгующих у иудеев наказаний самым тягостным является отлучение от вина на срок, назначенный вынесшим такой приговор; и те, кто подвергается подобному наказанию..."

4 Ламприй: Брат Плутарха.

ведь мой дед: Этот человек тоже носил имя Ламприй. Как собеседник, он часто появляется в *Застольных беседах*: см. Ziegler, *op. cit.*, pp. 6 sq. = PW, XXI, pp. 642 sq.; R. H. Bagrow, *Plutarch and His Times*, London 1967, p. 16. 5, 1 *Каллистрат*: Софист, выступающий в Эдессе хозяином застолья.

Поликрат: Происходил из древнего сикионского рода, потомок ахейского стратега Арата; см. С. P. Jones, *Plutarch and Rome*, Oxford 1971, p. 40.

Каллистрат утверждает, что евреи почитают свинью по сути точно так же, как египетские жрецы других животных, не превосходящих свинью ни внешним обликом, ни повадкой. Почитание свиньи основано на благодарности за ту роль, которую она сыграла в истории земледелия; ср. *Об Исиде и Осирисе*, 74, p. 380 F. Это объяснение, несомненно, совпадает с предложенным египетскими жрецами у Диодора, I, 87. Благодарность людей животным, оказавшим услуги и благодеяния человечеству, приводится в числе трех причин их почитания, хотя свинью Диодор не называет в числе животных-благодетелей. Между тем Элиан со ссылкой на Евдокса сообщает нам, что египтяне не приносят в жертву свиней как полезных для сельского хозяйства, потому что, втаптывая семена во влажную почву, свиньи тем самым сохраняют их всхожесть и не дают склевать их птицам; см. Элиан, *О животных*, X, 16. О воздержании египтян от свинины см. Секст Эмпирик, *Пирроновы положения*, III, 223 (№ 334).

В этой связи стоит упомянуть об отрывке из истории, рассказанной Агафоклом (третий век до н. э. ?) в его *Истории Физика*, которая приводится и у Неанфа в сочинении *περί τελετών* [*О таинствах*]; ср. Афиней, *Пир софистов*, IX, 18, p. 376 A = F. *Cr. Hist.*, III, B 472, F 1a = II, A 84, F 15. Здесь мы читаем об услуге, оказанной свиньей Зевсу. Именно по этой причи-

All of them stood in awe of that voice, but King David's curiosity was still not sated. He decided to ignore the warning, and once more he ordered the stone to be raised. None of his advisors dared say anything, for they feared his wrath. After a great effort, a corner of the Foundation Stone was lifted up, and King David bent down and peered into the Abyss beneath it. There he heard something like the sound of rushing waters, and he suddenly realized that by lifting the stone he had set free the waters of the Deep. Once again the world was in danger of being deluged, as in the time of Noah.

King David trembled with fear, and he asked the others what they might do to cause the waters to fall back, but no one spoke. Then King David said: "Perhaps if I wrote the Name of God on a potsherd, and cast it into the depths, we might still be saved. But does anyone know if this is permitted?" Still the others said nothing, and King David grew angry and said: "If any one of you knows this and still refuses to answer, then your soul will bear the curse of the end of existence!" Then Ahitophel spoke: "Surely the Name can be used to bring peace to the whole world." So David picked up a potsherd and scratched the four-letter Name of God into it, and cast it into the bottomless pit. All at once the roar of the waters grew fainter, and they knew that they had been saved by the power of the Name.

In the days to come King David repented many times for his sin, and he gave thanks to God for sparing the world from another Flood. And his son, Solomon, had the Holy of Holies of the Temple built exactly above the Foundation Stone, for both the stone and the Temple bore the seal of God's blessing.

Others say that after King David found the stone resting on the mouth of the abyss, with God's Name on it, he put the stone into the Holy of Holies of the Temple. The sages were concerned that some young men might learn the true pronunciation of the Divine Name from the speaking stone, and thereby destroy the world. So they built two lions of brass, which they placed by the Holy of Holies, on the right and left. If anyone entered and learned the divine Name, these lions would roar when he came out, so frightening him that he would forget the Name. Further, a divine blessing was said to emanate from the Foundation Stone, which was bestowed upon Israel from the Holy of Holies. Some say that this blessing came from the wings of the angels and cherubim that hovered above the Foundation Stone, and that the stars and planets joined the blessing as well. But when the Temple was destroyed, the blessing was lost.

Others say that the angels above and Israel below all hold fast to the Foundation Stone, which rises up to heaven, and comes to rest among the righteous. And if that stone, which hovers in the air, should fall to the earth, it would be a sign that the days of the Messiah were at hand.

A myth in *Y. Sanhedrin* 29a asserts that God used a shard to hold back the waters in exactly the same way that King David did: "God prevented *tehom* (the lower waters) from rising up by placing a shard above the waters, on which He had engraved His Name. The seal was removed only once, in the time of Noah. Then *tehom* united with the upper waters, and together they flooded the earth." In *Sefer ha-Zikhronot* 1:6, a clearly related midrash reports that the earth was created from the snow beneath the Throne of Glory. God took it up and scattered it upon the waters. Then the water congealed and became the dust of the earth. This is linked to the verse *For he says to the snow, "Become earth"* (Job 37:6).

This talmudic legend about King David demonstrates the immense sanctity of Jerusalem, and especially of the site of the Temple there. King David sets out to dig the foundations of the Temple, and strikes the Foundation Stone of the earth, upon which God built the rest of this world. This confirms that Jerusalem is the very center of the world, as it was portrayed in ancient maps.

At the same time, this tale is a divine test, not unlike the tests of Adam and Eve, of Abraham in the *Akedah*, the binding of Isaac, and of Job. Even though a voice from the

98 MYTHS OF CREATION

stone warns him not to lift it, King David, not unlike Pandora, lifts the Foundation Stone and sets free the powers of chaos, the waters of the Abyss, which threaten to inundate the earth as in the time of Noah. In a desperate moment, David writes the Tetragrammaton, the secret Name of God, on a shard and throws it into the abyss, and the power of God's Name causes the waters to retreat. (Note the echo to nuclear war in this episode. David learns that the Foundation Stone must not be tampered with, as we have learned the dangers posed by tampering with the atom.)

The *Zohar* (2:91b) states that the fate of the shard, and therefore the world, rests on man's moral conduct. Whenever a person swears falsely using God's Name, that Name on the shard disappears, allowing the waters to burst out and destroy the world. To protect the shard and all of humanity, God has appointed the angel Yazriel over the shard. The angel has 70 graving tools, which he uses to ensure that the letters of God's Name are replaced on the shard as quickly as they are erased, saving the world. Thus the rising of the waters of the abyss is a continual threat to the existence of the world.

1 *Enoch* 66:1-2 offers an alternate explanation of how the waters of the abyss are held back: "And after that he showed me the angels of punishment who are prepared to let loose all the powers of the waters beneath the earth in order to bring judgment and destruction to all those who dwell on the earth. And God commanded those angels to hold those waters in check, for those angels held power over those waters."

In the alternate version of the myth, King David brings the Foundation Stone into the Temple (despite the fact that it had not yet been built—this was done by Solomon). Still another variant of the myth describes the stone ascending to Paradise, resting among the righteous. In yet other versions, it is described as hovering in the air. In fact, the motif of a sacred object hovering in the air between heaven and earth is quite common. There are versions found among the Samaritans—where a stone is described as being suspended in the air for worship, and among both Jews and Arabs—where the Rock is said to hover in the air inside the Dome of the Rock. In another Arabic myth, the object that is hovering is the grave of Mohammed. For more on this motif, see Vilnay, *Legends of Jerusalem*, 23-24.

David Re'uveni reports an Arab tradition of a cavern carved into the Foundation Stone, where Abraham, Isaac, David, Solomon, and Elijah are all said to have prayed, and their souls still are said to gather there to pray. This cave is still there, inside the Rock.

Another source suggests that a meteor fell down in the place where the Holy of Holies was later situated. The tradition refers to 2 Samuel 24:16 and 1 Chronicles 21:26.

Sources:

Mishnah Yoma 5:2; *Y. Yoma* 8:4; *B. Yoma* 54b; *Y. Sukkah* 54d; *B. Sukkah* 49a; *Sefer ha-Zikhronot* 1:6; *Genesis Rabbah* 70; 1 *Enoch* 66:1-2; *Zohar* 1:231a-b, 2:91b; *B. Sukkah* 53a-b; *Y. Sanhedrin* 29b; *Y. Pesahim* 4:1; *Pirkei de-Rabbi Eliezer* 35; *Midrash Tehillim* 91:7; *Pesikta de-Rav Kahana* 26:4; *Midrash Tanhuma-Yelammedenu, Pekudei* 3; *Midrash Tanhuma, Kedoshim* 10; *Midrash Konen in Beit ha-Midrash* 2 : 24-39; *Seder 'Arkim; Midrash Shoher Tov* on Psalm 91; *Targum Yerushalmi* on Exodus 28:30; *David ha-Re'uveni* p. 25; *Zohar* 2:222a-b; *Der treue Zions-Waechter* 3: nos. 40-44; *Likutei Moharan* 61:6.

Studies:

Man and Temple by Raphael Patai, pp. 54-104.

Legends of Jerusalem by Zev Vilnay, pp. 23-24.

126. CREATION BY THOUGHT

Before the world was created, God and His Name existed alone. God first conceived of the form of the world in His mind, making a world perceptible only by the intellect. Later God completed one visible to the external senses, using the world created in thought as the model.

ON SEALING THE ABYSSES

By DANIEL SPERBER

In B. *Sukka* 53a we read the following: בשעה שכרה: א"ר יחוק... דוד שחך קפא תהומא ובשא למשטפא עלמא אמר דוד מי איכא דידע אי שרי למכתבא שם אחסטא ושדיה בתהומא ומנא ליכא דקאמר ליה מידי אמר דוד כל דידע למיטר ואינו אומר יתק בגרותו נשא אחיתוסל ק"ו בעצמו ומה לעשות שלום בן איש לאשתו אמרה תורה שמי שנכתב בקדושה ימחה על המים לעשות שלום לכל העולם כולו על אחת כמה וכמה אמר ליה שרי כתב שם אחסטא ושדי לתהומא ונחית תהומא שיתטר אלסי גרימידי...

That is, in English:

It was stated thus: When David dug the Pits (*Shittin*), the Deep (*Tehom*) arose and threatened to submerge the world. "Is there anyone," David enquired, "who knows whether it is permitted to inscribe the Ineffable Name [53b] upon a sherd, and cast it into the Deep that its waves should subside?" There was none who answered a word. Said David, "Whosoever knows the answer and does not speak, may he be suffocated." Whereupon Achitophel adduced an *a fortiori* argument to himself: "If, for the purpose of establishing harmony between man and wife, the Torah said, Let my Name that was written in sanctity be blotted out by the water, how much more so may it be done in order to establish peace in the world!" He, thereupon, said to him, "It is permitted!" [David] thereupon inscribed the [Ineffable] Name upon a sherd, cast it into the Deep and it subsided sixteen thousand cubits..." (Soncino translation, pp. 255-6).

The Jerusalem Talmud records a similar version of this episode. In J. *Sanhedrin* chap. 10 (29A 52) we read as follows: וכן אתה מוצא בשעה שבא דוד לחפור תימליחסיים של בית המקדש חפר חמש עשר מאות דאמין ולא אשכח תהומא ובטופה אשכח חד עציץ ובשא מירמיתיה א"ל לית את יכיל א"ל למה א"ל רנא (נ"א דנא) הכא כביש על תהומא א"ל ומן אימת את הכא א"ל מן שעתא דשמע רחמנא קליה כסיני אנכי ה' אלקיך רעדת ארעא ושקועת אנא יהיב הכא כביש על תהומא אע"ג כן לא שמע ליה כיון דרימיה סליק תהומא ובשא מטפא עלמא והוה אחיתוסל קאים תמן אמר כדן דוד מתחונק אנא מליך אמר דוד מאן דחכם דידע מקימתי ולא מקים ליה י"א סופיה מתחונקא אמר מה דאמר ואקמיה...

The following is a translation of the Jerusalem version:

And so also you find that when David came to dig the foundations (θεμελιωσις-תימליחסיים) of the temple he dug fifteen hundred cubits and did not reach the Tehom (Deeps or Abyss). At length he came upon a

ON SEALING THE ABYSSES

potsherd and wished to raise it. (The potsherd) said to him, "You cannot (lift me up)." "Why?" he asked. "Because I am here to suppress the *Tebom*," (replied the potsherd). "And since when have you been here?" asked (David). "Since that hour when the Merciful One made His voice to be heard on Sinai (saying): 'I am the Lord your God'. Then the earth shuddered¹ and began to subside, and I am here placed to suppress the *Tebom*." Nonetheless (David) did not hearken (to the potsherd, and) when he lifted it up, the *Tebom* came forth and wished to submerge the world. Achitophel was standing there, and he said (in his heart), "Thus will David be suffocated, and I will rule (in his stead)." Said David, "He who is wise and knows how to check it (the *Tebom*) and does not do so, may his end be that he suffocate." He said that which he said and checked it. . .

In the Babylonian Talmud the tradition was cited in the name of R. Johanan (though in B. *Makkot* 11a it is related "in the name of R. Jehuda in the name of Rav"). The Jeruśalmi version appears to be anonymous. Now whereas the traditionaries of these statements, Rav and R. Johanan, lived in the third century C.E. (fl. c. 220–90 C.E.), there can be little doubt that the statements themselves have their sources in very ancient lore.² Scholars have already pointed to the connexions between these traditions and that of the *Eben Ha-Shetiyah* cycle.³ Thus, for example, in pseudo-*Jonathan* to Exod. xxviii. 30 we read: *Eben Ha-Shetiyah*, with which the Lord of the World sealed up the mouth of the *Tebom*.⁴

We wish here to point out yet another source or group of sources related to this motif, hitherto not noted by scholars. In the *Odes of Solomon* (= OS) xxiv. 5, we read⁵ "... and they sealed

¹ Cf. Psalm lxviii. 9.

² In *יצונו ד' את גוף (= שפת)* of H. L. Ginzberg, p. 80, we read: "and he sealed the mouth or lip of the *Tebom*". (But see Driver's reading in *Canaanite Myths and Legends* (Edinburgh, 1956), p. 122, line 30.) See Apocalypse xx. 3: καὶ ἔβαλεν αὐτὸν εἰς τὴν ἄβυσσον καὶ ἔκλεισεν καὶ ἐφράγισεν τὸ στόμα αὐτοῦ. Ἄβυσσος is the word with which *Tebom* is translated in the LXX. For further information on this subject see E. Burrows, "Some Cosmological Patterns in the Babylonian Religion", in *The Labyrinth*, ed. S. H. Hooke (London, 1935), pp. 45–58, and A. J. Wensinck, *The Ideas of Western Semites concerning the Navel of the Earth* (Amsterdam, 1916).

³ Article by D. Feuchtwang, *M.G.W.J.* LIV–LV. Ginzberg's *Legends*, v, 15 n. 39; and vi. 258 n. 70. See also *Essays presented to R. Herz* (London, 1942), p. 25, in article by A. Altmann, suggesting gnostic origins for these traditions.

⁴ אבן השתייה דבה חתם מארי דעלמא פום תושמא דבא

⁵ *Texts and Studies*, ed. J. A. Robinson (Cambridge, 1916), p. 102. Cf. *The Odes and the Psalms of Solomon*, J. Rendel Harris (Cambridge, 1909), pp. 121–3, and Syriac text, *ibid.* p. 20.

ON SEALING THE ABYSSES

up the abysses with the seal of the Lord. . .". The editor of the Odes, J. H. Bernard, in his notes,¹ brings as a parallel the text of a Coptic Baptismal Office (= C2): *qui in unum locum aquas congregasti ac mare coercuisti abyssosque obserasti easque sancto et gloriosissimo nomine obsignasti.*

If C2 were to be based in or derived from the text cited from the Odes, we would have to explain that "the seal of the Lord" had been interpreted as being the name of the Lord. This is in fact quite a reasonable assumption. For, in Bernard's view, the Odes of Solomon were composed by an eastern Christian between 150 and 170 c.e., possibly in Syriac, and we know that in Aramaic magical texts, "the 'charm, mystery, seal' are identical and refer to the great name of the incantation".²

Nonetheless it would appear that C2 is really far more closely related to a source of which Bernard omitted to make mention. In the Prayer of Manasses (i. 1, 3, 4) we read:³ 1. O Lord Almighty which art in heaven. . . 3. Who hast bound up the sea by word of thy command. 4. Who hast shut up the Deep and sealed it with thy terrible and glorious name (trans. from ed. Charles, I, 620).

The similarities are immediately clear, yet there is still further evidence for the close relationship of the two texts. For Denzinger in his publication of C2⁴ brings a variant reading⁵ (hereafter C1): *et abyssas clausisti nomine tuo glorioso et timendo.* We have only to put this next to the Latin translation of the Prayer of Manasses to see the remarkable closeness of the two: *qui clausisti abyssum et signasti eam timendo ac glorioso nomine tuo.*⁶ Thus it would appear that Denzinger's variant, C1, is, in fact, an earlier version than his main text C2 (rather than a later one corrected to accord with the Apocryphal text). The date of the composition of the Prayer of Manasses is as yet unclear, but it was certainly known by the beginning of the third century c.e.⁷ It would appear that these texts C, C1 and C2, Prayer of Manasses and

¹ *Texts and Studies*, *ibid.* p. 106.

² J. A. Montgomery, *Aramaic Incantation Texts from Nippur* (Philadelphia, 1916), p. 130.

³ For the Greek text see *Didascalia* II. 22. 12, ed. Funk (1905), pp. 84-7: ὁ θεὸς τῶν πατέρων ἡμῶν. . . ὁ πεδήσας τὴν θάλασσαν τῷ λόγῳ τοῦ προστάγματός σου, ὁ κλείσας τὴν ἄβυσσον καὶ σφραγισάμενος αὐτὴν τῷ φοβερῷ καὶ ἐνδόξῳ ὀνόματί σου. . .

⁴ *Ritus Orientalium Coptorum* (1863-4), I, 205.

⁵ *Ibid.* note 4. Cf. the Ethiopian Baptismal Office cited in Migne's *PL, Series Latina*, vol. 138, col. 947.

⁶ Funk, *loc. cit.*

⁷ R. H. Charles, *Apocrypha and Pseudepigrapha* (Oxford, 1913), I, 614.

ON SEALING THE ABYSSES

maybe OS) are dependent upon some earlier creation cycle, apocryphal no doubt. (In this way they would also be linked with the *Eben Ha-Sbetiyab* cycle, which is clearly related to some creation story.)

Thus far we have seen several different kinds of sources sharing a common theme, namely that of the sealing up of the abysses with the name (= seal) of the Lord. The nature of the differences between these various sources is such as to assure us that they do not derive from one another. The Talmudic texts, perhaps slightly later than the Apocryphal ones in respect of their traditionaries, would certainly not draw upon non-Jewish sources (i.e. OS). Furthermore they would appear to be closer in form to the original source of this theme than the more developed liturgical texts (i.e. the Prayer of Manasses, and the derivative C1 and C2). Thus, by the second century C.E., this motif has been adopted and gained currency in both Jewish and Christian literary forms.

Returning to the Talmudic texts, it should be noted that the Jerusalem version preserves elements not found in the Babli (and vice versa), namely the finding of the potsherd, its reason for being there, and Achitophel's evil intentions. Conversely, the story of David's writing of the Ineffable Name upon a sherd and his throwing it into the Tehom to suppress it (and other details) are not to be found in the Jerusalem version. Here it is difficult to state with any certainty whether or not these various elements derive from a common source and were split up during the course of transmission, in which case the two Talmudic versions would complement one another, or whether they have differing origins, in which case a clue to the derivation of one element need not necessarily cast any light upon the history of the other. Though Ginzberg in his *Legends of the Jews* wove together these various elements into one story,¹ apparently believing them to have common origins, I would nevertheless suggest that we have here two different stories sharing common elements.

At all events, the motif of the potsherd suppressing the malevolent *Tebom* (Jerusalem text) clearly presupposes some sort of factual ritualistic or magical basis (being far more concrete an image than that of the written name containing hostile forces).² Now A. J. Montgomery, in his great work on Aramaic Incanta-

¹ *Legends*, III, 96.

² Cf. B. *Shabbat* 81 b, B. *Hullin* 105 b, B. *Gittin* 69 a, etc., for the magical use of sherds. I think all these examples are wholly unrelated to our own case.

ON SEALING THE ABYSSES

tion Texts, describes the discovery of earthenware bowls buried just below the surface of the earth, generally in reversed position.¹ He goes on to demonstrate that their purpose was to contain and suppress demons and other evil spirits, and to protect houses. Thus text no. 4 opens thus: *מיטלי דלמיכל מלאכין קדישין וכל רחמי בישתא* which he translates as: "covers to hold in sacred (= accursed) Angels and all evil spirits. . ."² Our Jeruśalmi story would appear to be based on just such a practice. Even the terminology of David's potsherd: *אנא הייב הכא כביש על תהומא* bears distinct affinities with these incantation texts, where the term *כבש* constantly recurs as a magic technical term.³

Montgomery's incantation texts are, it is true, of a considerably later date than our Jeruśalmi—not later than the sixth or early seventh century C.E., he surmises⁴—but he writes that they have their antecedents in early Babylonian religious rites.⁵ If our suggestion be accepted, then the Jeruśalmi text would appear to be clear evidence of the currency of such magical (cultic?) practices as early as the third century C.E. if not earlier. Certainly such formulae, though perhaps not appearing in incantation bowls, do, nevertheless, go back far earlier than the sixth century C.E. Thus, for example, Scholem quotes from the *Lesser Hechaloth* a text which seems very definitely to be some form of magical incantation:⁶

דן הוא איסרא וחיתמא	This is the spell and the seal
דאסרין ביה ארעא	By which the earth is bound
דאסרין ביה שמיא	And by which the heavens are bound
וארעא נידא מניה	And the earth flees from it
ותבל מתרעשא מקדמוהי . . .	And the Universe trembles before it . . .
פתח סום ימא	It opens the mouth of the sea
וסתם מי רקיע	And closes the waters (other readings: the hooks)
פתח שמיא ומרחי לתבל	It opens the Heavens of the firmament and waters the Universe
עקר ארעא ומערב לתבל . . .	It uproots the earth and confuses the Universe.

Just as the Tehom had been suppressed by a magical bowl, so also was it curbed by the agency of a magic formula. This seems to be the clear meaning of the Jeruśalmi's statement that

¹ Montgomery, p. 41.

² *Ibid.* pp. 42 and 133.

³ *Ibid.* no. 4, line 1, no. 38, line 12. See also appendix *s.v.* *כבש*.

⁴ *Ibid.* p. 105.

⁵ *Ibid.* pp. 106f.

⁶ G. Scholem, *Jewish Gnosticism, Merkabah Mysticism and Talmudic Tradition* (New York, 1960), p. 83.

ON SEALING THE ABYSSES

Achitophel אמר מה דאמר "said that which he said". *Midrasb Sbmual* (a late Midrash), either basing itself on an independent source, or interpreting the Jeruſalmi, states that he, Achitophel, אמר מילה ואוקמיה said a word (= formula, perhaps a "name") and checked it.¹ Thus his method was that of the spoken word, rather than the written one of the Babli. The Achitophel of the Jeruſalmi is more the Magician than the halachically trained Talmudist of the Babli. Thus the Babli does not give additional information as to Achitophel's methods, but different information. In the light of the above the two versions should be viewed as independent to a great extent, and not be regarded (as Ginzberg apparently did) as two halves of one tale.

Finally it is of interest to note that this concept of the sealing up of the *Tebom* with the Holy Name is developed along more philosophical lines in the Midrash into an image of the sealing up of the abysses at the time of creation with the Torah (= the divine name) or Hokhma (wisdom—Greek λόγος² or σοφ(α)). Thus in *Tanbuma* Genesis 1 we read: "And with it (Torah—Hokhma) He sealed up the Sea Oceanus so that it might not well up and wash away the world, . . . and with it he sealed the *Tebom* that it might not overcome the world, as it is written" (Prov. viii. 27), "When he set a compass over the face of the depth (*Tebom*)".³ Although a later and more developed form employing philosophical terminology and exegetical method, it still preserves certain linguistic and stylistic traits suggesting that it has common origins with both the Talmudic and the Apocryphal sources cited above. Thus the phrase וישטוף את העולם should be compared with the Talmudic ונשא למשטמא עלמא; ונתהם . . . את התהם with *abyssosque obserasti easque . . . obsignasti*; and ים אוקיינוס . . . התהם with *ac mare . . . abyssosque*. Certainly it is most clearly related to the Prayer of Manasses and its derivatives in that both are part of a creation

¹ Ed. Buber, chap. 26, p. 125. The phrase אמר מה דאמר in the Jerusalem Talmud is a technical term meaning "he said a magical formula or incantation". See, for example, J. *Sanhedrin* 7, 25 d, 23 and 25. מילה or מילין also means a magical formula or incantation, cf. B. *Hullin* 139 b. It continues to bear this same meaning during the Gaonic period as well. Cf. *Teshuvot Hagonim* (ed. Lyck), no. 31. I have discussed this matter at some length in an article entitled "A note on the word מילה" shortly to appear in *Revue des Études Juives*.

² See Apocrypha, Hebrew ed. of A. Kahane (Israel, 5716), I, 332 note to verse 3 (Hartum's suggestion). Philo identifies the Name with the λόγος. See R. McL. Wilson, *The Gnostic Problem* (London, 1958), pp. 170, 228.

³ ובה חתם את ים אוקיינוס שלא יצא וישטוף את העולם . . . ובה חתם את התהם שלא יצוף את העולם.

ON SEALING THE ABYSSES

cycle. The origins of these texts would appear to lie in some sort of Apocryphal creation story, now lost to us.¹

In the above study no attempt has been made to trace the origins of our texts through the methods of the folklorist and anthropologist. All evidence has been either philological or archaeological. The results of our findings can be conveniently summarized in the following manner.

(a) The Coptic Baptismal office quoted by Denzinger as a variant C 1 is probably the earlier liturgical form.

(b) It is dependent in some degree upon the Prayer of Manasses.

(c) Denzinger's main text C 2 of the office is a later form of it.

(d) By the second century c.e. the motif of the sealing up of the Abysses with the divine name had entered into both Jewish and Christian literary forms.

(e) The Jerušalmi story of David's potsherd would seem to be most easily understandable in terms of Montgomery's incantation bowls.

(f) Thus the Jerušalmi text would appear to be evidence of the existence of such magical bowls as early as the third century c.e. in Jewish Palestine.

(g) The Jerušalmi and the Babli texts do not seem to be complementary versions but rather independent ones with common grounds.

(h) The *Midrash Shemuel* version may be partly independent of the Jerušalmi.

(i) The *Tanhuma* text appears to be somewhat related to the Prayer of Manasses text, both presumably dependent upon some earlier creation cycle.

(j) *Midrash Shemuel*, if independent of the Jerušalmi, would then be similarly dependent upon a creation cycle, but no doubt a very different one.

(k) These creation cycles were no doubt Apocryphal and took forms similar to such passages as Enoch lxix. 19.

¹ See Enoch lxix. 19; Vision of Ezra iv. 38; II Enoch xi. 22; Jubilees ii, etc. It should further be noted that according to *Midrash Shemuel* the sherd was placed over the *Tebom* at the time of creation, and not at the time when the ten commandments were given.

Joel Marcus. Rivers of Living Water from Jesus' Belly (John 7:38)

RIVERS OF LIVING WATER FROM JESUS' BELLY (JOHN 7:38)

The source for the "scriptural" citation in John 7:38, "Rivers of living water shall flow from his belly," is a matter of controversy, since no OT passage exactly matches the verse that John designates as *γραφή* ("scripture"). The question of the scriptural source is interrelated with that of whether the belly from which the living water flows belongs to Jesus or to the Christian believer; the majority of commentators favors Jesus,¹ and this note will strengthen that predilection by arguing that at least one of the scriptures in view is the eschatological prophecy in Isa 12:3, "With joy you will draw water from the wells of salvation."²

This OT passage is a particularly attractive candidate as a scriptural source for our text not only because it is eschatological in orientation but also because the Johannine Jesus makes his proclamation during the feast of Tabernacles, and Isa 12:3 is associated with Tabernacles in several talmudic passages (*b. Sukk.* 48b; 50b; *y. Sukk.* 5:1 [55a]). Indeed, it is even possible that the original *Sitz im Leben* of Isa 12:3 was the water libation that took place on the mornings of the festival.³ In this ceremony, water was drawn from the Siloam stream to the south of Jerusalem, carried up to the Temple in a joyful procession, and poured out on the altar (see *m. Sukk.* 4:9–10). So central was this rite to Tabernacles that it influenced the name of the nocturnal illumination that preceded it in the Temple courtyards, which came to be called *שמחת בית השואבה*, "the Joy of the Place of Water-Drawing" (see the descriptions in *m. Sukk.* 5:1–5 and *t. Sukk.* 4:1–9).⁴ The existence of such a prominent water rite at Tabernacles gives a *prima facie* plausibility to the thesis that a scriptural text associated with that rite might be the background to the Johannine Jesus' proclamation about water at the same festival. The relevance of the his-

¹ On the history of interpretation, see R. E. Brown, *The Gospel According to John* (2 vols.; Garden City, NY: Doubleday, 1966, 1970) 1.320–24; R. Schnackenburg, *The Gospel According to St John* (3 vols.; New York: Crossroad, 1968–1982) 2.153–54; G. Bienaimé, "L'annonce des fleuves d'eau vive en Jean 7,37–39," *RTL* 21 (1990) 281–310, 417–54; M. J. J. Menken, *Old Testament Quotations in the Fourth Gospel: Studies in Textual Form* (Contributions to Biblical Exegesis & Theology 15; Kampen: Kok Pharos, 1996) 187–203.

² Schnackenburg (*John*, 2.155), drawing on the work of J. Jeremias, mentions Isa 12:3 and its interpretation in *y. Sukk.* 5:1 in his discussion of John 7:38.

³ See J. L. Rubenstein, *The History of Sukkot in the Second Temple and Rabbinic Periods* (BJS 302; Atlanta: Scholars Press, 1995) 148 n. 168.

⁴ On the libation and the illumination, see the excellent treatment in Rubenstein, *History*, 117–52.

tory of interpretation of Isa 12:3 to John 7:38 is increased by the fact that *y. Sukk.* 5:1 (55a) forges the connection between Tabernacles and the Isaian passage in such a way that the latter's water image becomes a symbol for the Holy Spirit: "R. Joshua ben Levi said: Why is it [the Temple courtyard] called 'the Place of Water-drawing'? Because from it they draw out the Holy Spirit, as it is said, 'With joy you will draw water from the wells of salvation' [Isa 12:3]."⁵ John, too, associates the water of his "scriptural" verse with the Spirit (see John 7:39).⁶

An added attraction of Isa 12:3, and the major original contribution of this note, is the fact that it accounts for the strange circumstance that John describes the water as flowing *from Jesus' belly* (ἐκ τῆς κοιλίας αὐτοῦ). In the Hebrew of Isa 12:3, the words for "from the wells of salvation" are מְצֻדֹת יְשׁוּעָה. Popular etymology linked the second word here, מְצֻדֹת = "salvation," with Jesus' name יְשׁוּעָה.⁷ Moreover, the word for "well," מְצֻדֹת, is very close consonantly to מְעֻדֹת, a word that means "internal organs, intestines, bowels, or belly,"⁸ and that the LXX translates more than twenty times with κοιλία—the word for "belly" employed in John 7:38.⁹ The unbound forms of מְעֻדֹת and of מְצֻדֹת, indeed, may be homographs in Mishnaic Hebrew (both מְצֻדֹת); there is thus a good possibility that the two words could be confused either inadvertently or, as probably happened in the present case, deliberately. John or his source could therefore have performed upon these two words the sort of operation that was common in ancient Jewish midrash, in which consonants were often rearranged, omitted, or replaced in order to obtain a reading that was more useful for the interpreter than the original. Such puns

⁵ See Schnackenburg, *John*, 2.155. Although the passage cited is talmudic, and R. Joshua ben Levi was a first generation Amora, the connection between water and the Spirit is already biblical (e.g., Isa 44:3; Joel 2:28–29; Ezek 36:25–26) and continues in postbiblical Judaism (e.g., *Jub.* 1:23–25; 1QS 4:19–21). It could easily have been applied to Isa 12:3 at an earlier date.

⁶ The Targum on Isa 12:3, similarly, interprets that passage sapientially: "And you will accept a new teaching from the chosen ones of righteousness" (trans. B. D. Chilton, *The Isaiah Targum: Introduction, Translation, Apparatus and Notes* [Aramaic Bible 11; Wilmington: Michael Glazier, 1987]). This sapiential interpretation is akin to John's emphasis on the profound impression produced by Jesus' citation of "scripture" (John 7:40).

⁷ The name יְשׁוּעָה is a contraction of יְהוֹשֻׁעַ = "Joshua," which originally meant "Yahweh helps," from the root יָשַׁע. But the name was popularly connected with מְצֻדֹת = "salvation," from the root צָדַד = "to save"; see, e.g., Matt 1:21; Acts 4:12. This popular etymology is not confined to Christian sources; see Philo, *Change of Names* 12.121: "Jesus [Joshua] is interpreted salvation of the Lord, a name for the best possible state" (cited by R. E. Brown, *The Birth of the Messiah: A Commentary on the Infancy Narratives in Matthew and Luke* [Garden City, NY: Doubleday, 1979] 131).

⁸ BDB, 588–89; cf. W. L. Holladay, *A Concise Hebrew and Aramaic Lexicon of the Old Testament* (Grand Rapids: Eerdmans, 1971) 205. Similarly, C. F. Burney suggests a confusion between מְצֻדֹת, the Aramaic equivalent to מְעֻדֹת, and מְצֻדֹת in Joel 3:18 (MT 4:18) as the origin of John 7:38 (*The Aramaic Origin of the Fourth Gospel* [Oxford: Clarendon, 1922] 109–11); L. Köhler has a more complicated theory involving the same confusion in Isa 58:11–12 (cited in R. Bultmann, *The Gospel of John: A Commentary* [Philadelphia: Westminster, 1971] 304). But neither of these theories involves a scriptural source that (1) is associated with Tabernacles and (2) easily yields a statement about the belly of Jesus.

⁹ Ruth 1:11; 2 Kgdms 7:12; 16:11; 20:10; 2 Chr 21:15, 18, 19; 32:21; John 30:27; Pss 21(22):14; 39(40):8; 70(71):6; Cant 5:4, 14; Jonah 2:1–2; Isa 16:11; 48:19; 49:1; Jer 4:19; Lam 1:20; Ezek 7:19; Dan 2:32. On κοιλία as a translation for מְעֻדֹת, see further Bienamé, "Fleuves," 419.

are frequent in rabbinic midrashim of the *אל תקרי* type (“read the word not as X, but as Y”),¹⁰ and P. Borgen has detected the use of this technique in John 6:31–32, where *נתן* = “he gave” is reinterpreted as *נתן* = “he gives.”¹¹ Following this pattern, in the present instance the last two consonants of *מִמֶּעִי* could have been omitted and the Isaian verse could have been reread as a promise that at the eschaton Israel would joyfully draw water *מִבֶּטֶן יֵשׁוּעַ* = “from the belly of Jesus.”

It is possible, then, that John or, more probably, a source that he took over, appropriated from Isa 12:3 the image of drawing water,¹² which was already associated with Tabernacles and the eschatological advent of the Spirit, and reinterpreted it in a christological manner that utilized the *אל תקרי* method or something like it:

“With joy you will draw water from the wells of salvation” (Isa 12:3). Do not read, “from the wells of salvation” [*מִמֶּעִי הַיְשׁוּעָה*], but “from the belly of Jesus” [*מִבֶּטֶן יֵשׁוּעַ*], for rivers of living water shall flow from his belly.¹³

Joel Marcus

University of Glasgow, Glasgow G12 8QQ UK

¹⁰ See R. Kasher, “The Interpretation of Scripture in Rabbinic Literature,” in *Mikra: Text, Translation, Reading and Interpretation of the Hebrew Bible in Ancient Judaism and Early Christianity* (ed. M. J. Mulder; Assen/Maastricht: Van Gorcum; Minneapolis: Fortress, 1990) 572–73. Closer to the time of John, similar puns are frequent in the Qumran scrolls (see M. Fishbane, “Use, Authority and Interpretation of Mikra at Qumran,” in *Mikra*, 374–75).

¹¹ P. Borgen, *Bread from Heaven: An Exegetical Study of the Concept of Manna in the Gospel of John and the Writings of Philo* (NovTSup 10; Leiden: Brill, 1965) 61–67.

¹² The image of drawing water of Isa 12:3 had already migrated from the pulling of water out of the Siloam to the libation in the Temple that followed, and thence to the illumination that was associated with the libation. So it is no surprise to find it migrating still further in John, to Jesus, whom John presents elsewhere as the eschatological Temple (see John 2:19–21 and cf. B. H. Grigsby, “If Any Man Thirst . . . : Observations on the Rabbinic Background of John 7:37–39,” *Bib* 67 [1986] 101–8, esp. 106). On the migration of midrashic images, see J. L. Kugel, *In Potiphar's House: The Interpretive Life of Biblical Texts* (Cambridge, MA/London: Harvard University Press, 1990) 255–56.

¹³ Admittedly, there is no mention of “rivers of living water” in Isa 12:3, so an important feature of John 7:38 is absent, and we may have to reckon with the influence of some such passage as Zech 14:8 as well (see Brown, *John*, 1.322–23). As we have seen, however, Isa 12:3 was associated with the drawing of water from the Siloam at Tabernacles, and the Siloam was a freshwater stream whose water was reputed to have magical properties (see, e.g., Josephus, *J.W.* 5 §410; *t. Arak.* 2.6; cf. Rubenstein, *History*, 119 n. 59)—a reputation that John himself exploits in 9:7. In line with this reputation, Josephus calls the Siloam “the sweet and abundant fountain” (*τὴν πηγὴν γλυκεῖαν τε καὶ πολλήν* [*J.W.* 5 §140]). This comes close to John’s description of “rivers of living water” (*ποταμοὶ . . . ὕδατος ζῶντος*), since *ὕδωρ ζῶν*, “living water,” originally meant spring water in contrast to cistern water (cf. Gen 26:19; Lev 14:5; Zech 14:8; *Did.* 7:1–2; see BAGD, 337 [4a]).

Адам и Храм

Бытие 1-2. 1:1. В начале сотворил Бог небо и землю. 2 Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою. 3 И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. 4 И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы. 5 И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один. 6 И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды. 7 И создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так. 8 И назвал Бог твердь небом. И был вечер, и было утро: день второй. 9 И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так. 10 И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями. И увидел Бог, что [это] хорошо. 11 И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя дерево плодovitое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так. 12 И произвела земля зелень, траву, сеющую семя по роду ее, и дерево, приносящее плод, в котором семя его по роду его. И увидел Бог, что [это] хорошо. 13 И был вечер, и было утро: день третий. 14 И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен, и дней, и годов; 15 и да будут они светильниками на тверди небесной, чтобы светить на землю. И стало так. 16 И создал Бог два светила великие: светило большее, для управления днем, и светило меньшее, для управления ночью, и звезды; 17 и поставил их Бог на тверди небесной, чтобы светить на землю, 18 и управлять днем и ночью, и отделять свет от тьмы. И увидел Бог, что [это] хорошо. 19 И был вечер, и было утро: день четвертый. 20 И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной. 21 И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее. И увидел Бог, что [это] хорошо. 22 И благословил их Бог, говоря: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте воды в морях, и птицы да размножаются на земле. 23 И был вечер, и было утро: день пятый. 24 И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их. И стало так. 25 И создал Бог зверей земных по роду их, и скот по роду его, и всех гадов земных по роду их. И увидел Бог, что [это] хорошо. 26 И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле. 27 И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. 28 И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле. 29 И сказал Бог: вот, Я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя; - вам [сие] будет в пищу; 30 а всем зверям земным, и всем птицам небесным, и всякому пресмыкающемуся по земле, в котором душа живая, [дал] Я всю зелень травную в пищу. И стало так. 31 И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма. И был вечер, и было утро: день шестой.

2.1. Так совершены небо и земля и все воинство их. 2 И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмый от всех дел Своих, которые делал. 3 И благословил Бог седьмой день, и освятил его, ибо в оный почил от всех дел Своих, которые Бог творил и созидал. 4 Вот происхождение неба и земли, при сотворении их, в то время, когда Господь Бог создал землю и небо, 5 и всякий полевой кустарник, которого еще не было на земле, и всякую полевую траву, которая еще

не росла, ибо Господь Бог не посылал дождя на землю, и не было человека для возделывания земли, б но пар поднимался с земли и орошал все лице земли. 7 И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою. 8 И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке, и поместил там человека, которого создал. 9 И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла. 10 Из Едема выходила река для орошения рая; и потом разделялась на четыре реки. 11 Имя одной Фисон: она обтекает всю землю Хавила, ту, где золото; 12 и золото той земли хорошее; там бдолах и камень оникс. 13 Имя второй реки Гихон: она обтекает всю землю Куш. 14 Имя третьей реки Хиддекель: она протекает пред Ассирию. Четвертая река Евфрат. 15 И взял Господь Бог человека, и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его. 16 И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, 17 а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь. 18 И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему. 19 Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей. 20 И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым; но для человека не нашлось помощника, подобного ему. 21 И навел Господь Бог на человека крепкий сон; и, когда он уснул, взял одно из ребр его, и закрыл то место плотию. 22 И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку. 23 И сказал человек: вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою, ибо взята от мужа. 24 Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут одна плоть. 25 И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились.

1 בְּרֵאשִׁית אֱלֹהִים בָּרָא אֶת הַשָּׁמַיִם וְאֶת הָאָרֶץ : 2 וְהָאָרֶץ
הָיְתָה תֹהוֹ וָבֹהוּ וְחֹשֶׁךְ עַל־פְּנֵי תְהוֹם וְרוּחַ אֱלֹהִים מְרַחֶפֶת עַל־פְּנֵי
הַמַּיִם : 3 וַיֹּאמֶר אֱלֹהִים יְהי אֹר וַיְהי־אֹר : 4 וַיִּרְא אֱלֹהִים אֶת־
הָאֹר כִּי־טוֹב וַיְבָרֶךְ אֱלֹהִים בֵּין הָאֹר וּבֵין הַחֹשֶׁךְ : 5 וַיִּקְרָא
אֱלֹהִים לְאֹר יוֹם וְלַחֹשֶׁךְ לַיְלָה וַיְהי־עֶרֶב וַיְהי־בֹקֶר יוֹם
אֶחָד : 6 וַיֹּאמֶר אֱלֹהִים יְהי רָקיעַ בְּתוֹךְ הַמַּיִם וַיְהי מְבַדֵּיל
בֵּין מַיִם לַמַּיִם : 7 וַיַּעַשׂ אֱלֹהִים אֶת־הַרְקִיעַ וַיְבָרֶךְ בֵּין הַמַּיִם אֲשֶׁר
מִתַּחַת לְרָקיעַ וּבֵין הַמַּיִם אֲשֶׁר מֵעַל לְרָקיעַ וַיְהי־כֵן : 8 וַיִּקְרָא
אֱלֹהִים לְרָקיעַ שָׁמַיִם וַיְהי־עֶרֶב וַיְהי־בֹקֶר יוֹם שֵׁנִי : 9
וַיֹּאמֶר אֱלֹהִים יִקְוּ הַמַּיִם מִתַּחַת הַשָּׁמַיִם אֶל־מְקוֹם אֶחָד וְתִרְאֶה
הַיַּבְשָׁה וַיְהי־כֵן : 10 וַיִּקְרָא אֱלֹהִים לַיַּבְשָׁה אָרֶץ וְלַמְּקוֹהַּ הַמַּיִם
קָרָא יַמִּים וַיִּרְא אֱלֹהִים כִּי־טוֹב : 11 וַיֹּאמֶר אֱלֹהִים תְּדַשְׂא הָאָרֶץ
דָּשָׁא עֵשֶׂב^a מְזֻרְעֵ זֶרַע עֵץ^b פְּרִי עֵשֶׂה פְּרִי לַמִּינֵי^c אֲשֶׁר זֶרְעוּ־בוּ
עַל־הָאָרֶץ וַיְהי־כֵן : 12 וַתוֹצֵא הָאָרֶץ דָּשָׁא עֵשֶׂב מְזֻרְעֵ זֶרַע לַמִּינֵהוּ
וְעֵץ עֵשֶׂה פְּרִי אֲשֶׁר זֶרְעוּ־בוּ לַמִּינֵהוּ וַיִּרְא אֱלֹהִים כִּי־טוֹב : 13 וַיְהי־
עֶרֶב וַיְהי־בֹקֶר יוֹם שְׁלִישִׁי : 14 וַיֹּאמֶר אֱלֹהִים יְהי מְאֹרֹת
בְּרָקיעַ הַשָּׁמַיִם לְהַבְדִּיל בֵּין הַיּוֹם וּבֵין הַלַּיְלָה וְהַיּוֹ לְאֹתוֹת וְלַמּוֹעֲדִים
וְלַיָּמִים וְשָׁנִים : 15 וְהַיּוֹ לַמְּאֹרֹת בְּרָקיעַ הַשָּׁמַיִם לְהָאִיר עַל־הָאָרֶץ
וַיְהי־כֵן : 16 וַיַּעַשׂ אֱלֹהִים אֶת־שְׁנֵי הַמְּאֹרֹת הַגְּדֹלִים אֶת־הַמָּאֹר

הַגִּדְלָ לְמַמְשֶׁלֶת הַיּוֹם וְאֶת־הַמְּאֹר הַקָּטָן לְמַמְשֶׁלֶת הַלַּיְלָה וְאֵת
 הַכּוֹכָבִים: ¹⁷ וַיִּתֵּן אֹתָם אֱלֹהִים בְּרִקְיעַ שְׁמַיִם לְהָאִיר עַל־הָאָרֶץ: ¹⁷
 וְלַמַּשֵּׁל בַּיּוֹם וּבַלַּיְלָה וְלַהַבְדִּיל בֵּין הָאֹר וּבֵין הַחֹשֶׁךְ וַיֵּרָא אֱלֹהִים
 כִּי־טוֹב: ¹⁹ וַיְהִי־עֶרֶב וַיְהִי־בֹקֶר וַיּוֹם רִבְעִי: ^פ ²⁰ וַיֹּאמֶר
 אֱלֹהִים יִשְׂרָצוּ הַפְּמִים שָׂרֵץ נֶפֶשׁ תַּיָּה וְעוֹף יְעוֹפֵף עַל־הָאָרֶץ עַל־פְּנֵי
 רִקְיעַ שְׁמַיִם: ²¹ וַיִּבְרָא אֱלֹהִים אֶת־הַתַּיִנִּים הַגְּדֹלִים וְאֵת כָּל־נֶפֶשׁ
 הַחַיָּה הַרְמֹשֶׁת אֲשֶׁר שָׂרָצוּ הַפְּמִים לְמִינֵהֶם וְאֵת כָּל־עוֹף כָּנָף לְמִינֵהוּ
 וַיֵּרָא אֱלֹהִים כִּי־טוֹב: ²² וַיִּבְרָךְ אֹתָם אֱלֹהִים לֵאמֹר פְּרוּ וּרְבוּ
 וּמִלְּאוּ אֶת־הַפְּמִים בְּיַמִּים וְהָעוֹף יִרְבַּ בָּאָרֶץ: ²³ וַיְהִי־עֶרֶב וַיְהִי־בֹקֶר
 יוֹם חָמִישִׁי: ^פ ²⁴ וַיֹּאמֶר אֱלֹהִים תּוֹצֵא הָאָרֶץ נֶפֶשׁ תַּיָּה לְמִינָהּ
 בַּהֶמָּה וְרֶמֶשׂ וְתִיתּוֹ־אָרֶץ לְמִינָהּ וַיְהִי־כֵן: ²⁵ וַיַּעַשׂ אֱלֹהִים אֶת־תְּלִיתֹ
 הָאָרֶץ לְמִינָהּ וְאֶת־הַבְּהֵמָה לְמִינָהּ וְאֵת כָּל־רֶמֶשׂ הָאֲדָמָה לְמִינָהּ
 וַיֵּרָא אֱלֹהִים כִּי־טוֹב: ²⁶ וַיֹּאמֶר אֱלֹהִים נַעֲשֵׂה אָדָם בְּצַלְמֵנוּ
 כְּדַמוֹתֵנוּ וַיְרֻדוּ בְדִגְתַּיִם וּבְעוֹף הַשָּׁמַיִם וּבַכָּל־הָאָרֶץ
 וּבְכָל־הַרְמֵשׂ הַרְמֵשׂ עַל־הָאָרֶץ: ²⁷ וַיִּבְרָא אֱלֹהִים אֶת־הָאָדָם
 בְּצַלְמוֹ בְּצֶלֶם אֱלֹהִים בָּרָא אֹתוֹ זָכָר וּנְקֵבָה בָּרָא אֹתָם: ²⁸ וַיִּבְרָךְ
 אֹתָם אֱלֹהִים וַיֹּאמֶר לָהֶם אֱלֹהִים פְּרוּ וּרְבוּ וּמִלְּאוּ אֶת־הָאָרֶץ וּכְבָּשׁוּ
 וּרְדוּ בְּדִגְתַּיִם הַיָּם וּבְעוֹף הַשָּׁמַיִם וּבְכָל־חַיָּה הַרְמֹשֶׁת עַל־הָאָרֶץ:
 וַיֹּאמֶר אֱלֹהִים הִנֵּה נָתַתִּי לָכֶם אֶת־כָּל־עֵשֶׂב זֶרַע אֲשֶׁר עַל־
 פְּנֵי כָל־הָאָרֶץ וְאֵת כָּל־הָעֵץ אֲשֶׁר־בוֹ פְּרִיעֵץ זֶרַע זֶרַע לָכֶם יִהְיֶה
 לְאֹכְלָהּ: ³⁰ וְלִכְלֹ־תִיתּ הָאָרֶץ וְלִכְלֹ־עוֹף הַשָּׁמַיִם וְלִכְלֹ רֹמֵשׂ
 עַל־הָאָרֶץ אֲשֶׁר־בוֹ נֶפֶשׁ חַיָּה אֹת־כָּל־יִרְקַע עֵשֶׂב לְאֹכְלָהּ וַיְהִי־כֵן:
 וַיֵּרָא אֱלֹהִים אֶת־כָּל־אֲשֶׁר עָשָׂה וְהִנֵּה־טוֹב מְאֹד וַיְהִי־עֶרֶב וַיְהִי־
 בֹקֶר יוֹם הַשְּׁשִׁי: ^פ ¹ ² וַיְכַלּוּ הַשָּׁמַיִם וְהָאָרֶץ וְכָל־צְבָאָם: ²

24ג, 5, 24ג
 ל וחס. ה. 25ג. 26ג
 ג ר"פ. ל. 27ג
 28ג מנה בטע בעינ
 29ל. ג. כא פסוק על על
 ומילה חדה ביניהם
 ג. ג. חס בחור
 ג. ג.
 ה בחור
 ד. ה. 29ג. 30ג. ב. ג. ר"פ
 ג. 5. 27ג
 ל ו בעינ. ד. 27ג
 4 בליש
 27ג 28ג מנה בטע בעינ
 ג. ג. ה. פסוק ובכל ובכל
 ג
 ג. 5. 28ג. ה. בחור
 כב"ל וכל ד"ה ועורא
 דכות ב מ ה חס בליש.
 ד. ל. חס
 ג. ג.
 27ג
 ג
 ד ר"פ. ל. ר"פ 27ג
 4 בליש 28ג. ל. ג. מל
 ו בעינ
 ג
 1. 4. 5. 5

2 וַיְכַל אֱלֹהִים בַּיּוֹם הַשְּׁבִיעִי מְלֵאכְתּוֹ אֲשֶׁר עָשָׂה וַיִּשְׁבֹּת בַּיּוֹם
 הַשְּׁבִיעִי מִכָּל־מְלֵאכְתּוֹ אֲשֶׁר עָשָׂה: ³ וַיִּבְרָךְ אֱלֹהִים אֶת־יוֹם
 הַשְּׁבִיעִי וַיְקַדֵּשׁ אֹתוֹ כִּי בּוֹ שָׁבַת מְכָל־מְלֵאכְתּוֹ אֲשֶׁר־בָּרָא אֱלֹהִים
 לַעֲשׂוֹת: ^פ ⁴ אֵלֶּה תּוֹלְדוֹת הַשָּׁמַיִם וְהָאָרֶץ בְּהַבְרָאָם
 בַּיּוֹם עָשׂוֹת יְהוָה אֱלֹהִים אָרֶץ וּשְׁמַיִם: ⁵ וְכָל־שְׁחַ הַשָּׂדֶה
 טָרֵם יִהְיֶה בָּאָרֶץ וְכָל־עֵשֶׂב הַשָּׂדֶה טָרֵם יִצְמַח כִּי לֹא הִמְטִיר יְהוָה

ד ר"פ. ב. מל. ל.
 ג. 28ג. ר"פ וכל וס ארת
 וחד מן ה ר"פ בסוף וחד
 מן ר"פ וכל ומ"פ וכל. ה.

6 אֱלֹהִים עַל־הָאָרֶץ וְאָדָם אֵין לַעֲבֹד אֶת־הָאֲדָמָה: 6 וְאָדָם יַעֲלֶה מִן־
 7 הָאָרֶץ וְהִשְׁקָה אֶת־כָּל־פְּנֵי־הָאֲדָמָה: 7 וַיִּצְרֹךְ יְהוָה אֱלֹהִים אֶת־
 הָאָדָם עֵפֶר מִן־הָאֲדָמָה וַיִּפָּח בְּאָפִיו נְשִׁמַת חַיִּים וַיְהִי הָאָדָם לְנֶפֶשׁ
 8 חַיָּה: 8 וַיִּטֹּעַ יְהוָה אֱלֹהִים גֶּן־בְּעֵדֵן מִקְדָּם וַיִּשֶׂם שֵׁם אֶת־הָאֲדָם אֲשֶׁר
 9 יִצְרֹךְ: 9 וַיִּצְמַח יְהוָה אֱלֹהִים מִן־הָאֲדָמָה כָּל־עֵץ נֹחַמָד לְמִרְאֵה וְטוֹב
 10 לְמֵאֲכָל וְעֵץ הַחַיַּים בְּתוֹךְ הַגֶּן וְעֵץ הַדַּעַת טוֹב וְרָע: 10 וַנְּהַר יִצְאָ
 11 מִעֵדֵן לְהִשְׁקוֹת אֶת־הַגֶּן וּמִשָּׁם יִפְלֹד וְהָיָה לְאַרְבַּעַת רְאשִׁים: 11 שֵׁם
 הָאֶחָד פִּישׁוֹן הוּא הַסִּבְבַּ אֶת־כָּל־אֲרָץ הַחֲוִילָה^a אֲשֶׁר־שָׁם הַזָּהָב:
 12 וְהַבַּיִת הָאֲרָץ הוּא טוֹב^b שֵׁם הַבְּדֵלֶלֶת וְאֵבֶן הַשֹּׁהַם: 13 וְשֵׁם־הַנְּהָר
 14 הַשֵּׁנִי גִיחוֹן הוּא הַסּוּבָב אֶת־כָּל־אֲרָץ כּוּשׁ: 14 וְשֵׁם הַנְּהָר הַשְּׁלִישִׁי
 חַדְקֵל הוּא הַחֲלָף קְדֵמַת אֲשׁוּר וְהַנְּהָר הַרְבִּיעִי הוּא פָּרָת:
 15 וַיִּקַּח יְהוָה אֱלֹהִים אֶת־הָאָדָם וַיַּנְחֵהוּ בְּגֶן־עֵדֵן לַעֲבֹדָה וּלְשִׁמְרָה: 15
 16 וַיִּצְוֵה יְהוָה אֱלֹהִים עַל־הָאָדָם לֵאמֹר מִכָּל־עֵץ־הַגֶּן אָכַל תֹּאכַל:
 17 וּמִעֵץ הַדַּעַת טוֹב וְרָע לֹא תֹאכַל מִמֶּנּוּ כִּי בַיּוֹם אָכַלְתָּ מִמֶּנּוּ מוֹת
 18 תָּמוּת: 18 וַיֹּאמֶר יְהוָה אֱלֹהִים לֹא־טוֹב הָיִיתָ הָאָדָם לְבַדּוֹ אֶעֱשֶׂה־^a
 19 לָּךְ עֶזֶר כְּנֶגְדְּךָ: 19 וַיִּצְרֹךְ יְהוָה אֱלֹהִים^b מִן־הָאֲדָמָה כָּל־תֵּיַת הַשָּׂדֶה
 וְאֵת כָּל־עוֹף הַשָּׁמַיִם וַיָּבֵא אֶל־הָאָדָם לְרֵאוֹת מַה־יִּקְרָא־לּוֹ וְכָל־
 20 אֲשֶׁר יִקְרָא־לּוֹ הָאָדָם נֶפֶשׁ חַיָּה^c הוּא שְׁמוֹ: 20 וַיִּקְרָא הָאָדָם שְׁמוֹת

1 לְכָל־הַבְּהֵמָה וְלַעוֹף^a הַשָּׁמַיִם וּלְכָל־תֵּיַת הַשָּׂדֶה וּלְאָדָם^b לֹא־מִצָּא
 21 עֶזֶר כְּנֶגְדּוֹ: 21 וַיִּפְּלֵ יְהוָה אֱלֹהִים וַתִּרְדְּמָה עַל־הָאָדָם וַיִּישָׁן וַיִּקַּח
 22 אֶחָת מִצִּלְעֹתָיו וַיִּסְגֶּר בָּשָׂר תַּחְתָּנָה: 22 וַיִּבֶן יְהוָה אֱלֹהִים אֶת־הַצִּלְעַ
 23 אֲשֶׁר־לָקַח מִן־הָאָדָם לְאִשָּׁה וַיָּבֵאתָ אֶל־הָאָדָם: 23 וַיֹּאמֶר הָאָדָם
 זֹאת הִפְעַם עָצַם מְעַצְמִי וּבָשָׂר מִבְּשָׂרִי
 לְזֹאת יִקְרָא אִשָּׁה כִּי מֵאִישׁ^a לָקַחְתָּ־זֹאת:
 24 עַל־כֵּן יַעֲזֹב אִישׁ אֶת־אָבִיו וְאֶת־אִמּוֹ וְדָבַק בְּאִשְׁתּוֹ וְהָיוּ^b לְבָשָׂר
 25 אֶחָד: 25 וַיְהִי שְׁנֵיהֶם עֶרְוִמִּים^c הָאָדָם וְאִשְׁתּוֹ וְלֹא יָתְבַשְׁשׁוּ:

^a 1. וכל על האדם ועל הבהמה דכות²¹. 1.
 ב בתור. 2.
 ג חס וכו מל²².
 ד מל ב דגש וב רפ²⁵.

Иезекииль 1. 1 И было в тридцатый год, в четвертый [месяц], в пятый [день] месяца, когда я находился среди переселенцев при реке Ховаре, отверзлись небеса, и я видел видения Божии. 2 В пятый [день] месяца (это был пятый год от пленения царя Иоакима), 3 было слово Господне к Иезекиилю, сыну Вузия, священнику, в земле Халдейской, при реке Ховаре; и была на нем там рука Господня. 4 И я видел, и вот, бурный ветер шел от севера, великое облако и клубящийся огонь, и сияние вокруг него, 5 а из середины его как бы свет пламени из середины огня; и из середины его видно было подобие четырех животных, - и таков был вид их: облик их был, как у человека; 6 и у каждого четыре лица, и у каждого из них четыре крыла; 7 а ноги их - ноги прямые, и ступни ног их - как ступня ноги у тельца, и сверкали, как блестящая медь. 8 И руки человеческие были под крыльями их, на четырех сторонах их; 9 и лица у них и крылья у них - у всех четырех; крылья их соприкасались одно к другому; во время шествия своего они не оборачивались, а шли каждое по направлению лица своего. 10 Подобие лиц их - лице человека и лице льва с правой стороны у всех их четырех; а с левой стороны лице тельца у всех четырех и лице орла у всех четырех. 11 И лица их и крылья их сверху были разделены, но у каждого два крыла соприкасались одно к другому, а два покрывали тела их. 12 И шли они, каждое в ту сторону, которая пред лицом его; куда дух хотел идти, туда и шли; во время шествия своего не оборачивались. 13 И вид этих животных был как вид горящих углей, как вид лампад; [огонь] ходил между животными, и сияние от огня и молния исходила из огня. 14 И животные быстро двигались туда и сюда, как сверкает молния. 15 И смотрел я на животных, и вот, на земле подле этих животных по одному колесу перед четырьмя лицами их. 16 Вид колес и устройство их - как вид топаза, и подобие у всех четырех одно; и по виду их и по устройению их казалось, будто колесо находилось в колесе. 17 Когда они шли, шли на четыре свои стороны; во время шествия не оборачивались. 18 А ободья их - высоки и страшны были они; ободья их у всех четырех вокруг полны были глаз. 19 И когда шли животные, шли и колеса подле [них]; а когда животные поднимались от земли, тогда поднимались и колеса. 20 Куда дух хотел идти, туда шли и они; куда бы ни пошел дух, и колеса поднимались наравне с ними, ибо дух животных [был] в колесах. 21 Когда шли те, шли и они; и когда те стояли, стояли и они; и когда те поднимались от земли, тогда наравне с ними поднимались и колеса, ибо дух животных [был] в колесах. 22 Над головами животных было подобие свода, как вид изумительного кристалла, простертого сверху над головами их. 23 А под сводом простирались крылья их прямо одно к другому, и у каждого были два крыла, которые покрывали их, у каждого два крыла покрывали тела их. 24 И когда они шли, я слышал шум крыльев их, как бы шум многих вод, как бы глас Всемогущего, сильный шум, как бы шум в воинском стане; [а] когда они останавливались, опускали крылья свои. 25 И голос был со свода, который над головами их; когда они останавливались, тогда опускали крылья свои. 26 А над сводом, который над головами их, [было] подобие престола по виду как бы из камня сапфира; а над подобием престола было как бы подобие человека вверху на нем. 27 И видел я как бы пылающий металл, как бы вид огня внутри него вокруг; от вида чресл его и выше и от вида чресл его и ниже я видел как бы некий огонь, и сияние [было] вокруг него. 28 В каком виде бывает радуга на облаках во время дождя, такой вид имело это сияние кругом.

1 וַיְהִי אִ בְּשָׁלְשִׁים שָׁנָה בְּרַב־עֵי בַחֲמִשָּׁה לַחֹדֶשׁ וַאֲנִי בַחֹדֶשׁ אֶסָּא
 הַנוֹלָה עַל־נְהַר־כְּבָר נִפְתְּחוּ הַשָּׁמַיִם וַאֲרָאָה מִרְאֹת אֱלֹהִים:
 2 בַּחֲמִשָּׁה לַחֹדֶשׁ הִיא הַשָּׁנָה הַחֲמִישִׁית לְגָלוּת הַמֶּלֶךְ יוֹאָכִין:
 3 הַיְהוָה דִּבֶּר־יְהוָה אֶל־יְחִזְקִאל בֶּן־בוּזִי הַכֹּהֵן בְּאֶרֶץ כַּשְׂדִּים עַל־
 4 נְהַר־כְּבָר וַתְּהִי עָלָיו שָׁמַיִם יְדִי־הַיְהוָה: 4 וַאֲרָא וְהִנֵּה רוּחַ סַעֲרָה בָּאָה
 מִן־הַצָּפוֹן עָנָן גָּדוֹל וְאִשׁ מִתְּלַקַּחַת וְנִגְנָה לוֹ סָבִיב וַיִּמְתַּכָּה פָּעִין
 5 הַחֲשָׁמַל מִתּוֹךְ הָאִשׁ: 5 וַיִּמְתַּכָּה דְמֹת אַרְבַּע חַיּוֹת וְזֶה מִרְאִיהֶן
 6 דְמֹת אָדָם לְהִנָּה: 6 וַאֲרַבְּעָה פָּנִים לְאַחַת וַאֲרַבְּעַ כַּנְּפִים לְאַחַת
 7 לְהֵם: 7 וְרַגְלֵיהֶם רַגְלֵי יִשְׂרָאֵל וְכַף רַגְלֵיהֶם כְּכַף רַגְלֵי עֲגֹל וְנִזְעִים

ב. וירד חר מן ד' בליש ק' וחר מן מח' כתר וקר י. ב. בסוף

8 כְּעֵין נְחֹשֶׁת קָלָלָהּ: 8 וַיְהִי אָדָם מִתַּחַת פְּנֵיהֶם בְּעַל אַרְבַּעַת רַבְעֵיהֶם^ט וּפְנֵיהֶם וּכְנֵפֵיהֶם לְאַרְבַּעַתָּם: 9 חֲבֵרַת אִשָּׁה אֶל-אֲחוּתָהּ פְּנֵיהֶם^א לֹא-יִסְבּוּ בְּלִכְתָּן אִישׁ אֶל-עֵבֶר פָּנָיו יִלְכוּ^ב: 10 וּדְמוֹת פְּנֵיהֶם פָּנֵי אָדָם וּפְנֵי אֲרִיָּה אֶל-הַיָּמִין לְאַרְבַּעַתָּם וּפְנֵי-שׁוּר מִהַשְׂמָאוֹל לְאַרְבַּעַתָּן וּפְנֵי-נֶשֶׁר לְאַרְבַּעַתָּן: 11 וּפְנֵיהֶם^א וּכְנֵפֵיהֶם פְּרֻזֹת מִלְמַעְלָה לְאִישׁ שְׁתֵּים חֲבֵרֹת אִישׁ וּשְׁתֵּים מְכַסּוֹת אֶת גְּוִיתֵיהֶנָּה: 12 וְאִישׁ אֶל-עֵבֶר פָּנָיו יִלְכוּ אֶל אֲשֶׁר יִהְיֶה שְׁמָה הַרְרוּחַ

13 לְלַכֵּת יִלְכוּ לֹא^א יִסְבּוּ בְּלִכְתָּן^ב: 13 וּדְמוֹת^א הַחַיּוֹת מִרְאִיהֶם^ב כְּנִחְלֵי-אֵשׁ בְּעֲרוֹת כְּמִרְאֵה הַלְּפָדִים^ד הִיא מִתְהַלְכֶת בֵּין הַחַיּוֹת וְנִגְהָ לְאֵשׁ וּמִן-הָאֵשׁ יוֹצֵא בָרֶק: 14 וְהַחַיּוֹת רָצוּא^א וְשׁוֹב כְּמִרְאֵה הַבּוֹקֵם: 15 וְאֶרְא חַיּוֹת^א וְהִנֵּה אוֹפֵן אֶתְד בְּאֶרֶץ אֶצֶל הַחַיּוֹת לְאַרְבַּעַת פָּנָיו: 16 מִרְאֵה^א הָאוֹפְנִים וּמַעֲשֵׂיהֶם^ב כְּעֵין תְּרַשִּׁישׁ וּדְמוֹת אֶחָד לְאַרְבַּעַתָּן וּמִרְאִיהֶם^א וּמַעֲשֵׂיהֶם כְּאֲשֶׁר יִהְיֶה הָאוֹפֵן בְּתוֹךְ הָאוֹפֵן: 17 עַל-אַרְבַּעַת רַבְעֵיהֶן בְּלִכְתָּם^ב יִלְכוּ לֹא יִסְבּוּ בְּלִכְתָּן: 18 וְנִגְבְּיָהֶן וְנִגְבָּה לָהֶם וַיִּרְאָה לָהֶם וְנִגְבָּתָם מְלֵאת עֵינָיִם סָבִיב לְאַרְבַּעַתָּן: 19 וּבְלִכֵּת הַחַיּוֹת יִלְכוּ הָאוֹפְנִים אֶצְלָם וּבְהַנְשֵׂא הַחַיּוֹת מֵעַל הָאָרֶץ יִנְשְׂאוּ הָאוֹפְנִים: 20 עַל אֲשֶׁר יִהְיֶה^ב שֵׁם הַרְרוּחַ לְלַכֵּת יִלְכוּ שְׁמָה הַרְרוּחַ לְלַכֵּת וְהָאוֹפְנִים יִנְשְׂאוּ לְעַמָּתָם כִּי רוּחַ הַחַיָּה בְּאוֹפְנִים: 21 בְּלִכְתָּם יִלְכוּ וּבְעַמָּדָם יַעֲמִדוּ וּבְהַנְשֵׂאִם מֵעַל הָאָרֶץ יִנְשְׂאוּ הָאוֹפְנִים לְעַמָּתָם כִּי רוּחַ הַחַיָּה בְּאוֹפְנִים: 22 וּדְמוֹת עַל-רֵאשֵׁי^א הַחַיָּה רְקִיעַ כְּעֵין הַקֶּרַח הַנוֹרָא נְטוּי עַל-רֵאשֵׁיהֶם מִלְמַעְלָה: 23 וְתַחַת הַרְקִיעַ פְּנֵיהֶם יְשׁוּרוֹת אִשָּׁה אֶל-אֲחוּתָהּ לְאִישׁ שְׁתֵּים מְכַסּוֹת לְהִנָּה^א וְלְאִישׁ שְׁתֵּים מְכַסּוֹת לְהִנָּה^א אֶת גְּוִיתֵיהֶם^ב: 24 וְאֲשַׁמַּע אֶת-קוֹל פְּנֵיהֶם כְּקוֹל מַיִם רַבִּים אֶת-קוֹל-שִׁדְיָה בְּלִכְתָּם קוֹל הַמַּלְאָה כְּקוֹל מַחְנָה בְּעַמָּדָם תְּרַפִּינָה כְּנִפְיָהֶן: 25 וַיְהִי-קוֹל מֵעַל לְרִקִיעַ אֲשֶׁר עַל-רֵאשֵׁים בְּעַמָּדָם תְּרַפִּינָה כְּנִפְיָהֶן^{ad}: 26 מִמַּעַל לְרִקִיעַ אֲשֶׁר עַל-רֵאשֵׁים כְּמִרְאֵה אֶבֶן-סַפִּיר דְמוֹת כֶּסֶף וְעַל

ט' מל וכל חליט דכות
ב מ א יב"י יתיר א ס"ת
ול בליש .ג. ומל"ז

ה בסוף

ל ר"פ

164. ל בטע בסוף

ב בסוף. ל. ג. ל

כח. 184

ו פסוק שם שמה 20

224. 225. 226

244. 245

ג תר חס ווד מל 25
ג. ב. ומל 245

275. ג. ב. 285

דְּמֹות הַכֶּסֶף דְּמֹות כְּמֵרְאֵה אָרֶם עָלָיו מְלַמְעֵלָה: ²⁷ וְאֵרָא אֶכְעִין ^ה בְּסִיפֵי
 חֲשֹמֶל אֶכְמֵרְאֵה-אֵשׁ בֵּית-לָהּ סְבִיב׃ מִמֵּרְאֵה מְתַנִּיו וְלַמְעֵלָה
 וּמִמֵּרְאֵה מְתַנִּיו וְלַמִּטָּה רְאִיתִי כְּמֵרְאֵה-אֵשׁ וְנִגְהָ לִּי סְבִיב: ²⁸ כְּמֵרְאֵה ^ב
 הַקִּישָׁת אֲשֶׁר יְהִיָּה בְּעֵינַי בַּיּוֹם הַהוּא כִּן מֵרְאֵה הַנִּגְהָ סְבִיב הוּא מֵרְאֵה
 דְּמֹות כְּבוֹד-יְהוָה וְאֵרְאֵה וְאֶפֶל עַל-פָּנָי וְאֲשַׁמַּע קוֹל מִדְּבָר: ׀

Сирах 24, 50. См. стр. 169, 172.

Сказание, как сотворил Бог Адама

Подготовка текста, перевод и комментарии М. В. Рождественской

«Сказание, как сотворил Бог Адама» — один из древнейших апокрифов, который многими исследователями связывается с болгарской ересью богомилов, названной так по имени болгарского попа Иеремии Богомила и отразившейся в духовной жизни Древней Руси.

«Сказание» дошло до нас в нескольких редакциях; южнославянские списки этого памятника известны с XIV в., русский текст сохранился в списках преимущественно поздних, XVII—XVIII вв.

«Сказание» входит составной частью в апокрифический цикл сочинений об Адаме, об Адаме и Еве, о Тивериадском море и др.

В апокрифе выражен подчеркнuto дуалистический взгляд на мир и на происхождение человека. В его создании, согласно богомильским представлениям, участвовали две равные силы — Бог и Дьявол. Таким образом человек несет в себе духовное и материальное начала. Подобный взгляд на происхождение человека встречаем в «Повести временных лет» под 1071 годом — в рассказе о восстании волхвов, в котором исследователи видят следы не дошедшего до нас апокрифического сказания: «Богъ мывься въ мовници и вспотивься, отерся вѣхтемъ и верже с небесе на землю. И распрѣся Сотона с Богомъ, кому в немъ створити челоуѣка. И створи Дьяволъ челоуѣка, а Богъ душу во нь вложи...»

Рассказ о создании первого человека в «Сказании» отличается от рассказа об этом событии в Библии, где Бог создает человека по своему образу и подобию. В «Сказании» Бог «строит» человека с помощью окружающей его природы — солнца, моря, ветра, камня, огня. Дополняет это действие Дьявол, надеющийся Адама семьюдесятью недугами и выступающий, таким образом, как противоположная Богу и разрушающая сила.

Текст «Сказания, как сотворил Бог Адама» издается по списку начала XVII в., опубликованному А. Н. Пыпиным в «Памятниках старинной русской литературы». Вып. 3. СПб., 1862. С. 12—14.

(...) Создать в Мадиямской земле человека, взяв земли горсть от восьми частей: 1) от земли — тело, 2) от камня — кости, 3) от моря — кровь, 4) от солнца — глаза, 5) от облака — мысли, 6) от света — свет, 7) от ветра — дыхание, 8) от огня — теплоту. И стал Господь Бог глаза ему доставать от солнца, оставив Адама лежать одного на земле; и пришел окаянный Сатана к Адаму и вымазал его калом, тиною и соплями. Вернулся к Адаму Господь и хотел вложить в Адама глаза, но увидел его всего вымазанного (в нечистотах); и разгневался Господь на дьявола, и стал говорить ему: «Окаянный дьявол, проклятый, разве ты не заслужил гибели? Зачем напакостил ты этому человеку, вымазав его? будь ты проклят», — и дьявол исчез сквозь землю, как молния, от лица Господнего. Господь же, сняв с Адама всю грязь Сатанинскую и смешав со Адамовыми слезами, сотворил собаку, и теслом очистил Адама, как зеркало, от всех скверн. И, поставив собаку, повелел ей стеречь Адама, а сам Господь пошел в горний Иерусалим за дыханием для Адама. И во второй раз явился Сатана, и хотел напустить на Адама злую скверну, но увидел собаку, лежащую у ног Адама, и очень испугался. Собака стала зло лаять на дьявола, а окаянный Сатана взял палку и истыкал всего человека Адама и впустил в него семьдесят недугов. Когда Иисус воз-

вратился из горнего Иерусалима, он увидел Адама, истыканного палкой, и стало ему его жалко, и сказал он Сатане: «Проклятый дьявол, что ты сделал с человеком, зачем эти недуги впустил в него?» Тогда ответил дьявол, окаянный Сатана, Господу: «Если какая-нибудь болезнь подступит к этому человеку, но минует его, то он до конца тебя не вспомнит; а если заболит, перестрадает каким-нибудь недугом, тогда всегда будет он в страданиях призывать тебя на помощь». И прогнал Господь дьявола, и дьявол исчез, как тьму прогоняет свет, а все недуги обернулись в него (самого).

И послал Господь своего ангела, повелев ему взять «аз» на востоке, «добро» на западе, «мыслете» на севере и на юге. И оживил душу в человеке, и дал ему имя Адам. А костей Бог создал в Адаме триста сорок пять, и стал Адам царем над всеми землями, и птицами небесными, и зверями земными, и рыбами морскими, и дал ему Бог власть надо всем. И сказал Бог Адаму: «Тебе служат солнце, луна и звезды, и птицы небесные, и рыбы морские, и птицы, и животные, и гады». Господь Бог на востоке насадил Рай и велел Адаму там жить, а жена Адаму еще не была создана. И наслал Бог на Адама сон, и Адам уснул, и Бог взял его левое ребро, а из ребра выпростал руки, и ноги, и голову, и создал жену в шестой день; и предсказал Господь Адаму свою смерть, и распятие, и воскресение, и предвидел Он вознесение за пять тысяч пятьсот лет. И увидел Адам Господа распятого, Петра в Риме, а Павла в Дамаске, обучающих народ и проповедующих его воскресение, и как вознесся Господь...

Проснулся Адам в сильном волнении и страхе великом из-за вещего сна. И водил Господь Адама в Раю и сказал ему: «Адам, Адам, расскажи мне». Но Адам сильно испугался, не смея рассказать Богу свой сон. И сказал ему Господь Бог: «Адам, Адам!» Адам же ответил ему: «Господи владыко, я видел, что Тебя распяли на кресте в Иерусалиме и что ученики Твои — Петр в Риме и Павел в Дамаске — ходят и проповедуют Твое распятие и воскресение». И сказал ему Господь: «Мне следует ради тебя, Адам, сойти на землю, и быть распятым, и воскреснуть в третий день; а ты никому не рассказывай этот сон, покуда не увидишь меня, сидящего в Раю справа от Отца, — и ты о том поскорби, Адам».

И был Адам в Раю семь дней, чем предсказывал Господь Бог человеческую жизнь: десять лет — это ребенок, двадцать лет — юноша, тридцать лет — зрелость, сорок лет — средовечие, пятьдесят лет — седина, шестьдесят лет — старость, семьдесят лет — смерть.

И создал Господь Бог своим умением всю тварь, море, и реки, и зверей, а те семь дней сообразны семи тысячам лет, и поставил Господь Бог два светильника больших на тверди небесной, чтобы освещали землю, и разделил день от ночи, в ознаменовании дней и лет, и чтобы было просветление на тверди небесной — большой светильник, обозначающий начало дня, а другой — начало ночи. И звезды поместил Господь Бог на тверди небесной, чтобы им светить над землей, владеть днем и ночью, и разделять день от ночи и света.

И был вечер, и было утро — день четвертый.

Устроил Господь Бог планеты, и зоревые облака, и радуги на облаках, которые пускают дожди, и громы, и молнии, чтобы людям всей земли озарить плодородные деревья. И сказал Господь Бог: «Сотворю во веки животворные воды, птиц, обитающих по заводям и в небесных пределах».

И как создал Господь Бог четырех громадных китов, пустил от них всяких птиц и гадов по земле, а некоторых благословил съедать, и сказал: «Растите, размножайтесь, наполняйте землю и владейте ею».

А в семь дней совершается круг, а семь лет за все семь тысяч лет, и восьмой тысяче нет конца, так как свет бесконечен.

В воскресенье, в день, называемый неделя, в тот день воскрес Христос из мертвых, и в тот же день будет Господь на небесах судить весь мир, который не имеет конца, и воздаст каждому по делам его.

**M. R. James. The Biblical Antiquities of Philo, with Prolegomenon
by Louis H. Feldman, (Translations of Early Documents, Series I.
Palestinian Jewish Texts). XIII, 8**

flood of the earth 8. when I (*or* Then he) gave him precept as concerning the year of the life of Noe, and said to him : These are the years which I ordained after the weeks wherein I visited the city of men, at what time I shewed them (*or* him) the place of birth and the colour (*or* and the serpent), and I (*or* he) said : This is the place of which I taught the first man saying : If thou transgress not that I bade thee, all things shall be subject unto thee. But he transgressed my ways and was persuaded of his wife, and she was deceived by the serpent. And then was death ordained unto the generations of men. 9. And furthermore the Lord shewed (*or*,

He then called the company of angels commanded by Gabriel, and said: 'Let us make man in our image.' They also replied: 'What is man, that Thou shouldst remember him?' God again stretched forth His finger and destroyed them. (4) He then called Boël and his company, and said to them: 'Let us make man in our own image.' At which Boël said to his associates: 'See what has happened to those who said, What is man that Thou shouldst remember him? they were all destroyed. If we repeat what they have said, He will do the same to us, and in the end He will perform His will. It is therefore better that we comply with His wish.' They therefore immediately answered, and said: 'Lord of the world, it is well that Thou hast thought to create man; do Thou create him according to Thy will, and we shall act as attendants and servants upon him, and reveal unto him all our secrets.' (5) God then said to Boël: 'From this day henceforth thy name shall not be called Boël, but Raphael, because, through thy counsel, thou hast saved all thy host, so that they were not consumed like the other companies.' (6) God then called Gabriel, and said unto him: 'Go and bring Me dust from the four corners of the earth, and I will create man out of it.' Gabriel then went to gather dust from the earth, but the earth drove him away and would not allow him to take dust from it. Gabriel thereupon said: 'Why, O earth, dost thou not hearken to the voice of thy Lord, who founded thee upon the waters without props and without pillars?' The earth replied, and said: 'I am destined to become a curse, and to be cursed through man, and if God Himself does not take the dust from me, no one else shall ever do so.' (7) When God saw this He stretched forth His hand, took of the dust, and created therewith the first man on the sixth day. God created the matter of man in four colours, white, black, red and green. The bones and the sinews are white, the intestines black, the blood red, and the skin of the body green (livid). When the soul departs from the body, the body immediately becomes livid. (8) The Torah (Law) then

said to God, 'O Lord of the universe, this man whom Thou hast created will be short-lived, and he will sin before Thee; what will become of him?' God replied: 'Is it to no purpose that I am called slow to anger, of abundant mercy and truth? He who returns to Me in repentance, I will pardon.' The Torah said, 'If so, do Thy will. (9) But why did God create man from the four corners of the earth, and not from the dust of one single spot?' 'Because man goeth to the four corners of the earth, and when he dies, the earth shall not be able to say, Thou wast not created from me, therefore thou shalt not be buried in me; go to the place whence thou wast created, and there be buried. Thus, wherever a man ends his days, there shall he rest. God created man poor and from dust, and to dust shall he return; therefore has the dust been taken from the four corners of the earth.'

(10) There are twelve hours in the day; in the first hour He gathered the dust for man, in the second He hardened it, in the third He shaped it in the form of man, in the fourth the soul was thrust into it, in the fifth man stood on his legs, in the sixth he gave names to all the birds and animals, in the seventh Eve was joined to him, in the eighth they produced two children, in the ninth they were commanded concerning the fruits of the trees, in the tenth he transgressed the command, in the eleventh he was judged, in the twelfth hour he was driven out, as it is said, 'And He drove Adam out of the Garden of Eden.' (11) God kneaded and moulded the dust for the first man in a pure place, He covered him with skin and sinews, and gave to it a human shape, but there was not yet any breath or soul in it. What did God do? He breathed with the breath of His mouth, and thrust the soul into him, as it is said, 'And He breathed in his nostrils the breath of life.' Adam then stood up and gazed above and below, saw all the creatures which God had created, and was amazed with wonderment, and he began to extol and praise his Creator, and said: 'How great are Thy works, O Lord!' (12) He stood upon his feet, and was in the likeness of

Масличная гора раскалывается

Захария 14:4–9. 4 И станут ноги Его в тот день на горе Елеонской, которая перед лицом Иерусалима к востоку; и раздвоится гора Елеонская от востока к западу весьма большою долиною, и половина горы отойдет к северу, а половина ее - к югу. 5 И вы побежите в долину гор Моих, ибо долина гор будет простираться до Асила; и вы побежите, как бежали от землетрясения во дни Озии, царя Иудейского; и придет Господь Бог мой и все святые с Ним. 6 И будет в тот день: не станет света, светила удалятся. 7 День этот будет единственный, ведомый только Господу: ни день, ни ночь; лишь в вечернее время явится свет. 8 И будет в тот день, живые воды потекут из Иерусалима, половина их к морю восточному и половина их к морю западному: летом и зимой так будет. 9 И Господь будет Царем над всею землею; в тот день будет Господь един, и имя Его едино.

4 וְעַמְדוֹ רַגְלָיו אֵינֶם הָיוּ אֶל-הַר הַזֶּה וְהָיָה אֵל-הַר הַזֶּה הַיּוֹתָם
 אֲשֶׁר עַל-פְּנֵי יְרוּשָׁלַם מִקֶּדֶם^b וְנִבְקַע הַר הַיּוֹתָם
 מִזְרְחָהּ וְיָמָה גַּיָא גְדוֹלָה מְאֹד וְכֹשׁ חֲצֵי הָהָר צְפוֹנָה וְחֲצֵי-נֶגְבָּהּ:^c
 5 וְנִסְתָּהֶם^d גַּיָא-הָרִי^e כִּי-יָגִיעַ^e גַּיֵי-הָרִים^e אֶל-אֶצְלָם^f וְנִסְתָּהֶם כְּאֲשֶׁר
 נִסְתָּהֶם מִפְּנֵי הָרֵעֵשׂ בְּיַמֵּי עֲזִיָּה מֶלֶךְ-יְהוּדָה^g
 וּבֹא יִהְיֶה אֱלֹהֵי^h כָּל-קְדוֹשִׁים עִמָּךְ^k:
 6 וְהָיָה בַּיּוֹם הַהוּא לֹא-יִהְיֶה אֹרֶךְ^a יְקָרֹת יִקְפְּאוּן^b:
 7 וְהָיָה יוֹם-אַחֵר^a הוּא יִנְדַע לִיהוָה^a לֹא-יוֹם וְלֹא-לַיְלָה
 וְהָיָה לְעֵת-עֶרֶב יִהְיֶה-אֹרֶךְ:
 8 וְהָיָה בַּיּוֹם הַהוּא יִצְאוּ מַיִם-חַיִּים מִיְרוּשָׁלַם

ג. ל. נג. כז

ג. ט. כח. ז. ג. ג. ג.

ל

ויקפאון ק

ז

1 בטע בסוף. ג. ד.

חֲצִיִם אֶל-הַיָּם הַקְּדָמוֹנִי וְחֲצִיִם אֶל-הַיָּם הָאַחֲרֹן
 בְּקִיץ וּבְחֶרֶף יִהְיֶה^א:
 9 וְהָיָה יְהוָה לְמֶלֶךְ עַל-כָּל-הָאָרֶץ
 בַּיּוֹם הַהוּא יִהְיֶה יְהוָה אֶחָד וְשְׁמוֹ אֶחָד:

ד מל

ל

¹⁰ כט וכל משיחה מצרים אשור ישראל דכות¹¹. ז וכל חלים דכות ב מ ב

Иезекииль 37. 1 Была на мне рука Господа, и Господь вывел меня духом и поставил меня среди поля, и оно было полно костей, 2 и обвел меня кругом около них, и вот весьма много их на поверхности поля, и вот они весьма сухи. 3 И сказал мне: сын человеческий! оживут ли кости сии? Я сказал: Господи Боже! Ты знаешь это. 4 И сказал мне: изреки пророчество на кости сии и скажи им: "кости сухие! слушайте слово Господне!" 5 Так говорит Господь Бог костям сим: вот, Я введу дух в вас, и оживете. 6 И обложу вас жилами, и выращу на вас плоть, и покрою вас кожей, и введу в вас дух, и оживете, и узнаете, что Я Господь. 7 Я изрек пророчество, как повелено было мне; и когда я пророчествовал, произошел шум, и вот движение, и стали сближаться кости, кость с костью своею. 8 И видел я: и вот, жилы были на них, и плоть выросла, и кожа покрыла их сверху, а духа не было в них. 9 Тогда сказал Он мне: изреки пророчество духу, изреки пророчество, сын человеческий, и скажи духу: так говорит Господь Бог: от четырех ветров приди, дух, и дохни на этих убитых, и они оживут. 10 И я изрек пророчество, как Он повелел мне, и вошел в них дух, и они ожили, и стали на ноги свои - весьма, весьма великое полчище. 11 И сказал Он мне: сын человеческий! кости сии - весь дом Израилев. Вот, они говорят: "иссохли кости наши, и погибла надежда наша, мы оторваны от корня". 12 Посему изреки пророчество и скажи им: так говорит Господь Бог: вот, Я открою гробы ваши и выведу вас, народ Мой, из гробов ваших и введу вас в землю Израилеву. 13 И узнаете, что Я Господь, когда открою гробы ваши и выведу вас, народ Мой, из гробов ваших, 14 и вложу в вас дух Мой, и оживете, и помещу вас на земле вашей, и узнаете, что Я, Господь, сказал это - и сделал, говорит Господь. 15 И было ко мне слово Господне: 16 ты же, сын человеческий, возьми себе один жезл и напиши на нем: "Иуде и сынам Израилевым, союзным с ним"; и еще возьми жезл и напиши на нем: "Иосифу"; это жезл Ефрема и всего дома Израилева, союзного с ним. 17 И сложи их у себя один с другим в один жезл, чтобы они в руке твоей были одно. 18 И когда спросят у тебя сыны народа твоего: "не объяснишь ли нам, что это у тебя?", 19 тогда скажи им: так говорит Господь Бог: вот, Я возьму жезл Иосифов, который в руке Ефрема и союзных с ним колен Израилевых, и приложу их к нему, к жезлу Иуды, и сделаю их одним жезлом, и будут одно в руке Моей. 20 Когда же оба жезла, на которых ты напишешь, будут в руке твоей перед глазами их, 21 то скажи им: так говорит Господь Бог: вот, Я возьму сынов Израилевых из среды народов, между которыми они находятся, и соберу их отовсюду и приведу их в землю их. 22 На этой земле, на горах Израиля Я сделаю их одним народом, и один Царь будет царем у всех их, и не будут более двумя народами, и уже не будут вперед разделяться на два царства. 23 И не будут уже осквернять себя идолами своими и мерзостями своими и всякими пороками своими, и освобожу их из всех мест жительства их, где они грешили, и очищу их, и будут Моим народом, и Я буду их Богом. 24 А раб Мой Давид будет Царем над ними и Пастырем всех их, и они будут ходить в заповедях Моих, и уставы Мои будут соблюдать и выполнять их. 25 И будут жить на земле, которую Я дал рабу Моему Иакову, на которой жили отцы их; там будут жить они и дети их, и дети детей их во веки; и раб Мой Давид будет князем у них вечно. 26 И заключу с ними завет мира, завет вечный будет с ними. И устрою их, и размножу их, и поставлю среди них святилище Мое на веки. 27 И будет у них жилище Мое, и буду их Богом, а они будут Моим народом. 28 И узнают народы, что Я Господь, освящающий Израиля, когда святилище Мое будет среди них во веки.

37 הַיְיָתָה עָלַי יַד-יְהוָה וַיּוֹצֵאנִי בְרוּחַ יְהוָה וַיְנִיחֵנִי בְּתוֹךְ
 2 הַבְּקָעָה וְהָיָא מְלֵאָה עֲצָמוֹת׃² וְהֶעֱבִירנִי עֲלֵיהֶם סָבִיב סָבִיב
 3 וְהָיָה רַבּוֹת מְאֹד עַל-פְּנֵי הַבְּקָעָה וְהָיָה יְבֻשׁוֹת מְאֹד׃³ וַיֹּאמֶר אֵלַי
 4 בְּנֵי-אָדָם הַתְּחִינָה הָעֲצָמוֹת הָאֵלֶּה וְאָמַר אֲדֹנָי יְהוִה אַתָּה יִדְעָתָ׃⁴
 4 וַיֹּאמֶר אֵלַי הִנְבֵּא עַל-הָעֲצָמוֹת הָאֵלֶּה וְאָמַרְתָּ אֲלֵיהֶם הָעֲצָמוֹת
 5 הַיְבֻשׁוֹת שְׁמַעוּ דְבַר-יְהוָה׃⁵ כֹּה אָמַר אֲדֹנָי יְהוִה לְעֲצָמוֹת׃⁵
 6 הָאֵלֶּה הִנֵּה אֲנִי מֵבִיא בְכֶם רוּחַ וְחַיִּיתֶם׃⁶ וְנָתַתִּי עֲלֵיכֶם גְּדִים
 7 וְהֶעֱלֵתִי עֲלֵיכֶם בָּשָׂר וְקָרַמְתִּי עֲלֵיכֶם עוֹר וְנָתַתִּי בְכֶם רוּחַ וְחַיִּיתֶם
 7 וַיִּדְעֻתֶם כִּי-אֲנִי יְהוָה׃⁷ וְנִבְּאתִי כְאֲשֶׁר צִוִּיתִי וַיְהִי-קוֹל כְּהִנָּבְאִי
 8 וְהָיָה-רֹעַשׁ וְתִקְרְבוּ עֲצָמוֹת עֵצִים אֶל-עֲצָמוֹ׃⁸ וַרְאִיתִי וְהָיָה

עליהם גדים ובשר עלה ויקרם עליהם עור מלמעלה ורוח אין¹⁰ בהם: 9 ויאמר אלי הנבא אל הרוח הנבא בן אדם ואמרת אל הרוח כה אמר אדני יהוה מארבע רוחות באי הרוח ופתי 10 בהרוגים האלה ותיי: 10 והנבאתי פאשר צוני ותבוא בהם הרוח ותיי ויעמדו על רגליהם תיל גדול מאד מאד: 11 ויאמר אל בן אדם העצמות האלה כל בית ישראל הגמה הנח אמרים יבשו עצמותינו ואברה תקנתנו נגזרנו לנו: 12 לכן הנבא ואמרת

אליהם כה אמר אדני יהוה הנה אני פתח את קברותיכם והעליתי אתכם מקברותיכם עמי והבאתי אתכם אל ארמת ישראל: 13 וידעתם כי אני יהוה בפתי את קברותיכם ובהעלותי אתכם מקברותיכם עמי: 14 ונתתי רוחי בכם ותייתם והנחתי אתכם על אדמתכם וידעתם כי אני יהוה דברתי ועשיתי נאם יהוה: 15 ויהי דבר יהוה אלי לאמר: 16 ואתה בן אדם קח לך עץ אחד וכתב עליו ליהודה ולבני ישראל חברו ולקח עץ אחד וכתוב עליו ליוסף ועץ אפרים וכל בית ישראל חברו: 17 וקרב אתם אחד אל אחד לך לעץ אחד והיו לאחדים בידך: 18 וכאשר יאמרו אליה בני עמך לאמר הלא תגיד לנו מה אלה לך: 19 דבר אלם כה אמר אדני יהוה הנה אני לקח את עץ יוסף אשר ביד אפרים ושכתי ישראל חברו ונתתי אותם עליו את עץ יהודה ויעשיתם לעץ אחד והיו אחד בידך: 20 והיו העצים אשר תכתב עליהם בידך לעיניהם: 21 ודבר אליהם כה אמר אדני יהוה הנה אני לקח את בני ישראל מבין הגוים אשר הלכו שם וקבצתי אתם מסביב והבאתי אותם אל אדמתם: 22 ועשיתי אתם לגוי אחד בארץ בהרי ישראל ומלך אחד יהיה לכלם למלך ולא יהיה עוד לשני גוים ולא יחצו עוד לשתי ממלכות עוד: 23 ולא יטמאו עוד בגלוליהם ובשקוציהם ובכל פשעיהם והושעתי אתם מכל מושבתיהם אשר חטאו בהם וטהרת אתם והיו לי לעם ואני אתיה להם לאלהים: 24 ועבדי דוד מלך עליהם ורועה

10 ב טע בסיפ 1
9 ב טע בסיפ 1
10 ב טע בסיפ 1
11 ב טע בסיפ 1
12 ב טע בסיפ 1
13 ב טע בסיפ 1
14 ב טע בסיפ 1
15 ב טע בסיפ 1
16 ב טע בסיפ 1
17 ב טע בסיפ 1
18 ב טע בסיפ 1
19 ב טע בסיפ 1
20 ב טע בסיפ 1
21 ב טע בסיפ 1
22 ב טע בסיפ 1
23 ב טע בסיפ 1
24 ב טע בסיפ 1

אַחַד יְהִיָּה לְכֹלָם וּבְמִשְׁפָּטֵי יִלְכוּ וַחֲקָתִי יִשְׁמְרוּ וְעָשׂוּ אוֹתָם :
 25 וַיָּשִׁבוּ עַל־הָאָרֶץ אֲשֶׁר נָתַתִּי לְעַבְדֵי לִיעֶקֶב אֲשֶׁר יָשְׁבוּ־בָהּ
 אֲבוֹתֵיכֶם וַיָּשִׁבוּ עָלֶיהָ הִמָּה בְּוַבְנִיהֶם וּבְנֵי בְנֵיהֶם עַד־עוֹלָם וְרָוַד
 26 עַבְדֵי נְשִׂיא לָהֶם לְעוֹלָם : 26 וְכָרַתִּי לָהֶם בְּרִית שְׁלוֹם בְּרִית עוֹלָם
 יְהִיָּה אוֹתָם וּבְנֵתוֹתֵיהֶם וְהָרַבְתִּי אוֹתָם וְנָתַתִּי אֶת־מִקְדָּשִׁי בְּתוֹכָם
 27 לְעוֹלָם : 27 וְהָיָה מִשְׁכְּנִי עֲלֵיהֶם וְהָיִיתִי לָהֶם לֵאלֹהִים וְהָמָּה יְהִיוּ־
 28 לִי לְעָם : 28 וַיֵּרְדוּ הַנְּזִיִּים כִּי אָנֹכִי יְהוָה מְקַדֵּשׁ אֶת־יִשְׂרָאֵל בַּהֲיוֹת
 מִקְדָּשִׁי בְּתוֹכָם לְעוֹלָם :

Иезекииль 47. 1 Потом привел он меня обратно к дверям храма, и вот, из-под порога храма течет вода на восток, ибо храм стоял лицом на восток, и вода текла из-под правого бока храма, по южную сторону жертвенника. 2 И вывел меня северными воротами, и внешним путем обвел меня к внешним воротам, путем, обращенным к востоку; и вот, вода течет по правую сторону. 3 Когда тот муж пошел на восток, то в руке держал шнур, и отмерил тысячу локтей, и повел меня по воде; воды было по лодыжку. 4 И [еще] отмерил тысячу, и повел меня по воде; воды было по колено. И еще отмерил тысячу, и повел меня; воды было по поясицу. 5 И еще отмерил тысячу, и уже тут был такой поток, через который я не мог идти, потому что вода была так высока, что надлежало плыть, а переходить нельзя было этот поток. 6 И сказал мне: "видел, сын человеческий?" и повел меня обратно к берегу этого потока. 7 И когда я пришел назад, и вот, на берегах потока много было деревьев по ту и другую сторону. 8 И сказал мне: эта вода течет в восточную сторону земли, сойдет на равнину и войдет в море; и воды его сделаются здоровыми. 9 И всякое живущее существо, пресмыкающееся там, где войдут две струи, будет живо; и рыбы будет весьма много, потому что войдет туда эта вода, и воды [в море] сделаются здоровыми, и, куда войдет этот поток, все будет живо там. 10 И будут стоять подле него рыболовы от Ен-Гадди до Эглаима, будут закидывать сети. Рыба будет в своем виде и, как в большом море, рыбы будет весьма много. 11 Болота его и лужи его, которые не сделаются здоровыми, будут оставлены для соли. 12 У потока по берегам его, с той и другой стороны, будут расти всякие деревья, доставляющие пищу: листья их не будут увядать, и плоды на них не будут истощаться; каждый месяц будут созревать новые, потому что вода для них течет из святилища; плоды их будут употребляемы в пищу, а листья на врачевание. 13 Так говорит Господь Бог: вот распределение, по которому вы должны разделить землю в наследие двенадцати коленам Израилевым: Иосифу два удела. 14 И наследуйте ее, как один, так и другой; так как Я, подняв руку Мою, клялся отдать ее отцам вашим, то и будет земля сия наследием вашим. 15 И вот предел земли: на северном конце, начиная от великого моря, через Хетлон, по дороге в Цедад, 16 Емаф, Берот, Сивраим, находящийся между Дамасскою и Емафскою областями Гацар-Тихон, который на границе Аврана. 17 И будет граница от моря до Гацар-Енон, граница с Дамаском, и далее на севере область Емаф; и вот северный край. 18 Черту восточного края ведите между Авраном и Дамаском, между Галаадом и землю Израильскою, по Иордану, от северного края до восточного моря; это восточный край. 19 А южный край с полуденной стороны от Тамары до вод пререкания при Кадисе, и по течению потока до великого моря; это полуденный край на юге. 20 Западный же предел - великое море, от южной границы до места против Емафа; это западный край. 21 И разделите себе землю сию на уделы по коленам Израилевым. 22 И разделите ее по жребию в наследие себе и иноземцам, живущим у вас, которые родили у вас детей; и они среди сынов Израилевых должны считаться наравне с природными жителями, и они с вами войдут в долю среди колен Израилевых. 23 В котором колене живет иноземец, в том и дайте ему наследие его, говорит Господь Бог.

47 וַיָּשְׁבֵנִי אֶל־פֶּתַח הַבַּיִת וְהָיָה מַיִם יֹצְאִים מִתַּחַת מִפְּתָן
 הַבַּיִת קָדִימָה כִּי־פָנָי הַבַּיִת קָדִיִּים וְהַמַּיִם יֵרְדוּם מִתַּחַת בְּמִכְתָּף
 הַבַּיִת הַזֶּה מִנְּגִב לַמִּזְבֵּחַ : 2 וַיּוֹצְאֵנִי דְרָדֶד־שַׁעַר צְפוֹנָה וַיִּסְבְּנֵנִי

ל. ד. מל בַּרְךָ חוֹץ אֶל־שַׁעַר הַחַיִּים דְּרָךְ¹ הַפְּנֹנָה קָדִים וְהִנֵּה מַיִם מִפְּכִים
 מִן־הַכֶּתֶף הַיְמָנִית: ³ בְּצֵאת־הָאִשׁ קָדִים וְקָו בְּיָדוֹ וַיֹּמַד אֶלֶף³
 בָּאמָה וַיַּעֲבִרְנִי בַמַּיִם מִן אַפְסוֹתַי: ⁴ וַיֹּמַד אֶלֶף וַיַּעֲבִרְנִי בַמַּיִם
 מִיָּם בְּרַכּוּם וַיֹּמַד אֶלֶף וַיַּעֲבִרְנִי מִן מַתְּנַיִם: ⁵ וַיֹּמַד אֶלֶף נַחַל אֲשֶׁר
 לֹא־אוּכַל לַעֲבֹר כִּי־נָאוּ הַפְּנִים מִן שְׁחוֹ נַחַל אֲשֶׁר לֹא־יַעֲבֹר:
 וַיֹּאמֶר אֵלַי הִרְאִיתָ בֶן־אָדָם וַיּוֹלֵכֵנִי וַיִּשְׁבְּנִי שִׁפְתַי הִנְחַל: ⁷ בְּשׁוֹבְנִי
 וְהִנֵּה אֵל־שִׁפְתַי הִנְחַל עֵץ רַב מֵאֹד מְזֵה וּמְזֵה: ⁸ וַיֹּאמֶר אֵלַי הַמַּיִם
 הָאֵלֶּה יוֹצְאִים אֶל־הַגְּלִילָה הַקְּדֻמוֹנָה וַיְרָדוּ עַל־הָעֲרֵבָה וּבָאוּ
 הַיְמָה אֶל־הַיְמָה הַמּוֹצְאִים וְנִרְפְּאוּ הַמַּיִם: ⁹ וְהִיָּה כָל־נֶפֶשׁ חַיָּה
 אֲשֶׁר־יִשְׁרָץ אֵל כָּל־אֲשֶׁר יָבוֹא שָׁם נַחְלִים יַחְיֶה וְהִיָּה הַדְּגָה רַבָּה
 מְאֹד כִּי בָאוּ שָׁמָּה הַמַּיִם הָאֵלֶּה וְנִרְפְּאוּ וְחַי כָּל אֲשֶׁר־יָבוֹא שָׁמָּה
 הִנְחַל: ¹⁰ וְהִיָּה יַעֲמֹדוּ עָלָיו דְּוָגִים מֵעֵין גְּדִי וְעַד־עֵין עֲגֻלִים מִשְׁטוּחַ
 לַחֲרָמִים יִהְיוּ לְמִינָהּ תִּהְיֶה דְגָתָם כְּדַגַּת הַיָּם הַגְּדוֹל רַבָּה מְאֹד:
 בְּצֵאתָ וּבָבֵאתָ וְלֹא יִרְפְּאוּ לְמַלַּח נַחְנוּ: ¹² וְעַל־הַנַּחַל יַעֲלֶה עַל־¹⁰
 שִׁפְתוֹ מְזֵה וּמְזֵה כָּל־עֵץ מֵאֲכָל לֹא־יָבוֹל עָלָיו וְלֹא־יָתֵם פְּרִוֹ
 לַחֲדָשׁוֹ יִבְכֹּר כִּי מִיָּמָיו מִן־הַמַּקְדָּשׁ תִּמָּה וַיּוֹצְאִים וְהִיָּה פְּרִוֹ לְמֵאֲכָל
 וְעָלָיו לַתְּרוּפָה: ¹³ כֹּה אָמַר אֲדֹנָי יְהוִה בְּנֵה גְבוּל¹³ אֲשֶׁר תַּחְנַחֲלוּ אֶת־הָאָרֶץ
 לְשָׁנִי עֶשֶׂר שָׁבָטֵי יִשְׂרָאֵל יוֹסֵף חֶבְלִים: ¹⁴ וַיִּנְחַלְתֶּם אוֹתָהּ אִישׁ
 כְּאָחָיו אֲשֶׁר נִשְׁאַתִּי אֶת־יָדַי לְתַתָּה לְאַבְתִּיכֶם וּנְפֹלָה הָאָרֶץ הַזֹּאת
 לְכֶם בְּנַחֲלָה: ¹⁵ וְזֶה גְבוּל הָאָרֶץ לְפָאֵת צְפוֹנָה מִן־הַיָּם הַגְּדוֹל
 הַדְּרָךְ חֶתְלָן לְבֹאֵב צְרָדָה: ¹⁶ חֶמֶת א בְּרוֹזָתָה סִבְרִים אֲשֶׁר בֵּין
 גְּבוּל דְּמִשְׁק וּבֵין גְּבוּל חֶמֶת חֶצֶר הַתִּיכוֹן אֲשֶׁר אֶל־גְּבוּל חוֹרֶן:
 וְהִיָּה גְבוּל מִן־הַיָּם חֶצֶר עֵינֹן גְּבוּל דְּמִשְׁק וְצִפּוֹן א צְפוֹנָה וּגְבוּל
 חֶמֶת וְאֵת פֶּאֶת צִפּוֹן: ¹⁸ וּפֶאֶת קָדִים מִבֵּין חוֹרֶן וּמִבֵּין דְּמִשְׁק
 וּמִבֵּין הַגְּלָעַד וּמִבֵּין אָרֶץ יִשְׂרָאֵל תִּירְדָן מִגְּבוּל עַל־הַיָּם הַקְּדֻמוֹנִי
 תִּמְדוּ וְאֵת פֶּאֶת קְדִימָה: ¹⁹ וּפֶאֶת נֶגֶב תִּימְנָה מִתְּמָר עַד־מֵל
 מְרִיבֹת קָדָשׁ נַחֲלָה אֶל־הַיָּם הַגְּדוֹל וְאֵת פֶּאֶת־תִּימְנָה נֶגֶב:
 וּפֶאֶת־יָם הַיָּם הַגְּדוֹל מִגְּבוּל עַד־נֶכַח לְבֹא חֶמֶת זֹאת פֶּאֶת־יָם:
 וְחֶלְקֹתֶם אֶת־הָאָרֶץ הַזֹּאת לְכֶם לְשִׁבְטֵי יִשְׂרָאֵל: ²² וְהִיָּה תַפְלוּ
 אוֹתָהּ בְּנַחֲלָה לְכֶם וּלְהַגְרִים הַגְּרִים בְּחוֹכְכֶם אֲשֶׁר־הוֹלְדוּ בָנִים
 בְּתוֹכְכֶם וְהָיוּ לְכֶם כְּאֶזְרַח בְּבְנֵי יִשְׂרָאֵל אַתְּכֶם יִפְלוּ בְּנַחֲלָה בְּתוֹךְ
 שִׁבְטֵי יִשְׂרָאֵל: ²³ וְהִיָּה בְּשִׁבְטֵי אֲשֶׁר־נָגַד הָגַר אִתּוֹ שָׁם תַּתְּנוּ נַחֲלָתוֹ
 נָאִם אֲדֹנָי יְהוִה: ⁴⁸ וְאֵלֶּה שְׁמוֹת הַשִּׁבְטִים מִקְצֵה צְפוֹנָה

3. ב. ב. מל. 3. ב. מל. 4. ב. מל. 5. ב. מל. 6. ב. מל. 7. ב. מל. 8. ב. מל. 9. ב. מל. 10. ב. מל. 11. ב. מל. 12. ב. מל. 13. ב. מל. 14. ב. מל. 15. ב. מל. 16. ב. מל. 17. ב. מל. 18. ב. מל. 19. ב. מל. 20. ב. מל. 21. ב. מל. 22. ב. מל. 23. ב. מל. 48. ב. מל.

THE THEME OF RESURRECTION IN THE DURA-EUROPOS SYNAGOGUE PAINTINGS

By EDNA GARTE, University of Nebraska at Omaha *

BIBLIOGRAPHY OF FREQUENTLY CITED SOURCES

- GOODENOUGH, E., *Jewish Symbols of the Graeco-Roman Period*, 12 vols., New York, 1953-1965.
 KRAELING, C., The Excavations at Dura-Europos, Final Report VIII, Pt. I, *The Synagogue*, New Haven, 1956.
 RIESENFELD, H. "The Resurrection in Ezekiel, XXXVII and in the Dura Europos Paintings," *Uppsala Universitets Arsskrift*, 11, 1948, 1-38.
 WISCHNITZER, R., *The Messianic Theme in the Paintings of the Dura Synagogue*, Chicago, 1948.

THE SYNAGOGUE AT THE DURA-EUROPOS, Syria, dated 245 A.D. was first excavated in 1932-1933. It attracted a great deal of attention because of its large-scale figurative murals, unusual among known Jewish art works. It has remained of interest for the insights it provides into the Jewish, as well as the general Roman Near-Eastern culture of the period.¹

The Synagogue's meeting hall was a large rectangular room, with benches running around all four walls. In the west wall, opposite the main entrance, was a niche for the Torah scrolls. The west wall is generally agreed to be the focal area in the decorations.

The four walls, the Torah shrine, ceiling and door jambs were decorated with paintings. These decorations had been painted in two main stages; during the second stage the earlier wall paintings were expanded, and partly repainted. These new murals will be our main concern.

The wall paintings were divided into four horizontal registers, the lowest of which was a narrow band or "dado",

* Now at Texas Tech. University.

¹ Kraeling, *The Synagogue*, 21. See also Goodenough, *Jewish Symbols*, I, 5-32, IX, 197-210.

with ornamental or symbolic motifs belonging to the early decorative phase.² The three upper registers were divided into panels, added in the later scheme. Most of them contain narrative scenes, illustrating episodes from the Bible.

In style, the paintings are similar to those of other religious buildings of Dura. They are relatively two-dimensional, and frontal. Their transcendental quality has been noted by scholars.³

The paintings are only partially preserved. Interpretations of their thematic content differ widely.⁴ The thesis of this paper is that resurrection is an important theme in the paintings. This resurrection is understood as being simultaneously historical, eschatological and spiritual. Illustrations of revivals of the Jewish nation in Biblical history, of the promise of Messianic resurrection and of the spiritual rebirth of the individual all seem to be aspects of the same basic idea—the promise of revival after literal or figurative death.⁵ Discussion here will be limited to the resurrection theme, without precluding the possibility that other themes exist as well.

There are Iranian, Greek and Aramaic inscriptions on the murals and ceiling tiles.⁶ The Iranian are apparently commen-

² On the early decorations see *ibid.*, IX, 48-77; Kraeling, *The Synagogue*, 41-45. The three upper registers are designated A, B and C, A being the highest.

³ M. Rostovtseff, *Dura-Europos and Its Art*, Oxford, 1938, 120; R. Wischnitzer, "Jewish Art in the Classical Period," *Jewish Art—An Illustrated History*, ed. Cecil Roth, New York, 1961, 206. On a possible relation between the Dura paintings and Byzantine art, see Rostovtseff, *Dura-Europos*, 134.

⁴ See Goodenough, *Jewish Symbols*, IX-X, especially X, 197-210; Kraeling, *The Synagogue*, 340-402. For a review of previous interpretations see *ibid.*, 346-247; J. Gutmann, "Dura-Europos; The Synagogue," *Reallexikon zur Byzantinischen Kunst*, 1966, Lieferung 8, Band I, 1230-1240.

⁵ The Biblical episodes seem to have been understood as illustrations of spiritual truths in history. Cf. M. Singh in J. Schwabe, *Mathematics, Music, Mythology and Metaphysics*, Amritsar, India, 1958, Pt. II, 7, 16-17.

⁶ The Aramaic, Greek and Iranian inscriptions are discussed respect-

taries of certain visitors to the synagogue. Directly related to revival of the dead are three on a series of panels showing episodes from the life of Elijah. A painting of Elijah's revival of the widow's dead child (figure 1) has two inscriptions. One celebrates the child's revival; the other praises God for "eternally" giving life. The child's revival is also celebrated in an Iranian inscription on another panel of the Elijah series.

Two Iranian inscriptions are found on a painting of Ezekiel's resurrection of the dead (figures 2 & 3). They include a proclamation of joy and a reference to giving thanks to God. It seems likely that these relate to the resurrection scene on which they were written. The association of resurrection and thanksgiving will also be seen in the use of the *orans* gesture of praise or thanks in the paintings. An inscription "judgement is near" on a panel illustrating the Book of Esther, will be discussed later. These constitute nearly all the Iranian inscriptions apart from those simply recording the visitors' viewing of the synagogue.

Most of the Greek and Aramaic inscriptions are limited to identifications of paintings' subject matter and of the synagogue's "builders" or donors. An exception is an Aramaic ceiling tile, read by J. Oberman as follows:

Thou wilt r[aise . . .] the [. . .] of e[veryone dead] and thou wilt lay everyone dead [in the shadow] of thy [w]ings. Thou wilt bind everyone dead in thy hand; thou wilt cr[reate . . .] And with mercifulness app[ortion] thou] to [them]. The reward (of) everyone dead is in the life of] the world that is to come for the sake of thy gl[ory] [. . .]. [The] voice [of ev]eryone d[ead shall] exalt thy name with every praise [. . . O Go]d who is abundant in forgiv- [ness, hallowed be thy name. *Amen*.⁷

ively by C. C. Torrey, C. B. Welles and Bernard Geiger in Kraeling, *The Synagogue*, 261-276, 277-282, 283-317.

⁷ Quoted in Wischnitzer, *The Messianic Theme*, 101.

The inscription is read differently by Charles C. Torrey, who believes it is a continuation of a commemorative inscription on another tile. Torrey's reading is as follows:

And like all those who laboured [were their brethren . . .] all of them, who with their money and in the eager desires of their souls . . . Their reward, all whatever . . . that the world which is to come . . . assured to them . . . on every sabbath . . . spreading out [their hands] in it (in prayer).⁸

While this reading is obviously less relevant to resurrection than Oberman's, it does refer to the world to come, and has been interpreted by Goodenough, along with the ceiling in which it was placed, as expressing hope of immortality.⁹ Both readings contain a great deal of conjecture. Given either possibility, or a combination of both, the tile either indicated the idea of life beyond death, or, like the other commemorative inscriptions, has no thematic relevance. All the inscriptions that do suggest a theme seem to point to the idea of resurrection.

On register C (the most visible register) of the north wall is a panel in three sections (figures 2 & 3). It shows:

- A. Ezekiel's transportation to the Valley of Dry Bones,
- B. His resurrection of the dead, and
- C. An execution scene.¹⁰

Between the valleys in sections A and B is a double-peaked mountain with a tree on each peak and a dark chasm in the middle. Super-imposed on the left-hand peak are dismembered heads and limbs, on the right, "reassembled" bodies.

Goodenough has called the double-peaked mountain the "Mountain of Transition", the valley to its left the "Valley

⁸ Torrey, in Kraeling, *The Synagogue*, 263.

⁹ Goodenough, *Jewish Symbols*, IX, 49, 53-57, XII, 160.

¹⁰ Questions of identifications of particular figures cannot be discussed here. See Kraeling, *The Synagogue*, 185-194, especially 187.

of Death", and the one to its right the "Valley of Life".¹¹ Interesting in this connection is the Near Eastern tradition of a double-peaked mountain of life and death, cleft in the middle. A. Jeremias has noted its equivalence with the trees of life and death, and equated it with the Mountains of Blessing and Cursing in Deuteronomy 11 and 27.¹²

The transcendent character of the center section has been discussed in detail by Goodenough.¹³ He identifies the light-colored Greek robe, found here and elsewhere in the paintings, with the spiritual "robe of light" in Jewish and Gnostic mysticism.¹⁴ The *orans* gesture by the resurrected is like the thanksgiving in the inscription on the panel.

While Section C has been variously identified,¹⁵ it is clear that like Section A, it shows death, while Section B shows the transcendence of death in resurrection. The relation of Sections A and C is stressed by their common white background, as against the red background of Section B.¹⁶

The Elijah series, on register C of the south and west walls, shows his meeting with the widow of Zarephath,¹⁷ the sacrifice of the Baal prophets (figure 4), Elijah's sacrifice (figure 5) and his revivification of the widow's dead child (figure 1). The revival scene's placement on the west wall, out of its context in the narrative, seems to indicate its importance. Rachel Wischnitzer suggests the child represents a messiah¹⁸ and Goodenough similarly suggests he is a "Divine Child".¹⁹

¹¹ Goodenough, *Jewish Symbols*, X, 180-185, 191-196.

¹² A. Jeremias, *The Old Testament in the Light of the Ancient East*, New York, 1911, I, 24. For other views on the cleft mountain, see Kraeling, *The Synagogue*, 190-191; Riesenfeld, "The Resurrection," 30-31.

¹³ Goodenough, *Jewish Symbols*, X, 194-196.

¹⁴ *Ibid.*, IX, 124-176, especially 162, 168-174, XII, 165-1165.

¹⁵ *Ibid.*, X, 187-191; Kraeling, *The Synagogue*, 198-202.

¹⁶ See Goodenough, *Jewish Symbols*, X, 196.

¹⁷ See Goodenough, *Jewish Symbols*, XI, figure 340.

¹⁸ Wischnitzer, *The Messianic Theme*, 33-34. Wischnitzer suggests that Elijah's raising of the widow's son forecasts resurrection.

¹⁹ Goodenough, *Jewish Symbols*, XII, 167.

If the child is a messiah or savior, his revival takes on national or universal significance.

Elijah's meeting with the widow directly precedes the revival in the Bible narrative. The meal jar and oil cruise that yielded an unending supply have a prominent place in the panel. Like the child's revival, this miracle follows the widow's faith in the prophet. The unending supply may also relate to the idea of everlasting life, like the overflowing desert well, to be discussed.

Elijah's victory over the prophets of Baal, shown in the next two scenes (figures 4 & 5), brought revival of the nation's faith, together with the renewal of rain ending the drought.²⁰ Another aspect of the episode is the victory of "truth" over "falsehood", which will be seen to relate to Messianic resurrection.

A painting of Moses' exposure and rescue (figure 6) balances Elijah's revival of the child compositionally on register C of the west wall. Wischnitzer and Goodenough have pointed out a principle of symmetry in the subject matter of the paintings on the right and left of the Torah shrine.²¹ They have also noted the correspondence between the Moses scene and that of the child's revival by Elijah.²² Goodenough suggests that Moses, like the widow's son, represents a "Divine Child". Wischnitzer calls him "the Redeemer" who is placed in juxtaposition to the future Messiah. They have both found similarities of dress and gesture in the two paintings. Of striking relevance here is Goodenough's finding that the iconography of the ark from which Moses was taken is that of a small sarcophagus. He has suggested that the scene represents a resurrection. If this is correct,

²⁰ Rain was closely associated with resurrection in Talmudic Judaism; see Riesenfeld, "The Resurrection," 10.

²¹ Wischnitzer, *The Messianic Theme*, 19-21; Goodenough, *Jewish Symbols*, IX, 236-237; X, 3-4, 42-43, 98, 136-139. On other relevant interpretations see Kraeling, *The Synagogue*, 132.

²² Goodenough, *Jewish Symbols*, XII, 167-168; Wischnitzer, *The Messianic Theme*, 49.

we have another revival scene on Register C of the west wall. However, even following the Biblical narrative literally, Moses' rescue comes close to resurrection.

Above Elijah's revival of the child is a painting of a miraculous well (figure 7). Twelve streams flow from it to twelve tents grouped around it. At the entrances of the tents are figures whose hands are raised in the *orans* gesture of thanking. Moses stands near the well and gestures towards it. Behind is a building, probably representing the Tabernacle, and a large candelabrum with other ceremonial instruments.

Most recent interpreters agree that the scene portrays a miraculous well that supplied the Jews in the wilderness.³³ They disagree as to the particular well represented and its significance. Kraeling finds its meaning historical and non-symbolic;³⁴ Wischnitzer sees it as an allegory for Moses giving the Law;³⁵ Goodenough believes it analogous to spiritual wisdom and, at the same time, the divine power sustaining the universe.³⁶ It will be seen that these views are not as mutually exclusive as they appear.

The symbolism of the well in connection with the "waters of life" is familiar in Jewish, as in much other religious literature.³⁷ Perhaps as familiar in Judaism is the equivalence

³³ On literary sources for the miraculous desert well, see Goodenough, *Jewish Symbols*, VI, 185-186, X, 33-39; Kraeling, *The Synagogue*, 122-124; C. O. Nordstrom, "The Water Miracles of Moses in Jewish Legend," *Orientalia Suecana*, 1958, 98-109, C. Hopkins and Count du Mesnil du Buisson interpret the panel as representing the water drawing in the Feast of Tabernacles (cited in Wischnitzer, *The Messianic Theme*, p. 55). For a review of earlier interpretations see *ibid.*, 55-57.

³⁴ Kraeling, *The Synagogue*, 118-125. The general principle of historical rather than allegorical or symbolic interpretation is stated in his introduction of the decorations as a whole (*ibid.*, 350-351, 357).

³⁵ Wischnitzer, *The Messianic Theme*, 55-58.

³⁶ Goodenough, *Jewish Symbols*, X, 27-41, XII, 170-171.

³⁷ The spring of immortality is found in Babylonian, Indian and Persian tradition (*The Universal Jewish Encyclopedia*, ed. Isaac Landman, New York, 1939-1943, X, 475). Gertrude Jobes notes that water of life is a "world-wide folklore motif connected with Quests" (G. Jobes, *Dictionary of Mythology, Folklore and Symbols*, New York, 1961, II, 1168). She also mentions the symbolic association of the

of water of life with wisdom or the "Divine Word".³⁸ References to water of life and the fountain of wisdom are frequent in the Old Testament and later Hebrew works.³⁹ Goodenough has pointed out the symbolism of the wilderness well, "which represents the Water of Life, Wisdom, Light and Law" in post-biblical Jewish literature.⁴⁰ Especially striking is a passage from the Pirke de Rabbi Eleazer, identifying the desert well with the waters of life prophesied to issue from under the Temple in the Messianic age: "In the future the waters of the well will ascent from under the threshold of the Temple, and will overflow . . . and issue forth and become twelve streams corresponding to the twelve tribes".⁴¹ In the Dead Sea Scrolls, the desert well was a "well of living waters"; living waters were also equivalent to the Law.⁴² The ceremony of drawing water in the Feast of Tabernacles was also associated with the symbolism of water of life.⁴³

It can be seen from these examples that waters of life, wisdom and law are essentially the same in Jewish, as in other traditions. Eternal life would intrinsically imply wisdom and holiness. So understood, the idea of water of life seems primary in the panel. If Biblical episodes, such

well with "baptism, eternity, life, purification, rebirth, refreshment, truth, youth" (*ibid.*, II, 1172). Jacob Leveen notes the portrayal of the "Fountain of Life" on the floor of the fifth century synagogue at Hammam Lif (J. Leveen, *The Hebrew Bible in Art*, London, 1944, 65).

³⁸ It has been noted that the Torah and its wisdom are compared to water in Jewish tradition. See *The Universal Jewish Encyclopedia*, X, 475.

³⁹ See Prov. 13:14, 14:27, 16:22, Psalms 36:10 (cited in Goodenough, *Jewish Symbols*, VI, 191-192); Zech. 13:1, 14:8, Joel 4:18, Jer. 2:13, Gen. 26:19 (cited in *The Universal Jewish Encyclopedia*, X, 475, 499); Prov. 8:35. Goodenough notes frequent references to the fountain of wisdom in the Bible and Apocrypha (*Jewish Symbols*, VI, 193). On the fountain of wisdom as water of eternal life in the works of Philo, see *ibid.*, VI, 204.

⁴⁰ Goodenough, *ibid.*, VI, 193.

⁴¹ Cited *ibid.*, X, 33.

⁴² Cited *ibid.*, X, 34, VI, 194.

⁴³ *Ibid.*, IV, 151-152; *The Universal Jewish Encyclopedia*, X, 475.

Fig. 1. Gute copy, Dura synagogue mural, *Ezekiel Raises the Widow's Child* (Yale University Art Gallery).

Fig. 2. Gute copy, Dura synagogue mural, *Ezekiel's Vision*, left section (Yale University Art Gallery).

Fig. 3. Gute copy, Dura synagogue mural, *Ezekiel's Vision*, right section (Yale University Art Gallery).

Fig. 4. Gute copy, Dura synagogue mural, *Sacrifice of the Prophets of Baal*, (Yale University Art Gallery).

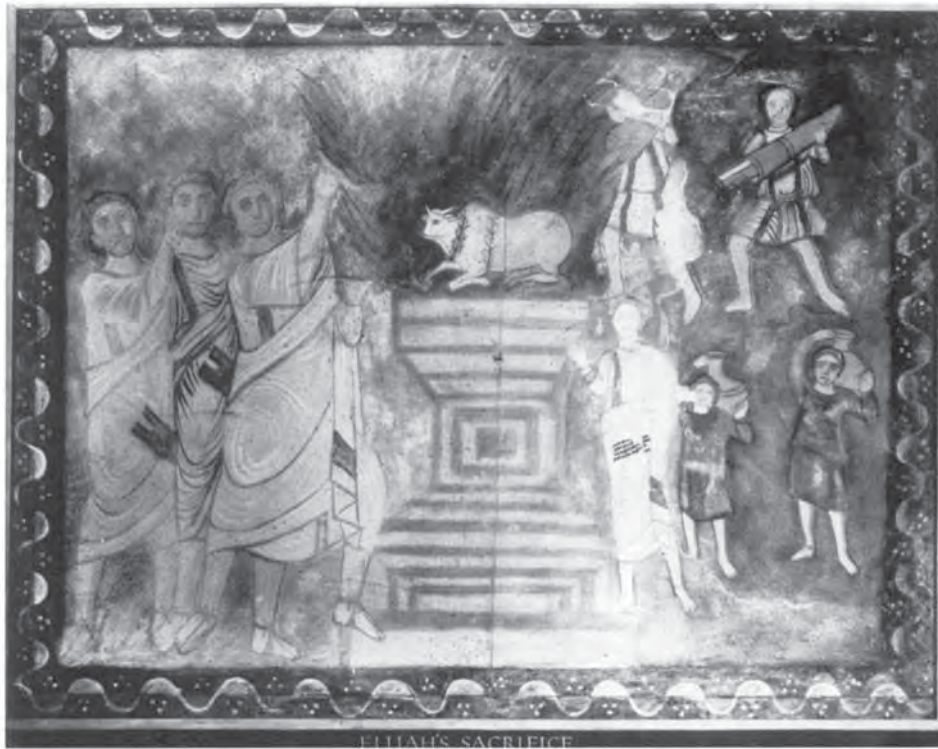

Fig. 5. Gute copy, Dura synagogue mural, *Elijah's Sacrifice* (Yale University Art Gallery).

Fig. 6. Gute copy, Dura synagogue mural, *Moses' Exposure and Rescue* (Yale University Art Gallery).

Fig. 7. Gute copy, Dura-Europos synagogue mural, *The Miraculous Well* (Yale University Art Gallery).

Fig. 8. Gute copy, Dura-Europos synagogue mural, *West Wall, Central Area* (Yale University Art Gallery).

Fig. 9. Gute copy, Dura-Europos synagogue mural, *Samuel Anointing David* (Yale University Art Gallery).

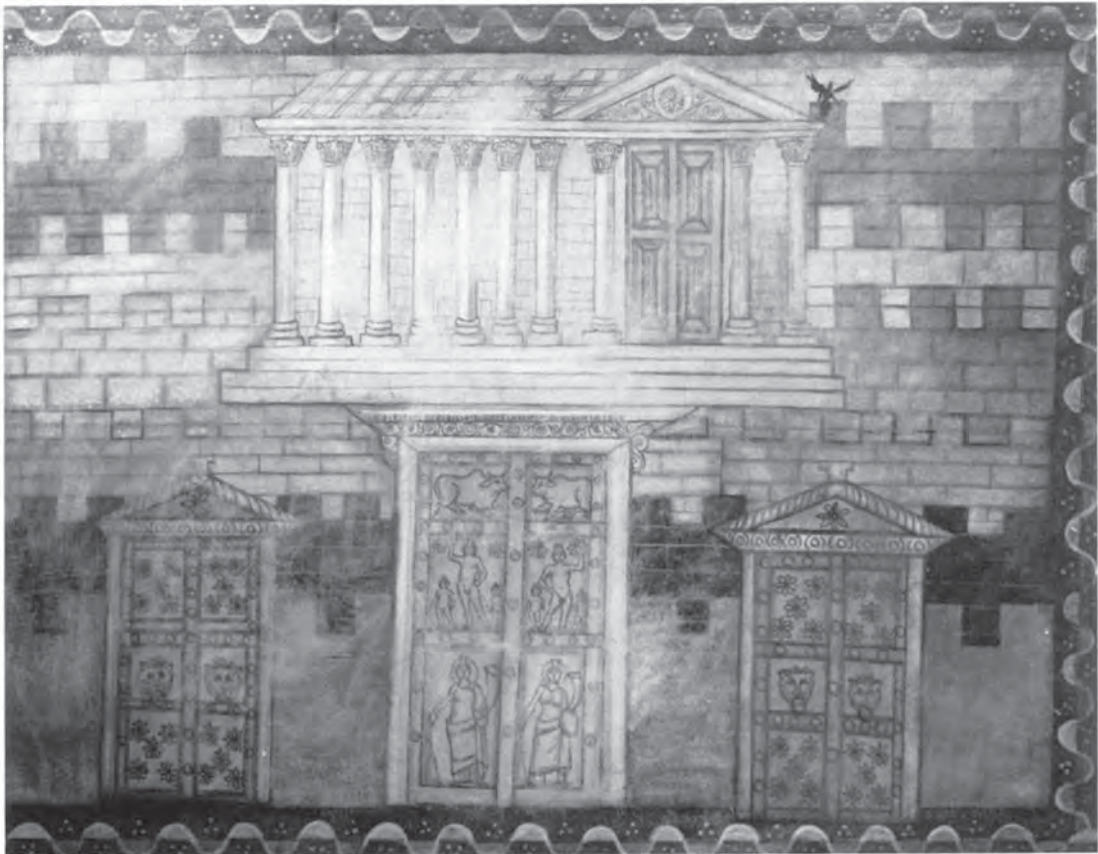

Fig. 10. Gute copy, Dura-Europos synagogue mural, *Temple With Seven Walls* (Yale University Art Gallery).

Fig. 11. Gute copy, Dura-Europos synagogue mural, *Scenes from the Book of Esther* (Yale University Art Gallery).

Fig. 12. Gute copy, Dura-Europos synagogue mural, *The Battle of Eben-ezer* (Yale University Art Gallery).

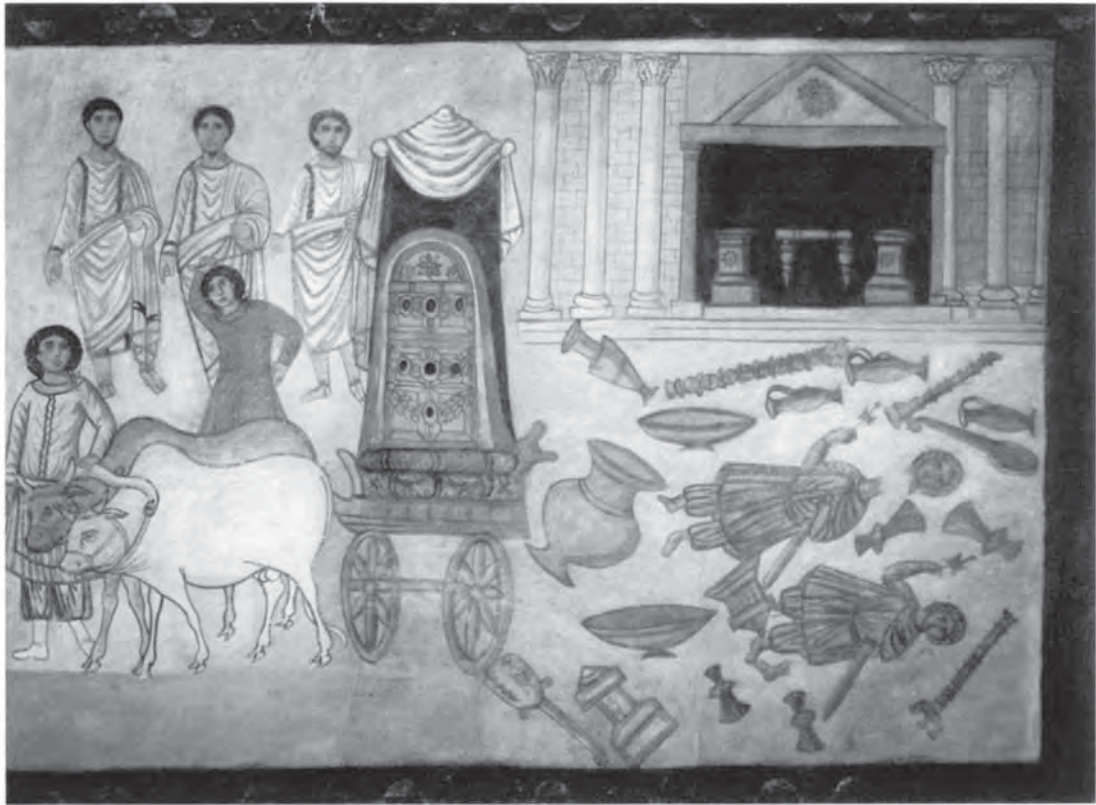

Fig. 13. Gute copy, Dura-Europos synagogue mural, *The Destruction of Dagon's Temple and Return of the Ark* (Yale University Art Gallery).

Fig. 14. Gute copy, Dura-Europos synagogue mural, *The Crossing of the Red Sea* (Yale University Art Gallery).

as the desert journey, are understood as illustrations of spiritual truths in history, the miraculous gift of water in the desert would correspond with the spiritual gift of eternal life.³⁴ In this connection, the twelve figures' *orans* gesture, elsewhere related to resurrection, seems significant.

A fragmentary panel, on the south wall, next to the well scene, shows a procession with figures waving branches and playing instruments. It has been interpreted by both Kraeling and Goodenough as showing the Feast of Tabernacles (though in different contexts).³⁵ The ceremony of drawing water in the feast was symbolically associated with water of life. In later Rabbinical literature, the water used in the ceremony, like the desert well, was identified with the "living waters" to come from under the Temple of Ezekiel, and with the future "wells of salvation" in Isaiah.³⁶ The threshing with the willow branches during the festival has also been found to relate to resurrection.³⁷

The Feast of Tabernacles was associated with both the wilderness journey and with the Messianic restoration.³⁸ If the panel does represent the Feast, it is thus associated symbolically with the well scene next to it and with resurrection.

The central area of the west wall, above the Torah Shrine, was redecorated several times (figure 8). Originally it showed a large tree or vine with objects beneath it. Later it was divided horizontally, to fit in with the newly added registers of narrative panels. The area was painted over with scenes showing Jacob blessing his sons and Joseph's, a harpist

³⁴ Cf. Riesenfeld, "The Resurrection", 21-22.

³⁵ Kraeling, *The Synagogue*, 116-117; Goodenough, *Jewish Symbols*, X, 146-147, XI, Pl. XVI. For a different view and brief survey of earlier interpretations, see Wischnitzer, *The Messianic Theme*, 53-55.

³⁶ From the Tosefta and Gemara respectively, cited in Goodenough, *Jewish Symbols*, IV, 152.

³⁷ *Ibid.*, IV, 151.

³⁸ N. Ausubel, *A Pictorial History of the Jewish People*. New York 1955, 35; Goodenough, *Jewish Symbols*, IV, 145-166, especially 147, 149; Kraeling, *The Synagogue*, 117.

with animals, and at the top, an enthroned figure, surrounded by others. According to De Mesnil, the tree was then partly repainted.³⁹

Kraeling and Goodenough both interpret the tree as the tree of life.⁴⁰ Goodenough believes its meaning was kept and expanded in the later version of the panel. Kraeling also connects the tree of life with the later version which, he suggests, shows the Messianic king in paradise.⁴¹

The room's early decorative scheme was relatively simple. According to Kraeling's description, the tree would have been the only painting on the wall, except for those on the Torah Shrine, directly beneath it, and the "dado".⁴² If the tree stood for the tree of life, the idea of eternal life had singular importance in the early decorations. It seems likely that this theme persisted in the later scheme of the room as a whole, as well as in the center panel.

The meeting hall's ceiling was covered with painted tiles, belonging to the early phase of decoration.⁴³ Several are inscribed; the rest show heads, fruit, flowers, grain, animals and other symbolic motifs. A study of their meaning is not possible here. However, Goodenough's suggestion, that the ceiling as a whole symbolizes the heavens and the hope of immortality, is important to note.⁴⁴ He believes that the placement of Tile B in the "heavenly ceiling" expresses

³⁹ Cited in Wischnitzer, *The Messianic Theme*, 96. For a full discussion of the central area see Goodenough, *Jewish Symbols*, IX, 78-110; Kraeling, *The Synagogue*, 215-266; H. Stern, "The Orpheus in the Synagogue of Dura-Europos", *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*, XXI, 1958, 1-6. See Goodenough, *Jewish Symbols*, XI, (fig. 76).

⁴⁰ Kraeling, *The Synagogue*, 63, 65, 227; Goodenough, *Jewish Symbols*, IX, 79-83; see also Leveen, *The Hebrew Bible*, 25-27. Leveen and Kraeling point out the identification of the Torah with the tree of life. (*ibid.*, 25-26; Kraeling, *The Synagogue*, 63).

⁴¹ *Ibid.*, 65, 227; see also Leveen, *The Hebrew Bible*, 26-27, 29.

⁴² Kraeling, *The Synagogue*, 40, 62-65, 217; see also Goodenough, *Jewish Symbols*, X, 120, (fig. 76).

⁴³ Goodenough, *Jewish Symbols*, XI, (fig. 352).

⁴⁴ *Ibid.*, IX, 54-57, XII, 160.

the donors' hope of life after death. If his interpretation is generally correct, the resurrection theme is given further corroboration.

Geo Widengren, in *The Saviour God*, discusses a form of Jewish-Christian Gnosticism, in which spiritual ascent and enthronement follow a pattern based on the ancient Israelite enthronement ritual.⁴⁵ Several symbols used in this tradition are found in the Dura synagogue.

The main documents discussed are the *Naasene Sermon* and the *Book of Baruch*. According to the former, spiritual rebirth comes with entry through the "gate of heaven", identified with the "gate of heaven" in Jacob's dream. Widengren finds this to be the same as the Gnostic "third gate" in which is the water of life. One who has passed through this gate is anointed "with silent oil from the horn like David".

In the Book of Baruch, Elohim ascends to heaven and enters the "gate of the (highest) Lord"; he drinks the waters of life, puts on a "heavenly garment", and is enthroned at the Lord's right hand. The ascent and enthronement of the Gnostic parallels Elohim's.

In the Dura synagogue, a partly preserved panel shows Jacob's dream at Bethel, with angels or spirits on the ladder between heaven and earth.⁴⁶ The gate of heaven is clearly implied, since upon waking from his dream, Jacob says, "this is the gate of heaven." Widengren's study points up the natural connection between this gate and the waters of life; entry into the spiritual world means spiritual rebirth. A white robe of sanctity is put on by the "reborn" in the Gnosticism discussed, as in much Jewish mysticism. A white or light colored Greek robe appears frequently in the Dura

⁴⁵ G. Widengren, "Baptism and Enthronement in some Jewish-Christian Gnostic Documents," *The Saviour God*, ed. S. G. F. Brandon, New York, 1936, 205-217. The immediately following comments are based on Widengren's analysis.

⁴⁶ Goodenough, *Jewish Symbols*, XI, Pl. XIX.

paintings. Goodenough has concluded that it represents this robe of sanctity.⁴⁷ A panel directly right of the Torah Shrine, shows Samuel anointing David with oil (figure 9). Goodenough suggests it represents a mystic initiation, and notes the anointing with oil from the tree of life in Widengren's study.⁴⁸ The panel's Messianic implications have also been pointed out.⁴⁹ "Messiah" means "the anointed". The Messiah's enthronement also seems to be shown in the upper central area, where an enthroned figure is surrounded by two attendants and thirteen more figures, probably representatives of the tribes of Israel.⁵⁰

A panel on the west wall shows a temple surrounded by seven walls of different colors (figure 10). Goodenough has interpreted it as representing the seven spiritual stages in Jewish and other Near Eastern mysticism.⁵¹ As such it may relate to ascent to heaven, though not specifically that in Widengren's study.

The question of a possible Gnostic influence on the paintings, or the existence of a common tradition, must be left to scholars in that field. The paintings clearly do not show these symbols in an order depicting the Gnostic ascent and enthronement; they are scattered throughout the synagogue. However, Widengren's study does bring out their inherent connections and their relation to spiritual rebirth. In particular it is seen how the ascent to heaven, Jacob's dream, the waters of life, the spiritual robe and the anointing with oil relate to spiritual rebirth.

Wischnitzer has noted that the Messianic "Salvation plan"

⁴⁷ See above 4.

⁴⁸ Goodenough, *Jewish Symbols*, XII, 167.

⁴⁹ Kraeeling, *The Synagogue*, 168; Wischnitzer, *The Messianic Theme*, 51.

⁵⁰ See Kraeeling, *The Synagogue*, 226.

⁵¹ Goodenough, *Jewish Symbols*, IX, 46-49, 58-60. Kraeeling's interpretation of seven cosmic walls (*The Synagogue*, 106-107) does not seem, in essence, to contradict this view; in the Near Eastern traditions on which both interpretations are based, the seven mystic stages and seven planetary spheres are closely related.

in Jewish tradition included the destruction of evil, the establishment of peace and harmony, the restoration of the tribes of Jacob, and the resurrection of the dead.⁵² The concepts of victory of good over evil, and of restoration, may be seen in the paintings.

The inscription, "judgement is near", on a painting of scenes from Esther, was mentioned earlier. The panel shows a court scene, and to the left, Mordecai riding a white horse led by Haman (figure 11). Goodenough has pointed out that the incident was understood by the Jews as the triumph of good over evil, and has suggested that Mordecai was identified here with the Messiah.⁵³ Bernard Geiger noted, in translating the inscription, "The meaning '(last) judgement' is especially preserved in the Iranian loan word in Armenian, *dadastan*".⁵⁴ It therefore seems likely that the judgement referred to is the last judgement, in which good will triumph over evil. This meaning would relate the panel to resurrection, which comes with the last judgement.

Goodenough has interpreted the white horse, here and in other panels, as symbolizing the forces of light (or goodness) as opposed to those of darkness.⁵⁵ It appears again in a series showing the Phillistines' capture and return of the Ark. The battle of Eben-ezer is represented by two combatants on white and black horses, surrounded by others (figure 12, right). The next scenes apparently show the Ark being carried off (figure 12, left), the damage it does to Dagon's temple and its miraculous return to its owners (figure 13). The series as a whole thus shows the temporary defeat and ultimate victory of the forces of righteousness (with which the nation identified itself).⁵⁶ The series may also stand for the temporary

⁵² Wischnitzer, *The Messianic Theme*, 13.

⁵³ Goodenough, *Jewish Symbols*, IX, 180-186; XII, 165-166.

⁵⁴ Geiger in Kraeling, *The Synagogue*, 300, n. 126.

⁵⁵ Goodenough, *Jewish Symbols*, XII, 165; X, 172-175, 205, 210.

⁵⁶ Cf. Riesenfeld's analysis of early Jewish ritual in which the king (and thereby the nation) is temporarily defeated by Chaos and Death, and then revived. Riesenfeld relates these rites to the Book of Ezekiel ("The Resurrection," 5-6, 13-16).

loss and ultimate restoration of holiness, symbolized by the Ark. In this sense it might also pertain to the idea of the nation's revival after its destruction. These two meanings were also seen in Elijah's victory over the prophets of Baal.

The concept of eschatological victory and salvation has a bearing on a panel showing the crossing of the Red Sea (figure 14). F. F. Bruce has pointed out that in the Old Testament, the parting of the Red Sea and victory over the Egyptians were symbolically connected with Yahweh's victory over chaos (associated with the ocean), with later historical deliverances, and with the hope of future salvation.⁵⁷ Riesenfeld notes that in Apocryphal and Rabbinic literature, as elsewhere, the crossing of the Red Sea was "clearly associated with the conquering of death and with revivification".⁵⁸ The association of Moses with the Messiah has been noted. Moses' role as God's agent is emphasized by the Hand of God, which also appears in the Ezekiel panel (figures 2 & 3) and in the scene of Elijah's revival of the child (figure 1). The painting thus relates to the scenes dealing with the Book of Esther, the loss and return of the Ark, and Elijah's victory over the prophets of Baal, in showing victory over the forces of darkness; it relates to the revival scenes in showing God's miraculous salvation brought about by a prophet.

The murals discussed constitute nearly all of the preserved narrative paintings. It is seen that many of them relate to the idea of resurrection. The paintings of Ezekiel's vision, the saving of Moses and Elijah's revival of the child, all prominently placed on register C, show revivals of the dead. The last seems to be the culmination of a series showing episodes from Elijah's life, in which others may also relate to revival. The well scene also portrays a miraculous renewal in the desert: the symbolism of the well as the source of water of life, or wisdom, has been discussed. The Feast of

⁵⁷ F. F. Bruce, "Our God and Saviour," *The Saviour God*, 5-60.

⁵⁸ Riesenfeld, "The Resurrection," 22-25.

Tabernacles relates to the miraculous well and to resurrection. The tree of life and the ceiling tiles have likewise been found to pertain to Eternal life. Widengren's findings on Gnosticism have suggested that several of the paintings relate to spiritual rebirth. Some of the paintings seem also to hint at Messianic victory and restoration, in which resurrection plays an important part. Finally, the inscriptions seem to specify the emphasis on revival and the coming End.

The idea of revival, or eternal life coming at the point of death, is widespread in Judaism as elsewhere. A basic purpose of the Dura paintings seems to have been to remind the worshipper of this promise of resurrection.

Книга хасидов § 630

И так во дни рава Ая и рава Эвьятара, праведного священника, которые были в Иерусалиме, пришел к ним убийца. Повелели рав Ай и рав Эвьатар, чтобы его бичевали на Масличной горе, пока не прольется кровь. И убийца этот вопиял: Бейте меня, не жалейте меня, дабы не был призван я на суд перед Всевышним! И били его, так что он чуть не испустил дух. И повелели оставить его. И подождали три недели, а потом закопали в песок, оставив лишь малое отверстие, и еще истязали его, и били, так что он был между жизнью и смертью. Так делали трижды. И проведали, и поняли, что достиг он искупления, ибо принимал все с благодарностью. Он же говорил, что все еще нет ему искупления. Сказали ему: Уж от Всевышнего это, что Он простил тебя. А рав Ай восходил каждый год в Иерусалим из Вавилона и был там на празднике Кущей, ибо обходили Масличную гору на Великую Осанну семь раз, и произносили гимны, которые установил для них рав Ай. А пред равом Аем шли священники, облаченные в шелковые одеяния и в мантии, а после него – народ, а сам он – посредине, в отдалении от тех, кто перед ним, на сто локтей, и точно так же от тех, кто позади.

Рав Ай же улыбался. После трапезы усмотрел раскаявшийся убийца, что рав Ай радуется, и сказал ему: Рабби, почему ты шел в одиночестве, когда обходили вы Масличную гору? Сказал ему рав Ай: Потому что я восхожу каждый год из Вавилона, чтобы обойти Масличную гору в праздник Кущей. Я очищаю себя, и на Великую Осанну со мной идет Илия. Посему удаляемся от тех, кто впереди, и от тех, которые позади, и тогда он говорит со мной. И спросил я у него: Когда придет Мессия? И сказал он мне: Когда обойдете Масличную гору со священниками. И я взял всех священников, которых нашел, чтобы обходить с ними, – может быть, среди них окажутся таковые. И сказал мне Илия: Гляди! Те священники, которые, как видишь, облачились в мантии и шагают гордо – ни один из них не из потомства Аарона. Один лишь, что идет позади всех, презираемый, всеми отвергнутый, одетый в плохие одежды, не требующий почета, так ведущий себя, как будто нет его, хромым на одну ногу и лишенный одного глаза – вот он, сказал [Илия], настоящий священник, потомок Аарона. Сказал рав Ай: Потому-то я и улыбался. Среди них не было ни одного священника, кроме этого увечного.

торыми они закалывали своих противников. Когда жертва падала бездыханной, они присоединялись к возмущенной убийством массе, своей внешней благопристойностью полностью отвращая разоблачение. Первым, кого они таким образом закололи, был первосвященник Йонатан; вслед за ним ежедневно были умерщвляемы многие. Но даже ужаснее, чем сами их преступления, был внушаемый ими страх, ибо ежечасно каждый, словно на войне, ожидал своей гибели. Люди издали следили за своими врагами и держались в отдалении даже от друзей. Но, несмотря на всю осторожность и предусмотрительность, смерть все равно настигала их: таковы были внезапность нападений заговорщиков и их искусство избегать разоблачения.

4. В придачу к этим образовалась и другая категория негодяев, хотя и менее преступных в действиях, но по намерениям еще более порочных, ибо они причиняли благополучию города не меньший вред, нежели убийцы. Эти лжецы и мошенники, притворявшиеся боговдохновенными, на самом деле готовили планы переворота. Они приводили народ в исступление и выводили его за пределы города в пустынную местность под тем предлогом, что там Бог явит им знамения приближающейся свободы. Феликс, который увидел в этом первый признак мятежа, послал на них конницу и тяжелую пехоту, истребившие великое множество народа.

5. Еще большее бедствие навлек на евреев лжепророк из Египта. Этот мошенник, выдававший себя за пророка, по прибытии в страну собрал около 30 тысяч простаков и провел их пустынной местностью к Масличной горе, откуда намеревался силой войти в Иерусалим, подавить римский гарнизон и захватить верховную власть, сделав соучастников своими телохранителями. Однако Феликс предупредил его намерения и вышел навстречу с тяжелой римской пехотой; все население города тоже принимало участие в обороне. После стычки египтянин с горсткой людей спасся бегством, а большинство его последователей были убиты или взяты в плен; остатки же толпы рассеялись и потихоньку разошлись по домам.

6. Когда и эта горячка утихла, в стране, словно в пораженном болезнью теле, возник еще один гнойник. Мошенники-заклинатели и главари разбойников объединили свои силы и совместно толкали народ на восстание. Они подстрекали нанести удар во имя свободы и угрожали смертью тем, кто подчиняется римскому правлению: они говорили, что те, кто по сво-

Иерусалим – невеста

Исайя 61:10. 10 Радостью буду радоваться о Господе, возвеселится душа моя о Боге моем; ибо Он облек меня в ризы спасения, одеждою правды одел меня, как на жениха возложил венец и, как невесту, украсил убранством.

10

שׁוֹשׁ אֲשִׁישׁ בִּיהוָה תִּגְלַגְל נַפְשִׁי בְּאֱלֹהֵי
כִּי הִלְבִּישׁוּנִי בְּגָדֵי-יְשׁוּעָה מִעִיל צְדָקָה יַעֲטֶנּוּנִי^א
כְּחַתָּן יִכְתֹּנֵן^ב פָּאֵר וְכִכְלָה תַעֲדָה כְּלִיָּהּ^ב:

Исайя 62:1-5. 1 Не умолкну ради Сиона, и ради Иерусалима не успокоюсь, доколе не взойдет, как свет, правда его и спасение его - как горящий светильник. 2 И увидят народы правду твою и все цари - славу твою, и назовут тебя новым именем, которое нарекут уста Господа. 3 И будешь венцом славы в руке Господа и царскою диадемою на длани Бога твоего. 4 Не будут уже называть тебя "оставленным", и землю твою не будут более называть "пустынею", но будут называть тебя: "Мое благоволение к нему", а землю твою - "замужнею", ибо Господь благоволит к тебе, и земля твоя сочается. 5 Как юноша сочается с девою, так сочetaются с тобою сыновья твои; и [как] жених радуется о невесте, так будет радоваться о тебе Бог твой.

62

לְמַעַן צִיּוֹן לֹא אֶחְשָׁה וּלְמַעַן יְרוּשָׁלַם לֹא אֶשְׁקוֹט^א
עַד-יֵצֵא כְּנֹגַה צְדָקָה וַיְשׁוּעָתָה כָּל־פֶּיֶד יִבְעֶר:^ב
וַרְאוּ גוֹיִם צְדָקָתְךָ וְכָל־מְלָכִים כְּבוֹדְךָ^ב
וְקָרְאוּ לְךָ שֵׁם חָדָשׁ אֲשֶׁר פִּי יְהוָה יִקְבְּלוּ: [אֱלֹהֵיךָ]:^{א. ב.}
וְהָיִיתָ עֲטֹרַת תְּפָאֲרֹת בְּיַד-יְהוָה וּצְנֹף מְלוּכָה בְּכַף-^{ב. רצניף}
לֹא-יֵאמָרוּ לְךָ עוֹד עֲזוּבָה וְלֹא-רֵצָה^א לֹא-יֵאמָרוּ עוֹד^א שְׂמָמָה^ב
כִּי לְךָ יִקְרָא חֶפְצִי-בָּהּ וְלֹא-רֵצָה בְּעוֹלָהּ^{ב. א. ב. ג. ד. ה.}
כִּי-חֶפֶץ יְהוָה בְּךָ וְאֶרֶץ תִּבְעַל:^ב
כִּי-יִבְעַל^א בַּחֹר בְּתוֹלָה^ב יִבְעַלְלוּךָ בְּגִיְךָ^ב
וּמְשׁוֹשׁ חַתָּן עַל-כְּלָה יִשִּׁישׁ עָלֶיךָ אֱלֹהֵיךָ:^{ב. ג.}

Откровение 21. 1 И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет. 2 И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего. 3 И услышал я громкий голос с неба, говорящий: се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними; они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их. 4 И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло. 5 И сказал Сидящий на престоле: се, творю все новое. И говорит мне: напиши; ибо слова сии истинны и верны. 6 И сказал мне: совершилось! Я есмь Альфа и Омега, начало и конец; жаждущему дам даром от источника воды живой. 7 Побеждающий наследует все, и буду ему Богом, и он будет Мне сыном. 8 Боязливых же и неверных, и скверных и убийц, и любодеев и чародеев, и идолослужителей и всех лжецов участь в озере, горящем огнем и серою. Это смерть вторая. 9 И пришел ко мне один из семи Ангелов, у которых было семь чаш, наполненных семью последними язвами, и сказал мне: пойдя, я покажу тебе жену, невесту Агнца. 10 И вознес меня в духе на великую и высокую гору, и показал мне великий город, святой Иерусалим, который нисходил с неба от Бога. 11 Он имеет славу Божию. Светило его подобно драгоценнейшему камню, как бы камню яспису кристалловидному. 12 Он имеет большую и высокую стену, имеет двенадцать ворот и на них двенадцать Ангелов; на воротах написаны имена двенадцати колен сынов Израилевых: 13 с востока трое ворот, с севера трое ворот, с юга трое ворот, с запада трое ворот. 14 Стена города имеет двенадцать оснований, и на них имена двенадцати Апостолов Агнца. 15 Говоривший со мною имел золотую трость для измерения города и ворот его и стены его. 16 Город расположен четверугольником, и длина его такая же, как и широта. И измерил он город тростью на двенадцать тысяч стадий; длина и широта и высота его равны. 17 И стену его измерил во сто сорок четыре локтя, мерою человеческою, какова мера и Ангела. 18 Стена его построена из ясписа, а город был чистое золото, подобен чистому стеклу. 19 Основания стены города украшены всякими драгоценными камнями: основание первое яспис, второе сапфир, третье халкидон, четвертое смарагд, 20 пятое сардоникс, шестое сердолик, седьмое хризолит, восьмое вирилл, девятое топаз, десятое хризопрас, одиннадцатое гиацинт, двенадцатое аметист. 21 А двенадцать ворот - двенадцать жемчужин: каждые ворота были из одной жемчужины. Улица города - чистое золото, как прозрачное стекло. 22 Храма же я не видел в нем, ибо Господь Бог Вседержитель - храм его, и Агнец. 23 И город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего, ибо слава Божия осветила его, и светильник его - Агнец. 24 Спасенные народы будут ходить во свете его, и цари земные принесут в него славу и честь свою. 25 Ворота его не будут запираются днем; а ночи там не будет. 26 И принесут в него славу и честь народов. 27 И не войдет в него ничто нечистое и никто преданный мерзости и лжи, а только те, которые написаны у Агнца в книге жизни.

Moshe Weinfeld. Feminine features in the imagery of God in Israel; the sacred marriage and the sacred tree

FEMININE FEATURES IN THE IMAGERY OF GOD IN ISRAEL: THE SACRED MARRIAGE AND THE SACRED TREE

by

MOSHE WEINFELD

Jerusalem

The motivation to present this topic is not because feminism is in fashion now, as some may think, but because of the recent discoveries of inscriptions in Israel, which have next to YHWH "his Asherah". These inscriptions were found in the excavations of Kuntillet 'Ajrud,¹ 50 km. south of Kadesh-barnea, by Zeev Meshel, who discovered the site. He calls it "Ḥurbat Teman" because of the inscription "YHWH Teman"² found there. In Khirbet el-Qom, close to Hebron, an inscription "YHWH and his Asherah"³ was found. "Asherah" was also found in Tel Miqneh (= Ekron) in the Philistine area. This new discovery of the name Asherah needs explanation and that is why I picked up this topic for discussion.

My study on this subject concerns two problems: the problem of sacred marriage (*hieros gamos*) as well as the problem of the sacred tree (= the Asherah) or the tree of life. Both these phenomena stand at the centre of Jewish mysticism (the so-called Kabbalah) and have been brought to full expression in the texts of this movement. That is why I start with Jewish mysticism whose main features can be traced back to the beginning of our era. As has been seen by Gershom Scholem,⁴ the Kabbalah literature revolves around the ideas of *hieros gamos* and the sacred tree which represents the ten sephirot. The marriage of the god = "The Holy One, blessed be he" (*hqdws' brwk hw'*) with the

¹ See my article "Kuntillet 'Ajrud Inscriptions and their Significance", *Studi Epigrafici e Linguistici* 1 (1984), pp. 121-30.

² Z. Meshel, "Teman Ḥorvat", in E. Stern (ed.), *The New Encyclopedia of Archeological Excavations in the Holy Land* 4 (Jerusalem, 1993), pp. 1458-64.

³ A. Lemaire, "Les inscriptions de Khirbet el-Qôm et l'Ashérah de Yhwh", *Revue Biblique* 84 (1977), pp. 595-608.

⁴ *Elements of the Kabbalah and its Symbolism* (Jerusalem, 1980).

Shekhinah—a hypostatic term for God in female garb—represents the *hieros gamos*, while the sacred tree with its branches represents the Sephirot, “the countings” of the Kabbalah. These are: (1) *Keter* = crown; (2) *Hokhmah* = Wisdom; (3) *Binah* = understanding; (4) *Hesed* = Mercy; (5) *Hod* = splendour; (6) *Yesod* = Foundation; (7) *Tipheret* = Beauty; (8) *Geburah* = Strength; (9) *Neṣah* = Victory/Endurance; (10) *Malkhut* = Kingdom. Each has an attribute associated with its number. The tree has a central trunk, the so-called pillar of equilibrium, and horizontal branches spreading to the right and the left, which reflect masculine and feminine. The Sephirot (the countings) are seen as the ten divine powers through which God manifests himself.

The same features have been found by S. Parpola in the neo-Assyrian tree of life.⁵ The *Sephirot* = countings in the Jewish mysticism correspond—according to Parpola—to the branches of the Mesopotamian Sacred Tree: *Keter* = Crown is the emblem of the supreme god Anu-Enlil; *Hokhmah* = Wisdom is the attribute of the god Enki or Ea; *Binah* = Understanding belongs to the god Sin; *Hesed* = Mercy is the attribute of Marduk; *Yesod* = Foundation corresponds to Nergal, lord of the underworld; *Tipheret* = Beauty characterizes Ištar; *Geburah* = Strength is associated with Nergal; *Neṣah* = Victory corresponds to Nabu and Ninurta; *Hod* = Splendour corresponds to Adad; *Malkhut* = Kingdom belongs to the king as distributor of the divine stream.

Though this equation of Kabbalah with Assyro-Babylonian theosophy is a new hypothesis, it cannot be ignored, especially when raised by a brilliant scholar like Parpola. Parpola observed that the basic elements of the sacred Kabbalistic tree overlap the Mesopotamian sacred tree. The names and definitions of the Kabbalistic tree with its branches recall the attributes and symbols of the Mesopotamian gods, and the association of the tree with the ten numbers (*Sephirot* = countings) recalls the mystic numbers of the Mesopotamian gods. Jewish scholars who are familiar with both cuneiform literature and Jewish mysticism accept the thesis. As Parpola observed, the Kabbalistic tree has textually explicit explanations which are lacking in the case of the Assyrian sacred tree, the Kabbalistic textual evidence can then shed light on the Assyrian tree and its components.

The same situation exists in the case of the sacred marriage. From explicit textual evidence of the sacred marriage in the literature of

⁵ “The Assyrian Tree of Life: Tracing the Origin of Jewish Monotheism and Greek Philosophy”, *JNES* 52 (1993), pp. 161-208.

Jewish mysticism we may learn about the *hieros gamos* in the Mesopotamian religion. Here I will look at the *hieros gamos* motif, and here I am better off than Parpola, because the countings of the tree have no allusion in scripture whereas the “sacred marriage”—as will be seen—is alluded to in various places in the scriptures.

The sacred marriage appears in a more concrete form than the countings of the tree because here one finds practical expression. For example, the pious ultra-orthodox Jews believe in the union of the bride = the *Shekhinah* with the Holy One. This actually constitutes the idea of the Sacred Marriage that brings harmony to the whole universe. In effect, every religious act should be accompanied by the formula: “This is done for the sake of the union of God and his *Shekhinah*” (*lšm yḥwd qdws’ bryk hw’ uškyntyh*) (see Scholem [n. 4], p. 108). Intercourse between man and wife is recommended for Jews on the eve of Sabbath. Human intercourse—as it were—imitates the intercourse of the Holy One with the *Shekhinah*. The sacred marriage guarantees fecundity and fertility in the universe, whereas human intercourse brings offspring. Thus we read in a passage from the Zohar:

... on Sabbath eve [the people] prepare themselves for intercourse, because they know the exalted mystery concerning the time when the consort is united with the King. [They know that divine intercourse between the *Shekhinah* and *Tiferet* takes place on Sabbath eve.] The companions who know this mystery direct their mind toward faith in their Creator, and then are blessed on that night with the fruit of their loins (Zohar II 89a-b).⁶

The real unity of God is achieved once the union between the *Shekhinah* and the Holy One takes place:

when Israel proclaims the unity of “*Shema* . . . ‘Hear O Israel—the Lord is one’”, the Matron adorns herself in order to enter the chamber together with her husband. All the upper numbers (the Sephirot from *Hesed* to *Yesod* that are of the masculine type) unite with a unique desire to be “one” without separation. Then her husband concentrates in her entrance into the chamber to be all alone with her, to become “one” (Zohar II 135a).

The union between the *Shekhinah* and the Holy One is the main purpose of the sacrifices. The burnt offering symbolizes the relation between

⁶ See I. Tishby, *The Wisdom of the Zohar* III (trans. by D. Goldstein, Oxford, 1989), p. 1391.

the *Shekhinah* and *Tipheret* (her husband) and because of that it is called "the Holy of Holies" and "the mystery of masculine and feminine, together" (Zohar II 231b-237a).

The union of the *Shekhinah* with the Holy One is remarkable in the high priest's worship on Yom Kippur. At his entrance to the Holy of Holies, he heard the voice of the wings of the cherubim being lifted up for intercourse. When the wings subside the cherubim copulate calmly (III 67b).

By the time the priest enters the Holy of Holies in order to unify the holy name, to unite the king with the consort, the congregation has to be kept at a distance, because the mystery of intercourse demands privacy, and that has been expressed, according to the Zohar, in the verse "No man shall be in the tent of meeting" (Lev. xvi 17) (Tishby [n. 6], p. 884).

The destruction of the temple, represented as the separation of the *Shekhinah* from the Holy One, has been described in a very erotic form. After the destruction of the temple, the *Shekhinah*

enters . . . the Holy of Holies, and she sees it destroyed, and the place of her dwelling and her couch defiled. . . . She cries bitterly . . . and says: "My couch, my couch, the place where I used to dwell. . . . My husband would . . . lie in my arms, when he came to me and . . . took his delight between my breasts . . . My husband, O, my husband, . . . Do you not remember the days of love . . .?" (Tishby [n. 6], p. 877).

Here the Holy of Holies is pictured as the holy couple's bed chamber, and, indeed, as we will see, we find in Rabbinic sources that the poles of the holy ark were seen as two breasts of a woman, and the Holy of Holies appears as a place of communion for the Holy One and the *Shekhinah*. This is represented, according to the Rabbis, in the verse in the Song of Songs (i 13) about the beloved who is lodged like myrrh between the breasts (*s'rôr hammôr dôdî lî bên sâday yâlîn*).

This term, the mystic couch of love, the place for privacy of the king and the queen, has been found recently in Assyria by K. Deller.⁷ There, we find the term *qirsu* (*ârîs* in Rabbinic terms), whose meaning is a row of vines,⁸ in order to isolate them from the outside. This was necessary for secret councils⁹ and for the union of the king and

⁷ "Assurbanipal in der Gartenlaube", *Baghdader Mitteilungen* 18 (1987), pp. 229-38.

⁸ See M. Kilayim VI 1ff., Eduyoth II 4; see also Ch. Albeck, *Zeraim, Hašlamot*, p. 166.

⁹ On secrecy in prophecy at Mari see recently A. Malamat, "The Secret Council and Prophetic Involvement in Mari and Israel", in R. Liwak and S. Wagner (ed.),

the queen behind a curtain (= *kikkīšū*). According to Deller, the king's staying in that place was like an experience of Paradise. Indeed, the term *pardēs* in Rabbinic literature¹⁰ refers to a place where the king stays with the queen; compare Tos. Hagigah II 3-4, after the story about the four men who entered the *pardēs*: "A parable, to what may the matter be likened? to a king's garden (*pardēs*) with a balcony over it; what must one do? only look, let him not gaze upon it" (cf. J. Hagigah II 5, 77c). For the curtain = *pargôd* that separated between people and a god's/king's secret place, see my study in *Beer-Sheva* 3.¹¹

Indeed, the meal of the king with his consort finds expression, according to the Zohar, in the Sabbath meal of everyone in Israel. On the Sabbath eve the *Shekhinah* prepares herself for the union: "This is the meal of the king so that he can come and eat with me", "prepare the meal of the king". Sabbath meals are called in the Zohar "Meals of faith" (*mhymnwot*) and, as Tishby observes ([n. 6], p. 12-36), it means "meal of the mysteries".

The union of the king and his wife has been shown in erotic colours. Thus we find in Lurianic Sabbath songs the verse:

Between right and left
the Bride approaches
in holy jewels
and festive garments.

Her husband embraces her
in her foundation,
gives her pleasure,
grinds grindings.¹²

This is not to be seen as permissiveness since the matter concerns the legitimate union between a man and his wife or the king and the queen. On the contrary, we have here an attempt to expound the "holy secret" of creation and birth (compare Ps. cxxxix 13-15) as expressed in an anonymous Kabbalistic work of the 13th century: *Iggeret Haqqodesh*¹³ in which it is stated:

Prophetie und geschichtliche Wirklichkeit im alten Israel. Festschrift für Siegfried Hermann (Stuttgart, 1991), pp. 231-6.

¹⁰ Y. Liebes, *The Four who entered the Paradise* (Hebrew) (2nd edn, Jerusalem, 1990).

¹¹ "Reed, Wall!! Hear me!—Leak of Information from the Divine Counsel" (Hebrew), *Beer-Sheva* 3 (1988), pp. 63-8.

¹² See Scholem (n. 4), p. 143; Y. Liebes, *Molad* 233 (1972), pp. 540-55.

¹³ *Iggeret Hakodesh*, translated with an introduction by Seymour J. Cohen (Northvale, New Jersey, 1993), p. 73.

The union of a man and his wife . . . is a holy and pure matter if it is done appropriately, at the proper time and with the proper intention, and let nobody think that the proper union is something ugly and disgraceful.¹⁴

That this ideology of *hieros gamos* has its roots in old Jewish tradition may be learned from the following Rabbinic sources:

- (a) Whenever Israel came up to the festivals, the curtain (of the Holy of Holies) would be removed for them and the Cherubim were shown to them, whose bodies were intertwined with one another and would be thus addressed: "Look! You are beloved before God as the love between man and woman" (B. Yoma 54a)¹⁵
- (b) In the same discussion about the Cherubim, we read: What does *k'ma'ar-'is w'loyot sabib* [1 Kgs vii 36; cp. vv. 29-30] mean? Rabbah son of R. Shilah said: Even as a man embracing his companion. Resh Lakish said: When the heathens entered the Temple and saw the Cherubim whose bodies were intertwined with one another, they carried them out and said: These Israelites, whose blessing is a blessing and whose curse is a curse, occupy themselves with such things! And immediately they despised them, as it said: "All that honoured her, despised her, because they have seen her nakedness" (Lam. i 8) (B. Yoma 54ab).
- It is worth remarking that this Rabbinic interpretation seems to be the real meaning of the verse, since the modern commentaries on this verse are tenuous. We find *ma'ar* as "nakedness" in Nah. iii 5, and *huy* as "companion" in Gen. xxix 34.
- (c) In the same place we find an interpretation of 1 Kgs viii 8: And the ends of the staves were seen . . . but they could not be seen outside (*wayyera'û rā'sê habbaddîm . . . w'lô' yera'û haḥûṣâ*). How is that possible? They were seen and were not seen? . . . They pressed forth and protruded as the two breasts of a woman, as it is said: "my beloved is unto me as a bag of myrrh that lieth between my breasts" (B. Yoma 54a; Tos. Kippurim II 15; J. Shekalim VI 1, 49c).

The Holy of Holies is called the bed chamber for the sacred marriage. Thus we read in an interpretation of the verse: "our couch is shaded with branches", *'ap-'arsēnû ra'ānānā*, Song of Songs i 16: "Just as a bed is for fecundity (*p'riyyâ ûr'biyyâ*) so is the Temple" (Yalkut Shimeoni

¹⁴ Cf. M. Idel, *Kabbalah, New Perspectives* (Tel-Aviv, 1993), pp. 70-1.

¹⁵ Idel (n. 14), p. 355, n. 162.

985). It seems that similarly we have to understand “the bed chamber” (*hādar hammiṭṭôt*) in 2 Kgs xi 2. Indeed, the hiding of King Joash away from Athaliah would be possible only in a place which the high priest alone enters once a year.

hādar hammiṭṭôt is translated *’idd’rôn bêt ’arsātā*, an expression parallel to *qirsu* in Assyria, the bed chamber of the king and the goddess in the sacred marriage.¹⁶ The same applies to the phrase in the Song of Songs i 14: “My beloved is to me as a cluster of henna-blossom from the vineyards of En-gedi” (*’eskōl hakkōper dōdī lī b’karmē ’ēn gedī*). This cluster of blossom has been interpreted by the Rabbis as the temple (Yalkut Shimeoni 984), and like the incense which atones for all the sins of Israel (Song of Songs Rabbah 1,1).

This view of the Holy of Holies as a bed chamber continues in the liturgical hymns for Yom Kippur. Thus, we find there: “The ends of the poles, as two breasts pressed . . .”,¹⁷ and in another hymn: “he runs and enters (the Holy of Holies) and stands between the breasts”.¹⁸

The idea of sacred marriage is found in Christian sources: “I saw the holy city, the new Jerusalem, descending out of heaven from God prepared like a bride adorned for her husband. I heard a great voice from the throne saying: ‘Behold the σκηνή [= *Shekhinah* not “tabernacle”] is with mankind, it will dwell with them” (Rev. xxi 1-3).

“Let us rejoice . . . and give him the glory, for the marriage of the lamb has come and his bride has made herself ready. It was granted her to be clothed with fine linen, bright and pure” (Rev. xix 7-8).

This concept is found also in Christian gnostic sources:

There were three buildings specifically for sacrifice in Jerusalem. The one facing west was called “the holy.” Another facing south was called “the holy of the holy.” The third facing east was called: “the holy of the holies,” the place where only the high priest enters. Baptism is “the holy” building, Redemption is “the holy of the holy,” “the holy of the holies” is the bridal chamber.¹⁹

All these sources reflect sacred marriage in a figurative, symbolic

¹⁶ See Y. Zephyat, *The love songs in the Sumerian literature, a critical edition of Dumuzi-Inanna Songs* (Hebrew) (diss., Bar-Ilan University, 1985), p. 33.

¹⁷ Cf. *Josse ben Josse poems*, edited by A. Mirsky (Jerusalem, 1977), p. 165.

¹⁸ Cf. D. Goldschmidt, *The Order of Prayers for the High Holidays* 2, Yom Kippur (Jerusalem, 1970), p. 442, line 55.

¹⁹ P. 23 of W.W. Isenberg, “The Gospel of Philip (II, 3)”, in J.M. Robinson (ed.), *The Nag Hammadi Library in English* (3rd edn, San Francisco, etc., 1988), pp. 139-60.

way.²⁰ The moment we move to the First Temple Period, the evidence about *hieros gamos* and the Sacred Tree becomes more tangible and concrete. Here we find the worship of the queen of heaven (*mlkt šnym*), identical with Ištar, called in Akkadian *šarrat šamē* (cf. Jer. vii 18, xlv 15-19).²¹ To the same category belongs the worship on the roofs in 2 Kgs xxi 5, xxiii 5, 12; Isa. lxxv 3, lxxvi 17; Jer. xix 13, xxxii 29; Zeph. i 5, as well as the scriptures concerning the worship of the Asherah: 1 Kgs xv 13; 2 Kgs xxi 7, xxiii 7.

The text in Ezek. viii attests the nature of this mysterious worship. Here we find seventy elders burning incense in secrecy and darkness to the statue and the graven image, while the women are weeping for Tammuz. Indeed, in Asherah worship the women have a special place. Tammuz symbolized the fertility of the spring season. When the spring season is finished, the god Tammuz, as it were, dies, and this is the occasion for weeping that is illustrated in Ezek. viii 14 by the women mourning at the temple gate the death of the fertility god. Compare the mourning on the death of Hadad (*hādād-rimmōn*), the weather god, in Zech. xii 11. *Rammānu* is an adjective to Hadad and it means "the thunderer", a title of Haddu (= Baal) known to us from Ugarit.²² The same applies to the cult of Ištar, the queen of heaven. It is especially the women who bake cakes for the queen of heaven (*šarrat šamē*). The *kawwānīm* baked by the women for Ištar, the queen of heaven (Jer. vii 16-20, xlv 15-19, 25), are offered in order to ensure fecundity, as is proclaimed by the answer of the women to Jeremiah: "We shall do . . . as did . . . our ancestors, our kings and our princes in the cities of Judah and in the streets of Jerusalem [to offer to the queen of heaven, in order to form her image], for then we had plenty of food and we prospered" (xlv 17). Ištar, the queen of heaven (= Venus) is practically worshipped here. By weeping they indicate the death of Tammuz, and the worship of the sun is expressed by "prostrating themselves to the rising sun" (Ezek. viii 16). Here we find the worship of the queen of heaven that was forbidden in Israel.

The name Ashtoret (Astarte), identical with the queen of heaven, has the meaning of increase and progeny, as may be learned from

²⁰ On Jerusalem as female see M. Idel, "Jerusalem in thirteenth Century Jewish Thought", in J. Prawer and H. Ben Shammai (ed.), *The History of Jerusalem, Crusaders and Ayyubids* (Jerusalem, 1991), pp. 264-86.

²¹ "The Worship of Molech and of the Queen of Heaven and its Background", *Ugarit-Forschungen* 4 (1972), pp. 133-54.

²² H.J. Greenfield, "Rimmōn", *Encyclopaedia Biblica* (Hebrew) 7, cols. 377-8.

Deut. vii 13, xxviii 4, 18 where fecundity of sheep is called 'ašt'rōt šō'nekā.

This ritual was strictly forbidden by the Deuteronomic movement:

You shall not plant an Asherah, any kind of tree, beside the altar of the Lord your God which you shall build. You shall not set up a sacred pillar which the Lord your God hates (Deut. xvi 21-2).

However, the concept of sacred marriage as a source of harmony in the world below with the world above was legitimate. The same prophet, Hosea, who fought against the worship of the golden calves as well as worship at the high places,²³ did not hesitate to adopt the theory about the union of God with his bride Israel. Most instructive is Hosea ii 21-5, which speaks about the betrothal of YHWH with Israel, following which the union of heaven (masculine) and earth (feminine) will take place and will fertilize the land:

I will espouse you forever . . . then you shall know YHWH [as is well known, the verb *yd'* in Hebrew can have the meaning of sexual relations]. I will on that day respond . . . to the sky and it shall respond to the earth. And the earth shall respond with grain and wine and oil . . . I will sow her in the earth as my own . . . (Hosea ii 21-5).

God espouses (again) his bride (Israel), and he gives her for dowry the virtues: righteousness, justice, grace, mercy and faith, and by means of it he reunites himself with the bride. This reunion, that reminds us of the reunion of the Holy One, blessed be he, with the *Shekhinah*, brings fecundity because of the rain (the seed), with whom the heaven seeds the earth (*ūz'ra'tihā llī bā'āreš*). The consequence is grain and wine and oil that God gives to the bride as he did in the ideal past (*v.* 10).

The same motif is found in the Sumerian sources of the third and second millennia B.C.E. There, we read about the king who approaches Inanna (Ištar) with lifted head and makes love to her in order to bring fecundity to the kingdom.²⁴

Very instructive is the Sumerian text about marriage between heaven and earth, and the semen that rains down on the earth to fertilize her, reminding us of Hosea ii. We read there:²⁵

²³ M. Weinfeld, *Deuteronomy 1-11* (New York, 1991), p. 373.

²⁴ See recently Zephyat (above n. 16), pp. 15ff.

²⁵ J. Van Dijk, "Le motif Cosmique dans la pensée Sumérienne", *Acta Orientalia* 28 (1964), pp. 36-7.

The heavens talked with the earth
 and the earth talked with the heavens.²⁶
 The sexual union of Heaven and Earth is concretely depicted
 in the "Disputation between Tree and Reed".²⁷
 The holy Earth, the pure Earth, beautified herself
 for holy Heaven,
 Heaven, the noble god, inserted
 his sex into the wide earth,
 Let flow the semen of the heroes, Trees and Reed,
 into her womb.
 The Earthly Orb, the trusty cow,
 was impregnated with the good semen of Heaven.

Similarly, we read in a document from the first millennium B.C.E.:
 "When the heavens and earth were taken in marriage" (Sultan Tepe
 Tablets, no. 136).

The term *hieros gamos* is Greek,²⁸ and there also the rain has been
 described as like semen from the heaven which fertilizes the earth.
 Thus, in Aeschylus (a fragment of Athenaeus) we read in a speech of
 Aphrodite,²⁹

The chaste heaven loves to violate the earth,
 and love lays hold on earth to join in wedlock.
 The rain from the streaming heaven falls down
 and impregnates the earth; and she brings forth for mortals
 the pasturage of sheep and Demeter's sustenance;
 and the ripe season for the trees is perfected
 by the watery union. Of all this I am the cause.

Similarly, we read in Plato: "For the woman in her conception and
 generation is but the imitation of the earth, and not the earth of the
 woman" (Menexenus 238A).³⁰

²⁶ For "talking" as a euphemism for copulation in the Akkadian and Sumerian sources, see S.M. Paul, "Euphemistically 'speaking' and a Covetous Eye", *Hebrew Annual Review* 14 (1994), pp. 193-204.

²⁷ S.N. Kramer, *From the Poetry of Sumer* (Berkeley, Los Angeles and London, 1979), pp. 29-30.

²⁸ Martin P. Nilsson, *Geschichte der Griechischen Religion* 1 (3rd edn, München, 1967), pp. 120-1.

²⁹ Athenaeus, *The deipnosophists*, IV with an English translation by C.B. Gulick (London, 1959), pp. 233-4.

³⁰ See Isa. xlv 8 and the interpretation of this verse in J. Berakhot IX 3, 14a and Pirke de Rabbi Eliezer ch. 5 (I am grateful to my student Rony Goldstein for this reference).

In the Sumerian and early Old Babylonian religion (2100-1800 B.C.E.) the performance of the sacred marriage was a royal prerogative; the king used to represent the god Dumuzi (= Hebrew Tammuz; cf. Ezek. viii 14) who is the central male figure in the sacred marriage rite. The identity of the female partner in the sacred marriage is still unclear, although it is generally assumed that she was a priestess.³¹

Besides the Dumuzi-Inanna (= Ištar) type of sacred marriage there seems to have existed an additional type of sacred marriage in Sumer, one that took place between deities only. This type of sacred marriage was apparently performed in a symbolical way, such as, for example, by bringing the god's statue into the "bed chamber" of the goddess (see the appendix at the end of this article). It is this type of sacred marriage that survived and continued to be practised after the Isin-Larsa period, at the beginning of the second millennium when the Dumuzi-Inanna type of sacred marriage was totally abandoned.³² However, all these dramatize the "sacred marriage" by acts of ritual; this was prohibited officially in Israel, but was legal as a metaphor. Concerning the symbolic meaning of the sacred marriage we read in Hosea xiv 6ff:

I will be to Israel like dew, he shall blossom like the lily, strike root like a Lebanon tree, his boughs shall spread out far, his beauty shall be like the olive tree . . . they who sit in his shade shall be revived. They shall bring to life new grain and shall blossom like the vine . . .

Ephraim, what more have I to do with idols? I am his Anath and his Asherah! I am like a luxuriant cypress, your fruit is provided by me.

Who is wise will consider these words, he who is prudent will take note of them. For the ways of the Lord are smooth, the righteous will walk on them, while sinners will stumble on them.

The general purpose of the passage is clear: the God of Israel provides fertility, and not the idols. But the words *'ānī 'ānīlī wa'āsūrennū*, "it is I who answer and look at him", hardly suit the context. J. Wellhausen therefore proposed the reading *'ānī 'ānātō wa'āsērātō*, "I am his Anath and Asherah", i.e., the powers of fertility ascribed to these goddesses is, in fact, my power.³³ From the Kuntillet 'Ajrud inscriptions

³¹ J. Bottéro, "La Hiérogamie après l'époque sumérienne", in S.N. Kramer, *Le mariage sacré à Babylone* (Paris, 1983), pp. 175-214.

³² J. Klein, "Sacred marriage", *The Anchor Bible Dictionary* 5 (New York, 1992), pp. 868-9.

³³ *Die Kleinen Propheten* (3rd edn, Berlin, 1898), p. 134.

we learn that Asherah was in fact worshipped during this period, and this verse may be a polemic against this cult (cf. Hosea ii 10ff.). O. Eissfeldt explained the verse which follows in Hosea in the light of Wellhausen's emendation: *mī ḥākām w'yābēn 'ēleh nābōn w'yēdā'ēm kī-y'sārīm darkē yhwēh w'saddiqīm yēl'kū bām ūpōs'īm yikkāš'ū bām*, "whoever is wise, let him understand these things: whoever is discerning, let him know them; for the ways of the Lord are right, and the upright walk in them, but transgressors stumble in them" (v. 10). According to Eissfeldt, this is a gloss added by a later scribe who felt uncomfortable with the notion that God embodies Anath and Asherah. The scribe warns that only the righteous and the wise can properly understand the above verse; sinners will be led astray by it.

Such a comment is akin to the later Hebrew dicta: "this may be revealed only to the discreet", *'ēn m'gallīm 'ellā' lašš'nu'im*, and "let the enlightened keep silent", *w'hammas'kīl yiddōm*.³⁴ Later scribes, according to Eissfeldt,³⁵ felt this warning insufficient, and thus changed *'ānātō wā'āšērātō* to *'ānīlī wā'āšūrennū*.

The latest discoveries at 'Ajrud and recently at Ekron, and the wealth of new information about Anath discovered since Wellhausen, serve to validate his suggestion.

The Asherah at 'Ajrud was apparently worshipped with a full array of rites. In 2 Kgs xxiii 7 we read of "vestments" for the Asherah woven by women of Judah, a practice which was well-known in other ancient Near Eastern temples. Vestiges of beautifully-woven cloth were found at 'Ajrud, undoubtedly used in the local cult. One may reasonably assume that these are the vestments which served the Asherah mentioned in the inscriptions.³⁶ In Greece the robe (Peplos) of the Goddess Athene was woven by young girls of noble birth. S. Lieberman³⁷ compared this to the noble virgins who were weaving the veil of the Temple (M. Shekalim VIII 15-16).

It seems that syncretism found expression in Judah not only in

³⁴ It is interesting that this verse has been quoted in the Zohar in a text dealing with secret doctrines: "These matters were not meant to be revealed except to the supreme holy ones, who have entered and emerged (in peace), and who know the path of the holy one blessed be he, and do not deviate either to the left or to the right, as it is written 'For the ways of the Lord are right and the just do walk in them . . .'" (Zohar III 290a).

³⁵ *Bibliotheca Orientalis* 27 (1970), p. 293.

³⁶ See Avigail Scheffer in Z. Meshel, *Kuntillet 'Ajrud*, The Israel Museum cat. no. 175 (Jerusalem, 1978), pp. 15-16.

³⁷ *Hellenism in Jewish Palestine* (New York, 1962), pp. 168-9.

Asherah worship, but in the names of the divinity as well. Asherah's consort is El, referred to as *qnh 'rš*, "El creator of earth", known from the 8th-century B.C.E. inscription from Karatepe. This epithet is also reflected in the Hurrian-Hittite myths of the god Elkunirsa from the second millennium B.C.E.³⁸ Surprisingly enough, this very epithet was discovered in the 8th-7th century B.C.E. layer of the excavations in the Jewish quarter of the Old City of Jerusalem.³⁹ This cannot be considered a genuine Israelite epithet of God since the Bible uses *qōneh šamayim wā'āreš*, "creator of heaven and earth" (Gen. xiv 18-20) or *'ōseh šamayim wā'āreš*, "maker of heaven and earth" (Ps. cxv 15, cxxi 2, xxvii 8, etc.), but never *qōneh/'ōseh 'ereš* alone. This particular epithet thus seems to reflect a syncretistic pattern of worship. Hosea may, in fact, be referring to this very El cult in his polemic against syncretism: *s'babūnī b'kaḥaš 'eprayim ūb'mirmā bêt yiśrā'el wiḥūdā 'ōd rād 'im-'el w' 'im-q'dōšim ne'emān*, "Ephraim has encompassed me with lies and the house of Israel with deceit; and Judah still follows El and is still faithful to the holy ones" (Hos. xii 1). The members of the council of El are called *qdšm*, "holy ones", in Phoenician inscriptions, and Hosea is apparently referring to El and his sons in his rebuke of Judah's allegiance to El and the "holy ones". The "holy ones" are not only associated with El but also with his consort Athiratu. Thus we find in Ugarit alongside *ilm/bn qdš*, "the gods/holy sons", *ilm bn atrt*, "the gods, the sons of Athirat", which seems to indicate that the sons of the mother-goddess Asherah are identical with the sons of El, "the holy ones".

In the light of the 'Ajrud inscriptions, it is worthwhile taking a second look at H.S. Nyberg's proposed emendation of *mīnīnō 'ēš dāt lāmō* to *mīnīnō 'šrt lāmō*, "at his [the Lord's] right hand, Asherah" (Deut. xxxiii 2).⁴⁰ This reading is instructive, since it comes after *rib'bōt qōdeš*, "the myriads of holy ones" (cf. the Targum and LXX) who accompany Yahweh in his march from his holy abode, an idea attested in Ps. lxxviii 18: *rekeb 'ēlōhām ribbōtayim 'alpē šinān 'ādōnāy bām sīnāy baqqōdeš*, "God's chariots, myriads of thousands of archers, the Lord amongst the holy ones at Sinai". After *'šrt* in Deut. xxxiii 2 we find "all his holy ones", *kol-q'dōšāyw*. All this brings us close to the Ugaritic concept of the divine retinue of El, Asherah and their holy sons (*bn qdš*) on the

³⁸ See about this myth H.A. Hoffner, "The Elkunirsa Myth Reconsidered", *Revue Hittite et Asiatique* 23 (1965), 76, pp. 5-16.

³⁹ N. Avigad, "Excavations in the Jewish Quarter of the Old City of Jerusalem, 1971", *IEJ* 22 (1972), pp. 195-6.

⁴⁰ "Deuteronomium 33, 2-3", *ZDMG* 92 (1938), pp. 320-44.

one hand, and to “Yahweh and his Asherah” in the ‘Ajrud texts on the other.⁴¹ Asherah at the right hand of Yahweh in Deut. xxxiii 2 reminds us the consort, the paredros of the king; cf. 1 Kgs ii 19; Ps. xlv 10 (compare Neh. ii 6 and Athena as paredros of Zeus). T. Frymer-Kensky⁴² justifiably states that the sacred marriage provided a powerful symbol for the union of forces involved in the creation of fertility. The actual ritual event escapes us. The sacred marriage is a metaphor or symbol with powerful dimensions of meaning.

In sum, there is a great difference between belief and practice in ancient Israel. The *hieros gamos* as a divine principle has been elaborated, especially in the mystic literature, which flourished in the Kabbalah. However, the religion of Israel prohibited the performance of any ceremony regarding the *hieros gamos*. By the same token, the worship of the sacred tree which has left traces in ancient Israelite worship (compare the tree planted by Abraham in Gen. xxi 33) has been strictly prohibited by the Deuteronomic movement. However, as a symbol of the divine imagery it continued in the Kabbalah, and it exists in it until the present day.

Appendix

The New Year Festival and the sacred marriage (an Aramaic text in Demotic script); according to R.C. Steiner, *JAOs* 111 (1991), pp. 362-3:

A voice from within calls out to him to enter . . . After he enters and washes his hands . . ., the statue of Marah (= Nanai), the Queen of $\bar{r}\bar{s}$, is brought into the assembly of the gods . . . The gods rise from their thrones . . . and give the order for her to be seated among them . . . Each of the assembled gods is asked to bless the king . . . Sheep are slaughtered . . . while sixty singers . . . lift their voices and sixty temple servants . . . burn myrrh and frankincense . . . The chief god is invited to feast on lamb and to become inebriated with wine, to the accompaniment of sweet harp and lyre music . . . The king initiates the rite by declaring: “Nanai, thou art my wife . . . Nanai, bring near to me thy lips . . . My beloved . . ., enter the door into our house. With my mouth, consort of our lord . . ., let me kiss thee”. They enter the “perfumed hideaway” . . ., where the goddess is laid upon an embroidered bedspread.

⁴¹ See my article in *Shaton* 4 (1980), p. 283.

⁴² *In the Wake of the Goddesses* (New York and Toronto, 1992), pp. 55-6.

According to Steiner, the text deals with the liturgy of a New Year festival in Bethel. Indeed, we find in a Hittite text a New Year festival in which the gods assemble and determine about fertility. There we read:⁴³ "For the weather god a festival of New Year is prepared. All the gods gather in the house of the weather god. Sadness should be removed . . . eat and drink and decide the fate of life for the king . . . decide about the fate of the crop".

A New Year festival in such terms is found in M. Rosh Hashana I 2. The joyful character of the festival can be seen in Neh. viii 9-10. The command to be glad on the festival appears here as in the Hittite text:

Do not mourn or weep . . . you may go now; Refresh yourselves with rich food and sweet drinks . . . for this day is holy to our Lord. Let there be no sadness, for joy in the Lord is your strength. . . So all the people went away to eat and drink.⁴⁴

⁴³ H. Otten, "Ein Text zum Neujahrsfest aus Bogazköy", *OLZ* 51 (1956), cols 102-5.

⁴⁴ See my article in *Shalom* 5-6 (1981-4), p. 236.

"Леха доди" / "Выйди, друг мой, навстречу невесте" (все присутствующие зрело поют "Леха доди" - главный гимн "Встречи Субботы")

Выйди, друг мой, навстречу невесте; с тобой вместе мы встретим Субботу. Выйди, друг мой...
 В заповеди о Субботе Бог объединил в единое слово "Соблюдай" и "Помни". Господь един, Его Имя едино; [Его Суббота -] для прославления и восхваления.

Выйди, друг мой, навстречу невесте; с тобой вместе мы встретим Субботу.

Выходите, и пойдем мы навстречу Субботе, ибо она - источник благословения; в начале времен была она коронована - возникшая последней, но задуманная первой.

Выйди, друг мой, навстречу невесте; с тобой вместе мы встретим Субботу.

Храм Царя, город Царства! Поднимись и встань из развалин. Полно пребывать тебе в юдоли плача, ведь Всевышний проявит сострадание к тебе!

Леха доди
Леха, доди, ликрат кала; тей шабат некабла.

«Шалор» ve-«ахор» - be-dibur эхад гишмишу Эль ги-мехуах. Аоднай эхад, у-ило эхад; ле-шем у-летифь-зрет ве-литейла.

Леха, доди, ликрат кала; тей шабат некабла.

Ликрат шабат леху ве-нелха, ки ги - мекор га-браха; ме-рош ми-кедем несуха - соф маез бе-нахашава тхила. Леха, доди, ликрат кала; тей шабат некабла.

Микдаш мелех ар млуха! Куми ури ми-тах га-гафеха - рав лах шевет бе-эмек га-баха! Ве-гу яхамоль алайх хемла.

לכה דודי לקראת פלה. פני שבת נקבלה.
 לכה דודי לקראת פלה. פני שבת נקבלה::
 שמור וזכור בְּדִבּוּר אֶחָד. הַשְּׂמִיעֵנוּ אֵל הַמְּיֻחָד.
 יְהִי אֶחָד וְשֵׁמוֹ אֶחָד. לְשֵׁם וְלִתְפָאֶרֶת.
 וְלִתְהִלָּה.

לכה דודי לקראת פלה. פני שבת נקבלה::

לקראת שבת לנו ונלכה. פי היא מקור הברכה. מראש מקדם נסוכה. סוף מעשה במחשבה תחילה. לכה דודי:

מקדש מלך עיר מליכה. קומי צאי מתוך ההפכה. רב לך שבת פעמך הפכה. והיא יתמול עליך המלה.

Выйди, друг мой, навстречу невесте: с тобой вместе мы встретим Субботу.
 Отряхнись, встань из праха, облачись в одежды великолепия своего, народ мой! Через потомка Ишя из Бейт-Лехема, приблизиться к душе моей и спасть ее!
 Выйди, друг мой, навстречу невесте: с тобой вместе мы встретим Субботу.
 Пробудись же, пробудись, ибо взошел твой свет; поднимись, воссияй! Пробудись же, пробудись, пой песню - слава Господа открылась через тебя!
 Выйди, друг мой, навстречу невесте: с тобой вместе мы встретим Субботу.
 Не придется тебе больше стыдиться, не придется переносить позор. Что склоняешься ты, что рыдаешь? Под кроном твоим найдет приют страдающий народ мой, вновь будет отстроен город на прежнем месте своем.
 Выйди, друг мой, навстречу невесте: с тобой вместе мы встретим Субботу.
 Поправившие тебя будут поправы и разрушавшие тебя будут изгнаны; будет радоваться тебе Бог твой, как жених радуется невесте.
 Выйди, друг мой, навстречу невесте: с тобой вместе мы встретим Субботу.
 Расширишь ты границы свои, Иерусалим, и вправо, и влево, и Господа будешь перевозосить; и встречая Машаха, человека из рода Переша, будем мы радоваться и ликовать.
 Выйди, друг мой, навстречу невесте: с тобой вместе мы встретим Субботу.
 (следующую строфу произносят стоя, повернувшись в сторону противоположенную направлению на Иерусалим. Во время последних слов "бон хаим" ("Приди невеста") кланяются Субботе, поворачиваются и зиглет садяться)
 Приди же с миром, царский венец мужа своего; приди с радостью и ликованием в общину верных
 Всевышнему, к избранному народу! Приди, невеста, приди, невеста!
 Выйди, друг мой, навстречу невесте: с тобой вместе мы встретим Субботу.

Леха, доди, ликрат каза; тей шабат некабла.
 Гитицари ме-ифар куми, ливши биедей тиффартех, ами, аль яд бен Ишай бейт га-лахми; корва зль нафши геала.
 Леха, доди, ликрат каза; тей шабат некабла.
 Гитцорери ситцорери, ки ва орех куми ори! Ури ури шир дабери – квод Адонай алайих меза!
 Леха, доди, ликрат каза; тей шабат некабла.
 Ло тевоши ве-ло тикальми. Ма титтохахи у-ми тегели? Бах бехеу аийдей ами; ве-нинета ир аль тила.
 Леха, доди, ликрат каза; тей шабат некабла.
 Ве-гаю ли-миши шосайих ве-рахку коль мевальтайх; ясе алайих Элогайих, ки-несок хатан аль кази.
 Леха, доди, ликрат каза; тей шабат некабла.
 Ямии у-своль тифроци ве-эт Адонай тцараци; аль яд ши бен парци ве-нисмеха ве-назгла. Леха, доди...
 Бон ве-налам аперет бази, гал бе-симха у-ве-цогола тох змудей ам егула! Бон хаим, бон хаим!
 Леха, доди, ликрат каза; тей шабат некабла.

לכה דודי לקראת פלה. פני שבת נקבלה.
 התנערי מעפר קומי. לבשי בגדי תפארתך עמי. על יד בן ישי בית הלחמי. קרבה אל נפשי נאלה.
 לכה דודי לקראת פלה. פני שבת נקבלה.
 התעוררי התעוררי. כי בא אויך קומי אורי. עורי עורי שיר דברי. כבוד יהוה עליך נגלה.
 לכה דודי לקראת פלה. פני שבת נקבלה.
 לא תבושי ולא תפלקי. מה תשתתקו ומה תהמי. כך יחסו עמי. ונבנתה עיר על תלה.
 לכה דודי לקראת פלה. פני שבת נקבלה.
 יהיו למשפה שאמר. והקו כל מבל עין. ישיש עליך אלהיך. במושש הקו על פלה.
 לכה דודי לקראת פלה. פני שבת נקבלה.
 ימז ושמאל תפרוץ. ואת יהוה תעריצי. על יד איש בן פרצי. ונשמחה ונגילה. לכה דודי:
 בואי בשלום עמרת בעלה. גם פרנה כיויט בשמחה ובצלה. תוך אמוני עם סגלה. בואי בלה. בואי בלה. בואי בלה שפת מלפתא:

Повесть об Иосифе и Асенеф, гл. 15

Перевод С. С. Аверинцева

ГЛАВА 15

И пришла она к человеку тому, и человек тот, узрев ее, говорит ей:
— Сними покров с главы твоей, ибо ты дева чистая сегодня, и глава твоя как глава юноши*.

И сняла она сие с главы своей.

И сказал ей человек тот:

— Дерзай, Асенеф! Се бо, услышал Господь глаголы исповедания твоего. Дерзай, Асенеф! Се, вписано имя твое в книгу жизни и не изгладится вовек*. Се, от нынешнего дня будешь ты обновляема, и претворяема, и животворима, и вкушать будешь от хлеба жизни, и пить от питья бессмертия, и помазана будешь помазанием нетления. Дерзай, Асенеф! Се, дал тебя Господь Иосифу в невесты, и сей будет тебе жених.

И не будешь более зваться Асенеф, но будет имя тебе Град Убежища*, ибо в тебе обретут убежище многие языки, и под сенью крыл твоих укроются многие народы*, и во ограде твоей соблюдены будут многие, притекающие к Богу через покаяние. Ибо Покаяние есть дочь Всевышнего*, и она предстательствует на всякий час перед Всевышним за тебя и за всех кающихся, ибо Он есть отец покаяния, она же есть матерь

дев, и на всякий час молит Его о кающихся; ибо всем возлюбившим ее уготовал Он чертог брачный на небесах*, и она послужит им во век века. И есть Покаяние весьма прекрасная дева, чистая, и непорочная, и кроткая, и Бог Всевышний любит ее, и все ангелы почитают ее.

И се, отхожу я к Иосифу, и буду говорить к нему о тебе, и он придет к тебе сегодня, и узрит тебя, и возрадуется о тебе, и будет тебе жених. Так услышь меня, Асенеф, и облекись в ризу брачную, в ризу древнюю, первую, сохраняемую в покое твоем, и надень на себя всякий убор твой избранный, и укрась себя, как невесту, и приготовь себя во сретение его. Се бо, приблизится он к тебе сегодня, и узрит тебя, и возрадуется.

И когда окончил человек тот слова свои к Асенеф, возрадовалась она радостию великою, и пала к ногам его, и сказала ему:

— Благословен Господь Бог, пославший тебя вызволить меня из мрака и возвести меня ко свету, и благословенно Имя Его вовеки! Но скажу слово, господине, если снискала я благоволение в очах твоих: на малое время присядь на ложе, и приготовлю стол и хлеб, и вкусишь ты от него; и принесу тебе вино доброе, благовоние коего до небес, и будешь ты пить от него, и пойдешь путем твоим.

Moshe Idel. On Jerusalem as a feminine and sexual hypostasis

Mihail Neamțu and Bogdan Tătaru-Cazaban (eds.), *Memory, Humanity, and Meaning. Selected Essays in Honor of Andrei Pleșu's Sixtieth Anniversary*, pp. 65 - 110

ON JERUSALEM AS A FEMININE AND SEXUAL HYPOSTASIS: FROM LATE ANTIQUITY SOURCES TO MEDIEVAL KABBALAH*

Moshe IDEL

Abstract: The article collects and analyzes a series of late antiquity and medieval sources dealing with the feminine status of Jerusalem, and the affinity of the hypostatic Jerusalem to a male figure in the supernal world. Starting with the New Testament, and Gnostic sources from the Valentinian school, the assumption of this author is that earlier Jewish mythologoumena constituted sources of this approach. Later on, these hypothetical sources found their way into early theosophical-theurgical Kabbalah in 13th century Catalonia, and then later in this century into many writings composed in Castile and elsewhere. Since the 14th century a proliferation of the feminine powers named supernal Jerusalem may be discerned, a view that had been elaborated by the mid-16th century paragon of Kabbalah, Rabbi Moses Cordovero, active in Safed. From a more general perspective, the fact that the vision of the supernal, spiritual Jerusalem was understood as an axis mundi by authors who lived outside the center, shows that modes of religious existence that do not depend exclusively on geographical foci, but on linguistic symbols, have been conceived to represent spiritual realities.

1. Introduction

Modern scholarship of Jewish mysticism has addressed the status of the feminine within the divine realm in different ways. Unlike the more standard views of some Jewish theologians, like Maimonides, who envisioned Jewish thought as subscribing to a stark abstract monotheistic vision, scholars started recently to elaborate on a variety of diverging visions of the deity, some of which include feminine elements that played an important role in medieval

Jewish sources known as Kabbalah. The origins of these elements are a matter of dispute. Some scholars trace them to biblical times, as there are descriptions of the divinity or divinities in feminine terms in ancient Judaism.¹ Gershom Scholem, however, opted for the importance of Gnostic sources as a major clue for understanding the background of early Kabbalistic discussions, and focused his explanation in a shift of the understanding of a Rabbinic theological term *Shekhinah*, the divine dwelling, which has been understood as pointing to a female entity.² He was however aware of the existence of a motherly image of the term Zion in late Antiquity Judaism.³

More recently other scholars, like Arthur Green and Peter Schaefer — capitalizing on Scholem's claim postulating an allegedly significant shift to the feminine valence of the *Shekhinah* for the first time in the *Book of Bahir* as constituting a significant fact, to be explained by specifically medieval circumstances — have proposed the impact of, or the phenomenological similarity to the cult of Mary in Western Europe in the Middle Ages, on the feminine concept of the *Shekhinah* in nascent Kabbalah in the same Catholic regions.⁴ In contrast, and independent of this development, Elliot R. Wolfson championed a complex theory concerning the subordination of the feminine aspects in the divine sphere to the masculine divine power and their absorption within the divine male potency, what he described as the “eclipse of the feminine,” sometimes by recreating some form of androgyny.⁵ A more balanced analysis of the state

¹ * This study is part of a more comprehensive book dealing with the emergence of the Kabbalistic views of femininity in preparation. For the vast scholarly literature on YHWH and the Asherah see, for example, the studies of Moshe Weinfeld, “Feminine Features in the Imagery of God in Israel: the Sacred Marriage and the Sacred Tree,” *Vetus Testamentum*, vol. 46 (1996), pp. 515–529, Mark S. Smith, “God Male and Female in the Old Testament: Yahveh and His ‘Asherah,’” *Theological Studies*, vol. 48 (1987), pp. 333–340, or J. A. Emerton, “‘Yahweh and his Asherah’: The Goddess or Her Symbol?,” *Vetus Testamentum*, vol. 49 (1999), pp. 315–337. See also J. J. Schmidt, “The Motherhood of God and Zion as Mother,” *Revue biblique*, vol. 90 (1983), pp. 351–359, and Mayer I. Gruber, *The Motherhood of God and Other Studies* (Atlanta, Georgia: Scholars Press, 1992), pp. 3–16.

² See his *Origins of the Kabbalah*, tr. A. Arkush, ed. R. J. Z. Werblowsky (Princeton: Princeton University Press, 1987), pp. 165–168; *On the Mystical Shape of Godhead* (New York: Schocken Books, 1991), pp. 157–182, and *On the Kabbalah and its Symbolism*, tr. R. Manheim (New York: Schocken Books, 1969), p. 106, where the Kabbalistic identification of *Kneset Yisrael* and *Shekhinah* as symbols of the last *sefirah* is described as a “specifically Jewish metamorphosis in which so much of the gnostic substance entered into Jewish tradition.” See also his formulations in *Elements of the Kabbalah and Its Symbolism*, tr. J. ben Shlomo (Jerusalem, 1976), pp. 280–281 (Heb.).

³ Gershom Scholem, *Elements of the Kabbalah*, *op. cit.*, pp. 263–264.

⁴ Arthur I. Green, “*Shekhinah*, the Virgin Mary, and the Song of Songs: Reflections on a Kabbalistic Symbol in its Christian Context,” *AJS Review*, 26 (1) (2002), pp. 1–52, and Peter Schaefer, *Mirror of His Beauty, Feminine Images of God from the Bible to the Early Kabbalah* (Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2002).

⁵ See, e.g., Elliot R. Wolfson, *Circle in the Square. Studies in the Use of Gender in Kabbalistic Symbolism* (Albany: SUNY Press, 1995), pp. 95–110, “Woman — The Feminine as Other in

of the feminine versus the masculine powers in the Kabbalistic theosophy has been articulated in detail in one of Daniel Abrams' book as well as in one of his recent articles, where he took issue with the reading of the material regarding the meaning of the *Shekhinah* found in the book *Bahir* in recent scholarship.⁶ More recently, a detailed analysis of the approach to the feminine divine power in the Zoharic thought has been offered by Shifra Asulin.⁷

Those descriptions dealing with the feminine dimensions of the divinity in early Kabbalah neglected the existence of an alternative line of discussions regarding the hypostatic feminine elements that are concerned with a topic rather ignored in the studies of the development of Jewish mysticism: the feminine hypostasis of Jerusalem. Several years ago I suggested a certain type of history that may explain the presence of some feminine dimensions of the divinity in medieval Kabbalah: ancient motifs dealing with feminine deities or feminine dimensions of the one God that have been discussed extensively by scholars of the Bible mentioned above, found their ways to medieval sources, and become part of the complex system of divinity, the ten *sefirot*, itself a development of earlier traditions.⁸ Those elements are related to the special status of the nation of Israel,⁹ sometimes conceived of as *Knesset Yisrael*, conceived in some cases as the divine wife, or the divine wisdom, *Hokhmah*, or of the *Shekhinah*,¹⁰ and last but not least for the aim of our discussions below, the concepts of the land of Israel and of Jerusalem, conceived of as existing not only on earth but also in the divine realm as the feminine counterpart of the male aspects of the divinity.¹¹ In

Theosophic Kabbalah: Some Philosophical Observations on the Divine Androgyne," in L. J. Silberstein and R. L. Cohn (eds.), *The Other in Jewish Thought and History* (New York, London: New York University Press, 1994), pp. 166–204, and more recently in his *Language, Eros, and Being* (New York: Fordham University Press, 2005), and see also our discussion below.

⁶ Daniel Abrams, *The Female Body of God in Kabbalistic Literature: Embodied Forms of Love and Sexuality in the Divine Feminine* (Jerusalem: Magnes Press, 2004) [Hebrew], *idem*, "The Condensation of the Symbol 'Shekhinah' in the Manuscripts of the Book *Bahir*," *Kabbalah*, vol. 16 (2007), pp. 7–82.

⁷ See *The Mystical Commentary of the Song of Songs in the Zohar and its Background* (Ph.D. Thesis, Hebrew University, Jerusalem, 2006) (Heb.).

⁸ Though I have articulated it in the eighties and reiterated later in various discussions, this explanation did not draw the due attention of scholars dealing with the issue of femininity and Kabbalah, who preferred to speculate without using specific written sources, especially manuscripts that had already been printed in my studies.

⁹ D. Buzy, "L'allégorie matrimoniale de Jahve et d'Israël et la Cantique des Cantiques," *Viver et Penser*, 3 (1945), pp. 79–90, and N. Stienstra, *YHWH is the Husband of His People* (Kok Pharos, 1993).

¹⁰ See the rather neglected studies of Charles Mopsik, "Une querelle à Jérusalem: la féminité de la Chekhina dans la Cabale," *Pardes*, 12 (1990), pp. 18–21, and Nicolas Sed, "La *Shekhinta* et les amis 'Araméens'," in R. G. Coquin (ed.), *Mélanges Antoine Guillaumont* (Genève: Patrick Cramer, 1988), pp. 233–242.

¹¹ See "Kabbalism and Rabbinism; on G. Scholem's Phenomenology of Judaism," *Modern Judaism*, 11 (1991), pp. 281–296, "Jerusalem in Thirteenth-Century Jewish Thought," in J. Prawer and H. Ben Shammai (eds.), *The History of Jerusalem: Crusaders and Ayyubids*

some cases, we may speak about a theory of ditheism or binitarianism that assumes a second divine figure as relevant for understanding either the history or the meaning of the ritual.¹² The development of each of these elements should be discussed in itself, as contributing something to a more complex concept of the divine in the main line of Kabbalah, the theosophical-theurgical one, as a compound of ten divine powers, some of which have feminine aspects. Without a detailed understanding of all these developments as a whole and the possible contribution of each of them to the broader picture I doubt whether the understanding of the processes that contributed to the emergence of theosophy in early Kabbalah can be discussed seriously.

The present study will try to map only quite a small fragment of the extensive picture found in various Jewish thinkers through centuries, namely the feminine descriptions of Jerusalem as part of the divine world. Each envisioned the city within his religious, political or social frameworks, which dramatically shaped the concept, the image, or the status of the city. Here we shall limit our discussions to the emergence of the feminine, and sometimes sexual, aspects of Jerusalem as a hypostasis, ignoring other forms of symbolism related to this city, occurring in other forms of medieval Jewish speculations, including the theosophical-theurgical Kabbalah, or issues related to Jerusalem as a place of theophany or of the eschatological events.¹³

2. Jerusalem as a Feminine Hypostasis in Some Late Antiquity Sources

Jerusalem, the city and the image, was a permanent challenge for many people: for religious leaders, for politicians, for its inhabitants in the present, and for those who want or wanted to be so.

(1099–1250) (Jerusalem: Yad Izhak ben-Zvi Publications, 1991), pp. 265–276 (Heb.), an essay upon which I shall draw heavily below, and *Kabbalah & Eros* (New Haven: Yale University Press, 2005), *passim*, and my study “The Triple Family: Sources for the Feminine Perception of Deity in Early Kabbalah,” forthcoming in *Reuven Bonfil's Festschrift* (Jerusalem, 2009) (Heb.). For the type of historical explanation that I propose in the present article, namely to see in the late antiquity evidence traces of ancient Jewish mythologoumena, in our case of feminine hypostases, which later on impacted early Kabbalah see my *Kabbalah: New Perspectives* (New Haven: Yale University Press, 1988), pp. 30–34, where I took advantage of this line of explanation also relying on the developments related to Jerusalem.

¹² Binitarian views can employ either male or female hypostatic entities as closely related to a higher deity.

¹³ To be sure, Jerusalem is envisioned as a feminine entity several times in the Hebrew Bible, especially in Ezekiel 16 and 23. Below, however, I am concerned with a feminine hypostatic vision of the city, not with a grammatical or figurative reference. For the thirteenth-century allegorical interpretations of Zion and Jerusalem, see Marc Saperstein, *Decoding the Rabbis: A Thirteenth Century Commentary on the Aggadah* (Cambridge, MA 1980), pp. 75–78.

The emergence of various conceptions of "Jerusalem" in Jewish mysticism is, too, a consequence also of the inner structure of the new conceptual systems that developed throughout the ages: each mystical system produced its own Jerusalem. The authors of the literatures known as Midrash and the Talmud, for whom the very performance of religious deeds was cardinal, adhered as closely as possible to the earthly Jerusalem, the sole city in which it was possible to practically observe a portion of the Divine commandments; they transformed the heavenly Jerusalem into an extension of the earthly city.¹⁴ The spiritual significance of Jerusalem is probably enhanced when the Jews are living far away from the physical city, unable to visit it as pilgrims and even less to conduct there the rites connected with Jerusalem as the place of the Temple, as indeed was the case of the Jewish diaspora since the Hellenistic period.¹⁵ This spiritual sense was attached, to be sure, not to the spiritual Jerusalem in heaven or to that on earth, which both were not seen by the authors to be cited below, but to the word Jerusalem, as found in a sacred text or in a tradition. This nominal nature of the symbolization of Jerusalem is paramount for the following discussions, most of them written by persons who did not have the opportunity to see the terrestrial Jerusalem.

Paul, in contrast, championed the centrality of heavenly Jerusalem, a vision unfettered by the biblical commandments, and even denounced the contemporaneous Jerusalem, that of the Judeo-Christian community, which still observed them.¹⁶ Christian commentators who followed the Pauline doctrine widened the breach between the real city and the abstract concept of the "true" Jerusalem as symbolizing the Christian church.¹⁷ Only in the wake of activity of a religious nature, such as pilgrimages and the building of Jerusalem, culminating in the Crusades — all deeds whose initiators and implementors were generally not Christian scholars¹⁸ — did the earthly Jerusalem resume a more prominent place in Christian consciousness.

¹⁴ See E. E. Urbach, "The heavenly and the Earthly Jerusalem in Rabbinic Thought," in *Jerusalem through the Ages (Proceedings of the 25th Archaeological Convention of the Israel Exploration Society)* (Jerusalem, 1968), pp. 157–171. For a criticism of Urbach's position, see Reuven Kimelman, "Rabbi Yohanan and Origen on the Song of Songs," *Harvard Theological Review*, vol. LXXIII (1980), p. 587 n. 89.

¹⁵ See J. A. Seeligman, "Jerusalem in Jewish–Hellenistic Thought," *Judah and Jerusalem* (Jerusalem, 1957), p. 195 (Heb.); Moshe Weinfeld, "Inheritance of the Land — Privilege versus Obligation: The Concept of the Promise of the Land in the Sources of the First and Second Temple Periods," *Zion*, vol. 49 (1984), pp. 133–139 (Heb.).

¹⁶ E. E. Urbach, "The heavenly and the Earthly Jerusalem in Rabbinic Thought," *art. cit.*, p. 161.

¹⁷ See Joshua Prawer, "Jerusalem in the Christian Perspective of the Early Middle Ages," in Joshua Prawer (ed.), *The History of Jerusalem. The Early Islamic Period (638–1099)* (Jerusalem: Yad Izhak ben-Zvi Publications, 1987), pp. 249–281 (Heb.).

¹⁸ *Ibid.*, p. 254 ff., 273 ff.

Medieval forms of Judaism maintained the position formulated in the Talmudic and Midrashic literature regarding the importance of the physical Jerusalem. Along with the *halakbah*, however, which regulates daily activity, the Jews of that period also engaged in philosophic speculation, expressed to a great degree in the spiritual interpretation of the Scriptures. The term “spiritual interpretation” refers both to the allegorical-philosophical school and the symbolic, Kabbalistic method. This system of exegesis has much in common, in terms of conceptual foundations, with Christian allegory, and with the Philonic modes of interpretation. The importance of heavenly Jerusalem for the Christian scholars, who engaged mainly in exegesis of the sacred scriptures, was shared by the Jewish thinkers, whether they adhered to the philosophical or the Kabbalistic trend. Thus the importance of the heavenly Jerusalem increased among “learned” Judaism, occupying a position of far greater consequence than that it had been afforded in the earlier Jewish literature. In contrast, however, to the Christian tendency to spiritualize, which emphasized the importance of the heavenly Jerusalem with a consequential serious depreciation in the status or even in some instances total disregard of the physical Jerusalem,¹⁹ Jewish authors attempt to integrate into their works Jerusalem’s existence on two levels — the earthly and the heavenly, without sublating the importance of the former. This effort of portraying a celestial Jerusalem corresponding to the terrestrial one, is part of a larger vision, which includes also the existence of a celestial temple, corresponding to the earthy one.²⁰

This integration is achieved in Kabbalistic thought in a manner which differs intrinsically from that adopted by the school of philosophical-allegorical exegesis, including that found in ecstatic Kabbalah. The theosophical-theurgical Kabbalists

¹⁹ On heavenly Jerusalem in medieval Christian spirituality see Jean Leclercq, O.S.B. *The Love of Learning and the Desire for God. A Study in Monastic Culture*, tr. Catharine Mistrahi (New York: Fordham University Press, 1982), pp. 54–56, Sylvia Schein, “Jerusalem in Christian Spirituality in the Crusader Period,” in J. Prawer and H. Ben Shammai (eds.), *The History of Jerusalem: Crusaders and Ayyubids (1099–1250)* (Jerusalem: Yad Izhak ben-Zvi Publications, 1991), pp. 213–263 (Heb.), Bianca Kühnel, *From the Earthly to the Heavenly Jerusalem: Representations of the Holy City in Christian Art of the First Millennium* (Rome, Freiburg, Vienna: Herder, 1987), W.D. Davies, “Jerusalem and the Land in the Christian Tradition,” in M.A. Tanenbaum and R.J.Z. Werblowsky (eds.), *The Jerusalem Colloquium on Religion, Peoplehood, Nation and Land* (Truman Research Institute, Institute Publications, 1972), pp. 115–157, Guy G. Stroumsa, “Mystical Jerusalems” in Lee I. Levine (ed.), *Jerusalem — Its Sanctity and Centrality to Judaism, Christianity, and Islam* (New York: Continuum, 1999), pp. 349–370. For the ambiguous approach to Jerusalem in early Christian thought, see Guy G. Stroumsa, “Which Jerusalem?,” *Cathedra* 11 (1979), 119–124 (Hebrew). A much more positive approach toward the earthly Jerusalem is found, however, in Joachim of Fiore’s thought and that of his followers.

²⁰ For the importance of the principle of correspondence or analogy, especially insofar as the Temple is concerned, in both Rabbinic and Kabbalistic thought see the comprehensive study of Maurizio Mottolese, *Analogy in Midrash and Kabbalah: Interpretive Projections of the Sanctuary and Ritual* (Los Angeles: Cherub Press, 2007), which comprises interesting discussions about Jerusalem and its supernal paradigm.

emphasized the essential connection between the spiritual and terrestrial cities of Jerusalem — thus reinforcing the status of earthly Jerusalem, which drew sanctity from its heavenly source. Jewish allegoric exegesis, on the other hand, had difficulty in incorporating the centrality of Jerusalem within its philosophical system, which sought chiefly to reveal verities independent of time or space, and in certain instances this commentary contains nuances extremely similar to those appearing in Christian exegesis. A distinct approach is the systematically allegorical interpretation of “Jerusalem” in the ecstatic Kabbalah founded by R. Abraham Abulafia’s and R. Joseph Gikatilla’s writings, in which the specific structure of the consonants of the Hebrew name of the city becomes the subject of study, accompanied by quite blatant disregard of the physical city. Since it has been addressed elsewhere I shall not discuss it here,²¹ as we are concerned with the feminine dimensions imagined by other type of Kabbalistic thought.

The words “Jerusalem” and “Zion” have undergone many amazing transformations since their appearance in the Biblical literature. First we may discern an outstanding change occurred in the Bible itself: these two words changed from names of the city or of a fortress, sometimes functioning as synonyms, to appellations of the Jewish people, and at times also of *'Eretz Israel* (the land of Israel) as a whole.²² However, the most important change occurred in post-biblical literature, and is constituted by the emergence of the technical term “heavenly Jerusalem,” *Yerushalayyim shel ma’alah*, which should be translated literally as “Jerusalem that is on high.” This concept appears in written Hebrew texts only after the destruction of the Second Temple.²³ The first indications for the shift that became important for an understanding of the development of the symbolism of Jerusalem and Zion do not, however, appear in the extant early Jewish sources; these words were not transformed into symbols, but rather continued to designate the city and the Jewish people. The descriptions of Jerusalem in the New Testament, on the other hand, attests to the antiquity of the feminine erotic conception of “Jerusalem;” unlike several of the Jewish

²¹ See M. Idel, “Jerusalem in Thirteenth-Century Jewish Thought,” *art. cit.*, pp. 276–283.

²² See B. Dinaburg (Dinur), “Zion and Jerusalem: Their Role in the Historic Consciousness of Israel,” *Zion*, vol. 16 (1951), p. 3 (repr. in his *Historical Writings* (Jerusalem, 1975), II, pp. 14–15 (Heb.)), and David Goodblatt, *Elements of Ancient Jewish Nationalism* (Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2006), pp. 167–202. See also the contributions of Joseph Yahalom and Abraham Grossman, in Joshua Prawer (ed.), *The History of Jerusalem. The Early Islamic Period (638–1099)* (Jerusalem: Yad Izhak ben-Zvi Publications, 1987), pp. 179–213, 215–234 respectively (Heb.). See also the discussions of Midrashic material on the heavenly Jerusalem in Haviva Pedaya, *Name and Sanctuary in the Teaching of R. Isaac the Blind. A Comparative Study in the Writings of the Earliest Kabbalists* (Jerusalem: Magnes Press, 2001), pp. 148–154, 173–177 (Heb.).

²³ See E.E. Urbach, “The heavenly and the Earthly Jerusalem in Rabbinic Thought,” *art. cit.*, p. 165; see also: R. S. Eccles, “The Purpose of the Hellenistic Patterns of the Epistle to the Hebrews,” in J. Neusner (ed.), *Religion in Antiquity: Essays in Memory of E. R. Goodenough* (Leiden: Brill, 1968), pp. 218–219.

and Christian depictions of Jerusalem as a mother²⁴ mourning, according to several sources, for her son, the apocalyptic vision of John states:

Then I saw a new heaven and a new earth; for the first heaven and the first earth had passed away, and the sea was no more. And I saw the holy city, new Jerusalem, coming down out of Heaven from God, prepared as a bride adorned for her husband.²⁵

For the first time in a written text, Jerusalem — albeit only in its future state — assumes a clear sexual coloration: it is altered from a “mother” to a “bride,” a hypostatic representation with clearly erotic connotations. The adornment is part of the splendor characteristic of the descriptions of the supernal Jerusalem in general found in both Jewish and Christian apocalyptic sources. However, here it is predicated on a vision of a feminine supernal entity prepared for some form of wedding. What exactly Jerusalem is, is however, not clear. It may stand for the ecclesia, namely the corporate personality of the Christians, who are the feminine counterpart of Jesus, conceived of as the bridegroom. In any case, here we have some ambiguity between the descent of Jerusalem from heaven and its descending from God. Does it mean that Jerusalem, like her bridegroom, Jesus, is divine too?

Apparently under the influence of this Christian conception, or under that of its hypothetical Jewish sources, the term “Jerusalem” acquired a feminine meaning in its transformation into a symbol in several extant writings of early Gnosticism. In describing the opinions of the Gnostics from the school of Valentinus (2nd century), Irenaeus writes:

For they maintain that their Aeons, and gods, and father, and lords, are also still further termed heavens, together with their Mother, whom they do also call “the Earth,” and “Jerusalem,” while they also style her many other names.²⁶

²⁴ See Galatians, 4:26, 5:1. See also G. Scholem, *Elements of the Kabbalah*, *op. cit.*, pp. 262–263, and Victor Aptowitz, “The Heavenly Temple in the Agada,” *Tarbiz*, vol. 2 (1930–1931), pp. 267–268 (Heb.).

²⁵ *Revelation of John* 21:1–2. See *Revelation* 21:9–11, where we read: “Then came one of the seven angels who had the seven bowls full of the seven plagues, and he spoke to me saying, ‘come, I will show you the Bride, the wife of the Lamb.’ And in the Spirit he carried me away to a great, high mountain and showed me the holy city Jerusalem coming down out of heaven from God, having the glory of God, its radiance like a most rare jewel, like a jasper, clear as crystal,” also *ibid.* 3:12. For the scholarship on this issue see, e.g., Loren L. Johns, “The Dead Sea Scrolls and the Apocalypse of John,” in James H. Charlesworth (ed.), *The Bible and the Dead Sea Scrolls* (Waco, Texas: Baylor University Press, 2006), vol. III, pp. 255–279, especially p. 264, note 31 for an updated bibliography, Adela Yarbro Collins, “The Dream of a New Jerusalem in Qumran,” *idem*, pp. 231–254, especially pp. 251–253, and David M. Carr, *Erotic Word, Sexuality, Spirituality and the Bible* (Oxford, New York: Oxford University Press, 2003), pp. 168–169.

²⁶ Irenaeus, *Against Heresies*, IV, 1, 1, in *Ante-Nicene Fathers*, I (Grand Rapids, Mich. 1977), p. 463. See also the interesting parallel found in another Valentinian passage preserved by Irenaeus, *ibid.*, I, 5, 3, p. 323: “The mother they call also the Ogdoad, Sophia, Terra, Jerusalem, Holy Spirit,

This passage constitutes an example of what is called in Gnostic texts *syzygies*, namely sexualized couples of hypostatic powers that constitute the Gnostic pleroma. The pair in our text is constituted by the father, on the one hand, and the Mother, and thus also Jerusalem and earth, as indubitably a feminine term, which should be understood on the one hand in the context of the term "fathers," who is understood as a term for divine powers, and in relation to the Gnostics, implicitly viewed as the sons of the supernal parents. In any case this passage refers to a supernal feminine hypostasis, discussed together with a male one. To what extent this reflects also some form of sexual overtone is an open question. In another text related again to Valentinus, as it was preserved by Hippolytus, it is stated about the angels that they dwell

in Jerusalem, which is above, which is in heaven. For this Jerusalem is Sophia, she (that is) outside (the Pleroma), and her spouse is the Joint Fruit of the Pleroma.²⁷

In these two texts the word "Jerusalem" symbolizes a feminine cosmic entity, which is the creator of our world. In both cases, the male counterpart is mentioned explicitly. The meaning of the phrase "Joint Fruit of the Pleroma" is Jesus²⁸ and it is obvious that it represents the male part of a *syzygy*. Therefore

and, with the masculine reference, Lord. Her place of habitation is an intermediate one, above the Demiurge indeed, but below and outside the Pleroma, even to the end." This text has been discussed several times by Carl G. Jung. See, e.g., his *Mysterium Conjunctionis*, tr. R. F. C. Hull (Princeton: Princeton University Press, 1963), p. 401. On Earth as a feminine hypostasis in late Antiquity texts see M. Idel, "The Land of Israel in Medieval Kabbalah," in L. Hoffman (ed.), *The Land of Israel: Jewish Perspective* (Indiana: Notre Dame University Press, 1986), pp. 171–172. For the many names attributed to hypostatic powers found in Gnostic thought in general see M. Idel, *Absorbing Perfections: Kabbalah and Interpretation* (New Haven: Yale University Press, 2002), p. 239.

²⁷ Hippolytus, *The Refutation of All Heresies*, vol. VI, 29, in *Ante-Nicene Fathers*, vol. V, p. 88. For Jerusalem as the dwelling place of the archons, see also *The First Apocalypse of Jacob*, in *Nag Hammadi Library in English* (Leiden: Brill, 1977), p. 243. For the possible impact of this passage on Soloviov, see Samuel D. Cioran, *Vladimir Soloviev and the Knighthood of the Divine Sophia* (Waterloo, Ontario: Wilfrid Laurier University Press, 1977), pp. 19–20. For the term Pleroma in the context of early Kabbalah see: G. Scholem, *Origins of the Kabbalah*, *op. cit.*, pp. 68–75; and the different view expressed in M. Idel, "On the Problem of the Sources of the Bahir," in J. Dan (ed.), *The Beginnings of Jewish Mysticism in Medieval Europe (Jerusalem Studies in Jewish Thought, VI, pp. 3–4)* (Jerusalem, 1987), pp. 67–72 (Heb.). See in texts written in Hebrew and dealing with *Male*, indubitably available to authors in the Middle Ages, in the book of *Shi'ur Qomah*, in *Sefer ha-Razim* and in rabbinic literature. See M. Idel, "On the Problem of the Sources of the Bahir," *art. cit.*, pp. 67–70; D. Abrams, in his Introduction to his edition of the book of *Bahir*, pp. 5–6; and Yair Lorberboim, *Imago Dei: Rabbinic Literature, Maimonides and Nahmanides* (Ph.D. Thesis, Hebrew University, Jerusalem, 1997), pp. 208–218 (Heb.).

²⁸ See *ibid.*, *Ante-Nicene Fathers*, vol. V, p. 87, where the Joint Fruit of the Pleroma is explicitly described as Jesus. See especially the analysis of Luse Abramowski, "Female Figures in the Gnostic *Sondergut* in Hippolytus' *Refutatio*," in Karen King (ed.), *Images of Feminine in Gnosticism* (Continuum International Publishing Group, London, 2000), pp. 150–152. For the description of the divine male power as comprising the higher divine powers in theosophical Kabbalah see below some discussions of the seventh or ninth *sefirah*, *Tiferet* or *Yesod* as comprising all the other powers, or *sefirot*.

the expression “Jerusalem that is in heaven” is predicated upon an entity that is related to a higher divine structure, in a rather hypostatic sexual manner.

In other Gnostic texts, Jerusalem also represents the material from which the world was created, the primordial chaos. This matter, which originates in Sophia, is described as follows:

And this, he [i.e., Valentinus] says, is what Moses asserts: “The earth was invisible, and unfashioned” [Genesis 1:2].²⁹ This (substance) is, he says, the good (and) heavenly Jerusalem, into which God has promised to conduct the children of Israel, saying, “I will bring you into a land flowing with milk and honey” [Leviticus 20:24].³⁰

The assumption is that Jerusalem is a preexistent entity, the raw material for the creation of the world, and at the same time quite a positive concept.³¹ By identifying it with the earth, that is flowing with milk and honey, I assume that some more specifically feminine view was intended just as in one of the passages cited above it is identified with the Sophia.

The four Valentinian passages cited above share a common feature beyond the feminine hypostatic status of Jerusalem: the city has been described as identical to earth, in itself described also a supernal hypostasis. The concept of the earthy city has almost completely disappeared, being replaced by the symbolism of an early phase of the cosmogony. This is an interim stage denoting the state of Sophia (Wisdom) after it has left the Pleroma, i.e., the primordial matter from which the world was made, and preceding the formation of the physical world.³²

A more positive, though implicit assessment of the significance of Jerusalem, though not a hypostatic view, appears in the *Gospel of Philip*, one of the major Gnostic writing discovered in Nag Hammadi:

There were three buildings specifically for sacrifice in Jerusalem. The one facing west was called “the Holy.” Another facing south was called “the Holy of the Holy.” The third facing east was called “the Holy of the Holies,” the place where only the high priest enters. Baptism is the “Holy” building. Redemption

²⁹ This philosophical interpretation of this verse deserves a special investigation.

³⁰ Hippolytus, *The Refutation of All Heresies*, VI, 25, p. 86.

³¹ The connection between Jerusalem and the material whence the world was created also appears in another Gnostic text edited by Charlotte A. Baynes, *A Coptic Gnostic Treatise Contained in the Codex Brucianus* (Cambridge, 1933), p. 136, and see the comments of the editor, p. 105. See also F. Sagnard, *La Gnose valentinienne et le témoignage de saint Irénée* (Paris, 1947), pp. 499–509. For another connection between motifs found in this work and Jewish discussions see M. Idel, “The Image of Man above the Sefirot,” *Da’at*, 4 (1980), pp. 46–47 (Heb.), and Arthur Green, *Keter, The Crown of God in Early Jewish Mysticism* (Princeton: Princeton University Press, 1997), pp. 30–32.

³² For a discussion of some elements in the book of *Bahir* and Valentinian Gnosis as to the feminine elements in see Schaefer, *Mirror of His Beauty*, pp. 140–142.

is "the Holy of the Holy," "The Holy of Holies" is the bridal chamber. Baptism includes the resurrection [and the] redemption; the redemption [takes place] in the bridal chamber. But the bridal chamber is in that which is superior to [it and the others] because you will not find [anything like] it.³³

In this instance, the special structure of the Temple, obviously described a version of the tripartite pattern of the temple in Jerusalem, symbolizes the processes connected with the salvation of the soul: baptism, redemption, and the unification with the Source. I am not sure whether indeed the three buildings here reflect separate structures, or a more comprehensive building that contains the other, as in the Jewish temple.

Here too, as in the texts adduced above relating to Jerusalem as Sophia, the word "Jerusalem" bears, at least implicitly as the place of the third building, a certain sexual valence. These more positive approaches to Jerusalem may point to the existence of even earlier pre-Gnostic Jewish traditions, apparently only a portion of which are extant, and in which Jerusalem symbolizes a feminine entity at the end of the divine Pleroma, in a way we found in the Valentinian texts. These hypothetical Jewish pre-Gnostic, and perhaps also pre-Christian views, have probably influenced the formation of the early Kabbalistic representations of Jerusalem, and perhaps also of Zion, as we shall see immediately below.³⁴

3. *The Symbolism of Jerusalem in Theosophical Kabbalah: Provencal and Catalan*

The sources of the main school of Kabbalah, that I proposed to describe as theosophical-theurgical are numerous and diverse. This variety should be assumed because of the diversity of the Kabbalistic views found in the earliest extant documents belonging to this school. The traditions extant in the book

³³ Following the translation of W. W. Isenberg, in *Nag Hammadi Library*, p. 142. For the affinity between the concept of the Holy of the Holies presented here as the place of coupling and the view presented in the *Zohar*, see below. It is noteworthy that the negative conception of Sophia in the *Gospel of Philip* corresponds to a certain aspect of the *Zohar's* conception of the Divine Presence, as G. Scholem notes, *Elements of the Kabbalah*, *op. cit.*, p. 303, note 92. Yehuda Liebes has shown the affinity between this Gospel and the *Zohar*. See his study "The Messiah of the Zohar: The Messianic Character of R. Shimon bar Yohai," *The Messianic Idea in Jewish Thought* (Jerusalem, 1982), pp. 230–232 (Heb.). For this citation from the *Gospel of Philip* and its other Jewish parallels see also M. Idel, "Métaphores et pratiques sexuelles dans la Cabale," in Ch. Mopsik (ed.), *Lettre sur la sainteté* (Paris, 1986), pp. 339–340. On Temple-symbolism in Valentinian Gnosis, see April D. DeConick, "Heavenly Temple Traditions and Valentinian Worship: A Case for First-century Christology in the Second Century," in Carrey C. Newman, James R. Davila & Gladys S. Lewis (eds.), *The Jewish Roots of Christological Monotheism* (Leiden: Brill, 1999), pp. 308–341.

³⁴ To be sure: as we shall see below, feminine concepts of Jerusalem are found also in Jewish material, like in the Aramaic translation known as *Onqelos*, but I did not yet find an hypostatic feminine view, which is the topic of my investigation here.

of *Bahir* that was conceived by Gershom Scholem and his followers as the main conceptual source of this Kabbalistic school, do not contain a significant and methodical discussion of Jerusalem and Zion as a sexualized couple,³⁵ though the concept of such a couple of divine powers is found there, but it has been expressed by other symbols. This is also the case in the extant writings of the Provençal master R. Isaac the Blind. Thus, provided this double absence, we may assume the existence of an additional channel of transmission of esoteric knowledge that nourished early Kabbalists, different from the extant discussions found in these two early Kabbalistic sources.

On the other hand, in one of the earliest books acquainted with theosophical symbolism, which refers many times to both Zion and Jerusalem, R. Yehudah ben Ya'qar of Barcelone's commentary on the Jewish prayerbook, it seems that the two terms are synonymous and both are related to the last *sefirah*, the feminine *Malkhut*, Jerusalem has been understood at least in one case as a bride and God as her bridegroom.³⁶ My assumption is that despite the similarity to the view of the *Bahir*, ben Ya'qar did not draw his view from that book.³⁷

However, the symbolically differentiated significance of Jerusalem and Zion appears already in the writings of R. Ezra ben Shlomo (Gerona, Spain, first third of the 13th century), who offered for the first time in a rather systematic manner, also a sexual color for this distinction. Given the centrality of this distinction for the development of the theosophical-theurgical Kabbalah, I shall elaborate on the statements to this effect found in his writings.³⁸

In his *Commentary on the Song of Songs*, he writes:

"I will betake to the mount of myrrh" [Song of Songs 4:6] — this refers to Jerusalem, a blessing in Jerusalem which is on the mount of myrrh. "To the hill of frankincense" — this is Mount Zion. And Jerusalem resembles something which is red, an allegory to the attribute of strict justice, as it is said, "where righteousness dwelt" [Isaiah 1:21], and Mount Zion, on the hill of frankincense, [an allegory] to the attribute of mercy.³⁹

³⁵ See *The Book Bahir*, ed. by Daniel Abrams (Los Angeles: Cherub Press, 1994), p. 131, par. 26, where it is claimed that the gates of Zion are "from the side of evil." In par. 85, p. 171, Zion is a symbol of the city of David, i.e., kingship. See also Carola Goetzen Krieg, "The Feminine Aspect of God in the *Book Bahir*," in Yvonne Sherwood, Darlene Bird (eds.), *Bodies in Question: Gender, Religion, Text* (Ashgate, Aldershot, Burlington, 2005), pp. 15–28 and the important article of D. Abrams, "The Condensation of the Symbol 'Shekhinah' in the Manuscripts of the *Book Bahir*," especially p. 52, and compare to Green's contention as to the presence of the symbol of Jerusalem in this book, in "Shekhinah, the Virgin Mary," p. 16.

³⁶ *The Commentary on the Prayers and Blessings*, ed. Shmuel Ashkenazi (Jerusalem, 1979), second edition, part I, pp. 18–19, 32, 43, 57, 59, 87, 95, part II, pp. 40, 41, 102.

³⁷ See M. Idel, "Kabbalistic Prayer in Provence," *Tarbiz*, vol. 62 (1993), pp. 285–286 (Heb.).

³⁸ In the following I draw on material I collected in earlier discussions in Hebrew on R. Ezra in my article "Jerusalem in 13th century Jewish Thought." More recently topics discussed below have been elaborated also in the important study of H. Pedaya, *Name and Sanctuary in the Teaching of R. Isaac the Blind*, *op. cit.*, pp. 154–161.

³⁹ Ed. Ch. D. Chavel, *The Collected Writings of Nahmanides*, vol. II (Jerusalem, 1964), p. 495 (Heb.).

R. Ezra undoubtedly alludes to the two *sefirot*. *Hesed* [divine love; the fourth *sefirah*]—whiteness [*loven*]—the hill of frankincense [*levonah*]—the attribute of mercy; and *Gevurah* [divine power; the fifth *sefirah*]—redness—the mount of myrrh—Jerusalem—the attribute of strict justice. It may reasonably be assumed that the symbols found in this text also possess an erotic connotation; elsewhere in his *Commentary on the Song of Songs*, R. Ezra writes about the sowing of seed: “For the male comes from the supplement of the male drop which yields white after the female yields red.”⁴⁰ The colors white and red appear here as symbols of the male and the female, i.e., *Hesed* and *Gevurah* respectively. R. Ezra further writes, in his *Commentary on the Talmudic 'Aggadol*:

In the [talmudic] tractate of Niddah [it is written]:⁴¹ “There are three partners [in the conception] of a person — his father sows white and his mother sows red, i.e., the seed of the mother is red because it is related to the attribute of strict justice, while the seed of the father, which alludes to mercy, is white.”

The conspicuous erotic nature of the relationship between Jerusalem and Zion is also present in another aggadic commentary of R. Ezra. He writes about the state of the linkage between the Holy One, blessed be He, and Jerusalem during the time of the Exile:

“I will not come in the city” [Hosea 11:9] [means] I shall not be copulate. And similarly, it is said, “and Jerusalem shall dwell⁴² secure” [Zechariah 14:11]. These things are already known about Jerusalem and Zion. And it is said about

⁴⁰ *Ibid.*, p. 534. The discussion also appears in the R. Ezra's *Commentary on the 'Aggadol*, and had influenced R. Bahya ben Asher. See Ephraim Gottlieb, *The Kabbalah in the Writings of R. Bahya ben Asher ibn Halawa* (Jerusalem: Kiriat Sepher, 1970), pp. 60–61 and note 105 (Heb.). See also R. Menahem Recanati, *Commentary on the Torah* (Jerusalem, 1961), fol. 61a.

⁴¹ Printed in *Liqutei Shikhebah ve-Peah* (Ferrara 1555), fol. 14a; see also the commentary of R. Menahem Recanati on the Torah, fol. 11d. For the *sefirot* of *Hesed* and *Gevurah* as male and female respectively see the Kabbalistic interpretation of R. Abraham ben David of Posquieres to the concept of *du partzufin* — the two-faced type of androgyne — discussed in G. Scholem, *Origins of the Kabbalah*, *op. cit.*, pp. 217–218; M. Idel, *Kabbalah: New Perspectives*, *op. cit.*, pp. 128–136, “Androgyny and Equality in the theosophico-theurgical Kabbalah,” *Diogenes*, vol. 52, no. 4 (2005), pp. 27–38, and *Kabbalah & Eros*, *op. cit.*, pp. 53–103; and Elliot R. Wolfson, “Woman — The Feminine as Other,” and *Circle in the Square*, especially, pp. 205–206, note 53. The symbolism of *du partzufin* — the two-faced human and divine entity — as an allusion to the *sefirot* of *Hesed* and *Gevurah* is characteristic of the Kabbalah of Provence and those Kabbalists following it. In the Nahmanidean Kabbalistic school, however, the expression *du partzufin* refers to two other *sefirot*: *Tiferet* and *Malkhut*. See M. Idel, *Kabbalah & Eros*, *op. cit.*, pp. 61–65. This is the reason why I am not sure whether indeed R. Isaac the Blind had expressed a vision in which Zion and Jerusalem are male and female, corresponding to *Yesod* and *Malkhut*, respectively. Compare, however, Pedaya's conjecture, in *Name and Sanctuary*, *op. cit.*, p. 154, note 29, which is nevertheless possible.

⁴² The form of Hebrew verb *Tishkon*, is the same verb related to the noun *Shekhinah*, creating therefore a nexus between Jerusalem and *Shekhinah*.

Jerusalem, “that was filled with justice, where righteousness dwelt” [Isaiah 1:21]; and it is said about Mount Zion, “from the Lord of Hosts, who dwells on Mount Zion” [*ibid.* 8:18]. This is as we have written, and it says, “The Lord shall reign forever” [Psalms 146:10], “Blessed is the Lord from Zion, He who dwells in Jerusalem” [*ibid.* 135:21]. “Jerusalem built up” refers to the earthly one, as a city knit together with the heavenly one.⁴³

The entire passage, or its earlier source, is predicated upon the sexual reading of the verb *avo*, found in the verse of Hosea. While its original meaning is “enter,” semantically speaking it may signify also “will have an intercourse with.” This sexual reading is possible if the verse from Psalm 132 is read not as dealing with synonyms: Zion and Jerusalem, but as references to two different entities, male and female respectively. What is quintessential for my discussions below is that the verse of Hosea has been attributed to God, and this is also the way in which it has been perceived in the Kabbalistic interpretations. This unequivocally sexual interpretation of the verse become a cornerstone for many Kabbalistic discussions found in the three most important corpora in Kabbalah: the Zoharic, the Cordoverian and the Lurianic literatures, as well as the views of the influential R. Isaiah Horowitz and R. Moshe David Luzzatto, only a few of them will be mentioned below in this limited context.

R. Ezra explicitly claims that the polar understanding of the symbolic and the sexual valences of the terms Zion and Jerusalem as a couple is already known. This is just one case in his writings in which he claims to have received symbolic interpretations of biblical terms.⁴⁴ In this case, however, there is supporting material to confirm it, as seen in the material adduced above, as to the sexual meaning of Jerusalem as a female.

The definition of the relationship between Jerusalem and Zion as coupling appears also in a text in the *Commentary on the Pentateuch* of R. Menahem ben Benjamin Recanati, an Italian Kabbalist (early 14th century). This text apparently is a faithful transmission, or at the very least continuation, of the conceptual position of R. Ezra.⁴⁵ Recanati writes:

⁴³ *Likkutei Shikhehah u-Feah*, fol. 6b (Tractate Ta’anit), and the late 13th century codex MS Parma, de Rossi 1390, fol. 113b. In my opinion, this version is preferable to that cited by his compatriot and younger contemporary R. Azriel of Gerona in his *Commentary on Talmudic Aggadol*, ed. by I. Tishbi (Jerusalem: Mekize Nirdamim, 1945), pp. 29–30, which makes no mention of the coupling. However, the words “no copulating” are not to be regarded as a later accretion, since I have found them in a citation from the commentary of R. Ezra on *aggadol* already appearing in a work written in the second half of the thirteenth century; the anonymous commentary on prayers found in many manuscripts, inter alia, in MS Paris, BN 848, fol. 12b. See now the edition of Adam Afterman, *The Intention of Prayers in Early Ecstatic Kabbalah* (Los Angeles: Cherub Press, 2004), pp. 78–79, 225 (Heb.) For the rhetorical background of the statement of R. Yohanan in its Talmudic context, see R. Kimelman, “Rabbi Yohanan and Origen on the Song of Songs,” *art. cit.*, pp. 586–587.

⁴⁴ See M. Idel, *Absorbing Perfections*, *op. cit.*, p. 248.

⁴⁵ Recanati mainly copied the statement of R. Ezra. Several lines after the passage cited below, Recanati copied R. Ezra’s commentary on the above-cited dictum from *BT, Niddah*.

There is an allusion to his pure coupling⁴⁶ in what is written in Chronicles:⁴⁷ "Jerahmeel had another wife, whose name was *'Atarah*." Understand this well: she was called *'Atarah*, for she encompasses [*me'atteret*] all the degrees⁴⁸ that precede her and she was included in them all. Accordingly, King Solomon made six steps for the throne; the general rule was to join them together and not to lop off between them, as he said, "and both have the same life-breath" [Ecclesiastes 3:19]. It is further written: "Awake, awake, O Zion! Clothe yourself in splendor; put on your robes of majesty, Jerusalem, holy city!" [Isaiah 52:1]. When you contemplate [the meaning of] this verse, you will discover the union of Zion and Jerusalem, i.e., the attribute of mercy with the attribute of strict justice, and the union of the heavenly Jerusalem with the majesty of Israel.⁴⁹

Recanati's view that Jerusalem and Zion correspond to the attributes of strict justice and mercy respectively clearly parallels R. Ezra's teachings on this topic. Recanati, as does R. Ezra in his commentary on the tractate of *Megillah*, defines the relationship between Zion and Jerusalem with the term "union," and it may reasonably be assumed that the "pure coupling" which means coupling in a state of purity, at the beginning of Recanati's passage is of significance within this context.

R. Ezra, apparently in the first clear instance in the Kabbalistic literature, and Recanati following, drew an emphatic distinction between Zion and Jerusalem; they cease to be synonymous, as it is often times in the Hebrew Bible, and are transformed into symbols of the male force confronting the female force within the Godhead.

The identification of Jerusalem with a female entity as part of a sexually distinguished couple is therefore not a Kabbalistic innovation, and it is related to the above-mentioned early traditions, or to other, parallel ones which have not survived. The conception of Zion as a clearly male symbol however has, to the best of our knowledge, no basis in the early sources — both Jewish and non-Jewish — and this apparently is an innovation from the school of the Kabbalists of Provence or Gerona. The clearly masculine nature of Zion recurs in other places in R. Ezra's writings, even if the sexual element is not stressed.

In addition to its above-mentioned identification with the *sefirah* of *Hesed*, Zion is associated also with the *sefirah* of *Yesod* [foundation; *sefirah* no. 9], which is the most prominent male *sefirah*. Explaining the Talmudic dictum "The world was created [starting] from Zion,"⁵⁰ R. Ezra writes: "For it is the

⁴⁶ Of scholars on Sabbath eves; this topic was discussed by Recanati before the passage cited here.

⁴⁷ Following I Chronicles 2:26.

⁴⁸ Namely the nine higher *sefirot*.

⁴⁹ *Commentary on the Torah*, fol. 11d. This discussion is alluded to by Recanati, *ibid.*, fol. 82b.

⁵⁰ *BT. Yoma*, fol. 54b. For the female nature of Zion in the Biblical sources, see Barbara B. Kaiser, "Poet as Female Impersonator: The Image of Daughter Zion as Speaker in Biblical Poems of Suffering," *Journal of Religion*, vol. 67 (1987), pp. 164–182 and above note 1.

middle point, and it is opposite the middle line, which is the beginning of the two worlds."⁵¹ Zion is the center of the world — the middle point⁵² — just as the middle line is the center of the seven *sefirot* of the building, namely the lower seven *sefirot*: Zion is a geographic location, the center of the lower world, symbolic of the higher Zion, the *sefirah* of *Yesod*, the center of the world of the *sefirot*. It is in light of this analysis that we are to understand R. Ezra's statement in his *Commentary on the Song of Songs*:

The middle line, which is [stemming] from the attribute of mercy, which is Zion; this is the meaning of what is said, "From Zion, perfect in beauty, God appeared" [Psalms 50:2].⁵³

R. Ezra was not the first to draw the connection between Zion and the middle line; in his *Commentary on the Talmudic 'Aggadot* he brings, in the name of the pious one, i.e., his teacher Isaac the Blind, the following teaching about Zion, without mentioning however Jerusalem as its counterpart:

For it is the middle line, the drawing down of vitality and watering, which extends from the brain⁵⁴ to the spinal cord, extending from there to the sinews in all directions.⁵⁵

The passage describes in fact the descent of the seed from the brain to the male organ, as part of a physiology current in the Middle Ages, which informed many Kabbalistic texts, as we shall see also below.

The three types of symbolisms connected with Jerusalem and Zion, one the sexual, the other that of the center, (implicitly also an omphalic perception), and finally the image of the spinal cord descending for the brain, and watering Jerusalem as a feminine power, which occupy a prominent position in the writings of R. Ezra, constitute main patterns in the development of the symbolism of theosophical Kabbalah concerning the two geographical designations, as we shall see in more details below. There are a considerable number of deviations in

⁵¹ Printed in *Liqqutei Shikhehah u-Fe'ah*, fol. 11b.

⁵² The term middle point in reference to the passage in *Yoma* also appears in the writings of R. Ezra's contemporary, Nahmanides; see the latter's commentary on Job 38:6, in Chavel (ed.), *Collected Writings of Nahmanides* (Jerusalem, 1963), vol. I, p. 116 (Heb.).

⁵³ Ed. Chavel, p. 512. It should be noted that in two other passages R. Ezra maintains that it is the totality of 'Eretz Israel that corresponds to the middle line or the inner line; see his *Commentary on 'Aggadot*, printed in *Liqqutei Shikhehah ve-Fe'ah*, fol. 15a, and the response of R. Ezra published by Gershom Scholem, "A New Document for the History of the Beginning of Kabbalah," *Sefer Bialik* (Tel Aviv, 1934), pp. 161–162 (Heb.) and M. Idel, "Land of Israel," pp. 177–178.

⁵⁴ Whether the brain is already here a symbol for the first *sefirah*, as we shall below in some Kabbalistic texts, is not totally clear.

⁵⁵ *Commentary on 'Aggadot*, MS Parma, de Rossi 1390, fol. 113b. More on the descent of the influx from the first *sefirah* conceived of as brain see below in the discussions on the book of the *Zohar* and in the passage of R. Isaac of Acre. See also Daniel Abrams, *The Female Body of God in Kabbalistic Literature*, *op. cit.*, p. 108.

certain details from the expositions of R. Ezra, and obviously expansions and developments, but major conceptual innovations as to the significance of Jerusalem are present only in the discussions of another Kabbalistic school, that of ecstatic Kabbalah, where the feminine and hypostatic aspect of the city do not occur.

This is the place for a survey of several discourses appearing in the writings of the Kabbalists who undoubtedly were nurtured from the speculative systems of the Kabbalists of Gerona. Although Isaac the Blind had already identified Zion with the middle line, i.e., *Yesod*, the term "Zion" also acquires an additional significance among the Kabbalists of Gerona, as representative of the *sefirah* of *Malkhut* [kingdom; *sefirah* no. 10]. It may reasonably be assumed that R. Azriel of Gerona (the first half of the 13th century) had already followed this path; he states in his *Commentary on the Talmudic 'Aggadot*:

The meaning of Jerusalem is that there peace will appear [*yir'eh shalom*], and the meaning of Zion is that there is a mark [*ziyun*] for all those located [*me-zuyanim*] on the border.⁵⁶

The expression "all those located on the border" may be interpreted as an allusion to the *sefirah* of *Malkhut*, the last in the series of *sefirot*.⁵⁷ Consequently, "Zion" symbolizes here the *sefirah* of *Malkhut*. But another statement of the same R. Azriel assesses "And these are the names which are fit to be spoken with the attributes with which the Lord is known and revealed. At times *Knesset Yisra'el* is called Zion, because it excels in the commandments, as it is said, '[I] have said to Zion: You are My people' [Isaiah 51:16]" provides decisive support for another possibility mentioned by Y. Tishbi, that the mention of the "attributes," i.e., the *sefirot*, compels us to distinguish between Zion and Jerusalem, i.e., between *Yesod* and *Malkhut*. In speaking, however, of Zion as *Knesset Yisra'el*, R. Azriel thereby identifies Zion with the *sefirah* of *Malkhut*. This tradition was preserved also in the Kabbalah by the school of Nahmanides and is mentioned in several texts, at times accompanying the association of Zion with *Yesod*. An anonymous *Commentary on Ten Sefirot* written during the lifetime of R. Solomon ben Abraham ibn Adret states, for example:

Malkhut, [Kingship] *Atarah*, [Diadem] *Hokhmat Shlomo*⁵⁸ [the Wisdom of Solomon], and *Shalem*; and the rabbi, R. Solomon ben Adret, may the Merciful One protect and bless him, writes that it is also called *ziyun* [spelled the same as *ziyon*, Zion]: "he shall erect a marker [*ziyun*]⁵⁹ beside it" [Ezekiel 39:15].⁶⁰

⁵⁶ Ed. Tishbi, p. 30.

⁵⁷ *Ibid.*, n. 3.

⁵⁸ For the identification of hypostatic Jerusalem with Wisdom see also above, in a Gnostic Valentinian passage. Also in Gnostic texts, the feminine aeon is sometime described as found on the borderline of the Pleroma and the created world.

⁵⁹ In the Biblical source, the first Zion is vocalized *Ziyyun*.

⁶⁰ MS British Library Reg. 16 A.X., cat. Margoliot no. 755, fol. 93b; MS Berlin 122 (Or. 8 538), fol. 96a. See also below the similar view adduced in the next section.

We may assume that by colliding Zion and Jerusalem as symbols of the same *sefirah*, the feminine one, the sexual overtone of the relationship between the two entities disappears.

4. Jerusalem and Zion in Nahmanides' Kabbalistic School

In contrast to the above-mentioned identification of Zion with Malkhut, we possess two other testimonies to the effect that R. Solomon ben Abraham ibn Adret received from his master Nahmanides another tradition, viz., that Zion is a symbol for Yesod, though the tradition of Zion as Malkhut is attributed to another pupil of Nahmanides, the Kabbalist R. Isaac Todros (Barcelona, late 13th century) by one of the latter's disciples. R. Shem Tov ibn Gaon, a common student of the two Catalan Kabbalists mentioned above, writes in his book supercommentary on Nahmanides' secrets found, according to his view in the Pentateuch, Keter Shem Tov, regarding the sefirah of Yesod:

And I received from my teacher, R. Solomon ben Abraham Adret, the great one of the generation, may the Merciful One protect him, who received from his teacher, the master, of blessed memory,⁶¹ that it is Zion, and the sign of this is "he shall erect a marker beside it..." [Ezekiel 39:15]. My master, the pious one, R. Isaac Todros, may the Merciful One protect him, found an explicit [proof] for [the tradition of] our master, of blessed memory, in the portion of *Ve-Zot ha-Berakhah* [Deut. 33–34] and in other places to the effect that *Hokhmat Shlomo* is called Zion. I stated before him that all was true according to the words of our master,⁶² of blessed memory, in truth and in faith, including everything, and he agreed and said, [This is] correct.⁶³

Under the influence of R. Shem Tov's writings, the author of the classical book of Kabbalah entitled *Ma'arekhet ha-'Elohut* states concerning *Yesod*:

⁶¹ Namely from Nahmanides.

⁶² Again Nahmanides.

⁶³ Following MS Paris BN, 774, fol. 76a. The text in the published version in the book *Ma'or va-Shemesh*, ed. Yehudah Qoriat (Livorno, 1839), fol. 26b, is distorted. It also is copied in *Sefer Me'irat 'Einayim* by R. Isaac of Acre; see ed., Ch. A Erlanger, second edition (Jerusalem, 1993), pp. 7, 315, and see also the 14th century anonymous Kabbalistic book *Sefer ha-Shem*, printed in the book *Heikhal ha-Shem* (Venice, 1601), fol. 32a: "And they said that *Yesod* is called Zion and this attribute [*Malkhut*] is called Jerusalem... and when they are together, you shall call it Zion, for it is the City of David, as well as Zion, in the sense of shall erect a marker beside it, and Zion is the holy of Israel." A distinction between Zion and *Malkhut* is to be found in the writings of Nahmanides himself who wrote: "The Holy One, blessed be He, will gladden us in Zion, Zion will be glad in its sons, and He will gladden it with His Divine Presence." Published in E. Kupfer, "The Concluding Portion of Nachmanides' Sermon *Torat Ha-Shem Temima*," *Tarbiz*, 40 (1970–71), p. 80 (Heb.). Presumably the Divine Presence (= *Malkhut*) will gladden Zion (*Yesod*).

And R. Solomon ben Abraham Adret said that he received [an oral tradition] from Nahmanides, of blessed memory, that this attribute is called Zion, giving it a sign, this *ziyun*. But this does not appear to be so in his commentary... or perhaps the main meaning of Zion is *Malkhut*.⁶⁴

Evidence of the difficulties surrounding the precise meaning of the term Zion in the circle of R. Solomon ibn Adret in Barcelona is preserved in the anonymous collection of Kabbalistic traditions gathered by one of his pupils:

The sage R. Ezra follows this method, that Zion is an allusion to the middle line, and brings as a sort of proof⁶⁵ "from Zion, He who dwells in Jerusalem." He similarly interprets "The Lord shall reign forever..." [Psalms 146:10] to mean that this includes the entire Godhead. My master, may the Merciful One protect him, noted that he had similarly⁶⁶ heard this orally from the master,⁶⁷ of blessed memory; when he saw this in the commentary, he wondered⁶⁸ at his [interpretation], and said that this is an allusion to the heavenly Jerusalem, and that this is Mount Zion; the reason why Mount Zion is written about it, is that their [i.e., the heavenly Jerusalem and Zion] name [together] is from the city of the Lord of Hosts, who dwells in Mount Zion. Thus wrote the above-mentioned sage in the name of the pious one, of blessed memory.⁶⁹

These doubts indicate that the early Kabbalistic tradition did not unequivocally identify Zion with *Yesod*. It may reasonably be assumed that the disagreement between the two traditions preceded R. Ezra, a support for this conjecture been provided by the above-mentioned passage from the *Commentary on 'Aggadot* of R. Azriel of Gerona. The issue, however, apparently had already been decided in the writings of R. Ezra, as preferring the sexual polarity. In any case this polarity perceived by Kabbalists between Zion and Jerusalem enabled some earlier Kabbalists to depict the relationship between the two *sefirot* *Hesed* and *Gevurah*, and afterwards between *Yesod* and *Malkhut* by employing the symbolism of Zion and Jerusalem.⁷⁰ As was shown above, this relation-

⁶⁴ Ed. Mantua 1558, fols. 66b–67a. On fol. 73a Zion has the clear meaning of *Malkhut*; see also Tishbi, in his edition of R. Azriel's *Commentary on 'Aggadot*, p. 30 n. 3, and the statement by R. Joshua ibn Shu'aib in his commentary on the esoteric teachings of Nahmanides, pericope *Ve-Zot ha-Berakhab*. For the connection between the books *Keter Shem Tov* and *Ma'arekhet ha'Elohub*, see Gottlieb, *Bahya ben Asher*, pp. 249–259, and especially p. 252.

⁶⁵ The reference apparently is to two separate discussions by R. Ezra appearing in his *Commentary on Talmudic Aggadot* (see above).

⁶⁶ Thus in MS Harvard; and in MS Cambridge, here (*ku'n*).

⁶⁷ Namely Nahmanides.

⁶⁸ Thus in MS Harvard; and in MS Cambridge, "pirkei tavha" has no meaning.

⁶⁹ Thus in MS Harvard 58, fol. 105a, which corresponds, with minor changes, to MS Cambridge, Add. 671, 8, fol. 124a.

⁷⁰ The occurrence of couples of divine powers can be understood as a matter of syzygies, or in some cases of binitarianism or ditheism.

ship has distinctly sexual undertones, which exerted great influence upon the Kabbalistic literature of the school of the *Zohar*, as we shall see below.

“My master, may the Merciful One protect him,” is undoubtedly R. Solomon ben Abraham [ibn] Adret, who received from his teacher Nahmanides a tradition similar to that of R. Ezra, i.e., that Zion symbolizes *Yesod*. In contrast, “the pious one,” i.e., R. Isaac Todros, another student of Nahmanides, inherited another opinion, as is learned from the above passage from *Keter Shem Tov*, that Zion alludes to the *sefirah* of *Malkhut* or to the heavenly Jerusalem. Noteworthy in this context is the Kabbalistic text which stems from the Nahmanidean school of Kabbalah, and speaks of the *sefirah* of *Malkhut*:

It is the heavenly Jerusalem, which in the prayers is called Zion, for it is the symbol [*ziyun*] of all the powers... therefore women are obligated to observe prohibitions, for they are from the same source.⁷¹

Zion in this context undoubtedly means *Malkhut*. It seems that Nahmanides followed the synonymy of Zion and Jerusalem as both identified as a feminine hypostasis, as in the book of his teacher, R. Yehudah ben Ya'qar of Barcelona and implicitly in the *Bahir*.

However, in a parallel text, found in an anonymous collection of Kabbalistic traditions I found in the phrase “symbol of all the powers” is understood differently than Jerusalem, the feminine *sefirah*:

“Blessed is the Lord from Zion” [Psalms 135:21] — the Lord is *Ateret* [the crown], from Zion, the *Tiferet*, or the *Yesod*, and he calls *Yesod*, Zion, because it is the treasury of souls, as is said, “What monument [*ziyun*] is that” [II Kings 23:17]. And because it is being fruitful and multiplying,⁷² it says: “This teaches that Israel were *mezuyyanim*, [excellent, instead of the word *mezuyyanim*, distinct found in the Haggadah] i.e., they were fruitful and multiplied, and it, *Tiferet*, which is the symbol [*ziyun*] of all powers,⁷³ is called Zion.” “Thus is called the House of the Lord,” which is *Tiferet*,⁷⁴ and it is called everything, as it is said, “It is I, the Lord, who made everything” [Isaiah 44:24], which is the heavenly Jerusalem, which is *Tiferet*, which is the symbol of all the powers.⁷⁵

This passage may reflect a tradition committed to writing in early 14th century. Accordingly, the phrase “symbol of all the powers” has both a feminine

⁷¹ Discussed by G. Scholem, *Elements of the Kabbalah*, *op. cit.*, p. 285. Compare also to M. Idel, *Kabbalah & Eros*, *op. cit.*, pp. 247–250 as to the Kabbalistic valence of the deeds of women. For an additional example see R. Moshe Cordovero, *Or Ya'qar* (Jerusalem, 1978), vol. 8, pp. 1–2.

⁷² Here the sexualized vision of Zion is evident.

⁷³ Namely of all the divine powers, namely the higher nine *sefirot*.

⁷⁴ I assume that House is a symbol of *Malkhut*, while the Lord, in the original verse the Tetragrammaton, stands for *Tiferet*.

⁷⁵ MS Paris BN 859, fol. 6a. See also *ibid.*, fol. 10b.

meaning — *Malkhut*, and a masculine meaning — *Tiferet*, as does the word Zion.⁷⁶ The description of the masculine as the marker or symbol of “all the powers” is reminiscent of the Gnostic description of Jesus as the husband of the Sophia, as the “joint fruit of the Pleroma” in a passage discussed above.

The introduction of the polarity within the biblical verses that are based on the stylistic device of parallelism between two parts of the same verse, as if they refer to a sexual couple is central form the understanding of Kabbalistic hermeneutics in the theosophical-theurgical Kabbalah. However, this type of exegesis is not an approach invented by the medieval authors, as we find it already in a classical Rabbinic source, the Palestinian Talmud, which could have been known to the early Kabbalists.⁷⁷ Therefore, it is probably not only that a feminine hypostatic view of Jerusalem has been inherited from earlier sources, but also an exegetical approach to the Bible, based on a sexual polarity, has been part of the exegetical practice in some forms of Rabbinic Judaism.⁷⁸

5. Jerusalem as a Feminine Sexual Hypostasis in Castilian Kabbalah

In the last third of the 13th century the vast Kabbalistic literature written in Castile was characterized by an elaborated system of sexual symbolism, focusing on the unification of the *sefirot* of *Tiferet* (or *Yesod*) and *Malkhut* as a process of male-female coupling.⁷⁹ The many erotic images had a purpose: to denote the aspiration towards unity within the divine world.⁸⁰ The already existing and diverging symbolism of Zion and Jerusalem,⁸¹ found in ben Yaqar, the book of *Bahir*, and in some Nahmanidean traditions, was integrated into more comprehensive Kabbalistic system, with the *Zohar* providing the central contribution to this development. Thus, e.g., we read in the Zoharic literature:

⁷⁶ See also MS Berlin 122, Or. 80#538, fol. 85a.

⁷⁷ See the discussion in M. Idel, “Leviathan and its Consort, From Talmudic to Kabbalistic Myth,” in Ithamar Gruenwald and M. Idel (eds.), *Myths in Judaism: History, Thought, Literature* (Jerusalem: Zalman Shazar Center, 2004), p. 155 note 34 (Heb.).

⁷⁸ See also my view that the entire structure of ten divine powers, found higher than the regular ten *sefirot*, together with the concept of Infinite, may stem from earlier, late antiquity sources. See M. Idel, “About Theosophy at the Beginning of Kabbalah,” in Z. Gries Ch. Kreisel, B. Huss *Shefa* (eds.), *Tal, Studies in Jewish Thought and Culture presented to Bracha Sack* (Beer Sheva: Ben Gurion University Press, 2004), pp. 131–158 (Heb.).

⁷⁹ See G. Scholem, *Elements of the Kabbalah*, *op. cit.*, p. 294 ff.

⁸⁰ Also the procreation is part of the significance of this process, an issue that is not found in this passage.

⁸¹ The view that Zion is *Malkhut* and not *Yesod*, recurs several times in R. Todros ha-levi Abulafia's Kabbalistic writings. See, e.g., his *Sha'ar Ha-Razim*, ed., Michal Kushnir-Oron (Jerusalem, 1989), p. 85 and his *Otzar ha-Kavod* (Warsaw, 1879), fol. 18ab.

R. Phineas began and said, "May the Lord bless you from Zion; may you share the prosperity of Jerusalem" [Psalms 128:5]. "May the Lord bless you from Zion" — what is the reason [for the blessing to be] from Zion? Because a surfeit of blessings are located there;⁸² this is the meaning of what is written, "There the Lord ordained blessing, everlasting life" [*ibid.* 133:3]. Accordingly, the Lord will bless you from Zion, for from there the blessings issue for all. "May you share the prosperity of Jerusalem" — because it is on behalf of Zion that Jerusalem is blessed; since Zion is filled with blessings, then Jerusalem is blessed, and mercy is present in it.⁸³ Since Jerusalem is blessed, the entire people is similarly blessed. "All the days of your life" [*ibid.* 128:5] — that the rainbow not appear during your days as it did to your fathers.⁸⁴ Accordingly: "May you share the prosperity of Jerusalem all the days of your life, and live to see your children's children."⁸⁵

This exposition splits the verse in Psalms into its two branches: the first deals with Zion, which symbolizes the *sefirah* of *Yesod*, denoting the male sexual organ containing the blessings, i.e., the seed. The second clause makes mentions of Jerusalem (the female), which receives blessing and prosperity from Zion; only after the coupling between them will the Jewish people be blessed with plenty. This interpretation is supported by the continuation: the rainbow — a clearly sexual symbol — which is parallel to *Yesod*, is conceived of as superfluous as long as a righteous person is present in the world and is capable of coupling with the *sefirah* of *Malkhut* in place of the *sefirah* of *Yesod*;⁸⁶ such a righteous one was R. Simeon bar Yohai, and R. Phineas wishes that his son will attain the level of his father.

An additional example of patently sexual symbolism appears at the end of *Idra Zutta*, in one of the most "sublime" scenes in the entire *Zoharic* literature:

When this Matrona⁸⁷ joins with the King, all the worlds are blessed and are present in the general rejoicing... for they are two degrees, above and below, and therefore only the High Priest, who is from the aspect of *Hesed*, may enter there, so that the place above will be entered only by [the level] called *Hesed*. He enters the Holy of Holies, and the female is exhilarated and is blessed,

⁸² I have preferred the version [to be found] instead of to participate. The verb recurs in the continuation of this text in a similar context, as well as in a passage from *Idra Zutta* cited below.

⁸³ The sentence is possibly to be understood as follows: When compassion is present in Jerusalem, then it is blessed; compassion [*Rahamim*] is a male symbol, as we have seen above in the writings of R. Ezra, and as we will see below in the discussion of the passage from *Idra Zutta*. Commonly regarded as representing the attribute a minor judgment, the nature of the feminine power changes to mercy because of the seed of the male regarded as more positive.

⁸⁴ *BT Ketubot*, fol. 77b.

⁸⁵ *Zohar*, III, fol. 36a.

⁸⁶ See: *ibid.*, 2, pp. 298–300.

⁸⁷ I.e., the *sefirah* of *Malkhut*.

and from this⁸⁸ *Hesed* he enters the Holy of Holies, within⁸⁹ the place called Zion. Zion and Jerusalem are two [supernal] levels, one mercy and the other strict justice. Zion, because it is written, "Zion shall be saved in the judgment" [Isaiah 1:27]; Jerusalem, because it is written, "where righteous dwelt" [*ibid.*], as we have seen. And all the desire of the male is to the female here, and they will be called blessing, for from there issue forth blessings to all the [lower] worlds, and all are blessed. This place is called holy, and all the holinesses of the male enter there with the same level which we have mentioned, and they all come from the supernal head of the skull of the male, from the supernal brain⁹⁰ located in it, which draws blessing to all the limbs of the body, to those [limbs] which are called Hosts. All the influxes drawn from the entire body gather there,⁹¹ and therefore they are called Hosts, for all the hosts of the upper and lower ones issue forth there. This flowing, after it is gathered there, is steeped in the holy [supernal] foundation, all white, and therefore it is called *Hesed*. This *Hesed* enters the Holy of Holies, for it is written, "There the Lord ordained blessing, everlasting life" [Psalms 133:3].⁹²

This passage requires a precise explanation. The first matter demanding our attention is the statement by the author that Zion and Jerusalem are two levels, meaning that they represent two different *sefirot*, unlike their biblical synonymy. The essential nature of these *sefirot* is indicated by his discussion of the Holy of Holies: "Holies" are the seed which descends from the brain and are gathered from all the limbs, enter the sexual organ of the male, and become white;⁹³ "Holy" is *Malkhut*, the female, which receives the holies, i.e., the blessing and life.⁹⁴ In comparison with this interpretation, Zion and Jerusalem are to be regarded as male and female. The description of the white

⁸⁸ My translation is based on a text that diverged from the printed version of the book of *Zohar*, using instead the passage from *Idra Zutta* as quoted in *Commentary on the Pentateuch* by Menahem Recanati, fol. 62b: "And it is blessed, and from that [supernal] compassion it enters the Holy of Holies."

⁸⁹ The original reads, "among," and is apparently a corruption.

⁹⁰ See above the passage of R. Ezra, and below, the discussion of the heavenly Jerusalem as *Keter* and brain in the passage I propose to attribute to R. Isaac of Acre.

⁹¹ See the view of R. Ezra mentioned above.

⁹² *Zohar*, III, fol. 296ab.

⁹³ For this conception of the formation of seed, found in medieval physiognomy and in the book of the *Zohar* see Yehuda Liebes, *Sections of the Zohar Lexicon* (Ph.D. thesis, Hebrew University, Jerusalem, 1976), pp. 253–254, par. 365 (Heb.).

⁹⁴ Cf. the existence of a different conception in the book *Sheqel ha-Qodesh* by R. Moses de Leon, ed. by Charles Mopsik (Los Angeles: Cherub Press, 1996), pp. 24–25. According to de Leon, the term "holy" symbolizes the *sefirah* of *Hokhmah*, while *Binah* is represented by the term holies: "The root of the *Heikhal* is from this holy, and it is called the holy *Heikhal*, for the holy made a *Heikhal* in which to dwell. The holy of holies is the root of the holy which is the root of the heavenly point and this *Heikhal*, which is holies. Accordingly, all the essences formed within it are called holies, which are inner holies, for all the holies emanating from the power of the drawing of *Hokhmah* and all the emanations and appearances, which come forth from within it and enter *Binah* and their junction together, without division, are called the holy of holies."

seed corresponds to the above-mentioned depictions in the writings of R. Ezra, and his view is reflected strongly also in the contrast drawn by *Idra Zutta* between the attributes of strict justice and mercy.⁹⁵ This Zoharic passage seems to be the major source for the later developments of the “point of Zion”, some specific and limited place within the space of the last *sefirah*, where the *Yesod* is conceived of as penetrating.⁹⁶ Thus, the quandary as to the precise sefirotic power with which Zion is identified, *Yesod* or *Malkhut*, found in early Kabbalah and in the Nahmanidean school, has been solved by the author of the *Idra Zutta* in a synthetic manner. Zion may be the *sefirah* of *Yesod*, but the limited male presence within the female, designated by many discussions as the “point of Zion.” This theory, which is based on a sharply sexualized understanding of the Temple, has been elaborated in many details in some discussions by R. Moses Cordovero and in R. Isaac Luria’s Kabbalistic writings.⁹⁷

A discussion found in the *Zohar* exploits the possibilities created much earlier by *Targum Onqelos*, one of the Aramaic translations of the Bible:

“Great is the Lord⁹⁸ and highly to be praised, in the city of our God, in the mountain of his holiness” [Psalms 48:2]. Then is the Lord called “great?” When *Knesset Yisra’el* [the congregation of Israel] is to be found with Him, as it is written, “In the city of our God is He great.” “In the city of our God” means “with the city of our God”... and we learn that a king without a queen is not a [real] king, and is neither great nor praised. Thus, so long as the male is without a female, all his excellence is removed from him and he is not in the category of Adam, and moreover he is not worthy of being blessed... “Beautiful for situation, the joy of the whole earth, Mount Zion, the side of the North, the city of the great King.” [The meaning of the verse is] “Beautiful for situation, the joy of the whole earth” stands for the excellence of their [sexual] intercourse. “Beautiful for situation” [stands] for the Holy One, blessed be He, who is the Righteous, [who is] “the joy of the whole earth” and then it is the delight of All, and *Knesset Yisra’el* is blessed.⁹⁹

The Zoharic interpretation of the terms describing the city of Jerusalem. *Yefeh nof*, a beautiful view, is understood as a symbol for divinity, more precisely the

⁹⁵ Cf. *Zohar*, I, fol. 186a.

⁹⁶ See the contrasting opinion of G. Scholem, *Elements of the Kabbalah*, *op. cit.*, p. 206, note 79, who interprets Zion to mean the womb of the Divine Presence. R. Moses de Leon’s book, *Sheqel ha-Qodesh*, ed. by C. Mopsik, p. 73 does indeed contain a quite clear allusion connecting Zion to *Malkhut*: “That Zion whom no one seeks out [Jeremiah 30:17] — no one seeks it out from heaven, for the Holy One, blessed be He, had sworn He would not enter it until Israel would enter the earthly Jerusalem.” Despite this allusion, I tend to regard Zion as *Idra Zutta* as a symbol of *Yesod*, which enters *Malkhut* for, as we saw in note 94 above, there are contradictions between the symbolism of the *Zohar* and that in *Sheqel ha-Qodesh*.

⁹⁷ See, e.g., below note 130.

⁹⁸ Again the Tetragrammaton, standing for the *sefirah* of *Tiferet*.

⁹⁹ *Zohar*, III, fol. 5a. See also M. Idel, *Absorbing Perfections*, *op. cit.*, pp. 308–309.

ninth *sefirah*, *Yesod*, which is the male divine power par excellence, identified with the *membrum virile*. This limb, which is to be used only in holiness — an imperative recurring frequently in the *Zohar* — is representative in the Zoharic symbolism of the quality of righteousness, both the divine (the ninth *sefirah*), and the human. This sexual reading is fostered by the occurrence in the same verse of the term *masos*, translated here as joy and delight, which occurs in several other Jewish texts in the context of the desire of the bridegroom for the bride. Indeed, the erotic connotation implied in the reading of *yefeh nof* as a bridegroom is not completely new with the *Zohar*: it is inspired by the much earlier Onqelos Aramaic translation of this verse: “Beautiful, like a bridegroom who is the delight of the inhabitants of the whole earth.” The biblical *masos* has been translated into Aramaic as *hedwatah*, which is followed by the term *kol*, a fact that inspired the emergence of the Zoharic phrase *hedwatah de-kullah*. I suspect that the term “earth,” *ha-'aretz*, was understood by the author of the *Zohar* as a symbol for *Malkhut*, which is synonymous in the theosophical-theurgical Kabbalah with *Knesset Yisra'el*, all of them serving as symbols for the feminine divine manifestation.

A short discussion alluding to the *Zohar's* understanding of the verse in Psalms 133 appears in the writings of R. Joseph Gikatilla, a contemporary of the authors of the *Zohar*. He writes in *Sha'arei 'Orah*:

Blessing comes to the world only by means of Zion, when it discharges its blessings in Jerusalem. As it is said, “like the dew of Hermon that falls upon the mountains of Zion. There the Lord ordained blessing, everlasting life” [Psalms 133:3]. The “mountains of Zion” are [the *sefirot*] *Netzah* and *Hod*, the source of the fine oil which is drawn to Zion, from where it descends to Jerusalem.¹⁰⁰

The sacred static geography was interpreted in terms of a dynamic theosophy. The geographical terms that most of the Spanish Kabbalists knew only from the study of the Hebrew Bible turned into symbols of stages and process within the divine realm, thus infusing in the canonical text significance beyond time and space.

Both in the *Zohar* and in Gikatilla's *Sha'arei 'Orah*, the same verse from the Psalm is used in order to describe the relationship between Zion and Jerusalem. As does the book of the *Zohar*, Gikatilla too regards Zion and Jerusalem as symbols of *Yesod* and *Malkhut*. Finally, worthy of special attention is the fact that the Holy of Holies is conceived in the *Zohar* as the location of the coupling, similar to the conception appearing in the *Gospel of Philip* from the Nag Hammadi Library and discussed above, thus indicating that the most important elements of the description of Jerusalem and Zion in the Zoharic composition entitled *Idra Zutta*, were already in existence at the beginning of the

¹⁰⁰ Ed. Yosef ben Shlomo (Jerusalem: Mossad Bialik, 1971), vol. 1, p. 130; cf. *ibid.*, p. 133.

13th century, whether in a tradition similar to that in the *Gospel of Philip*, or whether in the writings of R. Ezra of Gerona, which undoubtedly were known to the authors of the *Zohar*. As we have already seen, R. Joseph Gikatilla and the authors of the *Zohar* shared a similar understanding of the verse in Psalms 133. In many other places as well Jerusalem and Zion clearly have the meaning of *Malkhut* and *Yesod* respectively. This is Gikatilla's terminology, and an additional example of which will suffice:

Regarding [what will happen in] the future, what is written? "For liberators shall march up on Mount Zion to wreak judgment on Mount Esau; and dominion shall be the Lord's" [Obadiah 1:21]. Then Jerusalem and Zion will join together, for Jerusalem is the royal city, and this is the meaning of "and dominion shall be the Lord's." And regarding the restoration of the *sefirot* to their pristine state, what is written? "And the strayed who are in the land of Assyria and the expelled who are in the land of Egypt shall come and worship the Lord on the holy mount, in Jerusalem" [Isaiah 27:13]. "On the holy mount" — this is Mount Zion. "In Jerusalem" — this is the royal city. The Rabbis, of blessed memory, alluded to the identity of "the strayed [lit., lost]" when they said, "The righteous one was lost." What did he lose? He lost righteousness.¹⁰¹ Therefore, "the strayed shall come" — righteousness has lost the righteous one, and the righteousness one has lost righteousness... righteous one and righteousness are what is called "the holy mount in Jerusalem." Based on this principle, the prayer¹⁰² includes the wording "[God] Who restores His Divine Presence to Zion," whose esoteric meaning is: "Blessed be the One who restores a lost object¹⁰³ to its owner."¹⁰⁴

The expression "its owner" undoubtedly refers to Zion, i.e., the male or *Yesod*, which has lost the female; i.e., the Divine Presence, the dominion, (symbolized by Jerusalem) has been separated from it but will return in the future. Their plainly sexual coupling is a clear sign of the Redemption,¹⁰⁵ which is depicted as the renewed union of Zion and Jerusalem. Here we have an additional element that is characteristic of the Castilian Kabbalah: the assumption that evil powers attempt to enter the divine sphere and the need to safeguard that sphere is attributed here to the tower named Zion. Esau, the symbol of the other nations, or of Christianity, are symbolized by the term "Mount Esau," just as the Jews were referred by Mount Zion.

¹⁰¹ In Hebrew this is a feminine noun, standing here for the lost female power.

¹⁰² Of the Eighteen Benediction.

¹⁰³ *Sha'arei Orab*, vol. I, pp. 133–134.

¹⁰⁴ Cf. *Sha'arei 'Orab*, vol. I, p. 123, in which it is clear that the retrieval of a lost entity has the meaning of the union of man and wife. For a parallel to most of the topics found in this quote see the anonymous Kabbalistic material found in MS Paris BN 859, fol. 10a.

¹⁰⁵ An exposition corresponding to that in *Sha'arei 'Orab* appears in the *Zohar*, III, fol. 266b, as noted by J. ben Shlomo, vol. I, p. 133, note 115.

An interesting exposition of the verse from Obadiah appears in the *Zohar*,

And when the Matrona returns to the place of the *Heikhal* and the King will engage in a single coupling with her, then everything will join together, without division; about this is it written, "In that day there shall be one Lord with one name" [Zechariah 14:9]: In that day: when the Matrona will return to the *Heikhal*, then everything will be unified, with no division, and then liberators shall march up on Mount Zion to wreak judgment... R. Shimon said: "the Matrona will not enter His *Heikhal* rejoicing until *Malkhut* shall judge Esau and extract vengeance from him for having caused all this; after this she shall couple with the King, and the rejoicing shall be complete."¹⁰⁶

Here we have a split between two feminine powers which were commonly conceived of as identical. *Malkhut* is described as turning toward the lower world and judging Esau, plausibly the Christians, on the one side, while the Matrona seems to be another power, related to the higher, divine male potency, in a sexual manner, on the other side.¹⁰⁷

An interesting development of the sexual symbolism surrounding Zion and Jerusalem appears in an anonymous *Commentary on Ten Sefirot*, presumably written in the 14th century. This work attempts to learn from the physical reality of Zion as a tower, and from Jerusalem as a city, about the sexual relationship between male and female, and that between *Yesod* and *Malkhut*, respectively:

For every Jew possesses the seal of the King.¹⁰⁸ Accordingly, since he possesses the seal of the King, he must guard it, not to bring it into a filthy place. Therefore the Torah was strict regarding [the intercourse with] *niddah* [menstrual impure woman] for this reason. Joseph merited seeing the divine attribute¹⁰⁹ because he guarded the seal of the King regarding the sin of the wife of Potiphar, and therefore he was called "righteous." Mount Zion is so called¹¹⁰ because the tenth [*sefirah*] is called the heavenly Jerusalem, which receives an emanation from *ha-Tzaddiq Yesod 'Olam* [the righteous, who is the foundation

¹⁰⁶ III, fol. 77b.

¹⁰⁷ This split may be an early indication for a similar distinction of the two divine potencies related to the last *sefirah*, in Lurianic Kabbalah.

¹⁰⁸ Namely the circumcision, related sometimes to the divine names. On this issue see Elliot R. Wolfson, "Circumcision and the Divine Name: A Study in the Transmission of Esoteric Doctrines," *Jewish Quarterly Review*, vol. 78 (1987), pp. 77–112.

¹⁰⁹ Presumably this is a reference to the Midrashic view that Joseph saw the image of his father Jacob, during the incident with Potiphar's wife. It should be pointed out that the Hebrew consonants of Joseph's name amount in gematria to the same numerical value as the consonants of Zion, namely 156.

¹¹⁰ Probably the term "Mount" is understood as the feminine power, which belongs to the masculine one, Zion. Here the construct form Mount Zion is interpreted as pointing to two entities.

of the world],¹¹¹ which is called Zion. For just as in the earthly Jerusalem there is Mount Zion, a tower defending the city, so too in the heavenly Jerusalem, that Mount Zion, is its spouse, [and] is protecting it from the accusers,¹¹² so that they will not enter her.¹¹³

The concept of defense of a city from the intrusion of the enemies, by its tower that has been interpreted as the male *sefirah*, Zion, conceived of as defending the female one, against the attack of the demonic powers. Thus, the feminine *sefirah* constitutes not only the sexual counterpart within the divine sphere, but is understood also as the subject of the rivalry between the divine and the demonic male powers, each seeking to conquer her. As such Jerusalem is conceived of as an entity in herself, whom the demonic powers besieged her, and the divine ones protect her.

6. Two Jerusalems in the Theosophical Structure

The Kabbalistic theosophies engaged above transformed a celestial Jerusalem, an idealized duplicate of the lower Jerusalem, into a female attribute of the divine sphere. The affinity between the terrestrial and the supernal have been indubitably changed by this emphasis on the feminine nature of the higher Jerusalem. However, an additional development should be noticed, in which also the concept of the lower Jerusalem has been understood as a symbol for a divine power. What has been described in earlier theosophies as the lower divine power and the heavenly Jerusalem, has been referred now as the symbol of the lower Jerusalem, while the heavenly one has been identified with even higher divine powers. This shift is part of a more comprehensive development in Kabbalistic symbolism that has not received the due attention in scholarship. It started in late 13th century or early 14th century, in the theosophical theories of R. Joseph ben Shalom Ashkenazi, of the author of

¹¹¹ For the recurrence of this phrase in order to refer to the ninth *sefirah* see in the passage to be discussed immediately below.

¹¹² Namely the demonic powers.

¹¹³ MS Moscow-Ginsburg 90, fol. 41b. A short version of this passage appears in MS Cambridge Add. 400, 7, fol. 692a. See also M. Idel, *Absorbing Perfections*, *op. cit.*, pp. 286–287. A parallel discussion, apparently preceding in time that in MS Moscow, appears in another anonymous *Commentary on Ten Sefirot* extant in MS Berlin Or. 122, fol. 91a, where it is said about the *sefirah* of *Yesod*: “And it is called Mount Zion, for the heavenly Jerusalem is as the earthly Jerusalem, and the heavenly Zion corresponds to the earthly Zion; just as (from the border) [*mi-gevul*; the correct reading is *migdal*, the fortress] of Jerusalem and the fortress [*migdal*, instead of the faulty *mugdāl*] guarding the city, so too does the supernal fortress [*mugdāl*], which is the righteous, guard the tenth [*sefirah*], i.e., Jerusalem, from the demonic powers.” This passage has been appropriated in the classic of Kabbalah called *Sefer ha-Peliyah*, a late 14th or early 15th century Byzantine book.

Tiqqunei Zohar, of R. David ben Yehudah he-Hasid and in some of the writings of R. Isaac ben Shmuel of Acre. In the phase that followed the first steps in the composition of the Zoharic literature, Kabbalistic symbolism became more precise and much more detailed and higher levels of the divine world were addressed more and more, sometime the claim being that they reflect themselves within the lower sefirotic realm.¹¹⁴

A text based on a certain physiological view, including also the reference to two types of supernal Jerusalem appears in the late 15th century eclectic book *Shushan Sodot* by R. Moses of Kiev. In an anonymous passage, authored very probably by the much earlier Kabbalist, the younger contemporary of Moses de Leon and Joseph Gikatilla, the itinerant scholar R. Isaac ben Shmuel of Acre, we have an interesting view as to the theosophical meanings of the two Jerusalems. He operated with a much more complex type of theosophy than just the ten *sefirot*, and in many cases he transposed the terrestrial-celestial dichotomy to the relations between powers found within the divine sphere, and I suspect this is the case also in the anonymous passage I translate here below:

The secret [of the Rabbinic dictum]: "the earthly Jerusalem and the heavenly Jerusalem are separated only by eighteen mils."¹¹⁵ In order to explain this principle, we will first require several hypotheses. First, know that there will be a hypothesis constructed by means of the wisdom of anatomy in the body of man, and this is its sign: from the brain to the [place of] the circumcision you will find the eighteen vertebrae in the spinal cord. Second, the brain alludes to *Keter 'Elyon*,¹¹⁶ [sefirah no. 1] and the circumcision to the righteous, who is the foundation of the world [i.e., *Yesod*, sefirah no. 9]; the brain alludes to the heavenly Jerusalem and the circumcision to the righteous, who is the foundation of the world, and its partner, which are called Zion and Jerusalem, and they are the earthly ones. Third, *Keter 'Elyon* and the righteous, who is the foundation of the world, are separated by nine *sefirot*, each of which include [in itself both the attributes of] *Din* [Judgment] and *Rahamim* [Mercy], for a total of eighteen,¹¹⁷ and there are eighteen mils between the heavenly and the earthly Jerusalem. This is the reason why there are eighteen vertebrae between the brain and the righteous, who is the foundation of the world.¹¹⁸

¹¹⁴ See M. Idel, *Absorbing Perfections*, *op. cit.*, pp. 311–313.

¹¹⁵ Cf. *Genesis Rabba*, 69:7.

¹¹⁶ For the symbolism of *Keter* and brain see already in the mid-13th century treatise *Keter Shem Tov*, of R. Abraham Axelrod. See *Auswahl Kabbalistischer Literatur*, ed. Adolph Jellinek (Leipzig, 1853), p. 42.

¹¹⁷ See *Meirat Einayyim*, ed., Erlanger, p. 28. Compare also to another passage of this Kabbalist discussed in M. Idel, *Absorbing Perfections*, *op. cit.*, p. 451.

¹¹⁸ (Korets 1784), fol. 69a. I cannot enter here in a detailed analysis of the reasons why this anonymous passage was authored by R. Isaac of Acre. It suffices to mention that on fol. 69b, this Kabbalist is mentioned rather explicitly. Let me point out that this Kabbalist expressed more than one understanding of the nature of Jerusalem. See M. Idel, "Jerusalem in 13th century Jewish Thought," *art. cit.*, pp. 281–282 and above note 63. For the polyvalence of symbols in general see Mircea Eliade, "Methodological Remarks on the Study of Religious Symbolism,"

Though the interpreted Rabbinic passage deals with the celestial and the terrestrial cities, the Kabbalistic significance attached to the two cities by the author is quite different: both cities refer also to two different powers within the divine realm: the heavenly Jerusalem corresponds to the first *sefirah*, *Keter*, while the earthy Jerusalem corresponds to the last one, *Malkhut*, as in many other cases discussed above. Between the two Jerusalems in the theosophical realm there are nine *sefirot*, each of which comprising two aspects, one of judgment and one of mercy, altogether eighteen, which correspond to the eighteen vertebrae within the human, this being the meaning of the eighteen mils in the Rabbinic dictum.

This elevation of the name of Jerusalem as a symbol of the highest *sefirah* represents also the apotheosis of the feminine power to a position higher than that of the male potency, the *Yesod*. The divine righteous is found between the two females, just as according to a view found in late 13th century Kabbalistic texts, the human righteous does so.¹¹⁹ According to the logic of this passage, there is no ascent of the lower *sefirah* representing Jerusalem, to the level of the *sefirah* of *Keter*, but rather a double presence: of the heavenly Jerusalem on the peak of the sefirotic system and another Jerusalem on its lowest point. At least in the case of the latter one, the association to the male potency is quite obvious, transforming the discussion into one that has a sexual overtone.

The question may be asked whether according to the view of this Kabbalist the supernal Jerusalem, as identical to the *sefirah* of *Keter*, retained a feminine valence, as it had in earlier Kabbalistic passages investigated above. The first *sefirah* commonly functions as a male divine power, when the issue of gender is significant.¹²⁰ Nevertheless, I would say that here we may assume a different position. In comparison to the highest ontological level called *'Ein Sof*, the Infinite, some entities may function as feminine, as we learn from discussions of the same R. Isaac of Acre.¹²¹ If my conjecture as to the identity of the author of the anonymous passage is correct, we should better conceive the supernal Jerusalem as *Keter* as a feminine sexual counterpart of the male power named Infinite.¹²²

in M. Eliade, J.M. Kitagawa (eds.), *The History of Religions. Essays in Methodology* (Chicago: The University of Chicago Press), pp. 86–107, and *Patterns in Comparative Religion*, tr. by Rosemary Sheed (New York: World Publisher, 1972), pp. 437–458.

¹¹⁹ For the many recurrences of the view that the righteous is found between two females see R. Moses de Leon's *The Book of the Pomegranate*, ed. Elliot R. Wolfson (Brown Judaic Studies, Atlanta, Georgia, 1988), pp. 82, 138, 142, 179, 192, 241. On the topic of the presence of the righteous between two females in general see Yehuda Liebes, "Zohar ve-'Eros," *AlpPAYIM*, vol. 9 (1994), pp. 101–103 (Heb.), Daniel Abrams, *The Female Body of God in Kabbalistic Literature*, *op. cit.*, pp. 167–174 and M. Idel, "On the Performing Body in Theosophical-Theurgical Kabbalah: Some Preliminary Remarks," eds. Giuseppe Veltri–Maria Dieming (Leiden: Brill, 2008), pp. 263–264 (Forthcoming).

¹²⁰ See, e.g., M. Idel, *Kabbalah & Eros*, *op. cit.*, p. 205.

¹²¹ See Boaz Huss, "NISSAN — The Wife of the Infinite: The Mystical Hermeneutics of Rabbi Isaac of Acre," *Kabbalah*, vol. 5 (2000), pp. 155–181.

¹²² On the vision of the Infinite in R. Isaac see Sandra Valabregue-Perry, *Concealed and Revealed, the Notion of EYIN SOF (Infinity) in Kabbalah: From Isaac the Blind to Isaac of Acre* (Ph. D. Thesis, Hebrew University, Jerusalem, 2008) (Heb.). Compare to the view of R. Shneor

Last but not least in this context: as seen above in the Zoharic discussion, the descent of the influx from the brain is related to the descent of the semen. This seems to be implied also in the above passage, when the spinal cord is mentioned. In fact, the two supernal Jerusalems stand at the two extremities of this cord, conceived as the median line of the sefirotic world, just as two Jerusalems: the terrestrial and the celestial ones, stand at the two extremities of the link between the lower and the higher world, according to the Rabbinic literature.

In two anonymous collections of Kabbalistic traditions stemming from Castilian circles, we find an identification of the supernal Jerusalem, *Yerushalayyim ha-'Elyonah* and *Yerushalayyim shel ma'alah*, with the *sefirah* of *Hokhmah*, while the lower Jerusalem is identified with the *sefirah* of *Malkhut*.¹²³ Given the truncated form of the discussions extant in this collection it is difficult to assert to what extent the supernal Jerusalem, described as the source of "Living water," assumed a distinct feminine role.

However, other and more influential Kabbalistic texts display a similar projection of the concept of terrestrial Jerusalem on high as a second and in this case also a higher feminine power. This is a different development from the point of view of the details of the symbolism, and the two approaches should not be harmonized. So, for example, we find it in elaborations on earlier views done by R. Moses Cordovero, a major mid-16th century Kabbalist active in Safed.¹²⁴ In his classic compendium of previous Kabbalah, *Sefer Pardes Rimmonim*, he capitalizes on a brief but seminal passage from the later layer of the Zoharic literature, called *Tiqqunei Zohar*, written by an early 14th century Castilian Kabbalist that was a contemporary to R. Isaac of Acre.¹²⁵ There we find two "married" couples, an imagery recurring in many Kabbalistic writings, as a rather consistent structure that I proposed to call the Holy Family:¹²⁶ the higher one constituted by a "Father" 'Abba, or the *sefirah* of *Hokhmah*, and

Zalman of Liady, *Liqqunei Torah* (New York, 1991), part III, fol. 31a, where the supernal Jerusalem is described as the *Malkhut* of the infinite.

¹²³ See MS Vatican 428, fol. 54b, and MS Paris BN 859, fol. 28b.

¹²⁴ Cordovero's discussions on Jerusalem and Zion are numerous and quite elaborated and we address below just one of them. See, e.g., *Or Yaqar*, vol. 14 (Jerusalem, 1986), p. 197, *ibid.* (Jerusalem, 1989), vol. 17 p. 49, 134, 175. An especially interesting discussion of the sexual symbolism of Zion and "the point of Zion" is found *ibid.*, p. 75, in a passage which deserves a separate study. See also *ibid.*, p. 34–35, where it is evident that the presence of the *sefirah* of *Yesod* within *Malkhut* is described to be quite limited, and constituted by the aspect of *Malkhut* found within the *sefirah* of *Yesod*. See also *Or Yaqar, Tiqqunim* (Jerusalem, 1973), vol. II, p. 55. This means that the male aspect of Zion is not conquering the feminine nature of Jerusalem by its presence within the feminine divine power. See also *ibid.*, p. 37 and Daniel Abrams, *The Female Body of God in Kabbalistic Literature, op. cit.*, pp. 48–49, 95.

¹²⁵ See *Tiqqunei Zohar*, no. 69, ed. Reuven Margoliot (Jerusalem, 1978), fol. 107a. See also *ibid.*, no. 50, fol. 86b.

¹²⁶ See M. Idel, *Ben: Sonship and Jewish Mysticism* (London, New York: Continuum, 2007), pp. 381–382 and the pertinent footnotes. Much more material to this effect can be added, including *Tiqqunei Zohar*, fols. 106b–107a.

a “Mother” *Imma*, the *sefirah* of *Binah*, on the one hand, and a Bridegroom, *Tiferet*, and a Bride, *Malkhut*, on the other. The second couple is conceived as the son and daughter of the first one. This more complex structure, rather widespread in Kabbalistic books, did not constitute a significant interpretive framework in the scholarship of Kabbalah.

Cordovero refers to the statement found in the *Ta’anit* passage, as discussed by early Kabbalists, as the oath not to enter the heavenly Jerusalem until the Jews will enter the terrestrial one, as dealing with the intercourse between the lower couple, as being a precondition for the intercourse between the higher couple. In both cases, the feminine powers have been explicitly identified not only as Jerusalem, but also as “two mothers.”¹²⁷ This resort to a concept of double motherhood means that at least implicitly, also the lower couple functions in a way in a manner that is similar to the higher one: its intercourse depends on what the children will do, which means that according to Cordovero the lower divine couple depends on the behavior of the humans here below, more precisely on their proper sexual encounter.¹²⁸

Major elements of Cordovero’s interpretation were adopted in several instances in Lurianic Kabbalah,¹²⁹ and these views were reiterated in 17th and 18th century Kabbalists several times, as well as in Hasidism, especially in the school of Habad. Let me point out, though I cannot enter here in an elaborate discussion of this issue, that also the *sefirah* of *Binah*, the supernal mother, has been described in Lurianic Kabbalah as possessing the “point of Zion” as the lower *sefirah*, *Malkhut*, which means that many of the descriptions of the lower sefirotic discussions of Jerusalem and Zion, have been projected on the higher couple of *Hokhmah* and *Binah*.¹³⁰ It is this double vision of Jerusalem

¹²⁷ See *Pardes Rimmonim*, 8:13. See also *ibid.*, 8:14, 23:16, and in chapters 54–55 of the unprinted part of *‘Elimah Rabbati* to be published by Professor Bracha Sack, who kindly put the text at my disposition. For the two “mothers” see also the discussion in *‘Or Yaqar* (Jerusalem, 1963), vol. 2, p. 111.

¹²⁸ See, e.g., *‘Or Yaqar*, vol. 17, pp. 48–49, 50, where the idea of continuity of the worlds starting with the lower Jerusalem, and the impact of the lower upon the higher entities is expressly formulated. See also *ibid.*, vol. 9 (Jerusalem, 1976), pp. 6, 112, vol. 12 (Jerusalem, 1983), p. 44, and in chapters 54–55 of the unprinted part of his other book, *‘Elimah Rabbati*. For the importance of theurgy in Cordovero in general see, e.g., *‘Or Yaqar*, vol. 17, pp. 10, 61–62.

¹²⁹ See *Sefer ‘Etz Hayyim* (Warsaw, 1891), Gate 15, ch. 11, *Sefer ha-Liqqutim* (Jerusalem, 1972), Shoftim, ch. 4, fol. 74b, *Sha’ar Ma’amarei Rashby*, fols. 28c–29a, etc. or *Zohar ha-Raqi’a* (Lemberg, 1885), fol. 142b. See also R. Shneur Zalman of Liady, *Liqqutei Torah*, part II, p. 76 and his notes on the Song of Songs (New York, 1961), pp. 81, 86.

¹³⁰ See, e.g., *Zohar ha-Raqi’a*, *ibid.* Compare, however, to the interpretations offered by two quotes from *Sha’ar Ma’amarei Rashby*, by Elliot R. Wolfson, *Circle in the Square*, p. 106, 114. I hope to revisit the interpretation of these quotes in another study in the light of the structure of the fourfold holy family. This neglect of the two couples is evident also in Scholem’s interpretation of a passage in *Zohar*, III, fol. 75a, in his *Elements of the Kabbalah*, p. 298. Also his assumption, *ibid.*, that according to a discussion in *Zohar*, III, fol. 31a, Jerusalem is a symbol for separation between the male and the female divine powers, is not supported, in my opinion, by the material found in the *Zohar*.

as feminine powers that nurtured then some of the discussions in Lurianic Kabbalah and in later writings, and without taking in consideration the more sophisticated structure of the Holy Family, it is rather difficult to make sense of some of the portrayal of Jerusalem.

Thus, let me emphasize, that R. Isaac of Acre's passage extant in *Shushan Sodor*, the anonymous tradition found in the two manuscripts, and the *Tiqqunei Zohar* passage elaborated by Cordovero, Luria and others, represent diverging approaches to Kabbalistic theosophy. The former is more interested in the higher spheres of the divine world, including the Infinite, while the latter is concerned more with the family structure of the four components. This difference notwithstanding, both show that it was important for these Kabbalists to translate their systems also in terms related to the holy geography, which includes Jerusalem. In any case the fact that it is the third of the three options discussed in this section, that identifies the supernal Jerusalem as an explicit feminine hypostasis, as a mother who is related to a father, which become the most widespread one in later Kabbalah, shows that it is the syzygies that was polarized from the sexual point of view, as presented in the fourfold Holy Family structure that especially attracted the attention of the theosophical-theurgical Kabbalists.

The question may be asked whether the elevation of the geographic Jerusalem to the status of the last feminine divine power does not substitute the concrete by the spiritual, in a manner it happened when the heavenly Jerusalem became the focus of Christian mysticism. I assume that the answer to this question is positive, at least in some cases, though it is hard to prove it, since such a proof requires more detailed analysis. My general answer assumes that the proliferation in the supernal realm of entities designated as Jerusalem may help indeed reminding the concrete city but at the same time weakens the concentration on the role of the concrete city, that is more conspicuous in the earlier forms of symbolism that dominated the 13th century theosophical-theurgical Kabbalah, which emphasized the omphalic status of the last feminine divine power as the supernal Jerusalem. The dynamics evident in the above-mentioned forms of Kabbalah since early 14th century is less one that accounts for the exchanges between the terrestrial and the supernal, but a concentration on the processes between the higher and lower parts of the sefirotic realm. I assume that this is especially more evident in R. Isaac of Acre. But much less in the version of the two supernal Jerusalems in Cordovero, where the theurgical activity of the Kabbalists is conceived of as participating in the supernal processes. While the associative Kabbalist who authored *Tiqqunei Zohar*, or the contemplative R. Isaac of Acre were less concerned with a strong nexus between the geographical and the sefirotic, such a link is much more evident in Cordovero, who follows earlier discussions, some which will be surveyed in the next section.

7. *The Omphalic Nature of the Hypostatic Jerusalem*

We have seen above in several instances the importance of the middle line in the context of the two references to the holy city. This is a continuation of the much earlier vision of Jerusalem as *axis mundi*, found explicitly in pre-Rabbinic and Rabbinic sources.¹³¹ We may speak about a complex picture that emerges in early Kabbalah, which combines an analogical vision of the relation between the supernal world and the terrestrial geography, with a vision of ontological continuity between the two realms. So, for example, R. Jacob ben Sheshet of Gerona, a Catalan Kabbalist, writes in his book entitled *ha-'Emunah ve-ha-Bitahon*: "The navel of the world is directed opposite the middle line, which is called the heavenly Jerusalem, and it is the royal power of the House of David."¹³² Unlike the parallelism between the "middle line" and Zion — *Yesod* or *Tiferet*, found in other early Kabbalists, R. Jacob ben Sheshet identifies the middle line specifically with the *sefirah* of *Malkhut* and with Jerusalem.¹³³ On the other hand, in the same book the middle line symbolizes also the *sefirah* of *Yesod*.¹³⁴ We may see here a vision of the *axis mundi* related to several *sefirot*, which serve collectively as a sort of spinal cord to the sefirotic realm.

R. Jacob ben Sheshet's view probably influenced the late 13th century R. Bahya ben Asher in his commentary on Deuteronomy who, when dealing with Moses' desire to enter the Holy Land, says:

"Let me, I pray, cross over and see" [Deuteronomy 3:25]: since I was granted knowledge by attaining the heavenly middle point, extend Your faithfulness, I pray, with me and let me see the promised land, which is the earthly middle point, the goodly mountain which is Jerusalem, which is the middle line of the goodly land, and Lebanon, which is the Temple and the middle of the goodly mountain. The intention is that since [God] taught him and caused him to understand the supernal [realm] by the means of the eye of the intellect, it is proper that He should not hinder him the lower, but will gain to see it... and from the lower his soul will ascend to the supernal.¹³⁵

Moses is therefore described as having had access to the supernal Jerusalem while he was outside the holy land, but he would nevertheless like to see also the terrestrial Jerusalem with his eyes, a point to which we shall return at the end of this study. While the pneumatic vision of the supernal Jerusalem was

¹³¹ Philip Alexander, "Jerusalem as the 'omphalos' of the world: on the history of geographical concept," *Judaism: A Quarterly Journal of Jewish Life and Thought*, vol. 46, 2 (1997), pp. 147–158.

¹³² Printed in ed. Chavel, *Collected Writings of Nahmanides*, vol. II, p. 385.

¹³³ See his passage, *ibid.*, p. 367.

¹³⁴ *Ibid.*, p. 443.

¹³⁵ Ed. Chavel, vol. III, p. 255.

attained by a divine instruction, Moses would like to make his way by himself from the lower to the higher one.

A fitting conclusion for this survey of the sexual and hypostatic symbolism of Jerusalem and Zion in theosophical-rheurgical Kabbalah is provided by R. Isaac ben Solomon Ibn Abi Sahula, a contemporary of R. Joseph Gikatilla and of the authors of the *Zohar*,¹³⁶ who writes in his *Commentary on the Song of Songs*, composed in 1283:

“Your navel [*shoreireikh*] is like a round goblet” [Song of Songs 7:3]:¹³⁷ the word *shoreireikh* is synonymous with *tabur* [navel], from the same root as *lo karat shareikh* [“your navel cord was not cut”] [Ezekiel 16:4]. It is as if the verse were stated about the status of Jerusalem, which is the navel of the world; just as the navel of the fetus is connected to the intestines of his mother and draws his food and support from it, similarly Jerusalem¹³⁸ is connected with the heavenly Jerusalem, which is called the “built up Jerusalem” [Psalm 122:3]... Jerusalem receives emanation and effluence from the heavenly Jerusalem, as the form of the moon receives emanation from the light of the sun... for just as the navel is [situated] in the center of the stomach, so too is the stomach in the center of the body, and so too did the Rabbis, of blessed memory, say that *'Eretz Israel* is situated in the center of the world, with Jerusalem in the center of *'Eretz Israel*.^{139, 140}

This is a parallel to the sexual formulation found in the Kabbalists contemporaneous with Ibn Abi Sahula: the Divine emanation descends from Zion (the male potency) into the heavenly Jerusalem (*Malkhut*), and thus is born the fetus (namely the earthly Jerusalem), which is connected by its navel to its heavenly mother. The omphalic linkage between the physical Jerusalem and its divine counterpart as it has been described by Ibn Abi Sahula is, this should be emphasized, a conception shared by many other theosophical Kabbalists. The emphasis of this connection thereby makes possible the integration of the two conceptions mentioned in the opening part of the quote: the earthly Jerusalem, which occupies a central position in the Midrash; and the heavenly Jerusalem, which is a focal point of Kabbalistic thought. Symbolic Kabbalah overcame the potential danger of the breach that could have opened between

¹³⁶ R. Isaac ibn Avi Sahulah is presumably the first author to cite *Midrash ha-Ne'elam*, which is considered to be the first stratum of the Zoharic literature; see Gershom Scholem, “Chapters from the History of Kabbalistic Literature,” *Qiryat Sepher*, vol. 6 (1929–30), pp. 109–118 (Heb.).

¹³⁷ The connection between this verse and Jerusalem, which is the center of the world, already appeared in *Pesiqta Rabbati*, pericope Ki Tisa, par. 2, but this source does not discuss the connection between the heavenly Jerusalem and its earthly counterpart.

¹³⁸ Namely the terrestrial one, not like in the previous section, a symbol for the lower *sefirah*.

¹³⁹ See, e.g., *Tanhuma, Qedoshim*, par. 10.

¹⁴⁰ MS Oxford-Bodleiana 343, fol. 49c–49d, printed now in Arthur Green, ed., “Rabbi Isaac ibn Sahula’s Commentary on the Song of Songs,” *Jerusalem Studies in Jewish Thought*, vol. 6:3–4 (1987), pp. 472–473 (Heb.).

the halakhic, more concrete and geographic approach, and the Kabbalistic, more hypostatic approach, those the two conceptual foci, the earthy and the spiritual images respectively, creating a system in which the earthly Jerusalem could not be sundered from the heavenly one, with the latter directed towards its earthly counterpart and emanating blessing towards it.¹⁴¹ From this point of view, the integrated vision differs from the Christian discussions of the spiritual Jerusalem in the mystical literature, as essentially unrelated to the geographical centrality of the geographical city.

Furthermore, the earthly Jerusalem constitutes the best geographical starting point for the prayer to attain the heavenly Jerusalem, as is shown already by Nahmanides's *Commentary on the Pentateuch*:

Whoever prays in Jerusalem is regarded as if he prays before the Throne of Glory, for it is the gateway of heaven, open [in order to] to listen to the prayer of Israel, as it is said, that is "the gateway to heaven" [Genesis 28:17].¹⁴²

Or, according to the prayer Nahmanides composed and recited over the ruins of Jerusalem: "Our feet stood inside your gates, O Jerusalem [Psalms 122:2], the house of the Lord and the gateway of heaven, Jerusalem built up, a city knit together [*ibid.*, v. 3] with that above it."¹⁴³ The earthly city, desolate as it was in the sixties of the 13th century, after the conquest of the Mongols, is nevertheless conceived of as been linked with the heavenly Jerusalem, and despite the worst desolation of Jerusalem in its medieval history, it remains nevertheless in the view of the Kabbalist who watched it the gateway of heaven, i.e., the entrance to the world of the *sefirot*.¹⁴⁴ The emphasis placed on the essential connection between the lower and upper worlds, which passes through the earthly Jerusalem, retained the importance of the physical city within this system of Kabbalistic thought, which succeeded in closely integrating these two planes of reality as parts of a continuum. Thus the role of the feminine divine power in mediating the contact between the different worlds is vital, and its status cannot be minimized, given the structural task the heavenly city has been attributed. Either the energetic supply descending by the mediation of the heavenly Jerusalem to the earthy one, or the ascent of the intention of the Kabbalist in prayer via the earthy Jerusalem to the supernal one, transformed the concept

¹⁴¹ From this point of view too, the theosophical-theurgical Kabbalah differs from the ecstatic one, which is concerned basically with the numerical dimensions of the word Jerusalem. See the texts and analyses in M. Idel, "Jerusalem in 13th Jewish Thought," *art. cit.*, pp. 276–283.

¹⁴² In his commentary on Genesis 28:17; see also his commentary on Genesis 14:18.

¹⁴³ *Collected Writings of Nahmanides*, ed. Chavel, vol. I, p. 424.

¹⁴⁴ See *Sefer Torat ha-Adam*, printed in *Collected Writings of Nahmanides*, ed. Chavel, vol. II, p. 298: "When you will say about the one who stands in Jerusalem, that his soul is engarbed with Divine inspiration and prophetic labors with Divine will." For more elaborated visions of Jerusalem as *axis mundi* and as the locus that allows the ascent on high in Nahmanides' school, and in some later Kabbalistic views, which are all based on some Arabic sources see M. Idel, *Ascensions on High*, pp. 171–181.

of the desolate terrestrial city, a simple *axis mundi* in biblical Judaism, into a complex type of *axis mundi* in some later forms of this religion.¹⁴⁵

Interestingly enough it is the feminine hypostasis that is conceived of as the spiritual center of the lower divine powers, just as the terrestrial Jerusalem is conceived of as an *axis mundi* below. These double and in some instances triple cases of *axis mundi*, as the centers of two worlds or three worlds, and as related to each other in imageries which display some forms of centrality, articulate a view according to which the different forms of Jerusalem are not only centers of their respective planes of being, but of reality in general, be it divine or otherwise. This centrality is not only conceived by a mere geometrical imagery, but is part of the explicit omphalic picture of the universe and the way it has been created, which emphasize the superiority of the middle point over other parts of the complex picture, as the necessary channel that transmits the vital supply to the lower world, as the mother's navel does to her child. It has to do with the very maintenance of the terrestrial realms by the dint of the influx descending, according to the Kabbalistic cosmology, from the feminine power envisioned in some cases as the mother of the world, to the lower worlds. This is the reason why in some instances we may speak about a growing phenomenon of worship directed to the last *sefirah* as eminently a feminine power, especially evident since the Safedian Kabbalah.¹⁴⁶

8. Some Methodological Remarks

We have examined some of the different symbolic valences of the couple Zion–Jerusalem recurring mainly during the first two centuries of the history of the theosophical-theurgical Kabbalah, and their earlier, though partial, parallels. We may easily discern a variety of identification of the two biblical terms with different aspects of the divine pleroma, though the feminine valences of Jerusalem are rather stable and obvious. Thus, in some few late antiquity texts, we may discern the importance of a hypostatic vision of Jerusalem, described in feminine and sometimes sexual terms, which predates by many centuries the similar phenomenon in medieval Kabbalah. However, under the impact of Rabbinic approaches, the supernal feminine hypostasis was oftentimes conceived of as essentially linked to the terrestrial Jerusalem, creating some form of dependence of the mystic on the latter one, when he attempts to reach the former.

¹⁴⁵ On *axis mundi* see Mircea Eliade, in his studies referred in note 146 below. For an application of Eliade's approach concerning the center to biblical material see Jon Levenson, *Sinai and Zion: An Entry into the Jewish Bible* (New York: Harper and Row, 1985), pp. 111–137.

¹⁴⁶ See, e.g., my *Kabbalah & Eros*, p. 144. Compare, however, Elliot R. Wolfson's different vision of the status of the feminine in Kabbalah, articulated in his studies mentioned above, note 5.

The similarities between some of the Kabbalistic treatments discussed above and the Gnostic views are quite significant. However, while the Gnostic descriptions are more concerned with the past in fact the primordial times, and with the details of the structures of the supernal pleroma, the Kabbalists imagined a more continuous and integrated universe, which gives some form of relevance to the holy geography in the present. The Rabbinic commandments with their theurgical effect allows some form of impact and participation in the pleromatic world. Gnosticism, quite a variegated form of religion is, roughly speaking, a protestant religion in respect to ancient Judaism and nascent Christianity, and it differs dramatically in its basic mentality from the more "Catholic" Kabbalistic approach to Rabbinism.

Though elaborating on the content of a spiritual Jerusalem, the semantic strategy of the main line of Kabbalists was to reinforce at the same time the role played by terrestrial one. Thus, we may extrapolate from this approach that just as the role played by the spiritual Jerusalem was not undermining that of the geographical one, also the role of the supernal feminine one, should not be diminished, as she is partaking in a significant manner in the processes taking place within the divine sphere, as we have seen in the discussions about the two Jerusalems.

The vast majority of the texts adduced above, and additional parallels may be found in other Kabbalistic writings, have been written in medieval Spain, by Kabbalists who never visited the land of Israel or Jerusalem. Their symbolic interpretation is basically of passages found in texts not of a real landscape they have ever seen. The hypothetical earlier traditions, the logic of their theosophical system, the style of the interpreted texts, and their exegetical ingenuity constitute the row-matter of their discussions, not an encounter with an external world that requires a symbolic decoding. Symbolism as represented above is part of a diasporic situation, attempting to anchor its spirituality in geography that different dramatically from what they acquainted with in their common life. In fact, the real geography of Spain, or of other cities or countries where Kabbalists were active in the Diaspora, did not serve to my best knowledge, as starting point for significant forms of symbolic speculations.¹⁴⁷ In a certain moment of the development, the system elaborates on more complex attitudes toward Jerusalem, as the elevation to the rank of *Keter* or to that of *Binah* demonstrates. The interchanges between the diverse factors, like the specific logic of the theosophical systems, the textual data that had been interpreted according to these systems functioning as exegetical codes, and the exegetical skills of the individual Kabbalists are therefore components that are divorced to a great extent from a history or of the realia of the specific locale of the city.

The above discussions should be seen also from a more general point of view, regarding the notion of *axis mundi*. As mentioned above, the Kabbalists living

¹⁴⁷ See M. Idel, *Absorbing Perfections*, *op. cit.*, pp. 285–286.

in the diaspora regarded *axis mundi* as situated in a geographical place they did not see neither had access to it. This approach questions Mircea Eliade's emphatic assertion that people need to live at the geographical center of the world. However, in cultures based on canonical texts, it is the textual universe, the Hebrew words rather than natural landscape that may supply material for building a universe that structures meaning, not necessarily its concrete and immediate geographical data. Unlike Eliade's vision of the archaic mentality, a topos-oriented type of religion, in which the "real" religious man is immersed in re-experiencing the primordial acts within the geographical perimeter he believed they happened therein, namely at what he believes is the concrete center of the world, the theosophical-theurgical Kabbalists assumed that also when they are outside the geographical center of the world, the city of Jerusalem, which they have never seen, they are capable to connect themselves with the spiritual center of the world, the median line and the supernal Jerusalem as its lowest extremity, as it was the case of Moses, according to the passage adduced above from R. Bahya ben Asher's *Commentary on the Torah*.

It is not my intention to decide here what form of experience is more "realm" or authentic and even less to deal with which of them is "superior" to the other. By being acquainted with the logic of Eliade's vision of religion, we may extrapolate that he would certainly decide as to the inferiority of the Kabbalistic approach as described above. Neither am I concerned here with the possibility of a shift from the rituals related the center of Beit-El as a reflecting a more natural and popular religion, to one that is focused on a non-mythical cult in Jerusalem, or a shift between the archaic and more historical oriented religion, and implicitly less positive, as one of Eliade's passage to be cited immediately below, and many others, imply.¹⁴⁸ My aim here, or elsewhere in my studies, is not to take a position as to the "validity" of the material I study, or of the experiences it may convey, neither as to its general relevance. What I try to show is that more elaborated forms of religious thinking, which are often-times related to speculations regarding texts and language that represent quite a remote geography, rather than nature that is perceived directly, may operate with many forms of centers, while admitting the importance of the concept of *axis mundi*. We may speak more about a complex composite axis constituted by multiple centers rather than about a point, and this axis is conceived of organizing a series of planes of being, even for thinkers who lived outside the center. In my opinion, the proper understanding of those complicated religious approaches requires more complex theories of religion, which do better justice to the entire realm of religious phenomena, if

¹⁴⁸ See his Romanian review on a book about Elephantine Aramaic documents by Albert Vincent, entitled "From Elephantine to Jerusalem," reprinted in the collection of his essays *Drumul spre centru*, edited by Gabriel Liiceanu and Andrei Pleșu (Bucharest: Univers, 1991), pp. 225–231, originally printed in 1937.

someone insists that he is capable to explain the entire realm of religion, rather than the more simplistic schemes.¹⁴⁹

Let me try to point out some of the reasons for the emergence of such a complexity. The Kabbalistic discussions above represent a combination between the projection of a sexualized geography onto the divine map of powers, and the understanding of the correspondences between those powers and the lower entities in a dynamic, in a sympathetic manner. The principle of correspondence between earthy and celestial structures, so vital for theosophical-theurgical Kabbalah, is found already in Rabbinic sources, the sexualized approach may have Jewish origins in hypothetical traditions that have Christian and Gnostic parallels and in Rabbinic exegesis, but the more dynamic approach, which includes the assumption of the possibility to have a theurgical impact on high, is a development that is characteristic of the main lines of Kabbalah, though it too has some earlier Rabbinic sources. Those conceptually diverse sources, whose contents have been presumably brought together in early Kabbalah for the first time in a written manner, account for the complexity of the Kabbalistic discussions above.

Moreover, the multiple types of Jerusalem to which this name refers in Kabbalistic sources, create semantic problems that are relatively rare in the history of symbolism: a word, Jerusalem, found in an ancient book which refers to a desolate city, which the Kabbalist did not see. Then this city and its name refer to a higher city, the heavenly one, which has been attributed conceptual valences which do not appear in the canonical book, the sexual ones. This heavenly Jerusalem become in some cases just a lower entity in the divine structure, which points or reflects and even impacts on another heavenly Jerusalem, as the two higher *sefirot Binah* or *Keter* are. No doubt this is an apotheosis of a symbol dealing with a feminine hypostasis that was not eclipsed during the development of theosophical Kabbalah, but in fact enhanced significantly and proliferated in growingly more numerous discussions.

This is quite a baroque type of symbolism, which both multiplies itself by adding levels that are superior to the ones as discussed by earlier Kabbalists, and by becoming more precise by mapping much more complex theosophical structures. Just as Jerusalem the city created by projection the heavenly Jerusalem, which at its turn created the concept of the last divine power, the feminine entity designated as "Jerusalem on high" so at its turn the latter created the even higher "Jerusalem on high." Is this development in the way Kabbalistic symbolism develops from a certain moment in early 14th century, a casuistic approach, that has only exegetical purposes, or does it constitute

¹⁴⁹ See also the pertinent critique of Eliade's view of the center theory articulated by Jonathan Smith, *Map Is Not Territory* (Leiden: Brill, 1978), pp. 101–102, 292–293. A major way to avoid simplistic descriptions is to address in details as many examples dealing with a certain symbol as available in a philological manner, including material found solely in manuscripts, before deciding if it really fits a certain pattern.

part of a more experiential approach? Is the map construed by so many types of Jerusalem a map without much territory, and without anyone who traveled according to it? I shall try to answer this question immediately below.

Also another famous distinction, between the pre-axial and axial forms of religion, as articulated by Karl Jaspers, is not especially helpful in analyzing the complexity of the symbolism and practices as described above.¹⁵⁰ The pre-axial spirituality related to a geographical center, that organizes not only the universe but also the communal or tribal life, did not disappear with the emergence of the much more complex symbolisms, but on the contrary, it was strengthened by them. We may therefore conclude that any neat distinction based on temporal criteria does not work in the cases of traditional mentalities, where ancient traditions are perpetuated for many centuries, but were reinterpreted in figurative manners.

However, it seems that a usual distinction formulated more recently by Jonathan Smith, may help to characterize the above discussions in a more salient manner: Jerusalem is certainly possessing a locative nature by being at the center, but given the dynamic nature of the theosophical systems in which it has been embedded it has sometimes also some locomotive dimension, by transmitting the influx to the lower worlds.¹⁵¹ What seems to me fascinating is the fact that despite the destruction of the second temple, and the fact that Jerusalem was not a center of Kabbalah studies for many centuries, the theosophical-theurgical Kabbalists in the diaspora maintained both the rabbinic and biblical topocentric forms of religion, and projected them on high, without attempting to create a more non-locative model, even when the portative center of study and contemplation, the Hebrew Bible, had been canonized. In fact, the canonization of the Bible and of the Talmud meant also the canonization of the locative approach, which has been formulated in these texts, even when the literary sources are portable *par excellence*. From this point of view, the numerous Kabbalistic discussions of *axis mundi* depend heavily on the classical Jewish texts, biblical and Rabbinic, an assertion that conflicts with the more general perception of Gershom Scholem, as it reverberated also in Mircea Eliade's account of his great surprise when reading in 1966 some of Scholem's lectures — which have in fact been delivered at Eranos many years beforehand while he participate there — entitled in English *On the Kabbalah and its Symbolism*:

¹⁵⁰ See, e.g., the collection of interesting studies edited by Shmuel N. Eisenstadt, *The Origin and Diversity of Axial Age Civilizations* (Albany: SUNY Press, 1986), and Ewert H. Cousins, *The Christ of the 21st Century* (Rockport: Element, 1992), who speaks about a second axial period in the future that will comprise the two different forms of religiosity. See also M. Idel, *Ascensions on High*, *op. cit.*, pp. 153–154.

¹⁵¹ See Smith, *Map Is Not Territory*, *op. cit.*, pp. 101–102, 292–293, 308, and Benjamin D. Sommer, "Conflicting Constructions of the Divine Presence in the Priestly Tabernacle," *Biblical Interpretation*, vol. 9 (2001) pp. 45–48.

In Kabbalah we have to do with a new, real creation of the Judaic religious genius, due to the need to recover a part of the cosmic religiosity smothered and persecuted as much by the prophets as by the later Talmudic rigorists.¹⁵²

I do not believe that the Kabbalists represent a more “real” case of Jewish “genius” than do the prophets or the “Talmudic rigorists.” In fact, many of the Kabbalists we have cited above were also well-known rabbinic scholars, and it is hard to find in their resort to the sexual symbolism of Jerusalem, a view that was perceived of as conflicting with their Talmudic knowledge, either by they or by others. In a critical academic discourse there is no reason to adopt an essentialist vision of Judaism, by relegating the religious phenomena that are uncomfortable for the scholar’s general theory, to a marginal place on the one hand, but confer nice epithets to that religious modality that fits someone’s general vision of what is authentic in religion, on the other. Neither am I convinced that very much is “new” in the manner in which the medieval Kabbalists presented the views cited above. Also the implied assumption that there is a “Kabbalah,” in the singular, represents a strong simplification of diversified spiritual trends. Whether “Kabbalah” was indeed a cosmic religion or not is also quite a great quandary. As seen above, the focus of the speculations related to the powers symbolized by Jerusalem is the inter-divine structures, and not so much events in the extra-divine cosmos.

A more general lesson that may perhaps be learned from the above detailed analyses: symbolism may work in more than one manner in rapport to the symbolized issues: it may help retaining the memory of the old traditions while nevertheless weakening them, or in some other cases it may reinforce them. The latter alternative is more plausible when traditions are related not only to the past, in the vein of “places of memory,” but to some forms of future. As seen above, the veneration of Jerusalem was not only a matter of the glorious sacred history in the past, but in some cases, related also the main

¹⁵² M. Eliade, *No Souvenirs. Journal, 1957–1969*, trans. Fred H. Johnson Jr. (San Francisco: Harper and Row, 1977), p. 266. For Eliade’s review of Scholem’s book see his “Cosmic Religion,” *Commentary*, vol. 41:3 (March 1966), pp. 95–98. More on this issue see M. Idel, *Ascensions on High*, *op. cit.*, pp. 223–224. The early Eliade was, let me emphasize, well-aware of the existence of elements in Talmudic texts related to *axis mundi*. See his Romanian essay on “Babylonian Cosmology and Alchemy,” reprinted in *Drumul spre centru*, *op. cit.*, pp. 484–559, originally printed in 1937, where he deals with the importance of the geographical center, *axis mundi*, or homologies between heaven and earth, adducing also Jewish material to support his views as to the importance of these homologies. See, e.g., *ibid.*, pp. 496, 503, in his most widespread book *The Myth of the Eternal Return, Cosmos and History* (New York: Harper and Row, 1959), pp. 8–9, 15, 17, 18 or *Images & Symbols. Studies in Religious Symbolism*, tr. Philip Mairet (New York: Sheed and Ward, 1969), pp. 41–42, and *Patterns in Comparative Religion*, *op. cit.*, pp. 376, 378. The very few examples Eliade brought already in 1937, have been reiterated in his later works, without a more profound analysis of details. However, most of those Rabbinic themes, some of them cited above, which were also the proof-texts of the Kabbalists, and in my opinion, determined to a great extent the direction of their thought, were not addressed by Eliade.

locus of events related to the future, more precisely the messianic future. The Kabbalists who offered the novel interpretations to the verses about Jerusalem have capitalized on the aura of sanctity the city already acquired in Jewish traditions, but they added nevertheless the dimension of contributing something to the higher Jerusalems in the present, by performing the rituals with the intention to affect the supernal sphere. It was not only nostalgia, inertia and automatic retrieval of memories about the center of the world, but in fact also an attempt to disregard history by the belief not only in the supernal Jerusalem that has not been destroyed, but also an entity which retains its centrality in the performance of the rites in a theurgical manner.

Moreover, it is plausible that the very integration of certain symbolism within a more comprehensive cosmic or divine structure prevents the transformation of the old traditions in memories that drew their strength from history alone. In fact many of the above Kabbalists subscribed to what can be described as a theory of a continuous universe, a form of great chain of being, which allows ascent and descent from the divine realm to the human one.¹⁵³ In this cosmic and rather comprehensive chain, which includes not only the sefirotic emanations but also the lower cosmic structures, the two forms of Jerusalem constitute vital rungs.

Let me point out that in my opinion nowhere in the texts adduced above, or in others I am acquainted with, has the role of the feminine hypostasis designated as Jerusalem, been attenuated by absorbing it into the male potency, neither in the present nor in the eschatological future.¹⁵⁴ It was the flowering of the city, by its receiving the influx from Zion and transmitting it to the lower worlds, not its assimilation to Zion that Kabbalists were writing about in explicit terms. Also the imagery they used, the center, the navel, or the last vertebra, do not easily allow an assumption of a change of its place in the theosophical system.

These considerations may help answering a question related to the baroque forms of symbolism that include also the multiple Jerusalem symbolism. As mentioned above, most of the Kabbalists active during the first three centuries of the history of Kabbalah had scarcely seen the terrestrial Jerusalem with their eyes: Nahmanides is no doubt an exception, though he has seen indeed a desolate city after the conquest of the Mongol hordes. Their life in the Diaspora is often understood as an exilic life, one in which it is difficult to achieve a supreme form of mystical experience, and indeed this is the approach of Nahmanides. To resort to Gershom Scholem's "diagnosis," in the pre-Messianic forms of Judaism, religious life of the Jews was in "deferment,"

¹⁵³ See M. Idel, *Enchanted Chains: Rituals and Techniques in Jewish Mysticism* (Los Angeles: Cherub Press, 2005), *passim*.

¹⁵⁴ See above note 130.

an experience of plenitude being impossible,¹⁵⁵ a statement parallel to Eliade's more famous "nostalgia of the Paradise." In both cases, different as the points of reference are, an assumption that the religious persons of one sort or another live a life of alienation is presupposed as evident.

Let me attempt to describe the discussions above as ex-centric life, as they took place not only before the coming of the Messiah, in Scholem's terms, but also outside the sacred center, *à la Eliade*. These two eminent scholars, different as they were in many respects methodologically and from the point of view of the primary source they used, nevertheless shared a strong propensity to reduce complex approaches to relatively simple visions: if for Scholem the predominant religious axis in Judaism including Kabbalah is the temporal one, is profoundly informed by the problematic of exile and redemption,¹⁵⁶ for Eliade the centrality of the sacred place is one of the most defining characteristic of archaic religions, though he was also concerned with the regeneration by the return to the primordial time. To judge from these two points of scholarly view the content of the approaches found in the Kabbalists we mentioned above, we may assume, that the Kabbalists' approach allows only some form of peripherally mystical life, less intense than their religious systems would claim it is possible to achieve, at least in principle. Guided by strict objective criteria, which are to be understood as shaping religious life these scholars were much less concerned with the possibility that the religious *imaginaire* created by the Kabbalists can play as important and formative a role in the inner life as the external facts may do.

The possible answer to the scholarly claims presented above is rather complex. In my opinion, mystics rather rarely build up systems that will diminish their religious life. Judging from what we know about the different views of R. Isaac of Acre, the author of the anonymous passage on the two sefirotic Jerusalems, he claimed that it is possible to concentrate daily, though relatively shortly, on the Infinite, as part of contemplation during prayer. This means that the projection of the symbol of Jerusalem to the level of *Keter* is not merely putting this value on a pedestal, but part of construing an approach that is not hindering its contemplation. It is not a deferral effort, but part of a continuously developing theosophical system that allows access to and experience of the metaphysical realm where the heavenly Jerusalem has been projected.¹⁵⁷ In fact, the same Kabbalist claimed that the very life in Jerusalem as a city is not sufficient for an intense religious experience, but if someone's soul is dwelling in a Jewish body, which is called *'Eretz Yisrael*, the land of

¹⁵⁵ Gershom Scholem, *The Messianic Idea in Israel* (New York: Schocken Books, 1972), p. 35. See also *ibid.*, p. 7, 202.

¹⁵⁶ See, e.g., Gershom Scholem, *Elements of the Kabbalah*, *op. cit.*, p. 6.

¹⁵⁷ On the question of plenitude of religious experience in Kabbalah see M. Idel, *Absorbing Perfections*, *op. cit.*, pp. 423–427, and *Messianic Mystics* (New Haven, London: Yale University Press, 1998), pp. 283–289.

Israel. In his understanding the body constitutes the earth of the soul that is named *Yisrael*.¹⁵⁸ According to this view of his, the very presence of someone in a sacred geography alone does not suffice for an intensified inner life, or for attaining a theophanic experience.

On the other hand, we know only very little about the biography of the author of *Tiqqunei Zohar*, the Kabbalist, who offered the vision that the heavenly Jerusalem is the *sefirah* of *Binah*. From a perusal of his Hebrew and Aramaic writings, it seems obvious that he was less concerned with mystical experiences but was immersed more in wild associative exegesis. This much more exegetical approach nevertheless does not mean that his symbolism could not inspire a more experiential approach in other Kabbalists, like Moses Cordovero, a Kabbalist that has been known for his intense mystical life.¹⁵⁹ In any case, my point is that no one single reading of the way in which baroque symbolism in Kabbalah functioned is plausible: it may well reflect an intensified mystical life, just as it may reflect a more ludic approach to the interpreted texts.

However, the fact that symbolic strategies moved easily from one Kabbalist to another, and were adopted within different theosophical systems, any single understanding of the way it functions would be quite precarious. It is only the painful analysis of extensive literary corpora, oftentimes complex and offering different answers to the same problem that may allow the emergence of a more plausible picture, even when quite a specific symbol is concerned. Comprehensive descriptions of Kabbalah, not to speak of religion in general, are often times no more than scholarly exaggerations that reflect much more the biases of the scholar than the variegated content of the wide range of extant material. What can be done in a responsible manner is to allow the analyses of as many details to shape the emergence of more diversified and comprehensive pictures, rather than impose such a general picture on some few of the available details. Processes of internalization of religious life, which reinterpret the temporal and special dimensions of earlier forms of religion played a central role in later elaborations, and they should be attributed a major role in the understanding of the complexity of religious phenomena. These processes created new religious territories, imaginary as they might be, but quite concrete for the Kabbalists, who did not need the real territory of the earthy Jerusalem in order to achieve experiences of plenitude, but refused at the same time to give it up. However, even beyond the belief in the special status of the geographical Jerusalem, the fact that the Kabbalists believed in the valences of the words related to it, constitutes a starting point that is not essentially different from those religious persons who believed in the specially status of certain places as the center of the world. I conceive the possibility

¹⁵⁸ M. Idel, "Jerusalem in 13th century Jewish Thought," *art. cit.*, pp. 281–282.

¹⁵⁹ See R. J. Zwi Werblowsky, *Joseph Karo, Lawyer and Mystic* (Oxford: Oxford University Press, 1962), pp. 50–54, and M. Idel, *Studies in Ecstatic Kabbalah* (Albany: SUNY Press, 1988), pp. 126–131, 136–140.

to attribute new meanings to a word, as religiously significant as attributing a new meaning to a place.

In any case the possibility that symbols acquire new life by migrating from one system to another, and do not express always the same message, may be exemplified also from the transition of the sexual and hypostatic understanding of Jerusalem to a famous English poet. William Blake (1757–1827), who in a few instances in his poem *Jerusalem* (1804), defines the relationship between Albion and Jerusalem as the male-female relationship, whose sexual union leads to perfection. In light of the fact that Blake himself was acquainted with the Kabbalistic conception of Adam, whom he identifies with Albion, it may reasonably be assumed that the feminine nature of Jerusalem is a consequence of Kabbalistic influence, perhaps mediated by Emanuel Swedenborg or by Zinzendorf. The fact that a personalized Jerusalem is described by the English poet as an Emanation of the Giant Albion, and as a feminine hypostasis strengthens this hypothesis in a considerable manner. And, perhaps, Blake's male Albion that functions as a name for Adam, is connected with the masculine valences of Zion¹⁶⁰ in some of the Kabbalistic passages dealt with above.¹⁶¹

¹⁶⁰ Zion occurs several times in Blake's poem as a geographical term.

¹⁶¹ See, e.g., *The Complete Poetry and Prose of William Blake*, rev. ed. by David Erdman and Harold Bloom (New York: Doubleday, 1988), p. 166. For Blake and Kabbalah see A. A. Ansari, "Blake and the Kabbalah," in A. H. Rosenfeld (ed.), *William Blake — Essays for S. Foster Damon* (Providence, R.I. 1969), pp. 199–220, especially pp. 204–205. See also Harold Fisch, *Jerusalem and Albion: The Hebraic Factor in Seventeenth-Century Literature* (London, 1964), p. 12, note 1, Sheila Spector, "Blake's Milton as Kabbalistic Vision," *Religion and Literature*, vol. 25 (1993), pp. 19–33, and Marsha Keith Schuchard, *Why Mrs Blake Cried: William Blake and the Sexual Basis of Spiritual Vision* (London: Century, 2006).

МАТЕРИАЛЫ К ПОТОКУ «УТОПИЯ»

Материалы для семинаров Юрия Левинга и Евгения Фишзона	355
<i>Б. Шац. Иерусалим отстроенный</i>	355
Книга первая (Перевод А. Полян)	355
Книга вторая (Перевод Е. Вилковой под редакцией А. Полян)	394

Б. Шац

Иерусалим отстроенный Сон наяву

Книга первая

Иерусалим, 5584 — 1923/1924

Сказал рабби Ѓошайя: да станет Иерусалим светочем для всех народов, и да устремятся они туда [Псикта].

[Из текста рукописи вымараны все упоминания об истории «Бецалеля». Я счел, что время публиковать эти сведения еще не настало. Вымаранные пассажи заменены рядами тире. Поэтому, к сожалению, в тексте появились темные места — непонятные читателю. Б. Шац]

В честь 12-летия «Бецалеля», 1906–1918
Посвящается всем друзьям «Бецалеля»
Тверия, нисан 1918

На тихих берегах озера Киннерет, в спокойном горном Цфате — там писал я эту книгу в дни бурных событий 5578 [1917–1918] года.

Тогда бежал я из пораженных бедствием Цфата и Тверии, чтобы не видели глаза мои случившегося горя. Чтобы не слышать плача голодных детей, чтобы не обезуметь от увиденного.

И тогда из глубин памяти моей воскресло старое видение, вдохновлявшее меня в лучшие мгновения жизни. Им постарался я утешиться в бедствии, которое меня окружило.

Оно дало мне сил отрешиться от кромешного ужаса и уповать на наступление благополучных, светлых дней — дней нашего возрождения, на благо которого я давно тружусь.

Теперь, спустя шесть лет после написания книги, листая ее страницы, я с удивлением для себя обнаружил, что многие мои фантазии и идеи, которые я в воображении связывал с грядущим Иерусалимом, каким он будет через 100 лет, уже получили первое воплощение. А если так — кто знает, не уготована ли та же участь остальным моим мечтаниям, высказанным в этой книге?

Это и подвигло меня ее напечатать.

Однако пока Палестина населена людьми — нам, евреям, очевидно, что ныне человечество находит упоение в жестокости и дикости, что ему свойственна такая бесчеловечность, какой не было в самые мрачные дни прошлого — которые вписаны в нашу историю кровавыми буквами. И все же я чувствую, что все происходящее — это последние содрогания, которыми закончится агония мирового зла.

Приходит конец поколению злодеев, ему суждено погибнуть — и оно погибнет!

Верь! Ибо блажен, кто верует.

Иерусалим 1924

Предисловие

Несчастен был я, несчастнее всех людей на земле.

Солнце закрыли грозовые тучи, холодный ветер продул мое теплое жилище, земля затряслась у меня под ногами.

В сердце мое, где всегда под куполом голубого неба цвел чудесный сад, вполз черный червь сомнения и отчаяния. Он медленно, но верно пожирал корни растений...

И тут со мной произошло удивительное событие...

Это случилось в пятницу после полудня. Рутинная работа в «Бецалеле» уже прекратилась, двор замер в ожидании субботы. Никого не было, все было закрыто, полная тишина. Это необычное молчание — ведь в «Бецалеле» всегда шумно — навевало печаль. Я поднялся на крышу и сел у светильника на башне. Раньше я любил смотреть оттуда на город и предаваться мечтаньям.

Уже долгое время я там не был...

Я был подавлен, в сердце — червь сомнения. Я почувствовал полное одиночество: все мои друзья были далеко, в других странах; палестинским своим собратьям я был чужаком, чужд был я и домочадцам. Я не мог выносить их участия, они смотрели на меня с жалостью. Слово «Бецалель» я не мог слышать без боли...

На башне — тишина. Внизу — Иерусалим. Спокойный, чистый, вымытый, разубранный, как невеста, — в честь близившейся святой Субботы...

В окнах зажглись радостные огоньки субботних свечей, дочери иерусалимские произносили над ними благословения. Окна зажигаются одно за другим — все выше и выше по склону горы, до самых маленьких хижин. В небесной вышине, над горой, вдруг появилось божественное сияние — как будто сама Шхина благословляет свечи... Сердце преисполнилось покоя... Я вспомнил детство. Маленькое местечко, все жители — евреи. Местечко точно так же освещалось перед субботой. Вот канун субботы, я замешкался на берегу реки и спешу домой. На пороге дома мама, она тревожно смотрит на дорогу, боится: вдруг на реке случилась беда?.. Я торопливо втискиваюсь в субботнюю одежду и смотрю на красивое мамино лицо. Она молится: просит за детей, за мужа и молит о скором избавлении всего народа Израилева. Мама, мама! Кто он — народ Израилев? Те, кто всюду спешат, стремятся заполучить все блага этого мира, или те, кто томятся здесь в ожидании мира грядущего? И от тех, и от других далек я, и те, и эти мне чужды.

Они...

Идемте, возрадуемся! — радостно поют в ближайшей синагоге.

Идемте, возрадуемся! — окликаются в другой синагоге. В третьей. В четвертой. Со всех сторон — радость встречи субботы.

Иди, возлюбленный мой, к своей невесте, встретим Субботу...

Владыка мира! Твой народ возносит песни, встречает святую Субботу — невесту, которую Ты дал ему по милости своей...

Мой взгляд упал на башенный светильник — семисвечник. Давно я не зажигал его в честь субботы.

Вдруг на фоне светильника проступила картина: человек средних лет, высокий и статный, в темно-красном плаще, на гордой его голове — небольшая белая шляпа, а из-под нее выбивались черные длинные лохмы. Он стоял отвернувшись от меня, лица его я не видел.

— Кто это? — изумился я. — Как он поднялся сюда? Я и не заметил.

Видение как будто заметило мой взгляд. Человек повернулся ко мне и пристально на меня посмотрел. У меня перехватило дыхание, сердце захолонуло... Передо мной стоял библейский Бецалель. Я узнал его: это он, тот, кто стоял в тени Бога¹. Это его искусные руки возвели Скинию завета. Он преисполнен мудрости. Блестящие глаза, глаза художника, смотрели теперь прямо мне в душу.

— Учитель мой, господин мой! — прошептал я замершими губами. Я сидел как на гвоздях, не в силах двинуться с места от изумления.

— Сын мой, — ответил он сердечно и посмотрел на меня с такой отеческой любовью, с такой жало-

1 Бе-цель-Эль — 'в тени Бога' (иврит).

стью, что я задрожал всем телом, из глаз полились слезы. Я упал на землю, как стрела. Уронил голову на колени и горько заплакал.

— Встань, сын мой, вытри слезы! — сказал он мне ласково, протянул ко мне свои сильные и в то же время нежные руки, поднял и усадил рядом с собой.

— Будь сильным и мужественным, не отчаивайся! Работа твоя еще не окончена — сказал он мне твердо.

— Учитель мой и господин мой! Устал я, обессилел! Одинок я... Нет у меня друга, который бы поддерживал меня, нет никого, на чью грудь я мог бы преклонить голову. Некому мне выговориться... Никто не понимает ремесла моего. Да и в мое сердце закрадываются сомнения о смысле моей работы. Сомнение гложет меня изнутри.

— Верь! Это основа успеха. Только благодаря вере сынам Израилевым удалось превратиться и рабов фараона в свободный народ. Только вера дала нам сил вынести долгое изгнание — она и принесет нам избавление.

— Учитель мой, господин мой! Холод, холод вокруг меня. Жажда наживы ожесточила сердца сыновей моего народа, мелкие расчеты оглупили его. Еврей думает только о купле-продаже. Из избавления он тоже хочет получить свой профит — где уж мне научиться вере у мертвых душ?

— Молчи, человек! Не говори так об избранном народе, не очерняй верующих. Торгашество — болезнь, постигшая его от горечи изгнания: она возникла, чтобы защитить его от злодейства других народов. А вера — веру дала ему Земля Израиля, где сложилась душа этого народа. Вера — основа основ нашего народа. Даже в самом тяжелом изгнании не умирала душа его. Она не умерла, она спит. Разбуди ее! Вспомни себя: мальчиком ты ушел из родительского дома без гроша в кармане, чтобы получить образование? Просветители раскрыли тебе глаза, просвещение пробудило тебя. Подумай: как много их — тех, кто приехал в Землю Израилеву, старался на благо всего мира и отдал жизнь за святую идею — без всяких мелочных расчетов! Придет день — в голосе его зазвучала пророческая торжественность, — и народ мой сбросит с себя бремя торгашества, отринет весы ханаанские¹, перестанет торговать со всеми народами мира, которые уже затронуты тлением, — и свергнет в Земле Израилевой злодейскую власть. Он свернет горы, чтобы возвести новый светлый мир. И тогда все сыны нашего народа, рассеянные по многим странам, объединятся, и с четырех концов вселенной придут сюда, отстраивать страну — ныне пустынную. Торгаши — поодиночке, а те, кто будут строить, — объединятся. Только рабы, которые строили пирамиды, могут пожертвовать всем ради Сиона, всем до самой запретной черты.

— Учитель мой, господин мой! Когда осуществляются слова твои? Успею ли я увидеть эту пору прекрасную при жизни? Я уже стар, силы мои на исходе.

— Нет! Твоя задача — завершить работу! Не бросать начатого — это не в твоей воле. Трудись и верь!

— Помоги мне, наставник! Укрепи во мне веру, дай мне надежду, наставляй меня! Открой мне глаза — чтобы я смог увидеть грядущее издалека, или покажи мне во сне его тень. Тогда оживет душа моя — и у меня появятся силы трудиться дальше.

— Сын мой, ты слаб — но я открою тебе глаза. Ты увидишь и плод своего труда, и плод труда своих сподвижников, которые отстраивают разрушенный Иерусалим и возвращают к жизни народ в стране, которая тоже возрождается. Во сне ты увидишь все. И наяву увидишь сны свои — но знай, жизнь сновидца тяжела, а еще тяжелее — если он будет рассказывать о своих видениях всем. Скрывай их и таи, пусть они горячат тебе кровь, пусть вернут тебя в дни юности — и ты будешь вечно молод.

И он возложил персты мне на глаза, коснулся пылающей рукой моего лба — и медленно сказал: пойдём!

1.

Мы с учителем оказались в прекрасном саду, недалеко от аэродрома. Потом сели в самолет — и полетели. Мгновение — и мы парим в чистом воздухе, над нами — голубой небосвод. Под нами — город невиданной красоты: холмы, долины, высокие башни, купола, плоские блестящие крыши, сады, водоемы и мосты над лощинами.

1 Осия 12,8: «Хананеянин с неверными весами в руках любит обижать».

— Что это? — спросил я у наставника.

— Иерусалим. Иерусалим отстроенный.

— Иерусалим отстроенный! — воскликнул я в восторге. — Давай спустимся? Будет отрада взору, услада сердцу. Пройдем по рынкам, по улицам, увидим, как возведен город, как устроен, как в нем живут? Есть ли еще «Бецалель», как он?

— Подожди, не спеши, — ответил мне наставник с доброй улыбкой. Ведь ты художник, и ты должен знать, что сначала надо посмотреть на город целиком, на общий план, крупные линии, потом — на частности, и только после этого ты сможешь правильно понять, как устроен «этот город вообще». Так мы и поступим. Я покажу тебе Иерусалим, сердце Земли Израилевой, сверху, извне. Мы окинем взором всю Землю Израилеву. И только потом я спущу тебя на землю. Там уже не будем ни лететь, ни ехать. Весь Иерусалим, вдоль и поперек, мы пройдем пешком. Куда ни поставишь ногу — каждый камень здесь свят. Видишь? — он показал мне на несколько зданий в самом центре города. — Это Храм.

Я тут же наклонил голову — старался успеть увидеть Храм. Но с огромной высоты, на которой мы летели, я не смог ничего ясно разглядеть. Видел только плоские крыши, вымощенные дворы. Что-то блесло — не то золото, не то вода. Зелено-голубые островки растительности, тень башни. Одно мне удалось разглядеть ясно: эти несколько зданий горделиво возвышались над всей застройкой прекрасного города, в самом центре. Все улицы вели туда. Эти здания были окружены оградой, в которой со всех сторон были пробиты ворота. А от одних ворот, в которых я узнал Золотые ворота, вел мост — через Иосафатову долину к Масличной горе.

— Учитель, господин мой! Приносят ли жертвы в Храме?

— Теперь искупают грехи не так, как в древности, — не жертвами, не кровопролитием, не убийством невинного создания, — а раскаянием в дурных поступках.

— Что же делается в Храме, что находится в нем?

— В Храме почиет душа народа Израилева. Туда идут евреи, чтобы возвыситься духом, чтобы узнать народную душу. Там собрано все, что евреи создали за тысячи лет, трудясь на благо всего человечества. Там музей — музей еврейского искусства, памятник народному гению. Там почиет дух Божий.

К западу от Старого города, напротив Яффских ворот, на горе, где находился нижний пруд¹⁸, — прекрасный купол: я узнал мечеть Омара.

— Мечеть Омара раньше находилась на Храмовой горе, а потом ее перенесли сюда, на эту прекрасную гору — в знак благодарности арабам, нашим добрым соседям, за то что они бережно хранили наши святыни.

— А это башня Давида?

— Верно. Она отреставрирована, и теперь в ней консерватория, музей музыки и концертный зал.

Подул ветер, струны арфы Давида запели.

Постепенно я стал узнавать знакомые места: Масличную гору, могилу Авессалома... К моему удивлению, надгробий на могилах не было: по всему склону — трава, крыши, купола, башни...

Наставник, как будто прочитав мои мысли, сказал:

— Масличная гора перестала быть горой мертвых — теперь это гора живых, видишь? Здесь, прямо напротив Храма, на улице Золотых ворот, возвышается здание редкой красоты — Дворец мира, принадлежащий Лиге мира среди всех народов земли. Это здание мы построили и подарили Лиге — в знак благодарности: ее стараниями мы смогли вернуться в свою страну и стать независимым народом. Круглое здание рядом с Дворцом — это наша Палата представителей, здесь заседает Синедрион. Выше по склону горы — многочисленные здания, прекрасные дворцы, сады, чертоги и башни. Все это прославит еврейский народ: ведь перед нами Явне — район, в котором расположен наш университет. Здесь все факультеты, библиотеки, лаборатории, обсерватория — вон в той башне с куполом (он показывает пальцем), — зоопарк, ботанический сад, музеи по разным наукам и огромное общежитие на нескольких тысяч мест — для студентов «Явне».

Самолет пролетел над Силоамским источником, по направлению к Иерихону. Перед нами — новые виды: обширный пестрый сад, самые разные цветы, фонтаны, чистые пруды. На зеленых склонах — сотни белых плоских крыш. Наставник сказал мне: это «фабрика здоровья». Здесь излечиваются от всех болезней, и здесь же — учреждения, которые стараются искоренить болезни на земле.

1 Видимо, имеется в виду система прудов, выкопанных римлянами в 1 в. н.э.

— А что это за длинное здание сбоку от Масличной горы? И что это за башни с блестящими крышами вокруг него?

— Это источник света для Иерусалима. На высоких зданиях — искривленные зеркала, которые концентрируют солнечный свет. Энергия, которая в них накапливается, будет преобразована в электричество. Видишь пруды? В них отражаются небеса и наш самолет. Это городской запас воды. Этой водой орошаются сады, на ней работают заводы, ее используют для всяких прочих нужд. А вода для питья поступает по трубам из «бассейна Соломона» и источников в окрестностях Иерусалима.

— Откуда берется так много воды, чтобы заполнить все эти водохранилища?

— Это дождевая вода. В Иерусалиме выпадает кубический метр осадков на квадратный метр площади — не меньше, чем в холодной России. Дожди идут только зимой, кратковременные, но сильные. Огромным потоком вода устремляется к Мертвому морю по ущельям. Раньше эта вода была грязной — поток увлекал за собой куски почвы, — а теперь наши инженеры изобрели систему, которая позволяет задерживать эту воду. Теперь в Иерусалиме всегда будет достаточно и воды, и тени.

— А болезни? — спросил я. — Жители города все еще страдают от малярии? — я вспомнил, как мы заболели от дождевой и колодезной воды.

— От всех городов мира Иерусалим отличает уникальный климат — он оздоравливает. Иерусалим лежит в горах, он залит солнцем, здесь всегда дует ветер. Ее пышная растительность смягчает контраст между днем и ночью. Болот здесь никогда не было. Единственным источником болезней были ваши колодцы. Именно от них все и заболели — и заражали друг друга. К тому же вырыть эти колодцы — по одному в каждом дворе — стоило огромных усилий и больших затрат. В этом слабость тех, кто сам по себе. Сейчас, когда все делается обществом ради общества, достижения велики, а цена низка. Посмотри: вот двенадцать прудов, один под другим, по склону горы. В каждом из них — запас воды на месяц, по числу месяцев в году. Трубы, по которым вода поступает во все части города, проложены только от нижнего: он пополняется из тех, что над ним, — и вода находится в постоянном движении. Каждый месяц один пруд вычерпывается полностью — тогда его чистят. Еще в прудах выращивают рыбу — дело огромной пользы для города. Не думай, что эти пруды — источник заразы: напротив, они освежают и [нрзб] воздух. Смотри, какие прекрасные деревья растут вокруг. Это место знаменито благодаря своему здоровому воздуху, нигде больше в городе нет ничего подобного. Здесь «детский рай».

— Что такое детский рай? — спросил я. Сверху было видно только большой участок с домами, деревьями, огородами и площадками.

— Здесь за казенный счет живут дети от 3-4 до 12-13 лет. Они растут, учатся. Все вместе, в равных условиях, все одинаково одетые, все учатся по одной системе. Потом их распределяют по разным школам — с тем или иным уклоном. Обучение там тоже не стоит им ни копейки, каждый выбирает специальность в соответствии со своими способностями и склонностями. Сейчас не так, как раньше. Когда-то профессию ребенка определяло желание родителей, их амбиции и толщина кошелька, и каждая профессия изобиловала невеждами и бездарями, а дарования многих бедняков пропадали втуне. Этот скорбный обычай, по счастью, отжил свое.

— Учитель, господин мой! Разве можно отбирать детей у родителей? Лишить родителей радости видеть, как ребенок растет, развивается, умнеет, становится человеком? Лишить их радости обнимать и целовать своих детей, чувствовать, как они льнут к тебе своим нежным и теплым тельцем?

— Не торопись, сын мой, забрасывать меня вопросами. Я же сказал тебе: сначала увидим город в общих чертах, а детали — потом. Когда ты спустишься на землю и осмотришь «детский рай», ты захочешь, чтобы и твоих детей «отобрали», и будешь плакать, что твои дети родились сто лет назад и сполна получили «родительской любви»...

— Сто лет назад?! — воскликнул я про себя, и от изумления смог больше произнести ни слова.

Наш самолет повернул — и нашему взору открылись новые виды. На востоке — крыши домов, часть из них — стеклянные, рядом с домами — булыжники, которыми мостят улицы. До моего слуха донесся звук отесываемых камней.

— Здесь государственное архитектурное управление «Строитель» и каменоломни. Здесь проектируют все здания и готовят для них строительные материалы. Разрабатывают проекты знаменитые архитекторы, апробирует — совет по градостроительству. Проект должен соответствовать назначению здания, дома — быть красивыми, крепкими, пожароустойчивыми, не вредить здоровью человека и окружающей среде. Все эти требования применяются не только к общественным зданиям, которые должны отражать дух народа и соответствовать уровню его просвещения, но и к жилью: каждый чело-

век вправе построить дом на свой вкус. Безобразное здание на улице отвратительно глазу прохожих, как куча мусора претит обонянию. Основателем «Строителя» был «Бецалель».

— Учитель, покажи мне «Бецалель»!

— Не торопись, сдержи себя. Сначала я покажу тебе общий облик города, который «Бецалель» создал, сияние, которое от него исходит, — а потом увидишь и сам «Бецалель», солнце Иерусалима.

Посмотри на юг — на «район-мастерскую»: там работают сотни тысяч людей, занятые в самых разных отраслях производства — тех самых, которые в Земле Израиля ввел, привил и распространил именно «Бецалель».

— А что это, там, вдалеке? Солдаты, пушки — война! Падают смертельно раненные! Пламя полыхает!

— Успокойся. Это всего лишь представление, которое снимает кинематограф. Там находится «Менора» — наша кинофабрика. Сейчас снимают фильм о народах Европы, которые стараются доказать свое превосходство и насадить повсюду просвещение.

— Неужели в Земле Израиля больше не бывает войн?

— Бывают, но они не такие, как раньше. На свете больше нет народов, которые стремились бы отличиться своей жестокостью, учинить кровопролития, которые жили бы разбоем и уничтожали бы чужие войска. Теперь все правительства стремятся развивать в своем населении добрые инстинкты, готовить граждан к борьбе с природой, чтобы одержать над ней победу и использовать на благо человеку.

— Давно ли прекратились войны?

— Сто лет назад. Нелегко было этого добиться, не сразу люди отучились воевать. Тогда была мировая война, погибли миллионы. А еще больше, чем солдат на фронте, погибло женщин, стариков и детей в тылу — от голода и болезней. Около пяти лет длилась война. Это были самые ужасные годы во всей истории человечества. «Бывает время, когда человек властвует над человеком во вред ему»¹. Но в конце концов, миропорядок, основанный на зверстве, изжил себя. Пробил час — и наступил день суда над всеми нечестивыми правительствами, сильным народам, которые угнетали своих слабых соседей, за все воздалось по заслугам. За кровожадность, за разбой и обман, которые оправдывались любовью к родине. За то, что многих людей специально учили убийству как ремеслу, а умнейших людей страны заставляли лгать, стравливая одни народы с другими. За то, что многие умы были заняты тем, что изобретали разные орудия убийства. И за то, что к рожденным женщиной якобы относились как к Божьему творению, а на самом деле видели в них только пушечное мясо и покорных рабов... Убийство началось очень просто: народы, а точнее, их «предводители», всегда на словах стремились к миру во всем мире. Но в действительности десятилетиями все народы только и знали, что вооружались. На заводах отливали пушки, в школах и церквях готовили партизан, преисполненных ненависти к другим народам. На улицах и в кабаках воздавали славу героям, которые живут войной. На груди у героев кровавой бойни и политиканов-демагогов красовались кресты — символы их бога, «бога любви». Женщины приходили в восторг от символов воинской доблести. Но ни одно правительство не было уверено, что его народ достаточно силен, искались союзники, сколачивались коалиции. Руками пособников политики организовывали конфликты, шпионаж, кражу документов. Среди народов, которые не желали вступить в коалицию, воцарилось смятение и паника...

Так, «мирно и спокойно», жили просвещенные народы, пока не появилось большое государство, желавшее проглотить надоедливую маленького соседа. Тогда поднялось на войну с ней другое государство, которое стремилось сделать то же самое. Первое государство призвало в союзники крупную державу — и та пришла ей на помощь. На выручку второму подоспели две державы — и так вспыхнула война, в которую оказались втянуты все народы мира. Сражались они против своей воли... Кровь лилась, как вода, целые города оказывались сожжены, целые страны разрушены — а все кричат в один голос: «Мы хотим мира! Мы боремся за вечный мир!»

И этот мир настал, настал. И принесло его не оружие врага, напавшего извне, — а внутренний враг — голод. С голов «божьих помазанников» один за другим упали монаршие венцы, из рук героев войны вырвали меч, мудрых политиков изгнали. Народ за народом освобождались от колониальных владык, чтобы самим вершить свою судьбу. Этой тяжелой работой занялись и мы — «народ мира». Мы помогли всем народам новый мир построить — прекрасный светлый мир. В обмен на это другие народы позво-

1 Экклезиаст 8:9

лили нам оживить не только имя «народ Израилев», но и название «Земля Израиля» — и тем самым вернули нам старый долг.

— А что это за люди в бело-голубой форме, там, в долине? Неужели солдаты?

— Нет, это молодежь из спортивных организаций — «Ге-халуц», «Маккаби», «Шимшон» и «Га-шомер». Тут молодые люди развивают тело, укрепляются духом, привыкают к дисциплине, запасаются терпением — едва ли у армии можно научиться чему-нибудь достойному, кроме этого.

— А что это за стеклянные террасы там, на горе?

— А это столовые для всего населения города. Теперь не так, как в твои дни: женщины не готовят каждая для своей семьи, у себя на кухне. Теперь это дело специалистов: они готовят на всех, с помощью новейших приборов. Женщина перестала стоять над горшками и кастрюлями — как до этого она перестала прясть и ткать. Теперь еда дешевле, здоровее и вкуснее. А женщина не должна томиться в дыму кухни, она больше не привязана к вечной отупляющей готовке.

И снова наш самолет описывает круг. Под нами — приятное тихое место, окруженное забором. Тесно посаженные высокие деревья, между ними постройки.

— Это монастырь? Обитель кознов?

— Нет, это Неве Шаананим, район для художников. Здесь живут и творят члены «Бецалеля». Художник, как и мыслитель, должен жить в тихом спокойном месте, вдалеке от мира бурных событий, он должен быть оторван от будничных дел, ему нужен особый воздух, ему нужно жить вместе с друзьями — товарищами по цеху. В Неве Шаананим живут и музыканты, и поэты, — все, кто благословлен даром творца. И еще: сейчас искусство не разделено на отрасли, как раньше, — есть стремление объединить их, и художники, работающие в разных направлениях, уже немало совершили для этого.

— А где находится «Бецалель»?

— Вот он, в домах рядом с Неве Шаананим. Там — школы, лекционные залы, выставки, музеи и сады. Но сначала тебе предстоит оглядеть всю страну.

Учитель крепкой рукой потянул на себя штурвал — и машина взмыла ввысь. Мы летели все выше и выше, воздух вокруг нас становился все холоднее.

Я посмотрел на землю... Моим глазам открылся умопомрачительный вид — как будто перед глазами была розово-фиолетовая вуаль. Я увидел всю Землю Израилеву, которая долгое время молчала — и только недавно возродилась.

Слева от нас вдоль всей страны — голубой простор моря. Блестел золотистый снег — это Леван и Хермон. Справа и сзади желто-фиолетовым песком блестели бескрайние пустыни.

Эта местность, невероятно красивая, была еще и плодородна: вокруг — много прекрасной пахотной земли. С небес, куда мы взлетели, я не мог разглядеть все детали, но одна вещь бросилась мне в глаза. По поверхности земли были разбросаны светлые пятна, точки, из которых исходили пучки световых лучей. Эти лучи сливались с другими, исходящими из других точек. И все это пространство было похоже на невероятный ковер.

— Что это за точки и лучи света? — спросил я учителя.

— Это горы и предместья — они составляют большую часть поверхности страны. Крыши домов в Земле Израилевой сделаны плоскими и покрашены в белый цвет — чтобы в домах не было жарко. В городах, где застройка тесная, с высоты они кажутся тебе белым пятном. А в деревнях, где домов меньше, а места между ними больше, отраженные солнечные лучи видны даже в соседних пригородах.

— А кто живет в деревнях? Крестьяне, которые обрабатывают там землю? Неужели их так много? И неужели хватит земли, чтобы всем им было достаточно?

— Нет. Кроме земледельцев, которых в Израиле меньшинство, за городом живут и те, кто работает в городе. В большие города, как например, в Иерусалиме, люди только приезжают на работу — на фабрики, на биржи, в конторы, в школы, — собственного населения в них нет, — а потому в городах идеальная чистота. В каждом районе города — своя специальность, все поделено по профессиям. А вечером после работы каждый возвращается к себе домой, в свою деревню — отдыхает, дышит свежим воздухом. Для работы человеку нужно быть рядом с коллегами, а для жизни, дома, — только семейный круг. Мой дом — это мой мир.

— Земля Израилева, видимо, плотно заселена. Сколько в ней жителей?

— Больше 20 миллионов, и их число растет. Кроме естественного прироста населения, есть еще приток: каждый год сюда стекаются многие люди со всех концов света.

— А есть ли на свете антисемитизм? Почему евреи еще переселяются сюда из других стран?

— Официального антисемитизма больше нет, и отдельные люди боятся прослыть юдофобами. Во всех странах евреи обрели равноправие. Там, где есть большие еврейские общины, — есть и самоуправление, и представительные органы. Однако зловонное наследие бесславного прошлого не исчезло: не зря две тысячи лет христианская церковь стремилась насадить ненависть к евреям. Да и нам еще не удалось искоренить страх и недоверие по отношению к неевреям. Поэтому и сейчас евреи предпочитают жить среди евреев, хотя не только евреи приезжают сюда: представители других народов тоже поселяются здесь, потому что страна наша прекрасна, обладает высокой культурой и нравственностью. В этом мы опережаем все остальные народы, и это общеизвестно. Силой традиции привита нам природная ненависть к кровопролитию, разврату, пьянству, барству и рабству. И хотя мы были в изгнании две тысячи лет, духовно мы остались свободным. Мы — народ жестоковыйный, как во дни учителя нашего Моисея.

— Учитель, господин мой, ты вознес меня на высоту птичьего полета, и глаза мои различают лишь гармонию красок, разум же не разбирает подробностей, сердце не чувствует. Спусти меня на землю, прошу. Дай мне приблизиться к братьям — сынам моего народа, посмотреть, как они живут, узнать, что они думают, к чему стремятся. И тогда научусь я ходить их путями.

— Сын мой, не спеши. Настанет день — и все это станет тебе доступно. Но не спеши, не спеши — и ты никогда не забудешь увиденного, всегда память о нем будет в твоём сердце. Вскоре мы приземлимся в Иерусалиме, я покажу тебе твой «Бецалель». Но сначала огляди всю страну — и посмотри на три точки, из которых не выходят лучи. Это три города, обнесенные стеной. Каждый из них — отдельный мир. Первый, серый город — это «город-убежище» для преступников, которые не знают, как им жить. Второй город, розовый, — «сад любви» для счастливых которые стремятся увидеть жизнь, пока живы, а третий, голубой, там, где Иордан впадает в Мертвое море, — «Долина духов» для избранников Божьих, которые познали жизнь и постигли тайну смерти... Отправляйся в эти города — и многому научишься там.

Учитель отпустил штурвал — и самолет стал медленно снижаться. Панорама сокращалась, воздух становился горячее, Иерусалим — все больше и больше. В конце концов, самолет плавно опустился на землю, проехал на колесах небольшое расстояние — и остановился.

Мы оказались на площади, вымощенной гладким камнем, окруженной деревьями и цветниками. В середине площади был фонтан. Учитель взял меня за руку, подвел к фонтану и сказал:

— Мы находимся на территории «Бецалея». Присмотрись к фонтану.

Пояснения были излишни: все было ясно. Я смотрел на фонтан — как будто читал книгу.

Над озером возносилась большая скала, покрытая изображениями людей — мужчин, женщин, стариков, — они представляли разные виды искусства и все дерзали взойти на вершину. У них были разные лица, разные характеры, но всеми двигало одно желание — взойти на самый верх. От вершины скалы они не могли оторвать глаз. Там стоял Бецалель, сын Ури, опираясь на божественное творение, которое создали его пальцы, — Ковчег завета, — ласково смотрел на всех, кто поднимается по скале. Среди многочисленных портретов я узнал своих друзей, помощников и учителей. И самого себя увидел я среди них. Все эти фигуры создавали чудесную движущуюся линию на поверхности древней серо-красноватой скалы. Все фигуры были просто — и в то же время искуснейше сделаны, смотрелись как живые. Священный ковчег цвета постаревшего золота сливался с вершиной горы, они прекрасно гармонировали с лазурной эмалью неба. Шум воды, которая стекала со скалы как горный поток, лепетал мне таинственную сагу о бесконечной войне — рассказывал истории о мирной глубокой любви.

Передо мной была целая поэма в борзее и камне! Это было творение гениального художника, сына народа с высокой культурой!

Ниже золотыми буквами было написано:

Посвящается

Столетию «Бецалея».

С благодарностью

От художников «Бецалея».

Имя автора не упомянуто! Это коллективное творение, произведение гения еврейского народа.

От размышлений меня оторвал звук шофара — и тут же моего слуха достиг гам детских голосов и звук быстрых шагов. На площадь пришла толпа детей.

— Это ученики «Бецалеля» — сказал мне учитель.

Сердце мое затрепетало. Я устремил на них пристальный взгляд.

Дети были разных возрастов, все — одинаково одетые: светло-желтая свободная блуза до колен, шелковый пояс, шея была открыта, на ногах — легкие сандалии, красиво завязанные легкими шнурками на икрах, ноги обнажены, на голове — светлые полотняные шляпы с блестящей эмблемой. Опущенные широкие поля шляп придавали детям еще более творческий вид. У старших детей на плечах были белые бурнусы.

У всех — одухотворенные лица, все беседовали в полный голос по-детски невинно, по-доброму смеялись, пели, как птицы. Казалось, они не видят нас. Я прикоснулся к одному из них — он меня не заметил.

— Мы видим, но невидимы, — сказал мне учитель. — А теперь пойдем, я покажу тебе, что создали к столетию «Бецалеля» другие: строители, художники, графики, все выпускники мастерских, которые основал «Бецалель». Это близко — на проспекте «Бецалеля».

Так сказал мне учитель, взял меня за руку и вывел на длинный тенистый проспект, который отходил от площади «Бецалеля». По бокам проспекта — деревья, между ними, на цветочных газонах тут и там были небольшие павильоны с куполами, все в одном стиле, но разных оттенков, с разными деталями. Они были построены из мрамора, украшены майоликой, разнообразными стеклами, листовой медью, и были похожи на японские горшки в цветочном саду.

— У каждой специальности — свое объединение, у каждого объединения — свой павильон. В который из них ты хочешь войти?

— В ковровый, — вырвалось у меня. Я не раздумывал: мне страстно хотелось посмотреть, что теперь производит отрасль, которую я основал с таким большим трудом и которую желающие «исправить» поторопились разрушить.

— Первый справа! — и он ввел меня в павильон.

На стене висел огромный гобелен, сотканный из шелка. На нем изображалась самая первая сцена ковроткачества: изготовление покрывала для Скинии завета в пустыне. Под широкой сенью небес — прекрасные древнееврейские женщины за священной работой: они ткут занавески, завесы и покрывала. Бецалель и Оголиав держат в руках образец, показывают его Моисею. Поля гобелена, покрытые орнаментом, походили на роспись стен павильона. Яркие и глубокие цвета шелковых нитей сверкали, как эмаль. В этой работе сочетались достижения искусства и производства.

Внизу на медной дощечке были высечены вехи истории ковроткачества в Земле Израилевой. И для каждого десятилетия были приведены количественные данные. Из последней записи следовало, что сейчас разными видами ковроткачества занимаются 326 018 женщин.

В маленьком храме искусства царило небесное спокойствие. На полу лежал мягкий ковер, зеленый, как трава, а по стенам стояли низкие кресла, покрытые гобеленами, на них лежали гобеленовые подушки.

Жалко было покидать это место. Удобные сидения как будто звали в них расположиться.

— Присядь, — сказа мне учитель. Он читал мои мысли.

Я сел на кресло и стал рассматривать фрески.

Фрески изображали сцены из жизни женщин, занятых ковроткачеством. Они работают не в заводских казармах, а в доме, в маленькой удобной комнате, сидя у окна, дающего много солнечного света. На многих картинах были женщины, работающие под открытым небом, на свежем воздухе, в деревне, в тени деревьев, на лоне прекрасного пейзажа.

В павильон вошли люди и заслонили эти фрески, — пришлось встать и двинуться дальше.

— Куда ты желаешь теперь? — спросил меня учитель как отец, который спрашивает провинившегося ребенка.

— Посмотреть на филигрань. Эта отрасль еще существует?

— Да, но не в прежнем своем виде. Сейчас не делают чистой филиграни, она соединена с другими ремеслами, с другими видами работы по металлу. Ты увидишь: это производит совершенно другой эффект, появились абсолютно новые жанры. Во всем мире это называется «серебром Бецалеля». Он взял меня за руку и повел к павильону напротив. На двери была табличка:

«Серебро Бецалеля: украшение женщины, радость в доме, прославление Бога».

Это не дешевая реклама. Три витрины были заполнены произведениями этого ремесла, здесь было все, чего бы я ни пожелал увидеть, передо мной была целая индустрия — произведения на все случаи

жизни просвещенного человека, все сделано со вкусом, красиво — как японские поделки. И в этой отрасли тоже стерлась граница между искусством и производством.

Украшения были сделаны из золота, серебра, драгоценных камней, здесь были маленькие фигурки — из камня, слоновой кости, рога, миниатюра на эмали и слоновой кости. Украшения обладали особой красотой, свойственной лишь произведениям искусства, когда не думаешь о стоимости материалов, из которых эти украшения произведены. То же самое касалось домашней утвари: посуды, приборов для письма, одежды, средств для наведения чистоты и осветительных приборов, — священных предметов: венцов и указок для Торы, менор, свитков, футляров для мезуз и т.д., — все они отличались изяществом, прекрасной структурой, глубиной композиции. Нечто подобное я видел только в средневековых церквях.

В этом павильоне тоже была представлена хроника ремесла и статистические данные. Последняя запись гласила, что ювелирным делом занимаются 510 836 человек. Это самый распространенный в Земле Израилевой вид прикладного искусства.

Из фресок я узнал, что ювелирным делом занимаются не только маленькие артели, но и отдельные мастера, живущие в сельской местности.

Мы вышли оттуда и направились в павильон чеканных изделий. Экспонаты были сделаны из золота, серебра и латуни. Разные вещи, шкафы для Торы и прочая синагогальная утварь, украшения для домов — все было сделано из латуни и меди — и все поразило меня новизной. Было написано, что чеканкой занимаются 188 200 человек.

После этого мы зашли в кружевной павильон. Здесь были кружева из льняных, шелковых и серебряных нитей. Из фресок я узнал, что этим производством мастера занимаются дома. Последняя запись говорила, что кружевниц в Земле Израилевой 402 631.

После этого мы зашли в павильон инкрустации. Там стояла массивная инкрустированная мебель, на стенах вместо фресок были инкрустированные картины. Материалами были разные породы дерева, перламутр, металлы и др. Эта отрасль распространена в Земле Израилевой в качестве домашнего производства, в ней занят 156 241 человек.

Оттуда мы пошли посмотреть на дамасскую сталь, которая теперь называется израильской, ибо здесь это ремесло получило совсем другой характер, нежели в Дамаске. Изделия были покрыты темной патиной, изготовлены по оригинальным лекалам, украшены выступающими фигурами и драгоценными камнями. Здесь были представлены самые разные предметы, задача которых — удовлетворять все нужды просвещенного человека. В этой отрасли были заняты 162 310 человек.

Мы посетили и другие павильоны: «Плетение из золота и шелка», «Резьба по слоновой кости», «Эмаль», «Аппликации», «Батик», «Художественное переплетение книг», «Литография», «Фарфор», «Роспись по стеклу», «Миниатюры», «Резьба по дереву», «Гравировка», «Резьба», «Чеканка», «Терракота», «Фотография», «Книгопечатание» и др.

Количество мужчин и женщин, занятых во всех этих видах производства, превышало два с половиной миллиона! Я не поверил своим глазам.

— Не удивляйся! — ответил учитель моим мыслям. Еще сто лет назад в Японии декоративно-прикладным искусством занимались более трех миллионов человек. К созданию такой же отрасли, и тоже экспортной, у нас послужили те же причины, что в Японии: нехватка земли, больше количество солнечного света, красивая природа, одаренное население. Отрасль, производящая предметы искусства на экспорт, не боится перепроизводства: ей надо только быть конкурентоспособной. Именно этому посвящены усилия «Бецалеля», завоеванием новых рынков занимается правительство. Во всех больших городах мира есть наши выставки-продажи — как и эти павильоны. Если ты придешь сюда днем, то увидишь, какие крупные сделки совершаются здесь с коммивояжерами, которые приезжают со всех концов света.

В павильон «Книжное дело», где мы стояли, вошел красивый высокий седой человек. Его блестящие черные глаза вдруг изумленно засверкали. Он уважительно кивнул нам головой и вышел.

— Это большой поэт, р. Гиллель бен Шахар, преподаватель истории искусства в «Бецалеле». Он увидел и узнал нас...

Слезы застили мне глаза, я почти не видел учителя. У меня кружилась голова, земля уходила из-под ног. Я опустился на холодный пол.

— Прощай! — донесся до меня голос учителя откуда-то издалека. Он медленно исчез, а вместе с ним исчезло и все видение.

Передо мной был светильник-семисвечник. В темно-синем небе блестели золотые звезды, а я все еще сидел на башне «Бецалеля».

Колени мои подгибались, я весь дрожал от холода, а еще больше — от возбуждения, ибо из большого светлого и прекрасного мира я вновь попал в наш холодный и грязный мир. Медленно спустился я с башни «Бецалеля».

2.

И тогда началась мировая война...

Турция тоже оказалась втянута в войну. Тысячи иностранных подданных, живших в Земле Израилевой, были вынуждены уехать. Мы, евреи, решили помочь турецкому правительству, чем сможем. Среди «османизировавшихся» были и преподаватели, и первые ученики «Бецалеля». Кроме этого, мы бесплатно изготавливали вещи, нужные армии, — карты, литографии и др. Но не кончилась война — Господь послал нам новое испытание: страшную саранчу, которая уничтожила все на своем пути. Жизнь стала невыносимой, но в «Бецалеле» не унывали: занятия продолжались, ученики постигали новые и новые грани ремесла, мы, учителя, создавали свои произведения. Из-за войны нас покинули двое преподавателей и несколько учеников, но остальные ученики от этого почти не пострадали: я стал вести занятия по рисованию и графике, другой учитель — декоративно-прикладное искусство.

Время шло.

И год, когда все новоиспеченные граждане освобождались от призыва, заканчивался. Мы начали готовиться к новому году, преподавали нашим ученикам черчение, чтобы они смогли работать у военных инженеров и архитекторов, учили их писать по-турецки, старались обеспечить их одеждой, бельем, обувью и всем, чем бедное наше правительство не могло обеспечить своих тружеников. Двоих учителей и всех старших учеников призвали в армию. Новым подданным пока не доверяли оружия. Они должны были прокладывать дороги, выполнять заказы армии. Дороги прокладывали в пустыне, где крайне тяжело выжить европейцу, особенно при столь скудном питании и в столь тяжелых условиях, в которых находился трудовой фронт. Они страдали от заразных болезней — холеры, тифа, дизентерии и других ужасных недугов. Чтобы спасти учеников от всего этого, я был вынужден денно и нощно обивать пороги всех тех, от кого зависело решение; я просил о милости, молил, чтобы учеников оставили в Иерусалиме и разрешили выполнять работы, которые правительству нужны здесь. После долгих хлопот дело мне удалось: их оставили в Иерусалиме. Они работали рядом с новым городским парком, около башни Давида и мечети Омара — и помимо прочего, занимались проверкой их состояния. Они измеряли участки, чертили планы, делали каменные скульптуры — все, что нужно для огромной работы, которая тогда была начата. Архитектор и офицер были довольны нашими учениками. Но вдруг все планы изменились: что-то было отвергнуто, в чем-то — изменен план. Было решено завершить работу кое-как, на скорую руку. А учеников снова отправили в пустыню.. Никакие мои мольбы — не отправлять туда, в пекло, уроженцев холодной России, — не помогли, все мои старания были напрасны, и десятирых учеников выслали в пустыню. Единственное облегчение, которое нам дали, — нам разрешили на свои же деньги нанять для учеников подводку, которая довезет их до Беэр-Шевы.

Школа опустела. Остались только младшие ученики, ученики из стран, не участвовавших в войне, и три ученицы. Работа шла медленно, без пыла, все были подавлены. Многие чувствовали, что скоро придет их час, их тоже призовут. За работой опускались руки. Я не мог видеть это запустение. Те немногие часы, которые я должен был каждый день проводить в школе, превратились для меня в адскую муку. Я тоже не верил в успех. Я не мог уже, как раньше, отрешиться за работой от всего, что вокруг. Картина расставания с учениками все время стояла у меня перед глазами.

3.

... Тогда я лепил большой барельеф: «В день девятого ава возле Стены плача». Картина была мне близка, мое настроение было ей под стать. Но работа шла медленно. Сердце скорбело, душа моя могла только страдать, вдохновение меня покинуло.

В студии царил мрак. Натурщик уже ушел. Я уже почти не видел работу, но встать и уйти не мог. Перед глазами у меня была сцена прощания с учениками. Они держатся, смеются, шутят, я еду за ними. И чувствую я, что больше не могу сдерживаться. Я не могу больше видеть их бледные, как смерть, лица, их глаза, полные застывших слез... Бедные мои дети! Как велика ваша жертва! Вы так молоды, слабы, сможете ли вы вынести этот труд? Кто из вас вернется?

Настала ночь. В студии было темно. И вдруг на возвышении, где обычно сидит натурщик, появилась какая-то серая тень... Сердце у меня захолонуло... Я понял, что это Бецалель — учитель пришел меня навестить.

— Ты ли это, учитель, господин мой? — прошептал я, не веря своим глазам.

— Да, сын мой, я пришел к тебе, — ответил он, тоже шепотом.

Я боялся сдвинуться с места, проронить хоть слово. Я боялся, что это видение исчезнет — и я снова останусь один. В студии была крошечная мгла.

— Не бойся, сын мой, я не оставлю тебя, — ответил учитель моим мыслям. — Я пришел дать тебе свет, разогнать твою печаль.

— Спаси меня, господин мой. Я больше не могу это выносить... Я не могу видеть разрушение «Бецалеля».

— «Бецалель» оживет вместе с народом Израилевым. А пока ему остается лишь нести свое бремя, страдать вместе с народом. Ведь «Бецалель» — плоть от его плоти и кровь от его крови. Верь! Блажен, кто верует!

— Учитель, господин мой, — я свято верю в возрождение нашего народа, я верю, что оживет и «Бецалель». Ведь «Бецалель» — это любимое дитя, которое создано народом ради самого же народа. Но силы мои на исходе, устал я, глаза мои не увидят светлых дней. Покажи мне издалека. Покажи мне это хотя бы во сне. Пусть видения осветят мрак настоящего!

В темноте что-то задвигалось, сверкнуло... Я почувствовал, как нежная рука меня гладит по волосам — с теплом и любовью. Сердцу стало тепло, глаза увидели свет, голова слегка закружилась, как будто меня положили на мягкое ложе...

— Идем! — услышал я сквозь сон сердечные слова учителя.

4.

... Мы с учителем шли по окрестностям Иерусалима.

Было раннее утро. Солнце еще не взошло, но уже чувствовался его скорый восход: природа замерла в ожидании, небеса посветлели, горы приобрели розовато-голубоватый цвет, белоснежные облака стали испаряться. Все — в светлых тонах, без тени, нежное, как японская акварель, мягкое, как сон невинного ребенка...

Мы шли с учителем, меня охватила легкость от радости и счастья. Я не шел, а летел — такими легкими стали мои ноги, тело и душа. Я ощущал только горячую руку учителя — он вел меня за руку. Мы прошли по длинной улице — «Проспекту Герцля» (я прочел табличку на столбе). С обеих сторон проспекта были ряды деревьев и красивых зданий. Было видно, что это не частные дома. Перед зданиями были цветники с низкими оградами, по которым поднимались вьющиеся растения. Эти ограды не были поставлены для защиты от воров или чужих глаз, а просто для приятности вида.

Улица еще спала, людей не было видно. Проехал автомобиль, разбрызгивая на метр вокруг себя воду и вертя щетками, чистя мостовую: Иерусалим принимал утренний душ. Сверху доносился какой-то гул, похожий на жужжание пчел: там летели самолеты. Издалека — свисток приближающегося поезда. Это жители пригородов Иерусалима приезжали на работу в город. Постепенно стали появляться машины, велосипеды и пешеходы. Мимо нас быстро проехал автомобиль с молоком, на нем было написано: «Детский рай». Он вез молоко детям на завтрак.

Над землей взошло солнце. Мы шли дальше. На красивой площади, над деревьями, я увидел позолоченный Ковчег завета — символ «Бецалеля». Его осветили первые лучи солнца. Херувимы радостно заблестели под чистым иерусалимским небом. Мы прошли к «Бецалелю» и подошли к красивому зданию, окруженному каменной стеной наподобие монастыря. Видимо, обитатели этого здания решили спрятаться от окружающего мира, отделиться от шумной улицы. Мы подошли к тяжелым воротам, над которыми золотыми буквами было написано: «Бецалель». Под аркой ворот сбоку от них стояли

две скульптуры, подпись под одной из них гласила «Бецалель», под другой — «Биньямин». Я изумился, увидев сразу мраморного и живого Бецалелей, похожих видом и ликом. А мраморный Биньямин напомнил человека, которого я знал и с которым общался: это наш добрый Биньямин, первый, кто пожертвовал свое миллионное состояние и отдал более дорогое — душу, — чтобы возродить в Земле Израилевой еврейский народ.

— Это он — тот, кто за свои деньги построил все это. Когда вернешься — увидишь остальное, — сказал мне учитель.

Ворота были распахнуты. Рядом на низкой скамеечке сидел сторож и читал газету на иврите. Мы прошли мимо него, я прикоснулся к его газете — но он не заметил.

Войдя, я увидел, как много зданий теперь у «Бецалеля»! Некоторые — каменные, с плоскими крышами, большинство — из метала, обожженной глины и стекла, со стеклянными крышами полукруглой формы. Двор был вымощен красноватыми гладкими плитками, то тут то там поблескивали разноцветные камни рассыпанные, как ковер. Из тех же камней были сделаны фризы и розетки, лежавшие на земле. Напротив входа в главное здание — большой пруд, по берегам — клумбы. На широкой мощеной площади — несколько высоких деревьев, а вместо скамеек под ними были таблички, фризы и другие резные украшения зданий: очевидно, здесь проводились раскопки. По углам — памятники, бюсты, выполненные в разных стилях, а под ними — удобные сиденья. На стенах и террасах — украшения и картины: майолики, мозаики, фрески. Некоторые дома были похожи на церкви, а весь двор — на сказочный городок...

Во дворе не было ни единой живой души. Учитель привел меня в сад — за стеклянными зданиями. Это был ботанический сад, цветов было больше, чем деревьев. Вьющиеся растения образовывали живые изгороди — из-за них сад казался еще больше, чем на самом деле. Повсюду — беспорядок, всюду — стулья для рисования и черные мольберты. Кое-где стояли большие рамы с холстами — белыми или черными. На черных были мелом нарисованы посадки и цветы, простыми и жирными линиями. На белых — гармония красок и форм, цветы были едва намечены. Почти под всеми картинными были примеры стиля, в котором надо изображать цветы: розетки, фризы и т.д. Кое-где были нарисованы смешные люди — видим, дружеские шаржи. А может, и шаржи на учителей, подумал я.

— Над наставниками своими они не смеются! — ответил учитель моим мыслям. — Почтение к наставникам в них даже сильнее, чем почтение к родителям.

Мы пошли дальше по саду между двух живых изгородей, и пришли на круглую лужайку, огороженную небольшим забором. Эта лужайка напомнила мне римскую арену в миниатюре. Посередине был небольшой песчаный холмик, рядом с ним — кактус и спящий верблюд. Если бы он не повернулся к нам своей маленькой головой и огромной шеей, я бы подумал, что передо мной цветная скульптура, — так точно была подобрана композиция из кактуса и верблюда, лежащего на песке. Пришел служитель, принес свежей травы. Он прошел мимо и не заметил нас.

Я не хотел оттуда уходить. От простой этой композиции веяло библейской стариной. Я сел на один из ящиков. Вдруг откуда-то до моего слуха донеслось прекрасное пение: это пел хор, и мелодия прекрасно гармонировала со всем, что я видел вокруг себя. Мелодия была глубокой и серьезной, в голосах мужчин чувствовалась широта и мягкость, серебряные детские голоса вспыхивали, как красные и голубые блески на нашей площади. Учитель сказал мне шепотом:

— «Бецалель» молится перед началом работы. Он поет благодарственную песнь, возвещает радость утра.

Я вспомнил, как когда-то у нас в «Бецалеле» молились йеменцы: это была мольба о милости. Сколько страха и скорби было в их пении!

О Боже, о Отче! Как Ты к ним близок сейчас!

В сад приходили люди, он стал полон. Некоторые подходили к тому месту, где мы стояли. Тут началась работа. Я искал глазами учителя — но не находил. Все были одеты одинаково — так, как ребята, которых я видел на Площади «Бецалеля». Теперь к этому костюму прибавились еще широкие передники и закатанные рукава. Почти все ученики были одного возраста — 13-14 лет, и только одна девочка была заметно моложе, совсем ребенок, с огромными светлыми глазами. И были пятеро юношей 18-20 лет. Они делали такую же работу, как и все остальные, — было очевидно, что они не учителя.

— Учитель придет попозже. Когда они закончат свои рисунки — тогда он придет их проверить. Лучше, если ученик нарисует плохую картину, но сам, чем хорошую — но с учителем. Так сказал мне учитель, взял меня за руку и провел меня среди работающих учеников — посмотреть, как они рисуют.

У каждого ученика были свой мольберт и своя папка с рисунками, но сейчас все рисовали только наброски — в альбомах. Я пригляделся: ученики старались понять соотношение вещей, их движение и форму. Поэтому они часто меняли местоположение — чтобы зарисовать модель со всех сторон. После этого они походили к модели чтобы внимательно рассмотреть ее и изучить все детали и их структуру. И только после всего этого каждый возвращался на место — и начинал рисовать картину большого размера на мольберте. Для этого они брали уголь, черные и цветные карандаши, ручки и тушь. Никто из них не рисовал красками, даже самые старшие ученики, работы которых меня изумили.

— Для рисования красками есть особый класс: он вращается вслед за солнцем — чтобы освещение и эффекты красок оставались неизменными.

— А что здесь делают старшие ученики? Они прекрасно рисуют.

— Они пришли сюда не учиться рисованию, а изучать природу. Они нарисуют эскизы, наберут материала для самостоятельной работы. Каждый ученик проходит все курсы дважды: первый раз — учится рисовать на лоне природы, второй раз — изучает природу при помощи рисунка, поэтому в каждом классе ты увидишь две возрастные группы учеников.

Пришел учитель. Он был ненамного старше самых больших учеников, одет он был так же, как они. Когда он пришел, все замолчали, все приветствовали его кивком головы и поздоровались. Через несколько минут ученики снова принялись за работу — и еще веселее. Учитель подходил ко всем по очереди, разговаривал, рассматривал рисунки, хвалил, указывал на ошибки, давал советы. Ученики общались с ним совершенно свободно, и если бы они не говорили ему «наставник мой», можно было бы подумать, что он их хороший приятель. У работы девочки он задержался дольше, чем у остальных. Посмотрел особым взглядом на ее работу и поцеловал ее в лоб. В глазах девочки загорелся недетский огонь, она вскочила с места, взяла учителя за руку и не отпускала, пока он смотрел на рисунки других. Учитель подошел к очередному ученику, посмотрел на его работу и сказал, по обыкновению: «Хорошо, виден прогресс!» — и стал указывать ему на ошибки. Вдруг девочка шаловливо засмеялась. Доброе лицо учителя похолодело и стало серьезным.

— Заара, некрасиво смеяться над ошибками других, — стал он выговаривать ей печальным голосом.

— Учитель, я смеюсь не над товарищем, — ответила девочка дрожащим голосом, со слезами на глазах, — а над Вашими словами «хорошо, виден прогресс!»

— Дочь моя, — ответил учитель, смягчившись, — для него этот рисунок неплох, мальчик делает успехи, видно, что он старается, ищет — и это главное, хотя ошибок все еще много. Я хотел указать ему только на самые грубые ошибки. Абсолютного идеала в рисунке нет. Никто из нас не может создать по-настоящему хорошего рисунка. Настоящий художник никогда не скажет о своей работе, что она «хороша». Только Бог, когда сотворил мир, увидел, что он «хорош». И несмотря на это Он каждый день обновляет и исправляет Свое творение. —

Эти последние слова были обращены уже к старшим ученикам. Он встал. Лицо его снова стало веселым, и он сказал:

— Дети, кто из вас хочет повторить свой рисунок по памяти?

Тут же вскочили двое детей, принесли большой черный мольберт. Один за другим дети подходили и мелом рисовали верблюда. Все молча и уважительно вглядывались, слушали замечания учителя.

— А теперь ты, малышка, подойди и нарисуй то, чему сегодня научилась, — ласково обратился учитель к Зааре, увидев, что она все еще расстраивается из-за выговора, который получила.

Девочка, все еще бледная, уверенно подошла к мольберту и спокойно, как будто писала красивым почерком, уверенными ровными линиями нарисовала целый ряд верблюдов, у каждого — свое движение. В конце она позволила себе шалость и несколькими быстрыми движениями добавила к рисунку бегущего осла.

— Ах, ах, ах! — воскликнули все ученики в один голос.

— Ура, озорница! — послышался смех девочки постарше из последних рядов.

Девочка стояла смутившись, опустив глаза.

Я был поражен и восхищен ее рисунком. Линии были легкие, четкие и смелые, как слова на родном языке. Они в простоте выражали самое главное, то, что девочка видела своими глазами. Нечто подобное я видел только на картинах первобытных художников. Я поднял руку — и погладил девочку по шелковым волосам. Она тряхнула головой, оглянулась вверх — но не увидела меня и прильнула к учителю, думая, что это он ее погладил. Впервые я пожалел, что я невидимка.

Ученики вернулись к работе. Со старшими учитель беседовал об их самостоятельной работе. Один из них учился скульптуре, другой рисовал модели для ковров, остальные были художниками. Каждый

рассказывал о своей работе, приглашал учителя в свою студию. Они относились к нему как к учителю, обращались с ним почтительно, но не из страха, а из любви. Их глубокая любовь к искусству и к художникам чувствовалась в каждом слове, которое выходило из их уст.

А я не мог забыть маленькую Заару, которая все льнула к учителю как кошка — и в то же время внимательно слушала беседу старших. Может быть, это ее отец? — подумал я.

Учитель мой отвел меня в тихий уединенный уголок, усадил меня и прошептал:

— Он ей не отец, а учитель. Наставник выше отца, — учили нас мудрецы наши.

— А как такая маленькая девочка оказалась среди старших учеников?

— Она выше их всех, она одарена безмерно, — ответил учитель серьезно. В «Раю для детей» девочки учатся до 11 лет, а мальчики — до 13, и только после этого поступают в профессиональные школы. Но эта девочка — исключение. Ей всего восемь лет, но она уже учится во втором классе здесь. Она будет в первых рядах тех, кто развивает нашу культуру. В каждом поколении были выдающиеся люди, гении, избранники Божьи, на которых мир и стоит — это те самые «36 праведников»! Но в нашем поколении они уже не «скрыты» и непохожи на цадиков, которые были у евреев в изгнании. Нет, свободные евреи знают своих великих людей. Народ пестует своих гениев с детства, хранит драгоценный дар, который дал ему Бог. Народ дарит этим своим сынам немало любви, идет ради их возвращения на большие жертвы, убирает тернии с их пути — все для того чтобы они могли развивать свое дарование без помех, чтобы они несли свет народам и радость всем живущим на свете.

Из своего укрытия в тени я видел всю перспективу сада. Дети казались мне цветами, их звонкие голоса — голосами певчих птиц. Меня тянуло к ним, я жаждал увидеть, как они будут рисовать цветы. И учитель взял меня за руку и повел к ним.

Дети сидели среди растений, как бабочки, чертили и рисовали. Некоторые стояли за натянутыми холстами и упражнялись: рисовали все цветы и растительные элементы по памяти. Поодаль стояла группа детей — они столпились вокруг кого-то. Я пригляделся — посередине стоял седой человек маленького роста, с добрыми детскими глазами. В руке у него был белый нарцисс; приятным и сердечным голосом старик рассказывал об этих цветах: как развиваются их листья, как из лепестков складывается нежный цветок, как из чистой чашечки выпадает распространяется семя... Он говорил о цветке как о живом, он чувствовал душу нарцисса, как будто она была ему близка и дорога, — и заодно рассказывал о нежном строении цветка как художник: о плавных линиях, о светлых и скромных тонах, о стыдливых движениях... Он рассказывал, что еще в древности нарцисс был символом чистой любви. «Я нарцисс саронский» — пела наша прекрасная Суламифь в «Песни песней». Христианские художники украшали свою мадонну нарциссами, а наш молодой поэт Бен-Тамар сложил о цветке песню... И старик продекламировал текст с таким юношеским пылом, с таким сердечным движением, что я изумился, услышав это: я не ожидал услышать нечто подобное из уст старика.

Дети весело рассмеялись. К нам поспешили несколько детей: один из них нес на поднятой ладони большую лягушку, зеленую и пузатую. Старик тут же забыл про свой нарцисс и подбежал к лягушке.

— Дай мне, дай мне это прекрасное создание! Где, сын мой, нашел ты такую чудную лягушку? — И взял ее в руки так же ласково, как и нарцисс.

— Добрый Бог сотворил все прекрасным и подходящим для своего предназначения, — заговорил он. Его голос был очень приятен. Он объяснял ученикам, кто такие лягушки, — и гладил свою лягушку с нежностью, подносил ее к лицу.

Когда я это увидел, мне стало дурно, я не мог сдержаться — и отошел от них. Учитель сказал мне:

— Это наследие порочного воспитания. Ты не можешь чувствовать божественную красоту всех Божьих творений, как наши дети. Все создания прекрасны, если они здоровы и сами себя обслуживают. Только больное, увечное существо, тело которого развивается не так, как заложено природой, — уродливо и неэстетично. Человек должен быть в гармонии и со своим телом, и со своим духом. Только тогда он сможет достичь вершин красоты, подлинного совершенства.

— Покажи мне, как рисуют людей.

— Пойдем со мной, — ответил мне учитель и привел меня в стеклянный зал.

«Рисование — основа всех наук» — такая надпись, выполненная золотыми буквами, украшала вход в зал. Здесь я смог убедиться в чрезвычайно важном значении, которое придают рисованию. Когда я вошел, сотни учеников занимались работой — и несмотря на это в зале было тихо, как в храме. Не было слышно даже шороха карандашей, а шепот можно было легко расслышать. Здесь рисовали только с натуры — по 20-30 учеников возле одного натурщика. Группы разделялись переносными ширмами. Мы прош-

ли по длинному ковру — он был постелен от входа до стены напротив. По обе его стороны были группы учеников и натурщики. Стены и ширмы были выкрашены в серо-зеленоватый цвет, сверху была натянута белая ткань, чтобы рассеивать солнечный свет из окон — наподобие естественного утреннего освещения. Натурщики сидели высоко, но тени были неглубокими. Это напомнило мне светлые картины Энгра.

Натурщицей для первой группы учеников, ближней ко мне, была пожилая женщина. Она сидела в естественной позе, закутанная в бежевое одеяло, было видно только одну руку — ею она держала одеяло под подбородком. Было такое впечатление, что одеяло — ее каждодневная одежда, — так естественно лежали складки. Но от опытного взгляда художника не могло укрыться, как точно было подобрано сочетание теплого тона одеяла с бледным пергаменным цветом лица, как выделялись на этом фоне ее большие черные глаза. Мягкая кофта ложилась складками вокруг старого сухого тела. Многие ученики только набрасывали контур ее головы и добавляли мягкие тени, было видно, что они хотят передать строение головы несколькими простыми линиями. У старших учеников рисунки были совсем другие: во внешности они старались найти душевную глубину, истинную красоту человека. С большим чувством они передавали бледный и усталый блеск ее глаз. Как умело передавали они грустный и немного ироничный изгиб ее губ! Как одаренно рисовали ее морщинистую кожу — след всего пережитого! 2-3 цветных карандашей им было достаточно, чтобы передать основной тон, так гармонично, как на средневековых скульптурах. На некоторых рисунках лицо старухи выглядело более выразительным, чем на самом деле. О, здесь понимали силу рисунка, здесь учили рисовать!

Многие группы учеников должны были зарисовать только голову. Натурщики были самые разные: мужчины, женщины, старики, юноши и даже дети!

Здесь хорошо учили анатомии человеческого лица. В некоторых группах рисовали торсы — глядя на натурщиков, одетых (с них делали только наброски) или обнаженных — их рисовали и мальчики, и девочки. Взгляды их выражали только восторг человека перед красивым телом, изящным творением, взгляд художника, который стремится передать все как можно точнее. В зале были десятеро педагогов. Они медленно ходили от ученика к ученику, иногда делая короткие замечания. Через некоторое время педагогов почему-то стало больше.

Часы пробили десять. Все ученики вдруг встали, каждый вытащил из папки все зарисовки, которые сделал с натуры. К каждой группе подошел свой учитель и проверил рисунки всех учеников. Я вгляделся — и увидел, что каждый нарисовал своего натурщика по меньшей мере три раза — с трех сторон, — не считая эскизов. А ведь на всю эту работу им было дано всего три дня! Учителя требовали четкого, ясного и простого рисунка, ученик должен был работать ловко и быстро. Одному из учеников, на рисунках которого были нечеткие, размазанные линии, учитель сказал, что работа сделана хитро, трусливо и мелочно. «Лучше признай свои ошибки, чем покрывать их! Иначе ты не избавишься от них никогда». Учитель раз за разом повторял: «Рисуйте от общего к частному», «Не делайте то, чего не понимаете», «Не задерживайся больше чем нужно на одной детали», «Пойми и почувствуй — и тогда сможешь это быстро и четко выразить», «Не ищи душу, пока не нарисуешь общий вид». Эти замечания звучали мягко. Жесткость голос учителя приобретал тогда, когда видел в рисунке стремление «исправить», «улучшить» натуру. Это вызывало у учителя раздражение, на лице его появлялось выражение страдания, как будто от физической боли:

— Не надо красивых картинок! Не улучшайте творения Божьи! Старайтесь понять, учитесь правильно рисовать то, что видите и понимаете, — и красота придет сама. Не верьте, что ложь красивее истины. Помните, не забывайте, что «истина» — это печать, которой Бог отметил свои творения.

— Учитель, разве нет места фантазии, человеческим идеалам? — скромно спросила одна из учениц.

— Конечно, дочь моя, — ответил учитель другим голосом, как будто только что не ругал учеников. — Фантазия и идеал — это свет для художника. Но чтобы фантазия не была болезненной, а идеалы — фальшивыми, он должен привыкнуть к истине. Истина должна быть глубоко в его сердце, она должна быть у него в крови. Остерегайтесь лжи во всех ее проявлениях. Только тогда ваша фантазия будет как мир Всевышнего, а идеалы вознесутся, как Божий дух, тогда поймешь ты, что такое «прекрасное», «возвышенное», «божественное» — и сможешь рассказать другим языком своего искусства.

Учитель много говорил об этом. Я слушал его слова и совершенно забыл, что они говорились на уроке рисования. В конце он как будто сам хотел прерваться — и потребовал от учеников, чтобы они нарисовали изученное по памяти. Я перешел от этой группы к другой: там рисовали обнаженных натурщиков, сидящих и стоящих в разных позах. Как и в предыдущей группе, работа шла очень быстро. Подойдя, я увидел, что натурщик уже спустился со своего постаменты и ходит между учениками, об-

лаченный в широкую длинную хламиду. А на постаменте стоял ученик — и зарисовывал серию движений: вот человек оторвал тяжелый груз от земли, вот он положил его на плечо...За его работу смотрели и учителя, и ученики. Когда он ошибался, учитель останавливал его — и велел ученикам указать ему на ошибку. Если никто из них не мог этого сделать, натурщик сбрасывал свою хламиду и принимал нужную позу. Когда ученик закончил рисовать и сошел с постамента, на его место поднялся другой — и так один за другим ученики выходили, и каждый должен был нарисовать 8 поз за 5 минут. Когда я оглянулся, то увидел, что во всех группах ученики поднимаются на постамент и рисуют натурщиков по памяти.

Дверь открылась — и в зал влетел тот старик, который рассказывал детям в саду о лягушке. Он закивал головой, отвечая на приветствия всех тех, кто с ним поздоровался. Потом подошел к нам. Знатоک жизни идет! Знаток жизни здесь! — послышалось вокруг нас. Постепенно к нам подошли дети и из других групп. Все внимательно его слушали.

— Кого вы рисуете, дети? — радостно и с добротой спросил он.

— Авшалома, учитель, а в той группе — Гадассу! — ответили ему.

— А, Авшалома, прекрасно! Красивый человек, красивое и пропорциональное тело. Иди-ка сюда, а, Авшалом? Поднимайся.

Натурщик легко вспрыгнул на постамент, сбросил с себя хламиду и встал так, как раньше. Старик с восхищением смотрел на красивое тренированное тело и после этого сказал с легкой тревогой:

— Ты начинаешь полнеть, как жаль. Тебе надо больше ходить. Смотри не отрасти себе брюхо как та лягушка, которую мне сегодня подарили. — Он вынул из кармана халата сверток, чтобы всем показать, но тут же передумал.

— Здесь есть Бен-Эстер? Подойди-ка сюда, Матитьягу! — обратился старик к одному из младших учеников. — Покажи мне свой рисунок. Поставь сюда, на постамент.

Мальчик лет 12-ти, светловолосый, гибкий, стеснительный и молчаливый, принес свой рисунок и поставил его перед стариком, а сам встал сбоку. Углем был нарисован сильный человек под тяжелой ношей.

— Нарисуй здесь красным карандашом — поверх этого рисунка — женщину, несущую кувшин, в той же позе.

Мальчик сначала набросал линию плеч и бедер, потом свободными и легкими штрихами — все тело, тело женщины. На бумаге было два рисунка, два образа. Через силуэт сильного мужчины как через стекло проступал силуэт красивой сильной женщины.

— Хорошо! Спасибо тебе. Теперь посмотрите на две эти фигуры сразу и научитесь отличать строение женского тела от строения мужского, запомните разницу в их очертаниях и характере. Он указал ученикам на каждую часть тела в отдельности, показал на короткую мускулистую шею и широкие плечи мужчины, сравнил их с шеей и плечами женщины, объяснил, чем разнятся их движения. Чтобы ученики лучше поняли, он позвал Гадассу, поставил двух натурщиков в одну позу, поднял им руки, потом опустил, пальцем показал на сильные мышцы мужчины и легко погладил нежные линии женской руки — точно так же, как в саду гладил нарцисс и лягушку.

Часы пробили одиннадцать раз, затем послышался звук шофара. Все ученики стали собирать свои рисунки. Учителя приветствовали старика и вместе с ним вышли. За ними весело выбежали — кто пел, кто смеялся — все дети.

— Они идут есть. Хочешь пойти посмотреть на них? — спросил меня учитель.

— Конечно, пойдём. Но сначала скажи мне, кто этот старик? Это их учитель? Он художник?

— Да, это их учитель, но не по технике рисунка. У него другая специальность. Он знаток природы, большой ученый — но в то же время и художник. У него глаза и сердце художника. Он понимает не только закономерности строения и жизни животных и растений, но и может оценить их внешнюю форму, ритм движения, гармонию красок. В каждом растении он видит его внутреннюю жизнь, в животном — форму. Он написал монументальный труд «Жизнь» — и в нем описал целый новый мир. Этот труд его прославил во всем мире, и теперь его называют Знатоком жизни, а настоящего его имени уже никто не помнит. Он один из самых старых в «Бецалеле» учителей. Когда ему было восемь лет, он здесь учился — тогда все считали, что он станет великим художником. Но потом ему захотелось заняться естествознанием. Когда ему исполнилось тринадцать, он поступил в «Явне», в двадцать лет стал преподавать анатомию в «Бецалеле» — анатомия до сих пор остается главной его специальностью. Чтобы преподавать анатомию художникам, учитель сам должен быть художником. На уроках он говорит как ученый — и в то же время поет гимн Творцу, благодарит Его за прекрасное создание — человека.

Мы подошли к прекрасному круглому стеклянному павильону. Вокруг него была построена галерея — там росли ароматные деревья, цветы в горшках, между ними — цветная плетеная мебель и маленькие фонтанчики. Ученики мыли в фонтанах лицо и руки. Мы вошли в главный портал. Павильон состоял из одного зала. По периметру шла колоннада, колонны были в форме пальм. Крыша была из стекла разных оттенков — она была похоже на шелковое покрывало, и многочисленные растения, накрытые столы и люди были прекрасно и многоцветно освещены. У стены рядом с входом — возвышение, на нем — вдоль стены — стоял длинный стол. Он был красиво накрыт, а за ним лицом ко входу сидели люди. Рядом — прекрасный фонтан в окружении разных растений и цветов. От возвышения и до стены напротив тянулись столы. Они были расставлены как лучи, выходящие из центра круга, с каждой стороны прохода — по шесть. Десять из них были накрыты, за ними сидели ученики. Я попробовал их сосчитать — учеников была тысяча: с каждой стороны стола — по пятьдесят. Почти две трети — девочки. Сидящих на возвышении было около пятидесяти, и из них примерно половина — женщины. Когда все сели, один из учителей встал и громко произнес благословение. «Амен!» — ответила тысяча голов. Послушался легкий шорох вертящихся колес, и я увидел, как средние части столов движутся, как широкий белый конвейер. Двое учеников ставили на конвейер блюда, которые осторожно брали из ящика на стене.

Через две минуты все столы были накрыты. На каждом стояло сто тарелок. Каждый брал себе тарелку, а двое дежурных тоже сели и принялись за еду вместе со всеми. Закончив, они поставили тарелки под стол и после этого получили новые. Трапеза продолжалась меньше часа. Все это время где-то за занавесом играло фортепиано. У учителей срединная часть стола тоже двигалась, им тарелки подавались автоматически, никто их не обслуживал. Ели они то же, что ученики: рыбу, мясо, овощи и фрукты. Разными были только напитки. На столах учеников стояли бутылки с молоком, водой и яблочным соком. У учителей только в одной бутылке было молоко (у старика), у остальных были бутылки разных цветов с разными надписями. Здесь явно было в избытке пива, вина и даже коньяка.

В зале воцарилась тишина. Звуки фортепиано смолкли. Одна из учениц встала и красивым голосом произнесла благословение: «Благословен Создатель, сотворивший пищу, и да славится Вождь, Синедрион, учителя и родители». Все ответили «Амен». После этого спокойно и чинно все вышли через многочисленные двери. Учителя задержались у стола, они пили и слушали старика, который доказывал, что только молоко нужно пить молодому человеку. «Так я делаю!» — сказал он в завершение. Все засмеялись и пообещали когда-нибудь исправиться.

— Пойдем, — сказал мне учитель. — Ты видел их за работой — теперь посмотришь на них во время отдыха.

На галерее сидели ученики и беседовали. Один что-то рассказывал, а остальные его слушали. Одна девочка обняла за плечи подругу, один мальчик держал подругу за руку и играл ее пальцами, и никто не обращал на это внимания: все к этому привыкли, все с раннего детства считали друг друга братьями и сестрами. Во дворе, в уголках, в тени балконов толпились ребята. Откуда-то слышался веселый смех: там один полный мальчик изображал что-то смешное, все хохотали — и только он один сохранял серьезное выражение лица. В другом месте пели хором. В тени высокого здания началась подвижная игра — кто-то бежит, кто-то прыгает, кто-то ловит, кто-то хватается; смех и гомон. Туда устремились все ученики.

— Здесь еще не все ученики. Многие пошли в музеи, кто-то — в библиотеку. Хочешь туда?

— Конечно, учитель мой, наставник, но сначала посидим немного здесь, и я задам тебе вопрос... Нет, много вопросов! Я хочу расспросить тебя о многом, многого я не понимаю, не верю своим глазам.

— Хорошо, — ответил учитель, взял меня за руку и отвел в шалаш, где спал один из учеников. Мы сели.

5.

...

— Все это было раньше, когда табачные фабрики были частными и соревновались друг с другом в подделках, чтобы сделать табак дешевле и острее на вкус. Тогда никто не обращал внимания на вред, который табак причиняет организму. Государство было заинтересовано только в увеличении своих доходов и следило только за уплатой акцизов. Теперь же табак производят на государственных заводах, а доходы от его продажи вкладываются в здравоохранение. Нашли способ очистить табак от никотина,

придать ему хороший вкус и приятный запах. Теперь курение — невинное развлечение в часы досуга. Во дни отдыха — в субботу и праздники — не найти дома, где бы не курили.

— Курят в субботу? Как такое возможно? В наши дни это считалось тяжким грехом.

— Так было раньше, когда святая Тора пребывала с вами в изгнании. Тогда у вас было много тяжких грехов и мало значащих заповедей. Теперь же Синедрион вызволил Тору из изгнания, очистил ее от шелухи, которая сейчас не нужна, и вернул нам Тору в первоначальной чистоте. Ты же слышал, благословение, которое ученик произнес после трапезы¹. Он поблагодарил Творца за созданный Им прекрасный мир: Вождя — за мир, спокойствие и порядок, Синедрион — за хорошие законы, учителей — за науку, родителей — за любовь к детям и за все, что мы знаем об окружающем мире. Вождь, Синедрион, учителя и родители дали нам все, чтобы мы могли постигать прекрасный Божий мир и наслаждаться им. Они учат нас любить красоту, справедливость и все возвышенное, ненавидеть ложь, уродство, мелочность и низость. Эти чувства уже в крови у нас, они стали для нас естественны. Знаешь ли ты, как сильно чувство прекрасного в душе человека? Как сильны природные наклонности? Они могущественнее самого человека и сильнее страха смерти. Во время мировой войны, когда дикий зверь, живущий в человеке достиг крайней жестокости, когда человеку стали разрешены все преступления: убийство, разбой, обман и разврат, — тогда сотни тысяч людей умирали от голода, но человеческого мяса не ели. Матери продавали свое тело, чтобы спасти детей от голода, намеренно шли на это — лишь бы не видеть терзаний своих голодных детей. И не ели человеческого мяса, даже трупов врага. Убивали, сжигали, топили, пытали миллионы людей, даже получали за эти злодеяния знаки отличия — но все эти ужасы не могли сломить человеческий дух и заставить голодных людей съесть мясо своих врагов. Такое никому не приходило в голову. Мерзость в том, что в течение нескольких поколений нам внушали, что убить врага — это подвиг: теперь на земле нет войн, ибо не может естественный человек убить подобного себе, как раньше он не мог есть мяса подобного себе.

— Меня изумило, что у вас едят мясо. Ведь для этого надо проливать кровь! Еще в нашем поколении появились вегетарианцы, которые были против кровопролития.

— Ваши вегетарианцы не ели мяса не потому, что не хотели проливать кровь, а потому, что у них был больной желудок и расстроенные нервы. Высокий принцип «Не убий» они приспособили по своему желанию, истолковали Закона, как им нравится, они позволяли себе есть всякую гадость, а адюльтеры выдавали за чистоту семейной жизни. Вегетарианцы никогда не отличались гуманизмом. Во время мировой войны они пролили невинной крови не меньше, чем мясоеды. Человеческий желудок не столь велик, чтобы вместить столько растительной пищи, сколько требуется для нужд тела, чтобы у человека были силы работать как следует. До сих пор мудрецы не изобрели пищи, которая заменила бы мясо. Зато они придумали, как уменьшить потребность в нем, и сейчас мяса едят меньше, чем раньше. Есть надежда, что когда-нибудь в лабораториях изобретут «вытяжку», которая будет содержать все необходимое для питания человека и будет обладать приятным вкусом и запахом. Людям, которые будут жить в ту прекрасную пору, не придется убивать животных, не придется трудиться, наполняя желудок, и тратить энергию на поддержание жизни. Тогда люди будут как боги. Ныне же, пока мы не достигли этих высот, мы стараемся уменьшить количество злодеяний, насколько это возможно. Знай, что традиция требует, чтобы забоем животных занимался резник-специалист, чтобы забой благословлял мудрец, чтобы нож был без изъяна. Наш резник — не гойский мясник, ни внутри, ни снаружи. Кроме того, важно, как мясо подается. Мясное блюдо с гарниром из зелени, яиц, и т.д., в котором мясо, собственно, не заметно, — как это не похоже на целиковую курицу, как подают у вас. Эстетика зажаренного поросенка с цветком во рту всегда была чужда евреям. Запрет причинять страдания животным мы приняли на себя еще в древности, и не мы последними прекратим поедание мяса.

Учитель встал.

Усталый и изумленный, встал и я. Все, что я слышал, было так хорошо, так верно и в то же время так ново и неожиданно, что мне очень хотелось верить, что все это осуществится, что по-другому не будет, что я просто живу в переходный период. Главное — это будущее, во имя будущего я должен жить и страдать. Мне так хотелось в это поверить! Я решил остаться в мире своих видений, пока видения не станут реальностью. Я умолял учителя не покидать меня, остаться со мной навсегда, показать и разъяснить мне все.

1 Так в тексте.

— Не стоит мечтать сверх меры. Мечтателей у нас много, они только тревожат болезненный сон нашего народа, но пробудить его к здоровой энергичной жизни не могут. Бодрствуй, работай, живи наяву. Только живой и творческий человек видит сны, которые сбываются, новые миры. Его сны наяву побуждают людей действовать, дают им силы строить новые миры... А теперь пойдём, я покажу тебе все сокровища «Бецалеля». Ты увидишь, как там работают, — и вернешься к своей работе.

Так сказал мне учитель и снова повел меня в «Бецалель».

6.

Он привел меня в музей «Бецалеля», где перед зрителем разворачивалась история жизни и развития нашей школы за сто лет. Здесь было представлено творчество ее основателей, рассказывалось о тех, кто ее поддерживал, о ее первых детских шагах, о ее детских недугах — и о величии и достижениях. Музей состоял из четырех просторных залов, расположенных по четырем сторонам крытого квадратного двора. Каждый зал был посвящен своему 25-летнему периоду в развитии школы. Там были произведения учителей и художников, ремесленная продукция. Залы были поделены на отсеки легкими перегородками, каждому художнику был посвящен отдельный отсек.

Мы вошли в первый зал. На его дверях было написано:

«Бецалель» 1905–1930

У входа лежал ковер. Я узнал его сразу. Это был наш первый большой ковер. На нем был изображен семисвечник, под ним был выткан стих: «Сними обувь с ног твоих». Семисвечник был как будто сделан из красных маков — цветов, которые росли на холмах вокруг Иерусалима. Помнится, девушки-ткачихи мне рассказывали, что эти маки красны от крови наших предков, защищавших Иерусалим... Сердце мое затрепетало. Я вспомнил те светлые дни. Как сильно тогда была во мне вера, насколько в радость мне была работа! «Сними обувь с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, свято». Я как будто все еще слышал эти слова. Всей душой я погрузился в воспоминания о том времени, перед моими глазами вновь возникли мельчайшие детали, как будто это было вчера. Вот на стене маленький ковер, «Гробница праматери Рахили». Его выткала маленькая Рахель, он получился кривоват, и она обещала, что в следующий раз сделает лучше. Вот целая серия ковров: «Кенотаф Авессалома», «Могила Захарии», «Пещера Махпела», «Могила царей», «Стена плача»: всё — развалины, могилы, священные захоронения. Кроме них, тогда ничего у нас не было в Иерусалиме. Вот «Кедр Герцля» — это тоже памятник. Ковер наверху — панно, панорама Иерусалима: за семисвечниками — мечеть Омара, Русское подворье, Башня Давида, за ней — минарет. Вот и весь Иерусалим. И в этом Иерусалиме мы ткали нашу золотую мечту!... В витринах были наборы священных предметов — мозаика, филигрань, чеканка по меди — дешевые вещи, для всех по одной цене, чтобы каждый мог исполнить заповедь, не разорившись, а заодно купить что-нибудь — и этим помочь «Бецалелю», чтобы обеспечить его существование. Несмотря на свое утилитарное предназначение, изделия выглядели очень мило... Это особое очарование — прелесть младенца, делающего первые шаги, лепечущего первые слоги... «Бецалель» отличался оригинальностью, даже когда был еще в пеленках. Из немногих форм, которые использовались тогда, — букв, семисвечников, шестиконечных звезд, мы старались создать особые орнаменты, найти оригинальную еврейскую форму, заложить краеугольный камень еврейского стиля.

Дальше — уже более зрелое творчество, техника более высокого уровня. Более высокое мастерство, умелые пальцы. Форма предметов, их внешний облик разработаны с большим пониманием, линии более оригинальны — и более типичны. «Бецалель» возродил старый синагогальный декор, он соединяется с новым стилем: в нем дух новой иерусалимской архитектуры, гармония красок и форм, навеянная флорой Земли Израилевой. Ввели новую технику, появились шелковые гобелены, резьба по слоновой кости, по камню и дереву, эмаль, фарфор, чеканная миниатюра, литография, батик, аппликация. Все это внесло новую струю в работу. Даже бытовые предметы, которые «Бецалель» производил для заработка, становятся оригинальными, а в некоторых видна некая высшая целостность, проявляется еврейский восточный стиль.

Далее — изделия совсем другие. В них заметно стремление к гладкости, старание наладить массовый выпуск галантерейных товаров, сделать продукцию дешевой, низкопробной. Человеческие руки стремятся соревноваться с холодной машиной... Дух творчества изгнан. Берут, не стыдясь, известные формы и образы — как у других, смешивают без всякого вкуса и понятия: немецкие готические формы

украшены надписями, выполненными арабской вязью, «Бецалель» воспринял даже тяжеловесный московский стиль, сдобренный грубыми буквами из виленского молитвенника... В ковроткачестве просто копировали восточные и даже европейские ковры. Этот дикий стиль проник даже в изготовление священных предметов, изготовлением которых занимались между прочим, в то же самое время.

Все это было сделано в первой половине этого двадцатипятилетия. После этого все вдруг поменялось — одномоментно. Снова в работу проник дух труда, еврейский дух творчества, видно, что предметы делались руками живого, чувствующего человека; формы — оригинальны, полны интересных идей, украшения сделаны с еврейско-восточной фантазией, во всем — искусство и гармония. В ковроткачестве, благодаря достижению особого баланса гармонии красок, удалось передать цвет Галилеи во время Песаха. На настенных коврах рассказывались наши фантастические легенды, и все это — в явно выраженном еврейском стиле. Мастера стали работать в особом еврейском стиле — для евреев: изготавливали утварь для еврейского дома, украшения для женщин и для Торы, туалетные столики, письменные и курительные столы. В каждом произведении — дух Земли Израилевой: красота древнего библейского текста — и яркая восточная фантазия. В «Бецалеле» появилась архитектура: начали строить дома. В «Бецалеле» появились женщины — они стали шить еврейскую одежду — красивую и удобную. В «Бецалеле» нашло себе место графическое искусство: красивый вид приобрела еврейская книга.

В конце первого двадцатипятилетия в «Бецалеле» уже производились самые разные виды продукции — чтобы удовлетворить все нужды просвещенного человека.

В этом зале были представлены и произведения искусства: произведения мастеров-помощников, воспитанников «Бецалея», художников, чьих имен я не знал, — и среди них мои собственные работы. Во всех работах чувствовалось желание возродить яркие страницы священных книг, ностальгия по великому нашему прошлому, по поэзии религиозных праздников, тоска по надломленной и одновременно целостной народной душе, желание оплакать вместе с народом его изгнание и мечтать вместе с ним об искуплении.

Священные книги были огромным светлым миром, где жили художники: они бежали туда от тягот изгнания. Вместе с возрождением народа они стремились возродить библейские образы, и каждый искал свое в великих текстах. Художник с горячим нравом рисовал «Песнь песней». Под палящим солнцем, среди ароматных виноградников он пел вместе с невинной Суламифью, дочерью природы, новую песню о свободной любви, что сильнее смерти. Мятежные, взрывные натуры находили свой мир в книге Маккавеев, сражались вместе с Иудой, лили горькие слезы вместе с Иеремией — рисовали «Плач Иеремии». Усталый художник, сломленный жизненными тяготами, находил себе отраду в книге Рут, в тогдашней примитивной, чистой жизни: передавал запах скошенного поля, изображал гумно, залитое голубоватым скромным светом месяца...Мировая война была для них непереносимым горем и кошмаром. Каждый рисовал страдания своего народа, всех чаровала идея возвращения в Сион, наше будущее представлялось им во сне.

Все эти работы были выставлены со вкусом и пониманием. Почти каждому из художников был отведен отдельный отсек. Рядом с его произведениями — подробное описание его жизни и творчества, что и когда он создал, где находятся его творения. Работы многих были в Храме или в разных музеях окрестных городов, но большая часть оказалась в музеях по всему миру. Как видно, эпоха еврейского возрождения заинтересовала всех любителей искусства, и на произведения первых израильских мастеров нашлось немало охотников.

В одной витрине оказались представлены все мои работы, которые я сделал в Земле Израилевой. С какой любовью, с каким глубоким пониманием была сделана экспозиция! Сколько интереса и любви было вложено в нее: постарались, чтобы каждая работа производила именно тот эффект, который в нее закладывался, чтобы ясно показать идеи, которые я хотел выразить, чтобы все соседние работы сочетались между собой. Они были поделены на серии: «Дни наших праздников», «Жанровые картинки», «Характеры», «Великие сыны народа Израилева», «Герои народа Израилева», «Пророки», «Исторические картины». Все серии были умело расположены, каждая — в отдельном месте. К огромному моему удивлению, я увидел и те работы — и они были самыми лучшими, — для которых я делал только наброски или которые только задумал и даже не начинал. В книге, посвященной мне, было написано, что в Храме выставлена целая серия моих скульптур и барельефов, изображающих «Жизнь Моисея».

Эта идея обуревала меня с юности. Из-за нее я поел учиться: я хотел воплотить эту великую идею в искусстве. И когда я ощутил в себе достаточно сил, я подготовил наброски — и вдруг понял, что не смогу изваять ее в изгнании. Мне нужно было отправиться в Землю Израилеву и поселиться там. Только там

снизойдет на меня вдохновение. В нечистой стране нет место творческому началу... В Земле Израилевой я посвятил почти свое время «Бецалелю», и лишь малую толику — себе. Я начал заниматься этой серией, но успел сделать очень мало. Такая работа требует от человека полной гибели, всерьез, ей надо посвятить всю душу и многие годы жизни. Разве я ее закончил? Когда? Надо посмотреть на нее своими глазами.

— Когда мы пойдем в Храм? — спросил я учителя.

— Когда ты посмотришь весь «Бецалель», всех художников, рабочих, все, что создано благодаря «Бецалелю». Ты увидишь еще многие произведения, которые создал в освобожденной Земле Израилевой. Все оригиналы твоих работ теперь собраны в Иерусалиме. В некоторых окрестных городах и за рубежом можно увидеть только копии.

— Почему? Разве никто не купил мои работы? Мне кажется, что и мне, как и всему «Бецалелю», пришлось ваять на продажу, чтобы обеспечить себя.

— Ты продавал свои творения даже больше, чем нужно, они оказались рассеяны по всей земле, возникло много копий, в большинстве своем ужасных. Долгое время оригиналов твоих работ в Иерусалиме не было. Но когда у лучших сынов нашего народа возникла идея организовать этот музей, руководство «Бецалеля» стало искать именно оригинальные твои произведения. Во всех журналах по искусству дали объявления, обратились ко всем, у кого были твои работы, — и многие оказались собраны в «Бецалеле». Особая комиссия художников отобрала самые лучшие из них, по которым был замечен почерк мастера — работы с тончайшими линиями, которых не сможет воспроизвести ни один копиист. Все твои шедевры теперь в Иерусалиме.

Рассказ учителя глубоко тронул меня. Глаза мои наполнились слезами, и чтобы их остановить, я сказал с насмешкой:

— Представляю, сколько денег пришлось на это потратить! Жалко, что у меня не было и малой их части: тогда бы я создал настоящий шедевр и не был бы вынужден стать таким «плодовитым» творцом.

— Деньги не важны: «Бецалель» не беден. «Городской совет» тоже участвовал в этом, чтобы почтить память почетного гражданина Иерусалима, который любил Иерусалим еще тогда, когда тот был старой больной одинокой вдовой. Когда все бежали из города, спасаясь от холеры, ты призывал отстроить ее развалины. Но, надо сказать, особенно дорогим это предприятие не было: большинство владельцев прислали имеющиеся у них работы безвозмездно, чтобы все искры таланта собрались воедино — и можно было рассмотреть его во всей полноте.

Я больше не мог там стоять, боялся, что услышу еще что-нибудь о себе — и заплачу... И побыстрее прошел в следующий зал. На двери его было написано:

«Бецалель» 1930–1955

Все, что было выставлено в этом зале, резко отличалось от того, что было в предыдущем. Во всех предметах — и утилитарных, и произведениях искусства — чувствовались покой и уверенность. В прикладном искусстве больше не было детской слабости пальцев, неожиданных вспышек, спешки, чуждых влияний... В высоком искусстве больше не было дикого беспорядка в работе и плане. Все было проникнуто чистым национальным духом, еврейским характером, во всем была видна новая национальная форма. Каждая вещь, даже самая маленькая, была сделана с любовью и вниманием, на ней был национальный отпечаток. С такой же любовью люди поют колыбельные своим детям. В этих песнях мы находим особую прелесть, особую сердечность, которых чужак в них не чувствует.

Особое внимание уделялось еврейскому дому. В этом зале разными художниками были воспроизведены целые комнаты — чтобы показать, как должно обустроить жилище. Мне стало интересно увидеть в этой частной жизни, жизни свободного еврея, у которого свой дом, отражение его души.

Я прошелся по комнатам, посидел в этом доме свободного еврея: спокойный дом, предназначенный только для одной семьи, его мир, шатер Иакова, приготовленный для сына «народа книги», которому важна чистота семейной жизни, возвышенная душа которого воспламенена чистой любовью. Мощный солнечный свет льется через высокие цветные окна, в шкафах восточного стиля — много прекрасных книг. Низкая мягкая мебель, угловой диван, покрытый гобеленом, на полу — мягкие ковры с разными цветами на зеленом фоне — как в Галилее в дни Песаха. Нежные цвета ковров ласкают взор, их ворс заглушает шаги, ступать по ним — мягко, как по траве. В таком доме разговаривают тихо, как лепечет вот этот фонтанчик у полукруглого окошка — вода льется из него медленно-медленно. У дивана — низкий курительный стол, чеканной работы, у окна — клетчатый шахматный стол, напротив — конторка, на ней раскрытая книга. В углу — арфа и этажерка для рукоделия. Стеры покрыты краской спокойного желтоватого оттенка, на них пейзажи в рамках, аппликации из цветов, несколько картин маслом — это

картины великих художников, — и в красивых металлических горшках — цветы. Зеркала, блестящие светильники, пианино, которого у нас не было и в помине. Это маленький мирок, отделенный от внешнего мира. В комнате тихо. Свет давали только окна, за ними блестели цветные стекла. Эта комната — островок мягкости, любви, спокойствия и вечности. Здесь писатель может открыть новые горизонты, воспарить духом к горним сферам, нежным звукам, грезам о потерянном рае.

В похожем стиле убрал комнату еще один художник. Но у него доминировали национальные мотивы. Красивый книжный шкаф из меди с чеканкой, похожий на шкаф для Торы, в углу — семисвечник, фонтан был в виде «медного моря», стоявшего на двенадцати быках. На стенах начертаны стихи из пророков и поэтов более поздних эпох.

Один художник показал свое жилище ночью: на конторке под темно-зеленым колпаком — свеча. Книга была залита светло-голубым светом, во всей комнате было темно, и только через окна проникал зеленоватый свет, похожий на свет луны. От него веяло спокойствием и мягкостью.

Один архитектор представил макет целого дома. Это было квадратное здание с почти гладкими стенами и плоской крышей, в одном углу — башня, в другом — купол с большим количеством круглых окошек с цветными стеклами. Нижняя часть стен — твердая и гладкая. Кроме входной двери, отверстий в стенах было мало, только крошечные окошки — это придавало зданию серьезнейший вид. Над уровнем входа все здание опоясывал богатый орнамент, состоящий из украшений, надписей, фигурок людей и животных. Над этим поясом были прорублены окна разной формы, без всякой симметрии, но упорядоченные внутренней гармонией, — большие, скругленные сверху, маленькие, высокие и узкие, а между ними столбики. Окна с балкончиками, за которыми видно комнаты, похожие на плетеные птичьи гнезда. Где-то — круглое окно, где-то — пустая стена. Все это придавало дому фантастический вид, и ясно было, что внутри — особая красота. Внутри был квадратный двор, а по его сторонам — комнаты разного размера. Внутренние перегородки почти все были из стекла. Между двумя комнатами такой перегородки вообще не было. У одной была только арка, у другой — ряд цветных столбиков с ширмами посередине. Посередине двора, в низком месте, был небольшой пруд. Весь двор был вымощен цветными камнями, кое-где были большие деревья и ползучие растения, они тянулись кверху и оплетали крышу, окруженную парапетом. Это явно был городской дом, возведенный там, где земля дорога, воздуха мало, а шума — много. Но архитектору удалось решить задачу: жителям дома не будет докучать городской шум и суета.

Большая часть экспонатов этого зала имела отношение к строительству. Архитектура была главным из искусств. Она включала в себя остальные искусства — и все они ей служили.

В жизнеописании каждого их художников много раз было отмечено: он сделал то-то и то-то для строительства и внутреннего убранства дома, он проектировал сады и т.д. Из остальных работ в Земле Израилевой осталась лишь малая часть. И только в Храме, кроме моделей архитектурных сооружений, находились и произведения других жанров (небольшая их часть была также в музеях в городах страны). Многие художники продавали свои произведения в Америку и в Россию.

На двери третьего зала было написано:

«Бецалель» 1955–1980

Я увидел, что в ремесленных изделиях и в произведениях искусства, показанных в этом зале, уже не было поиска еврейских национальных форм. Это делалось само, как у японца, который делает вещи для себя, для своих надобностей, по своему вкусу. Японцы не считаются со вкусом европейцев, даже когда производят вещи на экспорт. Европейцы уже привыкли к удобным японским зонтикам от солнца, находят свое очарование в японских цветочных горшках, светильниках, маленькой мебели, в разнообразных коробочках, длинных и узких рисунках, в ярких красках, в маленьких резных изделиях из кости, столь типичных для японцев. Привыкли к зеленоватым бронзовым фигуркам, к садовой скульптуре в форме зверей и птиц. Японцы тоже вдохновляются окружающей природой — простой, как она есть, они не ищут в ней отпечатков чего-то особенного, отражения возвышенных идей. Самый высокий идеал для них — это настоящая природа. Художники стараются просто правильно понять, что видят их глаза. С невероятной одаренностью они показывают то, что видят. Их искусство свободно, полно простого очарования, как сама природа, и оригинально, как Земля Израилева, ее люди и животные. Изображая человека, они стремятся показать здоровое и красивое тело. Художник восторженно рисует гармонию и красоту обнаженного тела, любит каждый суставом, каждой мышцей, нет частей тела, запретных для изображения. Их эстетика подобна греческой, подобна эстетике нашей «Песни Песней»... Наши художники стремятся изобразить сильного человека с ритмичными и гибкими движениями, красивые

и нежные линии изящного женского тела, округлые формы тела ребенка. В прикладном искусстве тоже не заметно новых идей. Оно слилось с чистым искусством, грань между ними стерлась. Утилитарные предметы делаются настолько умело, что зритель отмечает не качество их, а только предназначение.

Книга с жизнеописаниями художников в этом зале объемнее, чем в предыдущих. Написано, что их деятельность была крайне продуктивной: они много работали в строительстве, а еще больше времени посвящали разработке моделей для массового производства. Их произведения находятся в Храме, в музеях окрестных городов, а большинство — за границей, во всех просвещенных странах, в музеях и частных коллекциях.

«Бецалель» 1980–2005

Так было написано на двери четвертого зала, куда мне было очень любопытно попасть. Экспонатов здесь было меньше, чем в предыдущих залах. Произведений искусства было мало, а утилитарных предметов — еще меньше. Здесь было собрано все самое лучшее и оригинальное, что сотворил национальный дух за последние двадцать пять лет.

Каждая вещь была выставлена отдельно, для нее было подобрано подходящее освещение. Утилитарные предметы прекрасно сочетались с произведениями чистого искусства. Художников стало гораздо меньше, их произведений — тоже. Но две-три работы каждого автора были здесь представлены. В жизнеописаниях художников было написано, что их работы находятся в Храме, в народных домах и музеях городов страны. Ни одно произведение не попало в частные руки и за границу. То же касалось и утилитарных предметов. Каждая рама идеально подходила к характеру картины, сливалась с ней в единое целое. Материалы, которые использовали мастера, были очень дорогими: слоновая кость, золото, серебро, драгоценные камни. Но стоимость не занимала их: важно было, чтобы материал прошел должную художественную обработку; техника была настолько виртуозной, что ее не замечали, как в созданиях самой природы. Она изливалась из души художника незаметно для него самого. Каждое произведение было душевным порывом, горячей молитвой, идущей из глубины сердца, хвалой Творцу, восхвалением прекрасного мира, который Он создал, где Божье величие разлито во всем. Искусство было формой выражения всего возвышенного, что есть в человеческих мыслях, языком души, языком всех глубоких и сокровенных чувств, которых не выразить человеческим языком... Работы были глубоко национальны по характеру — и в то же время универсальны, как напевы царя Давида, которые отдаются эхом в сердце каждого человека. Это искусство было похоже на язык пророков: оно было рождено святым духом. Художники находили абсолютную красоту и высшую правду в исторических картинах, в волшебном мире легенд и в лучезарном воображаемом раю.

Архитектура сильно изменилась: культ красоты во многом повлиял на жизнь людей, он стал определять, как строить города, дома, как отделывать интерьеры. Это влияние было заметно во всех областях жизни. Во всем проявлялось стремление к истинной красоте, а не к шикю. На улице и дома вокруг человека было много света, воздуха, воды и растений. Идеалом стало красивое и здоровое тело. Одежда была гигиеничной и красивой: она эффектно подчеркивала красоту форм человеческого тела. Не было кричащих цветов, ярких украшений, которые раньше ослепляли глаза и делали человека невидимым в броне одежды. Теперь у одежды нет задачи сделать человека моложе, чем он есть. Люди поняли, что в каждом возрасте своя красота — если только это настоящий возраст. Архитекторы старались сблизить человека с природой, создать для него простое и надежное жилище. Всю силу своего воображения и все свои творческие способности они вкладывали в массовое строительство, в дома, которые строились на века.

Утилитарные предметы больше не предназначались для частных людей и их повседневных нужд. Ими украшали свитки Торы, книги, музыкальные инструменты, воспоминания великих людей, предметы культа, вещи, предназначенные для общественных зданий и т.д. В каждой работе была своя идея и своя красота. Они были сделаны мастерски, из дорогих материалов, в каждую работу были вложены сила и время. Эти работы напомнили мне произведения древнего церковного искусства.

Последний зал заинтересовал меня больше всего. Целый мир, полный света, предстал моим глазам. Я не хотел оттуда уходить. Учитель взял меня за руку и сказал:

– Хватит. Дни твои слишком коротки, чтобы постичь все, что создано за последние сто лет. Ты не сможешь рассмотреть все во всех подробностях. Я покажу тебе лишь тень, лишь отблеск каждой вещи — и все это пробудит твоё воображение, укрепит твои силы, чтобы ты мог идти вперед к тем мирам, которые видишь во сне.

И с этими словами учитель повел меня дальше. Во дворе, через который мы шли, было много памятников, окруженных растениями. Они не были, как наши памятники, лишь черными и белыми. У каждого

был свой цвет — не природный цвет воска. В них чувствовалась гармония с природой — такая гармония иногда бывает в лучших памятниках XV века и в маленьких фанаторийских скульптурах: зрителю кажется, как будто они сделаны из разноцветных материалов, по которым потом пришлось рукой мастера время, покрыло их патиной. На самом деле, многие из них сделаны из самых разных материалов: камни, металл и слоновая кость разом. Многие из них — памятники, фонтаны, садовые статуи, украшения фасадов сдений. Около ворот был колодец, на нем — барельеф: Ревекка поит из кувшина верблюдов Элиэзера, стоящего поодаль и смотрящего на нее в изумлении. Я вспомнил, что сам заготовил эскиз этого фонтана. У моему вящему удивлению, на нем было начертано мое имя! Когда я успел его сделать?

Со стороны двора к стенам музея была пристроена галерея с колоннами. На ее стенах были майоликовые панно, мозаика, изделия из чеканного золота: все они — для украшения зданий. Между колоннами — витражи, оправленные в свинец и гипс, похожие на окна мечети Омара. Они шли от столба до столба — как будто вся стена была покрыта картинами. Но учитель не стал задерживаться у них.

Когда мы вышли на улицу, я почувствовал, как будто оказался в новом мире. Я был как опьяненный и совершенно не чувствовал усталости. Сердце горело от желания увидеть все, бежать всюду, чтобы все рассмотреть, ничего не пропустив.

Справа от нас стоял павильон с надписью «Формы». Я заглянул в глаза учителя: мне очень хотелось зайти в павильон.

— Зайти можешь, но не задерживайся. Я хочу тебе еще показать отделения живописи, архитектуры, скульптуры, мастерские. В пять часов вся работа в «Бецалеле» заканчивается. Тебе стоит поторопиться.

По павильону с формами я прошел в спешке. Здесь были мольберты, формы для гипсовых скульптур, гальванопластические копии. Особенно совершенны были образцы для ковров. Многие мужчины и женщины сидели там и зарисовывали. По их одежде было видно, что они не из «Бецалеля».

— Это рабочие «Бецалеля», они живут в рабочем городке — он тут рядом.

Мы пошли дальше. Перед нами был круглый павильон: каменный фундамент — и стеклянный купол, как небесный свод. На двери было написано: «Отделение живописи».

Моим глазам предстало потрясающее зрелище: широкий круглый зал, залитый солнечным светом, — как будто это пленэр. Зал был полон учеников. На возвышениях стояли натурщики: голые, полуголые, одетые люди, разные животные. Все рисовали на холстах — как на пленэре. Между учеников ходили педагоги, их было довольно много. Учитель шепотом сказал мне: «Помещение медленно-медленно вращается вокруг своей оси, поэтому в каждой его точке почти весь день сохраняется одинаковое освещение. На пленэре это невозможно».

Я хотел посчитать учеников — и не смог: они работали группами, вразброс. Учитель прочел мои мысли и сказал:

— Здесь около двухсот учеников. Все они — в старших классах. Ученики последних двух классов не обязаны работать в мастерской после обеда, как более младшие. Пойдем, я покажу тебе мастерские.

Мы прошли по всему двору. Слышались удары молотка — это чеканили. Вдоль двора тянулась стеклянная колоннада. Мы вошли в коридор, который соединял две мастерские. Мастерская по каждому виду прикладного искусства занимала отдельное помещение. Количество учеников было везде разным, не было разделения по полу. Только аппликацией, плетением гобеленов, вышивкой и плетением кружев занимались исключительно девушки. Я быстро прошел 18 мастерских: времени подробно их осматривать не было. Мне очень хотелось взглянуть, как здесь работают. Мастерские были следующие: ковка, филигрань, чеканка, гравировка, резьба по штанцам, резьба по слоновой кости, по дереву; каменная скульптура, офорты, витражи, миниатюра, роспись по фарфору, майолика, литография, инкрустация в дереве и в камне, мозаика, дамасская сталь с протравкой, камеи, украшения книг и переплетное дело. Два последние зала были отданы под архитектурную и скульптурную мастерские. К огромному моему удивлению, в них учеников было довольно мало: в архитектурной — около 50, из них 16 проектировали здания, а остальные разрабатывали интерьеры, мебель и т.д., в скульптурной — только 23 ученика, которые лепили с натуры (один натурщик был обнажен, другой одет).

Я хотел расспросить обо всем этом учителя — но зазвучал шofар, и все пошли к выходу. Мы вышли вместе со всеми и направились к лиловому павильону — столовой. Перед входом каждый омыл руки в фонтане. Столы еще не были накрыты. Я только сейчас заметил в стенах маленькие оловянные дверцы. На них были написаны названия блюд, каждый выбирал, что ему нравится. На стенах были закреплены краны, они тоже были подписаны: молоко, кофе, какао, шоколад, чай и другие названия напитков — некоторых из них я не слышал вообще. Каждый обслуживал сам себя, учителя — тоже. Че-

рез десять минут все вышли из столовой и отправились к низким дверям, ведущим в подвал. Куда это они? — подумал я. — Может быть, и мне пойти за ними?

— Не стоит, — ответил учитель, прочтя мои мысли. — В подвале — душ и бассейны. Ученики идут туда, чтобы освежиться, некоторые хотят поплавать. Они сменяют одежду и выйдут на свежий воздух заняться спортом. Подожди — и увидишь.

Мы сели на галерее и стали ждать.

7.

— Учитель, наставник мой, больше всего меня поразил исторический музей «Бецалеля». Но ведь его создание наверняка обошлось во много миллионов! Как народ может тратить такие большие деньги на развлечения?

— Да, сын мой, музей действительно стоил весьма дорого — но гораздо дешевле, чем пушки и другие орудия уничтожения. Прими во внимание и то, что это собрание служит не только для развлечения, но и для обучения, а на это не жалко и миллионов. Расходы на образование — это будущие доходы, а музей — это самое лучшее пособие: то, что видишь своими глазами, — поймешь, запомнишь и никогда не забудешь. Ты еще увидишь, какие выставки музеи в «Явне» сделали для наших учеников, а музей Храма — для всего народа.

— Но ведь все эти музеи находятся в Иерусалиме, а народ, на деньги которого все они созданы, — не может их посетить!

— Иерусалим находится в центре Земли Израилевой. Это сердце всего еврейского народа, даже тех евреев, которые живут за границей. Со всего света регулярно к нам приезжают паломники. Кроме того, в каждом большом городе есть свой музей, мы часто отправляем в провинциальные музеи наши экспонаты на временные выставки. В государственном издательстве по искусству выпускают десятки тысяч репродукций и снимков наших произведений искусства. Позже ты увидишь прекрасные альбомы и книги, которые мы печатаем. Они бесплатно рассылаются по всем крупным еврейским общинам для местных библиотек. Вообще, Иерусалим — культурный центр для евреев всего мира. Он — предмет их гордости, их душа. Все священные предметы и все произведения искусства евреи покупают здесь. Даже учебники все евреи привозят из Иерусалима. Поэтому евреи поддерживают Иерусалим и обеспечивают его. Больше еврейские гении, живущие здесь, не прозябают в нищете. Напротив: им помогают всеми силами воплотить их возвышенные задумки. Иерусалим — богатый город, и свое богатство он тратит на то, чтобы поддерживать науку и искусство, которые обогащают мир, а особенно — для евреев во всем остальном мире, ведь таким образом люди пропитываются духом Иерусалима и еврейства — и Иерусалим и еврейство становятся им близки. Сбылось пророчество: из Сиона выйдет Тора, слово Господне — из Иерусалима¹.

— Мне кажется, что евреи совершенно перестали интересоваться неевреями. Я не нахожу здесь ни одной европейской картины. Но ведь европейское искусство было на высокой ступени?

— Именно по тому, что у народов Европы искусство достигло больших высот, — мы не покупаем образчиков европейского искусства. Мы не хотим попасть под европейское влияние и потерять наш особый дух. Искусство — не в подражании. Искусство должно создаваться само по себе, из глубины души народа. И только тогда его ценность велика, только тогда оно сможет сказать новое слово. У искусства есть свой язык, созданный духом народа и страны.

Однако мы, бесспорно, уважаем все народы и их искусство. Еще тысячелетия назад Тора велела нам: «Любите пришельца², и закон один и одни права да будут для вас и для пришельца, живущего у вас»³. Десятину отделяйте для левитов, для пришельцев, для вдов и сирот. Несжатый край поля и упавшие колосья оставляйте пришельцу и беднякам-евреям. Пришлец, поселившийся у вас, да будет для вас то же, что туземец ваш; люби его, как себя⁴. Эти высоконравственные законы были у нас уже тогда, когда другие народы продавали чужестранцев в рабство, отдавали в цирк — чтобы они стали добычей для

1 Исая 2:3

2 Второзаконие 10:19

3 Числа 15:16

4 Левит 19:34

хищных зверей. Были и народы, которые не гнушались поеданием чужестранцев. Издревле мы относились ко всем, кто сотворен по образу и подобию Божью, с любовью. Во дни изгнания, которое продолжалось две тысячи лет, мы жили среди чужих народов, терпели страшные мучения, когда эти народы воспалялись к нам ненавистью, творили дикие зверства. И только когда их культуру озарил свет просвещения, появились идеи справедливости и любви к людям — мы смогли вздохнуть с облегчением. Разве после всего этого мы обязаны трудиться на благо других народов? Дни Мессии могут наступить только тогда, когда весь мир будет наполнен идеей Бога — как воды наполняют море¹. В Израиле мы работаем только на благо своего народа, но эта работа приносит пользу и всему человечеству, и немало. Мы великий народ. Мы должны многое дать другим — и мы можем это сделать, ибо мы свободны. Только тот, кто свободен, может быть настоящим наставником.

Мы великий народ. У нас была прекрасная школа — школа, которой не было ни у одного народа, — горькое изгнание, которое длилось без малого две тысячи лет. Эта школа сделала нас сильными духом, сплотила нас. Мы — единственная чистая раса в мире. Те из нас, кто слаб духом, у кого нет в сердце горячей любви и великих идеалов, за которые мы бесстрашно шли на сожжение, — все они в тяжелые дни изгнания шли от нас, переметнулись в стан врага, нашего притеснителя — и тем еще больше принизили вражескую расу. А наша раса только укреплялась. Мы оказались спаяны в котле наших страданий.

...

8.

Прошло еще полгода...

Еще полгода тянулась мировая война. Не было конца кровавой бане. Мир казался еще дальше, чем в начале бойни. В сердце поселился постоянный страх: как бы не сбылось гневное пророчество лорда Китченера — что война продлится три года. Мир задыхался от чудовищной жестокости войны. Но тяжелее всех страданий были страдания евреев...

Наше положение было самым тяжелым, наши горести превосходили горести всех сражавшихся народов. Наши потери были всегда велики — вне зависимости от того, побеждал враг или проигрывал: мы были по обе стороны линии фронта, мы вынуждены были убивать друг друга, если к тому нас принуждало изгнание — если мы родились в разных странах.

Молоху войны мы принесли в жертву почти миллион человек — самых сильных и здоровых. Мы проливали кровь не за свою страну, не за свой народ — а в знак вынужденной благодарности за убогое жилище, предоставленное нам, за наше жалкое место «вне стана» — ведь и оттуда нас пытались изгнать. Нам не удалось вернуть свой долг сполна ни разу. Своих стариков, женщин, детей, слабых мы потеряли во время погромов в России. При всяком военном поражении России козлом отпущения делали нас. На нас натравливали толпу, которая жаждала погромов и крови. Наши братья по притеснению — гордые поляки — и те показали свое «братское» расположение к нам: страшно представить, чем в польских городах солдаты играли в мяч...

Нас вынудили приносить страшные кровавые жертвы божеству войны, не давая нам возможности отличиться в действии. Этого им было мало — нам добавили тягот, и бремя стало невыносимым: еврейских солдат перед лицом их друзей-солдат, с которыми бок о бок они проливали кровь, объявили изменниками.

Война стала заметна и в Земле Израилевой. Еще не было слышно выстрелов и взрывов — но война забрала первые жертвы: вспыхнули эпидемии заразных болезней, которые занесли сюда войска. Только наступил кризис — и «больной человек Европы» показал свою червоточину, свою низкую культуру, свою неспособность ничего организовать. Чиновники были ленивы и нецивилизованны, их интересовал только «бакшиш», по отношению к другим народам, живущим в тени народа титульного, демонстрировалась азиатская жестокость. Больше всего страдал Иерусалим, в особенности его еврейское население, которое уцелело чудом. Прежний источник пропитания — пожертвования, которые присылали общины всего мира, — иссяк. Единственный рынок сбыта продукции был за рубежом, оттуда же приезжали туристы. Ког-

1 Исая 11:9

да началась война, оба этих источника дохода исчезли. Внутреннего рынка сбыта продукции у Иерусалима нет: он находится между развалин и пустырей. Примитивное сельское хозяйство — в руках нецивилизованных арабов, у них нет никакой необходимости в городском производстве. Тихий и скромный Иерусалим стал военной базой — со всеми вытекающими последствиями. Военное положение сделало нас заложниками полиции, воров, чиновников-мздоимцев. Хуже того — мы не могли с ними взаимодействовать: лишь немногие из нас знали турецкий, еще меньше было тех, кто понимал законы страны. Из-за этого нам пришлось снова пережить то, что в изгнании, — наказание «представителями», «парламентерами». Любой, кто знал турецкий, — а многие из этих людей долгое время жили среди неевреев и своей дикостью превосходили даже арабов, — имел наглость быть нашим «представителем» и жестко нами помыкать.

Иерусалим обезлюдел!

Он потерял лучших своих сынов: кто-то был изгнан, кто-то уехал сам. Над всеми евреями Иерусалима тяготел страх изгнания. Молодежь призвали служить страшному военному богу — под армейские знамена. Трупы тех, кто остался в городе, клевали птицы — они охотились за трупами, как дикие звери. Последнюю каплю крови из нас высасывали бесконечные «бакшиши»...

Умолк напев, с которым изучают Талмуд, смолкла песня рабочих! Повсюду — только душераздирающий вопль стариков, вдов и сирот: «Пощадите, пощадите!» — но пощада не приходит. Улицы до сих пор полны религиозных паломников и любопытных туристов, им интересно узнать о профессиональных способах убийства людей... Мастера заклятия поселились в храмах всех народов, во всех богадельнях, все пропитали своим ядом, все святое запятнали, очернили...

Блудницей сделали святой Иерусалим!...

Положение искусства тоже нелегкое. Моя работа постоянно стопорится от непреодолимых препятствий: сырье стало очень дорого. Мне не хватало денег на гипс, освещение, отопление, оплату натурщиков. Я не мог завершить уже начатые творения так, как мне хотелось бы, — и каждое незавершенное произведение смотрела на меня с грустью, как грешная душа просит исправления, ищет воссоединения.

Сердце мое глодали сомнения: сможем ли мы в этих страшных условиях продержаться? Не поглотит ли меня демон войны, как поглотил он нашего несчастного ученика Элиэзера Брильянта, могила которого стоит одиноко в пустыне? Может статься, что дни «Бецалеля» сочтены, он исчезнет из еврейского мира как светлый сон, который заканчивается кошмаром? Я вспомнил прекрасный мир своих снов, сердце наполнилось тоской обо всем, что я видел, мне не давала покоя одна мысль: сны не приносят ни пользы, ни вреда¹, сон — глупость...

<...>

9.

«Неве шаананим» — так было написано на красивых железных воротах золотыми буквами. Перед воротами стояло много машин, но первой из них развевался бело-голубой флажок.

— Это автомобиль Вождя, — сказал мне наставник. — Хочешь посмотреть его?

Я онемел. Я не мог ничего ответить. Когда я услышал слово «вождь» и понял, что скоро увижу своими глазами того, кто называется Вождем Израилевым, сердце мое забилося, и я снова ощутил детское чувство, когда смотришь добрый сон — и знаешь, что это всего лишь сон, что скоро придет мама, чтобы разбудить тебя и отправить в хедер... Я почувствовал сердечную боль, черная тень страха застила мне глаза. Я боялся, как бы все не растаяло, как сон. Учитель с жалостью посмотрел на меня и ласково сказал:

— Вся жизнь человека как сон. Мы живем в том мире, который снился кому-то до нас. Почему ты боишься увидеть сон о будущем? Ведь сны видят все, кто жив.

Ты живешь в стране больших мечтаний — но в страшное время. Вокруг невиданная жестокость. Ты не можешь — да и нельзя тебе — верить, что все происходящее вокруг тебя — правда. Твоя душа

1 Санфедрин 30:71

стремится к миру, к братству, к свету искусства, к тому, что возвышает душу. Иди и спи с открытыми глазами, смотри на новые светлые миры, которые должны появиться — и появятся. Тогда ты сможешь отрешиться от всех дикостей, которые происходят вокруг тебя. Я показываю тебе будущее «Бецалеля», будущее еврейского искусства и ремесла, которые пока пребывают в руинах. Ведь ты так трудился на их благо. Но я покажу тебе жизнь еврейского народа в будущем, покажу его возрождение и возрождение его страны: без этого «Бецалель» не сможет возродить искусство и ремесло, без этого они не смогут существовать. Пойдем!

Огромные ворота были закрыты. Мы вошли через калитку неподалеку. Сторожа не было — да он и не был нужен: на белой доске были написаны имена жителей, их профессии и номер дома. Первые строки списка занимали архитекторы. «Рабби Эфраим бен Хармона, архитектор» значился под первым номером. Мы пошли искать, где он живет.

Рядом с входом большой павильон стоял человек и смотрел в маленькую книжку. Здесь был коттедж № 1. Мы подошли — человек не заметил нас. Он звонил в звонок. Послышался голос, выходящий из оловянной трубки: «Кто там?» Он ответил: «Гидеон, секретарь поликлиники». Дверь открылась сама собой. Мы все вошли в широкий коридор. Там была простая мебель, на большом столе — много альбомов, на стенах, как гирлянда, была подвешена веревка, на ней — в рамках — чертежи. Над ними висели отдельные рамки, в них акварели — разные дворцы. Вошел какой-то юноша с линейкой в руке, подошел к нам, обратился к секретарю:

— Учитель ждет Вас. — Нас он не видел. Учитель дал мне знак, что надо идти за ним. Молодой человек повел нас через широкий зал, где за длинными столами сидели человек пятьдесят и чертили. Перед некоторыми стояли гипсовые модели зданий. В углу за особым столом сидели четыре человека и писали. Перед ними лежали книги — и они часто заглядывали в них. Стены, простенки и колонны были украшены лепниной. В большом шкафу лежали разные камни и другие материалы. Мы прошли весь зал до последней двери, на которой висел экран. Молодой человек показал секретарю, чтобы он вошел, поклонился — и удалился. Так мы попали в дом к мастеру.

Я не мог поверить, что нахожусь в мастерской архитектора! То, что я увидел, было больше похоже на оранжерею с тропическими растениями, а точнее — на уменьшенную модель парка — с деревьями, цветами, холмами, прудами, речками, а между них — разные здания: гостиницы, жачи, павильоны. Земля была выложена камешками. Деревья напоминали японские кустарники — уменьшенную копию настоящих старых больших деревьев. Они подходили к масштабу модели. Крыши и стены этой чудесной мастерской были стеклянные. Это еще больше сбивало с толку зрителя: казалось, что это сад под открытым небом! Нам навстречу вышел человек среднего роста, одетый в рабочий халат с засученными рукавами. На голове его — широкая соломенная шляпа, в одной руке — инструменты для лепки, в другой — кусок глины, скульптор мял его ловкими пальцами.

— А, здравствуйте, господин Гидеон! — радушно воскликнул человек. — Простите, что не могу подать Вам руку. Видите? — и все же протянул ему руку. Лицо секретаря просветлело, он пожал обнаженную руку скульптора где-то около локтя и почтительно сказал:

— Учитель, рука мастера, которая возвела дом нашей славы, здание Оперы, — не может испачкаться. Можно будет посмотреть проект санатория, который мы заказали для «Мигдаля»?

— Конечно! Именно сейчас я им занимаюсь. Проект уже был готов, но я решил все переделать, когда побывал на месте стройки. Я нашел там интересные здания: старую синагогу ребе Меира-чудотворца, остатки старой стены и гостиницу, находящуюся в башне. Гостиница была построена сто лет назад. Она называется «Дом Иехиэля» в честь д-ра Иехиэля Членова, одного из величайших деятелей нашего возрождения. Санаторий хорошо впишется в среду, он будет в стиле древних зданий Тверии. Я сделал интересный проект — пойдете, я покажу вам, — сказал он, скрылся среди растений — и мы пошли за ним.

Посередине мастерской была пустая площадка, вымощенная красным мрамором. В центре ее на возвышении стояла модель санатория. Около возвышения стоял низкий стол, на нем лежала глина, инструменты для лепки, линейки и транспортир.

— Садитесь, господин секретарь, так Вам будет лучше видно, — торопливо говорил архитектор. Секретарь встал рядом с моделью и стал ее разглядывать. Мы встали рядом с ним.

Только сейчас я понял, почему архитектор лепил свои модели и создал такую необычную мастерскую! Никакое воспроизведение не может передать впечатления от настоящего здания, слепленного из бледно-желтой глины и помещенного на траву! Еще больше я восхитился, когда модель начала вращаться. В эту минуту мне показалось, как будто это я хожу вокруг здания. Как зачарованный, я не мог

оторвать лаз от чудесного здания. Секретарь спокойно сидел, смотрел на модель, не говоря ни слова. Архитектор не мог усидеть — двигался, нагибался, поправлял, выпрямлял — и не отводил взгляда от своей скульптуры. В конце концов, лицо его исполнилось боли.

— Чудесно! Божественно! Учитель, Вы создали новую жемчужину! Она украсит Киннерет, — воскликнул секретарь. Позвольте мне, учитель, пожать Вашу руку. Он подошел, взял грязную руку архитектора и крепко ее пожал. Лицо архитектора просияло, он радостно воскликнул:

— Подождите, не торопитесь! Это не все. Я хочу кое-что изменить: только сейчас я это понял. Здание будет прекрасным, будет подходить к Киннерету — ведь там красиво все. Там можно возводить только красивые здания — как окрестные горы. Как Хермон!

— Учитель, я хотел бы внести маленькое изменение. Пожалуйста, увеличьте здание, сделайте в нем больше комнат. Здание должно быть рассчитано на 1200 человек. Нам удобнее одно большое здание, чем несколько маленьких. Пожалуйста, простите меня за дерзость, но это решил совет.

По лицу архитектора пробежала тень. Он отвечал медленно и с нажимом:

— Изменений мы вносить не будем. Мнение уважаемого совета не поможет делу. Около Киннерета запрещено строить длинные здания. Нельзя создавать линию, параллельную берегу: это нарушит гармонию. Каждый корпус будет рассчитан на 150 человек, восемь корпусов вместят 1200. Я подготовлю еще семь эскизов — это будут разные варианты. В том, что касается их удобства, я посоветуюсь с членами совета. Мы это решим, — и архитектор снова стал разминать кусок глины. Секретарь поклонился и почтительно сказал:

— Учитель, Вы абсолютно правы. Интересы общества выше интересов индивида. Я от всего сердца благодарен Вам за удовольствие, которое Вы мне доставили. Санаторий будет драгоценной жемчужиной. Я представляю, как прекрасно будут смотреться эти восемь корпусов — на берегу Киннерета, среди деревьев... Это будет «город-оазис».

— И он будет построен быстро — в течение года. Чтобы построить дом на 1200 человек, требуется три года как минимум. Пожалуйста, передайте вашему совету мое предложение. Я жду быстрого ответа, без него я не смогу довести здание до ума. Он подал секретарю конверт. Секретарь взял его, снова поклонился, попрощался с архитектором и вышел. Мы пошли за ним.

— Это гений! — сказал я в восхищении учителю. — Но я не понимаю, как архитектор может не считаться с мнением заказчика. Ведь он должен знать условия, которым должна удовлетворять постройка! Кроме того, некоторые материалы вызывают вопросы — а ему нельзя ничего сказать.

— Пока он проектирует только внешний вид здания, то, что видят все, то, что будет принадлежать всем. Тут всегда решающим оказывается мнение мастера, и никто не имеет права высказать «мнение заказчика». У частных заказчиков есть право выбрать архитектора по своему вкусу — но не менять вкус архитектора! Тем более в этом случае! Ведь санаторий строится на общественные деньги! Архитектор не обязан считаться с мнением чиновников. Все это касается внешнего вида здания. В том же, что касается интерьера, никакой архитектор не будет полагаться только на свое мнение. Он все согласует с заказчиком, который знает, что ему требуется, как будет удобнее, — да и учитывает придури заказчика. Но начинать строительство без особого на то разрешения от комиссии, задача которой — следить, чтобы все здания были построены согласно санитарным и пожарным нормам, нельзя. Эти нормы обязательны для всех, в этом тоже проявляется принцип торжества коллектива над индивидом. Что касается средств на строительство — этот вопрос не касается общества. Сами здания не стоят людям ни копейки, они платят только ежегодную квартплату.

Последние слова я не понял. На чьи же тогда деньги идет строительство? Кто получает квартплату? И учитель ответил на мой немой вопрос:

— Мы получаем ссуду у детей, внуков и правнуков в счет наследства, которое завещаем следующим поколениям. Иными словами: мы строим в рассрочку — и постепенно возвращаем взятое.

...

11.

... И снова я прогуливался с учителям по улицам Иерусалима.

Широкий проспект, по которому мы шли, сотрясался от обилия грохочущих автомобилей. На обочи-

нах было огромное количество велосипедистов, на бульваре — тысячи пешеходов. С двух сторон вдоль бульвара тянулись ряды красивых колонн — как портик. Над моей головой послышался легкий шорох. Я взглянул наверх и увидел, что каждая пара колонн соединена осью, а на нее с двух сторон насажено по колесу. Они вращаются, и крыша портика движется, причем довольно быстро.

— Что это? — спросил я учителя

Учитель ничего не ответил, только взял меня за руку и осторожно перевел меня на другую сторону бульвара.

Я не поверил своим глазам! То, что я видел, было так невероятно — и в то же время так просто, что я изумился, что ее не сделали в наше время.

Вдоль бульвара, насколько хватало глаз, на крыше портика спокойно стояли люди. Но крыша портика двигалась с такой скоростью, что люди мелькали, как кадры цветного фильма.

— Куда едут все эти люди? — спросил я наставника.

— В иерусалимские столовые. Сейчас 11 часов, и это время обеда летом. Люди едут из «рабочего городка» «Бецалеля», из «Га-Бонэ», едут и другие рабочие. В одних только столовых кооператива «Эшель Авраам» едят около полумиллиона человек. Есть еще несколько более маленьких столовых — в других частях Иерусалима, — и своя столовая в каждой школе. Если хочешь, поехали вместе с ними.

И не дожидаясь моего ответа, он снова перевел меня через бульвар. Мы встали на движущиеся ступеньки — они быстро подняли нас на крышу портика. Там уже стояли тысячи людей, и на каждой лестнице добавлялись еще и еще. Тротуар двигался очень быстро и плавно, без резких толчков и пыли. Здесь не было ни одного служащего. Я спросил учителя:

— А где платят за проезд? Я не видел ни одного контролера. Ведь можно пробраться «зайцем» и проехать бесплатно.

— Здесь нет «зайцев», потому что проезд на этих тротуарах бесплатный — так же как и на всех железных дорогах в Израиле.

— Неужели? А кто оплачивает стоимость перевозок — ведь она огромна? Наверняка же все люди ездят сверх меры, раз проезд бесплатный?

— Сверх необходимого никто не ездит, так же как у вас никто не пьет воду больше необходимого, если в доме есть водонапорный кран. У вас тоже акционеры железных дорог могут бесплатно пользоваться поездами. А здесь каждый гражданин — акционер, потому что все железные дороги — собственность всего общества, всех граждан страны. Обществу выгодно, чтобы все его члены могли ездить, посылать друг другу письма и телеграммы, когда это нужно, потому что общество состоит из индивидов. А если каждый индивид богат, то и общество сильно. Поэтому каждому дано право пользоваться всем вышеперечисленным.

Когда мы проезжали мимо парка, я увидел, что там, рядом с фонтаном, среди цветов сидят старик и старуха — и смотрят на наш движущийся тротуар, как живые. Это были керамические фигуры. Лицо старика было мне знакомо. Кто это? — спросил я сам себя. На голубой табличке сверкала белая надпись: «Улица Монтефиоре» — это была табличка в конце улицы, которую пересекал наш тротуар.

Тротуар двигался все дальше, поднялся на холм, на который я смотрел с крыши «Бецалеля», думая, как прекрасно это место и как было бы хорошо выстроить там цветущий город для художников! Теперь на горе так много разных зданий — дворцов из стекла, павильонов и колоннад, все это — меж цветов и высоких деревьев.

До нас донеслись запахи еды и звуки музыки. Тротуар спустился на уровень мостовой, пассажиры стали выходить. На каждом здании вокруг золотыми буквами было что-то написано, рядом с надписью — номер. Учитель сошел около стеклянного дворца, на котором написано «Деньги». Я — за ним. Ко входу устремилась огромная толпа. У входа сидела женщина, она принимала у всех деньги и талоны. Нам надо было на четвертый этаж, мы поднялись на специальном подъемнике и попали на широкую галерею, которая шла с внутренней стороны здания по всем стенам. Я видел три этажа под нами и пятый — над нами, все они одного размера. На первом этаже, на полу, посередине были фонтаны, украшенные цветами. Пол был сделан из цветного стекла, как в столовой «Бецалеля». Здесь на стенах тоже были ящики и маленькие дверцы, на которых написано: «булочки», «напитки»... Рядом стояли люди — ели, пили, закусывали булочками. Длинные столы были накрыты так же, как в «Бецалеле». Но все места были пронумерованы, а рядом со столовыми приборами лежала книжка, на первой странице которой были перечислены все блюда.

Сверху слышались приятные звуки фортепиано. Музыка улаждала слух собравшихся, при этом все были заняты разговором, никто специально ее не слушал — но она доставляла всем удовольствие, как и аромат садовых цветов, которым мы наслаждаемся, даже если не отдаем себе в этом отчет. Вдруг музыка прекратилась. Все сели за столы. Средняя часть столов задвигалась и каждому «привезла» его порцию. За восьмью столами сидели около 2000 человек, и только восемь человек их обслуживали, при этом обслуживание было на прекрасном уровне. Я думал: сколько человек требовались для этого в наше время, при том что обслуживание было плохое?

<...>

Я читал биографию их деда. Трудно было поверить, что еще сто лет назад мы претерпевали такие страшные мучения. Вот двое детей, родившиеся у супругов-выкрестов. У них богатый дом, они ни в чем не испытывают недостатка — однако в доме всегда разлита печаль: ведь у детей нет ни дядьев, ни теток, общение с которыми так радует детей. Когда мать остается одна, она часто плачет. Отец работает — или погружен в чтение. Нет радостных, праздничных дней, нет церкви, попы не приходят к ним с песнопениями — как это бывает у соседей. И вдруг к ним приезжает дед. Дети счастливы: теперь добрый дедушка будет и у них! Но увы! Печали в доме только прибавилось. Все стали говорить шепотом, как кто-то из домашних тяжело болен. Папа не рад своему отцу, а мама плачет не переставая. Детям очень нравится дедушка — высокий благообразный старец с длинной белой бородой — как здорово сидеть у него на коленях и накручивать пряди бороды на палец!

— Он говорил на выхоленном языке, — повествует автор биографии. — и когда он разговаривал с папой и мамой, мы с сестрой ничего не понимали. Как-то раз с утра я увидел, как дедушка стоит, замотавшись в белую шаль, на голове у него какой-то кубик, в руках он держит книгу и раскачивается. Я подбежал к нему, попросил, чтобы он дал мне посмотреть этот кубик. Но он не ничего ответил, только провел рукой по моей голове. Губами он продолжал шептать какие-то странные, чуждые слова. Я подошел к маме, рассказал ей, что видел, и спросил, что же такое дедушка делает.

— Он молится, — ответила она.

— Я тоже хочу молиться, мама! Купи мне такой же кубик, я привяжу его на голову!

— Вырастешь — будешь молиться, тебе купят такой кубик, — мама поцеловала меня и заплакала.

Почему вдруг? И дедушка тоже плачет...

Как-то раз мы с сестренкой сидели у него на коленях и играли с его бородой. Сестренка спросила:

— Дедушка, ведь ты уже большой — почему ты так плохо говоришь?

Дедушка поцеловал ее и заплакал. Ну, разве старики плачут?

— Дедушка, я тоже хочу молиться! И хочу такой кубик на голову, как у тебя!

Дедушка достал из футляра старую книгу, раскрыл ее передо мной и оказал на одну букву. Скажи: алеф! Я повторил: алеф.

— Хорошо, милый. Теперь еще раз: алеф.

— Алеф, алеф, алеф! — прокричал я.

И каждый день я выучивал еще по букве. А когда мы дошли до маленькой буквы йуд¹, дедушка уехал от нас.

Через несколько дней приехала бабушка — мамина мама. На нас она даже не взглянула, занята была ссорами с мамой. Мама плакала, целовала бабушке руки, умоляла, падала перед ней на колени. Но бабушка все кричала, наконец, заплакала сама — и упала в обморок. Бабушка вообще не умела говорить на нашем языке. На папу она не смотрела, не ела с нами за одним столом, готовила себе сама на особой горелке и не давала нашей кухарке к ней притронуться.

— Проклятая жидовка, — огрызнулась кухарка, когда бабушка выходила из кухни.

— Кто жидовка? — спросил я.

— Бабушка твоя, — ответила та.

— А мама?

— Мама больше не жидовка.

— А папа?

— Он тоже уже христианин.

— А дедушка?

1 10-я буква алфавита.

— Он жид. Проклятые жидаы убили нашего бога. Они убивают христианских детей и кладут их кровь в свою мацу.

Услышав это, я затрясся.

— Враки! — заплакал я и помчался к маме выяснять, правду ли говорит Матрена. Мама усадила меня к себе на колени, поцеловала, заплакала и сказала, что Матрена говорит неправду. Дедушка — хороший человек, и все евреи хорошие. Убить Бога никакой человек не в силах.

Но Матрена же водила меня в христианскую молельню — и там я своими глазами видел картинки, на которых евреи били бога, распинали его, прибивали ему руки и ноги гвоздями, кровь из ран текла рекой! Я горько плакал, когда видел эти страсти. Маме я не рассказал, что ходил в церковь. Теперь я знал, что она врет, ненавидал ее, а еще больше ненавидал бабушку, которая, к счастью, от нас уже уехала. Отца я боялся: он все время сидел один, всегда был сердитый. Любил я только дедушку — и простил ему, что он еврей. Я молился Богу, чтобы он сделал дедушку христианином. Обо всем этом я рассказал только сестренке. У Матрены я попросил, чтобы она и ее взяла в свою церковь. Там мы оба преклонили колена перед раненым богом и молились за дедушку — пусть он станет христианином, а все евреи пусть умрут. Матрена подарила нам маленькую черную иконку, мы поставили ее в укромный уголок за шкафом. Красное сияние окружало лицо бога, истекающего кровью от колючек, которые проклятые жидаы надели ему на голову. Глаза его смотрели на нас с упреком...

Когда я пошел в школу, другие дети избили меня и назвали жидом. Я просил пощады, доказывал, что я не еврей, потому что мой отец давно крестился. Но все без толку! Они били меня безжалостно. «Жидовское отродье!» — кричал они мне. Дома мама меня спросила:

— Почему ты такой грустный?

— Просто так.

— Кто тебя так исцарапал?

— Кошка.

Я закурил губу, чтобы не заплакать, и не рассказал маме своей тайны. Я стеснялся родителей — и только сестренке все рассказал. Она плакала, водила меня в нашу тайную церковь — к иконе за шкафом, — чтобы я помолился за грешные души родителей и дедушки, и чтобы попросил у Бога проклятия для всех евреев.

Как-то дети в школе сильно избили меня. Я еле вырвался домой, шел домой, как пьяный. Я ничего не стал есть, упал на кровать. Мама испугалась, заплакала и закричала: «Спасите! Ребенок при смерти! Быстро вызовите врача!» На ее крики прибежали папа и сестренка. Папа снял с меня одежду — и увидел кровь и следы жестоких побоев. Сестра расплакалась и все рассказала: другие дети меня бьют, потому что я жидовское отродье. Мама упала в обморок. Когда пришел врач, он больше приводил в чувство маму, чем меня. Я быстро оклемался — а мама слегла надолго...

В школу я больше не ходил, сидел целыми днями дома и скучал...

...

12.

Мы поехали по движущемуся тротуару — и прибыли в рабочий городок. Высоких фабричных труб, исторгающих клубы дыма, не было и в помине. К каждому дому вели металлические провода — я понял, что электричество здесь вытеснило паровые двигатели, которые загрязняют воздух дымом и угольной пылью. Не было здесь и привычных длинных домов, тянувшихся на целые кварталы, — в таких зданиях располагались цеха наших фабрик. Только издали, в центре городка, виднелось большое здание, но оно куда больше походило на отлично спланированный склад товаров, чем на заводское помещение. Рабочий городок, очевидно, был построен сразу целиком, и был спроектирован именно как рабочий городок. В центре — упомянутое большое здание, рядом с ним — несколько других красивых домов поменьше. Вокруг центра кольцевыми линиями проложены бульвары, они пересекаются с прямыми проспектами, которые отходят от центра, как лучи из середины круга. У домов нет дворов, все дома длинные и узкие, каждый выходит на две улицы. Дома — трех-четырёхэтажные; между ними посажены деревья. Окна огромные, они тянутся от плоских крыш до самого низа, как начали строить уже в наше время — в самых современных авторских зданиях. Дома построены отдельно друг от друга, чтобы каждый дом хорошо проветривался и освещался, — и площадь городка невелика, однако вид-

но, что здесь работают тысячи людей. С нашего тротуара мы перешли на другой, на радиальной улице, который двигался к центру — и там сворачивал на первое кольцо.

Бен-Карми сошел около какого-то здания и вошел туда. Мы вошли за ним. Это был цех, он занимал весь этаж. У стен, в которых было много окон, сидело около сотни рабочих. Некоторые сидели группой за одним столом, некоторые — по одиночке. Между группами и рабочими, сидящими по отдельности, были низкие переносные перегородки. Посередине, вдоль всего зала, тянулся ряд станков и столов с инструментами, которыми пользовались все: точильный станок, пресс, дрель, разные кусачки. Здесь изготавливали украшения. К Карми подошел один молодой человек — и протянул ему планшет. На нем был эскиз заколки и проект ее изготовления. Основная часть была сделана из тонкого серебра, украшения — из серебряной проволоки разной толщины, из золота, резной слоновой кости, чеканного металла. Орнамент был сделан в виде маленьких человечков. На эскизе было написано число уже заказанных заколок — 200 — и срок, когда работа должна быть сдана. Бен-Карми расписался на специальном бланке, отдал его молодому человеку, а потом подошел к одной группе рабочих, отдал им проект и пояснил кое-что.

В помещении цеха было светло, чисто и тихо. Некоторые рабочие пели. Все работали очень серьезно и с большим рвением, не было ни надсмотрщиков, ни администраторов.

Мы двинулись дальше и посетили еще много цехов, где изготавливались те предметы, которые мы видели в павильонах «Бецалея». Нигде не было ни малейшего сходства с нашими фабриками — где, как в аду, сплошной дым, шум, беготня; рабочие потные, грязные, перемазанные с ног до головы, как черти, бегают вокруг страшных машин, которые высасывают из них все соки и сокращают им жизнь. Здесь работают думающие люди, а задача машины — увеличить их силу и повысить скорость их работы. Одна вещь оставалась для меня загадкой — экономическая организация труда: кто заказчики? кто продавец? кто поставляет сырье, образцы, инструменты? кто устанавливает зарплату рабочим? кто делит заказы между рабочими по их талантам? откуда берутся огромные деньги, на которые ведется все это производство? кому принадлежит все, что я вижу? кто управляющий? кто хозяин? Учитель ответил:

— Давай спустимся в сквер при главном складе — и я тебе все объясню. Ты поймешь, как гениально и просто все устроено, оценишь великую пользу нынешнего устройства.

Мы сели под смоковницей у бассейна, вокруг пели веселые птицы, плескались в бассейне после полета. В сквере было тихо и спокойно — хотя вокруг ездили тротуары и слышались удары молотка. Мне казалось, что я плыву на корабле по морю. Живое колышущееся море не мешает мыслям, напротив: оно обновляет тебя, окрыляет мысли, показывает новые все более и более далекие горизонты...

Слова учителя проникли мне глубоко в сердце. Он говорил:

— Еще до мировой войны культура стояла на очень высокой ступени развития и могла принести счастья всем жителям вселенной, но человечество не сумело воспользоваться ее достижениями во имя человеколюбия, — напротив, люди употребляли новшества культуры, чтобы навредить друг другу. Мировая война была провалом всего человечества! После этого началась новая эпоха. Старый строй был низвергнут, его достижения были переоценены заново. На руинах прошлого был построен свой, новый мир — мир новых людей, которые были способны воспользоваться богатым наследием, доставшимся им от несчастных предков, во имя благих целей... Наша сила — в том, что все народы признали, что только мы можем вдохнуть жизнь в Восток, мы — а не кто иной. Мы — звено в цепи, которая соединяет Азию с высококультурной Европой. Впрочем, европейцев мы тоже многому научили. Из всех народов мы были в наилучшем положении: нам нечего было разрушать и ломать — и мы могли употребить все свои силы на то, чтобы строить. Построить свой маленький мир нам удалось лучше, чем всем остальным. Долгая жизнь в рассеянии, как ни странно, принесла нашему новому центру немало пользы. Кроме того, наша жизнь здесь оказалась хорошей иллюстрацией теории естественного отбора: сюда приехали только лучшие представители народа, только те, у кого есть идеалы. Те, кто искали только удовольствий и комфорта, поселились в Европе: после войны она обезлюдела. Долгая жизнь в изгнании научила нас терпению. Силой терпения мы можем достичь многого. Без сомнения, наше общество построено на самых современных демократических принципах — но ведь это те же принципы, которых мы придерживаемся издревле. Мы усвоили их из святой Торы, от пророков и мудрецов. Еще мудрец Гиллель говорил, что в основе иудаизма лежит заповедь «Возлюби ближнего своего, как самого себя». Он же говорил: «Если не я за себя — то кто за меня? А когда я за себя — кто я?» Древние истины мы приспособили к настоящему. Еще до войны «Национальный фонд» стал скупать земли для еврейского народа: ведь Тора запрещает частную собственность на землю. Сейчас вся Земля Израилева принад-

лежит всему еврейскому народу. Она дается частным лицам в аренду — но только до юбилейного года. После этого она снова возвращается еврейскому народу. Однако у каждого арендатора есть преимущественное право: его надел не сдают в аренду никому другому, если он обрабатывал эту землю как следует. После смерти арендатора — еще до юбилейного года — его земля отходит всему народу; то же самое происходит со всем его имуществом. У нас каждому гражданину наследует весь народ.

13.

В театр «Менора» мы пошли пешком. Мне не терпелось увидеть Иерусалим отстроенный. Мы прошли через рабочий городок, который гудел, как улей: в каждом доме шла своя работа, на улице не было ни души, только время от времени к центральному складу ехал автомобиль или велосипедист. Удивительно, но в рабочем городке не было ни детей, ни женщин, судачащих друг с другом, стоя у ворот. Не было магазинов. Мы не видели ни одного стража порядка. Мы перешли Проспект возрождения, который раньше назывался улицей Яффо, прошли по улице Исаяи, которая ведет на гору, — и добрались до Площади «Меноры», где возвышалось подвижное зеркало. За ним, на склоне горы, находилась знаменитая кинофабрика «Менора». Там же, на огороженном участке, показывали эти фильмы.

Вечерело, стало прохладно. Был закат; я не мог отвести взгляд от невероятного вида на вечерний Иерусалим, который открывался оттуда: с вершины горы был виден весь город и окрестности. Широкие проспекты позволяли видеть весь город насквозь. Я вспомнил, что много лет назад, когда «Бецалель» только появился, мы стояли вот так же — учеников было человек десять-двенадцать — на том же месте, я показывал ученикам участок, который хотел купить, чтобы выстроить здание школы. Это было поздно ночью, в темноте, и мы боялись, что кто-нибудь узнает, что мы, евреи, покушаемся на этот участок... Мы разработали проект: вот тут будет школа, тут — мастерские, тут — музей, тут — дома художников. Мы говорили по-русски, иврита из нас еще никто не знал. Один из нас запел «ѓа-швуа»¹ — и все стали ему подпевать. Пение здоровых молодых голосов еще долго раздавалось над тишиной иерусалимских холмов. Мы полностью забыли, что должны чего-либо бояться... Боже, как давно это было! Еще раньше, чем время, о котором я сейчас вспоминаю и которое вижу сквозь розоватую дымку.

Темнело. Странно было видеть огромный город, погруженный во тьму. Только в нескольких домах горел свет, и кое-где на улицах тускло горели фонари. Не было светящейся рекламы наверху высоких зданий, дома никого не манили к себе огнями окон, не было кафешантанов и заведений, в которых искусственно горячат кровь, чтобы потом остудить ее в мерзости и нечистоте...

Нет суеты, никто не мчался покупать и продавать, не было богачей-толстосумов, которые скупают все на своем пути, и нарядных нищенков, готовых все продать... Иерусалим чист и прекрасен, полон тишины и свежести. На нем почил божественный покой. Город был похож на любящую мать, которая ходит на цыпочках, чтобы не разбудить заснувших детей. Перед сном город пел своим детям колыбельные в Опере, на концертах в Башне Давида — или рассказывал им небылицы в театре.

Началось движение: пешком, на машинах, на велосипедах — люди стали стекаться в храм искусства, на крыше которого красовался семисвечник. Мы тоже подошли к центральному входу. Ворота были широко открыты. Мы по-прежнему были невидимы и, миновав очередь у кассы, поднялись по широкой лестнице к ломам.

В театре не было центрального освещения — света, льющегося сверху. Только внизу, у каждого сидения, была маленькая электрическая лампочка. Лампочки освещали мягкий ковер, которым был устелен пол, — и каждый зритель хорошо видел, куда идет. Звук шагов терялся и не нарушал тишины, царившей во всем здании. Зал был уже полон. Когда мои глаза привыкли к полумраку, я увидел троих великих мастеров: рабби Менаше, рабби Йеѓуду и рабби Эфраима. Они сидели недалеко от меня: великий скульптор — посередине, справа от него — архитектор, слева — художник. Они рассказывали ему что-то шепотом. Внизу, в яме у сцены, настраивался оркестр. Музыканты заиграли увертюру к какой-то опере — я ее никогда не слышал. Увертюра была полна плача, просьб и молитв. Сверху — как будто с неба — раздались божественные звуки органа. В них слышался шум бушующего моря, буря, раскаты

¹ Гимн Бунда, сочиненный С. Ан-ским. Гимн был сочинен на идише и назывался «Ди швуэ» («Клятва»), был переведен на иврит.

грома — и вдруг тихая, тоскливая тишина... Оркестр резко остановился, молитва прервалась на кричащем душераздирающем звуке — а оркестр продолжал играть таинственную жалобную мелодию. Звуки скорби, заставляющие сердце неистово биться...

В зале было темно. Музыканты вышли через маленькую дверь под сценой — а орган все плакал. Медленно поднимался занавес. На экране появился зажженный семисвечник. Свечи горели все ярче и ярче, их огоньки слились сверху в жарке пламя — и превратились в радугу. На синей и фиолетовой полосе проступили красные пламенеющие буквы, сложившиеся в слова: «Разрушение Храма». Буквы постепенно бледнели — и поблекли, исчез и семисвечник. На экране задвигались цветные пятна, стали принимать разные формы — как в калейдоскопе. Постепенно из цветных форм сложился человеческий силуэт.

Эта была фигура высокого худого человека, одетого в длинный плащ, с посохом в руках. На светлом фоне проступили очертания Иерусалима, освещенного множеством огней жертвенников — они были на всех горах и на крышах высоких домов; жертвы приносились разным божествам. Человек долго смотрел на Иерусалим — со смесью гнева и печали. Страдая, он простер худую руку к городу — и на заднем плане — фильм был немой — громкий голос, полный горя и мольбы, произнес:

— Слушайте слово Господне, дом Иакова и все роды дома Израилева! Так говорит Господь: какую неправду нашли во Мне отцы ваши, что удалились от Меня и пошли за суетою, и осуетились?¹

— Я наведу на них бедствие, от которого они не могут избавиться, и когда воззовут ко Мне, не услышу их².

— Тогда городá Иуды и жители Иерусалима пойдут и воззовут к богам, которым они кадят; но они нисколько не помогут им во время бедствия их. Ибо сколько у тебя городов, столько и богов у тебя, Иуда, и сколько улиц в Иерусалиме, столько вы наставили жертвенников постыдному, жертвенников для каждения Ваалу³.

— Вот, Я приведу на вас, дом Израилев, народ издалека, говорит Господь, народ сильный, народ древний, народ, которого языка ты не знаешь, и не будешь понимать, что он говорит. Колчан его — как открытый гроб; все они люди храбрые. И съедят они жатву твою и хлеб твой, съедят сыновей твоих и дочерей твоих, съедят овец твоих и волов твоих, съедят виноград твой и смоквы твои; разрушат мечом укрепленные города твои, на которые ты надеешься⁴.

— Так говорит Господь: производите суд и правду и спасайте обижаемого от руки притеснителя, не обижайте и не тесните пришельца, сироты и вдовы, и невинной крови не проливайте на месте сем⁵.

— и взыщете Меня и найдете, если взыщете Меня всем сердцем вашим⁶, и будете Моим народом, и Я буду вашим Богом⁷.

Так говорил пророк Иеремия. Он склонил голову, спустился, повернулся к Иерусалиму.

На экране — снова буйство красок, играют арфы, звенят тарелки, звучат трубы, бьют барабаны. Постепенно краски бледнеют. Из ворот Иерусалима выходит процессия. Во главе ее — женщины с арфами и серебряными трубами, за ними — полуголые ритуальные блудницы с тимпанами, танцующие какой-то страстный танец. За ними — под красным балдахином — старуха, обнаженная до пояса, с распущенными седыми волосами, на руках у нее — два младенца: они предназначены в жертву кровавому богу Молоху. За ней — румяный толстый жрец, обвешанный блестящими украшениями, в одной руке — нож, в другой — горящий факел. За ним — пророки в дикой пляске, бьющие себя сухими кулаками в обнаженную волосатую грудь. За ними — пестрая толпа: мужчины, женщины и дети. Вся эта процессия движется по дороге, спускается к Геенне, где стоит страшный каменный идол, огромный, пузатый, весь покрытый кровью, снизу — угольной пылью. У ног — жертвенник. Процессия с песнопениями и экстатическими танцами обошла вокруг жертвенника семь раз. Потом по его ступеням поднялся толстый жрец, воткнул факел в руку идола, встал перед ним на колени, поклонился и поцеловал его ноги, забрызганные кровью, — и встал, держа в руке нож. Он ждал, пока старуха передаст ему младенцев, предназначенных в жертву. Она держала их над головой, как птиц, которых несут к резнику. Иссохшая старуха со сморщенными гру-

1 Иеремия 2:4-5

2 Иеремия 11:11

3 Иеремия 11:12-13

4 Иеремия 5:15-17

5 Иеремия 22:3

6 Иеремия 29:13

7 Иеремия 11:4

дями, изрыгавшая вопли из черного бесформенного рта, с блуждающим взором, с растрепанными патлами, которые извивались вокруг ее головы, как змеи, держащая на вытянутых руках, похожих на конечности какой-то мерзкой ящерицы, двух младенцев, была отвратительна. Младенцы плакали. Нелепого вида жрец невозмутимо стоял на ступенях жертвенника — и водил пальцем по лезвию ножа, чтобы убедиться, что оно достаточно остро заточено. На круглом блестящем его лице блуждала крокодильи улыбка.

Вдруг через плотную толпу прорвался какой-то высокий старик с глиняным сосудом в руках. Он взбежал по ступеням жертвенника, сильной рукой толкнул жреца, выпрямился во весь рост и гневно оглядел всех собравшихся. Глаза его пылали. Он поднял правую руку.

— Иеремия из Анатота! — закричали в толпе. Но голос пророка был громче всех.

— Слушайте слово Господне, цари Иудейские и жители Иерусалима! так говорит Господь Саваоф, Бог Израилев: вот, Я наведу бедствие на место сие, — о котором кто услышит, у того зазвенит в ушах, за то, что они оставили Меня и чужим сделали место сие и кадят на нем иным богам, которых не знали ни они, ни отцы их, ни цари Иудейские; наполнили место сие кровью невинных и устроили высоты Ваалу, чтобы сжигать сыновей своих огнем во всесожжение Ваалу, чего Я не повелевал и не говорил, и что на мысль не приходило Мне; за то вот, приходят дни, говорит Господь, когда место сие не будет более называться Тофетом или Геенной, но долиною убиения¹, и в Тофете будут хоронить по недостатку места. И будут трупы народа сего пищею птицам небесным и зверям земным, и некому будет отгонять их. И прекращу в городах Иудеи и на улицах Иерусалима голос торжества и голос веселия, голос жениха и голос невесты; потому что земля эта будет пустынею².

Он поднял над головой свой глиняный сосуд и разбил его со всей силы о жертвенник. Сосуд разлетелся на осколки, а пророк возопил:

— Так сокрушу Я народ сей и город сей, как сокрушен горшечников сосуд, который уже не может быть восстановлен!³

Толпа забурлила. В гневе тысячи людей подняли руки. К жертвеннику, где стоял пророк, полный скорби, опустив очи долу, ринулись люди, накинулись на него, били, ранили его, заломили ему руки и потащили...

Эта картинка пропала, на экране снова появился калейдоскоп. Яркие, кричащие цвета смешались. Под сценой с горечью вздохнул оркестр, сверху заплакал орган. На экране появилась новая картинка.

В мрачной яме под землей сидел пророк Иеремия в глубокой печали. В потолке над ним была дыра, из нее шел желтый сноп света, он давал круглое светлое пятно на грязном каменном полу... Иногда пророк поднимал голову, как будто что-то слышал, в раздражении подскакивал, широко раскрывал глаза, прижимал к обнаженной впалой груди худые руки, кружился вокруг светлого пятна на полу.

Вдруг внутри снопа света спустилась веревка. Раздался голос:

— Иеремия! Иеремия! Царь Седекия зовет тебя. Подложи эти старые брошенные тряпки и лоскутья под мышки рук твоих, под веревки⁴.

Пророк сделал, что ему приказали. Его вытащили — и вот ведут под конвоем по улицам Иерусалима к Храму. Там его ждет царь. Улицы полны народа, кто-то смотрит на арестованного пророка со страхом, кто-то дерзко смеется ему в глаза. В него швыряют камни. Пророк идет прямо, гордо держа седую голову, смотрит большими глубокими глазами, в которых невыразимая печаль.

Его привели к третьему входу в Храм. Царь Седекия сидит на троне, за ним — вооруженные телохранители, у ног его сидят вельможи. Пророк уверенными шагами приблизился к трону, поклонился, выпрямился, пронзительным взглядом посмотрел на бледного, испуганного царя. Царь подал знак рукой — и все встали и, пятясь, вышли. В зале остались только царь и пророк.

— Иеремия, я хочу тебя спросить, — в зале отдавалась дрожь царского голоса, — не утаи от меня ничего.

Пророк спокойно ответил:

— Если я открою тебе, не предашь ли ты меня смерти? и если дам тебе совет, ты не послушаешь меня⁵.

1 Иеремия 19:3-6

2 Иеремия 7:32-34

3 Иеремия 19:11

4 Иеремия 38:12

5 Иеремия 38:15

Царь воздел дрожащую руку к небу и ответил сдавленным тихим голосом:

— Жив Господь, Который сотворил нам душу сию, не предаю тебя смерти и не отдам в руки этих людей, которые ищут души твоей¹.

Ответил пророк:

— Так говорит Господь Бог Саваоф, Бог Израилев: если ты выйдешь к князьям царя Вавилонского, то жива будет душа твоя, и этот город не будет сожжен огнем, и ты будешь жив, и дом твой; а если не выйдешь к князьям царя Вавилонского, то этот город будет предан в руки Халдеев, и они сожгут его огнем, и ты не избежишь от рук их².

Лицо царя стало мрачнее тучи. Он хлопнул в ладоши. Вошли два вооруженных охранника. Царь подал им знак — и они вывели пророка.

Картинка на экране растаяла. Цвета менялись, смешивались, разноцветные пятна сливались, кружились — как сполохи. Ломаные линии, как молнии, прорезали темно-синий фон. Как поток крови, как вспыхнувший огонь — красная струя. Вдруг все потемнело. И на экране проступили очертания борющихся людей. Они становились видны все лучше и лучше. Это были страждущие жители Иудеи, которые ринулись в последний бой — защищать стены Иерусалима...

Солдаты погнались за кем-то — как охотники, преследующие оленя. Под Иерихоном они настигли спасавшихся бегством царя Седекию и его вельмож. Вавилонский царь Навуходоносор заколол сыновей Седекии на глазах отца, потом заколол его вельмож, ослепил Седекию и заковал его в цепи.

Иерусалим подожжен! Горит Храм, огонь охватил его с четырех сторон. Коэны и левиты торопятся потушить пожар — но он разгорается все сильнее. Пламя, сметающее все на своем пути, готов уничтожить Святую святых, язык пламени лизнул ее завесу...

Вдруг из пламени на крышу горящего храма возшел первосвященник, воздел голову и руки к небу и горько воскликнул:

— Властелин мира! Недостойны мы быть хозяевами при Тебе — передаем ключи от Храма Тебе! И подбросил ключи к небу. Язык пламени их поглотил.

Пламя распространяется. Огонь движется во все стороны. Красные облака возносятся к красным небесам, повсюду — цвет крови. На крышу Храма восходят коэны и левиты, облаченные в белое, сверкающие, держа в руках арфы и трубы. Они бросаются в пламя, как ангелы...

Все время слышится плач оркестра. Вдруг раздался шум — как шум огненного моря, которое бушует на экране. Гром, падают башни, все рушится и раскалывается — все звучит точно так, как должно звучать то, что предстает нашим глазам.

Орган горько рыдает...

Следующая картинка: пророк Иеремия скорбит. Он сгорбился, одежда его разорвана, взлохмаченные волосы развеваются... Он бродит по холмам вокруг дымящегося Иерусалима. Из-под полы плаща он вынимает горстями прах разрушенного Храма, развеивает на все четыре стороны и громко произносит:

— Голые камни будут расти на вас, горы Иерусалимские, пока не возвратятся сыновья твои в пределы свои³.

Новая картинка: ночь. Красивая иерусалимская лунная ночь. По дороге в Вифлеем около могилы Рахили — лагерь для пленных, которых гонят из Иерусалима. Вокруг — тьмы усталых скорбящих людей, стариков — они наклонили головы, на руках — тяжелые цепи, — молодых — они идут рядами, на шеях — железные ошейники. На земле сидят полуголые женщины, держат младенцев на коленях. На земле — сваленные в кучу вещи. В лунном свете блестит спасенная храмовая утварь. Рядом с лагерем — целый караван верблюдов, их горбы — как могильные холмы. Оружие конвоя блестит.

Большой черный памятник, на нем — серые тени пленных. Они простирают закованные в кандалы руки к черной могиле, преклоняют голову, тело сотрясается в рыданиях. Они просят заступничества у праматери Рахили!..

На экране появляется четкий силуэт женщины. Лунный свет покрывает ее тело серебряным узором. Она восходит на могильный холм, ее голова опущена — знак скорби, руками она закрыла лицо... Повсюду — стоны и вопли, женский плач...

1 Иеремия 38:16

2 Иеремия 38:17-18

3 Иеремия 31:17

Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться...¹

Все стихло. Мы сидим, как околдованные. Я изо всех сил сдерживаюсь, чтобы не расплакаться... Не могу вздохнуть...

Сверху — приятный ласковый голос, полный милости:

— Удержи голос твой от рыдания и глаза твои от слез, ибо есть награда за труд твой, и возвратятся они из земли неприятельской, и есть надежда для будущности твоей, и возвратятся сыновья твои в пределы свои...²

Ночь просветлела, на экране появился приятный фон — из оттенков розового. Оркестр заиграл мелодии, которые мне хорошо были известны, — песни Земли Израилевой, которые я слышал не раз. Среди светлых пятен — новая картина: улицы Иерусалима, полные народа. Нарядные люди, облаченные в субботние одежды. По улице Яффо с песней идут дети, они выстроены в ряды, в руках у них — бело-голубые флажки. Они останавливаются около Яффских ворот, выстраиваются в два ряда с двух сторон улицы. «Маккавеи» в бело-голубой форме следят за порядком. У ворот — шалаш, сделанный из расширенных завес, украшенный зеленью и цветами. По бокам от него становятся двое «маккавеев». И по всей улице, от самой железнодорожной станции, движется долгая процессия. У верхних прудов развеваются флаги, играет оркестр, там огромная толпа. Когда процессия приближается к воротам, из шалаша навстречу ей выходят иерусалимские старейшины...

— Возвращение в Сион! Возвращение в Сион! — слышны отовсюду радостные возгласы. Тысячи школьников поют эту новую песню — Песнь о возвращении в Сион.

Процессия движется. На флагах можно различить названия городов, откуда прибыли празднующие. В середине, между флагами, идут люди, несущие в руках какую-то вещь, покрытую белыми простынями. Когда они приблизились, я увидел, что это три гроба, покрытые талитами. Возвращающиеся сыны Сиона принесли из изгнания великие останки — Герцля, Вольфсона и Членова, — чтобы захоронить их в Земле Израилевой, за которую эти трое положили жизнь...

— Бог милостивый! — слышится у гробов скорбный напев. Все встали, в грустном молчании внимали молитве за усопших — за трех наших вождей, которые умерли в изгнании...

— Амен! — ответили все единогласно.

— Амен! — ответило эхо с иерусалимских холмов, и все, как один, запели наш гимн:

Мы не утратили надежды,
Надежды, которой две тысячи лет:
Быть свободным народом в своей стране,
Стране Сиона и Иерусалима.

Все зрители, находившиеся в кино, встали — и тоже запели «Га-тикву». Из моих глаз струились слезы радости. Я даже хотел запеть во весь голос вместе со всеми и — проснулся. Это был всего лишь прекрасный сон...

В доме было темно. Комната, которую уже много лет не топили, промерзла. Но я не чувствовал этого. Меня согревало безбрежное счастье, приятный жар наполнял мое сердце. Перед моим затуманенным слезами взором все еще стояла прекрасная картина. Я вышел из дома, напевая «Га-тикву»...

1 Иеремия 31:15

2 Иеремия 31:16-17

Книга вторая

1.

Прошел еще один год...

Этот год вспоминается мне как жуткий кошмар. Мне кажется, тогда время словно остановилось. В мыслях назойливо и непрестанно крутилось одно слово — голод.

Все болезни, тиф, дизентерия и другие предвестники смерти отошли на второй план, ведь главным их источником был голод, нещадно поражающий Иерусалим. Ужасная война, «власти», «объединения», «бумаги», всевозможные мудреные постановления — все было забыто... Голод, голод! Эти слова отзвучивались в каждой голове, без остановки, они отравляли каждый кусок хлеба, добытый великим трудом. Город разделился: меньшая часть подавала милостыню, большая — ее просила. Посредине не было никого. Собрав последние силы, отчаянно сражался Иерусалим с голодом, но этого было недостаточно. Продавали все самое необходимое, и даже самое святое, за кусок хлеба. В синагогах не осталось украшений, короны Торы, «римоним», серебряные набалдашники продавали на вес сняли, чтобы потом продать на вес. Из них делали рукоятки кнутов — у нас было немало таких, кто ходил с кнутами в руках... Талиты покупали арабки и покрывали ими головы, святые книги пошли на упаковку, тфилин и Тора¹ были распороты на кусочки сапожниками. Изнемогающий от голода Иерусалим продавал все ради куска хлеба, все — даже своих невинных дочерей... Голодал и скот, ведь люди съедали все, что пригодно в пищу. Но трава не спасет человека: началась эпидемия дизентерии. Многие находили спасение в смерти, кто-то бросался с крыш, кто-то топился в колодцах. Люди совершали тяжкий грех, лишь бы не видеть детей, страдающих от голода... Но дети все равно гибли. Лучше уж быть убитым, чем умереть такой смертью. Среди наших высококультурных «гостей» было немало желающих использовать несчастных матерей, которые были готовы на все ради спасения детей.

Тысячи умерли в то время. Умирили от болезней, от голода, это была великая дань ангелу смерти. Голод высасывал душу, простейшая болезнь прицеплялась как паразит к телу, и не было сил от нее избавиться. Никогда не станет известно точное число умерших в Иерусалиме в то время. Кто тогда считал? Кто заботился о мертвых, когда невозможно было позаботиться о живых? Неужели Хевра Кадиша², эти охотники за собаками, как тогда их прозвали? Ведь они заботились об источнике дохода, а точные данные они не сообщают, чтобы не навлечь на себя дурной глаз. В некоторых странах законы и порядки создаются, чтобы уменьшить гнет войны, у нас же получилось наоборот: усилиями чиновников-злодеев голод становился все разрушительнее. Законы работали только на сильных, последние присасывались как пиявки, высасывали последнюю каплю крови...

В этом хаосе, в отравленном воздухе города силу приобрели негодяи, которых и в обычное время в несчастном Иерусалиме было предостаточно, во всех слоях населения. Они торговали еврейской кровью, проникли в наши комитеты помощи — и осквернили их своим присутствием... Печально было смотреть на безразличие: люди равнодушно воспринимали все ужасы войны, не протестовали, голод убил их сердца. Не самое страшное, когда видишь сердца, изнемогающие от мук — такова природа человека. Самое страшное — это видеть, как сердца людей каменеют!..

Самые счастливые среди нас, спрятались в своих комнатах и ждали, пока все утихнет. Но были и те, у кого не было пристанища. Среди последних был и я.

...Тогда время словно остановилось. В мыслях назойливо и непрестанно крутилось одно слово — голод...

Каждый день кто-нибудь умирает. Но это уже не трогает. В глубине сердца, настолько глубоко, что мои родные даже не догадывались о том, я завидовал самоубийцам.

1 В качестве отснвы для свитка используют тонкую кожу.

2 «Хевра кадиша» — «святое общество» — еврейское погребальное братство.

И явился учитель, и сказал:

Сияют звезды, кипарис шепчет молитвы, лилии мирно спят, довольно тебе находиться в юдоли плача¹. Отряси прах с ног своих, беги из места, где звенит только милостыня в коробке, где люди воют нечеловеческими голосами, а мертвые поглощают живых. Пусть мертвецы хоронят мертвецов, ты иди себе дальше, к прекрасным мирам, и пусть мысли твои парят высоко в небе. Тот, кому дано творить, создавать новые миры, не должен сидеть в четырех стенах.

— Учитель мой! Я устал и измучен. Трудно мне подниматься пешком на высокую скалу, куда должен вознестись дух мой в минуту счастья. Мои мысли не знают ни границ, ни времени, но я один прокладываю путь свой, пускай медленно и неспешно, у меня мало сподвижников, которых горькая судьба дала мне в помощь. Не могу я больше один, я в отчаянии!

— Возвышенные мечты и глубокие мысли рождаются в одиноком сердце.

— Но чтобы воплотить их, нужны добрые помощники.

— Они будут у тебя в свое время. Как родниковая вода, они стекутся к тебе со всех концов света, только подожди, пока пройдут эти несчастья.

— О, учитель! Усыпи меня, пошли мне глубокий сон, и буду я в небытии, пока не придет избавление.

— После такого сна сердце твое превратится в лед... Работа еще только начата, и столько всего нужно сделать. Что будет, если к этому времени твои руки ослабнут, а сердце охладет? В идее нет большого прока, пока не придашь ей очевидную и понятную форму. Твой долг — дать «Бецалелю» тот облик, которого он заслуживает. Я открою тебе секрет, великий секрет, дающий силы нашему народу вынести бремя изгнания в течение двух тысяч лет, это удивительная вещь, которая была передана нам в наследство от мудрецов предыдущих поколений. Это книга, святая книга. Она помогает забыть о невзгодах. Она существует в каждом. Книга и ее содержание могут измениться, но ее сила будет существовать вечно. Когда глаза твои устанут смотреть на насилие, уши устанут слушать стоны и крики, а сердце разорвется от горя и беспомощности, — уединись в укромном месте с этой книгой. Она поможет тебе забыть все горе, поведет тебя в другие миры, откроет недоступное, покажет сокровенные закоулки души твоей. Человеку естественнее жить в мире своих грез, чем в реальности. Но в двух мирах одновременно пребывать запрещено. Сознание человеческое и чувства человека не могут вынести этого.

С этими словами учитель достал из складок широкого плаща книгу, протянул мне ее и сказал:

— Читай — и отрешись от происходящего вокруг.

<...>

3.

Меня зовут Шац, это ясно, — так думал я, пока шел за детьми. Шац, Шац... Впервые слышу я такое имя — ну ладно, пусть будет Шац. Нет сомнений, что я скульптор. Разве не говорил мне учитель, что эти статуи сделал я? Но где? Когда? Я не могу этого вспомнить. Единственное, что я твердо помню, — это как учитель говорил мне, будто я жил сто лет тому назад. Все, что я видел здесь, было сделано за последние сто лет... После моей смерти? Так значит, я умер? Нет, я жив, жив! Я чувствую каждой клеткой своего тела все, что происходит, — значит, я жив. Может быть, меня подводит сознание, разве я сошел с ума, — подумал я в панике. Но нет, нет, рассуждаю я так же здраво. Вот уже целый час какая-то учительница рассказывает ученикам о моих работах. Разве такое мог бы сделать сумасшедший? Что это со мной? Я все забыл в одно мгновение, как по волшебству... Но я обязан все вспомнить, это должно пройти! Как же быть без памяти? Пойду-ка я за этой учительницей, встану поближе. От нее я узнал свое имя, может, она поможет мне вспомнить остальное, — так я подумал и пошел за ней.

Девушка иногда удивленно оглядывалась: зачем это я иду за ними. Дети тоже меня заметили, стали перешептываться, оглядываться на меня, посмеиваться... Оказавшись в таком неудобном положении, я обратился к учительнице.

— Госпожа, извините, что позволил себе идти с вами. Я совсем недавно здесь, и у меня никого нет, кто мог бы показать город. Позвольте идти за вами и за вашими учениками — и увидеть паломников, прибывших на праздник.

1 Стих из пьюта «Леха доди», который читается каждый канун субботы.

Она взглянула на меня приветливо и в то же время серьезно, внимательно осмотрела меня, заглянула в мои глаза и ответила:

— Пожалуйста, будьте нашим гостем. Но вам лучше идти рядом со мной, скоро будет много людей, а нам с детьми будут уступать дорогу.

Ее совет оказался кстати. В ту же минуту хлынул поток людей, и если бы я не шел рядом с ней, то кто знает, где бы я оказался. Так мы подошли к широкой движущейся лестнице, которая подняла нас к балкону возле старой стены. Там были тысячи детей с учителями, ребята сидели на полу. Наши дети с учительницей сели там же. Я остался стоять. Было невозможно оторвать глаз от потрясающего вида, открывшегося моему взору. Это был Иерусалим, украшенный флагами, цветами и яркими бумажными фонариками... Среди деревьев на горах стояли шатры, белые, с развевающимися флагами. Бесконечный поток людей стремительно прибывал, просачивался в любой свободный уголок, все были одеты в светлые одежды, с голубыми украшениями, с цветами в руках. Движущиеся мостовые, полные нарядных пассажиров, ходили на череду букетов цветов. Лучи солнца блестели на домах, как венки. Иерусалим отмечал свой праздник, точно девушка перед свадьбой, он надел свой лучший наряд, а голубое небо над городом — точь-в-точь хупа над невестой.

Я почувствовал, как меня переполняет радость, в сердце разлилось приятное тепло... Вдруг я почувствовал, что кто-то ко мне прикоснулся, — и обернулся. Пара блестящих глаз смотрела на меня с любопытством, а когда наши взгляды встретились, — девушка потупила взор. Это была та самая учительница, она сидела между учениками, на полу, одетая, как они, в белое платье с голубой лентой, и вся была залита солнечным светом. Белая шляпка с широкими полями отбрасывала тень на ее светлое лицо, и от этого красивые глаза становились больше. Она медленно произнесла:

— Садитесь, стоять долго, вы устанете. Когда начнется прием, я скажу вам.

Дети с радостью подвинулись ближе друг к другу и освободили мне место возле учительницы. Они все показались мне странно родными. Неожиданно я почувствовал себя в кругу родственников, друзей, как будто мы знакомы вечно. Я сидел между ними счастливый, погладил головку девочки, которая сидела рядом со мной. Девочка схватила меня за руку, поиграла моими пальцами. Она внимательно изучила мое кольцо и спросила:

— Дядя, зачем ты носишь такое простое кольцо, похожее на обруч? Оно совсем не красивое.

Учительница бросила быстрый взгляд на кольцо, помолчала немного — видимо, произошедшее было ей неприятно, — и ответила:

— За границей есть обычай надевать простое кольцо, без украшений, когда человек женится, разве не так? — она вопросительно посмотрела на меня.

Я не нашелся что ответить, и тоже посмотрел на кольцо с удивлением.

Как ко мне попало это кольцо? Откуда я? Она говорит: за границей. А где именно? Откуда я? Я снова задумался, и эти мысли огорчили меня. Девочка поняла это и прервала мои мысли.

— В праздник нельзя грустить. Давайте мы вас развеселим? — сказала она с по-детски шаловливым голосом. — Дети....

Ее последние слова утонули в звуке шофаров, которые послышались со всех сторон. Грянул оркестр, все поднялись со своих мест, учительница протянула мне руку и сказала:

— Вставайте же, начинается торжество, я всё объясню...

Я опять не расслышал конец фразы, пожал ей руку с благодарностью, и она ответила тем же.

Тут все дети стали кричать хором: «Братья наши, дети Северной Галилеи, входите с миром! Входите с миром!»

Снизу доносился оркестр, шум тысяч людей, несущих флаги и ветви финиковой пальмы. Учительница наклонилась и прокричала мне:

— Посмотрите, это паломники из верхней Галилеи, они принесли в дар первые плоды. Меня слышно? Я не могу их перекричать, — громко сказала она мне на ухо со смехом. Девочка стояла так близко, что я чувствовал ее горячее дыхание.

На протяжении всего бульвара «Золотые ворота», начиная с Масличной горы, где он пересекает район «Явне», и до самих Золотых ворот тянулся бесконечный поток людей. Возле моста — украшенный цветами бык, его рога были покрыты золотом, отражающим солнечный свет. Быка вели двое сильных парней, в одной руке они держали по флагу, в другой была веревка для быка, украшенная цветами. Рядом с ними шли поющие девушки, они несли на головах корзинки с виноградом и другими фруктами. Позади них ехали всадники с реющими знаменами, на белых лошадях, верблюды, нагруженные

разноцветными шелковыми шатрами, украшенными вышивкой, а позади верблюдов бесчисленное количество машин. Вся процессия походила на реку, несущуюся стремительным потоком, искрилась, переливалась на солнце, шумела и гудела как бушующее море. На площадке эта процессия была встречена победным маршем, отовсюду кричали гостям: «Входите с миром!», — осыпали их цветами.

Когда процессия наконец дошла до трибуны Вождя, всё смолкло. Оркестр перестал играть. Вождь начал свою речь, но я не услышал ни слова. Учительница прошептала мне, что он благословляет прибывших от имени народа.

— Урррра! — прокричали тысячи голосов.

— Уррррра! — вторили им горы Иерусалима. Дети, окружавшие меня, помахали гостям пальмовыми ветвями, их голоса звучали как серебряные колокольчики под голубым небом святой земли. Оркестр сыграл гимн «Га-Тиква». Публика начала расходиться. Учительница собрала детей, построила их парами и попрощалась со мной:

— До свиданья! Я должна вернуться с детьми домой, а вы поверните направо, к Сионским воротам, оттуда поезжайте по тротуару № 2, до «Каждому — по потребности», это общественные столовые. Запомните, тротуар № 2. До свиданья!

Она о чем-то вспомнила и добавила:

— Завтра праздник Бейт Га-Шоэва¹, ночью будут зажигать огни, если хотите меня увидеть, приходите туда завтра, ровно в семь часов. Я буду ждать вас там. Кто не видел радости этой церемонии, тот никогда не видел настоящей радости в жизни.

Про себя я поблагодарил эту девушку тысячу раз, а потом пошел искать Сионские ворота. Но по дороге грустные думы вновь одолели меня: кто я? Как я сюда попал? Внезапно возникла мысль: может быть, обратиться к врачу? Как же я не подумал об этом раньше! Должно быть, я потерял память из-за болезни. Я вышел из дома и забыл, где он. Конечно же, меня теперь ищут!.. Но нет, это невозможно, я ведь все помню. Помню, как учитель ходил со мной по иерусалимским улицам. Помню все, что он мне рассказывал, всех людей, которых видел: тогда я был невидимкой. Что это? От всех этих мыслей заболела голова.

Я вышел из столовой сытый. Вкусная еда, приятный кофе, ароматная сигара помогли отвлечься от навязчивой мысли: «Кто я?» Зачем волноваться?, — спрашивал я сам себя. Буду как младенец, который родился минуту назад, я ничего не знаю, я только начал жить!.. Это прекрасный мир — почему бы мне не жить здесь? Я вспомнил, что учительница пригласила меня завтра пойти посмотреть праздник Бейт Га-Шоэва... Радостный, с легким сердцем, я сел на движущийся тротуар, чтобы посмотреть еще разок на Храм и на свою серию скульптур «Жизнь Моисея».

Я пробыл там более часа. Возле самого выхода, справа, был установлен экран со следующей надписью: «Могила Рахили. Автор Б.Шац, 1920». Сбоку была кнопка и надпись: «Нажмите здесь». Конечно, я нажал, слегка дрожащей рукой. Экран медленно поднялся, и за ним обнаружилось небольшое темное круглое окно. Когда я подошел к нему, оно засветилось.

И вот что я там увидел: вокруг большого камня стоят в различных позах плачущие дети, мужчины и женщины. Несколько плачущих старух, в руках у них книги, развернутые к свету, из глаз льются потоки слез. Множество женщин ищут утешения перед этой могилой, целуют с трепетом холодный камень, прижимаются к нему руками, кладут на него голову, как на живое существо. Одна из них от усталости прилегла возле камня, ища приюта, словно на руках у матери.

Комната, в которой находилась статуя, была тускло освещена, зажжены были только свечи возле столба, и красный семисвечник, подвешенный под самым потолком. На стенах были покрывала. На самом камне, как на надгробии, были вырезаны следующие слова: «голос слышен в Раме, вопль и горькое рыдание; Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться о детях своих, ибо их нет»². Над комнатой — круглый купол, с окнами. Оттуда в комнату проникали голубовато-зеленоватые лучи, они освещали скульптурную группу и некоторые другие статуи и отражались в углах комнаты.

Группа стала медленно вращаться. Благодаря дополнительному свету, стали заметны более мелкие черты. Стали видны фигуры людей вокруг камня, там были люди со всех концов света, об этом говорили их головные уборы: фески, штреймлы, кипы, самые разные шапки, картузы и платки... Это были

1 Церемония благословления воды из источников, которая во времена существования Храма проводилась в дни праздника Суккот.

2 Иеремия 31:14-15

выходцы из многих стран, единственное, что все они принесли с собой, — это бесконечная скорбь на лицах. В их глазах, полных слез, была мольба, из уст вырывалась одна молитва — молитва к прамати Рахили, которая попросит у Господа милости, избавления от изгнания, искупления.

Группа людей медленно вращалась. Луна лила на скульптуру свой голубоватый свет, слабо освещенные люди казались красноватыми. Они двигались, как живые тени, под темным куполом...

Я услышал незнакомую мелодию, исполненную печали и скорби, она проникла мне в сердце. Я не мог сдвинуться с места, пока комната вновь не стала темной и экран не вернулся на место.

Изможденный, я опустился на скамью между своих статуй.

Я не мог вспомнить, когда все это сделал. И где? Но эти работы сделал я, и это я чувствую всем сердцем, и не только потому, что так сказал мой учитель! В изгибах статуй я свои задумки. Они были спрятаны в моем сердце, но я и не подозревал, что уже сделал их!

Вдруг меня охватил беспричинный страх, сердце забилося чаще, дышать стало тяжело. Пальцы задигались, как будто я мял ими глину. Перед моими глазами проносились черты сотен людей, они носились передо мной в дикой пляске, как языки пламени извивались они и постепенно слились в один большой источник света... Я больше не мог сидеть там. Вскочил с места и побежал вон из комнаты, меня охватило дикое желание творить, творить...

Разве мне важно, кем я был раньше, что я делал, откуда я взялся? Я художник! И я могу сотворить нечто подобное! Я останусь в прекрасном Иерусалиме вместе с другими великими творцами «Бецалеля»! — вот что хотелось мне прокричать, когда я выбежал из светлого Храма. Кто-то из прохожих стоял в недоумении, смотрел на меня удивленно, пока я убежал. Это охладило меня, я остановился.

Я посидел немного на скамейке, в тени, обдумывая свое будущее, размышляя о том, что же я должен сделать. Дело ясное, сказал я себе. Мне нужно присоединиться к группе художников — если такая существует. Нужно пойти в академию «Бецалель» — и там мне скажут, что надо делать. Я поспешил было туда, но вспомнил, что сегодня праздничный день, и Академия, конечно, закрыта. И вообще, пока праздники не закончатся, я ничего не смогу сделать. Делать нечего, придется ждать. Я достал свой рваный кошелек посмотреть, сколько в нем денег. И ужаснулся: кроме нескольких купюр — сдачи, которую я получил, когда платил за обед, там были только турецкие деньги, но про них мне уже сказали, что они годятся только для игр. Я начал лихорадочно шарить по карманам. А вдруг осталась пара золотых? За пазухой обнаружился серебряный портсигар.

Его можно продать, — сказал я себе. — Нужно поспешить, пока не закрылись все магазины, сейчас праздник, а поскольку впереди еще выходные, лавки откроются нескоро. Так что я пошел к Золотым воротам.

Пока я спускался, наткнулся на старика Ави-Шахара. Вспомнил, что он был оценщиком в магазине, может быть, он и купит мой портсигар? Ави-Шахар разглядел его со всех сторон, повертел, открыл его, прочитал дарственную надпись, которой я не уделил внимания. После этого серьезно сказал:

— Вещь эта очень ценная, редкая, это работа старой школы Бецалеля, она дорого стоит. Это подарок основателю «Бецалеля» от мастеров-гравировщиков. Место этого портсигара в музее, а возможно, его даже купят для храмового музея. Если хочешь, пойдём со мной к управляющему. Это его очень обрадует.

Мы пришли к управляющему этого музея, идти было недалеко. Директор проводил меня в свой кабинет. Это был пожилой мужчина, жизнерадостный и полный сил. Он тщательно осмотрел портсигар через лупу, осмотрел его со всех сторон, приговаривая:

— Старинное серебро, настоящее, бецалелевское. Вещица единственная в своем роде, подарок Шацу от рабочих. Кто знает, где она была? А как Вас зовут? — вдруг обратился он ко мне.

— Меня? — я залепетал.

— Ах да, я понимаю, нет необходимости.... Запишем так: подарок от анонимного дарителя.

Я еще больше начал стесняться. Хотел было уйти, но понял, что у меня нет ни копейки, и прошептал ему:

— Извините.... К моему сожалению... Если бы не нужда.. Я гость в Израиле... Остался без копейки... К тому же праздник. Сейчас невозможно присоединиться к группе...

— Довольно, — оборвал меня собеседник. — Конечно, конечно, заплатим, все быстро сделаем.

Снова осмотрел портсигар через лупу, — Тысяча Шекелей! — прокричал он, не отрывая глаз от портсигара, как будто эта цифра была выгравирована на его крышке. — Но я должен как-то обозначить этот предмет в документах.

Меня эта сумма сильно удивила, и я ответил ему с легким сердцем.

— Спасибо! Мне кажется, сумма завышена, но я здесь чужак, у меня нет крова, нет семьи. Запишите мое имя как Анохи бен-Пеле¹. — Это я произнес уверенно: меня так назвал полицейский.

Я взял деньги и ушел довольный. Поспешил в магазины: некоторые еще были открыты, а купить надо было многое. Я зашел в первую попавшуюся лавку, купил местную одежду, чтобы не узнали, что я недавно здесь, и вернулся в свою гостиницу — идти было недалеко.

Моя комната была на восьмом этаже. Светла, два окна, из них был виден Храм, а за ним зеленые горы, дворцы и расписные шатры, между ними прогуливались люди, прибывшие на праздник. Их радость передалась и мне. Чудо, которое свершилось с портсигаром, вытеснило из памяти дурные мысли, и я решил, что сегодня уже не буду никуда выходить, хотелось почитать газеты, отдохнуть, снова примерить одежду: точно ли подошла? Вдруг в дверь трижды постучали. От удивления и неожиданности я, не думая, ответил: Войдите!

Вошел молодой человек, поклонился и сказал:

— Здравствуйте, господин, простите, что потревожил Вас, я служащий гостиницы. Может быть, Вы что-то хотите, я могу Вам помочь? Если Вам что-то понадобится, не стесняйтесь обращаться, я непременно доставлю в номер. Только поторопитесь, а то скоро закроются все магазины: святой праздник.

— Спасибо, спасибо, у меня все есть. — Но когда он собрался уходить, я вспомнил про книги, которые купил. — Не могли бы Вы напомнить продавцу, чтобы мне выслали те книги?

— Как скажете, я сейчас же позвоню в магазин, — он оглядел мой новый костюм. — Не хотите ли Вы в честь праздника помыться? Внизу есть замечательные бани, бассейн, парикмахер. Справа от Вашего балкона, подъемник № 9, это кратчайший путь вниз.

Подвал был просторным помещением, хорошо освещенным, на каменных массивных столбах. Пол тоже был из белого мрамора, а по краям — из красного и желтого. Свод и стены освещались электрическим светом, он отражался в белой плитке, расписанной голубыми узорами. Там же было два бассейна, полные народа. Многие мылись в душе и над раковинами, кто-то прилег отдохнуть на скамью, кто-то разминается, кто-то наслаждается прохладительными напитками, их разносят тут же. Все в коротких купальных костюмах.

Пока я лежал на мраморной скамье, некий человек (массажист, как я понял позже), подошел и начал ощупывать мой живот. Вот так просто и без церемоний.

— Господин, Вам бы двигаться побольше, а кушать поменьше: Вы начинаете полнеть.

Его слова сильно меня задели. И вообще, зачем меня трогать?!

— Уберите руки, пожалуйста! — возразил я недовольно. — Вас же не просили давать советы, занимайтесь свои делом!

Он взглянул на меня удивленно и с огорченно добавил:

— Извините, если я задел Вас. Я массажист, и моя работа — говорить посетителям, если их тело теряет красивые природные очертания, а точнее — здоровые формы. Я всего лишь выполнял свои обязанности.

Мне подали стакан сока и показали, как пройти к парикмахеру — в комнату за ширмой. Он оглядел меня с головы до ног и сказал:

— Вам нужен доктор, тело теряет свою форму.

Я на это уже ничего не ответил, просто сел в высокое кресло и стал ждать, пока меня приведут в порядок. Он нажал на какую-то ручку в кресле, и я неожиданно осознал, что уже я лежу. Он накрыл мое лицо чем-то горячим, стал делать массаж. Сначала медленно и плавно, потом быстрее и сильнее. К моему счастью, это наконец закончилось. Парикмахер вернул кресло в прежнее положение. Постриг голову, бороду, и наконец, предложил:

— Если хотите, можно подкрасить бороду.

— Нет, нет, — решительно отверг я эту затею, — к чему прикидываться молодым?

— Вообще нет, дело не в том, что цвет бороды выдает ваш возраст. Вам к лицу больше пойдет борода однородного цвета, темная или полностью седая. Хотите попробовать?

— Ну хорошо.

Я оделся и, посмотрев в зеркало, себя не узнал. Белые длинные одежды делали меня выше и пред-

1 Дословно — Чудо-человек.

ставительнее, черная борода на бледном лице делала мои глаза ярче. Черты лица говорили о скрытой энергии. Я почувствовал себя полным сил человеком, который готов начать новую жизнь в прекрасном граде — Иерусалиме...

4.

Утром следующего дня меня разбудил звук шофара. Разбросанные на полу книги и газеты напомнили обо всем, что случилось вчера, а на душе стало светло. Вспомнил, что сегодня праздник Бейт Га-Шоэва, что учительница пригласила меня туда... Девушка все еще стояла перед моими глазами, точно живая. Большие глаза — она с любопытством рассматривала меня из под полей шляпки, — аккуратненькие слегка приоткрытые губки... Так она походила на наивного ребёнка, а легкий румянец под золотистой кожей выдавал стеснение.

Я решил не ждать вечера, спешно надел новую одежду и пошел в «Детский рай». «Вот где я точно ее увижу!» — подумалось мне.

На движущемся тротуаре я доехал до прудов. Было еще рано, и я решил прогуляться. Дорожка привела меня к длинному забору, увитому плющом. По правую руку были красивые ворота, а над нами красовалась надпись золотыми буквами: «Детский рай». Привратник показал мне, куда надо обратиться.

Пришлось подождать, пока придет управляющий. Кроме меня, его ждали трое мужчин и женщина. Самый старший из них представился:

— Меня зовут Уриэль Бен-Ория, я посланник Сангедрина в Киеве.

— Приятно с Вами познакомиться! Я жил во многих местах, скитался, был туристом. Сейчас поселился в Иерусалиме. Я скульптор, — так я попытался засыпать его информацией, чтобы не называть свое имя. Но старик наклонился ко мне:

— Извините, я наверно не расслышал, так как, Вы говорите, Вас зовут?

— Анохи бен Пеле! — сказал я во весь голос. Все обернулись, а я продолжил:

— Вы посланник по политическим делам или по торговым?

— Не угадали. Моя миссия — вернуть евреев, живущих там, на Святую Землю, в Израиль.

— Что же вы для этого делаете? Раздаете бесплатно билеты на пароход или, может, просто деньги?

— Нет, денег никто никому не дает. У тех, кто хочет переехать, деньги есть. Моя задача — сделать так, чтобы люди захотели переехать. Я продаю еврейские книги, произведения искусства. Рекомендую учителей-евреев в школы, стараюсь, чтобы еврейские дети учились в наших национальных школах. Добиваюсь, чтобы в Израиль переехали все еврейские сироты. В этом мы немалого достигли: еще сто лет назад, после мировой войны, сюда привезли тысячи сирот, детей павших солдат. Мы считали их детьми всего народа, дали им отличное воспитание... С тех пор еврейских сирот со всех концов света привозят именно в Израиль.

— Вы принимаете всех? Или же вас интересуют исключительно евреи?

— В целом, здесь может жить в несколько раз больше человек, чем сейчас. Больше людей — больше рабочих. Неевреи тоже приезжают, и они получают все права, но, разумеется, желательнее, чтобы приезжали евреи, им проще привыкнуть, сжиться с местными, они здесь среди своих...

Тут пришел управляющий и спросил, чем он может быть полезен. Муж с женой приехали навестить двоих детей, мы же, втроем, хотели посмотреть на «Рай». Он согласился на эту просьбу и дал нам провожатого.

— Вы из Иерусалима? — спросил я у семейной пары.

— Нет, из Беэр-Шевы, — ответил муж. — Там у нас виноградники, а сюда мы отдали детей на воспитание, и вот, в честь праздника, приехали навестить.

— Если мы не помешаем, можно пойти с вами? — предложил я от лица своих спутников, очень уж хотелось посмотреть, какой будет эта встреча.

Они согласились, и мы вместе пошли искать их детей. Навстречу нам вышла учительница и объяснила, что дети сейчас отмечают вместе с остальными праздник. Она пригласила и нас посмотреть, проводила нас на балкон, откуда отлично было видно большой зал. Зал уже был полон.

Чуть позже подсела еще одна женщина, она оказалась учительницей «Детского рая», и стала с гордостью рассказывать:

— Все, что вы видите, сделали наши дети. Картины на стенах, это рисовали они, и поделки из глины лепили, все сами... Видите рисунки цветными карандашами? Это иллюстрации к «Новым человечкам» Ахитова, работа восьмилетней девочки. После праздников ее примут в Бецалель. А карикатуры, их тоже наши воспитанники рисовали. Все орнаменты в зале, все бумажные украшения, цепочки из бумаги, это ведь делали самые младшие девочки. Мы совсем не помогали, все сами, сами! Сегодняшнее представление — сюрприз для нас, дети все приготовили сами и пригласили нас...

После ее слов я с еще большим интересом стал разглядывать нижний зал, где дети не только устроили спектакль, но еще и умудрялись следить за порядком.

Там было приблизительно пять сотен детей, от четырех до двенадцати лет. Самые младшенькие сидели в первых рядах, шептались о чем-то, болтали босыми ножками, еще не достающими до пола. Было видно, что такое поведение давалось им нелегко: хочется и побегать, и попрыгать, но сейчас это будет совсем уж нехорошо. Дети постарше разглядывали картины на стенах, обсуждали их, а в стороне какой-то мальчик смешил своих друзей... Тут кто-то из них слишком громко рассмеялся, но один взгляд старшего товарища — и снова стало тихо.

За сценой раздался шофар. Дети смолкли, множество пар глаз смотрели на занавес, который медленно поднимался.

На сцене дети пели хором песню-благодарение, песня лилась, как птичий гам ранним ясным утром, как молитва на вершинах гор, при свете луны... Их звонкие голоса звенели, как флейта, звучали, как рояль. Постепенно дети из зала присоединялись к старшим товарищам, один за одним, и вскоре все голоса слились в удивительный хор, достойный Храма.

В завершение песни дети сделали гимнастический номер. А после, к моему удивлению, они начали стрельбу по мишеням. Они пускали стрелы в горящие свечи, по фруктам, подвешенным за нити, и всегда попадали в цель. Младшие во всем помогали старшим. После на сцену выкатили столы с принадлежностями для лепки, мольберты, и дети рисовали портреты, пейзажи, даже карикатуры, многие лепили животных из глины. Из работ тут же устроили выставку, развесив их на стенах.

После представление продолжилось. Мальчик и девочка умело изображали «кошачью» сценку. Кто-то подсказывал им из зала, и это еще больше веселило публику. Пара из Беэр-Шевы, наконец, нашла свою дочку. Отец аплодировал с явным энтузиазмом, а мать расплакалась от радости.

После на сцену вышла одна девочка и объявила:

— Сейчас будут танцы! Выбирайте партнеров и поднимайтесь на сцену!

Дети повскакивали с мест и бросились на сцену, раздалась музыка, началось! Это была великолепная пантомима: изображались целые сцены из жизни или из волшебных сказок. Из зала часто выкрикивали имена, и было видно, что эти сказка им знакомы. Они просили на бис, хлопали, многие поднимались на сцену или спускались и, уставшие, занимали места. После танцев снова стали кричать: «Бис! Бис!», но тут объявили перерыв, пятнадцать минут.

Учительница, сидевшая с нами, наконец заговорила, и в ее голосе слышалась неподдельная любовь:

— Они будто козочки! Никогда не устают играть!

Внизу уже подали печенье, прохладительные напитки, фрукты, сначала раздавали малышам, потом детям постарше, и, наконец, нам, взрослым. Маленькая девочка подала мне кисть винограда:

— Дядя, возьми виноград, он сладкий! Его нам прислали из Хеврона...

Я взял:

— Я, кажется, помню тебя! Вчера вы с классом ходили смотреть на паломников вместе с молодой учительницей?

— Нет, вы ошиблись, мы уже ходили туда два дня назад.

Моя новая знакомая спросила, как зовут ту учительницу.

— Имени я не знаю, но помню ее красивые черные глаза, она молодая, высокая... Я хотел найти ее здесь.

— Среди полутора тысяч учительниц «Детского рая» вы найдете немало молодых, высоких и красивых учительниц с черными глазами. Ваши приметы подходят многим. Если нет имени, долго будете искать...

Меня удивила эта цифра, полторы тысячи.

— У нас больше ста тысяч детей, учителей несколько тысяч. Многие из них живут здесь же. Число всех работников в саду близко к трем тысячам.

— Это, должно быть, огромный город, с мощной армией и богатой казной!

— Ежегодный бюджет около пятидесяти миллионов шекелей, хотя это совсем не много. Воспитание одного гражданина стоит около пятисот шекелей ежегодно, то есть в течение четырнадцати лет получается семь тысяч. В течение двух лет, с восемнадцати до двадцати лет, человек работает бесплатно, так он возвращает примерно три тысячи, остаток — это долг, который он будет возвращать в течение тридцати лет, в год по 135 шекелей — это его зарплата за 10 дней работы.

— Но ведь не все закончат обучение в 18 лет, и не все будут получать 135 шекелей за десять дней?!

— После восемнадцати уже никто не учится. Кроме редких исключений каждый год дети переходят в следующий класс. Если ребенок не силен в каких-то предметах, его учат в соответствии с его возможностями: обучают ремеслу или работе на земле. Это значит, что образование стоит дешевле, и его долг тоже уменьшается. Помимо этого, на протяжении тридцати лет каждый должен что-нибудь изобрести, так пополняется банк достижений народа: все делаем своими руками и собственной головой. К пятидесяти годам у человека богатый опыт, плюс пять лет работа на благо общества, а когда человек умирает, его имущество отходит государству. Увеличение численности населения означает не нищету, а богатство.

— Я заметил, что все дети великолепно поют, их этому учат?

— Научить петь можно любого здорового ребенка, так же как и научить его говорить. Само собой разумеется, что не все становятся великими певцами.

— Но для этого обязательно нужны голос и слух.

— То же самое нужно, чтобы ребенок заговорил, эти навыки можно развить. Мы работаем над этим до известной степени, но обязательно учим всех детей петь. Красиво говорить, трудиться, танцевать, писать, создавать и даже стрелять. Настоящим оружием, конечно, пользоваться запрещено, но это учит ребенка самоконтролю, помогает овладевать собой, развивает остроту зрения. В здоровом теле — здоровый дух! Такое воспитание учит чувствовать глубоко, размышлять логично и, главное, приближает к цели — реальной жизни.

— Эта система не только дает, но и отнимает. Делается сильный акцент на тренировке тела, разве это не мешает тонкому восприятию мира, ощущениям?

— Подобные аргументы приводились в педагогических книгах прошлого века. И это работало для достижения цели деспотичного правительства. Развивали память, изворотливость, чувствительность, терпение. А для нас память — это разум глупцов, хитрость — извращение честности, чувствительность — больные нервы, а терпение — унижение и пережиток рабского прошлого. Мы стремимся воспитать здорового гражданина со здравым рассудком, который умел бы рассуждать логично и взвешенно, а чувствовать — так тонко, будто он сам переживает чужие трудности, для которого любой другой человек — собственное отражение, и в нашем человеке всегда горит искра... Наши дети свободны от всяких премудростей, лженаук, дети не зазубривают даты, имена тиранов и известных персонажей, точное количество разрушенных и сожженных городов... Но они улавливают самую суть истории, ее дух, учатся наблюдать историю как течение жизни... В наших школах не преподают географию во всех подробностях, никакой высшей математики или биологии, как было раньше, нет литературы, во всяком случае, в понимании людей прошлого века. Эти предметы отнимали большую часть времени учеников, а заканчивая школу, дети все забывали... Доскональным изучением занимаются только специалисты. Мы учим понимать основные качества и свойства планеты Земля, главные вехи ее развития... Учим думать в русле математической логики, понимать природу и разглядывать ее, чтобы полюбить; преподаем литературу только для понимания душ героев, их чувств, спрятанных глубоко в сердце, и все — это чтобы полюбить человека. Святая Тора учит: «Возлюби ближнего, как самого себя», поэтому нам несложно укоренить в детях великое чувство благодарности, без которого не получится настоящего гражданина. Это качество так развито в наших детях, будто они впитывают его с молоком матери. Мы добились того, что сейчас почти нет преступников. Врачи доказали, что это не что иное как болезнь, поэтому правонарушителей мы посылаем в особые «города убежища» на лечение. Доктора говорят: здоровый человек не может совершить плохое. Из благодарности вырастают и другие ценности: уважение к отцу и матери, к учителям и пожилым, ко всем, кто достоин быть названным «учитель мой».

Я с удивлением взглянул на эту мудрую и красивую женщину, которая так вдумчиво рассуждала о возвышенных вещах, что не сдержался:

— Позвольте вас спросить, как давно вы здесь работаете? И не сочтёте ли вы невежливым, если я спрошу, замужем ли вы и есть ли у вас дети?

— Разве возможно, чтобы женщина в моем возрасте была бы не замужем? Или чтобы у здоровой женщины не было детей, возможно ли? У нас есть сын, он уже работает в «Детском раю» учителем.

Всего у нас четверо детей, и муж мой тоже учитель. Любовь к педагогике досталась мне в наследство от отца, мир праху его, он был профессором в «Явне». Сама я работаю здесь учительницей уже двадцать шесть лет, когда начинала, была молодой девчонкой, мне было всего семнадцать.

Удивительно, как женщина сорока трех лет выглядит так молодо. Изо всех сил я постарался не выдать удивления, чтобы это не было сочтено за комплимент. Но глаза предательски выдали меня, и она спросила, смеясь:

— Вижу я, вас сильно удивляет, как это я выгляжу так молодо. За это мне нужно благодарить детей: среди них любой человек останется молодым навсегда, разве не так? «Дети, дети, хорошие вы мои!» — добавила она, глядя вниз в зал.

А внизу, в зале, я увидел одну большую семью. Учителя и учительницы как старшие братья и сестры для своих подопечных. Дети говорили искренно, смеялись от души, болтали ножками в нетерпении. От них отделились двое, девочка лет семи и здоровенький мальчик лет пяти. Они подбежали к нам и горячо обняли ту самую женщину из Беэр-Шевы. Она сквозь слезы целовала детей, отец улыбался, глядя на них, под конец добавил:

— Ну хватит уже, дай и мне поцеловать малышей! Ну что, забыли уже папу? — расцеловав, он усадил их на колени.

— Хотите поехать домой, к маме с папой?

— Но мы уже дома, — отвечали дети.

— Разве ты, Ада, не хочешь домой? Там мама, папа и твой младший братик Ярив.

— Нет, папа. Здесь, в «Раю», лучше! Лучше ты, мама, переезжай сюда с братом, поиграем все вместе, с нашей учительницей, — сказала девочка, обняв папу и играя маленькими ручонками с его бородой.

— Натан, а ты что скажешь? Поедешь к мамой и папой домой, в Беэр-Шеву?

Мальчик оставил в покое папины часы, с которыми играл минуту назад, и ответил со знанием дела:

— Мам, лучше ты к нам переезжай. Из тебя получится хорошая учительница.

— Смышленный малыш, — засмеялся отец. — Глянь-ка, мама, что советует тебе сын. Вижу я, наши дети совсем не скучают по родителям.

— Но я-то скучаю, — огорчилась мать.

— Это в тебе говорит эгоизм, — возразил муж. — Дети — это не игрушки. Мы должны думать об их благе. Здесь они вырастут, их воспитают, они станут честными людьми.

— Я тоже позабочусь о них, — стояла на своем мать. — Кто ближе к ребенку, чем его мать?

— Но слишком забота о ребенке, его можно испортить. Мудрецы учат нас: «Любовь портит характер». Воспитание детей — очень важная обязанность, и нам запрещено брать ее на себя, запрещено воспитывать человека будущего, запрещено заботиться о его счастье. Дети вырастают эгоистами, если видят, что о них заботятся больше, чем об остальных. Но если тебе не хватает силы воли контролировать свои тревоги, то делай так, как говорит Натан, ты можешь стать учительницей в «Детском раю». Через шесть месяцев Ярив тоже попадет сюда. Можешь работать здесь, пока сочтешь нужным и пока не поймешь, что детям здесь лучше.

Их прервал шофар. Дети поцеловали родителей, обнялись, и стремглав побежали вниз. Занавес медленно поднимался.

В первом действии на сцене все было покрыто зеленью, ветви деревьев тесно переплетались, светила луна. Маленькие актеры и актрисы показали нам сценки из жизни зверей, птиц, растений... Это было похоже на сон... Красивые стихи на иврите звучали как песнь ангелов, а сами дети были похожи на жителей рая, на его цветы...

Так поют, так танцуют, так живут и любят только в раю!

Я неожиданно очнулся от громких аплодисментов, смутился, что забыл присоединиться ко всем. Уриэль Бен-Ория обратился ко мне, голос его дрожал.

— Эта прекрасная сказка — новое творение Бен Тамара. Это новая звезда Земли Израилевой, он еще так молод, всего тридцать лет.

Я не мог ему ничего ответить, не мог сдержать себя и не заплакать от восхищения... Он взглянул на меня умными глазами и предложил:

— Давайте выйдем наружу, подышим свежим воздухом, здесь слишком жарко...

Мы вышли. В тени стояла скамейка, сели.

— Скажите, Вы говорили, что много путешествовали. Есть ли город, столь же удивительный, как Иерусалим?

Не ожидая ответа от меня, добавил:

— Мудрецы говорили: «В Иерусалиме и воздух делает умнее». Разве нет в этих словах правды? Где еще увидишь таких смысленных детей? Где еще услышишь из уст простой учительницы такие возвышенные мысли? Где еще найдешь пахаря или винодела, столь развитого и мыслящего? Живу я в Киеве — научной столице объединенных славянских народов, мой круг — просвещенные, образованные люди, я учился в «Явне», все свободное время посвящаю книгам, но каждый раз, когда я приезжаю в Иерусалим, я чувствую себя деревенщиной! Благословенны живущие здесь!, — закончил он словами, похожими на молитву.

Я все еще был не в себе и не мог выдать ни слова. Божественная сила красоты лишила меня всех чувств. Мое сердце еще было в тех выдуманных мирах, которые недавно проносились перед моими глазами.

Старик посмотрел на меня с волнением, не говоря ни слова, за руку отвел меня к фонтану, умыл и напоил прохладной водой.

Тут я очнулся, попросил прощения за то, что так его утрудил.

— Ничего страшного, — ответил тот радостно, — пойдёмте лучше поедим. Где вы едите? Где вы завтракали сегодня утром?

Тут я понял, что сегодня ничего еще не ел. Сказал ему об этом, он вновь взглянул на меня с волнением и голосом отца, беспокоящегося за сына, добавил:

— Это совсем не хорошо, совсем. Знайте, в Иерусалиме, каждый должен поесть, как только он встал с постели. Первым делом — еда, ведь горный воздух ослабляет человека. Сейчас же поедим обедать, а потом, если захотим, провожу вас к долине Беньямина, там будут соревнования. Там участвуют два моих сына. Старший сын, реб Эльяшив, у него уже есть своя семья, он известный ученый из «Явне», но он все еще хочет стать Самсоном. В Иерусалиме никто не стареет.

Его слова меня приободрили, он пожал мою руку и повел к движущемуся тротуару.

5.

Так с Бен-Орией мы поехали по дороге, ведущей к Вифлеему. За рулем был он. По праздникам, — сказал мой собеседник, — водителям дают отпуск. Лично я не думаю, что это работа, скорее удовольствие в честь праздника.

Мы проехали красивый район Тальпийот, а на вершине горы Бен-Ория остановил машину, мы вышли, и он показал рукой направо.

— Взгляните, Бен-Пеле, на соседнюю гору, на эти великолепные павильоны. Там сейчас проходит ежегодная сельскохозяйственная выставка, привозят продукты со всего Израиля, от Дана и до Беэр-Шевы. Правительство закупает лучший скот, птицу, зерно, а потом разделяет все это между производителями. Поэтому у нас сельское хозяйство на высоком уровне. В выставке участвуют коневодческие хозяйства, скотные двory, птицефабрики и пасеки. Еще представлены киббуцы: «Кармель», «Пардес», «Шакед» и другие. Вместе с выставкой проводят мастер-классы, а вообще такое происходит трижды в год, в те праздники, когда в Иерусалим приезжает много гостей. А когда на Песах и на Шавуот привозят множество растений и цветов для производителей духов, город наполняется воистину райскими ароматами! Через четыре года состоится другая национальная выставка, в честь столетия со дня освобождения Иерусалима. Организаторы выставки начали работу еще в прошлом году. Это будет нечто невиданное, поэтому мы ждем небывалого наплыва гостей со всего света.

— Где же эти люди будут жить?

— Давным-давно наши мудрецы объяснили, почему Израиль — Страна газелей. Когда газель растёт, ее кожа растягивается, так же и с Иерусалимом: город расширяется с увеличением численности населения... Знаете ли Вы, что в дни праздников сюда прибывает более трех миллионов людей, и это не считая миллиона постоянных жителей. Не забывайте также, что у нас великолепно развита транспортная система, человек из любого места в Израиле может добраться приехать на выставку в Иерусалим всего за день... В нашем климате шесть-семь месяцев в году можно жить в палатках. Сейчас тысячи палаток поставили всего за ночь — и как будто возникли целые города.

Говоря это, мой собеседник указал рукой на расписные шатры, окружавшие гору.

— Видите эти большие вывески и разные флаги? На них написаны имена людей и названия городов, откуда они прибыли, и любой почтальон может легко найти своего адресата, как в городе.

— А что это там внизу?

— Это долина Беньямина, куда мы и направляемся. Я просто хотел показать с высоты эту красоту, эти шатры, чтобы теперь Вы со знанием дела могли сказать: «Как прекрасны шатры твои, Иаков!»¹ — добавил он смеясь. Мы поехали дальше

Вместе с нами по широкой дороге стремительно мчался поток машин, грузовиков, велосипедов. По обочинам ехали всадники на арабских лошадях, женщины на верблюдах, богато украшенных, дети на ослах. Куда ни глянь, всюду цветы и зелень. Мужчины держали пальмовые ветви, как предписывает обычай. Над головами пронеслись самолеты. В лучах солнца они были похожи на стаю белых голубей. Самолеты садились в долине Беньямина.

Один участок земли был огорожен, там были установлены бело-голубые флаги, все украшено зеленью. Там же — красивые павильоны для участников выставки и для судей. На высоких шестах развевалось четыре флага. На одном был нарисован Самсон, разрывающий пасть льву, а под рисунком надпись: «Самсон». На втором — старый Матитьягу, горделиво возвышающийся над умерщвленным противником, с мечом в руке, взывающий: «Кто за Бога — ко мне!», а внизу подпись: «Маккабби». На третьем — вооруженный рыцарь с подписью: «Га-Шомер», на последнем — молодой сильный мужчина с флагом в руке: «Ге-Халуц». Под шестами стояли и сидели люди в спортивной одежде.

Вокруг огороженной площадки — многочисленная публика, позади — машины, вагончики. Мы остановились возле Самсона.

— Здесь Вы увидите моего «рабби», — промолвил Бен-Ория, смеясь, — правда, придется стоять, а то сидя мы ничего не увидим.

Со своего места я увидел, что в остальных группах уже начались соревнования. Возле «Ге-Халуца» стояли мужчины и женщины, стреляли по мишеням. Возле «Га-Шомера» неторопливо разъезжали всадники на лошадях, было видно, что скоро и они начнут. «Маккабби» построились квадратом, стали играть в мяч. И только возле «Самсона» была тишина. Солнце нагревало желтый песок.

Из соседнего павильона вышли спортсмены, построившись в колонну по двое. Первый из них нес флаг «Самсона», Бен-Ория облокотился на мое плечо.

Все были одеты в одинаковые трико, на поясе — голубые ленты, на голове — белые береты, на ногах и белые сандалии. Руки и ноги были открыты. Спортсмены тяжело ступали по земле, после выстроились в ряд позади своего флага. Бен Урия сказал мне с нетерпением:

— Вот он! Пятый в ряду... Нет, не он... Кажется, второй... Нет, тоже не он. Где же он, где? — он тревожился.

— Кого Вы ищете? — спросил его молодой человек, стоящий рядом с нашей машиной.

— Своего сына, рабби Эльяшива. Вы знаете его?

— Конечно! Рабби Эльяшив из «Явне», бактериолог. Он мой учитель. Его здесь нет, он, кажется, в третьей группе. В прошлом году он занял третье место, один из наших героев.

Старик немного успокоился, спустился со скамейки и повторил с усмешкой:

— Один из наших героев. А я боялся, что в этом году ему не позволят участвовать в соревнованиях. Смотрите, вот это герои! Кто же из них мой сын?

— Извините, господин, но Вы ошибаетесь, — снова ответил молодой человек. — Рабби Эльяшив — один из самых сильных людей в Израиле. К сорока годам он получит «золотую ленту Самсона».

В это время жеребьевка у флага закончилась. Я не мог оторвать глаз от борющихся людей... Участвовало около сотни пар, судьи растянулись в линию. Еще спустя пять минут шофар вновь зазвучал, борьба была окончена, более семидесяти стали победителями, в остальных парах была ничья. Они сели вокруг флага, победители — отдельно. Им преподнесли зеленые лавровые венки, они приколотили их к своим беретам.

Снова раздался шофар, и выстроилась новая линия. Мой старик снова вскочил на скамью, глазами ища своего сына. Молодой человек сказал:

— Рабби Эльяшив будет в третьей группе, я уверен.

Бен-Ория снова сел. Он был в нетерпении. На этот раз пар было очень мало, не больше тридцати. Они выстроились в ряд. К ним присоединились почти все победители, а также некоторые из тех, кто поборолся в ничью. Тянули жребий, вновь выстроились в две линии, борьба началась. Сильные и потные

1 Числа 24:5

тела блестели от солнца. Мои глаза метались между спортсменами... Никак не мог выбрать лучшего: все красивы, все сильны! Сердце забилося чаще. Я не мог спокойно стоять, мои ноги как будто шагали в такт воображаемому маршу.

Боролись около пятидесяти пар. В сорока из них был победитель, остальные окончились ничьей. Все сели под флагом, им раздали венки. Прозвучал третий шofар, вышла третья группа. В этот раз оказалось только восемь пар. Молодой человек закричал с нетерпением:

— Вон идет рабби Эльяшив! Вот Ваш сын!

Бен-Ория вскочил на скамью. Он ухватился за мое плечо, дрожащим голосом произнес:

— Да, это он! Справа, вторая пара! — рука его дрожала.

Из победивших в прежних турах только четверо вышли померяться силами с новыми участниками. Все построились. Я смотрел только на рабби Эльяшова, как и его отец. Издалека не получалось хорошо рассмотреть его лицо, но все же я заметил, что он среднего роста, крепкого телосложения, с окладистой черной бородой. Соперник был выше. Новый знакомый молвил:

— Он будет бороться с Бен-Аталией. Противник не так уж силен, зато быстр как черт. Рабби Эльяшова будет с ним трудно, но на бой им ответедено только десять минут. Бен Аталия не продержится так долго. Рабби Эльяшив одолеет его как теленка маленького, вот увидите!

Но рука Бен-Ории продолжала трястись на моем плече. Я тоже сильно переживал, не мог оторвать глаз от этой пары.

Был подан знак, начали.

Противники склонили головы друг перед другом, как будто впервые познакомились, поприветствовали друг друга, приблизились, пожали руки. Вторую руку каждый сжал в кулак — и спрятал за спину. Они смотрели друг другу в глаза и стояли, точно каменные статуи. По их напряженным мышцам и крепким кулакам я понял, какая сила заключена в их руках. Тот, что повыше, в одно мгновение изогнулся, как кошка, и со всей силы ударил противника головой в ребро... Рабби Эльяшив растянулся, уперся подбородком в плечо Бен-Аталии и схватил того сильно-сильно, широко расставил ноги и стал прижимать противника к земле... Я почувствовал, что Бен-Аталия не устоит, еще немного — и он упадет на колени, и противник положит его на спину. Но с быстротой молнии Бен Аталия очнулся, снова поднялся, описал полукруг возле рабби Эльяшова, схватил того за грудь, пригнул к земле и оседлал его... Все аплодировали ловкому Бен Аталии, казалось, что рабби Эльяшив не выдержит такой тяжелой ноши и упадет. Он пытался схватить своего ездока за руку и упал на землю, как подрубленное дерево, но в ту же минуту перевернулся — и оказался наверху... Бен Аталии удалось согнуть локоть и ногу и казалось, что он поднялся — но даже издалека я видел, что его спина еще на земле. Новый знакомый воскликнул с радостью:

— Вот, вот сейчас рабби Эльяшив победит! Я обещаю, Бен Аталия долго не выстоит. Видите? Черт!.. Он уже согнулся, поддается... — Но в то же мгновение Бен Аталия изогнулся как змея, выскочил из-под противника и сам оседлал его... Борьба продолжалась еще долго. Рабби Эльяшив двигался тяжело и неповоротливо, как медведь, но его движения были сильны и точны. Его противник был ловок и гибок, как змея, он скрутил рабби Эльяшова и опрокинул его... Но в конце концов Эльяшив опрокинул, тот упал навзничь, дышал тяжело... Уже все пары закончили состязания, эти были последними, все аплодировали. Борцы встали, взявшись за руки, и склонили головы.

Бен-Ория спустился со скамейки, невыразимо довольный своим сыном, лицо разрумянилось, как будто это он только что дрался. Молодой человек пожал ему руку:

— Вот видите, я был прав! — сказал он нам, как будто раньше мы спорили о том, кто победит.

В этой группе победителей было только семеро, остальные пять пар закончили ничьей. Победителям подали ветви и наградили призами.

— Это «Лента Самсона», серебряная, второй степени, — объяснил мужчина, — а есть еще золотая награда. Ее получил шесть лет тому назад человек, которого пока никто не одолел.

Вдруг раздались громовые аплодисменты. Молодой человек — всезнайка поспешил объяснить:

— Все хлопают Непобедимому! Вот он идет... Справа, — он указал палкой.

Но показывать на него не было необходимости. Я тут же понял, кто это. Он был выше всех присутствующих, настоящий великан. Золотая лента перетягивала его мускулистое тело. Герой стоял молча, кудрявая голова двигалась в такт в такт аплодисментам.

— Кто хочет побороться со мной? — горделиво прокричал он.

Никто не двинулся с места. Он осматривал людей, искал добровольца. Закричал во второй раз:

— Кто хочет побороться со мной? Кто одолеет меня — получит «Золотого Самсона»! — и указал на свою ленту. Но опять никто не вызвался. Среди победителей начали шептаться, но никто так и не решился.

— Я спрашиваю в третий раз: кто хочет побороться со мной?, — молчание. — Хорошо же, еще на год я останусь главным силачом Израиля. Спасибо! Возможно, в будущем году появятся смельчаки, способный меня одолеть.

Договорив, он подал рукой знак. Четыре человека с трудом принесли железную гирию. Как только они отпустили его, она упала и погрузилась глубоко в песок.

Великан наклонился, одной рукой поднял тяжелую гирию, держа вторую руку на поясе. Он медленно выпрямлялся, положил гирию на плечо, потом стал разгибаться и поднимать ее — пока наконец не поднял руку над головой. Тогда он выпрямился, наклонил голову, прижал вьющуюся бороду к сильной груди... Со всех сторон послышались бурные несмолкающие аплодисменты. Он отбросил ношу, подпрыгнул и поклонился зрителям.

Три человека подали ему три тяжелых ядра. Он жонглировал ими, точно ребенок жонглирует мячиками, это было удивительно! Он подбрасывал их вверх, ловил, и ни разу они не соприкоснулись, крутил их вокруг своей головы, вокруг ног, вокруг тела, его руки двигались быстро и энергично, как стальные пружины, тело — невероятно легко, с гибкостью молодого леопарда.

— Bravo! Bravo! — закричали отовсюду.

Гигант бросил ядра на землю, они погрузились в песок, как артиллерийские снаряды.

Принести огромную круглую доску. Пять человек несли ее, словно стол, еще пятеро запрыгнули на нее, собрались в круг и взялись за руки, встали спиной внутрь. Великан спокойно подошел, встал на одно колено, подставил затылок и широкие плечи — и подхватил доску снизу. Пятеро людей, которые несли ее, отскочили в стороны, и весь этот вес опустился на одного великана. Никто не мог оторвать глаз от Непобедимого великана, все его тело напряглось, казалось, что он постепенно погружается в песок. Казалось, что мышцы его взорвутся, что он весь уйдет в песок, или же будет раздавлен своей тяжелой ношей. Он стоял на коленях, не поднимался, не двигался. Вдруг мне почудилось, что песок под его телом расступается... Он погружается... Он еще согнулся.... Мое дыхание замерло. Но в ту же минуту он стал выпрямляться, точно стальная пружина. Колени показались над землей, расставленные ноги медленно-медленно выпрямлялись, тело подчинилось воле. Еще мгновение он был в таком положении, потом наклонился, как змея, поднял руки, выше, потом еще выше — и наконец весь груз оказался над его головой. Он стоял ровно. Втянул широкую грудь, немного наклонил голову — и стал, точно каменная глыба...

— Урррра! Урррра! Непобедимый! — восторгалась толпа. Эти голоса разнеслись по всей долине, и горы вторили:

— Да здравствует Непобедимый!

— Да здравствует герой Самсон! — слышалось со всех сторон. Одна женщина бросила ему цветок — и тотчас же на него посыпался целый цветочный дождь, пальмовые ветви, все хотели почтить героя.

А тот начал медленно вращаться с тяжелой ношей. Величественное смуглое тело, возвышающееся над землей, стальные мускулы — все блестело в лучах солнца, точно египетская бронза, тело было вытянуто в струну. Бицепсы блестели, как ониксы, мускулистые ноги покачивались, как будто на пружинах. Когда он повернулся, мы увидели, что один из пятерых человек на этом «столе» — рабби Эльяшив, с черной бородой. Он тоже разглядел своего отца и улыбнулся ему.

— Хватит! Хватит! — кричали женщины. Мужчины спрыгнули с доски на землю. Еще мгновение стоял великан в той же позе, потом опустил доску справа от себя и оперся на него могучей рукой, наклонил голову в сторону, будто стесняясь кого-то...

Не было конца восхищенным возгласам, аплодисментам:

— Непобедимый! Неодолимый! Самсон!

Казалось, будто долина, полная людей, бурлит как море, а на горы сошел Глас Божий.

Рабби Эльяшив подошел к отцу.

Вблизи я смог рассмотреть его: под очками в золотой оправе — глубокие близорукие глаза. Я понял, что передо мной ученый человек, он — настоящий «рабби», но все же было трудно поверить, что это атлет, хотя по его короткой и крепкой шее, маленьким приплюснутым ушам, широкому лбу, крепким рукам, было так же трудно поверить в то, что он занимается вирусами. Такой может и горы свернуть.

Отец представил нас с сыном друг другу:

— Господин Бен-Пеле, путешественник, — а это мой сын.

Рабби Эльяшив слегка поклонился, протянул мне свою большую руку, в то же время нежную и горячую, и с искренним смехом смущенного ребенка добавил:

— Теперь вы видите, чем тут занимаются люди? Резвятся, точно малые дети.

— В здоровом теле — здоровый дух, — ответил я.

— По крайней мере, спокойный дух. Когда мы были слабы как мухи, нас носило от места к месту, сами мы были беспокойными и другим причиняли неудобства. Сейчас же мы сильны как эти скалы, мы также уверены в себе, как и они, и мы чувствуем себя на своем месте в своей стране. Мы счастливы сами по себе, но многое даем другим народам. Однажды мы открыли им идеал Всевышнего, сейчас же подаем пример идеального человека...

Рыжий молодой человек, стройный и высокий как пальма, одетый в спортивную форму, с маленькой веткой на белом берете, подбежал к нам, тяжело дыша, и воскликнул:

— Папа! Эльяшив! Я выиграл приз! — и показал на свою белую шапочку с маленькой лавровой ветвью.

— Конечно же, это за прыжки! — смеясь, сказал отец, — ты ведь всегда у меня прыгаешь.

— За прыжки и за бег! Я занял второе место, — сказал он, сияя от счастья. Отец представил на его:

— Мой второй сын, Амрам. Он выпускник «Бецалеля», тоже скульптор, — Амрам поклонился, протянул мне сильную руку, посмотрел на меня своими ясными и светлыми глазами, нервно поправил длинные волосы.

— Как же они непохожи! — удивился я.

Лицо отца внезапно погрузнело, он объяснил:

— Амрам пошел в мать, светлая ей память... Она тоже... — Он не закончил фразу и отвернулся. Братья потупили глаза. Все замолчали... Неожиданно Амрам весело сказал:

— Папа, я забыл рассказать тебе. Я недавно видел рабби Менаше, он сказал, что после праздника возьмет меня к себе в помощники, в частную мастерскую.

— Малыш! Рабби Менаше Бен-Йеѓошафат берет тебя к себе в помощники — а ты мне об этом не сказал? Подойди ближе, сынок, дай я тебя поцелую! — тот он бросился ему на шею, поцеловал его, на глаза ему навернулись слезы.

— Отец, почему ты плачешь? — спросил старший.

— Бедная наша мама до этого не дожила! Сын старости, её любимый малыш...

Сыновья снова погрузнели и замолчали.... Наконец, старший заговорил:

— Хватит, отец, сегодня праздник. Мы должны забыть печаль. Праздник!

— Нет, именно из-за праздника мы и должны ее вспомнить!

Всезнающий юноша подошел и поздравил счастливого отца победителей, потом поздравил их и сказал старшему:

— Рабби, почему Вы не ответили на вызов Непобедимого? Разве Вам не хочется испытать себя? Он думает, что нет человека сильнее его во всем Израиле.

— Да, это так, сын мой: нет другого такого силача во всем Израиле. Не просто же так его прозвали Непобедимым. Только Ангел смерти может его одолеть. Но, к счастью, это произойдет еще нескоро: он силен и здоров.

К нам подошел человек с бело-голубой эмблемой на берете и сказал:

— Господин Уриэль Бен-Ория! Вожль просит Вас, Ваших сыновей и гостя подойти к нему.

Только сейчас среди всех машин я узнал машину Вождя с бело-голубым флагом на крыше. Сам президент сидел в машине с тем же стариком, которого я видел у художника рабби Шмуэля Бен-Йеѓоаша, с ними была шестилетняя девочка. Возле машины стояли три великих художника: рабби Эфраим, рабби Менаше и рабби Йеѓуда, их я уже видел в мастерских. Вождь радушно встретил нас, поприветствовал Бен-Орию, поздравил его: это великое счастье, что двое сыновей заняли призовые места. Пожал руки сыновьям, пожелал, чтобы в будущем году они были уже победителями. Когда он услышал, что я поселился в Иерусалиме, что я скульптор, — он представил мне троих художников. Они, в свою очередь, пригласили меня в свои мастерские. Рабби Менаше спросил:

— Видели ли Вы наш «Бецалель»? Вы ведь скульптор, Вам будет интересно посмотреть на многие вещи. А после праздников рекомендую посетить музей «Бецалеля».

Вождь разговаривал с рабби Эльяшивом, сказал, что недавно прочитал его книгу «Война с ангелом смерти», расспрашивал, верит ли он в возможность этой борьбы. Ведь человеческое тело создано из

хрупких материалов, так что мы не вечны, даже если мы уничтожим всех врагов, разрушающих наше тело изнутри и приносящих нам старость и смерть.

— Господин Вождь, отвечал тот, — конечно, наше тело не может существовать вечно, но точно так же ясно, что наши мышцы не слабее оливкового дерева, которое может жить тысячу лет. Если бы не внешние факторы, каждый человек мог бы быть как Непобедимый и дожить до глубокой старости.

Как только маленькая девочка услышала, что говорят про Непобедимого, она тут же потянулась к отцу и воскликнула:

— Папа, позови Непобедимого! Позови его к нам, папа! Я хочу на него посмотреть, ты же мне обещал!

Вождь что-то прошептал своему помощнику. Спустя несколько мгновений все взоры публики обратились к великану, который огромными шагами приближался к машине.

Он почтительно поклонился, опустил голову и руки, стоял неподвижно, как статуя. Это было величественное зрелище: огромный сильный мужчина со стальными мускулами стоит, склонив голову, голова которого похожа на голову пророка.

Вождь подал ему знак. Непобедимый подошел еще ближе и почтительно посмотрел прямо в глаза Вождю.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Узи Бен-Алам, о Вождь.

— Давно тебя начали называть Непобедимым?

— Одиннадцать лет назад. Тогда мне было восемнадцать.

— Чем ты занимаешься?

— Я рабочий в порту «Кадима».

— Тебя платят за эти зрелища?

Великан лишь потупил взор, как будто стеснялся.

Рабби Эльяшив ответил вместо него.

— Нет, о Вождь, Непобедимый делает это не ради приза, он не получает платы. Это приношение, которое он преподносит нам каждый год, когда приходит с паломничеством в Иерусалим.

Рабби Яир, сидевший в соседней машине, рассказал:

— Непобедимый помогал мне рисовать «Самсона», он отказался принимать от меня плату, возразив: «Я же совсем не работал». Он даже поблагодарил меня за то, что я позволил посмотреть остальные работы. Он очень любит искусство.

Вождь ласково оглядел великана, его наивное лицо, и его губы прошептали:

— Благословенна священная земля, которая возвращает таких героев!

После он обратился к рабби Эльяшиву со смехом:

— А Вы, учитель, сможете стать таким же Самсоном?

— Нет у меня надежды, господин президент. Моя профессия не позволяет мне похвастаться таким здоровым телом, как у этого самородка. Ведь вирусы ослабляют здоровье.

— Папа, а почему этот господин такой высокий? Он ест только то, что дает силу? — наивно спросила девочка, посмотрела большими глазами на героя.

Все засмеялись. Девочка засмеялась и с обидой спросила Вождя:

— Папа, почему ты смеешься?! Воспитательница говорила, что нельзя смеяться над маленькими.

Вождь наклонился к дочери, поцеловал ее и сказал:

— Мы не смеемся над тобой, малышка: мы просто рады, что ты такая умная.

Счастливые, мы попрощались с Вождем, и Бен-Ория радостно предложил:

— Идемте, дети, одевайтесь — и пойдём поедим. А потом все вместе пойдём на праздник Бейт Га-Шоэва.

— И Вы с нами пообедайте! — пригласил меня старик.

6.

Семья Бен-Ории устроила торжественный обед. Особенно торжествовал сам старик. Его лицо размянилось от радости, как будто это он удостоился наград. Их осыпали цветами, пожимали руки. Красивого Амрама целовали даже стеснительные молодые девушки, будто они родственники. Они шли рядом,

счастливый бен Урия восхищенно говорил о новом типе человека, которого мы, евреи Израиля, показываем остальному миру.

— Наша кровь не отравлена пьянством, сифилисом и другими страшными недугами, которые поразили все просвещенные народы после мировой войны. Тот факт, что наше население очень пестро, что евреи жили в самых разных странах, в разных климатических условиях, у них даже отличается цвет кожи, положительно повлиял на нашу кровь, это позволило создать новый тип человека — и телесно, и духовно новый. За те сто лет, что мы живем независимо в земле Израиля, мы вернулись к идеалу чистоты семьи, который стал исчезать у евреев, живших в изгнании и испытывавших пагубное влияние соседних народов... Сто лет назад, когда мы приехали сюда из Европы, мы привезли с собой лучшее из чужих культур — и не взяли «белое рабство»¹, от которого страдали многие народы, даже в самых ничтожных его формах... По нашему обычаю, молодые люди женятся рано, как только их тело становится полноценно развитым. В нашем климате и в соответствии с нашим темпераментом девушки достигают полной физической зрелости к шестнадцати-семнадцати годам, юноши — к двадцати-двадцати двум годам. Благодаря правильному воспитанию, подросткам просто оставаться чистыми вплоть до женитьбы.

— И все же я не верю, что от отмены «белого рабства» становится больше «семейной чистоты»... Каждое тело развивается в своем темпе, и не все люди равны по темпераменту, значит, не все могут сохранить невинность... Даже если «белого рабства» нет, это не обеспечивает уверенности в том, что сохранится «чистота семьи».

— Само собой, отмены «белого рабства» недостаточно, чтобы достичь требуемого, это только одно средство из многих. Главное средство — это хорошее воспитание, здоровое развитие тела и духа. В детских садах и школах дети занимаются гимнастикой, на свежем воздухе, на свободе, еда и питье не содержат вредных веществ, одежда и отдых — все согласно медицинским правилам. Девочки учатся вместе с мальчиками, это нужно, чтобы в женщине видели человека, а не самку. Девочки и мальчики с детства привыкают видеть изображения обнаженных людей, находить в телах красоту и при этом не думать о запретном. Учителя объясняют сексуальные вопросы по-научному, начиная от растений и заканчивая человеком. Все это работает на то, чтобы ребенок не видел в женщине нечто особенное, секретное, что могло бы распалить любопытство. Тело обнаженного человека не возбуждает в нем фантазии... В половом процессе для него нет ничего необычного, наоборот, в них он видит закон природы: умножение численности рода человеческого, а не эстетическое удовольствие...

— Мне кажется, что это возможно только среди нормальных здоровых детей, но, к сожалению, немало исключений, немало тех, у кого кипит кровь, у кого бурная фантазия. Таким не помогут ваши лекарства.

— Извините, господин Бен-Пеле, — вмешался рабби Эльяшив, идущий с нами: все эти «исключения», кипучая кровь, бурная фантазия, о которых Вы говорите, — это больные люди, ненормальные... Раньше их было много. У женщин эта болезнь называлась «нимфоманией», а у мужчин — «сатиризмом». Источник этих болезней — в неправильном воспитании и плохих условиях жизни, которые не соответствуют законам природы. Женщины были не так сильно развращены — и у них болезни встречались реже. Мужчинам было позволено больше — и среди них было больше больных. Были народы, где почти все мужчины страдали сатиризмом. К нашему счастью, евреев среди таких народов не было, и спустя сто лет нормального воспитания исчезли эти болезни и у нас. А если и встретится человек с подобной болезнью, его лечат, точно так же, как лечат больных другими болезнями.

— Это в теории все выглядит естественно. Но, во-первых, на свете больше женщин, чем мужчин, во-вторых, сама природа сделала женщину сдержанной, чем мужчина, в-третьих, в природе женщина болеет чаще, иногда — целыми месяцами, и иногда ей приходится жить с мужем неестественным образом, а в-четвертых, если женщина умирает «естественным образом», мужчина не может тут же жениться на другой женщине, чтобы снова жить «естественной» жизнью. Против его собственного желания слабый человек вынужден предпочитать законам естества правила морали.

— Дорогой Бен-Пеле! Вы говорите, как человек из другого мира. Сто лет назад верили во все это... Отвечу Вам по порядку. Для начала, неправда, что рождается больше девочек, чем мальчиков. Раньше мужчин было меньше, чем женщин, потому что мужчины чаще умирали от пьянства, от венериче-

1 Имеется в виду сексуальная эксплуатация.

ских болезней, погибали на полях битв, от несчастных случаев на заводах. От всех этих «прелестей» нас уберег Бог. Во-вторых, женщина ничуть не более фригидна, чем мужчина. Наоборот, ее тело призвано исполнять великий долг, быть матерью. Когда-то мужчины выдумали, что женщина фригидна, с тем чтобы оправдать поступки, которые они себе позволяли, и чтобы запрещать своим женам то, что разрешали себе. Женщины, страдая от страха, были вынуждены подвергаться насилию, жить неестественно — и сделались от этого фригидными, в этом не было ничего естественного, это была болезнь. В-третьих и в-четвертых — сразу убью дух зайцев: женщина может умереть раньше времени, точно так же, как и мужчина. Эта трагедия может случиться у всех, и в таком случае, нужно делать то, что сказали наши мудрецы: «Если видишь, что дурное начало одолевает тебя, — надень темные одежды и иди туда, где тебя не знают, и делай то, что душе твоей угодно»... Вы понимаете меня?

— Нет, не понимаю, — ответил я удивленно, — идти к чужим?... Это значит, надо поехать в другую страну, на воды... Разрушить чистоту другой семьи... Как это низко...

Рабби Эльяшив остановился, посмотрел на меня своими близорукими глазами сквозь очки и спокойно ответил:

— Простите, я совсем забыл, что Вы недавно в нашей стране, и значит, наши обычаи Вам тоже незнакомы. И вы совсем ничего не знаете о нашем «Саде любви». Но неудивительно, что я забыл: Вы так похожи на нас, Ваше лицо мне так знакомо.

— Зря Вы оправдываетесь, рабби Эльяшив. Я полностью ваш, и душой, и мыслями, я просто приехал издалека, из очень далекой страны: поэтому я ничего не знаю. Я как младенец, который только что пришел на этот свет. Я хочу начать новую жизнь и все узнать... Скажите мне, дорогой ребе, что это такое, ваш «Сад любви»? Я что-то слышал, но не знаю в точности, что это.

— Сейчас не время и не место говорить об этом. Не стоит говорить о нем в спешке, в работе, на городской улице... Есть вещи, стоящие выше обыденного мира, вещи, о которых нельзя говорить вот так просто, между делом, в нескольких словах... «Сад любви» — одно из наших высоко нравственных учреждений. Это гениальное решение сложных проблем, которых человечество не могло решить ранее. Как и любое гениальное изобретение, «Сад» кажется близким к «неестественности», если не углубляться в детали. Поэтому отложим ответы до тех пор, пока не придем в «Башню» на берегу Киннерета. Там, в «Райском саду», я смогу рассказать Вам об этом. Уверен, что там Вы поймете и почувствуете великую ценность нашего чистого «Сада любви».

К нам подошел Бен-Ория, тяжело дыша, — и сказал:

— Не спешите, что же вы так бежите? Вы все еще говорите о женщинах? Нет смысла вести дискуссии. Господин Бен-Пеле, как только Вы проведете с нами субботу, Вы убедитесь, что наши женщины прекрасны видом и возвышенны. Все сыны Израиля, во всех странах, сейчас желают взять в жены наших девушек, большая часть таких семей хотят остаться здесь и получить гражданство. Очень редко наши дочери покидают столь красивую страну, наши благие законы, основанные на любви к человеку.

Мы подошли ко двору Храма. Еще издалека я узнал учительницу: она стояла у подвижного тротуара. Я узнал по ее широкополой шляпке и высокому росту. Она посмотрела на нас, но, по-видимому, не заметила меня. Когда мы подошли, я поздоровался с ней, она взглянула удивленно, широко открытыми глазами... Огонек зажегся в ее глазах, лицо раздвинулось, и она сказала мне, смеясь:

— Здравствуйте, чужак. Не узнала. Как же Вы так изменились и стали совсем другим человеком? Со всем как один из нас.

Я представил ее новым друзьям, и, поскольку не знал ее имени, назвал ее Шуламит, сказал, что она работает в «Детском раю» учительницей. Она бросила на меня быстрый взгляд, шаловливо-детский, но ничего не сказала.

По эскалатору мы поднялись на смотровую площадку на старой стене. Оттуда был виден весь город в огнях — удивительно прекрасное зрелище. Проекторы освещали разноцветными лучами улицы, дома, мосты. «Дворец Мира» был освещен полностью, маленьких электрических лампочек было много, как жемчужин на бусах... Высокий купол «Сангедрина» искрился, как драгоценный камень, очертания множества дворцов, башен и купола светились ярким золотом. А над высокими башнями электростанции были установлены вращающиеся рефлекторы, они отражали голубые лучи — и каждый раз свет падал на один из дворцов, и казалось, что они покрыты перламутром... На улицах светили разноцветные бумажные фонарики, которые несли люди. Освещенные движущиеся тротуары текли, были похожи на коралловые бусы, переливались, как драгоценные камни... Звуки музыки возносились от празднующего Иерусалима к небесам, как фимиам над алтарем...

Кто-то слегка дотронулся до меня... Это была учительница, она сделала знак глазами: велела посмотреть на Храм. Это было изумительное зрелище. Я крепко схватился за ее руку, чтобы не упасть на колени.

На фоне темно-синего неба невероятными цветами переливался Храм, как будто он был сделан из искрящихся изумрудов, усыпающих золотую корону... Два столба у входа сверкали как факелы, а сквозь открытые ворота был виден золотой дворец, херувимы, украшения на его стенах, расшитые завесы. В лучах семисвечника переливались распростертые крылья золотых херувимов.

Неожиданно забились десять фонтанов по обеим сторонам Храма. Они будто извергали огонь, а не воду, иногда меняя цвета, но по-прежнему соблюдая удивительную гармонию.

Как великолепный букет цветов выглядели эти фонтаны! То были цветы, которые посадил сам Господь, и которые цветут только в раю...

Медное море, стоявшее на двенадцати быках, взволновалось. Волны его сверкали, как прекрасные букеты, освещенные через глотки быков... Это был гимн цвета... Аккорды цветов слились в удивительное сочетание: казалось, что у каждого цвета есть свой звук. Вдруг вспыхнул яркий сполох: взвились языки красного пламени, они бурлили, извергали темно-синее пламя, как кипящая смола, изжелта-зеленый огонь, как горящая сера... Огонь поднимался столбом, а потом падал вниз водопадом... Красные и голубые быки вспыхнули, как грешники в вечном огне ада... Но тут огонь стал стихать, бледнеть, он приобрел бледно-голубой оттенок, все засветилось слабым светом... В середине — удивительное сочетание цветов. Быки становятся светлыми, как будто сделаны из перламутра, прозрачными, как облака, как легкие ветры...

Ее рука дрожала в моей. Она прильнула ко мне и спросила тихим голосом, только губы зашевелились:

— Почему ты назвал меня Шуламит? Я так черна?

Мое тело содрогнулось... Ее голос как будто разбудил меня. Я взглянул на нее удивленно.. Показалось, что в ее мечтательных глазах, всегда спокойных, зажегся огонек — так иногда вдруг загорается свет в окне спящего дома... Сердце задрожало... Я почувствовал, что сейчас свет попал на нас. Приятное тепло наполнило сердце, пробежало по всему телу... Я сильно схватил ее руку, и ответил ей тоже шепотом, из глубины всего сердца:

— Потому что ты так же красива, моя Шуламит.

Она не сказала ни слова. Только ее рука дрожала в моей...

Я больше не смотрел на фонтаны, я видел только ее, ее высокий стан, озаренный фиолетовым светом, и от этого лицо стало еще более детским. Неожиданно она сказала мне:

— Ты смеешься надо мной, я обиделась и своего настоящего имени тебе не скажу, — голос ее звучал по-детски шаловливо, а на прелестном лице — гримаса деланного раздражения.

— По-моему, нет более подходящего имени для тебя, Шуламит моя, темная и красивая.

— Как же тебя зовут?

— Я назову тебе свое имя, если ты назовешь свое.

— Хорошо, око за око, я буду звать тебя чужаком. Любимый мой чужак... Но ты хотя бы знаешь, откуда я. Скажи, из какой страны ты!

Вдруг я вспомнил, что со мной случилось: я ведь и сам не знаю, откуда я, не могу вспомнить... Грусть охватила меня. Больше не было никакого желания разговаривать.

Несколько мгновений она смотрела на меня.

— Не нужно, — сказала она огорченно, — скажи только одно: сколько длится путешествие из твоей страны сюда? Просто ли тебе будет сбежать от нас?

— Нет, я совсем не хочу сбежать отсюда... И это совсем непросто сделать... Моя страна находится на расстоянии ста лет отсюда...

Она посмотрела на меня изумленно. Красивая улыбка показалась на ее лице:

— Милый мой чужак... Когда ты начал путешествие, ты был совсем мал, — лет за пятьдесят-шестьдесят до того, как появился на свет.

— К сожалению, мне уже было больше пятидесяти, когда я понял, как найти ваш прекрасный Иерусалим, — и тут появился мой учитель, мой наставник, и показал, как чудесным образом сократить путь — и так я попал к вам, в одно мгновение.

— Если ты и правда можешь перемещаться, как на ковре-самолете, ты так же можешь и уйти от нас, в одно мгновение... Нет, я не хочу этого, забудь все, чему учил тебя учитель. Остайся с нами, — сказала она стыдливо и опустила голову.

— Я уже это забыл.

К нам подошел старик и радостно сказал:

— Хватит вам, дети. Час поздний, все расходятся по домам, пора спать. Завтра поедем к «Башне». Мне пришла в голову хорошая мысль: поезжайте и вы вдвоем с нами. Вас я даже не спрашиваю, — сказал он мне, — чужеземцу, конечно, будет интересно поехать и посмотреть все. А вы, госпожа, сможете поехать с нами? Наверняка еще не видели Праздник света на Киннерете. Пойдемте с нами, ведь праздник!

— К сожалению, мне нельзя, я не могу оставить работу. Многие учителя взяли отпуск в эти дни, многие остались работать. Я бы очень хотела поехать с вами, большое спасибо вам!

— Жаль! А Вы, господин, где Вы остановились?, — вновь обратился ко мне, — завтра утром приду к вам, а сейчас идите проводите даму. А вы, дети, — идите домой!

Я дал ему свой адрес, поблагодарил от всего сердца и попрощался.

— До свидания! — ответили все трое хором — и растворились в толпе людей, возвращающихся домой.

— Ничего, если пойдем пешком? — спросила меня спутница, — все так красиво, прохладно...

Она задрожала, как будто от холода. Я протянул ей руку и сказал, извиняясь:

— Много людей проходят мимо. Я боюсь, что среди них потеряю тебя.

И оба мы надолго замолчали. Она не вымолвила ни слова, только сжимала сильнее мою руку и облокачивалась на меня от усталости. Молчание стало неудобным, я заговорил:

— Ночи стали холодными.

— Да, — ответила она так, как будто не слышала меня, она была погружена в свои мысли.

Мы поднялись по бульвару к прудам. Там людей было меньше. Молчание стесняло и ее, и меня. Я хотел послушать ее голос, убедиться, что она не злится на меня за то, что не смог назвать своего имени и откуда пришел. Я решил, что тут же расскажу ей всю правду... Но не нашел нужных слов, чтобы начать разговор. Она продолжала идти возле меня, прижимаясь ко мне все больше и больше и слегка дрожа, ее головка опускалась, как будто она боялась посмотреть на меня. Неожиданно я ощутил в сердце такую боль, которой я еще не знал... Хотелось увидеть ее лучистые глаза, прочитать в них ее мысли, что она думает обо мне... Мои губы неожиданно вымолвили:

— Подними глаза на меня, дорогая Шуламит.

Как будто очнувшись от сна, она вздрогнула, и ее добрые глаза, полные искр, заглянули мне прямо в душу... Ее нежные и чистые губы, как губы ребенка, зашевелились, как будто она что-то сказала. Но я ничего не слышал...

Мы подошли к освещенным воротам сада. Там стояло много людей, они смотрели на подсвеченный город: оттуда открывался потрясающий вид. Она подала мне свою нежную руку, дрожащую, будто в лихорадке, взглянула на меня из-под широкополой шляпы. Я поднес к ее руке губы — и обжегся.

— Поцелуй меня в губы, я ведь люблю тебя, — прошептала она, и на глазах у всех крепко обняла, поцеловала меня горячо-горячо, долго, страстно. А после выскользнула из моих рук, и не попрощавшись, скрылась за воротами.

7.

Всю эту ночь я не мог спать спокойно, меня мучили кошмары... В этих снах я видел все, что происходило со мной сто лет назад... Я тут же просыпался дрожа, в холодном поту, но в то же мгновение забывал весь сон... Оставалось лишь впечатление чего-то тяжелого, грустного и ужасного, и от этого нельзя было избавиться... Снова я засыпал, снова тот же сон, и снова просыпался обессилевшим... Так прошла эта ночь. В конце, даже видя сон, я понимал, что это всего лишь сон, и думал, что должен попытаться запомнить это все, когда проснусь... Просыпался — и все испарялось, будто утренняя роса...

Рассвело. Моя комната осветилась голубоватым утренним светом, проникающим через окна. Уже раздавался шум машин — видимо, поливающих улицы, шум неустанных велосипедов. В горах загудел поезд.

Больше поспать не удастся, — сказал я сам себе. Убрал постель, собрал в кучу газеты, которые не успел прочесть вчера. Попробовал почитать — но не смог. Вспомнил вчерашний день и все, что видел: соревнования, Вождя, праздник Бейт Га-Шоэва, фонтаны... Учительницу! На губах я ощутил ее горячий поцелуй...

Как вспышка света, новая мысль озарила меня: я повел себя с ней очень плохо. Почему же я не рассказал ей правду о своем прошлом? Но что я мог рассказать ей? Мне кажется, я поступил правильно. Рассказать все как есть было бы слишком странно. Никто бы меня не понял, никто бы не поверил, мне самому становится дурно всех этих размышлений. Хватит! Однажды я решил, что нет смысла рассуждать о своем прошлом, нельзя даже думать об этом!.. Ее прошлого я тоже не знаю. Кто она? Сколько ей лет? Двадцать с небольшим? Тридцать?... Иногда ее глаза так задумчивы, так печальны. Видимо, у нее была бурная жизнь. Но ее губы так юны, по-детски нежны... Неужели она замужем? Может, у нее уже есть дети? Учитель объяснил мне, что девушки выходят замуж уже лет в шестнадцать, семнадцать. Обо всем я спрашивал своего наставника, теперь мне известны все особенности жизни и правила поведения здесь. Но о чем я до сих пор в неведении — это об отношениях между мужчиной и женщиной. Как устроена семейная жизнь? Как они решили все самые важные семейные проблемы? ... Конечно же, и это они устроили мудро, взял за основу чистую правду, человеческую природу, точно так же, как разрешили они остальные проблемы — тут я вспомнил разговор с рабби Эльяшивом. В моих чувствах к учительнице нет ни капли фальши, — продолжил я размышлять, — она захватила всю мою душу, мое сердце принадлежит ей... В ней я вижу свою жизнь и свое счастье. Зачем же искать, раздумывать, чем я был, что было в прошлом, и что будет после... Ничего мне нужно, только она одна дорога мне, дорожке всех, единственная моя... А она?... Вновь я ощутил ее поцелуй на своих губах...

У меня перед глазами пронеслись чудесные картины. Казалось, что я еще сплю.

— Господин Бен-Пеле! Господин Бен-Пеле! — кто-то звал меня, я очнулся. Рывком сел я на кровати, с недоумением рассматривая пустую комнату. Никого не было, так подумал я, это мне показалось, все го лишь сон, и я решил снова лечь. Но в ту же минуту услышал позади себя голос:

— Господин Бен-Пеле! Вы все еще спите?

Спешно повернулся я к месту, откуда слышался голос, и увидел у себя над головой блестящую оловянную трубку. Я вспомнил, что тут меня так зовут — Бен-Пеле, — и громко ответил.

— Я уже проснулся. Кто там?

— Амрам. Могу ли я войти?

— Пожалуйста! Я Вас как раз жду. — Я стал быстро одеваться.

Вошел Амрам Корен, посвежевший, с букетом цветов.

— Хорошо ли вы спали? О, сколько тут газет, вы как будто читали всю ночь — и поэтому проспали. Я только что говорил по телефону с отцом — он прервался — мы поедем не сейчас, а после обеда. Виноваты в этом друзья Эльяшова! Я пошел в сад, чтобы забрать их — а они сидят втроем, как будто сговорились, и отказываются ехать, хотят остаться в детском саду и участвовать в празднике там. Мой брат-то этим доволен, он говорит: «Родители только портят своих детей». Но мне думается, что невестка пожалеет об этом. Уж больно она любит детей. Она была с ними долго, работала учительницей. Знаете что? — сказал он мне, будто открывал какой-то секрет, — учителя недовольны, что родители берут детей на праздники домой. Он утверждает, что дома детей как будто подменяют, и они возвращаются эгоистичными, позволяют себе все, поэтому воспитатели делают все, что в их силах, чтобы дети не хотели на праздники ездить домой.

— Кому эти цветы? Какой-нибудь красавице?

— Конечно. Они для учительницы, которая была с Вами вчера. Вы можете ей их передать? В саду ее не нашли. Кажется, ее зовут Шуламит? В канцелярии сказали, что сейчас у них нет учительницы с таким именем. Хотя есть у них две Шуламит, но они получили на праздники отпуск, и уехали отсюда, еще три дня назад. Так как же ее звали?

— Мне тоже казалось, что Шуламит. Возможно, это ошибка, мы познакомились только позавчера, случайно.

— Правда? А я думал, вы знаете друг друга уже давно. Отец сказал, что вы точно родственники, он думает, что у вас очень похожи черты лица.

Я ничего на это не ответил. Он тоже немного помолчал, потом добавил:

— Тогда увидимся днем. Папа сообщит Вам, когда мы отправляемся. До свидания!

Я принял душ, и поспешил в «Каждому по потребности»: я вспомнил, что с завтраком в Иерусалиме надо поторопиться. Потом прогулялся до тенистых бульваров, которые возле прудов. Может быть, там я увижу свою Шуламит... Но нет, ее не было среди прогуливающихся. Долго я там гулял... Сидя на скамье, я вглядывался в лица проходящих женщин. Но той, которую так жаждала увидеть моя душа, я не встретил. Усталый и грустный, медленно шел я на обед и на встречу с семьей Бен-Ории.

По пути я никак не мог забыть о маленьком букете цветов... Они ведь только-только познакомились с ней, перемолвились парой слов! А со мной она была приветлива, объясняла мне все на празднике, так любезно пригласила меня быть ее гостем на празднике Бейт Га-Шоэва — А мне даже в голову не пришло подарить ей букет! Как же я не заметил, что местные женщины так их любят, но это и так было понятно! Конечно же, она догадалась, что я не местный. Я снова вспомнил местные изысканные манеры и благородное спокойствие. Казалось бы, все просто, без церемоний. Но как нежно эти люди обращаются друг с другом! Они уважают окружающих, как же они ценят свободу каждого человека, и как они осторожны, как рады, когда доставляют друг другу радость... Как хорошо жить в таком обществе! И снова я ощутил ее чистый и жаркий поцелуй на своих губах... Господи, как же она красива! На нее нельзя налюбоваться. Я окружен ее красотой, как царь Соломон — красотой своей Суламифи. Я словно погружаюсь в море красоты, таю, не чувствую себя больше... Сердце наполняется теплотой, новая жизнь зовет меня... Я пошел еще энергичнее, думая о том, как начну новую жизнь.

— Господин Бен-Пеле! — раздался позади меня уже знакомый голос. Я быстро обернулся и увидел семью Бен-Ории. Вся семья сидела в машине возле столовой. Я подошел.

— Куда же Вы так спешите? — поинтересовался старик. — Позвольте представить: это моя невестка, Мирьям, — и указал на стройную белокожую женщину, — а это их сын Матитьягу, мой младший внук, — он указал на двухлетнего мальчика, крепкого, румяного. — Поздоровайся с дядей!

Матитьягу смущенно посмотрел на меня. У него был выпуклый лоб. В широко раскрытых показалось смущение, он протянул мне пухленькую ручку.

Я взял его на руки, поцеловал его голову и сказал матери:

— Мне нравятся такие младенцы, есть, что поддержать в руке! Говорю как скульптор.

Мать немного улыбнулась.

— Он очень похож на отца, тоже готов весь дом перевернуть.

— Не волнуйся, дочь моя, — проговорил счастливый дед, — он еще будет занимать первые места, и его тоже будут звать «рабби», как и отца.

— Хорошо, хорошо, только пусть не становится бактериологом! Лучше уж скульптором, как дядя.

— Матитьягу, кем ты хочешь стать, когда вырастешь? — спросил отец сына с деланной серьезностью.

— Я хочу ездить на ослике, как дядя Хаим, — ответил малыш абсолютно серьезно.

Тут все рассмеялись. Мне объяснили, что дядя Хаим — это их сосед, старый садовник, и он привозит овощи на ослике... В прекрасном расположении духа мы сели за стол.

За обедом старик объяснил наш план поездок.

— Поедем на машине из Иерусалима в Яффо, Вы увидите все чудеса нашего сельского хозяйства. В Яффо мы и заночуем и проведем там следующий день — часов до четырех. Пойдем в порт, посмотрим, как строятся судна, посмотрим на аквариум, на «Микве Исраэль»¹, и на многое другое, а дальше поедем на корабле в Хайфу. Издалека посмотрим на порты Атлит и Кадима, заночуем в Хайфе и пробудем там до обеда следующего дня, посмотрим там все, что нужно увидеть. Дальше поедем на поезде через всю Изреэльскую долину, до города Цемах. Там заночуем, на следующий день осмотрим знаменитые заводы, производящие табак и соленья, а если останется время, посетим окрестности города. Ночью, при луне, поедем на пароходе по Киннерету к «Башне». Чтобы с корабля посмотреть на прекрасный город Тверию, а потом погулять там и увидеть великолепные горячие источники, чудесные гостинцы, там стоит провести целый день. В «Башне» мы познакомимся с Цафрирой, это их дочь, — он указал на своего сына и невестку, — и там мы останемся до Шмини Ацерет², и увидим знаменитое представление огней на Киннерете. На следующий праздник рано утром сядем на скоростной поезд в Иерусалим — и днем будем снова сидеть здесь, все вместе.

Я сердечно поблагодарил его.

Спустя всего полчаса мы все сидели в машине и ехали по Сдерот-Геула, длинной-длинной дороге. Когда проезжали Рабочий городок, слева на горе я увидел стеклянные дворцы «Эшель Авраам», а справа, далеко, на горизонте — семисвечник театра «Менора», который своим светом золотила все вокруг. Повсюду были красивые высокие здания, окруженные деревьями. Чем дальше мы ехали, тем меньше было домов и больше растений. Скалы вокруг были ступенчатыми, как огромные лестницы, ведущие

1 «Микве Исраэль» — старейшая в Израиле сельскохозяйственная школа. Основана в 1870 г.

2 Последний день праздника Суккот.

к небу. У подножий — виноградники, фруктовые плантации, сады, повыше — рощи оливок и рожковых деревьев. Иногда попадались несколько или целые полосы кипарисов, которые придавали этому виду такую красоту и такой покой... Мы проехали район заводов, весь покрытый деревьями. Бен-Ория указал рукой:

— На горе летние здравницы нашего Минздрава. Зимние санатории есть в Иерихоне и на Киннерете. Здесь же находится самый знаменитый сад, где каждое деревце посажено каким-нибудь известным деятелем Возрождения. Бессмертный доктор Герцль посадил здесь кипарис — и тем заложил традицию: теперь сажать деревья для нас — священнодействие. Каждый год, пятнадцатого швата, в Праздник растений¹, каждый школьник сажает здесь как минимум одно дерево. Эти малыши сделали немало, чтобы покрыть горы зеленью, — он взмахнул рукой.

— Странно, неужели дожди не разрушают эти ступени?

— Взгляни, с вершины горы к подножию тянутся полосы — это каналы, которые сделаны специально, чтобы отводить дождевую воду. Горные ручьи мы очистили, выкопали много бассейнов для сбора воды — эту воду используют, и она не стекает бесполезно в море. Мы создали систему удержания воды — и дожди стали регулярными, климат в стране изменился к лучшему.

Наша машина неслась по извилистой дороге в Иудейских горах, обрамленной деревьями. Каждую минуту открывался новый потрясающий вид, города, леса и облака. Только вершины гор были еще голые. Бен-Ория сказал:

— Это работа детям наших детей. Вся наша земля плодородна, даже пески у моря. Еще немного — и мы увидим своими глазами, что им удалось превратить пустыню в лес. Скоро мы поднимемся на гору, откроется нашему взору долина Саронская до самого моря, увидим леса. Видите? — он взмахнул рукой и остановил машину.

Я вскочил со своего места, как испуганный. И действительно: вид, открывшийся моему взору, меня совершенно потряс. Это великолепный пейзаж: горизонт ясен, чист, прозрачен, точно в пустыне... Это была картина, которую создал сам Господь из света и воздуха, и наполнил ее чистейшими цветами радуги.

Все молчали, никто не хотел помешать мне насладиться видом. Наконец, Амрам спросил:

— Вы видели картины реб Йеѓуды Ѓа-Зархи? Только у него можно увидеть такой широкий горизонт, так много воздуха и света. «Колорит, изображенный без красок», если так можно выразиться. В прошлом году была у нас выставка Тёрнера, это известный английский художник. Его избранные работы были привезены из лондонского музея. Мне кажется, Ѓа-Зархи на голову выше Тёрнера. Конечно, тот рисовал свои картины более века тому назад, вполне возможно, что они потускнели от времени, но сам дух художника, его взгляд на природу не изменился. Тёрнер рисовал Венецию как практичный англичанин, которому довольно одного красивого пейзажа: в моих глазах художник не тот, кто видит перед собой красоту, ему непонятную и неизвестную. Наш Ѓа-Зархи рисует пейзажи Иерусалима от всего сердца... Иерусалим для него не чужая женщина², она его любимая, он целует каждую ее клеточку. Его полотна словно «Песнь песней», льющаяся из глубины души, поэтому сердце радуется, когда смотришь на его работы. И это не только мое мнение: похожие слова я слышал из уст самого рабби Менаше, так сказал Менаше Бен-Йеѓошафат, когда посетил выставки Тёрнера.

С глубоким уважением он произносил имя рабби Менаше...

Машина продолжала свой ход по прямому пути, проехала Иудейские горы и спустилась в Саронскую долину.

— Посмотрите направо. Это знаменитый лес Герцля, — объяснил мне Бен-Ория, показывая горы, которые казались розоватыми с заходом солнца. Они великолепно гармонировали с голубым лесом на песке. Позади было голубое море. Саронскую долину окружали города и леса, как венок. Долина была похожа на великолепный ковер: ряды деревьев причудливо делили плоскость на разные геометрические фигуры, а группы домов, утопающие в зелени, ходили на разноцветные клумбы... Между ними тянулась череда железнодорожных вагонов. Еще дальше — дороги, освещенные желто-красным светом как детские игрушки, машины, повозки, всадники и велосипеды, все блестели от солнца, все спешили куда-то. На узеньких тропинках между садами и виноградниками виднелись головные уборы

1 Новый год деревьев, известный так же как Ту би-шват.

2 На иврите названия всех городов — женского рода.

рабочих, мужчин и женщин, возвращающихся домой с работы. Над головой у нас летали самолеты, будто белоснежные голуби, а иногда они казались металлическими звездами.

— Отдых и наслаждение: каждый идет домой после работы, — сказал мне рабби Эльяшив — он сидел напротив меня.

Вновь меня охватили тревожные воспоминания о родном доме...

Один самолет пошел на снижение и приблизился к нам. Оттуда высунулся человек с развевающимся флагом, как будто он давал кому-то знак... Показалось мне, что это лечу я: представил я, что возвращаюсь из Иерусалима, где работал целый день, домой. Как орел, я оглядываю сверху местность, искать свой дом, свое теплое и спокойное пристанище. Я увидел на башне сияющий семисвечник... Кто-то, одетый в белое, стоит на плоской крыше, я спускаюсь: это та молодая женщина с двумя детьми, одного она держит на руках. Я машу им флагом. И они видят меня, и женщина опускает ребенка, и женщина кричит: «Привет, папа!» А дети повторяют за ней. Их радостные голоса делают меня еще счастливее, проникают в самое сердце... Кажется, я узнал эту женщину! Эта та самая учительница из «Детского рая»!..

Сердце переполнилось тоской, переживаниями о возвышенном, о вещах далеких и недостижимых... Красивых, опасных, манящих... О том, что нельзя выразить...

— А это красивый город — Рамле, — прервал мои размышления Бен-Ория... Снова я начал смотреть по сторонам, и снова не мог оторвать глаз от пейзажей, которые простирались перед взором моим...

— Рамле лежит окружена оливковыми рощами, олива — ее символ. Здесь можно увидеть древнейшие оливковые деревья, которые уцелели во время мировой войны: ведь тогда почти все деревья в Израиле вырубали, чтобы снабжать локомотивы, везущие людей на бой. Дальше идут знаменитые цитрусовые сады Яффо, полные апельсинов, этрогов. Сейчас как раз время этрогов: их используют для исполнения заповеди¹. Этроги собирают, пока они еще зеленые, и посылают в разные страны, в далекие страны, во все концы света. Их упаковывают в маленькие красивые коробочки и рассылают миллионам евреев на Суккот. Эта самое ценное благословение, которые родина посылает своим сынам. В «Герцлии» есть большая «Группа Бецалель» — художники по металлу, они и делают эти коробочки, каждый раз по новому образцу. В Киеве я видел у одного знакомого коробок тридцать. Еще его отец начал их коллекционировать. По ним можно увидеть, как развивалась наша промышленность: каждый год они еще краше и дешевле. Теперь за два-три шекеля каждый еврей, где бы он ни находился, может получить прекрасный этрог в коробочке, которая являет собой настоящее произведение искусства.

Наша машина свернула влево, с моря подул прохладный ветер, принося удивительный запах.

— Я чувствую приятный запах, напоминающий духи. Откуда он? — спросил я Бен-Орию.

— Это аромат апельсиновых плантаций. Настоящий их запах можно почувствовать в конце зимы, с Пурима до Песаха. В давние времена, когда я плыл на корабле из России, я чувствовал этот райский аромат задолго до Яффо, хотя самого города еще не было на горизонте. И на палубе я всегда произносил благословение: «Создавший разнообразные благоволия»...

И сразу после Рамле начались эти апельсиновые сады. Наша машина будто оказалась в раю: куда ни взглянешь — повсюду были фруктовые деревья, с них свисали спелые плоды, деревья готовы были упасть от тяжести, если бы их не подпирали. Вместо заборов, с обеих сторон дороги росли гранатовые деревья, с маленькими листьями, которые блестели, как будто были смазаны лаком. Среди листьев висели десятки тысяч гранатов, красные как кровь; лимоны, апельсины, и мандарины были еще зеленые. А прекрасные спелые этроги уже сияли, как золотые пятна. Тут и там посажены яблони, усыпанные плодами. Между деревьев ровными рядами стояли белые дома с большими окнами, балконами и верандами. Возле домов росли пальмы, их кроны походили на дамские зонтики от солнца, под которыми люди были надежно укрыты от солнца. Высокие светло-зеленые кипарисы стремились в небо. Их макушки двигались, и казалось, что они молятся Богу, хвалят Того, Кто создал их столь прекрасными. Почти на каждой ровной крыше я видел людей, но в самих садах не было никого.

— Воистину, райский сад! — воскликнул я с удивлением. — Но нет никого, кто бы охранял это, а вдруг что-нибудь украдут?! Я не вижу ни одного охранника.

— Охранника? — ответил рабби Эльяшив. — Во всем Израиле их осталось совсем немного. Их сложно встретить, разве только в рассказах о прошлой жизни, и это были настоящие герои, которые отдали жизнь, принесли себя в жертву, чтобы защитить бедных первопроходцев... Сейчас кражи в Израиле

1 В праздник Суккот принято произносить благословение над 4 видами растений, в т.ч. над плодами этрога.

прекратились... У нас есть объединение «Га-Шомер», но это лишь спортивная организация, которая назвала себя так в честь героев прошлого.

— Господин Бен-Пеле, Вы назвали это место настоящим раем, — обратился ко мне Бен-Ория, — но нужно еще побывать здесь на Пурим: тогда все деревья усыпаны фруктами, белыми нежными цветами, которые дают такой запах... Миндаль! Груши! А остальные фрукты?! Тот, кто этого не видел, не может даже вообразить себе рай. И не забывайте, это продолжается целый год, без перерыва. Весь год деревья зелены, они отбрасывают тень, они свежи, дарят сладкие фрукты и источают ароматы! Не случайно именно у нас была сложена волшебная легенда о рае, вечно полном света и радости.

Справа, над морем, над садами, на горе, на самом горизонте, виднелись очертания домов и башен, отражающих последние лучи заходящего солнца.

— Что это? Город?

— Это рабочий городок «Герцлия», где изготавливают коробки для этрогов. Город был построен всего сто лет назад, он уже разросся, расширился, и скоро станет одним из самых красивых городов в нашей стране, благодаря своему местоположению: тут и красиво, и воздух полезен для здоровья, — и развитой промышленности. Первым, кто начал строительство, был Шац, основатель «Бецалеля», скульптор, как и Вы. Он построил пять маленьких домов, а так же рабочие помещения для йеменских евреев, которые обрабатывали серебро. И сейчас можно увидеть во дворе музея старую мастерскую, привезенную оттуда. Там сейчас собрана коллекция древностей. До сегодняшнего дня Герцлия — второй город после Иерусалима по производству продукции «Бецалеля»: металлических изделий, плетеной мебели и изделий из оливкового дерева. Там же наши знаменитые заводы, производящие соки из разных фруктов, растущих здесь же. Лес Герцлии, широкий и густой, который простирается до самого Иерусалима, — в нем растут десятки тысяч оливковых деревьев — дает сырье для гигантских заводов по производству масла и мыла. Еще в Герцлии есть каменоломня, там добывают нежный белый камень, годный и для строительства, и для украшения, с ним работают тысячи людей, поставляют материалы для строительства в Яффо и во все близлежащие города.

Бен-Ория много рассказывал о Герцлии, но я его совсем не слушал. Снова я вспомнил: Шац, который жил сто лет назад... Ведь это я — Шац!.. Это возможно? Надо расспросить их, кто такой Шац, может быть, что-нибудь прояснится.

— Извините, господин Бен-Ория, что я Вас перебиваю. Вы сказали, что первые дома в Герцлии построил Шац, расскажите, что за человек он был? Где жил? Когда умер? Я много о нем слышал: видел его работы в музее Бецалеля и в Храме. Расскажите еще что-нибудь.

— Как это? Вы не знаете, кто это такой? Он же основал «Бецалель», и в музее «Бецалеля» о нем целая литература. Прочитать о нем можно везде.

— Господин Бен-Пеле, — ответил Амрам, который сидел позади меня, — Вы хотите прочитать о Шаце? Возьмите эту книгу «К столетию Бецалеля», ее составили ученые по случаю столетия школы. Там найдете точные сведения о нем. В этой книге три тома, первый из них целиком посвящен Шацу, там напечатаны письма, документы и редкие фотографии.

— Сегодня утром, — сказал рабби Эльяшив, — я слышал, что управляющему музея Храма удалось раздобыть вещь, принадлежащую Шацу, — портсигар, который подарили ему рабочие, мастера серебряных дел. На нем очень важная надпись и подписи всех мастеров и рабочих..

Я услышал это и затрясся, словно в лихорадке...

— Портсигар, вы говорите, с гравировкой?... Как же эта вещица нашлась сто лет спустя? — выдавил я из себя.

— Перешла по наследству кому-нибудь из родственников...

Пейзаж сменился: были видны густые поля, отдельно стоящие деревья. Бен Ория, любивший поболтать, обратился ко мне:

— Взгляните. Здесь начинаются поля «Микве Израэль». Это школа сельского хозяйства в Израиле, самая первая школа в Израиле, после ее основания прошло уже сто пятьдесят лет. Эту школу основал Карл Нетер, она сейчас самая большая в Иудее.

— Есть ли еще такие школы в Израиле?

— Много, в Иудее, в Галилее. Самые крупные из них: «Варбург», «Оппенгеймер», «Маргулис». Но самая крупная школа — это «Беньямина», самая важная школа по ботанике. Туда приезжают ученики из многих стран. Кроме того, есть у нас школы поменьше, где учат ухаживать за деревьями, например: «Сад Шмуэля», «Виноградник Монтефиоре» и другие...

8.

Отель «Красивый пейзаж» был полон гостей, приехавших в Яффо искупаться в море. Пляжный сезон уже подходил к концу, но на праздники приехало много народу из Иерусалима. Рано утром всех будил звук шофара, все одевались и бежали к морю, пока еще не жарко. Управляющий подал Мирьям корзинку разной снеди: это был завтрак. Амрам хотел понести ее, но рабби Эльяшив его опередил. Я предложил попросить одного из официантов отнести корзинку, но рабби Эльяшив возразил:

— У нас освобождают от работы только детей, стариков и больных. Я еще полон сил, и мне их вполне достаточно, чтобы донести корзину самостоятельно, пусть я и не одолел Непобедимого.

Когда мы пришли на пляж, солнце уже встало, оно освещало белые купальни с голубыми полосками и пестрыми флажками. Песок сиял как золото, рядами стояли плетеные стулья — как солдаты, на них были написаны большие цифры. Перед нами простиралось огромное море, спокойное и тихое. Голубое небо отражалось в морской воде как в зеркале, на горизонте эти две плоскости и вовсе сливались. Повсюду плавали ялики, их белые и золотистые паруса были похожи на птиц. И вот мы уже плаваем, чистое полно плавающих тел. Лица и оголенные руки женщин и мужчин поблескивали на солнце, а разноцветные купальники походили на пестрые цветы. Люди на пляже были одеты в светлые одежды, многие были в белых халатах — это делало их еще стройнее. С моря дул ветерок, приносил с собой особый морской запах, лечащий тело и душу.

Мы купались вместе с Амрамом. Он рассказал мне о своей Тамар, красавице-жене, которая превратила его жизнь в рай. Прохладная морская вода бодрила, светлое море и тишина манили к себе. Мы уплывали все дальше и дальше. Вдруг кто-то здоровый и быстрый, как дельфин, начал преследовать нас, а без очков я не мог разглядеть, кто это был.

— Это же Эли, мой брат, рабби Эльяшив! — объяснил Амрам.

«Дельфин» подплыл к нам и прокричал:

— Стойте, остановитесь! Зачем вы заплыли так далеко на пустой желудок? Возвращайтесь, господа, все ждут нас на завтрак.

Мирьям и Бен-Ория сидели и ждали на возле накрытого стола. Пять стульев стояли вокруг стола, было уютно. Давненько я не ел с таким аппетитом! Кажется, еще не пробовал я ничего вкуснее тех блюд. Мирьям вновь наполнила мою тарелку и сказала мне, улыбаясь:

— Ешьте на здоровье, Бен-Пеле! Учитесь есть у моего мужа, я же, наоборот, совсем потеряла аппетит, к сожалению. Не подражайте мне!

Посмотрев на нее внимательнее, я вспомнил ту учительницу из Райского сада, замолчал, погрузился в свои думы, держа вилку в руке. Бен Ория заметил:

— Очень жаль, что Ваша Шуламит не смогла поехать с нами, — сказал он с сожалением, как будто прочитал мои мысли. — Она смотрела на нас так, как провожают пароходы.

Я молчал. Но я думал о ней весь день...

— Ализу Вы уже забыли? — нарушил тишину Амрам. — Только ради нее одной стоит съездить в Тель-Авив. Она красива, как солнце, и большая мстерица. Под водой она чувствует себя так же свободно, как и на суше, как золотая рыбка или настоящая нимфа. Она искусница, никто и не догадывается, что каждые две минуты она выныривает, чтобы глотнуть воздуха. Бен Тамар даже сочинил для нее сказку: «Пнина и исследователь моря». Это прекрасная мечта писателя. Только в мечтах можно увидеть совершенно неземные краски, точно так же только молодой писатель дерзнет описывать такие картины. Нет в языке столько слов, чтобы выразить эту красоту.

Ровно в восемь часов мы пошли к аквариуму, между деревьев был фонтан, от которого я не мог оторвать глаз. В основании — бассейн, сделанный из натуральных необработанных валунов, внутри лежит кит, его голова и спина высовываются из воды, а из пасти, которая только что отрыгнула Иону, бьет поток воды. Пророк стоит на дне бассейна на коленях, благодарит и хвалит господа за спасение, за что рыба исторгла его на сушу у берегов Яффо... Пейзаж был удивительно красив, и в то же время поразительно реалистичен, и я даже не заметил, что это статуи! Кит был выполнен из бронзы, которая приобрела голубовато-зеленоватый оттенок и блестела на солнце, как шкура водного чудовища. Статуя пророка была сделана из темного мрамора, на фоне темно-серых диких скал он смотрелся как загорелый живой человек. Струя, бьющая из пасти кита, стремилась ввысь, а потом ударялась о землю, разбиваясь на множество радужных брызг.

— Довольно, господин Бен-Пеле, нужно поспешить. Я хочу еще посмотреть представление в аквариуме. — Я с неохотой оставил бассейн и пошел за ожидавшим меня Бен-Орией.

Здание аквариума выглядело довольно обычно. На нескольких серых скалах стоял корабль, темно-серого цвета. На палубе было много разноцветных павильонов, похожих на шатры, и на них большие надписи. Бен-Ория рассказал мне, что сто лет назад из вод Яффо подняли военный корабль. Тогда корабли уже перестали использовать в боях, а превращать находку в торговое судно не было смысла, — поэтому корабль подарили городу. Более семидесяти лет он стоял в порту как курьез. Двадцать лет назад, когда в Тель-Авиве устраивали выставку рыбной промышленности, нашему гениальному архитектору рабби Авии пришла в голову мысль использовать его. И вот мы видим, что с ним сделали. От выставки остался наш прекрасный аквариум — он находится под скалами и под фонтаном «Иона»

— Амрам, а кто создал этот фонтан? Ты должен это знать, ведь это твоя профессия, — спросил он.

— Ты наверно забыл, папа, что это работа гения рабби Менаше Бен-Йеѓошафата. Кто же еще мог создать нечто подобное?

Мы спустились вниз по ступеням, вырубленным в скале. Корабль стоял, уткнувшись носом в расщелины скал. Мы поднялись на палубу по трапу. Во всех павильонах были представлены образцы разных редких рыб, на стенах — фотографии из жизни моряков, сцен их подготовки, фотографии разных портов Израиля. На стенах были пояснения и статистические данные. Я понял, что рыбная промышленность в стране хорошо развита. Кроме рыб Средиземного моря, Киннерета, горных рек, Иордана и других рек, были рыбы, выращиваемые в специальных искусственных бассейнах. Остальные три палубы были заняты морским музеем. Там было выставлено все, что живет в море: разные рыбы, более мелкие животные, и даже микроорганизмы, рассмотреть которые без микроскопа было невозможно, раковины, моллюски, растения, минералы. Мы спустились еще ниже, в трюм, освещенный электрическим темно-красным светом — казалось, что одна стена изуродована взрывами. Оттуда доносился шум морских часов, мое сердце замерло, я подумал, что сейчас меня поглотит морская пучина... Бен-Ория прошел мимо... Раздался сдавленный голос:

— Идем! Зачем вы стоите здесь? Не бойтесь, здесь же аквариум!

Мы по одному вошли в пролом.

Я увидел нечто, чего еще никогда не видел... Я помню только, как в первые мгновения задрожала каждая моя косточка... Я первым протиснулся через пролом, и вот перед моими глазами валуны, справа от меня — пробоина, через нее бьет луч света. Продвигаюсь... Передо мной бездна... Широкая площадка, настоящий подводный лес из кораллов. Вокруг меня плавают причудливые рыбы и животные, извиваются между растениями и камнями... Откуда-то сверху льется зеленый свет... Я увидел стайку рыб, страшных крокодилов, морских звезд, полипы. В самом центре участка стоял разрушенный корабль, глубоко погрузившись в песок, тело корабля окружено водой. Я задрожал, когда через пробоины в этом корабле увидел военные машины, ржавые пушки, одежду, книги, разбросанные бочки. Из бочек высыпались золотые монеты, а среди них — человеческие кости. Один скелет сохранился почти полностью, он полусидел, смотрел на меня своими пустыми глазницами и щерил свои белые здоровые зубы... Один зуб был золотым... Я стоял как каменная статуя, мои руки и ноги онемели, я чувствовал, что вокруг меня все начало вращаться, земля стала уходить из-под ног. И как будто пелена накрыла все...

— Бен-Пеле, Бен-Пеле! Ну как? Пойдемте! — откуда-то издали я услышал сдавленный голос, как из могилы, но не мог сдвинуться с места. Дрожащей рукой я ухватился за стену, чтобы не упасть. За кораблем показалось зеленоватое тело женщины... Ее лицо, кожа и кости, большие черные глаза. Она смотрела на меня удивленно, делала гримасы и устрашающе смеялась... Земля разверзлась подо мной... На глазах пелена... Я поплыл — и мне сделалось легко и приятно. Вдруг на меня брызнуло холодной водой. Я в страхе открыл глаза и поспешил сесть...

Вся семья Бен-Ории столпились возле меня. Мирьям sprыснула меня ароматной водой. Все спрашивали, как я себя чувствую... Когда я сел на землю, я понял, что стены сделаны из стекла, вспомнил, что я в аквариуме, что мой страх был бессмысленным, и сам рассмеялся над собой вместе со всеми. Мирьям, которая за меня тревожилась, помогла мне встать, я держал ее за руку, чтобы не упасть, одного меня она не отпускала — так и держала все время, что мы были в аквариуме. Она шепотом сказала мне:

— Знаете, господин Бен-Пеле, вы всего боитесь, это говорит о великом таланте архитектора. Зарыть в землю талант — разве это мелочь?! Если вы человек искусства, Вам хочется верить, что Вы действительно в воде, — это делает честь нашему искусству. Как ни странно, я совсем не удивилась, увидев Вас в таком состоянии! Я думала, что Вы как мой Эли, человек этого же типа, а еще Вы просто слабый человек, слабый, как женщина.

— Нет, госпожа, я не из слабых. Просто в последнее время я пережил много горя. Я устал, печален, нервы мои на пределе. Особенно впечатлил меня этот корабль, погруженный в воду, и ужасный скелет. Это верное свидетельство мировой войны. Его облик неожиданно напомнил мне страшную войну, с ее ужасами, которые отравили мне жизнь.

— Вы, конечно, прочли много книг о мировой войне. Так не годится. Человечество должно забыть о ней. Лучше Вам думать о том благе, которое принесла эта война. Если бы не она, сейчас народы бы не жили в мире, особенно мы, евреи, и сейчас были бы очень далеки от рая, который создали в нашей стране.

Я боялся продолжать говорить на эту тему. Я указал ей на ее мужа, который стоял у аквариума с морскими коньками, и что-то объяснял отцу и брату.

— Взгляните, госпожа. Лицо рабби Эльяшива — как будто лицо утопленника. Такое впечатление создается из-за света, который падает сверху: лицо кажется зеленым. Этот свет растревожил мои нервы, особенно на меня подействовал переход от темно-красного света к ярко-зеленому. Цвета сильно влияют на человека, как и звуки.

Тут до моего слуха донесся слабый звук шофар, он как будто исходил из-под земли, я задрожал.

— Успокойтесь, это просто дают сигнал о начале спектакля в театре аквариума, скоро начнется представление, идем! — она провела меня узким и длинным путем через пещеру и широкий зал. Все места уже были заняты, мы были последними, поэтому пришлось стоять. Кто-то предложил свое место Мирьям, она поблагодарила, но отказалась, осталась стоять возле меня, держа за руку. В этом месте было очень темно, потолок низко нависал над сиденьями, с него свисали сталактиты, головами вниз висели совы. Источником света были окна. Их рамы были в форме морских растений, валунов с блестящими впадинами. Сцена, она же главная стена, была сделана из стекла, глубина воды в ней около трех метров. Над водой, между скалами, виднелась морская бедна, слева — сгруженные в груды камни, походившие на древние развалины. Над долиной виднелись очертания красивого города.

На сцене, в толще воды, забрезжил свет, рыбы беспокойно засуетились. Внизу, в песке, над камнями, покрытыми водорослями, задвигались какие-то морские гады. Из разлома в камне появилась русалка, легкая как рыбка. Она подплыла ближе к стеклу, удивленно окинула взглядом зрителей, как будто не ожидала увидеть нас. Потом перевернулась и резко ударила рыбьим хвостом по песку. На поверхности воды поднялся фонтан брызг...

Голову ее украшал веночек из водорослей, в длинных спутанных волосах — водоросли, на талии — пояс из цветов. Это было удивительное сочетание двух созданий: сверху — женщина с алебастровым телом, снизу — рыба, переливающая всеми цветами радуги.

Долину осветило солнце, выступили очертания скал, они походили на древний город под бледным небом. На скалах сидели еще три русалки, поющие приятными голосами, аккомпанируя себе на арфах:

Мы всегда будем детьми моря.
Наша родина — пучина морская,
Наши глаза — звезды на небосводе,
Наши одежды — чистое сияние луны.

Наши груди — пена морская,
Розоваты наши щеки — и чисты,
Волосы наши — тонкие змеи,
Блажен тот, кого мы страстно лобзаем.

Его горячее сердце больше не будут волновать страсти,
В пучине все затихнет и смолкнет;
Больше не потечет кровь его,
Голова его была горяча, но больше не будет он думать.
Ты красивее в семь раз, наша сестра,
Жемчужина, жемчужина глубин моря!
Губы ее сладки — красный коралл,
Целующий ее — наш Господин.

Где ты, где ты?
Наша сестра,
Наша сестра,
Красавица?

Иди, плавай с нами!
Наша жемчужинка,
Наша жемчужинка,
Малышка!

Их голоса звучали, как пианино. Это было тихое пение, но в зале под водой каждое слово слышалось отчетливо. С последним звуком они упали в воду. Первая русалка ударила хвостом о воду и тоже скрылась в глубине.

Долина стала светлее. Издалека показалась маленькая лодка, в ней — двое мужчин. Один из них снял свой белый плащ, снял головной убор, надел водолазный костюм, сделал несколько шагов и спустился в море. Прошло несколько минут, и вот он стоит на сцене глубоко под водой, выйдя из-за скалы и держа в руке ящик для сбора растений и камеру. На его груди был фонарь, на поясе — веревка. От головы отходило две длинных трубки, как водоросли. В шлеме были два выпуклых стеклянных глаза, и оттого он походил на невиданного морского зверя. Он медленно шагал в тяжелом костюме, в ботинках со свинцовой подошвой, фотографировал, собирал растения и раковины и складывал их в свой ящик. Вдруг из расщелины показалась русалка... Человек остановился в удивлении, осветил ее фонарем, и направил на нее фотокамеру... Она расправила руки и бросилась на него, камера и ящик выпали из его рук... Он споткнулся, отступил назад, схватился веревку на поясе. Русалка с нетерпением крутилась вокруг него, поднималась на поверхность моря, ее лицо светилось дикой радостью. Он не отводил от нее стеклянных глаз, медленно отступая к расщелине. Вдруг веревка потянула и утащила его наверх, он исчез из виду... Она остановилась в отчаянии, испуганно вскрикнула — и поспешила за ним... Вдалеке на поверхности воды показался этот человек, он плюхнулся на свою лодку.

Сцена затемнилась. В зале наступила мертвая тишина. Никто не аплодировал, как будто не игра, а ожившая удивительная картина была представлена зрителям. Никто не двигался с места, как будто боялись пропустить что-то еще.

Сцена осветилась снова.

Одетый в водолазный костюм, сел этот человек на сцене, на камне, торчащем из воды, опечаленный. Вокруг него резвились рыбки, ползали огромные раки, заползали на его камеру, которая валялась на песке, пытались схватить его клешнями. Водолаз как будто не замечал этого. Он опустил тяжелую железную голову, обхватил ее черными резиновыми руками. Он медленно встал, взял фонарь и что-то начал искать среди скал... Расщелина в камнях осветилась, поспешил он туда и... Оттуда с радостным кличем выскочила русалка! С распростертыми объятиями она бросилась на него. Над поверхностью воды виднелся его черный силуэт, его страшная железная голова его и выпуклые глаза. Его обнимала женщина, белая, как алебастр, низ тела которой был рыбьим хвостом. Вдвоем они скрылись в пещере, и снова на сцене стало темно.

Тьма над водой постепенно рассеивалась. Поднялась луна. Заблестела серебряная дорожка на поверхности воды, на ней четко обозначились скалы и древняя развалина. Вдали показался корабль, а долина осветилась огнями яркого города... Возле развалин всплыли русалка и водолаз. Ее алебастровое тело в лунном свете отливало зеленовато-голубым. Он, в белье, полулежа, поддерживал голову обеими руками и смотрел на светлый горизонт, и ветер развеивал его длинные волосы.

Русалка приблизилась к нему, тронула пальцами струны и сладким голосом запела:

В морской пучине,
В холоде бездны,
У пещеры
Коралловая роща.

Там ползают раки
И плавают медузы:

Там приготовила я уголок для тебя,
Безмятежный уголок, приклони там голову.

Там не печет
Жаркое солнце,
Молчат звезды,
Не дразнит луна.

Там ты найдешь покой,
Успокоится голова, мысли,
Сердце насладится тишиной, покоем,
Горячая кровь твоя перестанет бурлить.

Там обниму я тебя
Мраморными руками
Там ты насладишься
Моими алыми устами.

Меж холодными грудями моими
Уложишь голову,
Тело твое я укутаю черными волосами,
И раковины положу на твои глаза...

Она бросила свою арфу, и упала ему на шею, стала его целовать и обнимать, потащила его в воду....
Он прижал ее к сердцу, ласкал ее, играл ее длинными волосами, пока она не уснула у него на коленях.

Наступила тьма. И луна не лила свой свет, небеса сомкнулись, воздух был совершенно прозрачным, а наверху, на небосводе что-то зарделось, к скале тихо подплыла лодка, и он украдкой отодвинулся от нее, встал — и запрыгнул в лодку.

Наступила тьма.

Издали слышно было биение волн. Приближался вой ветра, он усиливался... Море бурлило, кипело, бешеные ветры выли и свистели... Я смотрел на бушующее море, за пену волн, похожих на стадо белых овец. Послышался гром издали, молнии расчертили резкими зигзагами небо, на мгновение осветили скалу и руину... Там стоял мужчина, закутанный в плащ, среди бушующих волн трепетала лодка. И снова ослепительная вспышка. Тьма усиливалась... Постепенно море успокоилось, и появился свет. Осветилась скала, человек в плаще стоял, опершись на нее, а когда света стало больше, у скалы показалась русалка. Она стояла как камень на своем хвосте, и простирала к нему руки, плача и взывая. Человек задрожал, как будто от холода, он достал из-под плаща талит с голубыми кистями и бросил его на нее..... Тут же опустились руки ее, голова поникла, а когда она поднялась и покрывало упало к ее ногам, мы увидели красивую обнаженную женщину, стыдясь, она потупила глаза, а руки скрестила на груди.... Человек стоял как истукан, раскрыв глаза и смотря на нее с восхищением. Он упал к ее ногам, закутал ее в свой плащ, взял ее на руки, как ребенка, и понес в лодку.

Снова стало темно, и луна между скал заиграла множеством цветов. Маленькие лучики заплясали, как радуга. Это был потрясающий праздник на глубине моря. Рыбы всех цветов радуги сновали туда-сюда, как будто готовили праздник в честь дорогих гостей... Из толщи воды выделился поток, в нем, окутанные бледным светом, всплыли две фигуры, большая и маленькая, одетые в водолазные костюмы, держась за руки, как жених и невеста. Бездна сверкала тысячью огней, как дивный оркестр.

Все аплодировали, громко кричали: «Ализа!» — и спешили к выходу. Я стоял, как зачарованный. Мирьям взяла меня за руку и тревожно сказала:

— Вы очень бледны, выйдем наружу, подышим воздухом.
И Мы вышли.

<...>

10.

“Дом Ехиэля” — так называлась гостиница, в которую мы заехали. Это был старый, красивый дом, с широким балконом и высокой башней. Он был построен на холме, вокруг разбит сад, оттуда открывался потрясающий вид на Киннерет. Постояльцев было много, они сидели на балконе. Мы уселись вокруг стола и заказали чаю. Неожиданно Амрам подошел ко мне и заговорщически посмотрел на меня так, дотронулся до рукава и подал знак, чтобы я шел за ним. Я проследовал в большую столовую, по пути мы не сказали друг другу не слова, а когда пришли, рукой он указал на портрет мужчины. К моему великому удивлению, на стене, в позолоченной старой раме висел мой портрет...

— Это наверняка кто-то из твоих предков: просто одно лицо, только он немного старше, — сказала Мирьям. Она шла вслед за нами — а я и не видел. Это происшествие собрало вокруг нас целую толпу. Смотрели то на портрет, то на меня, и были жутко удивлены таким сходством. Попросили рассказать об этой картине одного проворного старичка, с белым беретом на макушке. Он начал рассказ — оказалось, что это сам владелец гостиницы.

— Как же? Вы не знаете? Да это ведь портрет Шаца! Это он подготовил проект «Дома Ехиэля», и поэтому здесь и висит... Это было давным-давно, почти сто лет назад, во дни мировой войны. Незадолго до того, как англичане захватили Иерусалим, турки выгнали его из города. Он скитался по Галилее, туда-сюда, без дела. Мой старый отец, мир его праху, сам, бывало, сказывал мне, когда я еще был ребенком, что он сам видел его. Тогда мой отец еще был подростком, и работал в «Башне», у Гликина. Вот и он, — и указал рукой на другую картину, на противоположной стене, это был человек с длинными волосами, усами, но без бороды, с непокрытой головой и кудрявыми волосами. Он продолжил:

— Тогда еще не было нашей башни, только один маленький хутор — один двор, зато много лихорадки... Рабочие посадили там первые деревья, своими потом и кровью растили их. Потом они разбили прекрасные сады, которые сейчас вы видите на берете Киннерета. Шац и Гликин были большими друзьями. Собственно, поэтому-то Шац часто посещал «Башню». В те дни умер известный сионист Д-р. Ехиэль Членов, которому принадлежала часть Башни, он же был одним из ее основателей. Так Шац предложил создать «Дом Ехиэля» его светлой памяти и сам спроектировал здание.

— Наверняка, это ваш дедушка, — сказал кто-то из гостей. — Как же Вы до сего дня об этом не знали?

— Я давно догадывался, — сказал Амрам, — у нас в Бецалеле есть фотография Шаца, в самом деле, вылитый Вы, господин Бен-Пеле.

Я молчал и размышлял. Что бы сказали эти люди, если бы не подкрасил брадобрей мою бороду?... Жутко душно. Я снова не усну, еще одна ночь сомнений... Жуткие мысли не дадут мне успокоиться, я не смогу забыть... словно дьявол маячил у меня перед глазами!... Нет, я никогда не найду покоя... Тут я словно очнулся. Покрепче закутался в плащ, беспокойно начал босым бродить по веранде, где многие гости уже уснули. Пошел искать холодной воды, может, это мне поможет.

Пока спускался по лестнице, увидел того самого старичка с белым беретом, он лежал, но глаза были открыты, видимо, он тоже не мог уснуть.

— И вы не можете уснуть при лунном свете? По-видимому, вы не привыкли спать в такой ранний час. Если хотите почитать, проходите сюда, в башню. Там наша синагога, а на балконе у нас библиотека.

Я уже направился по указанному пути, вдруг он меня вновь окликнул.

— Подождите, вот фонарь. Без него не видно книг, которые повыше на балконе. А внизу всегда горят свечи. Усаживайтесь там поудобнее и читайте, сколько нужно.

Я вошел в башню.

Прохлада. В помещении темно. Через окно проникает свет луны, ее голубоватые лучи освещают нижнюю часть стены, отражается от нее — получаются голубовато-зеленоватые пятна на полу и на стенах, разделенные черными линиями паркета... На возвышении горит семисвечник красноватым светом, она освещает ковчег и золотую вышивку на завесе)... Тихо, точно в подвале. Я не слышу собственных босых шагов по ковру...

По спиральной лестнице поднялся я на балкон. Комната была круглой, и у стен стояли шкафы, полные книг. Там были огромные богато украшенные тома по искусству, их выпускало правительство. Я к ним даже не притронулся, выбрал простой роман. Хотелось отвлечься, забыть самого себя, и не думать ни о чем. «Бецалель» — бросилось мне в глаза название книги, вытесненное золотом на обложке трех книг. Тут я вспомнил слова Амрама. Дрожащими руками взял я первый том, спустился вниз с горящим от волнения сердцем и начал читать.

<...>

11.

— Лежать на солнце вредно: удар будет, — предупредил старик, — почему же вы не послушались, не захотели искупаться в душе? Когда я был молод, целые ночи нырял в переливающимися водах, когда не мог уснуть, а потом засыпал как младенец.

Я вспомнил вчерашнюю ночь, снова огорчился, прилег. Голова не слушалась меня, я погрузился в грустные мысли.

Ясное дело, что я и этот Шац — один человек... Как же я живу в двух поколениях? ... Я — его повторное воплощение? ... Неправда, что душа возрождается в новом теле... Почему же я помню о прошлой жизни, о своей молодости? Я даже не знаю, что со мной было неделю назад. Откуда пришел я на бульвар Золотых ворот?...

Какой прекрасный день сегодня! Надо послушай старика, встать, помыться прохладной водой... Нужно спросить рабби Эльяшива, его отец говорит, что «тот знает все». Я встал, освежился.

Рабби Эльяшив сидел один и читал большую газету.

— Доброе утро! А где остальные? Вы хорошо спали? — спросил я.

— Доброе утро. А Вы как спали? — поинтересовался он, взглянув на меня близорукими глазами. Вы как будто больны, плохо выглядите, как будто совсем не спали. Утром я не стал Вас будить тебя — и остальные ушли без Вас. Они поднялись на эти горы посмотреть на древние пещеры — в емен второго Храма. Жаль, что Вы не пошли с ними. Я-то там уже был, и не раз.

— Да, я не спал всю ночь. Только на заре уснул, а потом поздно встал, жаль!

— Не жалеете. Хорошо бы Вам отдохнуть один денек. Вы очень чувствительны. Я это еще в аквариуме заметил. Отец рассказал мне, что в «Райском саду» после детского спектакля Вы чуть не упали в обморок.

— Спасибо, я сделаю, как Вы говорите, сегодня останусь дома. На самом деле, я всегда был здоровым и сильным человеком. Только в последние дни ослабел... Был немного не в себе... Я хотел спросить кое-о-чем...

— О «Саде любви»? — перебил меня рабби Эльяшив, — я ведь обещал Вам рассказать о нем. Давайте начнем, сейчас как раз есть время и настроение. Спустимся пониже, сядем в тени, возле фонтана, а то здесь слишком жарко.

В эту минуту мои мысли были далеко от «Сада любви» — и все же я пошел за ним, не нашел в себе силы отказать.

Он сел, зажег сигару, и начал:

— Прежде чем я расскажу о «Саде», давайте уделим немного времени другим вещам. Вы знаете что-нибудь об организации «Еврейская мать»?

— Нет, к сожалению. Я там еще не был и даже ничего не слышал ничего об этом.

— Зря, Вам следует там побывать. Ну, я расскажу о нем совсем чуть-чуть. Помните наш разговор о «белом рабстве»? Чтобы решить эту проблему, первым делом мы изменили систему воспитания девочек. Тысячи лет женщина была в рабстве — и это дурно отразилось на ее душе и теле. А ведь женщина прежде всего мать. Дети — плоть от плоти ее. Именно ее влияние на детей сильнее всего в первые годы их жизни, когда формируется характер. Хорошая мать для своего ребенка не только ангел-хранитель, но и источник любви и преданности, до конца... У нас принято так, что девочки заканчивают обучение в школе до шестнадцати лет, это максимум. Мы освобождаем их от трех лет общественных работ — эта обязанность накладывается только на юношей. Девушки должны провести три года в учреждении «Еврейская мать»: там они учатся быть матерями. Хорошая мать выполняет свой долг по отношению ко всему народу. Там девушки изучают анатомию женщины, матери, ребенка, слушают лекции об исполнении своего главного долга, разговаривают с педагогами — это только женщины, очень квалифицированные, они могут понять невинные, но горячие сердца девушки-подростка. В это же время девушки работают в детских садах и «гнездах», где воспитываются самые маленькие сироты до четырех лет. Так они набираются опыта и учатся обращаться с детьми. Это образование обязательно для каждой девушки и молодой женщины, даже для замужней. Девушка может выйти замуж в шестнадцать, но без прохождения этого курса ей нельзя рожать. Не сложно стать матерью, сложно ею быть... Так мы достигли важной цели: у каждого ребенка есть хорошая мать, умная и опытная. Вдобавок

наши девушки не совершают глупостей по незнанию... Каждая женщина осознает свою великую роль, и она ограждена от легкомыслия, которое приводит к ужасным ошибкам в будущем материнстве... Слава Господу, сейчас у наших женщин нет необходимости продавать свою честь ради пропитания... Понимаешь, мы живем нормальной жизнью, и мужчине не нужно «мучиться внутренним огнем», а потом остывать перед свадьбой, а женщина вообще не может совершить такой глупости... Еще нужно вернуться к вопросам: что делают мужчина или женщина, если партнер не может исполнять супружеский долг? Или в случае вдовства — неужели человек не может снова выйти замуж или жениться? — он немного помолчал, улыбнулся и продолжил:

— Я не знаю хода Ваших мыслей: Вы ведь среди нас чужак, и Вам тяжело понять нас. Есть такие вещи, которые кажутся Вам ужасными, потому что Вы смотрите на них как младенец. Знайте, что мы рассматриваем половой акт как нечто «святое», а не «нечистое». Это естественная потребность каждого человека, как пища или питье. Питание тоже может навредить нам, если мы не будем принимать во внимание законы здоровья или будем использовать их во вред. Последствия половой жизни не менее существенны, от нее зависит состояние здоровья будущих поколений, а значит — всего народа. Поэтому мы взяли на себя обязанность поставить ее под контроль, предупредить зло: мужчина и женщина, желающие войти в сад любви, прежде всего проверяются на болезни, передающиеся половым путем. Заболевшие лечатся в городах-убежищах.

— Я вижу, — ответил я, — этот вопрос отлично устроен. Но все же я не вижу в этом окончательно верного решения. Как же чувствуют себя больной или больная, когда партнер у них за спиной ищет «развлечений» в этом заведении?... Кроме того: когда это делается «ради удовольствия», без любви — в этом нет эстетики, честный человек после такой «прогулки» почувствует себя грязным.

— Мое сердце подсказывает, что я не смогу объяснить это как полагается, я не психолог, у меня самого нет опыта, я там никогда не был. Понимаете, сад любви не обязательное место для посещения, он создан только для тех людей, которые в этом нуждаются, дабы не мучить себя. Тот, кому это не нужно, туда не заглядывают. Но я, как человек и как специалист по естественным наукам, чувствую этот вопрос и понимаю психологию идущего туда. Только «изменник» может согрешить, или «запятнать» семейную жизнь. Для этого он должен, или она должна, украсть сердце другого человека. Обычно в этом случае еще велика вероятность подхватить заразную болезнь. Но такие люди не пойдут в сад. «Украсть сердце» другого человека там не может ни мужчина, ни женщина, идущие туда, потому что там никому не дарят сердец. Никто не знает, кому он посвящает себя, ни он, ни она, они не знают даже имен. Люди встречаются там без сердечной связи, они просто помогают друг другу справиться естественную потребность, успокоить кровь и избавиться от сомнений, что они двигаются не в том направлении, потому что не могли не выполнить свой долг. Без этого отравились бы их душа и плоть... Здесь нет торговли телом, что процветала раньше. Двое свободных людей пришли исполнить естественную надобность, они помогли друг другу, по доброте душевной... Он или она потом возвращаются домой удовлетворенные, здоровые, готовые отдать свое сердце и любовь родным и не сердиться на них больше... Эстетика? Большого не нужно и желать: «Сад любви» — прекрасный сад, полный цветов, растений, прудов. Там есть театр, картинный зал, красивые шатры, шалаши, бассейны и фонтаны, это возбуждает в человеке любовь к природе, к высокому искусству, естественной любви к Божьим созданиям... Никто не знает другого, возможно, они больше и не встретятся — и так любовь становится еще более чистой, высокой: это любовь ради любви, без выяснения отношений, посторонних влияний. Нет надобности человеку скрывать от другого чувства, никто не мешает, все любят друг друга. Нет другой мысли в этом месте, там царит одна любовь.

— Я там не был, — продолжил он, после некоторого молчания. — К счастью, моя жизнь устроилась хорошо, и не было надобности пользоваться этим лекарством для лечения мировой болезни, жуткой и страшной. Но вот был у меня один друг, профессор в «Явне». Мы вместе писали книгу. Возможно, Вы ее видели, книга называется «Гнездо души». Он был гений, ученый, человек с широким кругозором. Его основная специальность — физиология. Он был далек от ежедневной жизни, жил в высоких мирах, хотел открыть новые миры. Это был настоящий гений и праведник, не согрешивший ни разу. В работе он был успешен. Работая с ним, я был счастлив. Как-то раз он поехал в отпуск в Европу, женился там — и с тех пор его удача отвернулась от него. Он стал неточен, целыми месяцами не приходил на работу, часто был каким-то рассеянным, забывчивым, нетерпеливым и нервным. Он потерял покой, был энтузиазм, веру, ничего не хотел! В общем, он мешал мне в работе, был вечно раздраженным, с ним было невозможно говорить. Так мы продолжали работать три года, дело продвигалась медленно. В конце концов

я получил от него записку в пару строчек, что вынужден совсем отказаться от работы со мной, даже не может меня теперь видеть. Конечно, меня это разозлило. Что случилось, подумал я, он еще и злится на меня, что не может даже прийти ко мне? Неужели он не чувствует, что из-за него я откладывал книгу целых три года! Если он не собирался работать со мной, нужно было отказаться с самого начала.

<...>

...Снова я вижу мир света и удивительных идей, — так он закончил говорить.

Мы вернулись к нашей совместной работе и быстро закончили эту большую энциклопедию. Что же Вы теперь скажете о нашем «Саде любви»? Что думаете о нем?

Пока он говорил, я с интересом слушал его длинный рассказ. Конец удивил меня. Я даже не предполагал, что это человек настолько сердечный, нежный и чувствительный, как это проявилось в его рассказе про несчастного друга и про этот сад. Вначале мне казалось, что у него только сильное тело и острый ум, а теперь я увидел, какое у этого атлета горячее сердце и чувства! Он как будто неожиданно вошел в мое сердце, я его полюбил.

— Что я скажу о «Саде любви»? Это как святое место: мертвые приходят туда, чтобы возродиться, — ответил я, улыбаясь.

— Не смейте. У древних греков был подобный обычай. Они называли это место храмом, храм был посвящен Афродите и ее жрецам. Но у них не было той чистоты, которая царит в нашем саду. В конце концов, их идея была извращена, а святилище стало местом грубых страстей. Но не забудьте, что нас разделяют две тысячи лет. И более того: последние сто лет нам важнее, чем целая тысяча.

Я вспомнил слова своего учителя: «последние сто лет нам важнее, чем целая тысяча». Я вспомнил все... И прошептал:

— Рабби Эльяшив, извините, что перебиваю Вас и спрашиваю о вещах, совсем не относящихся к теме. Но этот вопрос мучит меня, его необходимо задать... Хочется мне знать, возможно ли в природе такое, чтобы человек спал много лет подряд, допустим, сто, — а потом очнулся ото сна и продолжил жить?

Он удивился моему неожиданному вопросу, но все же ответил:

— Есть такая болезнь, ученые называют ее летаргическим сном, человек спит годами, не просыпаясь. В медицинских справочниках упоминаются случаи, когда человек спал двадцать лет подряд. Но сто лет — это совсем невозможно. Даже если этому человеку давали время от времени пищу, даже если в нем было много природных сил, чтобы прожить сто лет во сне, — его тело начнет гнить долгого лежания. Такие факты в медицинских книгах не описываются. В Талмуде есть история о рабби Хони Га-Меаггеле, который проспал семьдесят лет, а когда проснулся, казалось, что с ним ничего не случилось, он даже не понял, что спал много лет.

— Расскажите эту историю, рабби, как это описывается, расскажите все подробно, я очень Вас прошу!

Он бросил на меня удивленный взгляд и спокойно начал рассказывать:

— В Гемаре, в трактате «Таанит», о праведном Хони Га-Меаггеле рассказывается такая история. Однажды он шел по дороге и увидел человека, сажающего рожковое дерево. Сказал ему: через сколько лет оно даст плоды? Тот ответил ему: через семьдесят. Сказал: неужели ты надеешься, что через семьдесят лет будешь жив и попробуешь их? — Тот сказал ему: Когда я родился, уже были плодовые деревья, которые посадил мой отец, и сейчас я сажаю деревья для своих детей. Сел Хони поесть. Напала на него дремота, и он уснул. Завалили его камни, закрыли его, чтобы никто не видел, — и так он проспал семьдесят лет. Когда проснулся, увидел, как другой человек собирает плоды с дерева. Сказал ему: это ты посадил его? — Тот ответил: это был мой отец. Хони сказал: не иначе как я проспал семьдесят лет! Он пришел к себе домой и спросил: Где сын Хони Га-Меаггеля? Сказали ему: сына уже нет, но есть внук. Сказал им: я Хони Га-Меаггель. И не поверили ему. Пошел он в дом учения и услышал, как мудрецы говорят: когда Хони Га-Меаггель входил в дом учения, он разрешал любые, самые трудные, вопросы. Сказал он им: это я — Хони. Не поверили ему, и не почтили его, и он ослабел духом, попросил у Бога милости — и умер...

Эта красивая легенда рассказывается в Гемаре. Но это только лишь легенда, притча, мораль которой в том, что человек должен работать не только для себя, но и для будущих поколений. Как следует из этой сказки, в те времена уже были известны случаи летаргии. Эта история основана на реальных событиях.

Я слушал его с большим интересом. Но мне было трудно поверить, что Хони на самом деле столько спал.

— Непонятно, зачем он просил у Бога смерти? Он мог бы продолжить жить, он мог бы быть счастливым, видя, как продолжается его учение.

— Далее в Гемаре объясняется твой вопрос. «Сказал ребе: или будь среди друзей, или умри». Человеку трудно быть одному, когда он знает, что все его друзья уже отошли в мир иной — и только он один остался в живых. Даже если он видит, что его работу по-прежнему ценят.

Холодный пот покрыл мое тело, когда я услышал эти слова, я задрожал, будто в лихорадке. Шепотом, почти неслышно, я сказал:

— Рабби, Вы говорите, что это только красивая легенда. Нет, это правда... С моим другом... С моим знакомым это случилось... Он жил... чувствовал себя отлично... мог бы жить счастливо... Но он помнит... Сначала он ничего не знал, но теперь... Он волнуется, кажется, что он помнит свою прошлую жизнь... Сто лет назад...

Рабби Эльяшив перебил меня. Он взял мои холодные дрожащие руки в свои горячие, нежные — и крепко сжал. Взглянул на меня сквозь очки и сказал:

— Господин Бен-Пеле, Вы больны. Лучше нам прекратить этот разговор. А знакомому своему скажите, чтобы выкинул из головы все эти сказки... Послушайте моего совета, — сказал он, не отпуская моих рук, глядя мне в глаза. Я немного успокоился. — Вы должны отдохнуть... Это недалеко отсюда, между Цфатом и Рош Пиной на горе Кенаан есть спокойный уголок... Город-убежище... Это лучшее место для Вас: горный воздух не слишком жаркий, там тихо. Вы сможете поработать в саду, даже полепить что-нибудь. Сможете много времени проводить на свежем воздухе, почитать книги. Только не перетрудитесь. А через некоторое время успокоитесь и придете в себя. Ааа... Знаете, что будет лучше всего? Поезжайте на недельку в «Сад любви», это Вас точно вылечит, оздоровит, освежитесь, наберетесь сил, забудете злбу и печали. Возьмите самолет — и летите туда. Умеете управлять им? Амрам Вас научит. Туда нельзя приезжать с кем-то. Не забудь взять с собой провизии, там нет покупателей и продавцов. Денег там не найдешь... Не нужно туда спешить, еще есть время, но помните: мы — Ваши верные друзья, и мы обязательно снова увидимся...

Тут вошла Мирьям. Она окинула нас изучающим взглядом и повторила последние слова мужа:

— Конечно, не спешите уезжать отсюда, ведь мы — Ваши верные друзья.

Я взглянул на эту прекрасную пару, на прекрасных людей, и почувствовал, что я больше не одинок. Тепло наполнило мое сердце.

<...>

... В большом море... В Кинерете... В горных реках... В Иордане... В мелких речушках... В прудах бассейнах. Там были написаны большие числа, я не запомнил. Было судно с рыбой, которое было посылало за границу, считали количество рыбы. Остальное съедят в Израиле, не слгазить бы, приятного аппетита!

— Ура! Ура! Наши рыболовы! — раздавались голоса тысяч людей. Голоса звучали как гром над Кинеретом, и эхо Хоранских гор вторило: «Наши рыболовы!».

Буквы исчезли, стали показывать картины тяжелого труда рыбаков, их жизни, полной геройства и мужества. Показались два портрета рыболовов, которые утонули в этом году. Послышался голос, возносящий Богу грустную молитву: «Властелин Многомилостивый»¹. Лодка в форме рыбы развернулась и быстро уплыла.

Приблизилось второе судно, на борту которого висел плакат. «Скульптура «Земледельцы» — было написано на нем огненными буквами. На полукруглом основании сильный человек склонился над плугом, вонзенным в землю, сильный верблюд изо всех сил тянет этот плуг. Внизу была яркая надпись, тоже полукругом: «Не кровопролитием мы вернули себе свои земли и страну, а собственным потом». Проектор осветил их. Они казались высеченными из иерусалимского камня. Амрам сказал:

— Это копия известной скульптуры мастера, и сейчас она находится в музее Бецалеля. Эту и другие скульптуры, которые Вы сейчас увидите, мастера «Бецалеля» сделали из папье-маше.

Эта большая скульптура, которая искрилась, как созвездие, была окружена другими, изображавшими разные виды работы на земле. Апельсиновое дерево с золотыми плодами — эмблема «Пардеса».

1 «Эль мале рахамим» — одна из основных заупокойных молитв.

Два человека несут огромную виноградную гроздь — эмблема «Кармеля», цветущее миндалевое дерево — «Шакед», оливковое дерево — «Заит», алтарь и фимиами — «Бсамим», гигантская сигара и оседлавший ее человек, тоже курящий сигару, — «Иорданские сигары», разные виды скота, который только есть в Земле Израилевой, — «Скотоводство», огромное яйцо, из которого выглядывает с петухом в руке, — «Тарнеголь», огромная блестящая пчела — «Дворим», большая бутылка из прозрачного стекла с растительным маслом — «Лекарственные растения», большой стеклянный шар, который постоянно менял цвет, — «Растительные красители», корзина, полная плодов, — «Овощи», банановое дерево, плодами которой были маленькие лампочки, — «Моз», и наконец, картина: отец учит своего сына сажать деревья, — «Союз садоводов».

Их тоже встретили восторженными возгласами, которые были слышны издали: «Да здравствуют наши земледельцы, наши кормильцы!»

К берегу подошел другой корабль, на котором было написано: «Бецалель, искусство и производство». По воде плыл золотой ковчег с херувимами на крышке. Рядом с ним стоял Бецалель — точно так же, как на фонтане, что на площади «Бецалея». Ниже золотыми буквами было написано: «Я для народа, и мой народ для меня». Прожектор осветил его своими лучами. Ковчег сверкал, как солнце. Отовсюду его окружали другие символы: эмблемы сорока ремесел, которыми занимаются в «Бецалеле». Первая — «Изобразительное искусство» — была представлена просто. Это была группа великих мастеров: архитектор рабби Эфраим Бен-Гармона, скульптор рабби Менаше Бен-Йеѓошафат, художник рабби Иеѓуда Ѓа-Зархи.

— Ура! Ура! — загремели тысячи голосов. — Да здравствует великий «Бецалель»! Да сияет его светочечно! — толпа бесновалась до тех пор, пока корабли не исчезли...

Подошло еще одно судно. «Явне» было написано на его борту. Появилась большая раскрытая книга, в ней золотыми буквами были записаны все достижения «Явне» за этот год: — открытия, новые книги, а также имена всех, кто в этом году удостоился звания «рабби». Вокруг книги были эмблемы всех подразделений «Явне».

Эмблемой музыкальной школы «Арфа Давида» была большая золотая арфа, которая играла сама по себе. Арфу везли много лодок, названные в честь разных музыкальных школ, школы «Шуламит», концертных залов, музыкальных коллективов.

Минздрав представила картину в золотых тонах: стройный всадник верхом на тощем коне, в одной руке вместо щита он держал лупу, а во второй руке — аэрозоль размером как копье. С этим грозным оружием он бросился на страшное чудовище — огромного микроба. Когда лицо всадника осветилось, люди начали смеяться, раздались голоса: «Да здравствует рабби Эльханан», «Ура!» Мои спутники объяснили, что в этом году один исследователь в Минздраве открыл новый вирус и даже нашел средство для его уничтожения — и всадник до смешного похож на него... На многих кораблях, которые сопровождали эту смешную картину, были названия многих больниц, городов-убежищ и поликлиник.

«Детский рай» представляла маленькая реалистичная картина: на деревьях росли золотистые фрукты, цвели волшебные цветы, красивые дети с венками на головах весело играли на зеленой лужайке, танцевали, пели как райские птицы. Вместе с ними было несколько учительниц. Мое сердце сильно забило: мне показалось, что женщина, которая стоящая во главе колонны, — это моя знакомая, учительница из «Рая», но эта была ниже ростом и выглядела помладше. Она походила на цветущее по весне дерево: ее локоны были рассыпаны по плечам и украшены цветами. Она все время смотрела на меня, как будто пела мне и для меня, мое сердце таяло от ее пения. Бен-Ория прошептал мне на ухо:

— Она похожа на Вашу Шуламит, но без шляпы она кажется меньше.

Дети пели хвалебную песнь Богу, который создал такой красивый мир и вернул еврейский народ на принадлежащую ему землю. Они благословляли Вождя, Санѓедрин, своих родителей и учителей, которые создали Рай для детей. Их тоненькие голоса звенели, как маленькие серебряные колокольчики, возносились к небу, в темно-голубую небесную бездну. В песне была особая прелесть, сердечность и надежда. Дети пели свою песню как молитву, их лица были полны восхищения, а глаза блестели.

Не было конца аплодисментам и восхищенным крикам. Тысячи людей кричали «Да здравствуют наши дети», им кидали цветы — хоть и видели, что цветы не долетают до удаляющихся лодок. Но все равно видно, как сильно все здесь любят детей.

Вслед за «Райским садом» плыло еще много лодок, на них были эмблемы «Еврейской матери», «Гнезда», на бортах были написаны названия многих детских садов. Потом были спортивные объединения: «Самсон», «Ѓе-Халуц», «Ѓа-Шомер», «Маккабби» — те же, что мы тогда видели в долине Бенья-

мина. На их флагах золотыми буквами было написано: «В здоровом теле — здоровый дух». В них было более миллиона участников.

Пролетели самолеты. Прожектор осветил их, они были похожи на белых парящих голубей. Они приближались к нам, разбрызгивали искры пламени, которые рассыпались по земле блестками драгоценных камней. Между искр появился большой воздушный шар, к которому была привязана веревка, а под ней — тяжелый камень. Воздушный шар остался висеть над водой. На нем написано: «Небеса — Господу, земля — людям, воздух — птицам и авиаторам»...

13.

...спускаются вниз, а гора, напротив, поднимается выше к небу. Я же чувствую себя близко и к небу, и к земле... Мой ум и сердце проясняются... К чему опутывать себя? Взгляни на столь красивый мир, созданный Богом... Все цветет, все живет, все это создано для счастья и удовольствия живущих, в том числе и для тебя... Живи, наслаждайся, люби! Это не грех, человеку запрещено мучить других и истязать себя...

Я пришел на лётную станцию, взял самолет и полетел в «Сад любви».

Многие самолеты взлетали с гор, высоко. Я летел медленно и низко, метрах в двухстах над землей, боясь разбиться. Подо мной простирался извилистый Иордан, питающий влагой сады прибрежные сады. Я не думал ни о чем, сосредоточился на вождении, боялся, что ошибусь. Я вел очень неуверенно: Амрам меня наскоро обучил, я не был опытным летчиком... Недалеко от Мертвого моря виднелись два города, обнесенных оградой, один из них сверху выглядел голубоватым от высоких кипарисов и кедров. Я вспомнил, что это место называется «Долиной духов». Другой город, по ту сторону Иордана, выглядел совершенно зеленым от множества цветов. Я опустил там возле ограды на входе в город. Это было тихое местечко. Ни один поезд, ни одна дорога не вели туда. Вход был сделан в форме красивой арки, большой, увитой плющом, а над ней цветами было написано: «Сад любви». Полукруглая стена была покрыта керамическими картинками, представляющими Адама и Еву в раю. Надпись над золотыми воротами гласила: «Это врата, ведущие к природе, люди да придут сюда». Ничего не объясняя, человек в форме сел в мой самолет аэроплан и поставил его на стоянку справа. там было уже много самолетов и велосипедов, он указал мне на одну дверь. Секретарь поинтересовался, сколько мне лет, какое мое семейное положение, где я проживаю и чем занимаюсь, он объяснил, что это нужно для статистики. Имя мое не потребовалось. Дальше он указал мне на другую дверь, на которой было написано: «Доктор». Немолодой врач извинился и попросил меня раздеться без церемоний. Я тут же раскаялся, что решил вообще прийти сюда. Но он серьезно сказал: «Брат, сделай это ряди сестер твоих». Я тут же выполнил все, что от меня требовалось. Он осмотрел меня и нашел полностью здоровым, сфотографировал на металлическую пластинку, на которой было написан мой номер, день прибытия, и вместе с маленькой голубой книжечкой передал мне. На маленькой двери, ведущей в сад, золотыми буквами было написано: «Все чисто для чистых». Я показал свое фото, и меня впустили, не сказав ни слова, я сел на первую же скамейку. Меня очень взволновали серьезные слова врача, я хотел немного успокоиться и решил почитать книгу, чтобы постичь тот особый мир, куда попал. Там было написано немного и только по делу, все очень серьезно и по-братски, как будто хороший врач дает совет своему пациенту. Книжка начиналась так:

«Брат, испей из бокала наслаждений, созданного для тебя Создателем. Но знай, что все заканчивается, когда причиняет боль другим людям».

«Воистину свободен только тот человек, который он понимает, что его ближний тоже свободен».

«Все находящиеся здесь — братья и сестры для тебя, так и называй их, и себя. Не называй других имен».

«Не стоит ни с кем знакомиться. И потом не знакомься с теми, кого встречал здесь».

«Ты можешь остаться здесь сколько пожелаешь. Но знай, что помимо приятных обязанностей, наложены на тебя и другие, более тяжелые. Спешి исполнить их!»

«Не спеши насытиться быстро, чтобы потом не проголодаться»

«Не проси отцовства, если тебя об этом не просят. А если просят, не требуй потом “прав отца”...»

И прочее в том же духе.

Далее были записаны законы сада:

«Все, что здесь — твое, твоих братьев, сестер, и твоих детей. Каждый может наслаждаться этим, сколько захочется, но приноси ничего с собой и ничего не забирай отсюда».

«Все, что здесь есть, создали наши отцы. И ты работай здесь ради своих детей».

«Не бери то, что взял ранее твой брат».

“Не входи в закрытое помещение”, и так далее. В конце был план сада, театра, дома собраний, игровых помещений, прудов для купания и ловли рыбы, спортплощадки, шатров, зеленых шалашей и фонтанов.

Лаконичный стиль зданий, больше подходящий больницам, немного расстроил меня, мне тут же захотелось вернуться назад. К тому же я чувствовал себя совершенно нелепо, ведь я нес собой очень большую сумку, там бы хватило еды на двоих на целую неделю. Но мое любопытство помешало уехать. Я взял свою корзину и пошел медленно, понунив голову.

Подошел к маленькой извиляющейся речке. На том берегу реки, вокруг холма, поросшего густыми зарослями, сидели люди. Я прошел через деревянный мост и подошел к ним. Это были молодые мужчины и женщины, они вместе гуляли среди цветов, возделывали грядки, и поливали. Один сидел в стороне в тени у реки с длинной удочкой в руке. Я со своей ношей остался стоять. Молодая женщина обратилась ко мне:

— Брат мой, зачем же ты взял с собой эту? Оставь ее в любом месте, ирп модоп, ьшедйан еороток - веверед хыворвал у юлмез ьтилхырзв ьшежомоп и ман к идох

ан илунялгзв есв — ,ее ьтаретоп ьсюоб я ,аде яом ьседз ?артсеС ...ажопсог ,юлватсо ее я еж едГ — ьтидворп янем лешоп хин зи нидО .инелмузи в янем

Мы прошли театр и вышли на широкую дорогу, по краям которой росли высокие деревья, и меж них стояли шатры, обозначенные номерами. Он привел меня к одному высокому шатру.

— Здесь пусто, оставь вещи тут. Но, брат мой, ты должен опустить завесу. Если шатер будет открытым, каждый сможет воспользоваться им.

В помещении стоял плетеный стол, висел гамак, сбоку лежал ковер, на нем подушки, стояла корзина с фруктами и кувшин, еще были мячи для игры в теннис.

— Все, что здесь — для тебя. Но ничего не бери с собой, когда будешь уходить. Зато можешь оставить то, что есть у тебя. Ну, здравствуй, брат! Пойдешь с нами? Сейчас время обеда. Искупайся в речке, а потом приходи поесть с нами, — радушно сказал этот человек и пожал мне руку.

Я остался один, начал раскладывать свои вещи, было очень удобно. Изнутри шатры тоже были украшены цветами, рисунками людей и животных. Это меня развеселило. Выше были маленькие окна, через которые отлично было видно голубое небо, наполняющие шатер светом. Я расстелил свою постель, расправил мягкий ковер и одеяла. Под одним одеялом я нашел маленькую розовую книгу, похожую на ту, что дал мне врач. Она была обращена к женщине, потому что начиналась словом «сестра»... Какая же женщина была здесь до меня? ... Мне показалось, что откуда-то повеяло духами.

Я пролистал книгу. Там было написано то же самое, что и в моей: те же самые слова, только с небольшими изменениями: «Сестра, не проси стать матерью, и даже если это произойдет, то сделай так (тут было описано средство), постарайся, чтобы не было последствий. Если же нет другой возможности стать матерью, люби того, кого полюбишь, но помни: нет красоты без здорового тела. Красота тела и красота духа связаны между собой, как тело и душа».

«Сестра, не забывай, что лежит на тебе ответственность быть матерью для детей, рожденных тобой. Мужчина более не «природный враг» для женщины. Он помощник, и он должен нести долг отцовства вместе с матерью... Не давай детей отцу, который не просил им стать».

Из книги выпала фотография женщины: молодая, красивая, с умным и приятным лицом. Кто принес ее сюда? Мать ли она? Неужели естественное желание? Мой разум пока не мог отличить эти две сущности, но мое сердце чувствовало иначе.

Я пошел к речке. Вдалеке многие купались, брызгали друг на друга водой, как шаловливые дети. Вода была глубокой, но чистой: на дне реки был виден чистый песок и зеленые спинки мелких рыбок, снующие повсюду. Вода манила своим блеском. Я развесил свою одежду рядом с остальными, надел купальный костюм и прыгнул в воду. Один из купальщиков сказал мне:

— Брат, ты стесняешься своего тела, как будто его кто-то украдет. Всякое тело обнажено под одеждой: не стесняйся природы создателя.

Тут же подплыла к нам женщина, на голове у нее была маленькая белая шляпкой.

— Давайте соревноваться, кто быстрее! — мы поплыли за ней, но не смогли догнать.

— Вернись, сестра, вернись! — кричал ей человек. — У нас непокрыты головы, солнце печет, — он доплыл до берега, вышел и сел в тени, я подплыл к нему, женщина тоже, довольная и радостная.

— Хватит мне: я очень голодна, еще немного и съем тебя — сказала женщина, смеясь, — идемте, братья мои: у меня много вкусной еды, поедим вместе.

Она вышла из воды и легко побежала по берегу. Ее мокрое бело-розовое тело светилось на солнце. Она походила на чудесную статую на зеленой лужайке. Она вытерлась широким полотенцем, из-за прохлады немного дрожа, и крикнула:

— Где же вы? Идите сюда!

Я долго искал свою одежду, оделся и вышел к ней, смутившись.

— Где ты был так долго, брат? Мы уже почти все без тебя съели. Иди же, это я тебе оставила. Рукой протянула она мне хлеб с маслом и фрукты. Они оба сидели полуголые. Как малые дети, мы накинулись на большие яблоки. Неожиданно меня охватила радость. Я сидел с ними на зеленой лужайке, с аппетитом ел вкусный хлеб.

— Что здесь, сестра? — спросил я ее и указал на бутылку, — дай и мне вина.

— Вино? Вино в «Саду любви»? Тут не пьют вина. Знаешь ли ты, что сказала наша красавица Суламифь? «Да лобзает он меня лобзанием уст своих! Ибо ласки твои лучше вина»¹. Так она сказала и поцеловала своего друга. Я вспомнил свою Шуламиту... И показался себе грешником. Тяжесть навалилась на мое сердце.

— Не печалься, брат мой: много у нас красивых женщин. Поищи их среди цветов, посмотри, как они будут танцевать в лунном свете, где воды Иордана питают цветы. Там ты найдешь ту, которую любит душа твоя, там выпьешь божественного вина! — закончила она свои речи и поцеловала своего друга.

Они позвали меня ловить рыбу. Я поблагодарил, но не пошел. Мои губы вспомнили поцелуй моей Шуламиту... Меня охватила грусть, я не мог устоять на одном месте... Ноги сами понесли меня искать, искать... Я сам не знал, кого или что...

Под каждый нежным деревцем, в тени среди цветов были пары, или группы мужчин и женщин. Молодых людей было мало. Самому молодому было не менее двадцати с небольшим. Но пятидесятилетних и старше было еще меньше. Женщин было больше, чем мужчин. Возле одной пары было много голубей и остальных птиц. Они бросали птицам крошки, а те ловили и приближались к людям совсем без страха. Один голубь клевал прямо из руки женщины. Я понял, почему так много птиц в «Саду любви»... В одном маленьком тихом уголке, среди роз, полулежал мужчина и читал вслух по тетради. Возле него были и другие люди, в разных положениях, и внимательно его слушали. Одна женщина лежала, положив голову ему на колени и разглядывая его губы. Невдалеке лежал другой человек, в широкополой шляпе, и что-то быстро рисовал... На холме возле воды, возле дороги, по которой я медленно шел, занятый своими мыслями, я увидел уже немолодого человека, который дремал, облокотившись на дерево, а к нему прильнула очень молодая женщина, спящая сладким сном. Лицо мужчины было серьезным и умным. Слегка нахмуренные брови, высокий открытый лоб, изборожденный морщинами, длинные слегка вьющиеся волосы, в которых уже появилась седина, длинная, начинающая сесть борода... Это был мыслитель, возвышенный человек. Такие лица чаще встречаются не в жизни, а на полотнах великих художников... Возле него она выглядела как девочка, я почувствовал, что она любит и поддерживает его, она его муза. Кто знает? Может быть, так и есть, может, она дает ему сил, своими детскими руками помогает ему торить дорогу? Рядом с ними лежала открытая книга, это были стихи.

Я стоял там, как прикованный, боялся их разбудить... Мои губы благословляли их:

— Благословен ты, старик, сохранивший юность в старости, и благословенна ты, девочка, горячим сердцем чувствующая молодость под внешне холодным лицом»

Я ушел оттуда на цыпочках.

За рекой, на маленьком холме, среди зеленых бананов, высоких кипарисов, тонких финиковых пальм, цветов, стоял круглый дворец, покрытый драгоценными камнями. На его широкой галерее был ряд красных столбов, увенчанных позолоченными коронами. На стенах виднелись фрески. Высокий круглый купол, из цветного стекла, был как светящаяся полусфера. На вершине ее целовались двое голубей, на балюстраде верхнего балкона было еще несколько изваяний голубей — они были как живые. Мраморные широкие ступени точно звали взойти по ним и пройти в открытую дверь. Я прошел по выпуклому мостику, поднялся во дворец, обошел его, рассмотрел фрески. Там были нарисованы города

1 Песнь Песней 1:1

Израиля, и за украшениями из цветов — лица великих людей. Сердце наполняется гордостью, когда видишь эти красивые города, которые мы построили, величие духа всего народа. Почувствовал я, что я часть великого народа, и не могу забыть этого, не могу не чувствовать свою человеческую ценность, не могу унижить ближнего...

Я вошел во дворец.

Вокруг стен стояли широкие кресла, диваны, мягкие, на них расшитые покрывала. Выше стены были расписаны фресками. Блестящий пол сверкал как зеркало. Еще выше, вокруг стен балкон с позолоченными перилами, разделенный на части. Помещение освещалось сверху, через цветные стекла, которые казались шелковым абажуром, и комната была полна волшебного света. На стенах яркими красками были нарисованы иллюстрации к «Песни песней». Картины были заключены в рамки из виноградных лоз, гранатов, финиковых листьев и цитрусов. Под каждой картиной был стих из «Песни песней», подходящий к ее содержанию.

«Да лобзает он меня лобзанием уст своих!» — было подписано под первой. На ней под голубым небом Иерусалима, меж виноградников и фиговых деревьев, стоял царь Соломон, одетый в блестящие шелковые одежды, на голове его расшитый золотой тюрбан, с двух сторон — кудрявые черные пряди с нитями серебра, на одухотворенном и бледном лице — царственное величие, большие черные глаза, огнем горят и смотрят на маленькую темнокожую пастушку, простирающую к нему свои руки, у нее светлое лицо, полное любви и нежности, она вся сверкает... Смуглое лицо раздурманилось, глаза полуприкрыты, губы нежны, красны как пурпур, чуть открыты... Ее зубы блестят как стадо овец, выходящих из купальни. Она тянется к его губам, и они слаще, чем вино из Эйн-Геди...

«Поцелуй» обязательно есть на всех картинах, иллюстрирующих нашу древнейшую поэму о любви — «Песнь песней», нашу святыню, песнь победы чистой любви, которой оказался покорен даже мудрейший... Картины были чисты и невинны, полны цветущей жизни, природной любви, не скрывали ничего, были чисты как аромат благовоний, которые создал Господь по мудрости своей, в этом прекрасном мире...

Как в розовом благовонном тумане, я шел от картины к картине, и не мог оторвать глаз от чудес, в ту минуту, как упал луч солнца через разноцветное стекло на одну из картин... «Суламифь! Суламифь!» — Шептали мои высохшие губы. Как пьяный, вышел я пройтись из дворца «Песни песней».

С широких ступеней лестницы, среди темных теней деревьев, я увидел Мертвое море, тихое и молчащее. Вышла луна, поплыла спокойно над горами далеко за морем. Вся природа стихла, погрузилась в думы, была полна тоски. Во мне против моей воле что-то загорелось, душа моя томилась... Почему? Господь знает!... Почему же Он далек, непонятно, и так не может быть, он лучезарен, не может быть, чтобы он больше не вернулся...

Я медленно иду, и послышался мне тихая мелодия, грустная. Луна вслушивается вместе со мной... Звезды скорбят.

По течению реки плыла маленькая лодка, медленно-медленно. Бумажный фонарик красным светом освещает двух людей в лодке, которые прильнули друг к другу, как голуби... Среди ветвей деревьев раздаются нежные звуки мандолины. Красивый баритон пел серенаду молоденькой девушке, его любимой, которая словно раскрыла перед ним небесные врата... Над головой у меня соловей запел свою вечную песнь любви. Сердце разгорячилось... Как же я тоскую сердцем по любящему человеку... И тут я вспомнил пламенный поцелуй на своих губах. И услышал слова: «Поцелуй меня в губы, я ведь люблю тебя»...

Я рассеянно пошел к театру.

На входе висело объявление:

«Песнь песней Соломона», сценическая версия Бен Тамара, декорации — Отниэля, в постановке участвуют гости сада». Оказалось, я вошел в середине спектакля, шедшего в театре. Свет лился сверху, но белого света было недостаточно... Боясь нарушить тишину, я сел на ближайшее свободное место.

На сцене была маленькая комната со сводом. Из маленького окна лился лунный свет, который образовал на полу прямоугольное пятно — оно распадалось на несколько темных квадратов, — в углу горел маленький фарфоровый светильник, освещавший красноватым светом низкое ложе, покрытое пестрым ковром, и на нем лежит обнаженная Суламифь... На сцене царит тишина. Я посмотрел направо, там сидела стройную женщину с черными слегка вьющимися волосами. Ее обнаженные руки лежали на подлокотниках, она полностью погружена в действие, которое происходит на сцене. Волосы красиво прикрывают лицо.

Тень человека промелькнула за окном на сцене, послышался слабый, дрожащий голос:

— Открой мне, сестра моя, дорогая моя, голубка моя, красавица моя! Голова моя покрыта росой, пряди волос — ночной влагой!

Суламифь пошевелилась на ложе и как будто очнулась ото сна:

— Я сняла покрывало, как же вновь я его накину? Я вымыла ноги свои, как же марать их?

Тень еще стояла возле окна, потом тихо исчезла.

Женщина, сидящая справа от меня, подняла белую руку и откинула волосы с лица, но они вновь легли на ее лоб.

Почему же мое сердце так забилося?

В отверстии на двери появилась мужская рука с широким браслетом и блестящим кольцом, она попробовала открыть засов... Суламифь приподнялась на постели, посмотрела на дверь и на руку, пытающуюся открыть ее, пока та не исчезла... Вдох вырвался из ее груди. Она встала с постели и поспешила одеться.

Женщина возле меня слегка задрожала, поглубже закуталась в белый платок, вышитый серебряными нитями, я увидел ее лицо.... Невероятная радость охватила мою душу. Я вскочил с места, снова сел, сердце бешено билось, все сильнее и сильнее... С великим трудом я удержался, чтобы не схватить ее, не прижаться к ней.

Моя Шуламит сидела возле меня!...

На дрожащих ногах, быстрыми шагами, закутанная в покрывало, поспешила Суламифь к двери, открыла засов дрожащей рукой, стала беспокойно искать его.

— Где ты, мой любимый, где? — раздавался ее приятный и встревоженный голос, она выбежала на улицу, стала искать.

У меня больше не было сил сдерживаться. Я схватил мою Шуламит за руку... Она оглянулась, обернулась ко мне, замерла на минуту, а потом упала мне на грудь....

Мы сидим вдвоем, на кресле, обнявшись. Мы молчим. Нельзя говорить, когда душа погружена в море счастья. Я не знаю, сколько времени сидели мы так: время остановилось... Мы были над временем...

На сцене сменились декорации. Природа. Ночная луна, Суламифь бежит, закутавшись в плащ. Вдалеке светятся очертания Иерусалима. Вот темная стена. Стражи обходят город с мечами и факелами в руках, они идут ей навстречу.

Моя Шуламит вскочила с места, направилась к двери. Я пошел за ней, как будто невидимая нить связывала нас... Снаружи тоже светила луна... Мне казалось, что от меня бежит та же Суламифь, что и на сцене...

Еле-еле я ее догнал. Она схватила меня за руки...

— Влеки меня, я побегу за тобою!¹ — сказала Шуламит.

Несколько шатров показались предо мной. Я привел ее к одному из них.

— Друг мой, здесь опущен занавес, сюда нельзя входить.

— Это мой шатер, входи, голубка моя, я все приготовил. Я пришел сюда утром. Весь день я искал тебя, моя душа неслась к тебе. Я искал тебя и не находил. И вдруг ты появляешься, словно с неба... — так я сказал, целуя ее маленькие руки, и ввел ее в шатер.

Она, уставшая, смотрела на меня, упала мне на грудь, целовала меня в губы, обнимала, кружилась вместе со мной по шатру, пока не закружилась голова, упала на ковер, потянула меня к себе...

Она лежала в моих руках как ребенок и шептала:

— Я вчера тебя видела... Я не могла удержаться. Я просила, чтобы меня с детьми отправили на праздник огней... Я умоляла — и в конце концов мне уступили. Я так хотела подойти к тебе... И на празднике огней в Тверии видела я тебя... Я пела... Я чувствовала, что мой чужак.... Нет! Ты больше не чужеземец здесь, ты мой брат, ты здесь. Я увидела тебя, узнала тебя, пела тебе. Неужели ты ничего не почувствовал?.. Мне хотелось подбежать к тебе, но должна была остаться с детьми. Не могла уснуть всю ночь... Я уснула только с рассветом, встала поздно, поехала к «Башне» искать тебя. Мне сказали, что вы уже вернулись в Иерусалим. Я искала и нашли семью Бен-Ории, добрая женщина послала меня сюда. Как безумная, я примчалась сюда на велосипеде, и вот без сил очутилась я тут... Бог заглянул в мои глаза, сжалился надо мной — и направил меня напрямиком в театр.

1 Песнь песней 1:3

Я поцеловал ее в губы... Длинный поцелуй, длинный, страстный... Наши глаза были закрыты...

— Голубка моя, как же ты устала, измучилась! И все ради меня, дай я расцелую все твоё тело... Эти руки... Эти пальцы... Вот этот мизинец еще не поцеловал я... — Она смеется, обдавая меня жаром.

Она смеется, обжигая меня глазами своими. О, глаза! Они и услаждают, и причиняют боль... Нет сил, нет слов рассказать, как же она красива! Ее глаза манят своей глубиной, она спалит меня этим пламенем....

Обнявшись, мы спали как одно целое... Это был даже не сон, мы парили в золотых мечтах, где все любят и любимы...

— Подкрепи меня вином, освежи меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви¹...

Я встал и открыл перед ней коробку.

— Кушай, голубка моя, видишь, сколько всего я тебе приготовил.

— О, так много! Сколько же дней мы здесь будем?

— Восемь дней будет здесь вместе, дорогая! Нет, вечно! Больше я не исчезну, не покину тебя, вместе мы будем счастливы, голубка моя.

Она внимательно взглянула на меня, но ничего не ответила, только крепко меня поцеловала и сказала:

— Ты как маленький! А борода уже отросла... — она потянула меня за бороду, — тебя одного мне достаточно.... Я уже насытилась. Убери сумку, потуши свет, и ложись, поцелуемся, сон накрывает меня. Приди ко мне, дорогой мой, холодно ночью в шатре.

... Я заснул. Сон был крепок и приятен, как у здорового ребенка, засыпающего на груди у матери...

Пора вставать! Уже поднялось солнце, — разбудила она меня поцелуем в глаза...

— Голубка моя, любимая моя! Как же ты красива! Отведи от меня взгляд, а то я ослепну...

— Пора вставать, пора... Хватит спать, посмотри в окно. Небо загорается, звезды гаснут... Поцелуй меня в глаза, в губы... Целуй! Нет, не надо, так ты меня задушишь! Дай мне одеться... Солнце уже взошло.

Розово-золотистый лучик солнца проник в окно, осветил ее смеющееся лицо, отражающее бесконечное счастье.

Как же хорошо! Снова я поверил в свое счастье, это я прочел в ее глазах.

До обеда мы словно были во сне, в таком сладком сне, где все возможно, где не течет время, где каждую минуту чувствуешь бесконечное счастье, и каждое мгновение дарит счастливую вечность....

В тени, на мягкой траве, мы с аппетитом пообедали, потом пошли купаться...

<...>

16.

Мы поднимаемся по горам, спускаемся в долины, я уже не чувствую земли под ногами, как будто мы не идем вовсе, а летим. Я крепко держу руку своего учителя, пытаюсь успеть за ним. Я ничего не чувствую, кроме ветра, дующего в лицо, словно мчусь с горы на велосипеде, как в давние времена. Дыхание замирает.

— Где мы?

— В горах Иудейских. Видишь — вон там Мертвое море.

— Мы ведь близко к Иерусалиму, почему же не слышно стрельбы? Неужели город уже взят?

— Иерусалим был освобожден уже как тысячу лет. После мировой войны прошла тысяча лет.

— Тысяча? Это целая эра для смертного человека! Мои глаза не смогут это увидеть, мой мозг — понять, а сердце — почувствовать такое изменение.

— Ты увидишь, поймешь и почувствуешь, если сбросишь грязные будничные одежды, если взглянешь открытыми глазами на мир, созданным Богом, освободишь голову от тысячелетней грязи, портящей тебя, очистишь свое сердце... Когда художник смотрит на великолепный пейзаж, он не чувствует, как пейзаж далек от него. Художник видит перед собой только мир, сотворенный Господом... Для Бога тысяча лет — как один день...

1 Песнь Песней 2:5

- Учитель мой, наставник, скажи мне, кто же сейчас живет в Земле Израилевой? Евреи?
- Дети Израиля. Их называют детьми Адама, и все они от единого Бога.
- А страна и сейчас называется Землей Израилевой?
- Это ее историческое имя. Сейчас называют ее Страной цветов: она славится цветами и садами, в ней процветают искусство и наука. Это страна, где все возродилось, Страна чудес.
- Куда ты ведешь меня?
- В Святая святых этой земли, там живут праведники, которые по собственному желанию уступили свое место более молодым собратьям, — в «Долину духов».
- А «Сад любви» отсюда далеко?
- От «Сада любви» до «Долины духов» один шаг.
- Учитель мой, мое сердце боится, боится это долины. Лучше покажи мне настоящую жизнь?
- Свет «доброй» жизни ослепит твои глаза, привыкшие к серости и тьме, они не вынесут этого света... Ты еще поймешь, что такое «красивая смерть». Если сердце боится, оно не почувствует всю сладость «поцелуя смерти», но разум тут же поймет, почему они не боятся смерти... Мы, сыны Израиля, уже давно поняли это. Поцелуй смерти у нас считается смертью, которой достойны немногие. Слышал ли ты знаменитую легенду?... Далеко-далеко, за Горами тьмы, в месте, где бурный Самбатион швыряет камни, есть красивый город, и имя ему — Луз. В городе том живут дети Моисея. В городе том никто не умирает, а если кто-то устал от жизни и хочет умереть, он выходит из города, садится на большой камень, над которым властен Ангел смерти, — и тот забирает его... Они умирают, когда сами хотят этого... И нет никого, кто бы однажды не захотел этого.
- А когда хотят умереть дети этого поколения? Бывает, что люди умирают против воли, как у нас?
- У вас люди умирали против воли в жестоких войнах, на кострах, на заводах, в погоне за богатством, в эпидемиях, которые охватывали земли по разным причинам, в болезнях, разных и странных, и люди не могли защититься от них... Только четвертая часть умирающих уходила из жизни по естественным причинам, от старости. Защититься от нее вы тоже не умели, она приходила преждевременно. В ваши дни человек начинал умирать с рождения из-за болезней, которые начались еще с праотцов и мучили вас из поколения в поколение... Сейчас люди умеют продлевать свои дни и жить долго, как Мафусаил, который умер, как гаснет светильник, в котором закончилось масло. Но нет человека, который бы просил долгой жизни в дряхлости. Когда светильник перестает давать чистый свет, в нем нет больше пользы, она начинает смердеть... Поэтому люди уходят в «Долину духов» — чтобы не портить воздух... Конечно, время умереть для каждого свое: у простых людей — спустя несколько сотен лет. Но есть у нас люди великие, крепкие духом — они живут дольше, насколько хватит их сил. Но в конце концов все оставляют место свежим силам — молодым.
- Наверное, людей сейчас очень много, и земля не может их прокормить? Поэтому Господь иногда посылает эпидемии или войны.
- Это не так! Точно так же неверно, что Господь посылал вам эпидемии — а вы убивали друг друга ради блага человечества. Это только следствие вашей глупости. Земля всегда могла обеспечить потребности людей, только вы не умели правильно ее обрабатывать и возделывали лишь малую ее часть. К тому же, вы не умели производить из плодов земли еду для людей и животных химическим способом. Сейчас в стране в сто раз больше животных, чем в ваши дни, — и этого хватит для удовлетворения здоровых потребностей людей.
- Но наступит время, когда одной земли будет недостаточно?!
- Чего бояться! Это уже не страшно. Люди уже не воюют за землю, а через несколько тысяч лет они придумают, как сделать так, чтобы никогда не было у них недостатка в пище.
- Как? Если мало умирающих, а живые умеют продлевать свои дни, то количество людей должно было возрасти многократно!
- Не каждый обязан и не каждый хочет создать новое поколение «по своему образу и подобию». Эта обязанность возложена только на глав человечества, только на тех, на кого мы сами хотим быть похожими. Вначале только больные телом и духом сопротивлялись этому. Но в конце концов благодаря этой политике в стране удалось искоренить болезни. Потом было прекращено размножение слабых, бездарных и просто некрасивых. Сейчас рождаются дети только с чистой кровью, чье тело и дух совершенны.
- Так, как у нас поступали когда-то со скотом и лошадьми?
- Ранее люди обращались с животными лучше и умнее, чем с собственными братьями. Людей уби-

вали с чудовищной жестокостью — а ведь уже существовали общества «Защиты животных», и тысячи учреждений, которые занимались селекцией и евгеникой. Им удалось вывести разные породы лошадей и остальных животных согласно потребностям торговли.

— Разве можно сравнивать человека с животным? Ведь кроме потребности улучшить породу, у каждого есть естественные родительские чувства.

— Но и сейчас родительские чувства существуют. Наоборот, люди находят невероятное удовлетворение в том, что воспитывают тысячи здоровых, красивых, талантливых детей, а дети наслаждаются любовью тысяч умных и неэгоистичных родителей... Известный факт, что ни один гений не был единственным ребенком в семье, доказывает, как вредна неумеренная родительская любовь: она не позволяла создать высший тип человека.

— Но ведь каждая женщина создана для того, чтобы стать матерью, и природа подготовила ее тело к этому?

— Природа щедрой рукой наделяет человека силами к размножению. Но никогда не могли мужчина и женщина использовать все свои силы только для размножения, чтобы это не повредило ни их здоровью, ни всему человечеству. Наоборот: они хотели только часть своих сил направить на продолжение рода... И сейчас никто не страдает от того, что он не может использовать этот дар на создание новой расы и произвести потомство... Как не вредит человеку и то, что он не использует для выживания свои ногти и острые зубы, которые природа ему однажды дала... Человечеству идет только на пользу то, что обязанность размножения возложена на избранных, достойных, на тех, кого размножить желательно. Дети этого поколения не порицают отцов и матерей.

— Я вижу, что у них каждый живет ради общества. Разве это возможно?

— Это естественный закон. Даже жизнь растения становится лучше, если вокруг него растет много похожих трав. Одинокая травинка, растущая на песке, быстро теряет жизнь.

— Если так, то, наверняка, теряется индивидуальность, каждый похож на другого, как травы друг на друга? Разве это не шаг назад? Ведь так человечество не сможет продвигаться дальше, развиваться. Жизнь среди таких людей должна быть печальна, скучна и холодна.

— Ошибаешься, сын мой: среди наших людей много великих индивидуальностей, их дальше больше, чем в твоё время. Тогда были в основном разные сумасброды... Не все травы одинаково сильны, не у всех цветов одинаковый запах, не все они одного размера. Каждый человек творит себе маленький прекрасный мир, устроенный по его вкусу и по потребностям. Но человек должен понимать, что его пространство не должно мешать остальным. Только таким образом может человек быть уверенным, что никто не вторгнется в его мир...

— И что это за сила, наставляющая их жить силами добра? Удерживающая их от удовольствий, которые вредят другим? Есть ли у них писанные законы, полиция, следящие за исполнением этих законов?

— Законы не записаны в книгу, и потому они не нуждаются в полиции, которая бы следила за их исполнением ради всеобщего блага. Еще с молоком матери впитывают дети правила, отмеченные человеческим гением. В твоё время, например, не было необходимости запрещать есть мясо человеческое — а запреты «не воруй, не убивай» надо было ввести... Воспитание, в особенности окружение, закладывают эти законы глубоко-глубоко, в самое сердце человека, пока это не становится естественной склонностью — человек просто не может жить по-другому. И еще: вера в мир грядущий, в расплату и наказание так глубоко лежит в сердцах, что не найдешь человека слабого, который бы решил пожертвовать грядущим счастьем ради мелкого частного удовольствия.

— Мир грядущий? Расплата и наказание? Наши ученые не верят в это вообще, они говорят, что эти вещи создали только для простого народа, для темных людей.

— Если понятия «мира грядущего», «награды и наказания» толковать в общепринятом смысле — как это делало большинство в твоё время, конечно, ваши ученые будут правы. Если верить, что «будущий мир» — это когда после смерти тело снова воскресает, причем в той же одежде, — и человек «перекатится» в Землю Израилеву, — это всего лишь выдумки для утешения темной массы, чтобы простецы не боялись смерти и возвращения в Землю Израилеву... Если верить, что «награда» праведного в том, что Господь одарит его тремястамидесятью мирами, семью невестами, восемью платьями, двумя коронами, четырьмя молочными реками, вином, медом и хурмой, что ему достанется лучший кусок Левиафана и Дикого Быка — то очевидно, что грядущий мир представляется таким плотским, его выдумали голодные униженные люди, у которых отобрали родину и власть, которые живут горькой жизнью в изгнании и мучаются до самой смерти... Если понимать «наказание» так: пять разных видов огня, тело поливают кипящей смолой жгут горячей

серой, его подвешивают за органы, которыми человек грешил, и так далее — то очевидно, что это тоже выдумано для темной массы, которая не в силах понять, что грех сам по себе плох и горек... Уже в твоё время находились способные люди с широким кругозором, которые понимали возвышенные идеи как они есть.

— Как же сейчас понимают «грядущий мир», «награду и наказание»?

— Каждый знает, что его все поступки — и добрые, и злые — остаются после смерти, плата за исполненную заповедь — исполненная заповедь, за преступление — преступление, ещё при жизни люди получают удовольствие от совершения в добрых поступков, от которых будет польза и для будущих поколений. И испытывают адские муки от осознания своих дурных поступков, которые принесут вред потомкам...

— Значит, каждый человек сам назначает себе награду и наказание?

— Именно. Человек не может принести счастье или горе ближнему. Каждый сам вознаграждает свою душу, если он человек.

— Как умирают в «Долине духов»? Это место походит на наши богадельни, куда приходят пожилые люди, чтобы спокойно провести остаток дней?

— В «Долине духов» не живут долго. Туда приходят не чтобы жить, а чтобы умереть. Туда приходят тогда, когда жизнь не задаёт новых вопросов и не даёт новых ответов, и когда люди живут не жизнью, а воспоминаниями молодости... Два конца жизни соединены, круг завершён. Наступили дни, когда уже ничего не хочется и некуда стремиться: тело ослабло, ему сложно выполнять обычные дела, наслаждение от жизни пропало, тело просит отдыха: смерть — это отдых.

— Но что они делают в «Долине духов» в дни перед самой смертью? Как ищут смерти? Что это такое — «поцелуй смерти»?

— У старого человека ослаблена память. Но он сохраняет воспоминания из лучших своих лет. Поэтому старики любят больше всего то, что случилось в их лучшие годы, что волновало их, например: великая идея, которую они создали, книга, которую написали, картина, мелодия, любовь к женщине и так далее. Эти воспоминания люди приносят в «Долину духов» и с ними идут последний путь. Человек переносит себя в воспоминания, проводит в них последние часы. Все, что осталось, от оставляет в музеях и библиотеках Долины, а потом идет к тому бессмертию, которое кроется в Долине, собирает ароматные цветы, которые для этого и были посажены, ложится на чёрный камень на берегу реки, прозванный «последний покой», и сам себе возлагает цветы. Сладкие запахи возносятся от цветов, как фимиам над алтарем, они поднимают мысли и душу человека к высшим мирам, откуда не возвращаются. И на чёрном камне остается только холодное тело и на губах легкая улыбка вечного счастья.

— А что делают с телом? Кто заботится о похоронах? Есть ли у вас погребальные братства? Или же старики, ждущие своей очереди, хоронят только что умерших?

— Живые не погребают мертвых. В той долине вообще нет живых.

<...>

17.

.... Все смотрела она на горы Моавские, возвышающиеся по ту сторону Мертвого моря: их хорошо видно с башни «Бецалея»... Она стояла молча, не двигаясь, как будто не кипит и не бурлит вокруг жизнь. Как будто не видит она нас... Мы тоже на мгновение забыли о ней... Но вдруг все очнулись, как будто ток пробежал по телу... Все посмотрели на нее, прекратили спорить и застыли мы, держа в руках бокалы вина — и не подносили их ко рту... Она стояла возле семисвечника, на фоне голубого иерусалимского неба, усеянного золотыми звездами. Она была неподвижна, как высокая мраморная статуя, в длинном белом платье, и только большие красивые глаза сверкали на бледном лице. Протянула она руку к горам, смотря поверх нас, куда-то вдаль, и сильным мелодичным голосом, от всего сердца, воскликнула:

— Эти заброшенные горы снова оживут!... Наша древняя страна помолодеет благодаря молодым своим сынам... Наша красивая и святая страна, покинутая, пустующая, все еще ждет возвращения своих преданных детей... Даже в дни долгого и темного изгнания мы не забыли ее... Земля Израилева — это наша душа, а без души нет жизни. «Аще забуду тебя, Иерусалим, отсохнет десница моя!»¹, — так клялись отцы

1 Псалмы 137:5

наши, покидая страну эту тысячи лет назад. Клятвой этой клянемся и мы, лучшие из их внуков, разбросанные по всему свету, влачащие бремя изгнания. Мы поклялись не забыть Иерусалим, поклялись быть вместе с нашим народом, преследуемым и мучимым!.. Мы свято помним и исполним наши святые клятвы! Страдания наши, которые длились тысячи лет в изгнании, закалили нас и дали нам право на существование, право быть народом. Муки приняли мы от всех народов, наша кровь проливалась в каждом поколении, кровопролития сопровождали весь наш долгий путь. Почему мы все это вынесли? Разве не из-за надежды вернуться и быть свободным народом? Страдали и надеялись, что придет Мессия. Но избавление — не дело рук одного человека... Избавление придет тогда, когда весь народ будет как человек... Объединяйтесь! Евреи всех стран — объединяйтесь! Объединимся, станем сильнее, — и тогда придет избавление!.. Не освободится народ одними пожертвованиями богачей Вставай, народ! Боритесь в любом месте, где находитесь, боритесь за права, за государство, в котором живете. И достигнете всех прав, и будете народом, который своими руками себя спасет, — и так вернетесь на древнюю родину... Придет день — Земля Израилева будет принадлежать еврейскому народу, потому что она — его! Человечество не поверит, что красивая Земля Израилева, которая прежде текла молоком и медом, где родились святые пророки, — когда-то прозябала под властью деспотов-чужеземцев... И что оттого что другие народы тоже претендовали на нее, она была разрушена до основания... Только мы, преданные дети, можем оживить ее. Только мы можем желать камней этой страны, полюбим ее прах, осушим ее болота, возделаем ее каменистую почву в поте лица, пока страна Израиля не расцветет, как когда-то. И будет она нам любящей матерью. И устремятся к ней все ее дети, дальние, ближние, со всех концов земли, и не будут больше скитаться, не будем бы больше жить рядом с другими народами. Заживем полной жизнью в земле наших отцов, будем единым народом. И снова станем светочем для гоев, станем лучезарной звездой, светящей с востока!..

Она умолкла и снова устремила взгляд вдаль, как будто ничего не случилось. Воцарилась воистину божественная тишина. Мы были заморожены ее голосом, произносящим пламенные речи, которые глубоко тронули наши сердца...

Кем была эта женщина? Пророчицей? Или сумасшедшей?.. И кто мы все? Разве не безумцы мы, что еще не перестали верить в том, что народ Израиля жив, что этот слабый и хрупкий народ, который еще носит в сердце возвышенную идею «возлюбить ближнего своего», оживет и расцветет среди сильных народов, жаждущих нашей крови?... Или может быть, потому что мы дети пророков, и поэтому мы несем всем народам святое наших пророков и провидцев?..

Я не могу вспомнить имени и фамилии этой слабой женщины, этой героини... Я помню только, что имя у нее было русское, но она и была преданной дочерью своего народа, и немного таких, таких, как она!.. Жива ли она еще? Я слышал, кажется, что она умерла. Да, да, она умерла за свободу, в труде, пробуждая народ Израиля от сна... Она не смогла дожить даже до мук, предвещающих мессиянские времена... Мы оказались счастливее: мы дожили до этого времени, мы чувствуем эти муки на своей шкуре... Но кто из нас удостоится дожить до конца?... Я вспомнил, что нам сегодня рассказывали: из первой партии по пути в Дамаск умерли шестеро, более трети умерли в зараженной тюрьме в Дамаске. Многие из них уже опасно больны... Каждый день умирает кто-то еще... Снова охватил меня холод... Страх смерти... Не от поцелуя смерти умирают в турецких тюрьмах. Там и жизнь «прекрасна», и смерть «чудесна»...

Вдруг светильник погас. Остался только красненький огонек, но и он быстро потух. Я попытался закутаться в плащ, отгородиться от спящих товарищей. Только ноги никак не мог выпрямить: не было место. Я лежал и думал, как бы мне не разбудить остальных. Сон покинул меня, и я не мог уснуть. Быстрее, быстрее на свободу! Когда наконец наступит завтрашний день? Как долго длится эта ночь!...

Они все спят. Я лежал и слушал тишину смерти... Что это? Кто-то стонет? Кто это может быть? Похоже на плач больного ребенка... Звук шел из женской части нашей тюрьмы.

Время от времени из уст моих товарищей вывались стоны, кто-то чесался. Клопы! Еще немного, и упадут на меня... Моя старая болезнь снова дала о себе знать: я опять вспомнил, что такое лихорадка... Жарко, душно. Холодный пот покрывает мой лоб. Когда закончится эта ночь?.. Накинул плащ, почувствовал холодный ветер, который дул из разбитых окон. Спина горит. Я не могу повернуться на бок. Голова как будто пустая, мысли путаются. Кажется, что у меня на плечах не моя голова, а чужая, ужасная... Когда закончится эта страшная ночь?..

Наконец, мои глаза сомкнулись. Я ненадолго уснул. Неожиданно меня разбудили: мне на ноги во сне навалился спящий товарищ. С трудом я вытащил ноги, подобрал их под себя...

Из окон в комнату лился темный свет и утренняя прохлада. Мне холодно, я чувствую боль в спине, тупая боль, которая не прекращается, не отпускает ни на минуту. Я закутываюсь потеплее, закрываю все тело... Силы покидают меня, еще немного — и я упаду в обморок. Пол подо мной, вся комната — все задвигалось, стало вращаться... И вдруг светлое видение, как облако, явилось нам, простерлось над спящими. Кто-то подошел ко мне, наклонился над моей головой — и по телу пробежало тепло... Я услышал сладостный голос моего учителя, говоривший:

— Вставай, сын мой. Омой руки и произнеси благословения «За то, что мы дожили»... В этот час освобожден Иерусалим!..

Хочу я встать — но не могу пошевелиться... Я кричу, и нет голоса в моих устах...

— Встань и иди к своему народу! И расскажи братьям своим о снах, что я показал тебе. Теперь тебя поймут!.. «Когда Господь возвращал пленников Сиона, мы были как во сне» ... Вставай, сын мой, и иди!..

И протянул он горячую руку, и дотронулся до мокрого от пота лба, все завертелось подо мной. С трудом прошептали мои губы: «Иерусалим». И он растворился...

В понедельник вечером, когда мы вышли на свободу, нам по секрету рассказали: вчера ночью англичане вошли в Иерусалим...

Цфат, ав 5678, август 1918.